thriller

Питер
Джеймс

Антихрист

Джон и Сьюзан Картер, дела которых, казалось бы, шли неплохо, неожиданно попадают в финансовую яму. И вдруг, словно по заказу, им поступает очень выгодное, но щекотливое предложение – родить суррогатного ребенка для богатого и влиятельного мистера Сароцини. Предложение, как ясно супругам, чревато многими сложностями. Однако, страшась абсолютно реальных проблем, они не подозревают, в какие ирреальные обстоятельства попали.

1997

ru
en

А.
В.
Белоруссов

thriller

Peter
James

The Truth
1997
en

BookMustBeFree

ExportToFB21, FB Editor v2.0, AlReader2
19.04.2009
lib.rus.ec
Либрусек
B933A5AF-A485-447F-BF1A-FDA31A111FF6
2.0

V 1.0 – создание файла
V 2.0 – окончательная вычитка

Питер Джеймс «Антихрист»

Центрполиграф
М.
2008
978-5-9524-3707-4

Peter
James
The Truth

Питер Джеймс
Антихрист

Благодарности

Я должен выразить свою огромную признательность Роберту Берду из Королевского хирургического колледжа, а также Фелисити Берд, Энди Холиеру, Брюсу Катцу и Сью Анселль. Эти люди ни разу не отказались просветить меня по какому-либо из бесчисленного множества вопросов, которые постоянно возникали у меня в процессе подготовки романа.
Также благодарю за помощь Ричарда Говорта, доктора Дункана Стюарта, Барбару Хейвуд, Питера Роулингса и доктора А.М. Энтона.
Каждая новая книга, выходящая в свет, – результат не только уединенной работы ее автора, поэтому я, как обычно, считаю своим долгом поблагодарить моего литературного агента в Великобритании Джона Тарли и его незаменимую помощницу Патрицию Прис за их неослабевающую поддержку и неоценимый творческий вклад в написание этого романа. Я также признателен моему новому редактору Саймону Спантону, корректору Хейзел Орм и моему литературному агенту в Соединенных Штатах Брайану Сибереллу, которые поделились весьма ценными замечаниями, касающимися текста данной книги.
И, как всегда, я должен признать, что эта книга никогда не была бы написана, если бы не терпение и поддержка моей жены Джорджины и терпеливость собаки Берти, которая изо всех сил старалась не лаять, когда я был погружен в размышления.

Питер Джеймс

scary@pavillion.co.uk

Посвящается Джону Тарли, который указал мне путь, поделился своим энтузиазмом, подарил надежду и, что превыше всего, веру

Пролог

Кладбище на территории Голливудского мемориального парка, Лос-Анджелес, 1996

Не меркнущее даже ночью зарево городских огней освещает кладбище сильнее, чем предпочли бы трое находящихся на нем мужчин. Они надеялись на полную темноту, но попали в неоновые сумерки.

У одного из мужчин в руках портфель и ксерокопия факса, у второго – фонарь, у третьего – две лопаты, аккуратно связанные одна с другой. Они знают, что не имеют права здесь находиться, и поэтому нервничают. Они представляли себе предстоящее дело совершенно по-другому, но все получилось против их ожиданий. Человек с портфелем умнее своих подельников, и он понимает, что никогда и ничто не происходит точь-в-точь так, как планируется.

Они проделали долгий путь. Кладбище их пугает. Мысль о том, что им предстоит сделать здесь, пугает их еще больше, но и этот страх не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, который они испытывают при воспоминании о человеке, который послал их сюда.

Двое из них никогда не видели этого человека – они только слышали о нем от других, но слышали такое, чего не расскажешь детям на ночь. Рассказы мечутся сейчас у них в головах, наполняя их такой решимостью, какую они не испытывали за всю жизнь. Они плывут на шатком плоту по эмоциональной стремнине, и этот плот называется «Страх неудачи».

Луч фонаря упирается в надгробный камень, сметает с него мрак, словно древнюю пыль. Появляются высеченные на камне слова: имя, дата рождения и смерти. Старая могила. Не то. Они идут по кладбищу дальше, минуют купу деревьев и небольшой искусственный холм.

Еще один надгробный камень. Опять не тот. Они останавливаются, сверяются с нечетким факсом. Осматриваются, видят мраморные обелиски, ониксовых херувимов, гранитные надгробные плиты, порфировые урны, высеченные в камне слова прощания, цитаты, поэтические строки. Они не большие любители поэзии, и бессмертные строки не достигают их сквозь мрак.

– Мы не на том ряду, идиоты. Нам нужен следующий. Смотрите, тут же ясно видно, что надо пройти три ряда. Мы прошли только два.

Они находят нужный ряд. Находят нужную могилу:

АННА КАТЕРИНА РОУЗВЕЛЛ
1892–1993

Горячо любимая жена и мать

Говоривший вновь заглядывает в факс, с трудом разбирает смазанные буквы, еще раз читает надпись на надгробном камне. Он действует методично, наконец кивком подает сигнал. Остальные двое осторожно надрезают дерн и скатывают его, словно ковер. Затем они начинают копать. Человек с факсом стоит на страже. Он прислушивается к глухому стуку откидываемой лопатами земли, к шуму автомобильного движения на Сансет-бульваре, присматривается к теням. Свидетели им совершенно ни к чему. Ночь теплая. Почва сухая, она имеет текстуру старых костей, рассыпавшихся в прах.

Лопата взвизгивает, наткнувшись на камень. В темноту несется процеженное сквозь зубы ругательство. Через некоторое время работа ненадолго прерывается, и копатели пьют воду из фляги.

Их работа продолжается почти три часа, и наконец крышка гроба полностью освобождена от земли. Гроб в хорошем состоянии, кое-где на нем еще держится лак, а палисандровое дерево даже не начало гнить. Это дорогая модель, гробу отдало свою жизнь дерево, росшее в тропическом лесу.

Стоящие на крышке гроба копатели откладывают лопаты в сторону и получают от своего начальника по нейлоновому шнуру с защелкивающимся карабином на конце, которые они пристегивают к торцевым ручкам гроба. Затем они вылезают из разрытой могилы и разминают натруженные спины. У одного лопнула на ладони мозоль, и он обматывает кисть руки носовым платком.

Даже усилиями всех троих гроб поднимается из земли неохотно и только через несколько минут отчаянной борьбы оказывается на поверхности. Копатель с перевязанной платком рукой, полностью выдохшись, садится на землю. Они опять пьют воду, беспокойно всматриваясь в окружающую их темноту. Мимо них пробегает и исчезает во мраке мышь.

Теперь, когда первая, самая длительная часть работы сделана, они уже не так спешат. Сгрудились вокруг гроба, смотрят на него, переглядываются. Каждый пытается представить, как может выглядеть труп, пробывший в земле три года.
Они выворачивают шурупы, крепящие крышку к гробу, и отдают их начальнику, который предусмотрительно складывает их в карман. Возникает пауза, затем копатели берутся за крышку и пытаются сдвинуть ее с места. Крышка не поддается. Они тянут сильнее. Слышится резкий громкий скрип, и крышка приподнимается на несколько дюймов с одного конца. Копатели одновременно бросают крышку и отшатываются от гроба.
– Господи боже! – шепчет тот, у которого перевязана рука.
Вонь. Они не ожидали такой вони. Будто из канализационного отстойника.
Они отходят еще дальше от гроба, но вонь окружает их, будто вся ночь успела пропахнуть ею. Того, что пришел с фонарем, скручивает спазмом, но он сдерживается и сглатывает рвоту обратно в желудок. Все трое стараются держаться от гроба как можно дальше.
Наконец запах ослабевает настолько, что можно вернуться к гробу. На этот раз перед тем, как поднять крышку, они делают несколько глубоких вдохов.
Внутри гроб обит стеганым атласом, белым, цвета смерти. Волосы старухи тоже белые. Они тонкие, и голова в них будто в облаке. Хотя они того же цвета, что и атлас, в них нет того блеска, который присущ атласу. Лицо старухи бурого цвета, будто старая потертая кожа. Кое-где плоть расползлась, обнажив лицевые кости. Хорошо видны зубы – блестящие, будто их только что почистили. За то, что она относительно хорошо сохранилась, нужно благодарить дорогой гроб и сухой калифорнийский климат – пролежав три года в более влажной почве и менее качественном гробу, она выглядела бы гораздо хуже.
Запах уже не такой сильный, он растворился в свежем ночном воздухе. Человек с факсом смотрит на часы. У них осталось чуть меньше трех часов темноты. Он читает указания, написанные в нижней части листка, несмотря на то, что думал о них днем и ночью всю прошлую неделю и выучил их наизусть.
Он открывает портфель, вынимает из него ножницы, скальпель, обвалочный нож и маленький ящичек-холодильник. Работая уверенно и быстро, он отхватывает ножницами прядь волос, вырезает из груди старухи квадратный участок плоти, ампутирует указательный палец правой руки. Из отрезанного пальца не вытекает ни капли жидкости – он тверд и сух, словно отпавший от дерева сучок. Человек кладет каждый свой трофей в особое отделение ящичка, еще раз сверяется с факсом, мысленно ставя галочку против каждого пункта указаний.
Копатели закрывают гроб крышкой и прикручивают ее шурупами, затем опускают гроб в могилу и начинают забрасывать ее землей. Работа идет легче и быстрее, чем при выкапывании гроба. Но не так быстро и легко, как им бы хотелось.
Утром мимо могилы проходит один из сторожей. Он не замечает ничего подозрительного. Работа выполнена чисто.

1

– Здесь нет гаража, – сказал Джон.
– Я могу это пережить. У скольких домов в Лондоне есть гараж?
Джон кивнул. Может, она и права и это не так уж важно.
– Мне нравится. А тебе?
Джон рассеянно посмотрел на знак «Продается», перевел взгляд на листок с описанием дома, который он держал в руке, и вернулся к осмотру крыльца с колоннами, казавшегося слишком большим даже для такого дома, увитых плющом и клематисом стен из красного кирпича и башенки. Башенка нравилась ему больше всего.
В детстве Джон мечтал стать архитектором, и если бы жил в прошлом веке, то спроектировал бы именно такой дом. Он отличался собственным оригинальным стилем, имел три этажа, викторианскую террасу из красного кирпича и башенку, которая сообщала ему вид одновременно величественный и эксцентричный. Он единственный на всей улице стоял немного в стороне, нарушая общий порядок.

Агент по продаже недвижимости, которого звали Даррен Моррис и который, по мнению Джона, обладал интеллектом и манерами двенадцатилетнего ребенка, описывал вокруг них замысловатые крути и, чавкая, жевал жвачку. Из-за этого чавканья, низко подрезанных над бровями волос, сутулой спины и кривых ног он был похож на неандертальца. Он выглядел так, будто опаздывал куда-то, и всеми силами старался показать, что клиенты отрывают его от гораздо более ответственной встречи. Джон зашел ему за спину и, взяв листок с описанием дома в зубы, изобразил гориллу, скребущую подмышки.
Сьюзан отвела глаза в сторону, но не смогла сдержать улыбки. Агент по продаже недвижимости обернулся, но увидел только, что Джон сосредоточенно и внимательно изучает архитектуру дома.
– Сад с южной стороны, – сказал Даррен Моррис. Он поделился этими ценными сведениями уже в третий или в четвертый раз.
Джон не обратил на него никакого внимания. Он молча смотрел на дом и вспоминал, каков тот изнутри.
Солнечный свет, струящийся сквозь стекло эркера в гостиную. Так редко встречающееся сочетание простора и уюта. Чудесные комнаты с высокими потолками. Столовая, в которой легко можно было бы устроить обед на двенадцать персон (не то чтобы они когда-нибудь принимали так много, но кто знает?). Прилегающая к ней маленькая комнатка с видом на сад, в которой Сьюзан устроила бы рабочий кабинет для своих занятий. Подвал, в котором можно установить стеллажи и хранить вино…
Он снова посмотрел на башенку. Ее прорезал сплошной пояс окон, позволяющий находящемуся в ней человеку видеть любую сторону света. Это была бы прекрасная спальня. На первом и втором этажах дома было еще четыре комнаты. Одну из них он занял бы под свой кабинет, остальные они превратили бы в запасные спальни и комнаты для гостей. Еще был чердак, но они на него еще не поднимались.
– Мне очень нравится сад, – сказала Сьюзан. – В Лондоне мало таких больших садов.
Джону тоже понравилось: сад был тихий, уединенный, а через забор от него лежал красивый парк с теннисными кортами, прудом и целыми акрами газонов, трава на которых этим утром искрилась инеем. Однако дом требовал немалых вложений, и это заставляло Джона задумываться о целесообразности покупки. Крыша выглядела не очень, также как электропроводка и канализация с водопроводом. Бог знает, что еще здесь вылезет, – дом ведь очень старый. Запрашиваемая за него сумма была очень крупной, а вместе с затратами на ремонт она может стать совсем уж непомерной.
Башенка снова привлекла его внимание. Он не мог оторвать от нее взгляда, вдруг поняв, что всегда хотел жить в доме с башенкой. Но дело было не только в ней. Только зайдя в этот дом, он почувствовал, что мог бы провести в нем остаток жизни. Спору нет, в нем есть величие, но есть также и некоторая раскованность, элегантность, стильность. Сюда не стыдно будет приглашать клиентов. Это место станет его визитной карточкой.
Но здесь нет гаража.
Неожиданно для самого себя Джон, который всю жизнь хотел иметь дом с гаражом, подумал, что он не так уж необходим. Во дворе дома есть бетонированный пятачок, размером как раз под одну машину. И на улице можно припарковаться – где-нибудь между деревьями, чтобы никому не мешать. Здесь тихо, спокойно, сюда не доносится шум с лондонских дорог. Оазис.
Он подумал о том, как будет заниматься с Сьюзан любовью в спальне, расположенной в башенке, а летом, которое не за горами, – в саду, под теплыми лучами солнца. Сейчас конец февраля, и к началу лета они точно переедут сюда.
– Мне нравится, – сказал Джон.
– Я люблю тебя, – сказала Сьюзан и обняла его. – Я люблю тебя больше всего на свете. – Она с обожанием взглянула на дом и прижалась к Джону еще крепче. Она смотрела на Англию своей мечты. Этот дом воплощал в себе все старые английские дома из прочитанных ею книг – Диккенса, Троллопа, Остен, Харди, Теккерея, Форстера, Грина. Одно за другим в ее голове проносились описания элегантных лондонских и поместных особняков.
Она выросла в Калифорнии и в детстве, проведенном в основном за книгами, часто представляла себя героиней английских романов, устраивающей у себя прием, на который собирается элегантное, утонченное общество, или посещающей какой-нибудь

аристократический дом, где о ее приходе объявляет дворецкий, или просто идущей под дождем по лондонским улицам.
– Я тоже тебя люблю, – ответил Джон.
Агент по продаже недвижимости кружил возле своей машины. Он в который раз посмотрел на часы и засунул руки в карманы. Каждый, кто увидит этот дом, тут же начинает сходить по нему с ума, говорит, что непременно купит его, – да только никто никогда не покупает, из-за ужасающего двадцатидевятистраничного списка неисправностей. Это, да еще высокая цена – притом что владельцы дома не желают торговаться – отпугивает всех клиентов.
Даррен Моррис пригляделся к паре повнимательнее, пытаясь оценить их. Сьюзан Картер, судя по акценту, была американкой, под тридцать, модно подстриженные рыжие волосы до плеч, длинное верблюжье пальто, джинсы, ботинки. Она напоминала Моррису актрису, только он не мог припомнить, как ее зовут. Через минуту умственных усилий его озарило: Сигурни Уивер. Да, та же самая смесь красоты и мужской манеры себя вести. И может быть, немного есть в ней от Скалли из «Секретных материалов». Точно. Взглянув на женщину еще раз, Моррис подумал, что она даже больше похожа на Скалли, чем на Сигурни Уивер.
Джона Картера Моррис счел англичанином. Он был чуть старше своей жены – от тридцати до тридцати пяти. Одет со вкусом: длинное твидовое пальто, костюм от «Босс», зимние туфли с пряжками. Скорее всего, телевизионщик или рекламщик. Прямые черные волосы, приятное сухощавое лицо, немного мальчишеское, но решительное – наверное, в твердости характера этому парню не откажешь. Моррис посмотрел на его черный БМВ М3. Ни пятнышка, так и сверкает лаком. Отлично дополняет образ мистера Картера. Мистер Картер Само Совершенство. Удивительно, что на машине не персонализированный номерной знак, а обычный, судя по которому ей уже четыре года. Пижонская колымага.
Не отрываясь от Джона, Сьюзан тихо спросила, выпустив изо рта облачко пара:
– Мы можем его себе позволить?
– Нет. Скорее всего, не можем.
Она чуть отстранилась и посмотрела на него. В свете утреннего солнца ее глаза были синими, как лазурит. В эти глаза Джон влюбился семь с половиной лет назад и не переставал любить их по сей день. Она улыбнулась:
– И?..
Предыдущие владельцы уехали из Англии. Дом пустовал, а они продолжали платить за него налоги. Может, они снизят цену, если пообещать им быстро оформить все документы?
Джон улыбнулся и ничего не ответил. Покупка этого дома – безрассудный поступок, но разве мало он совершал в жизни безрассудных поступков?

2

Человек, которого боялись столь многие, с видом важного вельможи сидел в своем кабинете. Черты его аристократического лица с годами приобрели некоторую костлявость, но все же оно сохранило тот особый нежный оттенок, который присущ только представителям знати. Его серым глазам, проницательным и ироничным, не нужны были ни очки, ни контактные линзы. Его темно-русые волосы, прочерченные элегантными седыми прядями, были отброшены с висков назад.
Его костюм был сшит на Савил-роу, по зеленому шелковому галстуку бежали крылатые кони, черные ботинки, скрытые сейчас от глаз письменным столом, блестели, словно зеркало. Его длинные тонкие пальцы с прекрасным маникюром перелистывали компьютерную распечатку. Вся его фигура излучала уверенность. Ему можно было дать от силы пятьдесят пять лет.
Его звали Эмиль Сароцини.
Он был живой легендой. Он вращался в высших кругах послевоенного общества – в основном на Французской Ривьере, проводя время в увеселениях на яхте семьи Докер в Каннах, обедая с Бардо в Сен-Тропезе, завтракая с семейством Гримальди в Монако; или в США, где он принимал в своем доме таких звезд, как Мансфилд и Монро, и где его самого принимали в аристократических семьях Вандербильтов, Рокфеллеров и Меллонов. Ходили слухи, будто сам Уорхолл написал для него целую серию картин, которая по распоряжению мистера Сароцини

никогда не была показана публике. Поговаривали также, что в Англии, для того чтобы отмежевать его от скандала Профьюмо, понадобилось влияние Асторов.
Некоторые рассказы об Эмиле Сароцини вызывали недоверие, а от иных и вовсе мороз продирал по коже. Были и истории, которые никогда не рассказывались, потому что у мистера Сароцини везде есть уши, а любая нелояльность карается самым жестким образом.
Любая мелочь, касавшаяся мистера Сароцини, была окружена роем сплетен и домыслов. Это относилось и к его истинному возрасту, который для одних был поводом для горячего спора, а для других – зловещей тайной.
Все работающие на мистера Сароцини были в той или иной мере заинтригованы его личностью и фактами биографии. Словно магнит, он то притягивал их, то отталкивал, в зависимости от того, каким полюсом обращался в их сторону. Интрига, тайна и домысел – эти три тени сопровождали мистера Сароцини в течение всей жизни. Очень немногим людям посчастливилось не подпасть под его влияние.
Человек, который нес мистеру Сароцини ожидаемую им информацию, знал о нем больше, чем любой другой живущий на земле человек, и поэтому боялся его сильнее, чем все прочие.
Кунц открыл двойные филенчатые двери и вошел в секретарскую комнату. Секретарша была стражем кабинета мистера Сароцини, и даже немногим избранным очень редко удавалось добраться до ее приемной. Но на Кунца она даже не взглянула.
Позади секретарши через открытые двери кабинета был виден сам мистер Сароцини, статичная фигура которого напоминала статую египетского бога в главном зале храма. Большая часть кабинета была погружена во тьму. Единственное пятно света, источником которого служила настольная лампа, выхватывало из полумрака аккуратную стопку бумаги, записную книжку в кожаном переплете и часть поверхности стола. В кабинете было большое окно, но жалюзи на нем предусмотрительно опустили, чтобы не допустить в помещение яркого света утреннего солнца.
Кунц имел шесть футов шесть дюймов роста, он обладал широкими плечами куотербека и грубо вылепленным лицом боксера. Его волосы были коротко острижены. Как и всегда, он был одет в неброский костюм-двойку, на этот раз темно-синего цвета. И, как всегда, он уделил много внимания галстуку, завязанному идеально ровным узлом, и туфлям, которые были начищены до зеркального блеска. Все его костюмы шил портной мистера Сароцини, но, несмотря на дорогой материал и качество пошива, он никогда не чувствовал в них себя совершенно свободно. Посторонний человек принял бы его за вышибалу, работающего в ночном клубе, или за военного в увольнении, надевшего гражданскую одежду с чужого плеча.
На пороге кабинета Кунц нервно сглотнул, поправил узел галстука, бросил взгляд на туфли, застегнул на все пуговицы пиджак. Он знал, что по части внешнего вида он подводит мистера Сароцини, но во всем остальном – в учении, в выполнении поручений и приказаний своего учителя – он был на высоте. И Кунц гордился этим.
Мистер Сароцини дал ему все, он сделал из него человека, но Кунц знал, что он с такой же легкостью может отнять у него все пожалованное ему, и осознание этого вливалось отдельной струей в огромное озеро страха, который испытывал Кунц перед этим человеком, и подпитывало его рабскую преданность мистеру Сароцини.
– Ну? – произнес мистер Сароцини и выжидательно улыбнулся.
Кунц подошел к столу. Улыбка мистера Сароцини успокоила Кунца, и он почувствовал к нему такую огромную любовь, что захотел обнять его, как отца. Но это было невозможно. Много лет назад мистер Сароцини запретил ему выражать свою любовь посредством физического прикосновения. Поэтому Кунц протянул ему через стол конверт и вытянулся, демонстрируя внимание.
– Ты можешь сесть, Стефан, – сказал мистер Сароцини. Он распечатал конверт и немедленно погрузился в изучение его содержимого.
Кунц с прямой спиной сел на краешек стула, когда-то принадлежавшего оттоманскому принцу – он забыл, как его звали. В кабинете мистера Сароцини было много ценностей и старинных вещей, но здесь присутствовало также и кое-что, чего не создать искусственно ни с помощью денег, ни с помощью обстановки – это был запах власти и силы, источаемый этой комнатой.
Кунц чувствовал себя как Алиса, попавшая в мир, где все вокруг непривычно большое. Его подавлял немыслимых размеров стол, огромные шкафы, выстроившиеся вдоль одной стены, картины размером с небоскреб, висевшие на другой, скульптуры, бюсты и статуэтки,

бросающие на него высокомерные взгляды, ряды облеченных в кожу томов, презирающих всякого, кто менее начитан, чем их владелец. Он перевел взгляд на мистера Сароцини.
По его лицу ничего нельзя было определить.
В кабинете висел застарелый запах табачного дыма, но единственная стеклянная пепельница на столе мистера Сароцини была чистой. Кунц знал, что мистер Сароцини, который никогда не изменял устоявшимся привычкам, уже выкурил свою первую за день «Монтекристо» и не зажжет следующей сигары еще в течение часа.
Мистер Сароцини держал в тонких, опушенных с тыльной стороны мягкими волосками пальцах небольшой документ, состоящий всего из шести страниц. Он дочитал документ до конца, затем черты его лица отвердели, выражая неудовольствие.
– И что я должен с этим сделать, Стефан?
Такой вопрос застал Кунца врасплох, хотя он, служа у мистера Сароцини много лет, знал, что ожидаемые им ответы часто не подразумевают прямого реагирования, а связаны с вопросом более сложным образом. Поэтому он тщательно обдумал ответ, как много лет назад учил его сам мистер Сароцини, и сказал:
– Возможности неограниченны.
Лицо мистера Сароцини исказилось и выразило почти что ярость. Это испугало и смутило Кунца.
– Это список покупок, Стефан. Посмотри, что здесь написано: «Двенадцать булочек, два литра снятого молока, масло, курага, салями». Зачем ты дал мне это?
Мысли Кунца лихорадочно метались. Это просто невозможно. Он не мог… он не мог ошибиться! Откуда взялся этот список покупок? Документ был передан ему профессором-генетиком, крупным специалистом в своей области. Может, этот ученый идиот дал ему список покупок вместо документа?
Нет, это невозможно. Он проверил его несколько раз.
Выражение ярости на лице мистера Сароцини померкло, его сменила спокойная улыбка.
– Стефан, не волнуйся так. Это была шутка. Ты должен научиться правильно воспринимать шутки.
Кунц настороженно смотрел на хозяина. Он был в замешательстве и не знал, что последует дальше.
– Хорошие новости, – сказал мистер Сароцини и постучал пальцем по лежащему на столе документу. – Очень хорошие.
Кунц постарался скрыть охватившее его облегчение – за многие годы он усвоил, что никогда не следует показывать мистеру Сароцини свою слабость. А благодарность – это слабость. Он с самого начала должен был знать, что с документом все в порядке. Его реакции не требовалось. Служба у мистера Сароцини была для него одним непрекращающимся уроком – уроком длиной почти в целую жизнь.
Чтобы не выдать своих чувств, он отвел глаза от лица хозяина и стал смотреть на мягкий ворс персидского ковра. Какой сложный узор. В каждый персидский ковер заткан какой-либо сюжет, но Кунцу не хватало знаний определить, какой он у этого ковра. Он подумал о Клодии, сосредоточился на ней. Интересно, сегодня ночью она позволит ему связать себя и выпороть? Он решил, что спросит ее разрешения, но, если она скажет «нет», все равно свяжет и выпорет. Он чувствовал ее аромат, оставшийся на его коже. Он подумал о ее стриженом лобке, и страх перед мистером Сароцини сменился сексуальным возбуждением. Затем страх вернулся.
Он посмотрел на картину, висящую на стене за спиной мистера Сароцини: современная работа, абстрактная живопись. Кунц ничего не смыслил в абстрактной живописи и не мог определить, хорошая эта картина или плохая, однако он был уверен, что она стоит огромных денег и имеет особую значимость в мире искусства – иначе ее просто не было бы в этой комнате. Течение его мыслей прервал голос мистера Сароцини. Его хозяин изъяснялся, как обычно, на безукоризненном немецком языке, хотя Кунцу было известно, что немецкий язык ему не родной.
– Это потребовало тридцати лет работы. Именно столько мы искали. Тридцать лет. Ты понимаешь, как это важно для нас.
Кунц понимал, но предпочел промолчать.
– Нет ли у тебя слабости, Стефан?

Кунц удивился вопросу. Он помедлил, прежде чем ответить, прекрасно понимая, что мистера Сароцини невозможно обмануть.
– У каждого человека есть слабость. Это Двадцатая Истина.
Мистер Сароцини, похоже, был удовлетворен ответом. Он выдвинул ящик стола, вынул из него конверт и отдал его Кунцу.
В конверте были фотографии мужчины и женщины. Мужчине на фотографиях было лет тридцать пять. Брюнет с сухощавым, красивым, но немного мальчишеским лицом. Женщина выглядела на несколько лет моложе. Рыжие волосы, ровно подстриженные на уровне плеч, красивая, современная.
На другой фотографии она была в топе на бретелях и короткой юбке. У нее были потрясающие ноги, стройные, может быть, только чуточку излишне мускулистые. Кунц осознал, что они возбуждают его. Грудь под топом выглядела упругой и тоже возбуждала его. Он спросил себя, так ли хорошо она пахнет, как Клодия. Такую женщину он хотел бы связать и выпороть. Даже, наверное, предварительно связав и заставив смотреть на это ее красивого мужа с мальчишеским лицом. Мистер Сароцини снова заговорил, спустив Кунца с неба на землю:
– Мистер и миссис Картер. Джон Картер и Сьюзан Картер. Они живут в недавно приобретенном доме в Южном Лондоне. У него свой бизнес, программное обеспечение, она работает в издательстве. Детей нет. Ты отыщешь, в чем слабость Джона Картера и Сьюзан Картер. Все ясно?
Кунц снова просмотрел фотографии. Его волнение росло. Он обратил особое внимание на снимок, на котором так хорошо были видны ноги и грудь женщины. Интересно, волосы у нее на лобке тоже рыжие? Он очень на это надеялся.
Мистер Сароцини подарил ему Клодию за хорошую службу. Может быть, если он угодит мистеру Сароцини, тот подарит ему и эту тоже.
– Все ясно, – сказал Кунц.

3

Перед дверью банка Джона Картера скрутил нервный спазм. Он обливался потом. Он уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя подобным образом – наверное, еще в школе, когда его вызывали к директору.
Рубашка прилипала к телу, мозг отказывался работать, координация движений полетела к черту. Он толкнул дверь, на которой ясно было написано «Тяните», но из-за нервного напряжения даже не смутился.
Он пересек фойе, поглядел на очереди, ведущие к банковским кассам, и, постаравшись взять себя в руки, подошел к окошку с надписью «Запросы».
Вид женщины, сидевшей за барьером, еще более увеличил его нервозность – она посмотрела на него так, будто его имя и описание было в каком-то секретном черном списке, распечатанном для всего персонала банка с пометкой: «Быть с ним настороже».
– У меня назначена встреча с мистером Клэйком, – сказал он, и под сфинксовым взглядом женщины его голос прервался, словно речь коммивояжера, продавшего за день уже бог знает сколько пылесосов. Женщина неодобрительно нахмурилась, и Джон испугался, что он неправильно произнес фамилию управляющего. – Его фамилия ведь так произносится?
Она деревянно кивнула.
Джон был одет в свой самый строгий костюм, темно-синий из легкой шерсти, белую хлопчатобумажную рубашку, неброский галстук и черные ботинки со шнурками – а под брюками у него были красные трусы в белый горошек – проверенный талисман, приносящий удачу. Он обсуждал с Сьюзан, что надеть на встречу, и прошлым вечером, и нынешним утром, примерил три разных галстука и четыре пары туфель, прежде чем убедился, что производит должное впечатление. В заключение она сказала, что он выглядит представительно, но без пижонства.
Джон подумал о мистере Клэйке, в сотый раз задавшись вопросом, что он за человек. Он размышлял о нем уже в течение двадцати четырех часов, с того момента, как вчера ему позвонила секретарша Клэйка и назначила встречу. Его мысли занимала также машина,

которую он поставил на двойной желтой полосе недалеко от банка – может, если повезет, ее и не погрузят на эвакуатор и не увезут, но без этого дополнительного беспокойства он бы сейчас прекрасно обошелся. У него не оставалось выбора: стоянки поблизости не было, а он уже на несколько минут опаздывал.

Джон вспомнил вдруг о где-то слышанной им шутке, в которой человек рассказывал своему другу о том, что у управляющего его банком один глаз стеклянный. Друг спросил, как он определяет, какой глаз стеклянный, а какой настоящий. «Это просто, – ответил он. – У стеклянного глаза взгляд потеплее».

Шутка уже не казалась Джону смешной. Он вынул из кармана платок и вытер пот, потоком текущий со лба. Чертова эволюция. Все дело в адреналине. Пятьдесят тысяч лет назад адреналин помогал пещерным людям спасаться от саблезубых тигров. В данный момент Джону угрожало совершенно не это, а надпочечники все равно выделяли его. Под влиянием адреналина наполнялись кровью мышцы, ускорялся пульс, расширялись зрачки, начинали усиленно функционировать потовые железы. Ему позарез нужно было успокоиться, но эволюция не вооружила его необходимым для этого механизмом.

Он снова вытер лоб. Шея уже стала липкой, а потоотделение все усиливалось.

Мысли Джона метались. Ему было тяжело сосредоточиться на каком-либо одном предмете. Он вдруг испугался за свою машину. Сколько она сможет простоять на Пикадилли на двойной желтой линии? Десять минут? Двадцать?

– Следуйте, пожалуйста, за мной.

Он задержался, чтобы посмотреть на себя в зеркало, пригладил ладонью волосы, поправил галстук и глубоко вздохнул. Надо держать себя в руках. В жизни он попадал в трудные ситуации, и всегда умение владеть собой помогало ему. Он умел очаровывать окружающих, умел манипулировать людьми. Предыдущий управляющий этим банком, Билл Уильямс, был у него в кармане. Все, что ему нужно, – это сохранять спокойствие, проявлять вежливость и дружелюбие и показать мистеру Клэйку, какое прекрасное будущее у его бизнеса.

Он прошел в дверь вслед за сотрудницей банка. Кабинет остался таким же, как и прежде, – синий ковер, темное дерево стола, стен и мебели, – но с одним отличием: вместо Билла Уильямса в кресле управляющего сидел мистер Клэйк.

Билл Уильямс преклонялся перед техническим прогрессом, и на протяжении семи лет Джон был его проводником в мире компьютерных технологий. Они играли друг с другом в виртуальный гольф на компьютерах в своих кабинетах. Иногда Джон приглашал его в свой клуб в Ричмонде поиграть в настоящий гольф. Он научил Билла интернет-серфингу и показал, как искать в Сети порнографические фотографии – Билл называл их «картинками с милашками» – и прятать их в защищенные паролем папки на жестком диске компьютера. Джон учил Билла Уильямса всему, что он хотел знать о компьютерах, а взамен Билл Уильямс давал ему все необходимые банковские кредиты – длинный кусок веревки для самоубийства через повешение, как любил шутить Билл.

И вот сейчас Билл Уильямс – прошлое. Ушел на пенсию раньше срока. В три дня. Он позвонил Джону неделю назад и голосом отца, лишившегося единственного сына, сообщил ему эту новость, добавив, что когда-нибудь он все объяснит, но не сейчас. Он извинился – ему было искренне жаль, что все так получилось, – но заверил Джона, что все будет хорошо. Они договорились поиграть в гольф, но день для этого не назначили. Банк будет продолжать помогать Джону, он в хороших руках, сказал Билл, но в его голосе не было особой уверенности.

А в рукопожатии мистера Клэйка не было особого дружелюбия. В выражении лица – и подавно. У него была голая, как шар для боулинга, голова и маленький, скошенный в сторону рот. Он носил очки в квадратной оправе, которые ему не шли.

– Мистер Картер, я рад, что вы так скоро смогли найти время для встречи с нами.

Он разговаривал, как чревовещатель, почти не двигая губами – он будто держал во рту булавку. Пригласив Джона сесть, Клэйк склонился над открытой папкой, в которой было собрано несколько листов компьютерной распечатки. Даже не заглядывая в них, Джон знал, что они содержат полное досье финансовой стороны его бизнеса. Рядом с папкой на столе стояла фотография – по-видимому, жена и дети мистера Клэйка. Судя по ней, жена у Клэйка была очень милая. По крайней мере, Клэйк – живой человек, подумал Джон, загораясь слабой надеждой.

– Вы разрабатываете мультимедийное программное обеспечение, – проинформировал его Клэйк.
Джон кивнул и судорожно глотнул. Язык тела Клэйка не сулил ничего хорошего. И Джону не понравилось, как он произнес слово «мультимедийное».
– Да, компьютеры. – Клэйк с шипом втянул в легкие воздух и вновь наклонился над распечаткой. – Компьютеры.

Он улыбнулся, и Джон словно заглянул в пышущий холодом ледяной разлом. Он снова подумал о машине. Как долго мистер Клэйк продержит его здесь?
Неважно, забудь о машине.
Джон сосредоточил внимание на предстоящем разговоре, мысленно пробежался по хранящемуся у него в мозгу перечню ответов на наиболее вероятные вопросы мистера Клэйка.

– Сам-то я не очень разбираюсь в компьютерах, – сказал Клэйк. Он сидел в кресле в такой позе, будто ему вступило в спину. – Ничего не понимаю в современных технологиях. Конечно, они имеют свою нишу на рынке, и я понимаю, почему вы видите потенциал у своего бизнеса.
Джон, глядя на элегантный костюм и самодовольное лицо Клэйка, почувствовал, как у него в груди поднимается волна ярости. Как может сотрудник банка, да еще занимающий такую высокую должность, так разговаривать с клиентом?
Затем он вдруг увидел не замеченный им ранее предмет, лежащий на пустынной поверхности стола. Приглядевшись, он не поверил своим глазам. Это была Библия. Клэйк будто бы напоказ держал на столе Библию. «Да кто же он, черт возьми, откуда он тут взялся?» – подумал Джон.
– Прогноз на пять лет, – сказал Клэйк. – Кто его делал?
«Он что, религиозный фанатик?» – подумал Джон. Теперь он видел: в выражении лица Клэйка было что-то набожное, даже ханжеское. Что-то мессианское. Клэйк что, затеял крестовый поход против компьютеризации?
Хотя Джон и попытался внешне остаться вежливым и дружелюбным, сердце его упало. Он улыбнулся виноватой улыбкой, открыл свой портфель, вынул из него лэптоп и включил его.
На лице Клэйка появилось раздраженное выражение, а уверение Джона, что компьютер загрузится в течение минуты, казалось, еще больше усилило его недовольство. Джон лихорадочно думал, чем бы заполнить неловкую паузу и как найти общий язык с управляющим.
– Вы… играете в гольф?
Клэйк молча потряс головой.
– Сколько… вы работаете в этом банке?
– Четырнадцать лет. Сколько еще времени отнимет у нас эта машина?
– Все почти готово. – Джон посмотрел на экран, от души желая, чтобы так оно и было. Когда компьютер был готов к работе, он спросил: – План? Вам нужен план на пять лет или прогноз?

–
Прогноз.
Я же сказал. – Запасы вежливости Клэйка быстро иссякали.

Джон щелкнул клавишей, и компьютер завис.
Чувствуя, как по лицу разливается краска, и обильно потея, Джон был вынужден перезагрузить его. Все ускользало от него – все, во имя чего он работал всю жизнь. Беседа выходила из-под контроля. Джон терял уверенность в себе и уже не мог повернуть разговор в выгодное для себя русло.
Он подумал о Сьюзан, о том, как она была счастлива поселиться в новом доме – его они потеряют, если Клэйк резко прекратит их финансовые отношения. Подумал о Гарете, его компаньоне, с которым они начинали вместе долгих восемь лет назад. О всех тех людях, которые работали у него, – их было шестьдесят человек, и многие из них пришли к нему сразу после колледжа.
Последние несколько месяцев он лихорадочно расширял штат, закупал новое оборудование. Он переехал со всеми сотрудниками в новое здание. Купил дом. Они были на таком хорошем счету у банка – Джон не допускал и мысли, что они не могут себе этого позволить. Теперь ему нужно

убедить Клэйка в том, что он способен вернуть все взятые деньги. Но уверенность в себе покинула его.
Джон нервно улыбнулся:
– И вы… все это время… работали здесь, в Лондоне? – Голос Джона был похож на аудиозапись, прокручиваемую на замедленной скорости.
Клэйк не ответил. Он углубился в изучение компьютерной распечатки. И вид у него был отнюдь не жизнерадостный.

4

– Куда мне это поставить?
Гарри, маляр, нанятый для ремонта дома, посмотрел на Сьюзан. У него были большие печальные глаза и вислые усы. Он напоминал Сьюзан мексиканского бандита из какого-то вестерна.
Все мысли Сьюзан были заняты обустройством дома, а не тем, чем им полагалось быть занятыми, то есть редактированием рукописи, взятой на дом. Ей было сложно сосредоточиться на работе из-за беспокойства по поводу вызова Джона в банк.
Гораздо проще, чем читать главу, посвященную тяготению и полную сложных формул, ей было наблюдать за работой Гарри, выбирать цветовую гамму, в которой будет выкрашен дом, рассматривать альбомы с образцами строительных материалов и обоев, бродить по комнатам, расставляя маркером кресты на стенах в тех местах, где впоследствии будут смонтированы электрические розетки, выключатели и батареи отопления.
Джон обещал позвонить сразу после окончания встречи и рассказать, как она прошла. Все должно было уже давно закончиться, а он еще не звонил. «Может, это хороший знак», – подумала она, зная, что обманывает себя. Если бы беседа прошла хорошо, он бы позвонил сразу. У нее была мысль позвонить самой, но она сдержалась – ему и без нее не сладко.
Ее испугало то состояние, в котором он находился сегодня утром. Джон не был паникером, он всегда излучал уверенность, умел спокойно и без спешки разрешать все трудные ситуации, и это, в сочетании с мощным бронебойным напором, которым он обладал, и привлекло ее к нему. Он всегда знал, чего хочет и как этого добиться. На их первом свидании, перекрикивая шум вествудского бара, он сказал, что собирается жениться на ней, и, когда, засмеявшись, она увидела появившуюся в его глазах решимость, это возбудило ее так, как никогда в жизни.
У Сьюзан было много мужчин, но никто и никогда не хотел ее так, как Джон. На следующее утро ее рабочий кабинет был буквально завален цветами – она едва смогла добраться до стола.
С Джоном она всегда чувствовала себя абсолютно спокойно. Он никогда не давал обещаний, которые не мог сдержать, не брался за работу, которую не мог выполнить. До сегодняшнего дня ничто не выбивало его из колеи. Ради него она все бросила и уехала из Калифорнии в Лондон. Он стал ее миром.
Но сегодня утром она увидела незнакомца, который бестолково слонялся по дому, примерял разные рубашки, галстуки, носки, не в силах остановиться на чем-либо одном, пока, наконец, она сама не выбрала ему одежду и не проводила из дому. Закрыв за ним дверь, она вдруг почувствовала себя очень уязвимой.
Сьюзан всегда думала, что у них нет друг от друга секретов, но сегодня на рассвете, после нескольких часов бессонницы и непрестанного ворочания в постели, Джон признался, что сильнее зависит от банка, чем раньше говорил ей. И он был больше, чем она думала, обеспокоен судебным иском, предъявленным его компании известным композитором.
Она подозревала, что в последние месяцы в компании Джона не все было так безоблачно, как он старался показать, но Джон самым решительным образом отметал эти подозрения. Как бы то ни было, за время существования фирмы Джон не раз умудрялся пролезть в игольное ушко, и у нее не было причин думать, что в этот раз он не справится.
А если не справится? Смогут ли они содержать этот дом, если будут жить только на ее доходы? Их хватит на выплату ипотечных взносов, но вряд ли на что другое. Когда дело касается заработной платы работников, английские издательства славятся своей скупостью. Кроме того,

она может вообще потерять работу – их издательский дом вот-вот войдет в состав американского медиагиганта, который уже купил одно крупное лондонское издательство.
С уменьшением их доходов была связана еще одна проблема: кто будет платить за ее младшую сестру, Кейси?
Сьюзан зашла в эркер и стала смотреть в сад, в котором она столько всего хотела сделать. И она, и Джон очень полюбили этот дом. Неужели его отнимут у них даже раньше, чем они закончат приводить его в порядок?
Им нравился не только дом, но и весь район, в котором он располагался. Ей было интересно изучать новый мир, в котором они оказались. С тех пор как они чуть больше двух недель назад переехали сюда, она нашла отличную булочную всего в двух шагах от дома, специализированный винный магазин, от которого Джона за уши было не оттащить, и удивительный тайский ресторанчик, владелец которого закормил их бесплатными блюдами просто потому, что они ему понравились.
Она обустроила кухню, оклеила новыми обоями стены, купила полочку для специй, повесила на стену держатель для полотенец – в этом ей очень пригодился набор инструментов Джона. Она написала письмо родителям и приложила к нему фотографии дома (вид снаружи и изнутри; вид изнутри подписан: «До ремонта»). Кейси она написала тоже и послала ей фотографии – ее сестра не могла читать и даже видеть, но это не имело значения, Сьюзан все равно старалась сообщать ей обо всех переменах в своей жизни.
Гарри думал. Он погрузил валик в краску, приложил его к стене и провел им вверх-вниз. Четкие, уверенные движения. На глазах Сьюзан гостиная изменяла свой цвет с грязно-бежевого на белый. Сьюзан решила использовать его как основной во всем доме, а все деревянные поверхности выкрасить черной глянцевой краской.
Солнечный свет пролитым маслом лежал на некрашеных дубовых досках пола. В саду цвела вишня. В доме были большие комнаты, и они с Джоном ни в коем случае не хотели заставлять их лишней мебелью. Они хотели сохранить их просторными и светлыми.
Обдумывая вопрос, Гарри провел валиком вверх, против силы тяготения, затем вниз, по ней. Он явно предпочитал движения вниз движениям вверх, и Сьюзан стало интересно, знает ли он, что при движениях вниз тяготение ему помогает.
В тяготении она теперь была дока – сказались десять дней редактуры книги о нем. Несмотря на то, что она хорошо разбиралась в физике, тяготение заставило ее попотеть. Она находила утешение в том факте, что Эйнштейна оно тоже заставило попотеть – хотя, как она по секрету сказала Джону, может, и не так, как ее.
Ко всему прочему, автор рукописи, Фергюс Донлеви, один из лучших авторов «Магеллан Лоури» и любимец Сьюзан, использовал в этой книге слишком заумный язык. По крайней мере, так думали она и независимый рецензент.
– Здесь, возле окна, – наконец сказал Гарри. – Это надо поставить вот тут. – И пробормотал что-то насчет фэн-шуй.
Она передвинула вазу под цветы к окну. Гарри был прав – она хорошо смотрелась здесь. Она купила ее в художественном салоне несколькими улицами ниже. Сьюзан сделала Гарри чаю, себе – кофе и прошла в маленькую комнатку, которую она предназначила себе под рабочий кабинет. Она села за стол перед открытым окном с видом на сад и углубилась в рукопись.
Она успела прочитать не больше страницы, прежде чем ее отвлек теплый ветерок из окна, приносивший запахи сада. Такая погода напоминала ей о Калифорнии, о детстве в Марина-дель-Рее, о студенческих днях в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Эти воспоминания были неоднозначны, радость в них была перемешана с печалью. Неудавшаяся карьера ее любящих, заботливых родителей. Трагедия, случившаяся с Кейси. Эта трагедия до сих пор сильно влияла на их жизнь.
Сьюзан отпила кофе, посмотрела на вишню в цвету, на деревянную скамейку, стоящую рядом с жаровней для барбекю в небольшом, вымощенном кирпичом внутреннем дворике, и подумала, как хорошо здесь будет летними вечерами, за ужином с жареным мясом и розовым вином. Затем она перевела взгляд на рукопись, отбросила назад рукава старой рубашки Джона, взяла карандаш, пожевала его и сосредоточилась.

> «Время – это кривая, а не прямая линия; линейное время является иллюзией; мы существуем в пространственно-временном континууме; часы на вершине горы идут более

медленно, чем у ее подножия. Это не гравитационный эффект, а релятивистский – но тяготение и относительность тесно взаимосвязаны».

Это была одна из ключевых мыслей Фергюса, однако он никак не объяснил ее – а ведь его книга предназначалась не для специалистов, а для широкого круга читателей. Даже Сьюзан и то с трудом понимала этот абзац.

Через некоторое время к ней в кабинет зашел Гарри и попрощался. Не отрывая глаз от рукописи, она помахала ему рукой и поставила отметку отступа для нового абзаца. По лужайке, пересекая тени деревьев и качая головкой, как китайский болванчик, пробежал дрозд. Почувствовав, что за ним наблюдают, он взлетел и скрылся из вида.

Джон так и не позвонил. Сьюзан взяла телефон и уже собралась набрать номер, когда раздался звонок в дверь.

Она подошла к входной двери и открыла ее. Снаружи стоял мужчина в коричневом рабочем комбинезоне. Позади него на улице стоял фургон с надписью «Бритиш телеком» на боку.

– Надеюсь, я не слишком поздно? – спросил мужчина. – Задержался на другом объекте. Вам звонили из офиса?

– Нет, мне никто не звонил, – ответила Сьюзан. – Но ничего страшного.

Мужчина кивнул. В одной руке он держал ящик с инструментами, в другой – моток провода и мультиметр. Он был крупным, сложен как игрок в американский футбол, с грубым лицом боксера и короткой стрижкой. Он не был похож на англичанина, скорее на европейца, но выговор у него был как у жителя Северного Лондона, и по его манере говорить можно было предположить, что он выходец из низов.

– Если я не вовремя, то могу приехать завтра.

– Нет, все в порядке. А что случилось?

– Мне нужно проверить ваши телефонные линии. Четыре обычные линии, одна ISDN-линия?

– Да, – сказала Сьюзан. – Проходите.

Проходя в дом, мужчина украдкой рассматривал ее. «Во плоти она еще красивее, чем на фотографии», – подумал он. Особое внимание он обратил на ее брови – они были рыжими, как и волосы на голове.

Теперь он знал, что ее лобок тоже был рыжим. И это будило в нем желание.

5

– Что это еще за хрень?

– Это телефон, – спокойно отозвалась секретарша Джона Картера.

Джон посмотрел на нее таким взглядом, каким одарил бы уродливого морского краба.

– Это я и сам знаю, Стелла, понятно? Я спрашиваю, почему *этот* телефон стоит на моем столе, а не тот, который стоял сегодня утром, до того как я уехал.

В основном в такое расположение духа Джона привела беседа с мистером Клэйком, но также и общение с инспектором дорожного движения, поджидавшим его возле машины, и юристом, с которым он провел остаток дня и у которого были неутешительные новости по поводу судебного иска. Но псу под хвост день полетел именно из-за Клэйка. А теперь еще у него на столе стоял незнакомый блестящий BT CallMaster – а ведь семь часов назад его не было.

– «Бритиш телеком» заменил аппарат. Пришел их человек, сказал, что это бесплатно. Они меняют все телефоны серии CallMaster, – сказала Стелла. – Он совершенно такой же, только новый. – Она уже давно работала у Джона и знала, как следует разговаривать с ним, когда он не в духе.

Джон поднял трубку, нажал кнопку, но, услышав сигнал ответа станции, заколебался. Он обещал Сьюзан позвонить после беседы с Клэйком. Она беспокоится. Но что ему ей сказать? Он положил трубку на рычажок, повесил пиджак на спинку кресла и сел.

– Стелла, меня не беспокоить в течение часа, – сказал и закрыл глаза. У него разболелась голова. – На семь у меня назначен сквош с Арчи Уорреном. Пожалуйста, позвони ему и отмени.
– Может быть, вам сделать кофе?
Джон покачал головой. Дверь закрылась. Он посидел некоторое время без движений. Все внутри его стянулось в жесткий узловатый болезненный шар. Его немного мутило. Джон страдал боязнью высоты, и на высоком балконе или в фуникулере его охватывал липкий противный страх. Нечто подобное он испытывал и сейчас.
Ему необходимо было собраться с мыслями, все хорошенько обдумать, решить как-нибудь те две проблемы, с которыми он сегодня столкнулся. На новом телефоне заворчал сигнал интеркома. Он оставил его без внимания. Об оконное стекло билась муха. По улице протарахтел грузовик.
Джон невидящими глазами глядел перед собой, а его жизнь глядела на него со стены. Блестящие упаковки дисков в рамках: «Как играть в бридж», «Как выращивать растения», «Как построить ракету», «Как сделать ремонт в доме», «Как правильно заниматься любовью», «Как правильно питаться».
В основе бизнеса Джона лежала простая идея. Его фирма разрабатывала компьютерные программы, которые объясняли людям, как сделать то, что они хотят сделать. Если человека интересовал какой-то предмет, ему достаточно было нажать несколько клавиш для получения полной информации о нем. Они начали с коммерческих компакт-дисков, но потом стали заниматься преимущественно функционирующими в Интернете онлайн-проектами. Самым значительным их успехом за последние два года стал проект медицинских консультаций через Интернет, и в частности программа под названием «Виртуальный гинеколог».
С этой программой Джону очень повезло: ему удалось привлечь к работе над ней Харви Эддисона, самого известного в Лондоне акушера-гинеколога. Он был «виртуальным врачом» – лицом программы в Сети. Женщины регистрировались в ней, задавали интересующие их вопросы и получали на них ответы как бы в процессе живого общения – хотя на самом деле программа использовала обширный набор коротких, заранее записанных видеоклипов, создающих иллюзию беседы с живым Харви Эддисоном. Конечно, все пользовательницы знали, что это запись, но от этого программа не становилась менее популярной. Они имели возможность всего за пару фунтов получить индивидуализированную и исчерпывающую консультацию известного врача – и даже не выходя при этом из дому!
«Диджитрак» преуспевал. Об этом свидетельствовали золотые диски, висящие в рамках на стенах кабинета Джона, статуэтки, наградные дипломы с различных конкурсов. Компании присуждали награды компьютерные журналы, медицинские журналы, телевизионные каналы. Ее продукция пользовалась большим спросом на рынке. Фирму уважали.
И все это сделал Джон. У него в голове было много хороших идей, и он умел привлекать в свою команду лучших людей, чтобы все работало как надо. Большинство его сотрудников имели дипломы специалистов по компьютерным технологиям. Они работали либо над новыми версиями существующих программ, либо над созданием новых. Джон заботился о своих людях, хорошо платил им, выдумывал способы повысить их мотивацию. В прошлом году компания переехала на новое место – в длинное офисное здание необычной архитектуры в самом центре Южного Кенсингтона, с просторными холлами и спиральными лестницами. Сотрудникам нравилось в нем работать, и оно производило хорошее впечатление на заказчиков. Джон назвал его гордо: Диджитрак-Хаус.
Постоянной проблемой «Диджитрака» была нехватка свободных средств. В своем стремительном развитии фирма поглощала деньги быстрее, чем они успевали вернуться в результате продажи продукта. Образно говоря, она постоянно ловила свой собственный хвост. Это не особенно беспокоило Джона: все динамично развивающиеся компании сталкиваются с этим.
Но теперь он был один.
Билл Уильямс, надежно прикрывавший его, ушел, и на его место пришел мистер Клэйк, который ничего не хотел знать. Через год, а при существующих темпах роста, возможно, и раньше они смогли бы преобразоваться в акционерную компанию. Аналитик, с которым разговаривал Джон, был уверен, что, если бы им удалось достигнуть нужных показателей, компанию бы оценили не меньше чем в двадцать миллионов фунтов. Теперь об этом нечего и думать.

Джон посмотрел на лежащие на столе бумаги. Непрочитанная входящая корреспонденция, ожидающие подписи письма, требующие подтверждения расходные ведомости. Он щелкнул клавишей, возродив к жизни монитор компьютера. В углу экрана мерцала иконка непроверенной почты. Он заглянул: семнадцать новых электронных писем.
Со стоящей на столе фотографии на него смотрела Сьюзан. Широкая улыбка на ее лице заявляла: «Я тебя люблю!» Он тоже любил ее и в этот момент нуждался в ней больше, чем прежде. Сьюзан никогда не теряла головы, никогда не паниковала, у нее всегда был свежий взгляд на ситуацию и как минимум несколько путей ее разрешения. Джон с горечью подумал, что, если он потерпит крах, это будет несправедливо и нечестно по отношению к Сьюзан.
Он набрал номер на новом аппарате и прослушал одиннадцать голосовых сообщений; пометил в записной книжке, кому надо перезвонить, когда он вернется в строй.
Бог знает, когда это произойдет.
Джон сжал ладонями виски, прищемив пальцами переносицу для того, чтобы облегчить боль, и несколько минут сидел, стараясь создать в голове список всех своих знакомых, связанных с банковским делом и инвестированием. Ничего не получалось. Он встал, побродил по кабинету, рассматривая развешанные по стенам компакт-диски, таблички и сертификаты, затем снял со стены один из золотых дисков – первый выпущенный им «Домашний доктор» – и повертел его в руках.
«Вот чем мы занимаемся, мистер Клэйк, – со злостью подумал он. – Мы производим качественное программное обеспечение. Наша продукция – лучшая, потому что делаем свою работу с душой. Каждый сотрудник моей компании старается изо всех сил. Можете фыркать сколько угодно, завидев компьютер, но многим женщинам мы спасли жизнь, объяснив, как нужно осматривать грудь на наличие уплотнений».
Джон повесил рамку на стену и, ссутулившись от беспомощности и отчаяния, обвел кабинет глазами. «Кто знает, не придется ли уехать из него через месяц, – пронеслось у него в голове. – Неизвестно, что к тому времени у меня вообще останется».
Он поднял жалюзи и выглянул на улицу. Кто-то, сердито сигналя, пытался объехать не уступающий дорогу грузовик. Вечер обещал быть хорошим. Они с Сьюзан так ждали этого первого лета в их новом доме. Как сказать ей, что им, возможно, придется продать его?
К тому же они в любой момент могут лишиться и ее дохода, если издательство купят с потрохами.

Черт. Черт. Вот черт.

Дом. Он любил возвращаться туда после работы и, подъезжая к нему, каждый раз напоминал себе, что он не спит, что это и в самом деле его дом. Они с Сьюзан разослали столько открыток с уведомлением о перемене адреса и даже успели показать дом нескольким друзьям. Все были в восторге от него, говорили, как им повезло. Они потеряют лицо, если сейчас уедут. А сотрудники? Как ему смотреть им в глаза? Как ему вышвырнуть их всех на улицу? Что с ними будет?

Он сел на диван, над которым на полке стоял цветочный горшок с вьющимся растением, и закрыл глаза.
Держи себя в руках. Наверняка есть какое-то решение. Ты ведь чертовски хорош в поиске решений. Вспомни свои собственные слова: «Лучшая месть – это успех». Накорми Клэйка успехом.

На новом телефоне раздался сигнал внутренней связи. Джон отвернулся. Телефон зазвонил снова. Джон встал и подошел к стоящему в углу игровому автомату – механическому «однорукому бандиту», который он когда-то давно купил в антикварном магазине, – опустил в щель монету и потянул за рычаг. Выпали вишенка, лимон и апельсин.
Муха все билась об оконное стекло. Она попала в ловушку и не могла выбраться на волю. И он тоже. Он тоже попал в ловушку. Таких мух называют мясными, а еще – трупными. Такие мухи едят трупы. Джон как-то выпустил компакт-диск под названием «Как забальзамировать труп». Программа очень хорошо продавалась и до сих пор функционировала в Сети.

Снова зазвонил телефон. На улице взвыл автомобильный гудок. Мозг Джона будто онемел и никак не хотел думать о том, что следует сделать в ближайшее время. Впрочем, Джон и так знал, что надо было сделать: сыграть в сквош с Арчи Уорреном, тогда он наверняка почувствует себя лучше. Но сегодня он совершенно не в состоянии общаться с Арчи. Из всех друзей Джона Арчи сделал самую успешную карьеру, он был шумным, любил поговорить, и Джон часто, спохватываясь, замечал за собой, что вовсю хвастает, как хорошо идут дела у «Диджитрака», только для того, чтобы не терять темп и направленность разговора. Сегодня у него не было настроения трепаться.

Он принял решение. Он уедет с работы, не дожидаясь конца рабочего дня, купит в мясной лавке на углу пару хороших стейков, остановится у того шикарного винного магазинчика, который Сьюзан нашла в их районе, возьмет пару бутылок, а приехав домой, разведет огонь для барбекю. Они будут сидеть на лавке во внутреннем дворике, напиваться и пытаться найти выход из создавшегося положения.

Перспектива напиться взбодрила его. Он встал, надел пиджак, затолкал свой «пауэрбук» в портфель и вышел из кабинета, попрощавшись со Стеллой.

Только он вышел в коридор, как к нему подошел совладелец компании, Гарет Нойс. Гарету необходимо было срочно поговорить с Джоном. Немедленно. Джону тоже нужно было поговорить с Гаретом, но позже – он решил не сообщать ему новость до самого последнего момента, потому что Гарет не мог работать в состоянии нервного напряжения. Он плохо ладил с людьми. Если Гарету попадал в руки компьютер – любой компьютер, какой угодно старый, разлаженный, измученный своей компьютерной жизнью, – через пять минут этот компьютер влюблялся в него, вел себя с ним как с любимым дядюшкой, делал все, что хотел от него Гарет. А с людьми Гарет не мог найти общего языка.

Гарет был высоким, худым как жердь, и, несмотря на то, что ему исполнился всего тридцать один год, волосы у него были седые – и, насколько помнил Джон, они были такими всегда. Цветом лица он напоминал больного, лежащего в отделении интенсивной терапии. Его одежда всегда выглядела так, будто он в ней спал.

– Слушай, – сказал он Джону, – надо поговорить.

Джон неохотно последовал за Гаретом в его каморку и сел. Гарет был совладельцем бизнеса, и Джон обязан был проинформировать его о том, чем закончился разговор с Клэйком и что сказал юрист. Но Гарет ничего не смыслил в денежных вопросах. Он ничего не поймет и только запаникует. Гарет жил на другой планете, в своей собственной субреальности. Это было одной из причин того, почему они так эффективно работали вместе. Джон занимался финансами и маркетингом, Гарет – технической стороной. Их сферы деятельности не пересекались.

Гарет начал говорить с такой скоростью, что Джон смог уловить только основную его мысль. Проблема касалась игры, которую они разрабатывали. Она была чисто технической, и Джон никак не мог помочь ее разрешению, и, кроме того, она не шла ни в какое,
ни в какое
сравнение с той катастрофой, о которой знал Джон.

– Закавыка вышла с конфигурационными параметрами, – говорил Гарет. – Но не только с ними. Здесь дело в конфликте программного обеспечения. Я имею в виду, что «Майкрософт»… – Гарет выдал длинную последовательность технических терминов, и Джон тут же потерял нить рассуждений, чего Гарет не заметил – чего Гарет никогда не замечал.

Джон выключил его голос из сознания. Гарет продолжал говорить, выкурил подряд две сигареты. Табачный запах сводил Джона с ума. Им овладело искушение попросить одну, но он каким-то чудом сдержался. Он бросил курить три года назад, из-за Сьюзан, и ни разу с тех пор не сорвался. В какой-то момент, не обратив внимания на то, закончил Гарет или нет, Джон встал.

– Мне надо идти. Поговорим об этом утром.

– Ты понимаешь, что это может задержать выпуск программы? – мрачно спросил Гарет.

– Да. Мы не можем выпустить ее, не разобравшись с этим.

– Но думаю, все же есть один способ.

Джон ждал продолжения.

– Да, – сказал Гарет и встал. – Да, я знаю, что делать! Не беспокойся, оставь это мне.

Джон оставил это ему. Спускаясь в лифте, он подумал, что запрыгал бы от счастья, если бы ему удалось найти решение «проблемы мистера Клэйка» так же легко, как Гарет нашел решение для своей программы.

6

– Это наша спальня. Здесь один аппарат. – Сьюзан указала на него рукой. Ей даже нравилось показывать телефонному мастеру дом – это было ей еще в новинку, и она радовалась, как ребенок, показывающий новую игрушку. Особенно она гордилась этой круглой комнатой в башенке, со сплошным поясом окон.

Кунц проследил за ее пальцем и увидел телефон, который стоял на столике возле кровати; на стене чуть выше плинтуса располагалась кнопка сигнала тревоги. Отмечая это, Кунц впитывал в себя запахи, витающие в комнате, и старался выделить те из них, которые оставила после себя Сьюзан Картер.

В воздухе был разлит насыщенный мускусный запах ее влагалищных соков, смешанный с металлическим, еще свежим запахом спермы ее мужа. Наверное, они занимались любовью утром, а если нет, то точно нынешней ночью. Кунц услышал, как женщина сказала:

– К этому аппарату ведут две линии.

Две линии. Еще одна для факса в ее кабинете, и еще одна для охранной сигнализации. Как успел заметить Кунц, в доме было четыре кнопки сигнала тревоги: по одной у парадной и задней двери, в спальне возле кровати и в кухне на стене рядом с базой беспроводного телефона. ISDN-линия вела к компьютеру мистера Картера.

Мысли Кунца сменили направление. На лестничной площадке он видел люк, ведущий на чердак. Мысль о чердаке взволновала его – не так, как запах, исходящий из влагалища Сьюзан, или мысль о том, рыжие у нее волосы на лобке или нет, – но все же она сильно взволновала его. Его сердце было полно благодарности мистеру Сароцини. Если бы не он, Кунц никогда бы не оказался здесь. Мистер Сароцини всегда знал, что привлекает его.

Они остановились на площадке лестницы. Кунц показал пальцем на люк:

– Это единственный путь на чердак?

– Думаю, да.

– А лестница у вас есть?

– Вот тут, в нише. – Сьюзан посмотрела на огромного мужчину и спросила себя, нравится ли ему его работа. Непонятно почему, но его вид не гармонировал с ней. «Может быть, он не мог обеспечить себя, работая по призванию, – подумала она, – и стал телефонным мастером, чтобы хоть как-то прожить. Многие люди не выбирают, что делать в жизни, а занимаются всем подряд – просто от отчаяния».

Сьюзан первая стала подниматься по лестнице, и Кунц дрожал от возбуждения, глядя на нее: его окутали ее запахи; ее туфля случайно коснулась его плеча; под задравшейся штаниной джинсов промелькнула обнаженная лодыжка. Он никогда еще не возбуждался от вида лодыжки. Это было новое для него ощущение.

Кунц никогда еще не занимался любовью с женщиной с рыжим лобком. Ему стало интересно, очень ли влажно будет внутри ее.

Поднявшись, Сьюзан открыла люк и включила свет на чердаке.

Кунц перебросил мультиметр через плечо, подхватил свой синий металлический чемоданчик с инструментами и стал взбираться по лестнице.

К югу от Темзы автомобильное движение почти застыло. Джон опустил крышу в своем БМВ и сделал потише Брубека в магнитоле.

Он не мог по достоинству оценить ни теплый летний ветер, обдувающий ему лицо, ни джаз, который он поставил, чтобы расслабиться. С неожиданной злостью он утопил в пол акселератор, и стрелка счетчика оборотов прыгнула к красной черте. Джон отпустил педаль, затем снова нажал на нее. Водитель стоящей перед ним машины озадаченно взглянул на него в зеркало: они все равно не могли тронуться, так как стояли на перекрестке и перед ними было еще четыре машины.

Джон уже жалел, что отменил игру в сквош с Арчи Уорреном. Она и в самом деле отвлекла бы его от тягостных мыслей, но важнее было то, что Арчи, который был товарным брокером в Сити, имел широчайший круг знакомств. Он принадлежал к тем людям, которые знают всех и вся. Джон даже как-то пошутил в разговоре с Сьюзан, сказав, что, если она вдруг захочет встретиться с папой римским, ей стоит для начала обратиться к Арчи.
Он посмотрел на часы, расположенные на приборной панели. Шесть двадцать. Он набрал номер мобильного телефона Арчи, но на втором гудке к линии подключился автоответчик. Тогда он попробовал позвонить Арчи в офис – если бы Джон поспешил, он еще смог бы приехать в Харлингем вовремя, – но рабочий телефон Арчи уже работал в режиме голосовой почты. Джон отключился, не оставив сообщения.
На его солнцезащитные очки села пылинка. Он снял очки и сдул ее. Через дорогу, возле паба, на тротуаре стояли люди со стаканами в руках. Они беззаботно отдыхали после работы, и Джон понял, что завидует им.
Человек пять собралось возле новенького «порше» с откидным верхом, самоуверенно стоявшего двумя колесами на тротуаре, и Джон мрачно подумал, что немало времени утечет, прежде чем он сможет купить новую машину. Его БМВ намотал уже девяносто тысяч миль, но о том, чтобы сменить его, теперь не приходилось и думать.
Поток машин пришел в движение. Джон воткнул третью скорость, надавил на акселератор и обогнал едущую впереди него машину. Не обратив никакого внимания на сердитые гудки и мигание фар, он вклинился между двумя автомобилями. Затем проделал то же со следующей машиной. И со следующей.
Остановился он только возле дома, а остановившись, понял, что забыл купить вина.
На обочине стоял фургон «Бритиш телеком». Сьюзан хорошо умела управляться с рабочими-ремонтниками, ей нравилось наблюдать, как, в соответствии с ее планами, преображается дом. У нее был талант к этому. И еще у нее был талант тратить деньги – деньги, которых у них больше не было.
Некоторое время он просто сидел, глядя на дом, и его сердце вздымалось вверх и падало вниз, как стоящий на якоре корабль, качаемый волнами. Как сказать ей, что они больше ничего не могут себе позволить? Им придется отложить празднование новоселья, а ведь они уже составили список гостей и напечатали пригласительные открытки. Они решили включить в этот список и соседей, хотя чета Мерриман, живущая в соседнем доме, вызывала у них некоторые сомнения – уж очень преклонного они были возраста. В погожие дни старик Мерриман, сумасшедшего вида майор в отставке, долгими часами сидел в саду и время от времени зычно покрикивал на деревья. Время от времени на пороге дома появлялась его жена, и, когда она попадалась старику на глаза, он по-военному решительно загонял ее обратно в дом.
Джон в шутку сказал Сьюзан, что уж они-то раскачают вечеринку, если их пригласить, на что Сьюзан ответила, что он к ним слишком жесток – ведь и они могут когда-нибудь стать такими. Ее слова задели Джона за живое. Ему тридцать четыре, и кажется, что до старости еще далеко – но вовсе уже не так далеко, как казалось раньше. Все меняется, и он никогда не чувствовал этого так остро, как сейчас. За несколько секунд все в жизни может перевернуться с ног на голову.
Единственным, что оставалось неизменным, была Сьюзан. Она была такой же сильной, умной и красивой женщиной, как и тогда, когда он впервые увидел ее. Пойдя за ним, она пожертвовала очень многим: уехала из родных мест, оставила семью, оказалась в стране, где никого не знала, кроме Джона. И он был поражен, как она быстро освоилась в новой обстановке. Она очаровала всех его друзей, нашла себе хорошую работу, тянула на себе все домашнее хозяйство. Все, кто знал ее, были от нее без ума – она была общительной, мягкой и приятной в общении, она не знала, что такое язвительность или ехидство.
Единственным, что беспокоило Джона, было то, как она восприняла его решение никогда не иметь детей – относительно этого Джон расставил все точки над «i» еще на стадии ухаживания, до того как сделал ей предложение. Он видел, каким взглядом она смотрит на детей их друзей или даже просто на мать с ребенком, сидящую в парке на скамейке, и знал, что в эти моменты ей было тяжело. Но она ни разу не попыталась обсудить с ним это еще раз.
Бывало, что на вечеринках ее спрашивали, когда же у них с Джоном появится малыш, и она всегда спокойно отвечала, что они решили не заводить детей. При этом в ее голосе была обезоруживающая убежденность, кладущая конец разговору, – казалось, будто она не со

смешанными чувствами согласилась с решением Джона, а сама приняла его. В эти моменты Джон гордился ею.
Сьюзан заслуживала лучшего, чем тот поворот событий, что планировал мистер Клэйк.
В глазах Джона стояли слезы. Никто не заберет у них этот дом. Никакому плешивому, четырехглазому, косоротому банковскому управляющему с Библией на столе не удастся сломать им жизнь – ту жизнь, которую они с таким трудом создали для себя.
Он развернулся и поехал в винный магазинчик.

Когда-то давно каждая щель на этом чердаке была заткнута теплоизоляционным материалом. Рыжая губка была аккуратно уложена во всех углублениях, и Кунц, идя вдоль стропил, счел, что работа выполнена качественно. Он завернул за угол, перешагнул через высохший трупик крысы, попавшей в мышеловку, которую кто-то поставил и забыл о ней. На скелете крысы еще держались клочья шкурки, но плоть уже давно разложилась, впрочем, запаха гниения в воздухе не ощущалось.
Зато явственно были слышны другие запахи: едва уловимая вонь от лежащей где-то недалеко мертвой птицы, темный холодный запах наполненной водой бочки, сухой терпкий – стареющего дерева. Он шел откуда-то сверху – возможно, оттуда, где каминная труба проходила сквозь крышу. Но Кунцу был важен только один запах, и при каждом вздохе он насыщался им. Это был запах Сьюзан Картер, и из-за него он терял контроль над собой. Только всегда присутствующая в уголке сознания мысль о мистере Сароцини помогала ему сохранить самообладание. Мысль о том, что мистер Сароцини может с ним сделать, если он провалит задание. Иногда Кунц задумывался о том, сколько будет длиться насланная мистером Сароцини боль, если он по-настоящему рассердится на него. Пока что ни одно наказание никогда не длилось дольше нескольких дней. Но Кунцу доводилось видеть людей, по-настоящему страдающих от боли, насланной на них мистером Сароцини, – боли, не стихающей дни, недели, месяцы, боли, которая в конце концов заставляла людей молить о смерти.
Люди часто говорят об адских мучениях – Кунц знал это выражение по книгам и фильмам и понимал, что это всего лишь метафора. Даже среди переживших холокост по пальцам можно было пересчитать людей, которые испытали такие же мучения, как те, что прогневили мистера Сароцини.
Сьюзан Картер шла позади Кунца. Она проследовала за ним за угол, в чернильную темноту, и при этом от нее не исходил запах страха. Она доверяет ему. Это хорошо.

Джон сидел в машине возле винного магазинчика и царапал ногтем целлофановую обертку сигаретной пачки. Он снял обертку, открыл пачку, оторвал золотую фольгу и вытянул сигарету. Ее сухой кедровый запах напомнил ему о детстве, о том, как он прятал сигареты в шкафу под стопкой носков и выкуривал их на чердаке или в заброшенном бомбоубежище неподалеку от школы.
Он зажег сигарету от автомобильного прикуривателя и глубоко затянулся. В голове противно зашумело, к горлу подкатила тошнота. От второй затяжки кружения в голове прибавилось, и его бросило в холодный пот.
Джона передернуло от отвращения. Он открыл дверь, швырнул сигарету в канаву, затем виновато поглядел на открытую пачку, лежащую рядом с ним на сиденье. Решительно вышел из машины, бросил все – пачку, целлофановую обертку, фольгу – в урну и сунул в рот пластинку жевательной резинки. Чувствуя себя ужасно, он откинулся на спинку сиденья. Он не в силах был ехать домой – чтобы быть в состоянии посмотреть в глаза Сьюзан, ему нужно было выпить. Где-то на соседней улице был паб. Джон завел машину и двинулся туда.

Предвкушение. Кунц знал, что предвкушение наслаждения чаще дает больше удовлетворения, чем последующее наслаждение. Двадцать первая Истина гласила, что наслаждение есть освобождение от предвкушения. Но только не в этом случае. Только не с этой женщиной. Кунц был уверен, что наслаждение, которое он получит от Сьюзан Картер, не сравнится ни с каким предвкушением.
– Я вам больше не нужна? – вдруг спросила она.
Он ничего не ответил. Ему нравилось, что она стоит здесь, рядом с ним, в темноте. Это создавало иллюзию близости между ними. Снова раздался ее голос:

– Вы слышите меня? Я вам больше не нужна?
Он оценил изменения в тембре ее голоса. Ему нравилась эта игра в темноте. Он подождал еще немного, затем сказал:
– Нет. Все, что мне нужно, у меня с собой. Спасибо.
Кунц, освещая ей путь лучом фонаря, проводил ее назад до поворота, подождал, пока она не спустится по лестнице, жадно вдыхая, впитывая всей поверхностью легких ее ароматы, разливающиеся в воздухе.
Затем Кунц возвратился на место и сосредоточился на первой части той работы, которую ему нужно было выполнить здесь. Поставив на пол ящик с инструментами, он присел на корточки и вынул из отделения в крышке небольшую металлическую коробочку в два дюйма длиной и дюйм шириной. Также он достал из ящика копию чертежа дома, ради которой он ездил в Отдел проектирования. У его лица качалась большая паутина.
Не спеша обойдя чердак, он отыскал подходящее место и шурупами прикрепил коробочку в таком месте, где за теплоизоляцией она была не видна и ее трудно было обнаружить. Это устройство будет принимать сигналы от микрофонов, которые он установит внутри каждого телефонного аппарата внизу, и транслировать их на низкоорбитальный спутник.
Из любой точки планеты Кунц сможет отслеживать каждое слово, сказанное в этом доме, и не важно, будет ли это разговор по телефону или обычный разговор в какой-либо из комнат дома.
Он подключил устройство к питающей дом электросети, но установил и аккумуляторный источник питания на случай отключения электричества. Если это будет необходимо, через три года ему придется вернуться сюда и заменить батарею. Кунц на всякий случай отметил в памяти дату.
Закончив монтаж, он прикоснулся щупами мультиметра к контактам в коробочке. Показания его удовлетворили. Выполнив тестовую передачу, он с удовлетворением отметил, что сигнал сильный.
С первой частью работы, для выполнения которой он поднялся на этот чердак, было покончено. Вторая часть займет больше времени – по его подсчетам, по меньшей мере два дня. Но каким счастьем для него будет трудиться здесь, ежеминутно погружаясь в ароматы Сьюзан Картер, ощущая ее присутствие! На ум ему пришли исполненные мудрости слова Восемнадцатой Истины: «Любая мечта может исполниться». Кунц мечтал о Сьюзан Картер. Мистер Сароцини не переставал изумлять его. Мистер Сароцини всегда точно знал, чего желал Кунц. Конечно, все исходящее от мистера Сароцини имело свою цену. Но Кунц не был против. За Сьюзан Картер он уплатил бы любую цену.
Он закрыл люк и спустился. Еще одно небольшое дело, и он уедет. При первом визите нельзя злоупотреблять гостеприимством хозяев. У него вся жизнь впереди для того, чтобы насладиться Сьюзан Картер.

7

Сьюзан была в кухне, когда открылась входная дверь. Она чуть не бегом бросилась в холл. Один взгляд на мертвенно-белое лицо Джона сказал ей все.
– Джон? – обеспокоенно спросила она, взяла у мужа из руки портфель и поставила его на пол. Затем обняла и поцеловала его. Никакой реакции: с таким же успехом она могла бы обнимать статую. От него пахло табаком и сигаретами – а ведь он не курил три года. – Джон, – еще более обеспокоенно повторила она, – что случилось? – Сьюзан потерлась об него щекой и почувствовала, как его чуть-чуть отпускает. – Хочешь выпить? Виски? – Она ослабила ему галстук, и он кивнул. – Сейчас сделаю, – сказала Сьюзан и сама услышала, как задрожал ее голос. Она не знала, что делать, не знала, что говорить ему. Вместо мужа с работы домой пришел незнакомец.
Вернувшись в кухню, она налила в стакан добрую порцию «Макаллана», добавила четыре кубика льда и немного фильтрованной сырой воды. Себе она хотела налить розового вина, но потом решила, что ей необходимо выпить чего-нибудь покрепче, и сделала еще одно виски.
– «Телеком», – сказал Джон, отчужденно глядя на копию рабочего листа, лежащую на столе. – Они были здесь?

– Да, их мастер. Он только что уехал. Установил преобразователь на телефонную линию – так, кажется, он сказал. – Сьюзан посмотрела на Джона: – Что-то не так?
Он пожал плечами. В обычный день он рассказал бы о том, что в его офис тоже приходил мастер из телефонной компании – Сьюзан придавала очень большое значение совпадениям, – но сегодня он был не в силах поддерживать беседу.
Сьюзан мучительно хотелось узнать, что произошло в банке, но в то же время она боялась затронуть эту тему.
– Он вернется завтра и проведет новую ISDN-линию, – сказала она. – И он обещал заменить провода, ведущие ко всем телефонам.
– Хорошо, – рассеянно сказал Джон. – Связь у нас была паршивая. В трубке постоянно потрескивало. Он проверил аппараты?
– Да. Мне он показался очень педантичным.
Разговор иссяк.
Джон покрутил в руке стакан. Полурастаявшие кубики льда тонко зазвенели о его стеклянные стенки. Джон отвернулся от Сьюзан и стал смотреть в окно.
– В банке у меня ничего не вышло. Этот новый управляющий… – Он скривился, сделал глоток виски, затем поставил локти на сосновую столешницу, держа стакан обеими руками. – Он идиот, полный идиот. Я просто… не могу поверить…
Сьюзан нежно обняла Джона, погладила по щеке. Его голос дрожал – он готов был расплакаться. Она в жизни не видела, чтобы он плакал.
– Джон, бедный мой мальчик. – Она взяла стакан из его нетвердой руки, затем обняла его крепче. – Жизнь моя, ведь это не важно. Ничто не важно, кроме меня и тебя.
Джон вытащил из кармана платок, промокнул им глаза, прочистил нос. Он ничего не ответил.
– Ну, так что сказал этот новый управляющий?
– Он дал мне месяц на погашение всей задолженности банку. – Джон шмыгнул носом и замолчал. Затем, очень тихо, он сказал: – Если я не успею, мне будет отказано в кредите.

Удалившись на три мили от дома Картеров, Кунц свернул с дороги, проехал еще несколько сот ярдов по вырубке вдоль заброшенной железнодорожной ветки и остановился рядом с синим «фордом», который он взял в аренду сразу по приезде в Англию.
Ему не нравился телекомовский фургон, но он также не стремился побыстрее оказаться за рулем «форда». В прошлом октябре мистер Сароцини подарил ему на тридцатилетие шикарный вороной спортивный «Мерседес SL600», с черными сиденьями из натуральной кожи и CD-чейнджером на десять компакт-дисков с двадцатиполосным эквалайзером и отдельным усилителем для сабвуфера. Автомобиль находился в Женеве, в подземном гараже того дома, где располагалась его квартира, и Кунц скучал по нему. В «мерседесе» он чувствовал себя королем дороги. «Форд» не давал такого ощущения, но, так как временное отлучение от «мерседеса» было частью той жертвы, которую он должен принести ради обладания Сьюзан Картер, Кунц смирился с этим.
Он вытащил из кармана толстую пачку двадцатифунтовых банкнотов и протянул их инженеру «Телекома», который, невидимый снаружи, сидел в глубине фургона и глядел на него глазами испуганного кролика.
– Второй аванс, – сказал Кунц. – Остаток получите после того, как я закончу.
Инженер, маленький пожилой человечек, взял деньги трясущимися от страха руками.
– Надеюсь, вы все правильно сделали, – сказал он.
Кунц заверил его, что сделал все правильно, хотя для инженера это уже не могло иметь никакого значения – через пару дней он выбросится из окна. Если когда-нибудь будет обнаружено, что кто-то поработал с телефонной сетью в доме Картеров, все повесят на него. Отыщут какую-нибудь причину самоубийства – например, психическое расстройство.
Сев в свой «форд», Кунц включил приемник спутникового сигнала, выполненный в виде трубки мобильного телефона, и задействовал активируемый голосом цифровой диктофон. Он приблизил трубку к уху, ввел команду сканирования каналов и стал слушать. Почти сразу же в трубке раздался голос Сьюзан Картер.
И мгновенно возбудился. Его одежда напиталась ее ароматом, и теперь он распространялся по салону «форда». Кунц подумал о том, не оставить ли себе телекомовскую униформу, «одолженную» ему инженером. Да, наверное, он ее оставит.

Сьюзан Картер сказала:
– Как? Как они могли так поступить с тобой? Джон! Как они могли так поступить?

– Они вправе поступать так, как считают нужным, – сказал Джон. – Это их деньги, и они могут делать с ними все, что им заблагорассудится.
Сьюзан предполагала, что банк их прижмет, но чтобы так…
– Они не имеют права обращаться с людьми таким образом, – сказала она.
Джон отпил виски и пожалел, что выбросил сигареты.
– Это их рутинная работа – обращаться с людьми таким образом.
Сьюзан добавила в виски воды и сделала глоток. Она старалась придумать что-нибудь утешительное. Это можно как-нибудь решить. Все можно как-нибудь решить, если не паниковать и думать. И не терять уверенности в себе. Если ты уверен в себе, люди тебе доверяют. А если они видят неуверенность и тоску у тебя в глазах, они избегают тебя.
– Давай выйдем в сад и посидим там, поговорим, – сказала она. – Или, если хочешь, поедем в тайский ресторанчик.
– У меня стейки в машине.
– Стейки?
Джон кивнул.
– И вино. Я… собирался сделать барбекю.
Сьюзан улыбнулась ему:
– Это было бы просто замечательно. Я могу поставить в духовой шкаф картофель в мундире.
Он пожал плечами:
– Пора начинать экономить деньги. Есть поменьше.
Он открыл дверцу буфета, заглянул в него и извлек на свет божий бутыль.
– Что это?

– Песто.
[1]

– А-а.
– Он был в той корзине, которую Арчи подарил нам на новоселье.
Джон продолжал внимательно разглядывать этикетку, будто надеялся, что на ней указано, как ему выйти из создавшейся ситуации.
– Не надо было покупать этот дом, – наконец сказал он.
Сьюзан сделала еще глоток виски и посмотрела в сад. Облитый мягким вечерним светом, он лучился спокойной, умиротворенной красотой. Она представила себе, каково это будет – переехать обратно в маленький дом или даже квартиру. Если им придется сделать это, то они смогут выбраться оттуда в лучшем случае через несколько лет.
Но найдут ли они такой же хороший дом, как этот?
– Ты говорил с Биллом Уильямсом? – спросила она. – Он придет в ужас, когда узнает, что произошло.
– Билл – прошлое. В банковском деле он больше не игрок. Теперь он играет в гольф.

– Я знаю, но он же твой друг. Мы приглашали его к нам на обед, водили в театр, в Глайндборн, на скачки в Аскоте. Мне приходилось развлекать его безмозглую жену. Не может быть, чтобы Билл ничего не мог сделать. Он
обязан
тебе.

Джон поставил бутыль обратно в буфет и снова взялся за стакан.
– Не уверен, что Билл сможет что-нибудь сделать, – похоже, его вышвырнули из-за меня. В том числе из-за меня. Клэйк ясно дал это понять. – Он допил виски и налил себе еще.
Сьюзан ничего не сказала. Возможно, сегодня это для него самое лучшее – по крайней мере, когда он напивался, то становился мягким, а не агрессивным, как ее отец. Может, сегодня им обоим стоит напиться до потери чувств.

– С чего вдруг этот Клэйк на тебя взъелся? Ты – ценный клиент. Я не понимаю, почему банк вдруг так натянул вожжи.
– Тебе нужна формальная причина? Клэйк сказал, что у банка слишком большая доля в сфере компьютерных технологий. Они уже обожглись на нескольких хайтек-компаниях – и папой парочки из них был Билл Уильямс. Бухгалтерский баланс моей фирмы их не впечатляет, а в наши прогнозы они не верят. Они считают, что мы не потянем выплаты по кредиту, и намерены сократить убытки до минимума.
– А на самом деле?
– Клэйк – религиозный фанатик. Технофоб. Верит, что высокие технологии – детище Сатаны. Ну, ты понимаешь… – Джон всегда с осторожностью высказывался в присутствии Сьюзан о религии, потому что она верила в Бога. В самом начале их совместной жизни она часто ходила в церковь, а когда они были еще только помолвлены, он и сам несколько раз сопровождал ее, но с неохотой, только для того, чтобы примелькаться священнику. После свадьбы он наотрез отказался делать это, а со временем и Сьюзан почти прекратила посещать службы.
Сьюзан Клэйк представлялся высоким, элегантным, одетым в дорогой серый костюм мужчиной с безукоризненным пробором в седых волосах и неестественно бледным лицом. Несмотря на то, что она никогда не видела его, он внушал ей безотчетный страх, вызванный тем, какую власть он имел над их жизнью. С кинематографической ясностью она вспомнила тот день, когда к ним домой (они тогда жили в Фулеме) пришел Билл Уильямс с целым портфелем бланков. Он уверил ее, что она будет выступать в качестве поручителя Джона всего в течение нескольких месяцев – он лично за этим проследит – только до тех пор, пора не вырастут показатели «Диджитрака».
И показатели действительно стали расти, но потом они купили этот дом, и Джон сказал, что начальники Билла Уильямса хотят, чтобы она осталась поручителем Джона еще на некоторое время, под залог дома. Тем самым надежность их вложений будет гарантирована.
Сьюзан достаточно разбиралась в юриспруденции для того, чтобы понимать, что, если бы она не подписала бумаги, банк не смог бы наложить свои лапы на дом.
Билл Уильямс сейчас играл в гольф – он получил свое выходное пособие и достойную пенсию, и его теперь мало что заботило. Сьюзан вдруг поняла, как сильно она ненавидит его. Именно из-за него они оказались на краю гибели.

И теперь Кунц, который, приложив к уху трубку спутникового телефона, вел по дороге свой «форд», знал, что у четы Картер есть слабость. Это было очень хорошо. Мистерसароцини будет доволен.
Много лет назад в большом поместье в Шотландии мистер Сароцини учил Кунца ловить семгу. Он показывал ему, как правильно держать в руках длинное упругое самодельное удилище, оснащенное дорогой, искусно сделанной катушкой, и провел с Кунцем долгие часы на берегу реки, снова и снова объясняя ему, как забрасывать наживку подальше в стремнину.
Наконец удовлетворившись результатом, мистер Сароцини наживил на крючок слепня и разрешил Кунцу забросить удочку по-настоящему.
Кунц запомнил это мгновение на всю жизнь. Леса, летящая над пенистой темной водой, упавший на ее поверхность крючок с наживкой, затем, всего через секунду, всплеск, серебряный просверк, и вот оно – то удивительное ощущение, возникающее, когда бьющаяся на крючке рыба раскачивает и рвет из рук удилище, стараясь освободиться.
Возбуждение, то же самое сильнейшее возбуждение, какое он испытывал тогда, он испытывал и теперь.
Он не мог поверить, что ему так повезло.

– И сколько денег тебе нужно найти? – спросила Сьюзан. – Если я не ошибаюсь, ты должен выплатить банку около пятисот тысяч, верно?
Джон баюкал в ладонях цилиндрический стеклянный стакан.
– Недавно Билл увеличил сумму до семисот пятидесяти тысяч. И еще на нас висит заем в двести пятьдесят тысяч, у которого подходит срок платежа – Билл продлил бы его. А ведь надо еще платить взносы за дом.
Сьюзан нервно кивнула. Дело обстояло еще хуже, чем она думала. Она вздрогнула от громкого хруста.

Джон раздавил стакан.
Сьюзан отпрянула, когда на пол полилось виски, посыпались осколки стекла и кубики льда. Один осколок остался у Джона в ладони, и на ней показалась кровь. Джон вытащил его, затем беспомощно посмотрел на Сьюзан – как ребенок, который случайно сделал что-то не то и не понимает, как это могло произойти.
Сьюзан осмотрела рану и, убедившись, что осколков в ней больше нет, промокнула ее влажным полотенцем; затем усадила Джона в стоящее в углу кухни кресло.
– Милый, не волнуйся так. Посиди, я сейчас все уберу.
– Я не буду опять бедным, – сказал он. – Ни за что. По этой дороге я обратно не пойду.
– Мы и не будем бедными, – поспешила ответить Сьюзан. Она принесла щетку, совок и тряпку. – Мы что-нибудь придумаем. Я сама пойду и поговорю с мистером Клэйком.
Джон слабо улыбнулся, представив, как Сьюзан врывается в кабинет Клэйка и устраивает тому разнос.
– Может, стоит обратиться к кому-нибудь поважнее мистера Клэйка? Директора банка знают об этом деле? Они готовы потерять одного из лучших своих клиентов?
– Думаю, что готовы, раз они уволили Билла за то, что он давал мне слишком много денег, – сказал Джон.
Сьюзан стала убирать с пола осколки стекла.
– Ты сегодня испытал сильное потрясение и не можешь сейчас быть полностью объективным. Давай ты переоденешься и мы пойдем в сад, сделаем барбекю и отдохнем. Хорошо?

Двадцатью минутами позже Джон, одетый в старые джинсы и трикотажную рубашку, с новым стаканом виски в руках уже сидел в саду на скамейке и наблюдал, как в жаровне для барбекю пламя лижет уголь. Сьюзан вынесла из дома миску салата и набор ножей, положила их на стол и села рядом с Джоном на скамейку.
Из-за забора раздался голос старика соседа.
– Пошла прочь, женщина! – прокричал он.
В парке заливисто лаял пес. С неба пришел похожий на гром звук – это «Боинг-747» заходил на посадку в Хитроу. Он летел пугающе низко.
Несмотря на теплый вечер, Джона колотило. Если ты беден, ты не можешь летать на самолетах. Если ты беден, ты словно в клетке, ты привязан к одному и тому же месту, словно муха, которая ползает в пустой банке из-под джема, слизывает остатки сладости и не смеет даже думать о том, удастся ли ей выбраться наружу.
Его мать попала в ловушку из-за того, что вышла замуж за его отца, а потом родила его. Все детство Джона она рвалась, стараясь накормить, обуть, одеть и выучить его на скудное пособие по безработице, и с течением времени ее характер все больше портился. Люди с достатком или презирают бедняков, или испытывают к ним снисходительную жалость – а беднякам нечем ударить в ответ. Матери Джона нечем было ударить, когда к ним домой пришли работники социальной службы, чтобы забрать его у нее. Ей нечем было ударить, когда ушел его отец.
А сейчас он сам испытывал полную беспомощность перед Клэйком – Клэйк будто стоял на верхушке высокого, вымазанного жиром столба, на который Джон лез всю свою сознательную жизнь, и сейчас, когда Джон почти забрался наверх, Клейк отвесил ему такой пинок, что он кулем свалился в смрадную выгребную яму, в дно которой этот столб был врыт.
– Джон, – тихо сказала Сьюзан. – «Диджитрак» ведь сейчас на высоте? Я имею в виду, по части заказов и репутации.
Джон поколебался.
– Безусловно.
– Но в таком случае можно найти какой-нибудь другой банк, который возьмется кредитовать твою фирму.
Джон ничего не ответил. Рев реактивных двигателей постепенно стихал. Небо окрашивалось в глубокий кобальтовый цвет – яркий, почти искусственный, как у театрального задника.
– Если бы не судебный иск, такой вариант не исключен, – сказал он.
– Этого композитора? Зака Данцигера? Я думала, что это уже улажено, что он отказался от претензий.
– Я тоже так думал, – ответил Джон. – И Тони Брэмфорд. Мы согласились платить ему процент с продаж.

Тони Брэмфорд был адвокатом Джона. Для очередной программы серии «Домашний доктор» «Диджитрак» использовал музыку молодого композитора, которого нанял Гарет, и эта музыка включала в себя фрагмент, предположительно нарушающий авторские права Зака Данцигера, одного из самых известных и высокооплачиваемых британских композиторов.
Композитор «Диджитрака» яростно отрицал, что слизал мелодию у Данцигера, но при одновременном прослушивании произведений сходство между ними стало очевидным. «Диджитраку» ничего не оставалось, кроме как встретить иск, притом что шансы, что молодой композитор возместит затраты из собственного кармана, были крайне малы.
– И что произошло? – спросила Сьюзан.
– Данцигер проконсультировался у юристов и теперь уверен, что сможет вытянуть из нас от трех до пяти миллионов. В бюджете «Диджитрака» на ошибки заложен один миллион, в то время как только судебные издержки могут обойтись в полмиллиона. Не так уж много адвокатов жаждут взяться за это дело.
Джон встал и уныло поворошил угли в жаровне. Даже запах жареного мяса, который он обожал, сейчас не мог поднять ему настроения. Он проверил готовность стейков и вылил на них еще несколько ложек своего фирменного маринада.
– Значит, – сказала Сьюзан, – тебе дали месяц. По крайней мере, у нас есть время.
В доме зазвонил телефон. Джон двинулся было на звук, но вдруг резко остановился. Сьюзан сказала:
– Я отвечу, – и направилась к дому.
Ярость, прозвучавшая в голосе Джона, заставила ее застыть на месте. Он сказал:
– Нет! Не ходи. Пускай звонит. Сейчас включится автоответчик.
Она повиновалась, и после пятого звонка телефон затих.
– На работе что-нибудь изменилось? – спросил Джон.
– Нет.
Сьюзан работала выпускающим редактором в отделе документальной литературы издательства «Магеллан Лоури» – солидной компании, одной из тех немногих в современном издательском бизнесе, которые сумели сохранить независимость.
– У нас все пока по-прежнему после того, как Питер Траубе заверил меня, что, даже если слияние с «Медиа Интернэшнл коммьюникейшнз груп» и произойдет, никакого сокращения штатов не будет.
– Траубе у вас главный, верно?
Сьюзан кивнула:
– Директор-распорядитель.
– Он человек слова?
Сьюзан помедлила, потом сказала:
– Нет, не думаю.
Джон сделал глоток виски и стал смотреть на деревья, растущие в дальнем конце сада, и на деревья за ними – в парке. Спускались сумерки, и их кроны теряли зеленую окраску, темными силуэтами выделяясь на фоне неба. Мысли Джона метались, пытаясь отыскать соломинку, за которую мог бы схватиться утопающий. Банк, конечно, заморозит кредит на дом, но у них останется заработная плата Сьюзан, и если он обналичит средства на своем счете в пенсионном фонде и продаст все имеющиеся у него ценные бумаги, то, возможно, им удастся некоторое время уплачивать ипотечные взносы. Однако была еще одна трудность – и о ней ни Сьюзан, ни он еще не заговаривали. Младшая сестра Сьюзан, Кейси.
– Ладно, – сказала Сьюзан. – Тебе надо отдать эти деньги. Но ведь у твоей фирмы остается имущество: компьютеры, офисная техника, договор об аренде помещения – он же должен что-то стоить. Твой портфель заказов полон – это гарантирует доход в будущем…
Джон перебил ее на полуслове:
– Мы здорово переплатили, чтобы добиться того помещения, которое сейчас занимаем, а офисное оборудование продать можно только за бесценок. Почти все автомобили – это не собственность фирмы, мы их только арендуем. – Джон помолчал. – Если устроить срочную распродажу, фирме придет конец. Это не вариант.
– Джон, – сказала Сьюзан, – у меня есть еще деньги на счете в Соединенных Штатах. Там около десяти тысяч долларов, и ты можешь взять их, если это поможет. И я могу продать

драгоценности… хотя не думаю, что смогу много за них выручить. – Она взяла перевязанную руку Джона и тихонько поцеловала его пальцы.
Джон покачал головой. Кейси лежала в клинике в Калифорнии. Она находилась в состоянии комы уже девять лет и могла провести в этом стабильном вегетативном состоянии еще долгое время.
– Эти деньги могут понадобиться Кейси, если она доживет до того момента, когда истечет срок действия страховки, – ответил он.
– Арчи Уоррен, – сказала Сьюзан. – Почему ты не поговоришь с ним?
– Я поговорю.
– Сегодня вторник. Разве ты не должен был поехать играть с ним в сквош?
– Я отменил игру. Плохо себя чувствовал.
– Я уверена, что Арчи сможет помочь.
Сьюзан села Джону на колени и заглянула ему в глаза – темно-карие, почти черные. Иногда они могли стать жесткими, словно кристаллы, но даже тогда в их глубине можно было разглядеть теплое, доброе выражение, обыкновенно разлитое по всей поверхности зрачка.
– Мы выживем, – сказала она. – Мы сможем найти выход. Но даже если не сможем, у нас все равно будем мы. Если понадобится продать дом – мы продадим его. Мы еще молоды и можем переехать в маленький дом, даже в квартиру. Мы еще способны начать все сначала. Ничего страшного.
– Ничего страшного, – эхом отозвался Джон. Перед глазами у него стояло косоротое ехидное лицо Клэйка, Библия у него на столе. Он всей душой желал согласиться с Сьюзан, но не мог. Не ничего страшного, а очень страшно. Ужасно.
Просто кошмарно.

8

– Ну? – сказал Арчи. – Как тебе?
Они ехали по Фулем-роуд в новеньком «астон-мартин-вираж-воланте» Арчи. Арчи получил его только сегодня утром, и спидометр показывал, что автомобиль прошел лишь семнадцать миль. Крыша машины была опущена. Джон расположился на кремовом сиденье с красной окантовкой, обитом кожей от Коннолли. В машине пахло, как в шорной мастерской. Мощный рык двигателя служил приятным фоном рвущейся из колонок песни доктора Хука «Я богат, и мне это нравится».
Да, Арчи это нравилось.
Джон, который обыкновенно тоже любил попижонить, был совершенно не в настроении делать это сегодня. Он чувствовал себя неловко в сверкающем монстре цвета гемоглобина, который оглушал пешеходов своим ревом, и, кроме того, он чуть-чуть завидовал Арчи.

В ответ на вопрос Арчи Джон хотел сказать, что тот похож на мистера Тоуда, [2] но предпочел промолчать.

Чем дольше Джон смотрел на Арчи, тем больше убеждался, что тот действительно похож на мистера Тоуда. У Арчи были светлые редкие волосы, которым место было скорее на лобке, чем на голове. Через несколько лет он совершенно облысеет. Арчи был одет в серый костюм в белую размытую полоску, картину дополнял и яркий шелковый галстук. Глаза у него были прикрыты небольшими овальными солнцезащитными очками – стильными до озноба.
Арчи было тридцать четыре года, и он имел фигуру пузатой вьетнамской свиньи. Несмотря на это, он с легкостью обыгрывал Джона и в сквош, и в теннис, плавал быстрее его и меньше задыхался, выбравшись из бассейна. Но что действительно бесило Джона, так это то, что он мог делать все это несмотря на то, что выкуривал пачку-полторы ежедневно.
Джон всегда был одиночкой. Он шел по жизни ведомый честолюбием и в конце концов растерял всех друзей детства. После школы он пошел в технический колледж изучать архитектуру и, поработав несколько месяцев с компьютерными программами, помогающими

проектировать здания, осознал, какой коммерческий потенциал может иметь программное обеспечение для домашних компьютеров.
После этого его жизнь была заполнена исключительно «Диджитраком», и теперь все его друзья, кроме Арчи, были связаны с его бизнесом – это получилось не специально, просто так сложилось. Похожим образом все друзья Сьюзан были так или иначе связаны с издательским делом.
Возможно, Арчи нравился Джону как раз потому, что не был похож на остальных его знакомых, и еще потому, что он не переставал удивлять его. Кроме того, Арчи происходил из хорошей семьи, окончил престижную школу и имел тот беззаботно-аристократичный вид, которым Джон втайне восхищался и который стремился обрести.
Они познакомились на скамье горнолыжного подъемника в Швейцарии семь лет назад. Оба они были честолюбивы и ценили хорошую жизнь. Хотя Арчи и происходил из богатой семьи, он сам сделал себе состояние, а не получил его в наследство. У него был набор охотничьих ружей, купленный на аукционе за пятьдесят тысяч фунтов – когда Джон услышал сумму, он чуть не упал в обморок. У Арчи было большое загородное поместье, вилла во Франции, маленький самолет и все прочее.
Арчи получал совершенно непредставимые деньги, торгуя ценными бумагами в Сити. В плохой год он зарабатывал миллион грязными, в хороший – на порядок больше. Он тратил столько, сколько мог, – какую-то часть на женщин – он был еще не женат, – но в основном на еду и игрушки.

Ресторан, в который Арчи привел Джона, был на первый взгляд способен удовлетворить его тягу к облегчению кошелька. Здешнее фирменное блюдо, называвшееся assiette de fruits de mer,
[3]
было подано на стол в четырехъярусной тарелке, дно которой было выложено колотым льдом, и в сопровождении целого набора столовых приборов, похожих на хирургические инструменты. Джон не был особенно голоден и, подступая к ней, ощущал себя археологом, обнаружившим замороженные волей случая свидетельства невоздержанности в еде представителей какой-нибудь древней цивилизации.

Арчи разломил крабовую клешню и обрызгал щеку Джона соком, но не заметил этого, так как был занят тем, что дожевывал остатки морской улитки и смывал их вниз по пищеводу шабли, чтобы освободить во рту место для крабового мяса. Джон украдкой вытер щеку салфеткой.
– Те моллюски – твои, – сказал Арчи. – И тот лангуст.
– Спасибо.
Джон начал чистить креветку. Ему нужно было спросить у Арчи миллион вещей, но пока Арчи был более расположен разглагольствовать о своей новой машине и этом новом ресторане, о котором он случайно узнал, чем советовать Джону, к кому тому стоит обратиться за финансированием. Когда Джон вскользь спросил его, не будет ли ему интересно вложить деньги в «Диджитрак», Арчи его, похоже, даже не услышал. Джон злился на себя, но понимал, что сам виноват. Не нужно было спешить. Надо выбрать подходящий момент. Возможно, вот сейчас.
Они пили уже вторую бутылку, а первая почти целиком сидела внутри Арчи.
– Я могу навскидку назвать десяток имен тех, кто может этим заинтересоваться, – вдруг сказал Арчи. – Но прежде чем к ним идти, тебе надо разделаться с этим твоим судебным иском.
– Каким образом?
Арчи подумал и решил прежде, чем браться за краба, проглотить креветку. Он заговорил, и между губами мелькнул ее хвост.
– Заплати.
– У меня нет столько денег, и, кроме того…
– Джон, пока на тебе висит иск, от тебя будут шарахаться, как от чумного. В этом все дело. Он тебя здорово дискредитирует.
Джон вооружился сверкающим столовым прибором с крючком на конце, нерешительно пощупал им колючего морского ежа, но решил оставить того в покое. «Кое-кого из этих созданий стоило оставить на океанском дне», – подумал он. Они напоминали скорее древних

мифических чудовищ, чем рекомендованные департаментом здравоохранения к употреблению в пищу морепродукты.
На Джона злобно смотрели немигающие глаза морского паука.
– У нас хорошая защита, – сказал Джон.
Арчи обезглавил очередную креветку и обмакнул ее в майонез.
– А если отпустить вожжи, утопить «Диджитрак» и начать заново с новыми инвесторами?
– «Диджитрак» – не акционерное общество, а партнерское. Он тонет – я тону. Мы потеряем дом, участок.
– Черт.
– И есть еще одна проблема.
У Арчи хватило такта перестать жевать.
– Младшая сестра Сьюзан, Кейси. Я тебе о ней рассказывал.
Арчи наморщил лоб:
– Которая в Америке?
– Да. Ее содержание обходится в две тысячи долларов в месяц, и страховка истекает в сентябре.
Арчи присвистнул:
– Куча денег. Ты будешь платить за нее?
– Мы с Сьюзан.
– А ее семья в Лос-Анджелесе?
Джон улыбнулся и покачал головой:
– У них нет на это денег. Они могут обеспечить себя, но не больше.
Официант наполнил бокал Арчи и символически плеснул пару капель в бокал Джона, который был почти полон. Джон попросил еще один стакан минеральной воды. Арчи указал подбородком на шеренгу ракообразных, выстроившихся на тарелке:
– Давай ешь. Не отставай.
Джон взял себе омара. Вообще он любил омаров, но сегодня он был настолько погружен в свои мысли, что едва замечал его вкус.
– Если «Диджитрак» не выплывет, Сьюзан придется не сладко – не говоря уже о том, что у нее самой с работой не все ладно.
Арчи кивнул.
– Я позвоню сегодня кое-кому, – сказал он и перетащил к себе на тарелку большого краба.
Заглушив в себе гордость, Джон сказал:
– Арч, я тут подумал, может быть, ты сам вложишься в «Диджитрак»? Ты бы не прогадал. В течение ближайших двух лет мы планируем стать акционерной компанией.
Арчи покачал головой:
– Я, конечно, подумаю, но вряд ли. Не обижайся. Я продавец, а не инвестор. За последние несколько лет я вложил деньги в пяток фирм: в винный бизнес, шинный бизнес, сотовую компанию. Мне приходится выплачивать огромные взносы за загородный дом, а инвестиции мне ничего не приносят. У меня нет в наличии столько денег, сколько тебе нужно. – Он улыбнулся Джону. – Но если тебе придется совсем туго, дай знать. Я одолжу тебе столько, сколько нужно, чтобы ты мог хоть как-то выплыть.
– Спасибо, я очень ценю это, – ответил Джон. – Но очень не хочу, чтобы так получилось.
И Арчи, который в жизни не сделал ничего, чего бы не хотел сделать, вскрыл крабовый панцирь и сказал:
– Иногда нам приходится действовать вопреки своим желаниям.

9

– Ладно, я понимаю это вот так, – сказала Сьюзан. – Если заморозить воду, она превратится в лед. Если нагреть лед, он превратится обратно в воду. Молекулы возвращаются в исходное состояние, но все равно это происходит в линейном времени.
Она теребила этикетку на новом телефоне, который поставили в ее кабинете сегодня утром, до того как она приехала на работу. В старом, очевидно, обнаружилась какая-то неполадка, хотя вчера он работал совершенно нормально.

Лицо Фергюса Донлеви было непроницаемо, как у хорошего игрока в покер. Он сидел в единственном в кабинете Сьюзан кресле, сложившись в нем, как телескоп. Кабинет был крохотный и заваленный бумагами, с давно не мытым окном, из которого можно было увидеть крышу Ковент-Гардена.

На Фергюсе был старый твидовый пиджак, плотная рубаха, прямые джинсы и высокие черные ботинки. Его волнистые волосы с проседью небрежно разметались по плечам. Черты его лица были тонкими и острыми, а само оно отличалось особой мужественной красотой, какой обладают лица актеров из рекламы сигарет «Мальборо». Сьюзан считала, что Фергюс похож на стареющего ковбоя.

За пять лет работы в качестве его редактора она очень сблизилась с ним – в чем-то он даже заменял ей отца. Он был первым человеком, которому она позвонила, чтобы сообщить о том, что они с Джоном решили купить дом, и он одобрил выбранный ими район, хотя и предупредил, что пару десятков лет назад с экологией там было совсем не так хорошо, как сейчас.

– Если сварить яйцо… – начал Фергюс. Он всегда говорил тихо, почти шепотом, – то никаким способом его уже не сделать опять сырым. Нельзя вернуть в исходное состояние оплодотворенную сперматозоидом яйцеклетку. Вот линейность, но это пример скорее из области химии, а не физики.

Фергюс говорил спокойно, но вместе с тем убедительно, как человек, которому судьба не раз подставляла подножку, но который еще не устал жить и был по-прежнему полон энергии.

– Сьюзан, я просто хочу, чтобы читатели представили, что время – это вода. Оно может быть жидким и текучим, но также может быть твердым, как лед, и трехмерным. Это зависит от того, как мы воспринимаем его в каждый конкретный момент. Время и линейно, и статично. Это как в уравнении Шредингера – волна и частица…

Сьюзан перебила его:

– Фергюс, неужели ты рассчитываешь, что тебе удастся довести свою мысль до простого читателя, если даже я – а я немного разбираюсь в физике – не понимаю твоей аргументации?

Предыдущие две недели Сьюзан не расставалась с рукописью Фергюса. Несмотря на то, что она отчаянно переживала за Джона, который никак не мог найти новых инвесторов для «Диджитрака», она изо всех сил постаралась сосредоточиться на работе. Ее внутреннее чутье говорило ей, что рукопись в том виде, как она есть, не годится.

Она отхлебнула кофе из желтой чашки, пару лет назад подаренной ей Джоном на день рождения. На боку чашки жирными черными буквами было написано: «Вам не узнать, о чем я думаю».

– Фергюс, когда Эйнштейн опубликовал свою теорию относительности, во всем мире только пять человек смогли понять ее.

Доктор Фергюс Донлеви – профессор университетского колледжа в Лондоне – улыбнулся:

– Я слышал, что их было шесть.

– Мы же хотим, чтобы эта книга продавалась лучше, чем «Краткая история времени», и единственный способ этого достичь – сделать так, чтобы люди хоть что-нибудь в ней поняли. Я ничего не имею против твоих идей – просто ты слишком сложно их излагаешь.

Фергюс задумчиво посмотрел на Сьюзан:

– Тебя беспокоит семнадцатая глава?

Сьюзан искренне полагала, что эта книга может стать международным бестселлером. Фергюс Донлеви был авторитетным ученым, а книга обещала быть содержательной. По крайней мере, такие выводы можно было сделать после прочтения шестистраничного синопсиса. А теперь на ее столе лежала стопка из тысячи ста страниц практически нечитабельного текста. Фергюсу придется бросить все, чем он собрался заниматься следующие полгода, и переписать его. К этой мысли Сьюзан и пыталась тактично подвести Фергюса, старалась заставить его самого осознать необходимость переработки рукописи, но пока это не очень у нее получалось.

Она несла немалую долю ответственности за эту книгу: это она предложила Фергюсу написать ее, а затем убедила начальство заключить с Фергюсом контракт и вызвалась редактировать ее. Идея, заложенная в основу книги, была замечательная: Фергюс утверждал, что при помощи физики можно доказать существование Бога – или, по крайней мере, Высшего Разума в любой его ипостаси – и что Вселенная была создана именно таким существом высшего порядка.

В книге Фергюс развенчивал теорию Большого Взрыва, показывал неспособность теории Дарвина объяснить существование человека, научно обосновывал осуществимость передвижения со скоростью большей, чем скорость света, приводил веские доказательства тому, что человечество зародилось не на Земле – что первые люди прибыли на нашу планету из космоса.

Сьюзан подумала о Джоне. У него сегодня еще одна встреча в еще одном банке, рекомендованном Арчи Уорреном. Потом он встретится с Арчи. Джон подумывал о том, чтобы собрать консорциум спонсоров, включив в него людей, уже вложивших деньги в «Диджитрак», – таких как гинеколог Харви Эддисон, который исполнял роль ведущего в их лучшей серии программ. Но пока дело двигалось вяло.

Камнем преткновения был судебный иск. Джон уже получил исковое заявление от Зака Данцигера, и в нем не было ничего утешительного. Он держался молодцом, но Сьюзан знала, что шансов у него все меньше и меньше. И ко всему прочему в «Магеллан Лоури» тоже было не все ладно – в издательстве усилилось беспокойство по поводу надвигающегося слияния.

На завтра Арчи пригласил их с Джоном в Аскот, и она ждала этой поездки, видя в ней краткую передышку в череде наполненных треволнениями дней. Арчи ездил на Королевский Аскот [4] каждый год, снимал целую ложу и всегда привозил с собой компанию, состоящую из влиятельных людей. Возможно, Джон найдет там кого-нибудь, кто вложил бы деньги в его бизнес, но вероятнее всего, что он только проиграет несколько сотен фунтов на тотализаторе.

По крайней мере, в обществе Арчи всегда весело. Он нравился Сьюзан – он умел ее рассмешить.

Сегодня вечером тоже что-нибудь могло получиться, так как они с Джоном были приглашены на банкет в Гилдхолле. [5]
Как получилось, что их пригласили туда, ни Сьюзан, ни Джон не знали. Открытка пришла всего неделю назад, будто о них вспомнили в самый последний момент. Сьюзан полагала, что это связано с книгой об истории Востока, которую она редактировала, но точно ничего не было известно.

Подпись под приглашением вызывала уважение: мистер и миссис Уолтер Томас Кармайкл. Уолтер Томас Кармайкл считался одним из самых богатых людей Америки. Он имел репутацию филантропа и покровителя всяческих искусств. Поначалу Джон не слишком обрадовался приглашению, но Сьюзан убедила его поехать, указав на то, что на таких банкетах обыкновенно бывает очень много богатых людей и не исключено, что кто-нибудь из них согласится помочь ему.

Сьюзан предложила Фергюсу вместе пообедать – она подумала, что вне стен издательства ей будет проще дать понять ему о необходимости переписать книгу, а он легче это воспримет. Они сидели за столиком в большом ресторане на верхнем этаже Ковент-Гардена, ели копченого тунца, пили «Сансерре» и говорили обо всем на свете, кроме книги. Фергюс рассказал Сьюзан, что с сентября этого года его дочь – он был один раз женат и развелся много лет назад – будет учиться на психолога в Герцогском университете в Северной Каролине.

– Теперь, когда вы переехали в большой дом, вы собираетесь завести ребенка? – спросил он.

– Нет. – Сьюзан видела, что Фергюс подумал, что задел своим вопросом за живое, и сказала, чтобы сгладить неловкость: – Мы Джоном решили не иметь детей. Разве я не говорила тебе этого?

Фергюс отрезал от тунца ломтик, обмакнул его в подливку, но есть не спешил. Вместо этого он проворчал что-то нечленораздельное, что можно было воспринять и как осуждение, и как одобрение. Его лицо посуровело, но голос был по-прежнему тихим и спокойным.

– Ты могла передумать. – Он поднял брови. – Ты говорила мне, что это Джон не хочет иметь детей, потому что его собственное детство было очень тяжелым. Конечно, я знал, что ты приняла его условия, но надеялся, что ты передумала.
– Нет, – неловко сказала она. Он действительно задел ее за живое. – Переезд… в этом отношении он ничего не меняет.
– Я рад, что вы с Джоном так хорошо понимаете друг друга.
Сьюзан с трудом расслышала его фразу на фоне ресторанного шума.
– Да, – сказала она почти так же тихо, как он.
Фергюс знал множество людей. Она подумала, не рассказать ли ему о затруднениях Джона, но решила, что, несмотря на их дружбу, это было бы непрофессионально. Этот обед был затеян ради книги Фергюса – не надо об этом забывать.
– Многие супружеские пары заводят детей из-за того, что им уже нечего друг другу сказать, – сказал Фергюс.
Она улыбнулась:
– Может быть.
– Хорошо, что вам с мужем еще есть что друг другу сказать. Если уж вы не надоели друг другу за семь лет, то, скорее всего, будете вместе до самой смерти.
– Вам с женой нечего было друг другу сказать? – спросила она.
Фергюс отправил кусок рыбы в рот и медленно прожевал его. Он весь внутренне осел – Сьюзан задела его старую рану.
– Было еще много других причин, – сказал он и замолчал.
Сьюзан отпила вина и решила не развивать тему.
– Я тебя никогда об этом не спрашивал, – сказал Фергюс. – Как ты справляешься с биологически обусловленным желанием стать матерью? Или у тебя нет такого желания?
Сьюзан оглядела зал ресторана, обращая особое внимание на ближние столики. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из ее коллег хотя бы краем уха уловил какие-либо подробности ее личной жизни. За соседним столиком сидел директор по рекламе и с ним трое незнакомых ей мужчин. Они что-то живо обсуждали.
– Конечно, оно у меня есть, но я не позволяю ему диктовать мне, как жить.
Фергюс отпил вина, поставил бокал, что-то снова проворчал, затем сказал:
– Звезды властвуют над человеком, однако мудрый человек властвует над звездами.
– Хорошо сказано. Кто это?
– Фрэнсис Баррет. Это из книги под названием «Маг».
– Не знала, что увлекаешься магией.
Он наклонил голову:
– Насколько хорошо ты меня знаешь?

– Я? Не очень хорошо. Мы знакомы уже давно, но я не знаю тебя.

Он отстраненно улыбнулся:
– Насколько хорошо можно узнать хоть кого-нибудь?
– Что ты имеешь в виду?

– Насколько хорошо ты знаешь своего мужа? Знаешь ли ты его вообще? Знаешь ли ты себя? Знаешь ли ты себя по-настоящему?

Сьюзан развела руками:
– Думаю, что да, но не уверена.
– Никто из нас не знает, на что он способен, пока обстоятельства не подвигнут его на конкретные действия. – Целясь в тунца на тарелке, Фергюс выжал из ломтика лайма последние капли сока.
– Я думала, ты ученый, – сказала она. – Магия описывает сверхъестественные явления. Как ты смог примирить в себе магию и науку?

– Артур Кларк как-то сказал, что магией можно назвать любую в достаточной степени развитую технологию. Мы называем сверхъестественным то, для чего пока не нашли объяснения.
– Ты и в самом деле в это веришь?
– Да, – сказал он.
– Ты полагаешь, что мы постепенно найдем объяснения для всего?
– Да. Только не знаю – когда.
– И какими они будут?
Он пожал плечами:

> – Кларенс Ирвинг Льюис
> [6]
> сказал: «Нет никаких оснований полагать, что, когда мы отыщем правду, она покажется нам интересной».

Сьюзан улыбнулась:
– Надеюсь, он не прав.
Фергюс посмотрел на нее странным взглядом:
– Думаю, это очень возможно. Что он не прав.
Сьюзан поднесла бокал ко рту.
– Ты полагаешь, что очень немногие из нас выполнят свое предназначение, так как понятия не имеют, в чем оно заключается?
Возникла долгая пауза, затем Фергюс произнес:
– Ты выполнишь. Ты выполнишь свое предназначение.

> Он сказал это так серьезно, что ей захотелось рассмеяться, но она сдержалась – уж слишком серьезно он это сказал. А затем ей стало неуютно. Он больше не смотрел на нее, он смотрел внутрь
> ее, в какой-то скрытый от всех уголок ее души. И казалось, его поразило то, что он там увидел. Почти испугало.

По телу Сьюзан словно прошла ледяная волна.
– Что? На что ты смотришь? – спросила она.
Но он уже взял себя в руки, натянул на лицо улыбку и сменил тему разговора.

10

Джон не заметил ребенка на велосипеде.
Не обратив внимания на ограничение скорости в тридцать миль в час, он разогнался до пятидесяти и продолжал давить на акселератор. Ему приходилось петлять – он выбрал маршрут, который обычно позволял ему избегать пробок по пути с работы домой. Этот маршрут проходил жилыми кварталами, и ему нужно было внимательно следить за дорогой, но этому мешала скорость движения машины.
Он выпил столько спиртного, что ему вообще не следовало садиться за руль. Он возвращался с ленча, прошедшего в компании с Арчи. Ленч задумывался просто как быстрый перекус сандвичами, но это не помешало ему в какой-то момент вдруг превратиться в настоящий обед с устрицами и шампанским вперемешку с портером. У Арчи были для Джона неутешительные известия: он не нашел ни одного инвестора для задуманного Джоном консорциума.
Пока единственным, кто дал твердое согласие на участие в нем, был Харви Эддисон, который обещал двадцать пять тысяч фунтов – в случае, если Джон найдет остальную сумму.
Чертов судебный иск. Проблема заключалась в Заке Данцигере. За ленчем Арчи в который раз сказал, что Джону необходимо как-нибудь уладить судебную тяжбу. Как будто Джон не бился над этим две последние недели. Он даже договорился о встрече с Данцигером в конторе его адвоката и во время этой встречи едва удержался от того, чтобы дать в морду высокомерному коротышке композитору. Данцигер опоздал на час, а когда появился – проволочные,

зализанные назад волосы, прихотливо подстриженная борода, пиджак с пуговицами из стразов, – то, не теряя времени, назвал Джона по очереди дерьмом, вором и капиталистическим отродьем.
Джон сказал Арчи, что, по мнению его собственного юрисконсульта, позиции Данцигера, которые на первый взгляд кажутся незыблемыми, на самом деле не так уж прочны. Есть шанс, что Данцигер со временем поймет это, и дело можно будет уладить вне стен суда, заплатив несколько сотен тысяч фунтов. Эти издержки, в отличие от тех, которые возникнут в случае полноценного судебного процесса, вполне покрываются страховкой. В ответ Арчи резонно спросил, что Джон должен будет делать, если Данцигер не согласится на мировую.
Когда Джон вернулся к себе в офис, к нему в кабинет пришел Гарет. Он плохо выглядел: его трясло от нервного напряжения, он явно находился на грани очередного приступа истерики, о которых в «Диджитраке» ходили легенды. Он сказал Джону, что серьезно обеспокоен тем, как Джон в последнее время ведет дела.
Неустойчивое поведение Гарета доставляло Джону много треволнений, особенно если Гарету в силу каких-либо причин приходилось самому иметь дело с каким-нибудь крупным клиентом. Однако сегодня Джон внимательно выслушал его, сознавая, что Гарет прав. Очевидно, отдел продаж жужжит о том, что он пустил все на самотек. Он не перезванивал в ответ на телефонные звонки клиентов, не отвечал на письма – одним словом, не делал ничего.
«И ведь правда, пустил все на самотек», – виновато подумал Джон. В последние две недели он занимался исключительно тем, что писал письма-предложения банкам и инвестиционным компаниям, непрерывно звонил всем, кого хоть немного знал и кто, как он думал, мог бы посоветовать ему, к кому обратиться за помощью, ездил со встречи на встречу, где ему говорили одно и то же: «Отличная компания, отличная продукция, развяжитесь с иском и приходите».
Он так и не открылся Гарету, поскольку знал, что Гарет не только тут же ударится в панику, но и разнесет новость по всему «Диджитраку» – он никогда не мог держать что-либо в секрете. Всегда, когда дело касалось бизнеса, Гарет демонстрировал, что в этом отношении его интеллектуальный и эмоциональный потенциал нисколько не больше, чем у семилетнего ребенка. У каждого гения есть свои недостатки.
Джон боялся, что, если новость узнают сотрудники фирмы, они начнут подыскивать себе новую работу, и конкурирующие компании набросятся на них, как ястребы. Конечно, скоро он сам все им расскажет – он нес моральные обязательства перед ними и чувствовал себя обязанным дать им возможность подготовиться к потере работы, если эта потеря станет неизбежной, но не мог заставить себя сделать это, пока еще оставалась надежда. А надежда еще оставалась – как же иначе? И сейчас, за рулем автомобиля, подогретый двумя или даже тремя пинтами эля, выпитыми с Гаретом, Джон почувствовал, как в нем зарождается новый заряд оптимизма. Харви Эддисон пообещал двадцать пять тысяч фунтов, а он никак не использовал это. Ведь можно же попытаться его именем привлечь других инвесторов. Он знаменитый гинеколог. У него своя передача, она идет на Би-би-си-1 в дневное время и собирает большую аудиторию. Ведя машину, Джон стал обдумывать, как превратить известность Харви в деньги.
В ветровое стекло, словно муха, ударила одинокая капля дождя. Джон вздрогнул от неожиданности. Небо было темным, низким, тяжелым. Вечером они с Сьюзан идут на какой-то банкет. Что-то связанное с работой Сьюзан – Джон точно не помнил. Пиво всасывалось в кровь, и он пьянел все больше. Пространство перед капотом его БМВ потеряло перспективу и превратилось в испятнанный серым холст. На дороге возникла массивная туша грузовика. Грузовик – большой, с цельнометаллическим кузовом – стоял на обочине. Джон ехал уже со скоростью больше шестидесяти миль в час и вдруг увидел, как из-за грузовика вылетело что-то неясное, красное, блестящее – прямо наперерез БМВ.
Это было переднее колесо велосипеда.

Сьюзан обеспокоенно взглянула на часы. Было без двадцати семь, а в полвосьмого они уже должны были быть в Сити. До места не меньше получаса езды. Джон обещал вернуться домой пораньше, чтобы не пришлось спешить. Но он еще не появлялся.

Она сжала кулаки и нетерпеливо постучала костяшками пальцев друг о друга.
Ну же, Джон.

Она хотела попасть на банкет пораньше, чтобы перед ужином пообщаться с другими гостями – в этот промежуток времени вероятность того, что они смогут познакомиться с людьми, которых заинтересует «Диджитрак», была наибольшей. Они с Джоном даже заранее разработали план, следуя которому станут «обрабатывать» зал.

Согласно этому плану Сьюзан, которая была гораздо менее застенчива, чем Джон, должна прогуливаться среди групп людей, беседующих и попивающих аперитив, и завязывать знакомства. Обнаружив среди новых знакомых финансиста, она подала бы знак Джону, чтобы тот подошел, представила его финансисту, а сама двинулась дальше в поиске новой жертвы.

Она уже переоделась в свое черное шелковое выходное платье, видевшее уже много банкетов, праздников и вечеринок. По ощущениям Сьюзан, оно было уже старым, хотя старым не выглядело. Если повезет, сегодня вечером она не встретит никого, кто бы видел его раньше. По правде говоря, она не была даже уверена, что на банкете будет кто-нибудь, кого бы они с Джоном хотя бы знали.

Сьюзан решила, что сегодня будет своим видом убивать наповал, и долго подбирала себе серьги, ожерелье, брошь и туфли. Наконец она удовлетворилась результатом, решив, что выглядит стильно, но не вызывающе.

Джон, дорогой, ну поспеши же! Мы можем опоздать!

Она позвонила ему на мобильный, но он был отключен. Она подумала, не позвонить ли мужу в офис. Но ведь он уже должен был давно выехать, разве нет?
Она сидела в гостиной, на диване, стоящем напротив мраморного камина. В который раз она восхитилась цветовым решением комнаты. Сочетание мягкого, теплого свечения белого с черным смотрелось очень элегантно. Когда на стенах здесь будут висеть картины – они собирались повесить их в ближайшие выходные, – а на окнах – занавески в серую и белую полоску, которые должны привезти на следующей неделе, комната по-настоящему оживет.
«В крайнем случае, – горько подумала она, – если придется продавать этот дом, покупатели будут в восторге». Но сейчас глупо на этом зацикливаться. Джону сегодня нужно ее хорошее настроение. И ей самой – тоже. Если сильно верить во что-то, можно этой верой изменить объективную реальность. Если им с Джоном удастся показать людям, что они верят, что у «Диджитрака» есть будущее, это может помочь.
Она взяла со столика последние номера «Паблишинг ньюс» и «Букселлера», которые никогда не попадали на ее стол раньше чем через несколько дней после их доставки в «Магеллан Лоури», и стала просматривать колонки «Новости издательств» и «Перемещения сотрудников» в надежде обнаружить какую-либо новую информацию о надвигающемся слиянии, а также чтобы узнать, не получил ли кто-нибудь из ее знакомых должность, позволяющую ей рассчитывать на работу, если катастрофа все же разразится.
Затем она вспомнила, что мусор вывозят во вторник ранним утром, и опустошила все мусорные корзины в черный пластиковый мешок, который затем через кухню вынесла на улицу.
Оказывается, погода испортилась – поднялся ветер и начал накрапывать дождь. Она вдруг снова вспомнила – в который раз за день, – что сказал ей Фергюс Донлеви за ленчем.
«Ты выполнишь. Ты выполнишь свое предназначение».
Предназначение.
Он видел, в чем оно заключалось, но не сказал ей. Он вообще больше ничего не сказал по этому поводу и только уверял ее, что это глупости, не стоит и разговора, что со спокойной совестью об этом можно забыть.
Но она не могла забыть. Она чувствовала, что интерес Фергюса к сверхъестественному гораздо глубже, чем это могло показаться. После разговора с Фергюсом в ее душе поселилось гнетущее холодное чувство обреченности, продержавшееся весь день.
Она подняла крышку мусорного ящика, и в воздух взлетел клочок бумаги, который затем упал на землю. Она подняла его и увидела, что это заполненный лотерейный билет. Она хотела уже бросить его обратно в ящик, но тут заметила, сколько их там еще. Несколько десятков.

– Боже мой.
Она вытащила несколько, стряхнув с одного яичную скорлупу. Все датированы прошлой субботой. Быстро пересчитав билеты, она пришла к выводу, что их около сорока. Один билет стоит семь фунтов – значит, Джон истратил на них двести пятьдесят фунтов и ничего ей не сказал.
Она подумала, что он мог начать играть и в другие азартные игры. Эта мысль ее испугала. В первые два года их брака он раз в неделю играл в покер, но потом бросил, так как «Диджитрак» поглощал все его время и внимание. Еще Сьюзан была в курсе того, что он делал ставки – и иногда очень крупные – во время традиционного субботнего гольфа с друзьями.
Сьюзан похолодела от неожиданной мысли: неужели Джон лгал ей о причине своих финансовых проблем? Может, дело не в приостановлении банковского кредита, а в том, что он наделал долгов, играя в азартные игры?
Нет, это смешно. Она слишком хорошо знала Джона. Он любил поразвлечься, но не настолько, чтобы потерять контроль над собой.
Она снова вспомнила сегодняшний ленч с Фергюсом.
«Насколько хорошо можно узнать кого-нибудь? Насколько хорошо ты знаешь своего мужа? Знаешь ли ты его вообще? Знаешь ли ты себя?»
Она понимала, что Фергюс прав. По-настоящему она не знала Джона, и он ее, возможно, тоже. Им были доступны лишь крохи знания друг о друге – частички головоломки, из которых целостная картина складывается только по прошествии многих лет, проведенных вместе. Неужели все пары похожи на них? Неужели все люди столь долгое время остаются друг для друга незнакомцами?
Ведущая в кухню дверь захлопнулась, и Сьюзан вздрогнула и беспокойно оглянулась вокруг, будто боялась быть застигнутой за подглядыванием. Она положила черный мусорный мешок поверх билетов и накрыла ящик крышкой.
Почему Фергюс Донлеви выглядел так странно, был таким испуганным? Сьюзан допустила на минутку, что он играет с ней в какие-то игры, но потом отбросила эту мысль: Фергюс не тот человек, который будет играть с кем-либо в игры.
Предназначение?
Что бы он ни говорил потом, он все-таки что-то увидел.
Что-то плохое.

Джон мог видеть лицо ребенка. Девочка с короткими светлыми волосами, подстриженными неровными прядями. И она не замечала его.
Она все еще не замечала его.

Он вдавил педаль тормоза в пол. Автомобиль визжал и вибрировал, колодки противоюзового тормоза то схватывали, то отпускали колеса. Джон попытался нащупать гудок, не нащупал, рука беспомощно шарила по рулевому колесу.
А девочка выезжала из-за грузовика. Велосипед, казалось, занимал теперь всю проезжую часть. Заполнял собой все пространство перед ветровым стеклом автомобиля.
У Джона не было времени на обдумывание, только на действие. От визга шин об асфальт у него заложило уши. Он мельком заметил стоящий на другой стороне дороги прицеп, нагруженный битыми гипсокартоновыми плитами.
Девочка увидела его. Ее рот открылся, глаза остекленели. Она нажала на тормоза и остановилась посреди дороги, поставив ноги на асфальт. Она остановилась посреди дороги, а он летит прямо на нее.

Черт, уйди…

Джон резко вывернул руль, и машину бросило в сторону. Грузовик исчез из поля зрения, затем появился снова – близко, слишком близко. На мгновение у Джона появилась иллюзия, будто на самом деле сам он не движется – это грузовик скользит к нему, будто по льду.

Он почувствовал удар до того, как услышал его, до того, как смог вывернуть руль в обратную сторону. Машину отбросило назад, как автомобильчик в детском аттракционе. Страшный громкий металлический лязг ворвался в его уши.
Затем тишина.
Джона трясло, он лихорадочно старался сориентироваться, в какую сторону направлен нос автомобиля, понять, где девочка.

Господи, да где же она?

Он увидел ее в зеркало заднего вида. Она слезла с велосипеда и стояла, держа его одной рукой и глядя в сторону Джона. На ее лице нельзя было различить никакого выражения: ни ошеломления, ни облегчения, ни удивления – ничего. Пусто.
Он не задел ее.
С ней все в порядке.
Он въехал в грузовик.
Мозг Джона работал вспышками, обрабатывая разрозненные частицы информации. Грохот. Люди должны были услышать грохот. Сейчас они начнут выходить из домов и собираться вокруг места происшествия. Почему они не выходят? На улице никого. Только тишина и девочка, смотрящая на него пустыми глазами.
Затем он вспомнил, что пьян, и его охватила паника.
«Надо выйти и удостовериться, что с ней все в порядке», – решил он и попытался открыть дверь, но ее заклинило. Он расстегнул ремень безопасности, оттянул ручку и налег на дверь всем весом. Она подалась.
Джон выбрался из машины и встал нетвердыми ногами на дорожное покрытие. Девочка по-прежнему стояла, придерживала рукой красный велосипед и не сводила с него глаз. У Джона закружилась голова, он прислонился к борту машины и с ужасом посмотрел на то, что когда-то было передним крылом БМВ и дверью со стороны водителя: рваный, мятый, искореженный металл. Внешняя обшивка двери была вскрыта, словно консервная банка, и в зияющей дыре виднелась электропроводка и часть механизма стеклоподъемника.
– С тобой все нормально? – прокричал он девочке.
Она кивнула – один раз, коротко.
Задний бампер торчал в сторону, как закрылок. Джон попытался вернуть его на место, но у него ничего не получилось. «Алкоголь, – подумал он. – Надо выбираться отсюда». Он толкнул сильнее, но бампер не двигался. В панике он налег всем телом, и бампер согнулся. Не совсем до конца, но сойдет. Кто-то уже бежал к Джону.
Джон тоже решил бежать. Выбираться отсюда, пока не приехала полиция.
Он бросил последний взгляд на грузовик, сел в БМВ и завел двигатель.
В зеркало заднего вида он увидел, как бегущий человек остановился, помедлил, затем достал что-то из кармана – наверное, записную книжку или мобильный телефон.
Джон врубил скорость, нажал на газ. Автомобиль сорвался с места резче, чем он рассчитывал.

11

Когда Джон появился в дверях, он был похож на привидение.
Сьюзан даже на расстоянии почувствовала запах алкоголя. Обнимая ее, Джон пошатнулся, и ей пришлось отступить, чтобы им не упасть.
– Прости… опоздал, – сказал он.
Его лицо было влажным от пота.
– Джон, – сказала она. – Дорогой.
Ей было больно видеть его в таком состоянии, видеть, как человек, которым она так гордилась, опускается и теряет лицо. Это пугало ее. Его внутренний стержень, который она всегда считала сверхпрочным, рассыпался, и ее жизнь рассыпалась вместе с ним.

Сильно ли он пьян?

– Джон, ты сможешь пойти на банкет?
Он ничего не ответил.
– Я положила тебе смокинг, рубашку и несколько пар носков на кровать и поставила рядом твои лакированные ботинки.
Он отстранился от нее, сел на нижнюю ступеньку лестницы и обхватил голову руками. Некоторое время он молчал, затем сказал сдавленным от волнения голосом:
– Я чуть не убил ребенка.
Спина Сьюзан покрылась гусиной кожей.
– Что ты имеешь в виду? Что случилось? Когда? Как?
– Только что. Я ехал слишком быстро. Как глупо.
– С ребенком все нормально?
– Да.
– Ты не сбил его… ее?
– Не сбил.
– Джон, – тихо сказала она, – тебе надо собраться. Все будет хорошо, мы обязательно преодолеем это.
Он взглянул на нее снизу вверх – сам совсем как ребенок – и кивнул.
Сьюзан решила, что он не так много выпил, как ей показалось вначале. Похоже, он был ошеломлен настолько же, насколько пьян. Она с беспокойством подумала, что нельзя позволять ему распускаться и искать оправдания тому, чтобы не выходить в свет: это может стать началом конца. Он должен взять себя в руки, и она была единственным человеком, который мог заставить его сделать это.
– Мы так рассчитывали на этот банкет. Ты сказал, что там можно будет завязать полезные знакомства…
– Я знаю, – перебил он ее, – но…
– Мы договорились, что пойдем.
– Мне нужно принять душ.
Она посмотрела на часы:
– У нас нет времени. Просто умойся и переоденься. Ну же, это ради нас обоих.
– Я не могу вести машину. Вызовем такси?
– Я сама поведу, – сказала она. – Нам нужно экономить. Можно сохранить кучу денег, если внимательнее к ним относиться.
– Прекрати.
– Джон, поднимайся. Ты же не хочешь, чтобы этот Клэйк пустил нашу жизнь под откос?
Джон посмотрел на нее, и было видно, что она достучалась до него. Имя Клэйка зажгло в нем искру упрямства – это было видно по его лицу.
– Ну вот. А сейчас мне так не кажется. Сейчас Клэйк тебя успешно топит в грязи. Борись с ним. Джон, всегда помни, что, даже если мы потеряем твой бизнес, дом, все, что имеем, мы все равно не позволим Клэйку победить, потому что по-прежнему будем любить друг друга. Этого он никогда не сможет забрать у нас. Понимаешь?
– Я… извини, – сказал Джон. – У меня был кошмарный день. Никакого улова. Вообще.
– Расскажешь мне об этом в машине, – ответила она.
Через пятнадцать минут Джон спустился вниз. Она взяла ключи от его машины со столика в холле, где он оставил их после прихода. Он поспешно сказал:
– Давай возьмем твою машину. Ее легче парковать.
Сьюзан удивилась тому, что он не хочет ехать в своей машине, но, обойдя БМВ и увидев его правый борт, поняла, в чем дело.
– Что случилось?
По дороге он подробно ей все рассказал. Она спокойно выслушала, затем посоветовала уснуть хотя бы на несколько минут, сказав, что разбудит, когда они доберутся до места. Но на самом деле она испугалась и решила не говорить ему, что знает о лотерейных билетах, понимая, что осуждением ничего не добьется. Она возлагала большие надежды на сегодняшний банкет, хотя и не могла бы объяснить почему.
Даже если их пригласили в последний момент или по ошибке, стоит максимально использовать эту неожиданно подвернувшуюся возможность. В конце концов, что они теряют?

Сьюзан вела машину как могла быстро, и они приехали в Гилдхолл всего лишь на двадцать минут позже назначенного времени. Джон сказал, что это даже престижно.
Они вручили свои приглашения облаченному в ливрею церемониймейстеру, который провел их в банкетный зал, уже заполненный, и объявил их приход. Никто его не слушал. Хозяева банкета, мистер и миссис Уолтер Томас Кармайкл, предположительно находились в какой-либо части этого просторного зала, изысканно украшенного резьбой, изящными статуями и гербами. Огромные люстры добавляли месту величия.
При виде такого великолепия уверенность покинула Сьюзан. Почти все здесь были старше, чем они с Джоном, и, кажется, были хорошо друг с другом знакомы.
Джон едва мог передвигаться. Спирт и адреналин стремительно улетучивались из его крови, оставляя после себя тупую головную боль и жажду. К ним подошла официантка с подносом, на котором стояло разлитое по бокалам шампанское и минеральная вода. Джон знал, что лучше выпить воды, но выбрал бокал шампанского, осушил его и взял с подноса второй прежде, чем официантка успела отойти.
– Джон… – сказала Сьюзан.
Он почувствовал себя более уверенно и попытался съязвить:
– Тоже мне банкет – хозяева даже не озаботились встретить гостей. Непонятно, зачем мы вообще сюда пришли.
Сьюзан обвела зал глазами в надежде, что увидит писателя, чью книгу об истории Востока она редактировала шесть лет назад. Затем повернулась к Джону:
– Думаю, ужин не заставит себя ждать. Может быть, пройдемся, познакомимся с кем-нибудь?
Он выхлебнул почти весь бокал.
– Конечно, пойдем.
И они смешались с толпой. Обходя официанта, держащего поднос с канапе, он взял и съел подряд три завернутые в бекон устрицы. Оглянувшись, он обнаружил, что Сьюзан исчезла. Он допил шампанское и пересекся взглядом с высоким импозантным мужчиной, держащимся в стороне от толпы.
Мужчина улыбнулся.
– Красивое место, – сказал Джон.
Незнакомец ответил:
– Да, очень приятное место. – У него оказался звучный бархатный голос с едва заметным иностранным акцентом.
Они стояли в одном из красивейших банкетных залов Великобритании – здесь любила ужинать королева-мать, – но Джон уловил в реплике незнакомца нотку снисходительности, будто тот привык быть окруженным куда более роскошной обстановкой.
Против обыкновения, Джон не смог придумать, как продолжить разговор. Он разглядывал своего собеседника, гадая, сколько ему лет, и неожиданно затруднился определить точный возраст; около шестидесяти или даже больше. У него было красивое аристократическое лицо, вытянутое, на взгляд Джона, чуть больше, чем надо; блестящие темно-русые волосы, посеребренные на висках и волосок к волоску зачесанные назад; серые глаза, проницательные, живые, наблюдательные, с огоньком иронии на дне зрачков. Он держался как человек, знающий себе цену и ни от кого не зависящий, и в то же время его осанке была свойственна некая старомодная элегантность, какую, наверное, можно было увидеть у какого-нибудь придворного, жившего лет двести назад. На нем был отороченный бархатом смокинг – Джон немедленно захотел себе такой же, – а по сравнению с его галстуком-бабочкой галстук Джона выглядел купленным на барахолке.
– Вы хорошо знаете Кармайклов? – наконец спросил Джон и взял с подноса еще шампанского.
– Мы знаем друг друга давно, – вежливо, но отстраненно ответил мужчина. Его глаза обежали зал, будто он искал себе более интересную компанию.
– А. – Джон подавил желание ополовинить бокал и сделал маленький глоток. Он знал, что ему необходимо выяснить, чем занимается этот человек, но он не мог привлечь его внимание. После автомобильного происшествия Джон словно отупел: следующая фраза диалога никак не придумывалась. Джон оглянулся вокруг в поисках Сьюзан.
– А вы сами? – все так же отстраненно произнес незнакомец. – Вы хорошо знаете Уолтера и Шарлотту?

– Э… нет. Моя жена работает в издательстве… она редактировала книгу… история Востока. И поэтому мы… нас пригласили.
Незнакомец склонил голову и сказал с вежливой улыбкой:
– Очень приятно было с вами познакомиться. А теперь, если вы меня извините, мне нужно разыскать кое-каких знакомых – до того как все сядут за стол.

Мужчина с седыми висками скрылся в толпе, а Джон выругался.
Где же, черт возьми, Сьюзан?

Он огляделся, но не увидел ее. Тогда он попробовал проникнуть в гущу толпы, но путь ему преградила непроницаемая стена беседующих друг с другом людей. Пару минут он простоял возле троих мужчин, обсуждающих цены на акции, но ему не удалось привлечь к себе их внимание, и он двинулся дальше.
В стороне Джон заметил группу людей, которые читали что-то вывешенное на стене. Он подошел ближе и увидел, что это схема размещения гостей за столом. Маневрируя, он подобрался поближе к схеме и отыскал свое место и место Сьюзан. Их посадили за разные столы, и Джон был рад этому: так у них повышались шансы завязать с кем-либо знакомство. Его стол был помечен как номер четвертый. Слева от Джона будет сидеть леди Траутон, справа – мистер Э. Сароцини. Ни то ни другое имя Джону ничего не говорили. Он уже собрался продолжить искать Сьюзан, когда раздались три удара гонга и громкий голос объявил, что ужин подан.
Четвертый стол располагался в дальнем конце зала. Леди Траутон уже сидела на своем месте. Это была старуха в очках с затемненными стеклами. На приветствие Джона она не ответила. «Не слишком хорошее начало», – подумал Джон. Он взглянул на пустующее место справа и понадеялся, что его сосед, кем бы он ни был, составит ему более приятную компанию.
Он взял со стола меню и получил кивок от сидящего напротив тучного господина, ведущего оживленную беседу со своей соседкой – женщиной с волосами цвета стали. В меню было представлено несколько сортов хорошего вина и детально описаны шесть главных блюд, список которых оканчивался острой послеобеденной закуской под названием «Ангельские всадники». Речи в программе банкета не значились, а там, где обычно указывают, по какому поводу был организован данный обед, было золотыми буквами напечатано: «Обед, устроенный мистером и миссис Уолтер Томас Кармайкл».
Джон положил меню обратно на стол. Краем глаза он заметил, что место справа уже занято, повернулся, чтобы поприветствовать нового соседа, и немедленно спрятал свое разочарование за улыбкой.
– Итак, мы снова встретились, – сказал мистер Сароцини и взглянул на лежащую на столе карточку с именем Джона. – Мистер Картер. Очень приятно.
Формула вежливости была произнесена.
Джон улыбнулся и леди Траутон, но та не ответила. Он попытался представиться, но дама отнеслась к нему с подозрением.
– Вы знакомый Уолтера и Шарлотты? – с пренебрежением спросила она.
– Нет, – ответил он. – А вы?
Официанты поставили на стол большое блюдо с копченой семгой, искусно разложенной вокруг муссового озера. Рука в перчатке налила в бокал Джона белого вина. Появилась корзина с роллами, от которых леди Траутон отказалась взмахом руки. Затем она повернулась к Джону.
– Расскажите мне, – сказала она, – о ваших взглядах на безработицу.
Джон, не ожидавший вопроса, задумался, разворачивая маленький брикетик масла.
– Она будет возрастать, – сказал он. – Технический прогресс…
Жестом руки она заставила его замолчать:
– Простите, но я не собираюсь одновременно есть и говорить.
Джон положил в рот семги и запил ее белым вином: «Батард Монтраше» урожая 1982 года, как было указано в меню. Затем покосился на мистера Сароцини, который к еде еще не притронулся.
Не глядя на Джона, тот спросил:
– Вы пришли один или с женой?
Джон отыскал глазами стол, за которым сидела Сьюзан, и показал на нее мистеру Сароцини.

– Весьма красивая молодая леди, – сказал мистер Сароцини.
– Спасибо.
– Как долго вы женаты?
– Семь лет.
Их снова разделил занавес молчания. Через некоторое время, которое Джон употребил на жевание, он спросил:
– А вы? Вы женаты?
Мистер Сароцини ответил медленным кивком:
– Да.
– Ваша жена сегодня здесь?
В глазах мистера Сароцини промелькнула грусть. Он сказал:
– К сожалению, нет.
Джон рассудил, что мистер Сароцини не хочет говорить о своей жене. Наверное, они в разводе или она больна. Джону стало жаль его.
– У вас есть дети?
Мистер Сароцини отломил кусочек ролла и тщательно намазал его маслом. Его руки с длинными элегантными пальцами чуть дрожали. Казалось, они принадлежат более старому человеку.
– Нет. У нас нет детей. – Его глаза затуманились. – А вас Бог благословил ими?
– Нет. Более того, я не уверен, благословение ли это или проклятие!
Мистер Сароцини никак не отреагировал. Испытывая неловкость, Джон поднял бокал с вином и поднес его к губам, но обнаружил, что тот пуст, и поставил бокал на место. Он и не подозревал, что пьет так быстро.
Он посмотрел в сторону леди Траутон, которая занималась тем, что нарезала семгу маленькими ровными квадратиками.
– Во всем виноваты цветные, – вдруг заявила она.
Джону стало любопытно, с кем это она говорит, но тут он вдруг понял, что она обращается к нему.
– Простите?

> – Не надо было разрешать им водить наши автобусы в пятидесятых. А теперь они все заполонили. Поглядите только, что Маунтбаттен
> [7]
> наобещал Индии. Сейчас ни одной газеты у белого купить нельзя.

Джон подумал, с одной ли они планеты с этой старухой. Знание о том, что с одной, вселяло тревогу.
Мистер Сароцини был поглощен беседой со своим соседом справа. Джон в молчании ел рыбу, а леди Траутон продолжала нарезать свою квадратиками, лишь время от времени кладя какой-нибудь кусочек в рот.
– Благословение, – вдруг сказал мистер Сароцини. – Дети – это определенно благословение.
Появился суп в серебряной супнице. Мистер Сароцини вежливо подождал, пока обслужат Джона, затем попробовал суп и, похоже, нашел его недурным. На его зубах хрустнул гренок.
– Да, дети. Мы все должны помнить, мистер Картер, что мы не унаследовали Землю от предков, а взяли ее взаймы у потомков.
Джон чувствовал к мистеру Сароцини все большее расположение.
– Извините, могу я вас спросить… какова цель этого ужина? Мы с женой, к сожалению, не в курсе.
– Просто Кармайклы любят собирать общество, – ответил мистер Сароцини. – Они всегда, когда бывают в Лондоне, устраивают небольшой банкет для друзей. А сейчас они в Лондоне – как вы понимаете, из-за Аскота. Но вы знаете, – добавил он, – таким людям, как они, не нужно особенного предлога, чтобы устроить званый обед.
– Да, – согласился Джон. Он старался произвести впечатление человека, принадлежащего к кругу Кармайклов.
– Играете на скачках? – спросил мистер Сароцини.
– Да. Предпочитаю гладкий сезон.

– Ну конечно. В скачках с препятствиями… – он махнул рукой, – как бы помягче… отсутствует изящество. Вы были сегодня в Аскоте?
– Нет. Поеду завтра. – Джону не пришлось врать, и он был благодарен за это Арчи, который пригласил его на скачки.
Подали баранину. Разговор перескочил на путешествия: оказалось, что у мистера Сароцини есть дома в Швейцарии, Америке и Англии; он очень хорошо знал Калифорнию, и в частности лос-анджелесский район Венис-Бич, где выросла Сьюзан.
– Как вы встретились с вашей очаровательной женой? – спросил Джона мистер Сароцини.
– В Калифорнийском университете в Уэствуде. Я читал доклад на конференции по онлайн-публикациям, а Сьюзан была ассистенткой у одного из делегатов от «Тайм Уорнер».
– Синхронистичность, – сказал мистер Сароцини и загадочно посмотрел на Джона. – Вполне возможно, вы были созданы друг для друга и не могли не встретиться.
– Моя жена увлекается Юнгом. Она верит в синхронистичность.
– Вам знакома древняя китайская пословица «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь»?
– Нет, – ответил Джон. – Но она мне нравится.
– Надеюсь, она понравится и вашей жене, – сказал мистер Сароцини.
– Да, думаю, понравится. – Последняя реплика мистера Сароцини слегка удивила Джона. Он отрезал ломоть баранины, положил его в рот и запил вином «Мутон Ротшильд» урожая 1966 года. Его бокал был тут же наполнен снова.
Казалось, что чем больше Джон сегодня пил, тем бодрее и живее становился. Теперь он наслаждался беседой с мистером Сароцини. Они говорили о том о сем, но ни один из них еще не спросил другого, чем тот занимается. У Джона появилось чувство, что мистер Сароцини может помочь ему, если он правильно разыграет карты, и поэтому намеренно избегал разговоров о бизнесе, чтобы не показаться навязчивым.
– Ваша жена, – вдруг сказал Сароцини, – ей не кажется иногда трудной жизнь без детей? Ей, должно быть, встречаются люди – например, на таком обеде, как этот, – которые делают в отношении ее бестактные, причиняющие ей боль замечания.
– Да. Но она всегда держится молодцом.
– У нее ведь нет никакой патологии, препятствующей беременности?
– Мы никогда не проверяли этого. – Джон покосился на леди Траутон. Старуха нарезала баранину квадратиками и была полностью поглощена этим занятием.
– Простите, что заговорил на такую деликатную тему, – сказал мистер Сароцини. – Я знаю этот свой недостаток.
– Ничего. – Джон улыбнулся. – У вас с женой это тоже было сознательным решением – не иметь детей?
Вопрос Джона вернул выражение печали на лицо мистера Сароцини. Джон даже пожалел, что задал его.
– Да, – ответил Сароцини. – Да, это было сознательным решением, – повторил он, словно эхо, и, казалось, в мгновение ока постарел лет на десять.
За французским пирогом мистер Сароцини наконец спросил, что за бизнес у Джона, и Джон начал рассказывать о своей фирме сначала в общем, а когда увидел, что собеседник заинтересовался, то углубился в детали. К тому времени, как стали разносить портвейн и сыры, Джон уже подробно пересказывал ему свою встречу с Клэйком.
Сароцини отнесся к затруднениям Джона с неожиданным сочувствием и даже сказал Джону, что относится с презрением к крупным банкам.
– Знаете, – с горькой улыбкой сказал он, – такой банк может дать денег только в одном случае: если вы докажете им, что они вам совершенно не нужны.
Джон улыбнулся и произнес то, что долгое время вертелось у него на языке:
– А вы чем занимаетесь?
Мистер Сароцини улыбнулся в ответ.
– Я банкир, – сказал он.
Джон положил сверхчеловеческие усилия на то, чтобы воодушевление, которое затопило его, не отразилось на его лице.
– В самом деле? – сказал он. – И… в каком виде банковской деятельности вы специализируетесь?

Мистер Сароцини вручил Джону визитную карточку. На ней было напечатано: «Ферн-банк. Э. Сароцини. Директор».
И ниже номер абонентского почтового ящика в Цюрихе.
Джон внимательно изучил карточку. Что-то с ней было не так.
– Где же телефонный номер? – спросил он.
– Мы сами выбираем, с кем нам говорить, мистер Картер. Мы очень осторожны в завязывании новых контактов. Мы работаем в основном с компаниями, специализирующимися в информационных и биотехнологиях. Возможно, нам стоит как-нибудь продолжить наш разговор.
Джон вытащил свою визитку.
– Да, – сказал он. – Спасибо. Это было бы замечательно.

12

В доме Картеров было тихо. Кунц, надев на голову наушники, в который раз просканировал каналы. В кухне слышался гул компрессора холодильника, но во всех остальных комнатах царила тишина.

> Но даже эту тишину было приятно слушать, потому что это была тишина Сьюзан Картер.

Картеры все еще оставались на банкете, устроенном мистером и миссис Уолтер Томас Кармайкл. Кунцу было любопытно, как у них там дела. Мистер Сароцини также присутствовал на банкете, но Кунц не знал, что тот собирался предпринять. Иногда мистер Сароцини не полностью раскрывал свои планы, оставляя Кунца в неведении относительно некоторых деталей и будто дразня его. Мистеру Сароцини нравилось дразнить Кунца, и Кунц не возражал против этого. Будучи знаком с мистером Сароцини много лет, он прекрасно понимал, что тот ничего не делает без причины и что со временем все, как всегда, станет ясно.
Он продолжал вслушиваться в темноту, наполненную Сьюзан Картер, представляя в уме точное местоположение каждого предмета в той круглой спальне-башенке, сочившейся ее запахами.
В квартире Кунца, расположенной на верхнем чердачном этаже дома на Пембрук-роуд, также было тихо. Все стены, пол и потолок в ней были выстелены звукопоглощающим материалом. Комната под карнизом – его аппаратная, в которой он сейчас сидел, – не имела окон; ее уединенность можно было сравнить только с уединенностью могилы.
В Лондоне Кунц чувствовал себя одиноко. Он скучал по своей квартире в Женеве – единственному дому, который ему когда-либо принадлежал, – и чувствовал тревогу, находясь так далеко от мистера Сароцини. Хотя в действительности он никогда не находился по-настоящему далеко от мистера Сароцини. Расстояние как физическая величина не имело ровно никакого значения для их взаимодействия, потому что, где бы Кунц ни был, мистер Сароцини всегда был рядом. Он присутствовал в его мозгу, читал его мысли, большую часть времени лишь наблюдая и предоставляя ему самому принимать решения, но иногда вмешиваясь и наставляя его. Из любой точки мира мистер Сароцини мог в любой момент проникнуть Кунцу в голову и манипулировать им.
И Кунц не был против. Наставления мистера Сароцини всегда были в высшей степени разумны. Он никогда не ошибался. В глубине души Кунц знал, что жизнь его может быть посвящена только одной цели – служению мистеру Сароцини.
Он готовился к этой роли, сколько себя помнил. Самые ранние его воспоминания были связаны со старинным замком на Женевском озере, который он редко покидал до достижения совершеннолетия: в основном для сопровождения мистера Сароцини в его поездках. С самого детства мистер Сароцини внушал Кунцу, что он пришел в этот мир во имя более великой цели, чем простые смертные, и Кунц воспринял это как аксиому.
И теперь он был здесь, в Лондоне, и смертельно боялся того, что не справится с этим важным заданием. Его не пугала боль, которую мог наслать на него мистер Сароцини, – по-настоящему он страшился только отлучения от него.

Но пока все шло хорошо, мистер Сароцини был доволен первыми результатами, и доволен больше, чем Кунц смел надеяться. Он ощущал в комнате его присутствие: его благодетель, там, на банкете, думал о нем. Впитав теплые вибрации, Кунц почувствовал, как одиночество отпускает его, и ощутил прилив благодарности мистеру Сароцини за эту демонстрацию доброго отношения.
Кунц сосредоточился на том, чтобы послать патрону свою благодарность. Мистер Сароцини учил его, что мысли способны преодолевать пространство и что при должном навыке можно манипулировать умами других людей..
Он не знал, достиг ли мистера Сароцини его сигнал. Он вдруг задумался, как близко находится мистер Сароцини к Сьюзан Картер и может ли он ощущать ее запах. Затем он взял в руки книгу, «Илиаду» Гомера на греческом – мистер Сароцини всегда говорил, что книги надо читать на языке оригинала и никогда в переводе, – и начал читать.
Вот по чему еще он скучал в Лондоне: по своим книгам. Обширная библиотека в доме мистера Сароцини была вся доступна ему, и он прочел под руководством мистера Сароцини каждый том из нее. Его собственная квартира была буквально забита книгами. Кунцу было жаль оставлять их. Он ценил их гораздо больше, чем людей; для него они были проекциями мира, прошлого, настоящего и будущего, и на основании их он был в состоянии выковывать собственное понимание его.
Иногда он воплощал это понимание в изощренных рисунках, выполненных аэрографом. Он был искусным художником. Мистер Сароцини часто хвалил его работу, и Кунц гордился этим.
Еще ему не хватало спортзала, где он ежедневно тренировался; и особых мюсли с голубикой, которые подают только в кондитерской на улице Конфедерации – там он обычно завтракал; и прохладного ветра с озера; и его черного «Мерседеса SL600» – но он понимал, что в Лондоне этот автомобиль слишком бросался бы в глаза, в то время как ему не следовало привлекать к себе внимания.
И еще гардероба. В гардеробной у Кунца висело несколько дюжин сшитых на заказ костюмов из шерсти, шелка и льна лучших сортов, на полках, несчитаные, лежали дорогие рубашки, на полу выстроились длинные ряды сделанной в лучших мастерских разнообразной обуви. Мистер Сароцини научил его ценить качество, уделять внимание мелочам. Кунц носил только лучшую одежду, и его чемоданы были также высочайшего качества: изумительная кожа, ручная работа, все чемоданы выполнены в одном стиле.
Когда Сьюзан Картер оставила его одного в спальне, он обыскал шкаф и комод и отметил, что у Джона Картера все костюмы от известных брендов: «Босс», «Армани», «Конран». Кунцу больно было думать, что Сьюзан Картер позволяла проникать в себя человеку, который покупает готовую одежду. Она заслуживала лучшего. На ум ему пришли слова Двадцать четвертой Истины: «Посредственность не может увидеть ничего, что хоть немного выше ее. Гениальность распознается только талантом».
Дом мистера Сароцини посещали многие богатые, значительные и известные люди: главы государств, министры, сенаторы, члены королевских фамилий, кинозвезды, ученые, крупные промышленники. Мистер Сароцини заставлял Кунца представлять, как эти люди сидят на унитазах, испражняются, затем вытирают задницу. Он хотел, чтобы Кунц понял, что богатство, титул, общественное положение или известность возвышают человека над прочими только в некоторых отношениях, а не во всех.
С Сьюзан Картер дело обстояло по-другому. Совсем по-другому.
Кунц вдруг обнаружил, что думает о Клодии, и допустил, что мистер Сароцини вложил эту мысль ему в голову, чтобы отвлечь от Сьюзан Картер. Кунцу иногда трудно было отличить свои собственные мысли от тех, что были вложены ему в голову мистером Сароцини.
Клодия. Он представил себя с ней в своей квартире, как он занимается с ней чем-нибудь грязным. Она любила делать что-нибудь грязное. До того как он пришел в дом Сьюзан Картер, ощутил ее присутствие, вдохнул ее ароматы – он скучал по Клодии. А с этого момента – перестал.
На небольшом столике рядом с ним лежал конверт, в котором был билет на «Дон Жуана», воскресный спектакль в Глайндборне. Это был подарок ему мистера Сароцини за хорошую работу. Он подумал, как хорошо было бы пойти вместе с Сьюзан, а после заняться с ней любовью, чувствуя, как в их телах плещется энергия оперной музыки.
Но это невозможно.

– Сьюзан, – прошептал Кунц.
Сьюзан смотрела на него с каждой стены. Он сделал эти фотографии в течение тех трех незабываемых дней, когда работал в ее доме, с помощью небольшой камеры, спрятанной за беджем «Бритиш телеком» на его униформе.
Зерно на фотографиях было крупным, и это раздражало его. На них Сьюзан не двигалась, и это тоже его раздражало. Он желал видеть Сьюзан Картер в движении, желал видеть ее раздетой, желал видеть, как она проделывает со своим мужем что-нибудь грязное.
Ему был нужен – хотя и не необходим – предлог ненавидеть ее мужа еще больше, чем он его уже ненавидел.
Он переключил канал и послушал свою квартиру в Женеве. В гостиной были слышны голоса – телевизор. Он отрегулировал фильтр, и звук от телевизора угас. Он прислушался к тому, что осталось, в поисках любого намека на то, что у Клодии может находиться мужчина.
Кунц проверил спальню, но ничего не услышал. Он тронул клавиатуру, и экран компьютера ожил. На нем возникла его любимая цветная фотография Клодии: обнаженная, с раскинутыми в стороны ногами, она сидела в кресле и смотрела в камеру. Он представил, что это не Клодия, а Сьюзан Картер.
Он взял телефон и набрал номер. Клодия ответила. Он представил, что разговаривает с Сьюзан Картер.
– Чем ты занимаешься? – спросил он.
– Смотрю телевизор.
– Что на тебе надето?
– Немногое. – Она поддразнивала его.
– Чем ты пахнешь?
– Тобой, – сказала она.
– Хочу увидеть тебя, – сказал он.
– Я тоже хочу увидеть тебя.
Введя в компьютер команду, он вышел в Интернет. На экране возникло другое изображение: пустое кресло. Через секунду в кадр вошла обнаженная Клодия. Она села в кресло. Технология еще не была доведена до совершенства: он мог наблюдать за Клодией в реальном времени, но двигалась она рывками, как в замедленной съемке, – отдельным кадрам изображения требовалось некоторое время на то, чтобы попасть из Женевы в Лондон.
Кунц смотрел на раздетую Клодию. Длинные темно-русые волосы рассыпались у нее по плечам. Она смотрела прямо на него, зная, что он видит ее. Она не знала, что вместо нее он видит Сьюзан Картер.
– Прикоснись к себе, – сказал он.
Она исполнила просьбу. Рваные кадры добавляли движениям чувственности. Он видел, как ее пальцы скользнули в промежность, как мечтательно она завела глаза, и подумал, как бы это делала Сьюзан Картер.

Губы Клодии задвигались – она говорила с ним.
Да, говори со мной, Сьюзан, милая, говори со мной.

– Теперь дай мне увидеть себя, – сказала Клодия.

13

Джону было дурно. Он чувствовал свинцовую тяжесть в теле и яростную боль в голове. Портвейн всегда так на него влиял, а вчера на банкете он его здорово перебрал.
Сегодня, следуя совету своего бухгалтера, он встретился со специалистом по банкротству и сейчас говорил с ним по телефону. Тот сообщил Джону неутешительные новости: если банк завинтит пробку, Джону не удастся спасти многого из своего бизнеса. Если бы Джон озаботился хотя бы год назад, он мог бы создать отдельную компанию и начать сливать бизнес в нее. Но он не сделал никаких приготовлений.

Мрачный, словно туча, он положил трубку. Секретарша принесла ему вторую чашку кофе и, ставя ее на стол, посмотрела на него странным взглядом. Подслушивала? Стелла отнюдь не была глупой, она понимала, что в фирме что-то неладно, но, будучи очень тактичной, ни разу ни о чем не спросила.
Она была с ним с самого начала, еще с того времени, когда они занимали крохотный офис, над маленьким зоомагазином, а Гарет приходил только по вечерам, так как днем работал специалистом по компьютерной графике в архитектурной фирме. Стелла была яркой, эффектной девушкой. В ней удачно сочетались миловидность и элегантность. У нее были темно-русые, коротко стриженные волосы и невыносимый бойфренд – вечно не получающий ролей актер с самомнением размером с Атлантический океан. Она точно не останется без работы, пока существуют бизнесмены с мозгами, но потерять ее было для Джона равносильно удару под дых.
Скоро он расскажет все Гарету и остальным сотрудникам. Пока что единственным человеком в фирме, кто знал, был финансовый контролер – тихая, исполнительная, добросовестная женщина по имени Джанет Пеннингтон. Она подготовила финансовую информацию для отсылки в банки и инвестиционные компании, и он знал, что может на нее положиться.
До истечения назначенного Клэйком срока оставалось тринадцать дней. И вчера вечером блеснул тонкий луч надежды: швейцарский банкир со странной фамилией.
– Как ваша голова? – спросила Стелла.
– Плохо. – Головная боль была неотъемлемой частью его жизни, но сегодняшняя была матерью их всех.
– Перед тем как вы уйдете, я дам вам две таблетки парацетамола.
Было без четверти десять. Через час он планировал уехать из офиса, попасть домой, переодеться и поехать с Сьюзан к Арчи в Аскот.
Он был рад, что проведет день вне офиса – все равно в таком состоянии он много бы не наработал. К тому же Сьюзан была права: кто-нибудь там может заинтересоваться «Диджитраком». Вчерашний банкир назвал ему двух лошадей. Джон проверил в утренней газете – к его разочарованию, обе числились в аутсайдерах. Но все же Джон решил сыграть на них по-крупному.
Голова заболела сильнее, и Джон вжал костяшки пальцев в виски, стараясь облегчить боль. Глядя на Стеллу снизу вверх, сказал:
– Будь ласковой, принеси мне кока-колы. Настоящей, не «лайтс».
– Конечно. – Она сочувственно улыбнулась, так как знала, что, когда он просит кока-колы, ему действительно плохо: для него кола всегда была крайним средством от похмелья.
Джон открыл бумажник и достал оттуда визитную карточку банкира. Э. Сароцини. Джон начал придумывать ему письмо, схватился за диктофон, и вдруг заворчал телефон. Это была Стелла – мистер Сароцини был у нее на линии. Соединить его с Джоном?
Мистер Сароцини был вежлив, но гораздо более официален, чем прошлым вечером, – теперь он находился в режиме рабочего, а не светского общения. «Мне было очень приятно завязать с вами знакомство», – сказал он.
Джон вспомнил, как мистер Сароцини употребил слово «приятный» в отношении банкетного зала, и с замиранием сердца подумал, не относится ли и к нему банкир с той же снисходительностью.
– Мне тоже, – ответил Джон.
– Может случиться так, что мы встретимся сегодня в Аскоте. – По тону, каким было сделано это замечание, можно было ясно понять, что оно – всего лишь дань вежливости, а не назначение делового свидания.
– Буду рад. Спасибо за совет начет тех двух лошадей.
– Я бы не стал ставить на них свой дом, – сказал мистер Сароцини, – но они, без сомнения, достойны внимания.
Что-то в голосе мистера Сароцини заставило Джона решить поставить на них гораздо больше, чем он планировал.
Возникала краткая пауза, после которой мистер Сароцини сказал:
– В выходные я возвращаюсь в Швейцарию. Если вы завтра не заняты, не могли бы мы встретиться за ленчем?

Джон покосился на лежащий на столе раскрытый ежедневник. Пятница, 18 июня. Отмечено: ленч с бухгалтером.
– Хорошо, – сказал он. – У меня встреча, но я могу ее перенести.
– Завтра в полдень я буду у вас в офисе.
– Да, хорошо.
– Я был бы очень признателен, если бы вы подготовили для меня проверенные счета за последние три года, перспективный прогноз, документы по движению денежной наличности и план на пять лет.
Отвечая мистеру Сароцини, Джон постарался не выдать охватившего его волнения.

14

Его преподобие доктор Эван Фреер, профессор систематической теологии в Лондонском университете и архидиакон Оксфорда, был самым умным и влиятельным духовным лицом из всех, с кем был знаком Фергюс Донлеви.
Не обращая внимания на упирающуюся в обивку пружину, Фергюс сидел в древнем кожаном кресле в университетском кабинете Фреера. Комната была обставлена по-мужски: старая добротная мебель, потертые ковры, темные, прогибающиеся под весом книг стеллажи, небольшой открытый камин. Окно было поднято, и комнату наполнял сладкий запах свежескошенной травы.
Фергюс откусил от бисквита и отпил кофе, после июньской уличной жары наслаждаясь царящей в помещении прохладой. Они с Фреером были давними друзьями. Сейчас они пытались вспомнить, сколько же лет прошло со времени их последней встречи.
Фергюс ждал, обмениваясь с Эваном новостями. Он сказал Фрееру, что религия поддерживает его в хорошей форме (не сказав ему, однако, что тот сильно растолстел, а в волосах прибавилось седины). Фреер, облаченный в черную сутану, рассмеялся и парировал, что хотел бы быть в такой же хорошей форме, как Фергюс.
Если бы Фреер не выбрал карьеру священника и не принял обет безбрачия, он пользовался бы бешеным успехом у женщин. Из-за его красивого, по-романски смуглого лица многие отмечали, что он похож на Роберта де Ниро.
Фреер спросил Фергюса о его книгах, захотел узнать, над чем он сейчас работает. Фергюс неохотно ответил:
– Разрабатываю тему, поднятую Стивеном Хокином в его «Краткой истории времени». Но моя книга освещает вопрос гораздо шире и глубже.
– Когда она выходит?
Фергюс пожал плечами и ответил, что ему нужно переписать некоторые места – в этом загвоздка.
Фреер рассказал Фергюсу, что пару лет назад писал книгу по истории практик изгнания дьявола в Великобритании. Тогда редактор заставил его переписывать заново целые главы. Они сошлись во мнении, что редакторы – это зло.
Фергюс обмакнул бисквит в кофе и съел кусочек.
– Это Сьюзан Картер, – сказал он. – Мне она нравится, она совсем не глупа, но иногда она доводит меня до бешенства. Она думает, что читатели не смогут разобраться в том, что я пишу, и заставляет объяснять все на пальцах и детским языком.
Фреер улыбнулся:
– Но ты же доверяешь ее суждениям?
– Да, наверное… ну конечно доверяю. – Фергюс снова пожал плечами. – Просто меня это выбило из колеи, но это исключительно моя проблема. – Он вытащил из кармана сигареты и предложил одну священнику.
Фреер покачал головой:
– Бросил. Теперь только иногда трубку курю. Пепельница вон там. – Пока Фергюс прикуривал, он устроился в кресле поудобнее и выжидательно улыбнулся. Он понимал, что Фергюс пришел не только для того, чтобы повидать старого друга.
– Итак? – сказал он.

Фергюс глубоко затянулся сигаретой, откинулся назад и выдохнул дым вертикально вверх, в потолок.
– Помнишь афоризм Ницше о бездне? «Если долго вглядываешься в бездну, бездна тоже начинает вглядываться в тебя».
Фреер кивнул, не сводя с Фергюса проницательных глаз.
– Эван, у тебя когда-нибудь возникало насчет чего-либо плохое предчувствие?
– Предчувствие?
– Да. Не знаю, как объяснить. Ну ладно, начнем с другого. Мы вполне согласны друг с другом в том, что Иисус Христос действительно жил среди людей, хотя и подходим к этому убеждению с разных сторон.
Эван Фреер вопросительно посмотрел на Фергюса – нить его размышлений ускользала от священника.
– Три мудреца-волхва, – сказал Фергюс, – увидели в небе светящийся объект – звезду? – и поняли, что родился мессия. Так?
Фреер кивнул, еще не понимая, куда Фергюс клонит.
Фергюс махнул рукой, оставив висеть в воздухе тянущуюся за сигаретой нитку дыма.
– Я верю, что эта «звезда» была космическим кораблем, на котором Иисус – представитель другой, более мудрой цивилизации – прибыл на Землю. Ты веришь, что он родился в результате непорочного зачатия. Это непринципиально. Важно вот что: как трое волхвов почувствовали прибытие Иисуса, когда увидели звезду?
– Они почувствовали, что происходит что-то необычное.

– В их представлении что бы ни происходило – это хорошо?

Фреер улыбнулся:
– Это не совсем то, что я имел в виду. Но да, возможно, среди прочего они ощутили и это.
– А сейчас, в конце тысячелетия, многие люди чувствуют, что должно случиться что-то плохое. Касательно этого существует большое количество предсказаний, и некоторые из них были сделаны очень давно.
Священник налил себе еще кофе.
– Насколько далеко в прошлое ты хочешь зайти? Отступить до Нострадамуса? Библии?
– Может быть, еще дальше.
Фергюс встал, прошелся по комнате, остановился у окна и облокотился на подоконник. В саду внизу мужчина с конским хвостом полол грядку.
– Я говорю серьезно, Эван.
– Я всегда воспринимаю серьезно все, что ты говоришь. Я даже защищал твою статью в «Нейчер».
Фергюс обернулся, пораженный:
– Ты читал ее? Это было шесть лет назад.
– Ну да. Об ауре человека. Ты все еще веришь, что у людей есть аура?
– Это не вопрос веры. Это доказанный научный факт.
– И теперь ты видишь будущее в ауре человека?
– Нет, не вижу. Это чувство… оно не выражено ни визуально, ни как-либо еще. Это ощущение.
– Как часто у тебя появляется такое чувство?
– За всю жизнь не больше полудюжины раз. В первый раз перед смертью матери – тогда все было ясно, я много раз видел во сне момент катастрофы, видел ауру смерти вокруг нее. Все произошло именно так, как мне представлялось.
– И теперь это случилось снова?
Фергюс сел, затушил сигарету и в подробностях рассказалフрееру, что он почувствовал и что, как он думает, это означает. Фреер слушал молча, не перебивая. Закончив, Фергюс по выражению лица священника не смог определить, верит тот ему или нет.
– Скажи мне, Фергюс, – спросил Фреер, – эти твои предчувствия… сколько раз они тебя обманывали?
– Ни разу.
Казалось, Фреер обдумывал эти слова очень долгое время. Затем он спросил:

– Ты скажешь этой женщине?
– У меня нет образа. Мне нечего ей сказать.
– Надо ли нам помолиться за нее?
Фергюс отказался от молитвы много лет назад, но здесь, рядом с каноником Эваном Фреером, почувствовал, что помолиться – это будет правильно.
Они встали на колени и, стоя плечом к плечу, вслух прочитали молитву Господню. Затем Фреер сказал:
– Господи, защити эту женщину.
А Фергюс прошептал в молитвенно сложенные ладони:

– Сьюзан, что бы ты там ни собиралась делать, не делай этого.
Пожалуйста, не делай этого.

15

Трехлучевая звезда на радиаторе почтенного «мерседеса-пульмана» рыскала по сторонам со зловещей грацией ружейного прицела, преследующего свою цель, – лимузин плыл по течению одного из лондонских транспортных потоков.
Джон, напряженный, как скрученная пружина, смотрел на дорогу через дымчатое ветровое стекло. Лет тридцать назад такая машина могла принадлежать диктатору в какой-нибудь стране третьего мира, подчеркивая его положение. Возраст смягчил ее величие, и теперь от нее веяло спокойным, мягким благородством.
Звезда нацелилась на такси, затем на велосипедиста в антисмоговой маске, затем на светофор. Через дорогу перешла хорошо одетая женщина с длинным красным шарфом. Несмотря на густую облачность, еще больше подчеркиваемую затемненным стеклом, дождя не было. Похолодало. Кондиционер в машине был настроен на жаркую погоду, поэтому в салоне было холодно, и Джон мерз.
Этим утром мистер Сароцини показался Джону совсем другим человеком, нежели тот, с кем он сидел на соседних стульях на банкете. Сегодня швейцарец был не менее величественным и столь же безукоризненно одет – на этот раз в изумительно сшитый серый костюм из шерсти, дополненный желтым галстуком «Гермес» и желтым же носовым платком, который показывал свой идеальный угол из нагрудного кармана пиджака, – однако его поведение изменилось.
На банкете он был окружен аурой доброжелательности и расслабленности и создавал впечатление человека, без труда получившего от жизни все, что он хотел получить. Сегодня это был жесткий, отстраненный, холодный и серьезный человек. От его доброжелательности и искрящегося юмора не осталось и следа, и пока что все попытки Джона растопить лед окончились неудачей. Он попытался снова.
– Те две лошади, на которых вы мне посоветовали поставить, – сказал он. – У меня просто нет слов.
Сложив руки с длинными элегантными пальцами на коленях, мистер Сароцини смотрел в окно. Даже его голос звучал сегодня по-иному. На банкете его акцент был похож на итальянский, а теперь в нем слышалось столь же сглаженное, но явственно ощутимое немецкое порыкивание.
– Мистер Картер, скачки – спорт королей и дураков. Если вы выиграли – сами ли или следуя чьему-либо совету, – вам следует относить это либо насчет удачи, либо насчет знакомства с устроителями скачек – и ничего иного.
Джон осторожно взглянул на мистера Сароцини, так как не был уверен, что именно – удача или подтасовка – имело место в данном случае. Обе названные ему мистером Сароцини лошади выиграли вчера: первая при двадцати к одному, вторая при пятнадцати. Джон поставил по двести фунтов на каждую, пятьдесят фунтов на прогноз и унес с собой двенадцать тысяч фунтов выигрыша.
Но вместо того, чтобы испытывать воодушевление, подобное тому, какое испытывала Сьюзан, которая восприняла его везение как хороший знак, он корил себя за то, что не поставил больше.

Если бы он пошел ва-банк (и если бы у него при этом было нужное количество денег), то он мог бы решить на скачках все свои проблемы. Но конечно, он бы не пошел на подобный риск.
– Ваш баланс показывает финансовый убыток, равный сорока восьми тысячам семистам пятидесяти одному фунту, расписанный вперед на два года. Вы можете это объяснить? – спросил мистер Сароцини.
– Да, конечно. – Джон мигом спустился с небес на землю. – Это стоимость графического оборудования, приобретенного у одной обанкротившейся фирмы. Мы купили их акции, чтобы создать убыток, не требующий немедленной ликвидации.
– А в прошлогоднем балансе есть запись аудитора об отчислении тридцати пяти тысяч шестисот восьмидесяти семи фунтов на счет в банке «Швейцарский кредит» в Цюрихе. Я не понимаю, куда пошли эти деньги.
Вопрос немного смутил Джона, хотя он был уверен, что мистер Сароцини, будучи сам швейцарским банкиром, поймет его.
– Это часть нашего соглашения с гинекологом Харви Эддисоном. Он очень важен для нас, так как представляет успешный сетевой проект. Одним из его условий было, чтобы мы… спрятали часть его зарплаты за границами Великобритании.
Джона все больше удивляло то количество деталей, которые смог запомнить мистер Сароцини. Несмотря на то, что банкир провел в его офисе всего полчаса и просматривал подготовленные для него цифры, не делая никаких записей, он, казалось, не пропустил ничего.
– Этот композитор, – сказал мистер Сароцини. – Зак Данцигер. Как вы считаете, можно ли в ближайшем времени уладить возникшие с ним разногласия?
Джон со всей тщательностью обдумал вопрос и решил, что умнее всего держаться правды.
– Нет, не думаю. То есть, наверное, можно, но это недешево станет.
Уделяя все внимание вопросам мистера Сароцини, Джон не заметил, как машина остановилась перед входом в клуб. Это было георгианское здание, расположенное в районе Мейфэр, впечатляющее, но давно уже требующее свежей побелки. Швейцара у входа не наблюдалось, названия клуба также нигде не было видно – просто дверь с цифрой «3» на ней и звонок.
Они вошли. Судя по предупредительности, с какой обслуга относилась к мистеру Сароцини, его здесь хорошо знали. Он тепло поздоровался с каждым, кто вышел встречать его, называя всех по имени. Они миновали конторку портье и вошли в просторный зал, по стенам которого были развешаны портреты, перемежающиеся зелеными суконными досками объявлений.
Обслуга клуба состояла по большей части из людей пожилых, но все они были безукоризненно вежливы с Джоном и обращались с ним так, будто человека значительнее его не появлялось в этом заведении с самого его открытия. Джон подумал было, что они относятся так к каждому посетителю, но тишина, воцарившаяся в момент, когда он следовал за мистером Сароцини в другой зал, свидетельствовала о том, что его внимательно изучают.
Обеденный зал был выдержан в величественном барокко и сверкал позолоченными колоннами и хрустальными люстрами, но в то же время не был настолько огромен, чтобы потерять уютность. Как и все в этом клубе, его, казалось, не мешало бы подновить. Лепной потолок, на который годами оседал табачный дым, местами приобрел охристый оттенок, зеленые бархатные занавески выцвели, ворс на коврах вытерся. Даже немногие посетители, пожилые джентльмены в темных костюмах, выглядели какими-то блеклыми.
Джон был доволен, что сегодня предпочел консервативный стиль в одежде: темно-синий пиджак, белую рубашку и полосатый гольфклубовый галстук, который вполне мог сойти за классический.
Ему принесли меню, а мистеру Сароцини – нет.
– Я всегда ем здесь одно и то же, – объяснил банкир. Он сидел за столом с прямой, как палка, спиной. – Пожалуйста, заказывайте. Здесь неплохо готовят.
Джон заказал копченого лосося и дуврского палтуса. Лосось был подан тут же, вместе с тарелкой перепелиных яиц для мистера Сароцини. Официант разлил по бокалам минеральную воду и белое вино. Джон поднял свой бокал:
– Ваше здоровье.
Мистер Сароцини улыбнулся вежливой улыбкой, но ничего не ответил, и Джон, помедлив, поставил бокал на стол и, чтобы сгладить неловкость, сказал:
– Хороший клуб. Красивое здание.
Мистер Сароцини развел руками:

– Я нахожу его удобным для себя.
– Как он называется?
– Название держится в тайне. Оно известно только членам клуба. Это прописано в уставе. – Мистер Сароцини опять улыбнулся, на этот раз более холодно.
– А как можно вступить в этот клуб?
Мистер Сароцини насыпал аккуратную горку соли на край своей тарелки.
– Я вижу, вы обладаете пытливым умом, мистер Картер. Однако сегодня у меня не так много времени. Позвольте мне задавать вопросы. Я должен представить отчет о вашей фирме нынче же днем, если мы хотим успеть в срок, отведенный вам вашим банком.
– Разумеется.
Джон выжал лимон на рыбу. Его внимание привлекла картина, висящая на стене, – живопись маслом, на полотне была изображена компания херувимов, завтракающих на фоне живописного моста. В картине было что-то беззаботное, что резко контрастировало с атмосферой клуба, и Джон позавидовал херувимам, наслаждающимся простыми радостями жизни.
Мистер Сароцини разбил перепелиное яйцо о тарелку, очистил его и обмакнул в соль.
– Мистер Картер, расскажите мне о ваших религиозных убеждениях.
Джон был атеистом. Он задумался, прежде чем ответить, так как боялся, что вступает на минное поле. Не еще ли один это Клэйк? Неужели мистер Сароцини – глубоко религиозный человек?
– Э… у меня нет предубеждений на этот счет, – наконец сказал он.
– Вообще?
Зрачки мистера Сароцини зафиксировались на Джоне, и у него появилось стойкое ощущение, что банкир заглядывает прямо ему в душу. Солгать было невозможно.
– Я ищу объяснения вопросов бытия скорее в науке, чем в религии или мистицизме.
– А ваша жена?
– Она верующая христианка.
– Она посещает церковь?
– Да. Раньше ходила туда каждую неделю, сейчас реже.
– Влияют ли разные взгляды на религию на ваш брак?
– Нет. Еще в самом начале мы решили относиться друг к другу терпимо и теперь почти не обсуждаем вопросы веры.
– Понятно. Простите за то, что затронул такую деликатную тему.
Они умолкли и продолжили есть. Джон ждал от мистера Сароцини новых вопросов, но банкир сосредоточенно чистил второе яйцо. Джон не мог понять, разочаровал ли он его своим ответом и должен ли сейчас сказать что-либо, чтобы исправить положение. Вдруг мистер Сароцини произнес:
– Еще раз прошу прощения за то, что затрагиваю деликатные темы, но скажите, пожалуйста, не повлияли ли ваши религиозные убеждения на ваше решение не иметь детей?
Похоже, мистер Сароцини намеренно избегал разговора о деле, в то время как Джон стремился поскорее приступить к нему. «Диджитрак» вот-вот должен был заключить несколько крупных сделок, и Джон хотел, чтобы банкир узнал о них – ведь в ближайшие несколько лет значительно повысятся прибыли компании. Цифры в балансе будут выглядеть значительно лучше.
– Нет, не повлияли. Сьюзан терпима в вопросах религии. У нас есть крестный сын, маленький мальчик, и мы очень рады этому. Религия не играет в нашей жизни большой роли.
– А ваше решение не иметь детей, мистер Картер? Играет ли оно большую роль?
Джон попытался уйти от вопроса, но мистер Сароцини был настойчив, и ему пришлось рассказать все о том, почему они с Сьюзан решили не иметь детей. Он почти доел палтуса к тому времени, как закончил.
Мистер Сароцини, оторвавшись на секунду от вареной рыбы, которую он задумчиво поглощал, подытожил:
– Значит, основной причиной послужило отношение к детям в вашей семье?
– Да.
– Вашей семье не хватало стабильности. Ваш отец пил. Он был водителем такси, затем парикмахером, затем купил магазинчик и прогорел. Он стал коммивояжером, но в один прекрасный момент все бросил и уехал на отдаленный шотландский остров пасти овец. Позже

он вернулся домой опустившимся и озлобленным. Он считал, что ваше появление на свет разрушило его брак и отняло у него свободу.
У Джона стоял комок в горле. Эта рана по-прежнему болела. Много лет он пытался забыть о ней, залечить ее, как-то даже попробовал психотерапию – ничего не помогало.
– А потом он бросился под поезд в метро?
Джону тогда было четырнадцать лет, и он учился в школе в Северном Лондоне. О самоубийстве его отца написали в местной газете. Школьники шептались и показывали пальцами. Когда он проходил мимо, все разговоры затихали. Если твой отец бросается под поезд, к тебе уже никогда не будут относиться по-прежнему. Какой бы червяк ни завелся у него в голове, все считают, что у тебя он живет тоже.
«Держитесь подальше от Джона Картера: он может утащить вас с собой под поезд».
Банкир вынул кость из рыбы.
– А ваша мать? – спросил он.
Джон не хотел рассказывать мистеру Сароцини о своей матери. Он вспомнил об игрушках, которые она ему покупала, и о том, какие скандалы закатывал ей из-за этого отец. Он вспомнил модель «Аполлона-11», подаренную ею, когда он заболел высадкой на Луну. Экшн-мэна, который мог быть кем угодно – от солдата до спортсмена. Модели самолетов, детские энциклопедии, наборы «Лего».
Все его детство вращалось вокруг ее подарков. Они были его братом, сестрой, лучшим другом, окном в мир. Он почти не выходил из своей комнаты: читал там, учил уроки, собирал модели, проживал вместе с Экшн-мэном каждое из его головокружительных приключений. Он не слышал стонов матери, проводившей время с мужчинами, когда отец уезжал или бросал их, не слышал ее криков, когда она приходила в его комнату и обвиняла его в том, что он разрушил ее жизнь. Она кричала, что, если бы не он, они с отцом жили бы счастливо.
Все детство он провел в придуманном мире. Мире настольных игр, «Донжонов и драконов», потом – компьютеров.
Он рассказал мистеру Сароцини отредактированную, приглаженную версию своего детства.
Подали кофе. За весь ленч они и словом не обмолвились о деле. Мистер Сароцини взглянул на тонкие старомодные часы «Картье», смотревшиеся частью его запястья. Джон потянулся за стоящим под столом портфелем.
– У меня есть для вас копии балансовых отчетов и прогнозов, – сказал он.
Банкир вынул из кармана маленькую золотую коробочку и вытряхнул из нее в чашку с кофе две таблетки заменителя сахара.
– Весьма предусмотрительно с вашей стороны, но, скорее всего, мне они не понадобятся.
Джон затравленно посмотрел на мистера Сароцини. Загоревшая вчера надежда потухла, будто залитая дождем свеча. Он что, сказал что-нибудь не то? Эта неожиданная перемена в настроении мистера Сароцини ничем не объяснялась. Джон не мог понять, зачем банкиру было утруждаться и везти его на ленч, если он не собирался говорить с ним о деле.
Мистер Сароцини аккуратно промокнул рот салфеткой и встал из-за стола. Джон подумал, в своем ли уме этот человек, но, вспомнив, сколько тот запомнил из чтения отчетов, рассудил, что дураком его никак не назовешь.
«Мерседес» вез Джона обратно в офис. Мистер Сароцини сидел молча и смотрел в окно. Когда Джон вновь попытался выяснить, стоит ли ему рассчитывать на то, что Ферн-банк вступит в игру, мистер Сароцини после долгой паузы ответил, что он пришел к выводу, что Зак Данцигер представляет собой большую проблему, чем он решил вначале.
Джон совсем отчаялся. Мистер Сароцини не взял никаких бумаг. Он потерял интерес.
Календарь в компьютере Джона говорил ему, что у него осталось всего одиннадцать дней.
Завтра суббота, гольф с друзьями – если он будет в состоянии поехать. В понедельник будет восемь дней. Радоваться нечему. Джон взял трубку телефона и набрал номер Арчи Уоррена.
Арчи не смог ничем помочь. Ему больше некого было предложить.

16

В отличие от всех остальных помещений дома подвал Сьюзан не нравился.

Дверь провисла в петлях, и ей пришлось резко рвануть ее, чтобы та открылась. Подвал встретил Сьюзан пахнущей сыростью темнотой. Она щелкнула выключателем и стала спускаться по лестнице. Особенно ей не нравился клаустрофобически низкий потолок и висящая повсюду паутина, в которой притаились соткавшие ее пауки.

Она миновала ряд пустых бутылок из-под кьянти, сложенные рядами когда-то не понадобившиеся водосточные трубы, пустые фанерные ящики, стопку ржавых жестяных листов и, дойдя до большого морозильника, попыталась открыть его дверцу. Та подалась – с ледяным хрустом замерзшей уплотнительной прокладки и порывом холодного воздуха. Взглянув внутрь, Сьюзан беззвучно выругалась: надо же было так сглупить и не подписать все продукты, прежде чем сложить сюда. В поисках пакета тигровых креветок, которые, как она думала, должны были лежать тут, она вытащила что-то, напоминающее баранью ногу. Отложив ее в сторону, она стала искать дальше. Даже эта простая задача была ей сегодня не по силам: ее с головой накрывали тяжелые мысли, мешая сосредоточиться. Сегодня к ним придут гости. Обыкновенно она любила вечеринки и подготовку к ним, но сегодня это было для нее пыткой.

Вчера вечером Джон приехал в еще более расстроенных чувствах, чем обычно. Он очень рассчитывал на швейцарского банкира, которого встретил на банкете в Гилдхолле. И она поверила в этого человека – после того как в Аскоте выиграли указанные им лошади. Но, как оказалось, зря. Встреча с ним ни к чему не привела, как и все остальное, что пытался делать Джон.

Она вздрогнула от неожиданности, когда в дальнем конце подвала ожил бойлер. Затем она продолжила поиски, хотя руки у нее уже ничего не чувствовали от холода. Сегодня придут Алекс и Лиз Гаррисоны. Алекс, который раньше был лучшим сотрудником в фирме Джона, теперь работал в крупной компании, производящей программное обеспечение. Джон хотел выспросить его, не сможет ли какая-нибудь компания купить «Диджитрак». Лиз была близкой подругой Сьюзан – самой близкой в Англии после Кейт Фокс, с которой Сьюзан работала в одном издательстве.

Также будет Харви Эддисон с женой Каролиной. Сьюзан гинеколог не очень нравился – она считала его слишком высокомерным и заносчивым, – но Джон ради бизнеса настаивал, чтобы они поддерживали дружеские отношения. Он хотел предложить доктору организовать новую компанию на правах партнерства, если «Диджитрак» все же потонет.

Сьюзан находила Каролину милой, но скучной и зацикленной на себе. Она была привлекательной – ожившая кукла Барби, – и сфера ее интересов ограничивалась встроенным шкафом-купе, который она себе поставила, диетой, на которой она сейчас сидит, новыми тенденциями в воспитании детей, которых она, как и мужа, слепо обожала. За пять лет их знакомства Сьюзан не могла припомнить момента, когда Каролина Эддисон захотела бы узнать что-нибудь о ней самой.

Была суббота. Джон уехал играть в гольф. Передышка была ему необходима, и Сьюзан была рада, что муж проведет несколько часов на свежем воздухе. После гольфа он собирался в офис, на встречу со специалистом по банкротству – его посоветовал Арчи Уоррен, охарактеризовав как профессионала экстра-класса. Спец представит Джону схему, как сохранить то имущество фирмы, которое еще можно сохранить, до того как банк завинтит пробку. Все в рамках закона, сказал Джон, но по его тону Сьюзан поняла, что все как раз наоборот.

Его отчаяние пугало ее. До настоящего времени она всегда доверяла способности Джона правильно оценивать ситуацию, но теперь она боялась, что он сделает что-нибудь такое, что доведет их до беды. Вчера вечером муж снова напился и грубо оборвал ее, когда она завела разговор о поиске других вариантов разрешения кризиса. А потом он уснул перед телевизором.

Тяжелое детство или калечит, или делает сильнее. Джона оно сделало сильнее. Имея перед глазами пример отца-неудачника, он был полон решимости достичь успеха в жизни, доказать, что в его генах нет предрасположенности к краху. Он отличался упорством в достижении своих целей и никогда не отказывался от начатого, однако его вчерашние слова свидетельствовали о том – и это вызывало у Сьюзан нешуточное беспокойство, – что он начал рассматривать банкротство как избавление.

Она и сама могла понять, что в каком-то смысле оно и будет избавлением. У него появится возможность начать все заново, хотя потребуется много времени на то, чтобы достичь нынешнего уровня; еще им придется продать дом – но Сьюзан могла все это принять.

Настоящей проблемой была Кейси.

Если бы только с ее работой все было стабильно!
Когда Джон попросил ее выйти за него замуж и переехать в Лондон, она колебалась, уезжать из Лос-Анджелеса или нет, только из-за Кейси.

> Мишурный город
> [8]
> ассоциировался у нее с несчастьем. Ее отец был неудавшимся актером, за тридцать лет карьеры не получившим ни одной крупной роли. Он зарабатывал на жизнь, заправляя топливом яхты и катера богатых, знаменитых и просто успешных людей в Марина-дель-Рее. В возрасте пятидесяти лет он начал рисовать и все еще мечтал об успехе – теперь уже не в качестве актера, но художника. Сьюзан же, как ни горько ей от этого было, понимала, что успеха он никогда не добьется: он, бесспорно, обладал талантом, но ему не хватало напора.

Ее мать, чьей самой крупной ролью была сцена в лифте с Клинтом Иствудом в «Грязном Гарри», вырезанная в телевизионной версии, перестала мечтать много лет назад и работала билетершей.
Кейси, ее чудесная, бесшабашная и ошеломительно красивая младшая сестра, приняла на вечеринке грязную таблетку экстези всего через несколько дней после того, как ей исполнилось пятнадцать. С тех пор она находилась в клинике, в состоянии стабильного вегетативного существования. Мать Сьюзан не дала своего разрешения на отключение ее системы жизнеобеспечения, а Сьюзан с отцом, хотя и не без некоторых сомнений, поддержали ее в этом решении.
В том, что случилось с Кейси, Сьюзан винила себя. Родители и друзья не уставали повторять ей, что это была не ее вина, и она понимала их, но ничего не могла поделать с горечью, поселившейся внутри ее. Родители тогда уехали на выходные, оставив Кейси на попечение Сьюзан. Когда Кейси пригласили на вечеринку, Сьюзан сначала не хотела ее отпускать, но Кейси упросила ее, пообещав вернуться рано.
«Если бы только…» – тысячи раз думала Сьюзан.
Первые пять лет Сьюзан приходила к Кейси каждый день и проводила у нее час. Она сидела у ее кровати, разговаривала с ней, слушала вместе с ней ее любимую рок-музыку. Постепенно ее посещения сократились до двух-трех раз в неделю, затем до одного раза.
Переехав жить в Англию, Сьюзан стала навещать сестру всего два раза в год, находя утешение в мысли, что те деньги, которые они с Джоном заработают в Англии, позволят Кейси оставаться в роскошной частной клинике, вместо того чтобы отправиться в пасть американской государственной системе здравоохранения. И теперь Сьюзан было больно от осознания того, что они могут оказаться не в состоянии помочь Кейси.
Тигровые креветки лежали на дне последнего обысканного ею ящика. Запихивая продукты обратно в морозильник, она вдруг подумала о детях. У Алекса и Лиз Гаррисон четверо, два мальчика и две девочки, каждый старше другого на три года. Лиз была отличной матерью: внимательной, умной, доброй, смешливой – и Сьюзан, которая не доверяла во всем совершенным людям, вдруг позавидовала своей подруге черной, иррациональной завистью.
А зависть привела с собой тоску.
Сьюзан хорошо знала ее: это был старый враг, непременно возвращающийся раз в несколько месяцев. У Сьюзан были способы справляться с ней, отгонять ее – на время, до следующего ее возвращения.
Сами собой возникли всегдашние резоны: в мире и так слишком много людей; дети убивают в браке романтику, лишают родителей свободы; требуется целое состояние на то, чтобы вырастить их; и в любом случае они с Джоном могут быть физически не способны завести их, даже если захотят, – Сьюзан перебрала целую батарею отговорок, но ни одна из них не помогла.
Правда состояла в том, что она любила Джона, а Джон не хотел детей. Она любила свою работу, а она не оставляла ей времени на детей – и не важно, хочет она их или нет. И кроме того, ей всего двадцать восемь, у нее еще есть время. Джон может передумать. Со временем она как-нибудь заставит его передумать. Или она сама передумает и начисто забудет о детях – и, может быть, так будет лучше.

Как бы то ни было, в их теперешней ситуации мысль о том, чтобы завести ребенка, была еще более бессмысленной, чем обычно. Так зачем она об этом думает? Навязчивая идея.
Течение ее мыслей прервала трель дверного звонка, донесшаяся сверху через пол первого этажа. Кто бы это мог быть? Маляр Гарри? Вроде бы он хотел привести приятеля-ремонтника, для того чтобы тот выполнил те мелкие работы, за которые сам он не брался, – например, поправил покосившуюся подвальную дверь. Нет, он же уехал на неделю и вернется только в следующую субботу.
Она поднялась в холл. Звонок прозвучал снова, когда она была уже в прихожей. Сьюзан открыла дверь и вспомнила.
На пороге стоял высокий, простовато выглядящий мужчина в униформе «Бритиш телеком». В одной руке у него был ящик с инструментами, в другой – большая коробка в заводской упаковке. На улице рядом с ее маленьким «рено» стоял телекомовский фургон.
– Надеюсь, я вовремя? – спросил мужчина.
– Да, да, конечно.
– Вы не забыли о том, что я должен прийти? Мы договорились, помните?
– Э… нет, я… – Она заметила, что он смотрит на пакет с замороженными креветками, который она держала в руках. – Извините. Я была в подвале. Я не забыла. Новая сетевая плата? Материнская плата? Вы упомянули о чем-то подобном.
– Именно так. – Кунц улыбнулся.
Так хорошо было снова быть с ней рядом, снова чувствовать ее запах. На этот раз в нем не присутствовало призвука спермы, и Кунц был рад этому. Она пахла так, будто ни разу не занималась с мужем любовью с тех пор, как Кунц был здесь последний раз, и он отчаянно хотел вознаградить ее за это, прямо здесь, на ступенях.

Сьюзан, сладкая моя, ты была хорошей девочкой.

17

Доктора Радуныла нужно развеселить. Это можно сделать с помощью одной из трех экранных кнопок. При нажатии на любую из двух других он затопает ногами, зарыдает, потянет за рычаг, открывающий люк, на котором стоит твой персонаж, и этот персонаж упадет в зловонную канализацию, где ему придется, чтобы выбраться наружу, пройти целый лабиринт тоннелей, населенных гигантскими крысами-мутантами и крокодилами-людоедами.
Первая кнопка сообщает доктору Радунылу, что на перемене ты ел шоколадку; вторая – что ты ел чипсы; третья – что яблоко. При нажатии на третью кнопку он радуется: у него загораются глаза, в широкой улыбке раздвигаются губы, он поет песню и показывает стойку на руках.
– Ну, что думаешь? – спросил Гарет и, не дожидаясь ответа Джона, добавил: – Так гораздо лучше, верно?
– Думаю, что у нас проблема, – сказал Джон и, не обратив ни малейшего внимания на ненавидящий взгляд компаньона, продолжил: – Думаю, детям будет интереснее побегать по канализации, чем увидеть, как радуется Радуныл. Я уже давно об этом думаю.
– Мы можем это изменить, но тогда выпуск снова придется отложить, а мы уже отстаем от графика, – сказал Гарет и недовольно добавил: – Никто из учителей, читавших сценарий, не обратил на это внимания.
Джон стоял в просторной комнате, отведенной для программистов. Двадцать пять человек собрались вокруг него. Раньше Джон остановился бы у стола каждого и поговорил бы с ним, но сегодня он старался даже не смотреть им в глаза. И уж совсем он не желал быть втянутым в спор с Гаретом.
Клифф Уорролс, очкарик с конским хвостом, одетый в неофициальную униформу «Диджитрака» – футболку и джинсы, – вопросительно смотрел на него, ища оценки улучшенной графики Радуныла. Джон кивнул ему. С первого взгляда было видно, что программа, рассчитанная на обучение детей принципам здорового питания, была недоработана, но у Джона были другие заботы, кроме как поднимать дискуссию по этому поводу. Была среда,

до назначенной даты оставалось шесть дней, и он решил рассказать все Гарету сегодня во время ленча.
Он также собирался рассказать ему о своей встрече со специалистом по банкротству. Предложенная им схема, имеющая целью утаить некоторую, весьма небольшую, часть денег от кредиторов, требовала выписки нескольких фальшивых счетов-фактур и договоров. Гарету это может тяжело даться – он был честен до абсурда.
В разговоре он решил надавить на то, что если они сумеют сохранить сколько-нибудь денег, то у них появится возможность начать все сначала и все выплатить – и Джон действительно собирался сделать это.
Он снова взглянул на компьютерный экран, затем в обеспокоенные лица Гарета и Клиффа.
У Уорролса зазвонил телефон. Он ответил на звонок, затем повернулся к Джону:
– Стелла. Просит вас.
Джон взял трубку, и Стелла сообщила ему, что звонит мистер Сароцини. У Джона закачался под ногами пол.
– Я отвечу из своего кабинета, – сказал он. – Увидимся позже, Гарет. Хорошо поработал, Клифф! – И вышел.
Придя в кабинет, он взял трубку. Отчего-то банкир в его мозгу прочно ассоциировался с доктором Радунылом.
– Мистер Картер? Надеюсь, вы в добром здравии? – Мистер Сароцини, похоже, был в лучшем расположении духа, чем в пятницу, и больше напоминал того человека, рядом с которым Джон сидел на банкете Кармайклов в Гилд-холле, чем ту глыбу льда, с которой Джон обедал в клубе. Но Джон все равно внутренне сжался, превратившись в комок нервов.
– Да, спасибо. Благодарю вас за ленч. Мне очень понравился клуб, в который мы ездили. – Джон послал благодарственное письмо на почтовый ящик, указанный на визитной карточке банкира, но не знал, получил ли тот его.
О письме банкир не стал упоминать.
– Рад, что смог доставить вам удовольствие. В свою очередь, я был рад встретиться с вами вторично и узнать чуть больше о вашей жизни. То место, где мы были, замечательно своей прекрасно подходящей для спокойной беседы атмосферой. В Лондоне не так уж много мест, где можно спокойно поговорить, вы не находите?
– Да, это так, – вежливо отозвался Джон, хотя и сгорал от нетерпения в ожидании того момента, когда мистер Сароцини перейдет к делу. От дружелюбия в голосе банкира в нем вновь зажглась надежда.
– Как у вас обстоит дело с поиском финансирования? Есть успехи?
– Кое-чего мы достигли, – соврал Джон, стараясь волевым усилием унять дрожь в голосе и теле, – но никаких договоров еще не заключили.
– Вот как.
Возникла долгая пауза. Джон ждал реплики мистера Сароцини, но тот молчал, поэтому Джон спросил:
– Может быть, вам нужна еще какая-либо информация? – пытаясь одновременно вспомнить что-нибудь, что могло бы заинтересовать банкира.
– Нет, пока нет. Я поговорил со своими компаньонами и, прежде чем двинуть дело дальше, хочу удостовериться, что ваши требования не изменились.
– Они не изменились. – Мысли Джона лихорадочно метались. «Прежде чем двинуть дело дальше». Это вселяло надежду. Что бы еще сказать ему? Есть ли что-нибудь, о чем он забыл упомянуть на прошлой неделе? Или, может быть, что-нибудь изменилось с тех пор? – Мистер Сароцини, с момента нашего последнего разговора у нас наметились положительные сдвиги в бизнесе, которые могут вас заинтересовать.
– Вот как? Расскажите.
– Не припомню, упоминал ли я… очень выгодное для нас соглашение с «Майкрософт». Они могут включить свежую версию нашей серии «Домашний доктор» в программный пакет вместе с онлайн-версией их программы, которая называется Encarta.
Судя по голосу мистера Сароцини, он не смог ухватить открывающейся в случае успеха этой сделки перспективы.
– Хорошо, – сказал он. – Звучит впечатляюще. – И замолчал. – Значит, ваши требования не изменились?

– Нет, не изменились.
– Как обстоит дело с вашим судебным иском? Есть какие-нибудь новости?
– Боюсь, что нет.
– Мистер Картер, если вы не возражаете, я перезвоню вам через несколько дней.
Ни разу в разговоре с Джоном мистер Сароцини не назвал его по имени. Это звучало диссонансом к дружелюбному тону банкира и казалось неуместным формализмом.
– Срок, отведенный мне банком, истекает в будущий вторник.
– Да, конечно, я не забыл, – ответил банкир. – Как можно забыть такую важную дату? Но все равно благодарю за напоминание. – В его голосе послышалась мягкая ирония, будто у отца, журящего вздумавшего его учить сына. – Я свяжусь с вами, не дожидаясь вторника.
Мистер Сароцини положил трубку.
Джон отнял свою от уха, тупо посмотрел на нее, затем тоже положил ее на рычажок и некоторое время молча сидел, пытаясь осознать, что несет с собой звонок. Это определенно плюс, что мистер Сароцини позвонил, – после того, как банкир высказал свои соображения по поводу судебного иска Зака Данцигера, Джон ожидал, что тот вовсе не объявится.
Его неожиданно затопила волна оптимизма, и он позвонил Сьюзан, чтобы сообщить ей, что у них еще есть надежда. Она была на совещании и не могла долго говорить, но в ее голосе сквозило явное облегчение. Отключившись, Джон решил подождать звонка мистера Сароцини и ничего не говорить Гарету.
Только бы он позвонил!
У Джона возникло чувство, что он позвонит. Мистер Сароцини был не из тех, кто предпочитает отделаться молчанием, – если его что-либо не устроит, он скорее выступит с альтернативным предложением.

Вечером Джон повел Сьюзан в расположенный за углом тайский ресторанчик.
Владелец встретил их, как давно потерянных и вдруг обретенных друзей, принес им за счет заведения по коктейлю и весь вечер закармливал их новыми экспериментальными блюдами. Бренди, поданное под занавес ужина, было также за счет заведения.
Было уже около полуночи, когда они, пьяные, веселые и такие сытые, что чуть не лопались, смогли выбраться из ресторанчика. Джон вошел в раж и, слоняясь взад-вперед по тротуару возле их дома, в лицах изображал ресторатора: «А вот, позалуйста, вот эта пробовать: зеленая креветка в кокоса!»
Сьюзан, давясь смехом, шикнула на него и затащила в дом. Добравшись до спальни, они сорвали друг с друга одежду, разбросав ее по всему полу, и впервые почти за две недели занялись любовью.
И Кунц, который в субботу вмонтировал в потолок спальни видеокамеру, сидел в своей аппаратной и смотрел на них, испытывая возбуждение и злость.

> Его возбуждало зрелище того, как они одновременно дарят друг другу оральные ласки, как Сьюзан Картер открывается, давая Джону Картеру возможность войти в нее. Но ему невыносимо было видеть, как Джон Картер занимается любовью с
> его
> женщиной, какое счастье выражает при этом ее лицо, как она покусывает его ухо, прерывисто дышит, стонет от наслаждения…

Ему невыносимо было видеть, как ей это нравится.
Она перевернула Джона на спину и села на него верхом. Выражение лица Джона Картера вызвало у Кунца припадок бешенства, но он продолжал смотреть. Достигнув оргазма, Картер выгнулся дугой и закричал.
Кунц с гневом выключил монитор. Он надеялся, что когда-нибудь мистер Сароцини позволит ему наказать Джона Картера за это.
Но по крайней мере, сегодня у него было чем отвлечься. На стоящем в аппаратной столе, рядом с недоеденным «Кентуккским жареным цыпленком» и пустыми банками из-под кока-колы, лежал белый конверт со швейцарской маркой, в котором находился подарок мистера Сароцини.

Иногда мистер Сароцини делал Кунцу подобные подарки – обычно тогда, когда Кунц бывал очень расстроен. Это являлось еще одним подтверждением того, что мистер Сароцини всегда присутствовал у Кунца в голове, всегда знал, какое у него настроение, всегда чувствовал это. Чуть двигая конверт пальцем по поверхности стола, Кунц начал напевать про себя.

18

Дон Жуан провалился в открывшийся в сцене люк – в ад. Вокруг него взметнулось пламя, и Кунц улыбнулся.

Ад.

Он вспомнил слова Томаса Элиота, чью книгу дал ему прочитать мистер Сароцини. «Ад не является ничем из ряда вон выходящим».
И Дон Жуан, в одиночестве сходя в ад, пел похоронную песнь по себе. Мощный тенор заполнял зрительный зал. Великая музыка. Кунц был счастлив быть сейчас в Глайндборне, в ложе, в которой могло бы разместиться шесть человек, но которая сегодня была предоставлена в полное его распоряжение.
Сьюзан Картер понравилось бы смотреть спектакль отсюда. Кунц улыбнулся, купаясь в водопадом льющейся на него музыке. Да, ей бы понравилось. Воздух в зрительном зале был густым от запахов всех собравшихся в нем женщин, одетых в лучшие свои платья, надушенных лучшими духами. Ни одна из этих женщин не пахла так хорошо, как Сьюзан Картер, но это не расстраивало Кунца. Моцарт подарил ему счастье и силы на ожидание. Теперь уже скоро. А потом Сьюзан Картер будет дарить ему счастье всю оставшуюся жизнь.
Это обещал ему человек, который никогда не бросал слов на ветер.
«Красота есть истина, а истина есть красота. Вот все, что знаем мы, и все, что знать должны».
«Китс», – вспомнил Кунц. О Китсе он узнал от мистера Сароцини.
Он узнал от мистера Сароцини о стольких прекрасных вещах: о радости, которую дарит гениальная музыка, о наслаждении, получаемом от лицезрения прекрасных картин, об удовлетворении от вкуса изысканной еды… Благодаря ему он познал столько мудрости. Кунц вспомнил фильм, который он однажды смотрел в частном кинозале мистера Сароцини. В этом фильме актеры, Джозеф Коттон и Орсон Уэллс, оказались в одной кабинке колеса обозрения, в парке аттракционов, в Вене. На этом моменте мистер Сароцини остановил фильм, велел Кунцу слушать внимательно, затем снова запустил пленку.
Орсон Уэллс, героя которого звали Гарри Лайм, повернулся к Джозефу Коттону и сказал с плохо скрываемой досадой: «В Италии тридцать лет правления Борджиа были напоены войной, террором, убийством, кровопролитием – но они произвели на свет Микеланджело, Леонардо да Винчи, ознаменовали собой начало эпохи Возрождения. В Швейцарии в течение пятисот лет царила братская любовь, демократия и мир – и что швейцарцы смогли придумать за это время? Часы с кукушкой».
Мистер Сароцини снова остановил фильм и спросил, понял ли Кунц. Кунц, который никогда не смел лгать мистеру Сароцини, ответил, что нет, не понял. Мистер Сароцини сказал, что однажды он это поймет.
Упал занавес, и зал взорвался аплодисментами. Люди вскочили со своих мест, и Кунц встал вместе с ними, хлопал вместе с ними, кричал «Бис!». Ему казалось, что он Джозеф Коттон, застрявший высоко над городом в кабинке колеса обозрения, и что Орсон Уэллс обращается к нему.
Внизу и вокруг него публика скандировала: «Еще! Еще! Еще!»
И он присоединился к их зову, и он плакал от радости. Слезы текли по его щекам. Он плакал оттого, что прикоснулся к истинной красоте. Музыка разбудила в нем лучшие человеческие чувства, которые доселе дремали. И еще он плакал от осознания того, какую великую тайну он носит в своем сердце. Он всей душой желал поделиться ею со всеми этими людьми, сметенными, как и он сам, музыкой, выбежать на сцену, жестом унять гул и выкрикнуть: «Оно грядет! Оно уже рядом!»

Но мистер Сароцини никогда бы ему этого не простил, поэтому он просто смотрел на них, впитывая восторг, излучаемый их лицами, слушал аплодисменты и гул, наслаждаясь ощущением чистого, незамутненного счастья. Мало кто обратил внимание на него, одиноко стоящего в своей ложе, и никто из них не понял истинной природы отражавшегося на его лице воодушевления.
Потому что никто не знал о белом конверте, лежащем у него в кармане, – том, в котором был послан билет в эту ложу. Никто не знал, что получить такой конверт – это честь, равной которой не существует на земле.
Через несколько минут Кунц уже пробирался сквозь толпу, уплотнявшуюся по мере приближения к выходу. Те, кто замечал его, видели высокого мужчину со сложением игрока в американский футбол и, может быть, угадывали его иностранное происхождение. Они не слышали того, как – до сих пор – играла музыка Моцарта в его голове. Им не было известно о белом конверте у него в кармане. Они не догадывались об его мыслях, не могли проникнуть в его знание, не имели понятия о тайне, которую он носил в сердце.
Они должны благодарить Бога за свое неведение.
Так думал Кунц, стоя перед входом в театр и ожидая, когда его подберет черный «мерседес» мистера Сароцини.

19

Ветер трепал волосы Джона, брызги оседали на его солнцезащитных очках. Нос катера Арчи резал голубое стекло Солента,
[9]
направляясь к стене «Королевского Яхт-эскадрона»
[10]
и входу в гавань Коуз. Два двигателя катера издавали ровное мощное рычание. Время от времени под днищем катера слышался глухой удар – это он пересекал волну, поднятую винтом какого-нибудь судна.

На этот раз Арчи был мистером Тоудом в море. Он сидел за штурвалом, установленным в самой верхней точке открытой кабины, в цветастой рубашке с короткими рукавами, в маленьких овальных солнцезащитных очках, и гордо обозревал ряды окружающих его приборов, которых, наверное, было бы достаточно для того, чтобы провести флот космических кораблей с одного конца Вселенной до другого.
Позади них, на шикарной, застеленной белыми матами открытой палубе топлес загорали Сьюзан и роскошная брюнетка – испанская модель по имени Пайла, последняя подружка Арчи. Арчи погрузил пальцы в свой джин с тоником, выудил оттуда кубик льда и бросил его в Пайлу. Он приземлился прямо ей на пупок. Она мигом вскочила. «Арчи, ты сволочь!» Она кинула кубик обратно в Арчи, но промахнулась. Джон увернулся от летящего кубика, и тот ударился в ветровое стекло. Джон не знал, спит Сьюзан или нет: ее глаз не было видно за солнечными очками. Он улыбнулся, когда Пайла, извиняясь, помахала ему рукой, затем отвернулся и продолжил рассматривать панораму, включающую морской пейзаж и сияние жаркого июньского дня.
Всюду, куда ни кинь взгляд, были лодки, в основном парусные, некоторые из них одиночные, другие – в группах, и все были неподвижны, с безжизненно висящими парусами, ожидающими, чтобы их наполнил хотя бы самый легкий бриз.
Форт проплыл мимо. Джон дышал морским воздухом со вкусом соли, морских водорослей, озона и не мог выбросить из головы мысль о том, что завтра понедельник, а мистер Сароцини так и не позвонил.
– Так ты думаешь, – вдруг сказал Арчи, – что этот твой швейцарец, Сароцини, тебя кидает?
– Да. Я был уверен, что он позвонит еще на прошлой неделе, – кивнул Джон.
– Я проверил для тебя его банк, – сказал Арчи.
– Вот как? – Джон был удивлен.

– Да. «Ферн», верно? «Ф-е-р-н?» – Арчи произнес по буквам.
– Да. И что ты нашел?
– Гусиные яйца.
– Гусиные яйца?
– Нули. Но это может ничего не значить. Под этим названием он может фигурировать на рынке, а зарегистрирован может быть совсем под другим.
Катер пробился сквозь большую волну, поднятую паромом, и взлетевшие в воздух капли забрызгали очки Джона. Он снял их и вытер о пропитанную солью рубаху – впрочем, без особого успеха.
– Из моих клиентов половина банков существует только на бумаге, – продолжил Арчи. – Пытаешься отследить их и натыкаешься на фиктивный совет директоров в Лихтенштейне, нанятых фиктивным советом директоров в Панаме, работающих на филиал чего-нибудь, зарегистрированного на Каймановых островах. Классическая мафиозная схема отмывания денег.
Джон нахмурился:
– Думаешь, он может работать на мафию?
– А ты? – Арчи выщелкнул из пачки сигарету. Потянувшись за зажигалкой, он сделал неловкое движение, и катер рыскнул в сторону. У Джона выплеснулся из стакана его джин с тоником.
– Я об этом не думал.
– Сароцини. Ничего себе имечко. Похоже на итальянское. Он итальянец?
– Нет. Швейцарец вроде бы, но точно не знаю. Судя по акценту, скорее немец, чем итальянец.
– На него тоже ничего не нашел. Никто о нем ничего не слышал.
– Это подозрительно?
– На рынке есть игроки, предпочитающие держаться в тени. Может, это его ненастоящее имя – ты, случайно, не спрашивал?
– Ну да, конечно, – сказал Джон, глотнул джина и улыбнулся. – Я прямо так ему и сказал: извините, можно взять у вас взаймы миллион фунтов, и, кстати, это ваше настоящее имя?
Арчи промычал в ответ что-то нечленораздельное – его отвлекла оранжевая мерцающая точка на одном из навигационных экранов.
– Не знаю, что эта хрень означает, – сказал он и повернул какую-то ручку. Он вызвал меню помощи и углубился в его изучение. – Гляди вперед.
– Я гляжу. – Джон не сводил взгляда с водной глади: на той скорости, с которой они шли, суда приближались быстро.
Мучая меню, нажимая какие-то кнопки и вертя ручки, Арчи сказал:
– Это все вилами по воде писано, но я недавно говорил с одним арабом, скупающим высокотехнологичные компании. Дал ему хорошие рекомендации на тебя.
– Спасибо. Он клюнул?
Арчи поколебался.
– Я бы так не сказал, но, по крайней мере, и не отшил сразу. Как ты поладил с Большим Джимом?
Он говорил о специалисте по банкротству. Следуя его указаниям, Джон подписал много фиктивных и оформленных задним числом документов и из-за этого нервничал, хотя Большой Джим заверил его, что дельцы поступают так настолько часто, что это практически стало стандартной процедурой при банкротстве. Джон жульничал первый раз в жизни.
Араб, о котором упомянул Арчи, показался Джону слишком призрачным персонажем, чтобы существовать в действительности, – скорее всего, Арчи придумал его, чтобы поддержать в Джоне боевой дух. У Джона поджилки тряслись при мысли о том, что начнется завтра. Завтрашний день приводил его в ужас. Ему придется рассказать все Гарету и остальным сотрудникам. Но Джон решил предпринять последнюю попытку помириться с Заком Данцигером и поэтому попросил своего адвоката устроить завтра встречу с ним. Он хотел попробовать убедить Данцигера, что если «Диджитрак» припрут к стенке, то он тоже ничего не выиграет.
От этой встречи он тоже многого не ждал. После ублюдка Клэйка Данцигер был самым неприятным человеком, когда-либо встречавшимся Джону.
– А, вот! – вдруг воскликнул Арчи. – Оранжевая точка. Пролетающий самолет.
– Да, это очень нужная информация, – сказал Джон.

Арчи покосился на него, не поняв, шутит он или говорит серьезно.

Обычно Джон приезжал на работу еще до восьми, но в этот понедельник он слишком долго просыпался и собирался. Сьюзан дрожащим голосом пожелала ему удачи и уехала на работу раньше его.
Из-за того, что он двинулся из дому позже, он попал в более плотное движение и добрался до офиса только в пятнадцать минут десятого. Стелла встретила шефа сообщением, что звонил мистер Клэйк, которому необходимо было срочно поговорить с Джоном.
– К чертям его, – бросил Джон, захлопнул за собой дверь, повесил на спинку стула пиджак и включил компьютер. На столе лежала стопка почты, еще несколько десятков электронных писем ждали его в компьютере, и ни одно из них не вызывало желания его просмотреть. Спина и плечи Джона болели – обгорел в воскресенье на катере Арчи.
Зачем звонил Клэйк? Напомнить о том, что Джон и без него знал, – что до окончания срока осталось два дня? Чтобы поглумиться? Немного успокоившись, он вызвал Стеллу по интеркому и попросил ее связаться с Клэйком.
Через несколько мгновений Клэйк был на линии. Джон едва узнал его голос – настолько он не был похож на голос того человека, с которым Джон виделся месяц назад.
– Мистер Картер, – начал он. – Позвольте поздравить вас с тем, что все так удачно разрешилось.
Джон подумал, что управляющий не расслышал, кто звонит, и считает, что разговаривает с кем-нибудь другим. В его ситуации все может удачно разрешиться только в том случае, если Клэйк смертельно болен или увольняется из банка. О чем он, черт побери, толкует?
– Что так удачно разрешилось? – осторожно спросил он.
– Нами были получены полтора миллиона фунтов, перечисленные из Ферн-банка.
Настал черед Клэйка удивляться.
Джону понадобилось несколько секунд на то, чтобы осознать сказанное Клэйком.
– Ферн-банка? – повторил он. Его пульс пустился вскачь.
Из голоса Клэйка испарилась какая-то часть доброжелательности.
– Я полагаю, вам было об этом известно, мистер Картер?
– Да. Я… мы… – Джон старался что-нибудь придумать. – Мы вели с ними переговоры, но… – Он застрял на полуслове, так как слишком разволновался и не мог собраться с мыслями. – Я не думал, что сумма будет перечислена так скоро.
– Я получил четкие указания от мистера Сароцини. Сумма в один точка пять миллионов фунтов была перечислена из Ферн-банка в Женеве и помещена на их временный счет в нашем банке, с тем чтобы по оформлении всех документов быть переведенной на счет «Диджитрака». Ферн-банк уведомил нас, что они ожидают, что перевод будет осуществлен в конце этой недели. Принимая во внимание изменившиеся обстоятельства, я готов продлить назначенный нами срок еще на несколько дней.
Джон не верил своим ушам. Он готов был обнять и поцеловать мистера Сароцини. Его глаза наполнились слезами, горло сдавило. Он судорожно глотнул, пытаясь сохранить самообладание – не хватало еще, чтобы Клэйк подумал, что новость стала для него полной неожиданностью.
– Ни один банк не желает потерять ценного клиента, – сказал мистер Клэйк. – Уверяю вас, мистер Картер, мы рады этим известиям не меньше, чем вы сами.
– Я в этом не сомневаюсь, – ответил Джон, почти не обратив внимания на лицемерие управляющего. Сейчас он испытывал к нему почти такую же сильную благодарность, как к мистеру Сароцини.
Не успел Джон положить трубку после звонка мистеру Клэйку, как зажужжал интерком. Это была Стелла. У нее на линии был мистер Сароцини.
– Мне только что звонили из моего банка, – сказал Джон. – Спасибо. Я вам очень признателен.
Тон мистера Сароцини был холодно-формальным.
– Мистер Картер, мы депонировали эти средства, чтобы продемонстрировать нашу добрую волю. Нам еще предстоит обсудить условия сделки.
Джон едва слышал его. Он думал о том, какое у Сьюзан будет лицо, когда он расскажет ей новости о том, что ему не нужно будет ничего говорить Гарету и сотрудникам, о том, что им все-таки не придется продавать дом. Ему было плевать на условия сделки, он примет любые.
– Разумеется, – ответил он.

– Скажите, у вас с женой ничего не запланировано на вечер? Я бы хотел пригласить вас в клуб на ужин.
– С женой? – удивленно переспросил Джон.
– Да, я бы хотел с ней встретиться.
Джон счел просьбу мистера Сароцини странной. Он точно знал, что они никуда не собирались, да даже если бы и собирались, то могли все отменить.
– Да, конечно. Уверен, она будет в восторге.
– Хорошо, – сказал мистер Сароцини. Его голос остался холодным, но Джон этого не заметил. – Мой шофер заберет вас из дома сегодня в семь тридцать вечера.
Джон был так взволнован и так зациклен на мысли, что сейчас позвонит Сьюзан и обрадует ее, что ему не пришло в голову, что он не давал мистеру Сароцини свой домашний адрес.
– Семь тридцать, – сказал он. – Замечательно.

20

В клубе мистера Сароцини было безлюдно, и Джон подумал, не предназначено ли это заведение больше для обедов, чем для ужинов. Ну и, кроме того, сегодня ведь понедельник. Было занято всего несколько столиков, а некоторые даже не застелены скатертями. Один на весь зал пожилой официант раскладывал столовые приборы на соседнем столике.

– Напа-Вэллей,
[11]
– сказал мистер Сароцини. – Да. Французам есть за что благодарить американцев. Когда в 1880-х годах большинство виноградников Бордо было уничтожено филлоксерой, саженцы для новых виноградников были привезены с Восточного побережья Соединенных Штатов. Вы были когда-нибудь в регионах, где производят вино? Не доводилось бывать в Напа-Вэллей?

Их столик стоял в уединенном алькове. Джон смотрел на мистера поверх небольшой граненой вазы с желтыми гвоздиками. Банкир ел перепелиные яйца. Сьюзан, которая заказала себе пармскую ветчину с дыней, ответила, что была в Напа-Вэллей.
Она выглядела изумительно, и Джон гордился ею, как никогда раньше. Она была в новом костюме, который она спешно купила после того, как он позвонил ей и сообщил хорошие новости. Костюм состоял из пиджака свинцового цвета с черным абстрактным орнаментом и такой же юбки, простой и элегантной. Под пиджаком у нее была белая блузка с открытым воротом. Шею украшал серебряный кулон на черной бархатной ленте. Она всегда хорошо одевалась, но сегодня превзошла саму себя.
Мистер Сароцини начал перечислять названия городов, деревень, виноградников, и Сьюзан живо отвечала. Она со знанием дела рассуждала о почве, эскарпах, каньонах и долинах, о надлежащей плотности, щелочных почвах и позднем сборе урожая. Джон вспомнил, что пару лет назад она редактировала книгу о калифорнийских виноградниках – полный технических подробностей исчерпывающий обзор виноделия как отрасли сельского хозяйства.
Мистер Сароцини поднял свой бокал и сказал:
– Да не оставим старых друзей – ведь новые не сравнятся с ними. Новые друзья подобны молодому вину; если же вино выдержано – вкушай его с наслаждением. – Он вопросительно посмотрел на Сьюзан.
– Екклесиаст, – ответила она.
Мистер Сароцини улыбнулся:
– Удивительно. – Он повернулся к Джону: – У вас удивительная жена, мистер Картер. Вы знали об этом?
Сьюзан рассмеялась:
– Иногда ему приходится об этом напоминать!
Джон улыбнулся. Он очистил перепелиное яйцо, обмакнул его в соль и положил в рот. Он ел перепелиные яйца в первый раз. Он решил, что раз мистер Сароцини ест их каждый день, то

это, наверное, что-то особенное. И разочаровался. На вкус они были как самые обыкновенные сваренные вкрутую куриные яйца.
В обществе мистера Сароцини Сьюзан чувствовала себя абсолютно свободно. Он сразу понравился ей: его элегантность, его европейский придворный шарм, образованность, доброжелательный юмор в его глазах. Ее только удивляло, как трудно было определить, сколько ему лет, и как переменчива его внешность. Черты его лица были тонкими и будто бы даже беззащитными – особенно это было видно, когда он ел, кладя в рот крохотные кусочки бутерброда и осторожно пережевывая их, будто старик, боящийся удушья. Но его движения были уверенны и точны, когда он жестами помогал своей речи, а его сухое, стройное тело лучилось внутренней силой, и Сьюзан, почувствовав ее, мысленно сравнила ее с грациозной львиной мощью.
Она подумала, как хорошо было бы иметь такого дядю или дедушку. Он столько всего знал, так любил жизнь. Сьюзан чувствовала, что могла бы бесконечно разговаривать с ним.
Разговор плавно перетек с вин на оперу. Джон ненавидел оперу. Он знал, что Сьюзан любит ее, но даже предположить не мог, какая она в ней дока: она на равных говорила с мистером Сароцини обо всем, несмотря на то, что его энциклопедические знания в области виноделия меркли перед тем объемом сведений об опере, которыми он владел. Джон естественным образом выпал из разговора и ничуть об этом не жалел. «Все идет замечательно», – думал он. Сьюзан и мистер Сароцини прекрасно поладили, она произвела на него впечатление. Она в одиночку побеждала в их битве за деньги.
Джон очистил последнее оставшееся в его тарелке перепелиное яйцо. Сьюзан и мистер Сароцини обсуждали оперы Римского-Корсакова, восторгаясь любимыми местами в них, а затем, за котлетами из баранины, перешли к балету. Джон ненавидел балет еще больше, чем оперу.
Он видел, что Сьюзан покорена мистером Сароцини. Она пошла гораздо дальше простой демонстрации хороших манер, принятой в обществе по отношению к потенциальному бизнес-партнеру мужа. Банкир ей действительно понравился. Мистер Сароцини уже начал строить планы: как-нибудь на днях (естественно, с разрешения Джона, добавил он с улыбкой) он бы хотел пообедать с Сьюзан, а затем показать ей свою любимую картинную галерею, где представлены мало кому известные картины выдающихся художников эпохи Возрождения. И возможно, концерт в один из ближайших вечеров? И Глайндборн, пока там не кончился сезон. Джон тоже обязан пойти, они выберут что-нибудь доступное, Моцарта, например «Дон Жуана» – не хочет ли Джон посмотреть «Дон Жуана»?
Джон вдруг понял, что они оба – Сьюзан и мистер Сароцини – смотрят на него, будто ожидая ответа на вопрос, которого Джон не слышал.
– Простите, – виновато улыбнулся Джон. – Я, кажется, отвлекся.
– Мистер Сароцини приглашает нас в Глайндборн, – сказала Сьюзан. – На «Дон Жуана». Думаю, тебе понравится, этот спектакль не такой уж тяжелый.
Джон скорее предпочел бы, чтобы ему без наркоза вырезали мочевой пузырь, но вежливо ответил:
– Это было бы чудесно.
После ужина они перешли в большую гостиную клуба, совершенно безлюдную в этот вечер, и расселись по кожаным креслам с регулируемыми спинками. Подали кофе. Мистер Сароцини заказал себе бренди и настоял на том, чтобы Джон тоже выпил. Джон поколебался, Когда на столе показалась коробка сигар «Монтекристо», затем взял одну, получив от Сьюзан взгляд «сегодня можно». Банкир тоже выбрал себе сигару.
Разговор обратился к английским поэтам-романтикам. Мистер Сароцини отдавал предпочтение Шелли и наизусть прочел «Озимандию, царя царей» – на взгляд Джона, без единой неточности. В литературе Джон чувствовал почву под ногами и мог с грехом пополам участвовать в разговоре. Но он начал нервничать. За весь вечер о деле не было сказано ни слова, и он хотел каким-либо образом подвести беседу к этому, пока мистер Сароцини в добром расположении духа. Он инстинктивно чувствовал, что лучшего времени для деловых переговоров не придумаешь.
Будто проникнув в его мысли, мистер Сароцини поудобнее устроился в кресле и потратил некоторое время на раскуривание сигары, заполнив пространство вокруг стола густыми облаками дыма; затем он осторожно, не потревожив ни частички из полудюйма нагоревшего на

конце сигары пепла, положил ее на край пепельницы. Он взял обеими руками стакан с бренди со стола и, поглаживая пальцами обводы стакана, стал рассматривать его содержимое.
– Я рад, – сказал он, – что, беседуя друг с другом, мы не чувствуем никакого принуждения. – Он по очереди посмотрел каждому из супругов в глаза. Джон вдруг ощутил внутреннее напряжение. – Так приятно иметь с кем-то общие интересы и увлечения. – Банкир улыбнулся легкой улыбкой. – Однако у нас с вами есть еще кое-что общее.
Джон попытался затянуться потухшей сигарой и выжидательно посмотрел на мистера Сароцини. Он курил впервые за несколько лет, и ему нравился вкус, но рот от дыма обжигался и сох.
– Мистер и миссис Картер, видите ли, вы бездетны. Мы с моей женой также бездетны, но между нами есть различие: вы не имеете детей по собственному выбору, в нашем случае этому виной несчастье. – Он замолчал и сделал глоток бренди. Когда он заговорил снова, в его голосе сквозила глубокая печаль. – Моя жена не способна зачать и выносить ребенка из-за операции по удалению раковой опухоли, которую она перенесла несколько лет назад.
В глазах Сьюзан светилось сострадание к мистеру Сароцини. Она снова подумала о том, сколько ему лет. Наверное, ему по меньшей мере около шестидесяти, однако он может быть и гораздо старше. Его жена, скорее всего, намного моложе его.
Поглаживая пальцем оправу своих очков, будто мех кошки, мистер Сароцини сказал:
– И вот мое предложение. Я готов предоставить вам, мистер Картер, один миллион пятьсот тысяч фунтов, которые нужны вам для выплаты вашему банку, и еще пятьсот тысяч фунтов для погашения рассрочки за дом, путем получения Ферн-банком доли в вашей компании в размере пятидесяти одного процента от уставного капитала.
Мистер Сароцини замолчал и взял оставленную на пепельнице сигару. Джон лихорадочно думал. На первый взгляд сделка кажется выгодной – много выгоднее, чем рассчитывал Джон. Банк, желающий участвовать в бизнесе, обычно берет тридцать–тридцать пять процентов чистой доли в средствах, но если принять во внимание тот факт, что никакой другой банк не допустил бы, чтобы его инвестируемый капитал использовался в частных целях, то напрашивается вывод, что мистер Сароцини делает очень щедрое предложение.
Между тем мистер Сароцини продолжал:
– В обмен на это вы должны будете стать суррогатными родителями ребенка для меня и моей жены. – Он основательно затянулся сигарой и выпустил в потолок длинное вертикальное облако дыма.
Джон впился глазами в мистера Сароцини, спрашивая себя, не ослышался ли он. Переглянувшись с Сьюзан, он увидел в ее глазах такое же замешательство.
– Суррогатными родителями? И как это произойдет?
Мистер Сароцини посмотрел Джону прямо в глаза:
– Миссис Картер будет подвергнута искусственному оплодотворению – разумеется, в клинике. Она должна будет, как и любая мать, выносить и родить ребенка, который впоследствии будет передан мне и моей жене.
Джон обернулся к Сьюзан. Она вся побелела и застыла в кресле с жесткой спиной. «Что же здесь такое творится?» – будто спрашивала она. Джон, даже если бы и знал, не мог ей ответить. В груди у него похолодело – ему, как утопающему, бросили веревку, но не успел он как следует схватиться за нее, как ее вырвали из его рук. То, что сказал банкир, не укладывалось у него в голове.
Сьюзан спросила дрожащим голосом:
– Почему? Я имею в виду, почему я… мы? – Она, словно заведенная, переводила взгляд с мистера Сароцини на Джона, стараясь прочесть выражения их лиц.
Мистер Сароцини спокойно сказал:
– Миссис Картер, позвольте заверить вас, что ваш муж до сего момента оставался в неведении относительно того, какое предложение я намерен ему сделать. Пожалуйста, поверьте, между нами не было никакой предварительной договоренности.
Несмотря на шок, Сьюзан попыталась придумать такой ответ, который не отрезал бы Джону всех путей к заключению сделки. Наверняка существует множество женщин, которые за деньги были бы готовы выносить ребенка. Если банкиру это нужно, она может подыскать ему такую женщину – она где-то читала, что в Америке существуют занимающиеся этим организации.

– Сама я бы не хотела этого делать, но была бы рада помочь вам найти мне замену, – сказала она голосом гораздо более спокойным, чем ее состояние.
Мистер Сароцини улыбнулся:
– Миссис Картер, найти родителя ребенку того, чьи требования заоблачно высоки, – непростая задача. Суррогатной матери абсолютно необходимо иметь хорошие внешние данные, безукоризненное здоровье и острый, отточенный образованием ум. Вы обладаете всеми этими качествами.
– Неужели? – Ее ответ звучал резко, потому что она не смогла сдержать злости при виде его спокойного высокомерия. – Откуда вы знаете, что я обладаю всеми этими качествами? Откуда вы знаете, что у меня все в порядке с головой и что я не страдаю от какой-либо наследственной болезни?
Банкир выслушал ее с невозмутимым видом.
– Потому что – простите за бесцеремонность – я счел необходимым собрать о вас нужную мне информацию. – Он развел руками и примирительно улыбнулся. Его голос стал проникновенным и искренним. – Миссис Картер, я, как никто другой, понимаю, что мое предложение вызывает у вас бурю эмоций и некоторое смятение чувств. Я не жду, чтобы вы дали мне ответ сегодня же, и не приму его у вас, если вы вдруг мне его дадите. Вы должны все тщательно обдумать и обсудить друг с другом наедине. Давая мне ответ, вы должны быть абсолютно уверены в том, что он верен, а вы поступаете правильно.
Сьюзан повернулась к Джону и сказала:
– Что ты рассказал ему обо мне? Что ты ему сказал?
– Ничего. – Он покачал головой и повторил: – Ничего. Я и понятия не имел, как все обернется.
Возникла долгая пауза. Сьюзан не могла выдержать прямой взгляд мистера Сароцини, и ее взгляд блуждал по сторонам. Она смотрела на картины и выцветшие портьеры, на мебель и вытертый ковер. Она сильно испугалась, почувствовав надвигающуюся опасность. Она незаметно сняла руку с подлокотника кресла, ища руку Джона – она хотела коснуться ее, ощутить ее. Но не смогла найти.
Когда они ехали домой на заднем сиденье «мерседеса» мистера Сароцини, она вдруг отпустила руку Джона, отпрянула от него в самый угол, прижалась к стеклу окна. Она почувствовала, как внутрь ее забирается холод и поглощает окружающая автомобиль темнота, пронизанная беззвучно плывущими назад огнями уличных фонарей.
Кроме шофера, в машине больше никого не было. Мистер Сароцини остался в клубе – возможно, и на ночь, она не знала его планов. Она испытывала огромное облегчение оттого, что убралась от него подальше. Ей хотелось сказать шоферу, чтобы он остановил машину, ей хотелось выйти и пойти пешком – только бы не зависеть от мистера Сароцини ни одной лишней секунды. Ее сердце стучало, словно молот. Она злилась на Джона. Это он все подстроил, наверняка он знал обо всем. Они вдвоем все спланировали – мистер Сароцини и Джон.
Почему он ей ничего не сказал? Неужели он и вправду рассчитывал, что она спокойно скажет: «Да, конечно, дорогой, все, что угодно, ради твоего бизнеса».
Она вдруг почувствовала к нему острую ненависть.
После ухода из клуба Джон не сказал и двух слов. Он обнял ее и попытался притянуть к себе, но она не двинулась с места.
– Сьюзан, прости. Я и понятия не имел. Никак не ожидал. Поверь.
Его голос был таким слабым, несчастным, беспомощным. Может быть, это и правда. Она снова взяла его за руку и сжала ее – это была ее опора.
Она подумала о том, как хорошо начинался этот вечер и каким кошмаром он закончился. О поглощении «Магеллан Лоури» и о том, что через месяц она, возможно, лишится работы. О «Диджитраке». О доме. О Кейси.
О полутора миллионах фунтов.
Девять месяцев – это не так долго. И кто знает, может, она вообще не забеременеет. Если она попробует, то мистер Сароцини, возможно, оставит им эти деньги за попытку. Не так уж это страшно – выносить ребенка. Какого черта! Она выносит и родит ребенка, его заберут и взамен отдадут назад их жизнь.
Затем она начала думать о том, как беременность может повлиять на их с Джоном любовь друг к другу. В ней же будет расти ребенок от другого мужчины. Останется ли все по-прежнему?

Она повернулась к Джону и посмотрела ему в глаза. Она любит его. Он – ее мир. Стоит ли ради чего бы то ни было рисковать такой любовью?
Джон, сидя в тишине, думал о том же. Он пытался представить, каково ему будет осознавать, что внутри Сьюзан – семя другого мужчины, его плод, – и не мог. Он злился на мистера Сароцини за то, что тот манипулировал им и выставил дураком в глазах собственной жены.
– Об этом и речи быть не может, – заключил он.

21

> «Эйнштейн сказал: „Я хочу знать, как Господь сотворил этот мир. Меня не интересует, отчего возникает то или иное явление. Я хочу знать Его мысли, все остальное – частности“».

Это было хорошо и не вызывало у Сьюзан никаких возражений. Она стала читать дальше:

> «Эйнштейн сказал: „Люди вроде нас, те, кто верует в физику, понимают, что разделение прошлого, будущего и настоящего – всего лишь на удивление живучая иллюзия“».

Она потерла уставшие глаза. После ночи, которую Сьюзан провела без сна, ворочаясь с боку на бок и раз за разом мысленно возвращаясь к предложению мистера Сароцини, у нее болело все тело.
Она то решала, что раз Джон не хочет детей, то это ее единственный шанс узнать, что такое носить в себе ребенка, то ужасалась тому, что забеременеет не от Джона, хоть и искусственно. А мысль о том, что ей придется жить с этим опытом не только девять месяцев беременности, но всю оставшуюся жизнь, каждый раз приводила Сьюзан к выводу, что нет, она не станет этого делать.
В коридоре рядом с ее крохотным кабинетом кто-то оживленно обсуждал крайний срок сдачи запускаемой в ближайшее время в печать книги. Стол Сьюзан был завален стопками рукописей. Она сделала глоток кофе и вдруг заметила мигающий значок на экране компьютера: пришло электронное письмо. Она просмотрела его. Ничего важного, просто напоминание о двухнедельном сдвиге даты публикации.
На улице шел дождь. Плотный летний ливень хлестал по крыше, на которую открывался вид из окна кабинета Сьюзан. Над этой крышей кран тащил по свинцово-серому небу металлическую ферму. Она любила этот кабинет на верхнем этаже. Издательский дом «Магеллан Лоури» въехал в это здание больше семидесяти лет назад, и казалось, что во многих кабинетах, включая ее собственный, ремонт не делали с того самого времени. Но Сьюзан это было не так важно: некоторая неухоженность только добавляла ему шарма и уюта. Трещин в стенах, выбоин на месте отставшей штукатурки и уродливых потеков не было видно из-за того, что они были сплошь заклеены макетами обложек, иллюстрациями и ксерокопиями положительных рецензий на выпущенные книги. И наверняка не у многих в Лондоне в кабинете есть газовое освещение в рабочем состоянии.
Она вернулась было к рукописи Фергюса Донлеви, но тут зазвонил телефон. Это была Гермиона, их с Кейт Фокс замечательная секретарша. Она сообщила, что на линии Марк Ривас, что он звонит уже второй раз сегодня и говорит, что это срочно.
Сьюзан попросила перевести звонок на нее.
– Привет, Марк, – сказала она. – Извини, что не перезвонила тебе. Была на совещании, которое продлилось дольше, чем я рассчитывала.
Марк Ривас – один из лучших литературных агентов, сотрудничающих с «Магеллан Лоури». У него была врожденная способность отыскивать новых многообещающих авторов научной литературы, и он всегда с точностью барометра чувствовал, какая тематика будет востребована читателем в каждый конкретный момент времени.
– Как дела? – спросил он. – Что нового слышно о…

Ему не было нужды заканчивать предложение. У каждого, с кем общалась Сьюзан, был свой собственный способ спрашивать о поглощении «Магеллан Лоури», и это был способ Марка.
– За последнюю неделю почти ничего не изменилось. Продолжают ходить слухи об увольнениях. В издательской прессе было опубликовано опровержение.
– Я читал.
– Итак?
– Сьюзан, у меня есть новый писатель. Его зовут Джулиан Девитс, доктор Джулиан Девитс. Он очень хорош внешне, известен – этой осенью по Би-би-си-2 показывали семисерийный документальный фильм под названием «Генетическая лотерея», в котором он был ведущим. Он написал доступную широкой аудитории книгу о наследственных болезнях. Я сразу же подумал о тебе.
– Среди прочих десяти редакторов? – поддразнила она его.
– Четырех, – сказал он.
Сьюзан подумала, что это значит минимум восемь.
– Минимальная цена уже установилась?
– Нет. Я обратился одновременно ко всем.
– И на какую сумму денег ты рассчитываешь?
– На большую, – сказал он.
Сьюзан засомневалась.
– На тему генов и наследственных болезней уже столько всего написано, – сказала она. – Стив Джон застолбил и тщательно разработал этот участок – и в книгах, и на телевидении. И Доукинс.
– Джулиан – это совсем другой уровень. Прочти рукопись – не разочаруешься.
Сьюзан обещала, что прочтет и свяжется с агентом в течение десяти дней. Остальным пяти рукописям, ожидающим прочтения, придется подождать.
Затем она снова взялась за первые шесть глав переписанной Фергюсом Донлеви рукописи. Он хотел поскорее узнать, в правильном ли направлении он работает на этот раз. Она перечеркнула карандашом вторую цитату Эйнштейна и сделала на полях пометку: «Не обязательно. Об этом уже говорилось на стр. 28». Подумав, она добавила: «Не уверена, что эта глава вообще нужна. Что нового она привносит в книгу?» Из-за усталости она сегодня была несколько нетерпима.
В кабинет вошла Кейт с книгой в руках. Она была на пару лет старше Сьюзан, замужем за специалистом в области экономических теорий. Двое детей. Кейт была высокой жизнерадостной шатенкой с красивым лицом и фигурой. Сьюзан любила ее – она принадлежала к той редкой породе людей, которых не могут выбить из колеи никакие жизненные трудности. Кейт была первой, кому Сьюзан рассказала об их с Джоном решении купить дом, и они съездили посмотреть на него в перерыв на ленч, хотя и опоздали потом немного. Кейт заявила, что дом кошмарно хорош и что она в него влюбилась.
– Вот эту ты имела в виду? – спросила Кейт.
Сьюзан взглянула на обложку. На ней был запечатлен живот беременной женщины, в котором, будто на фотографическом снимке, был четко виден плод. Книга называлась «Беременность – мифы и реальность», автор – доктор Мария Анскомб.
Сьюзан перевернула книгу и посмотрела на заднюю обложку.
– Эту книгу ты редактировала?
– Да. Замечательная книга. Очень познавательная. Я почерпнула из нее немало полезного. Лучшая книга про беременность за последние десять лет. – Кейт вопросительно посмотрела на Сьюзан. – Ты мне что-то недоговариваешь?
Сьюзан отрицательно покачала головой, но покраснела.
– Это для подруги.
Подождав, когда Кейт выйдет из кабинета, она отодвинула рукопись Фергюса Донлеви на край стола, открыла книгу и начала читать.

– Ну? – сказал Арчи.
Они с Джоном, оба голые, находились в душе и теперь расходились по пробковому покрытию по кабинам. Джон поглядел на складки на потном животе Арчи, которые увеличивались с каждой неделей. Немного времени пройдет, и фигуре Арчи позавидует любой борец сумо. И все же он только что разгромил Джона в сквош. Просто раздавил.

Арчи пустил воду, отрегулировал температуру, подставил лицо льющимся струям.
– Какие условия поставил твой друг Сароцини?
Легкие Джона горели – он не на шутку выложился в сегодняшней игре, но только физически. Мысли его были совсем в другом месте.
– Он сумасшедший. Ну, то есть этот тип живет в каком-то своем мире.
Арчи намылил волосы.
– Судя по твоему виду, он тебя просто нокаутировал.
– Это уж точно. Выставил дураком так, как это никому еще не удавалось.
– Что он от тебя хотел? Переспать с Сьюзан?
Джон хотел уже рассказать все Арчи, но вдруг передумал. А что, если… это, конечно, сумасшествие, но что, если они решат принять условия мистера Сароцини? Сьюзан не понравится, если об этом будет знать хоть кто-нибудь, кроме них, да и ему самому тоже.
– Да нет, ничего такого, – сказал Джон. – Все дело в гарантиях. Процентах. Контроле.
Арчи выключил душ и начал вытирать голову полотенцем.
– Лучше десять процентов существующего бизнеса, чем сто – несуществующего. Разве нет?
Джон не ответил. Он сел на скамью, надел ботинки и стал завязывать шнурки. Арчи сел рядом с ним и похлопал его по плечу.
– Слушай, Джон, может, эта сделка тебе и кажется не слишком выгодной после того, как ты столько лет ни от кого не зависел и делал все, что тебе нравится, но мы живем в реальном мире, а в реальном мире лишь единицам удается в одиночку делать свой бизнес. Сароцини предлагает тебе сделку. Если ты ее заключишь, твоя фирма выживет?
Джон кивнул.
– Дом останется за тобой?
Джон поколебался.
– Да.
– Твой доход не уменьшится?
– Не знаю. Наверное, не уменьшится.
– Твои акции остаются у тебя?
– Да.
– Тогда какого черта ты мучаешься? Вцепляйся в этого Сароцини мертвой хваткой!
Одевшись, они прошли в бар и, как обычно, заказали пиво. Джон мигом выхлебал свое и попросил принести еще. Арчи, попыхивая сигаретой, напомнил ему, что, кроме мистера Сароцини, с Джоном никто не захотел связываться.
Джон это все знал. Всю прошлую ночь он лежал без сна, думая обо всем этом, и ни на минуту не переставал думать об этом днем. Сегодня утром Сьюзан сказала, что сможет сделать это. Сможет, что тут такого. Его это никак не заденет – в физическом плане, но…
Тут его мысли словно натыкались на стену.
Похоже, после того, как ее изначальный гнев немного поутих, Сьюзан восприняла предложение мистера Сароцини с гораздо более холодной головой, чем он сам, и Джон безмерно уважал ее за это. Но он не знал, как она относится к материнству. Они долгое время не говорили об этом, а в те немногие моменты, когда Джон полагал, что Сьюзан вот-вот коснется этой темы, он решительно менял тему разговора. Не изменилось ли ее отношение?
Он подозревал, что изменилось. Когда они только поженились, он попытался убедить ее подвергнуться стерилизации, но она не согласилась. Он не стал делать из этого проблему – она начала принимать противозачаточные таблетки. Но Джон видел, как она в последнее время смотрит на детей. Как она держала на руках малышку Лиз и Алекса на барбекю на прошлой неделе. Как она любит детей Кейт Фокс. Возможно, предложение мистера Сароцини задело какой-то нерв внутри ее, и она сочла, что оно даст ей возможность ощутить, что такое беременность, и почувствовать себя полноценной женщиной.

А не изменилось ли
его
отношение к детям?

Испытывая неловкость, он поспешно вырвал эту мысль из разума, скатал ее в шар, словно бумагу, и выбросил в мусорную корзину. Джон Картер, ты что, сошел с ума?

Но мысль о деньгах никуда не делась. Полтора миллиона фунтов под замком у мистера Клэйка. И все, что им нужно было сделать, – сказать «да».
Но Арчи не знал всей правды.

22

Джон оставался внизу долгое время после того, как Сьюзан в обнимку с рукописью поднялась в спальню. Он вышел в сад и посидел там. В голове у него звучали слова Арчи. Небо очистилось, воздух был свеж и прохладен. Джон прошел кухню и сделал себе виски со льдом, мрачно взглянув на стопку журналов по интерьеру, которые они взахлеб просматривали всего лишь месяц назад, выдирая фотографии с интересующими их предметами.
Наконец он пошел наверх, уныло переставляя со ступеньки на ступеньку тяжелые ноги. Сьюзан сидела на постели в белой футболке, которая была ей велика на три размера, и читала рукопись. Джон готов был побиться об заклад, что ей трудно сосредоточиться на тексте.
Увидев его, она улыбнулась. Ее лицо было бледным от усталости и напряжения, на лбу – прядь волос, которую она, наверное, уже устала поправлять. Она выглядела такой беззащитной. Джона переполнила нежность к ней. Она была потрясающе красива. Он любил ее больше жизни. С тех пор как они встретились, в жизни Джона не было ни дня, ни часа, ни мгновения, когда бы он не любил ее. Сьюзан была для него всем.
Он все еще носил в портфеле открытку, которую она подарила ему вскоре после свадьбы, с плюшевым медвежонком и надписью внутри: «Я люблю тебя сильнее, чем вчера, но не так сильно, как буду любить завтра».
Он чувствовал то же самое. Даже спустя семь лет он любил ее с каждым днем все больше.
Присутствие мистера Сароцини ощущалось в воздухе так сильно, будто его имя было написано на стенах огромными огненными буквами. Весь вечер – разделяя беседу паузами, во время которых Сьюзан читала, а Джон перемещался по телевизионным каналам, – они говорили о предложении мистера Сароцини. Незадолго до того, как Сьюзан пошла в спальню, она сказала, что сделает это. Джон не ответил.
Он сидел на краю постели со стаканом в руках и поигрывал кубиками льда в остатках виски.
– Ни за что, – сказал он. – Я скажу ему «нет». Найду денег и начну все сначала. Если ты потеряешь место, можешь пойти на сдельную работу. Потеряем дом – и ладно. Какого черта? Мы же были счастливы, когда жили в маленьком доме, верно?
– А Кейси? – спросила она.
Его испугало то, каким голосом она произнесла это имя. В нем звучал упрек. Это было напоминание о том, что для Сьюзан Кейси была важнее всего на свете – включая даже его.
Джон несколько раз был вместе с Сьюзан в палате Кейси. Призрачное воспоминание о существе, лежащем на больничной койке, с трубкой аппарата искусственного дыхания в гортани, с иглой капельницы в вене. Большую часть времени ее глаза были закрыты, но, даже когда они были открыты, она не могла насладиться красивейшим видом на каньон, открывавшимся из окна, – она никогда ничего уже не увидит. В глубине души он считал – хотя никогда бы не осмелился сказать это вслух, – что Кейси все равно, где лежать: в убогой государственной больнице или в роскошной клинике. Она не понимает, где находится; она никогда этого не поймет.

Утром, за завтраком, они почти не разговаривали. Сьюзан ела мало и кончиками пальцев катала по столу грейпфрут. На столе лежала еще не развернутая «Таймс». Сьюзан посмотрела на Джона, который ложкой накладывал йогурт в тарелку хлопьев с корицей.
– Скажи ему, – сказала она. – Ладно?
Он сунул в тостер ломоть цельнозернового хлеба.
– Ладно? – повторила она. – Это не для меня, это для Кейси. Хорошо?
Ничего хорошего в этом не было. Джон уже решил. Он не допустит этого унижения. Джон подумал: мистер Сароцини тоже человек, и у него есть сердце. Возможно, ему удастся потянуть время или получить деньги для «Диджитрака», спекулируя тем, что они с Сьюзан могут согласиться на искусственное оплодотворение когда-нибудь в будущем.

Он пошелестел газетой и вытащил оттуда страницу с рубрикой «Интерфейс». Им просто нужно время. Если сделка с «Майкрософт» состоится, бояться им больше нечего. Максимум два месяца – вот сколько надо продержаться.
Избегая встретиться взглядом с Сьюзан, он просмотрел новости, посвященные компьютерным и интернет-технологиям, заставляя себя глотать хлопья. Ему необходима была энергия – в последнее время он почти ничего не ел и из-за этого чувствовал слабость.
Сегодня он должен быть в форме. У него будет только один шанс уломать мистера Сароцини. И это будет нелегко.
Он допил апельсиновый сок, проглотил витаминную таблетку, запил ее чаем, поцеловал Сьюзан на прощание.
– Ты скажешь «да»? – спросила она.
– Я что-нибудь придумаю, – мрачно сказал Джон и ушел.

Мистер Сароцини позвонил в десять часов пять минут. Он спросил, пришли ли они к какому-либо решению.
Несмотря на то, что Джон долго готовился к разговору, он дрожал и был весь в поту от волнения.
– Я бы хотел с вами встретиться, – сказал он. – У меня есть к вам предложение.
Мистер Сароцини долго молчал, а когда заговорил, в его голосе был лед.
– В четверть первого моя машина заберет вас из вашего офиса. Мы пообедаем в моем клубе. Надеюсь, это будет вам удобно.
Джон спросил себя, ест ли банкир вообще где-либо еще. Он планировал предложить ему какой-нибудь другой ресторан, на свой вкус, но прежде, чем он успел что-либо сказать, банкир повесил трубку.

«Мерседес» подобрал Джона у входа в его офис. Кроме шофера, в нем никого не было. Несмотря на то, что Джон был в клубе мистера Сароцини уже в третий раз, он чувствовал себя здесь до крайности неуютно. Его покинули остатки уверенности.
Его почтительно приветствовали и провели прямиком в обеденный зал – видимо, мистер Сароцини предупредил обслугу, что он приедет.
В зале было больше людей, чем в их прошлый обед, и в воздухе витал запах жареного мяса и чеснока. На фоне ровного гула беседы Джон услышал хлопок винной пробки.
Мистер Сароцини уже сидел за столом. Он потягивал минеральную воду из стакана и просматривал какие-то документы. Он встал, чтобы поприветствовать Джона. При рукопожатии Джон обратил внимание на то, какая холодная, влажная и костистая у мистера Сароцини рука. Будто пожимаешь руку ящеру.
Голос мистера Сароцини, наоборот, был теплым и искренним, как и выражение его лица:
– Мистер Картер, приятно видеть вас снова. Я получил большое удовольствие от общения с вашей женой. Она очаровательная молодая леди.
– Спасибо, – сказал Джон. – Я тоже так думаю.
Официант выдвинул стул, чтобы Джон мог сесть, развернул накрахмаленную салфетку и положил ее ему на колени.
– Не желает ли сэр чего-нибудь выпить? – спросил он.
– Минеральной воды, пожалуйста, – ответил Джон. – «Перрье» или «Бардой».
– Вам очень повезло, мистер Картер, – сказал мистер Сароцини, опускаясь на место. – Чрезвычайно повезло.
Сев напротив банкира, Джон вновь ощутил идущие от него мощные токи. Он попытался представить, какая у мистера Сароцини жена. Высокая аристократка с волосами стального цвета? Маленькая кругленькая домохозяйка? Юная красавица, нашедшая свой золотой мешок?
Джон усилием воли сосредоточился на той единственной причине, которая привела его сюда. Мистера Сароцини, казалось, ничто не заботило: выживет ли «Диджитрак», пойдет ли на дно – в его жизни ничего не изменится. Для вынашивания своего ребенка он найдет кого-нибудь еще. Он не похож на человека, беспокоящегося по пустякам. Вне зависимости от того, станут Джон с Сьюзан частью его жизни или нет, он будет ездить в Аскот, на поло, в оперу, посещать частные картинные галереи, участвовать в вечеринках и банкетах.

Принесли меню, но Джон не стал в него смотреть. Он не был голоден и приехал сюда не ради обеда. Он заказал то же, что и в прошлый раз, – копченого лосося и затем палтуса, отказался от вина, хотя с радостью выпил бы целую бутылку. Он хотел сохранить голову ясной.
Когда официант удалился, мистер Сароцини наклонился к Джону через стол и тихо спросил:
– Мистер Картер, вы не станете возражать, если я приглашу вашу жену в оперу? У меня создалось впечатление, что сами вы не большой ее поклонник.
– Не стану, – ответил Джон. Вопрос смутил его. Он ожидал, что мистер Сароцини перейдет сразу к делу. Подумав, он счел это добрым знаком. – Уверен, что ей понравится. Боюсь, я в искусстве не очень силен.
– В свой следующий приезд в Англию я достану билеты. – Мистер Сароцини был доволен, как ребенок.
«Может, он одинокий, – подумал Джон. – Богатый, как Крез, и одинокий. Ходит в этот унылый клуб, потому что его здесь знают. Покупает дружбу и считает, что может купить даже семью». Пусть тешит себя иллюзией.
Затем мистер Сароцини очень спокойно сказал:
– Я подготовил документы.
Джон ошарашенно наблюдал, как банкир раскладывает бумаги аккуратными стопками на столе, пытаясь понять, не ослышался ли он.
– Клиника, где будет проведено искусственное оплодотворение, расположена здесь, в Лондоне, недалеко от Харлей-стрит. Она принадлежит Ферн-банку и предлагает лучшее медицинское обслуживание в стране. Ручаюсь, что о том, что произойдет там, не узнает никто посторонний.
Подали копченого лосося и перепелиные яйца. Джон не сказал ни слова, и мистер Сароцини продолжил:
– Вы, без сомнения, в курсе, что согласно британскому законодательству нет ничего противозаконного в заключении сделки о вынашивании чужого ребенка, если эта сделка не подразумевает переход из рук в руки денежных средств – исключая, естественно, оплату расходов.
Джон выжал на своего лосося лимон и кивнул. Он консультировался по этому поводу со своим адвокатом и знал, что это так.
– Эти документы юридически утверждают меня в качестве отца ребенка. Таким образом мы обойдем закон. – Мистер Сароцини вскинул брови. Джон машинально кивнул. – И все же никто не знает, какие эмоции могут возникнуть во время беременности у вашей жены или у вас самого.
Джон молчал и внимательно смотрел в лицо мистера Сароцини, терпеливо дожидаясь своего шанса.
– Я полагаю, мистер Картер, что вы отлично понимаете, что я заинтересован в том, чтобы мои капиталовложения были должным образом защищены. Поэтому ваш дом, а также девяносто процентов акций «Диджитрака» – исключаются те десять процентов, которыми владеет ваш компаньон Гарет Нойс, – должны быть переданы в мое владение. С момента передачи мне ребенка дом снова будет принадлежать вам, а также тридцать девять процентов акций «Диджитрака». Думаю, это вполне разумные условия.
Джон отрезал кусочек лосося. Он тянул время, обдумывая ответ. Он положил нож и вилку на стол и начал теребить лежащую у него на коленях салфетку.
– Послушайте, у нас возникла проблема, которую нам необходимо обсудить. Сьюзан боится, что ей будет трудно. Думаю, я смогу убедить ее, но на это потребуется время. Мы не можем вот так сразу бросаться во все это.
Мистер Сароцини медленно покачал головой:
– Мне так не кажется, мистер Картер. Я уверен, что вы неправильно поняли свою жену. Она вовсе не находит это трудным. Мне совершенно понятно, что против нашего соглашения выступаете вы сами, а вовсе не ваша жена.
Джона поразила уверенность, напитывавшая слова мистера Сароцини. Поразила, потому что банкир был прав.
Мистер Сароцини показал на тарелку Джона:
– Пожалуйста, мистер Картер, кушайте.
Джон стал есть своего лосося, пытаясь придумать, как вести переговоры дальше. Он чувствовал себя мальчишкой, отодранным за уши отцом.

– Мистер Картер, меня по-прежнему беспокоит судебный иск, поданный на вас композитором.
– Мой адвокат считает, что Данцигер не пойдет до конца. Он говорит, что у нас достаточно улик для того, чтобы продемонстрировать судье, что в данном случае намеренный плагиат не имел места.
– Какова цена мирного исхода дела?
Джон удивился тому, что банкир снова поднимает этот вопрос. Он пересказал все, что узнал от адвоката, особо подчеркнув то, что авторское право является сумеречной территорией в законодательстве. Когда дело касается авторского права, ни в чем нельзя быть уверенным. Вот если бы за их спиной стояла такая сила, как Ферн-банк, Данцигер, возможно, вообще отказался бы от иска или, в худшем случае, согласился бы на разумную компенсацию.
Не заговаривая больше о вынашивании ребенка, они добрались до кофе. Джон почувствовал себя более уверенно. Ему удалось повернуть разговор в сторону серьезного обсуждения положения дел в «Диджитраке» и продемонстрировать мистеру Сароцини огромный потенциал компании. В конце концов, он ведь банкир. Даже если он отчаянно хочет ребенка, он не сможет пройти мимо возможности добиться успехов в бизнесе. За последний месяц Джон произнес много подобных речей, и ни одна из них не была принята так хорошо. Джон был уверен, что убедил мистера Сароцини в том, что в «Диджитрак» стоит вкладывать деньги. Ему показалось, что настало время разыграть карту. Он сказал:
– И вот что я предлагаю, мистер Сароцини. Если вы финансируете «Диджитрак» – на временной основе, – я постараюсь убедить Сьюзан согласиться на ваше предложение.
Взяв кончиками большого и указательного пальцев маленькую кофейную чашку, мистер Сароцини поднес ее ко рту. Изящный жест, с каким он проделал это, резко контрастировал с его жестким, окаменевшим лицом. Голос его стал равнодушным, как у робота:
– Мистер Картер, вы, кажется, не расслышали или не поняли того, что я сказал вам ранее. Это не ваша жена не желает принять моего предложения, а вы сами. Мои условия окончательные и обсуждению не подлежат. Если вы будете и дальше вести со мной дела, то скоро поймете, что мои условия всегда справедливы, даже щедры, однако я твердо стою на них и не торгуюсь. Я предложил вам решение ваших проблем. Вам следует его либо принять, либо отвергнуть.
Сердце Джона упало. Он посмотрел в стальные глаза мистера Сароцини и немедленно ощутил себя увальнем. Дешевым увальнем. Мистер Сароцини видел его насквозь. Даже его костюм от Пола Смита, стоивший целое состояние, казался дешевкой в присутствии мистера Сароцини. Он глубоко вздохнул. Он уже всей душой ненавидел банкира.
– Я благодарю вас за предложение, но, к сожалению, не могу его принять. Ни я, ни моя жена не продаемся.
Не меняя выражения лица, мистер Сароцини собрал бумаги со стола и выровнял их в стопке. Этот его жест подводил черту под разговором. Джон беспомощно смотрел на банкира. Он недооценил его – тому действительно было все равно, согласится Джон на сделку или нет.
– Мистер Картер, пожалуйста, не думайте, что я не понимаю трудностей, связанных с эмоциональной стороной этого дела. Я просто хотел помочь вам выпутаться из той ситуации, в которой вы оказались. Не будем больше об этом говорить. Я переведу деньги обратно в Швейцарию, и на этом наш опыт завершится. – Он замолчал и жестом отпустил официанта, который хотел наполнить его чашку. Затем улыбнулся: – Я получил большое удовольствие от нашего краткого знакомства, мистер Картер. Кто знает, может быть, наши пути когда-нибудь снова пересекутся.
В руках у мистера Сароцини оказался плоский черный портфель. Он открыл его, положил в него документы и застегнул с резким металлическим щелчком. Затем допил кофе, кивнул метрдотелю и встал из-за стола.
Джон также поднялся. До него дошло, что все закончилось. Мистер Сароцини с удивительной скоростью продвигался к двери. Для него Джон был уже прошлым. Джон последовал за ним – тоже очень быстро, мгновенно оказавшись у конторки портье. Он вспомнил, как смотрела на него Сьюзан этим утром. Она была готова принять вызов.
Может, он поспешил. Может, это было бы идеальным решением: Сьюзан испытает, что такое материнство, и в то же время им не придется воспитывать ребенка. Они выберутся из финансовой ямы. Сьюзан не придется больше беспокоиться о Кейси – и ему не придется.
Он вышел за мистером Сароцини на улицу, все больше впадая в панику. Банкир забирался в свой «мерседес». Он не обернулся. Джон вдруг понял, что у него нет ни телефонного номера,

ни факса, ни адреса электронной почты мистера Сароцини. Его последняя возможность сохранить бизнес, дом и, возможно, брак через несколько секунд растворится в лондонском движении.
Шофер закрыл за банкиром дверцу автомобиля. Джон рванулся вперед:
– Мистер Сароцини! Подождите, пожалуйста! Я согласен!
Шофер сел за руль. В течение какой-то секунды Джон думал, что машина сейчас тронется. Затем стекло на задней двери заскользило вниз. В Джона, словно кинжал, вонзился взгляд мистера Сароцини.
– Мистер Картер, давайте расставим все по местам. Я даю вам полтора миллиона фунтов. Ваша жена выносит ребенка для меня и моей жены. В день, когда ребенок родится, вы передадите его нам. Вы никогда его больше не увидите. Мы договорились?
– Мы договорились, – эхом отозвался Джон.

23

«Ницше сказал: „То, что не убивает меня, делает меня сильнее“».

На мониторе Кунца, настроенном на четвертый канал, Джон Картер наклонился к Сьюзан через стол и сказал:
– В котором часу тебе надо быть там?
Кунц, сидя в своем кресле, прочел еще несколько абзацев книги о немецком философе Ницше, которую ему рекомендовал мистер Сароцини. Затем посмотрел на экран.
– В десять, – сказала Сьюзан Картер.
– Ты правда не хочешь, чтобы я поехал с тобой? – спросил Джон.

Сьюзан была в джинсах, белой футболке и белых спортивных тапочках. Кунцу нравилось, как она выглядит в этой простой одежде. Она готовила ужин: жареный перец с анчоусами и бараньи отбивные, на десерт – малина и fromage frais.
[12]
Джон Картер совсем не ценил, что его жена каждый вечер готовила ему ужин, и это будило в Кунце ярость. На службе Сьюзан была не менее занята, чем ее муж, но почему-то всю работу по дому тоже выполняла она. Кунц надеялся, что мистер Сароцини позволит ему преподать Джону Картеру урок за это.

Вот и теперь она хлопотала, а Джон Картер пил виски и бездельничал. «Он по-прежнему пьет слишком много», – подумал Кунц. Это свидетельствовало о его слабости: он получил, что хотел, и ему не обязательно теперь столько пить.
Кунц был обеспокоен этим. Джон Картер, когда бывал нетрезв, иногда срывался на Сьюзан. Кунц видел, как ей это больно, и это ему не нравилось. Раздражало. Заставляло ненавидеть Джона Картера еще больше, чем он уже ненавидел его.
Джон Картер включил телевизор, но не стал его смотреть, а начал листать журнал.
– Правда, – сказала Сьюзан. – Сколько можно спрашивать? – Она отошла от плиты и теперь поливала растения, растущие в горшках на подоконнике. Что это за растения, Кунц не смог бы определить. Он уже хорошо разбирался в поэзии, философии, живописи, опере, но абсолютно ничего не знал о растениях. Когда-нибудь мистер Сароцини обязательно объяснит ему про растения, но это дело будущего.

Мистер Сароцини всегда говорил, что объяснить можно множество вещей, но что по-настоящему важные вещи должны быть
постигнуты
самим учеником.

Как-то мистер Сароцини велел Кунцу запомнить и всегда держать в голове следующие слова: «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь».
И теперь Кунц вспомнил их. Он посмотрел на дату на своих часах. 21-е. Завтра 22-е – 22 июля. Да. Уже три недели он наблюдал за Джоном и Сьюзан Картер, слушал их разговоры, и все это время они не переставали обсуждать свои визиты в клинику.
Они были там уже одиннадцать раз. Пять раз Джон Картер сопровождал Сьюзан, остальные шесть она ездила одна на курс уколов, повышающих шансы на зачатие. Кунц слышал, как они обсуждали врачей, которые работали с ними. Без сомнения, клиника произвела на них большое впечатление.
Мистер Сароцини был очень доволен, узнав об этом.
22 июля. Середина ее овуляционного цикла. Завтра.
Лучше не бывает.

Сьюзан вышла из кухни, направляясь в гостиную, и Кунц переключился на канал 3 и проследил, как она поливает из стеклянного кувшина еще одно растение в горшке – возможно, декоративную пальму. По всей видимости, Сьюзан многое знает о растениях. Может быть,
она
научит его.

Он спокойно наблюдал за ней и не спешил вернуться к Ницше, хотя книга ему нравилась – Сьюзан Картер в джинсах, белой футболке и спортивных тапочках нравилась ему еще больше.
В гостиной появился Джон Картер. Он обнял Сьюзан и поцеловал ее в щеку.
– Сьюзан, еще не поздно отказаться. Нам не обязательно это делать.
– Все бумаги подписаны.
– Это не имеет значения.
Сьюзан не хотела – но Джон этого не понимал, а Кунц не видел, – чтобы Джон обнимал ее. Она не хотела, чтобы он целовал ее и каждые пять минут говорил, что еще не поздно отказаться. Она все давно решила, заставила замолчать голоса в голове, которые кричали ей: «Не делай этого!» Все, что ей было нужно сейчас, – это ее собственное личное пространство, ящик с табличкой, гласящей: «Открыть через девять месяцев». Забраться в этот ящик, закрыть и завинтить болтами крышку, выносить ребенка и отдать его мистеру Сароцини. Затем вылезти из ящика и снова начать жить нормальной жизнью.
Но так никогда не будет, как бы она этого ни хотела, и это злило ее больше всего. Ее злило, что от нее уже ничего не зависит. Наоборот, она зависит от мистера Сароцини, а с завтрашнего дня будет зависеть от врачей, а после зачатия – если оно состоится – от ребенка. Страшно подумать, как это может повлиять на ее душевное равновесие и на… на ее совместную жизнь с Джоном?
Однако под слоями злости и страха лежало любопытство. Сьюзан убедила себя, что делает это ради Кейси, но в глубине души она знала, что – ради себя самой. Несколько дней назад она прочитала журнальную статью, в которой говорилось, что женщина из соображений сохранения здоровья должна в течение жизни забеременеть хотя бы раз. Она показала статью Джону. Статья прибавила ей уверенности.
Сьюзан очень хотелось выпить, но врачи строго наказали ей – никакого алкоголя сегодня вечером.
Кунц в смятении наблюдал, как она наливает себе бокал розового вина. Это создавало ему нежелательные трудности, поскольку он обязан был сообщить об этом врачам. Но если он сообщит, что они сделают? Отложат процедуру?
И он не должен забывать о временном факторе. Из-за этого бокала вина в их план придется внести столько изменений, что даже половина из них не укладывалась у Кунца в голове. Мистер Сароцини разозлится на него, обвинит его в том, что он не смог остановить ее.

Один бокал, Сьюзан. Ни каплей больше.

Он вспомнил, как мистер Сароцини однажды рассказал ему историю, в которой один силач сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю».

– Мы все можем быть такими же, как этот человек, – сказал ему тогда мистер Сароцини. – Каждый из нас способен взяться за рычаг, переворачивающий Землю, потому что этот рычаг находится внутри нас, и нам нужно только увидеть его и научиться им пользоваться.
Сьюзан перешла в столовую, и Кунц переключился на канал 6. В этой комнате почти ничего не было: только малярные козлы и несколько рулонов обоев. Зачем она сюда пришла?
Она подошла к окну и стала смотреть в сад. Теперь он понял: она пришла сюда, чтобы побыть одной.

И Кунц, рассматривающий ее крупным планом и теряющий дыхание от обожания, знал. Он знал.
Он знал, что Сьюзан и есть тот рычаг, который перевернет Землю. Однако его беспокоило, что он не видит всех узлов сети. В настоящее время происходило много, казалось бы, не связанных друг с другом событий, были приведены в действие различные механизмы. Он снова вспомнил слова мистера Сароцини: «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь».

22 июля.
Завтра.
Волнение поднималось внутри его, как оперная музыка – да, как «Дон Жуан», взрывающийся у него в голове. Кунцу пришлось затратить волевое усилие на то, чтобы успокоиться.
В доме Картеров зазвонил телефон. Сьюзан услышала звонок и поспешила в гостиную, на ходу крича мужу, что сама возьмет трубку.
Кунц нажал на кнопку на контрольной панели и немедленно услышал голос звонящего. Он узнал его: Сьюзан часто говорила с этим человеком по телефону – она редактировала его новую книгу.
– Сьюзан?
«Голос у этого писателя встревоженный», – подумал Кунц.
– Извини, что беспокою, но мне нужно срочно увидеть тебя. Ты завтра не занята? Может быть, пообедаем вместе или просто выпьем?
Сьюзан была приветлива – ей этот человек нравился, – но ответила уклончиво:
– Ой, Фергюс, извини, но не получится. Я уезжаю из города на пару дней.
– Может быть, позавтракаем где-нибудь, пока ты не уехала?
Она рассмеялась:
– Невозможно! Я уезжаю очень рано.
Кунц был восхищен. Это прозвучало так естественно – лгала она мастерски. Потрясающая женщина.
– Сьюзан, это важно. Мне действительно нужно тебя видеть.
Она обещала ему позвонить после выходных, когда вернется. Писатель снова попытался убедить ее встретиться с ним до того, как она уедет, но безуспешно. Он попросил у нее номер телефона, по которому с ней можно будет связаться, но она не могла его ему дать. Она позвонит ему, как только вернется.

Умница.

Кунц не мог усидеть на месте от возбуждения. Ему нужно было с кем-нибудь поговорить, поделиться тем знанием, которое он хранил в сердце. Ему не разрешено было даже упоминать о Сьюзан Картер, но ведь он может передать собеседнику хотя бы свои чувства.
Он взял телефон и позвонил Клодии в свою квартиру в Женеве. Трубку никто не поднял. Тогда он набрал номер ее квартиры, попал на автоответчик и повесил трубку. Она куда-то вышла.
Кунцу это не нравилось. Он не говорил с ней десять дней, но ему не нравилось, что она куда-то вышла. Клодия – его женщина. Ее дал ему мистер Сароцини. Скоро его женщиной станет Сьюзан Картер, но до тех пор его женщина – Клодия, и его женщина куда-то вышла.
Он положил трубку и снова взялся за Ницше. В его сознании снова всплыли слова мистера Сароцини: «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь».
Он поднял глаза от книги и увидел, как Сьюзан переворачивает бараньи отбивные. «Завтра», – подумал он.

Завтра все станет ясно.

24

«Вестуан-клиник» помещалась в современном четырехэтажном здании, которое деликатно вписывалось в стену викторианских, из красного кирпича, фасадов Уимпол-стрит. Внутри здание совершенно не походило на больницу. В фойе у входа лежал дорогой ковер, стены были убраны гобеленами, повсюду цветы и большие диваны. Если бы не специфический больничный запах, его можно было принять за холл небольшого шикарного отеля.
Запах, объединивший ароматы дезинфицирующего средства, свежестираного постельного белья и больничной еды, проникал всюду; его не могло перебить даже благоухание, струящееся от большого букета цветов, присланного Джоном, и еще большего – мистером Сароцини.
Просторную палату, отведенную Сьюзан, нельзя было отличить от дорогого номера в отеле. Из ее окна открывался прекрасный вид на Уимпол-стрит и кусочек Риджентс-парка. Только что закатилось солнце, наступал вечер. Через несколько минут Сьюзан должны были отвезти в операционную. Она нервничала и чувствовала себя очень одинокой.
Пару часов назад позвонил Джон, пожелал ей удачи и опять вызвался приехать. Она резко отказалась – она не желала, чтобы он был поблизости, когда… когда они это с ней сделают. Ей казалось, что она поступает несправедливо по отношению к нему, и ей было легче быть одной.
Открылась дверь, и в палату вошла медсестра, а за ней – врач. Оба без беджей. Их представили Сьюзан, но она не запомнила их имен – может, потому, что не хотела. Ей казалось, что она попала в свой собственный тягостный сон. Пусть это и остается тягостным сном. Она проснется через девять месяцев, а пока никто, кроме Джона, мистера Сароцини и ее самой, не будет знать правды. Друзья и коллеги, конечно, заметят ее беременность, но и понятия не будут иметь, что именно произошло. Через девять месяцев все они будут приносить ей и Джону соболезнования, говорить, как им жаль, что малыш родился мертвым. Они с Джоном выберутся из лабиринта, и все опять будет хорошо.
В руках у медсестры был шприц. Сьюзан ненавидела уколы, и обычно от нее требовалось все ее мужество, чтобы вытерпеть хотя бы один, а за последние несколько недель ее кололи столько, что она сбилась со счета.
– Премедикация, – сказала медсестра.
– Премедикация, – эхом отозвалась Сьюзан. – Хорошо. – Ей было все равно, пускай делают что хотят. Следующие девять месяцев ее тело не будет ей принадлежать.
Медсестра ввела иглу, и в вену Сьюзан начала поступать жидкость. Медсестра продолжала давить на поршень, от повышения давления рука начала болеть, затем онемела – такое чувство появляется, если сильно ударишься обо что-нибудь локтем.
Медсестра вышла из поля зрения Сьюзан, а врач приблизился. Теперь она ясно могла рассмотреть его лицо. Он хорошо выглядел: сенаторско-киноактерский тип внешности, средиземноморский загар, темные волосы с чернильно-черными прядями, вроде обесцвечивания наоборот, идеальная улыбка. Слишком идеальная. Может, он актер? Он показался ей знакомым. Не видела ли она его в «Скорой помощи»? Как там его звали, этого врача… доктор Дуг Росс?
Она не понимала, закончила медсестра или нет. Доктор Росс из «Скорой помощи» продолжал демонстрировать ей свою идеальную улыбку. Она хотела задать ему несколько вопросов о предстоящей процедуре.
Интересно, что там с рукой. Не то чтобы это было важно – она вдруг почувствовала легкость в теле и безразличие ко всему. Качает, будто в лодке. Хорошо, что здесь доктор Росс из «Скорой помощи». Может, ей разрешат привезти сюда Кейси, чтобы доктор Росс из «Скорой помощи» за ней присмотрел?
Она хотела спросить его об этом, но он исчез. И медсестра исчезла, и комната стала какой-то другой. Стены двигались, меняли цвета, скользили куда-то назад, как пятнадцать лет назад в Эпкоте, во Флориде, в «Диснейуолд», когда они ехали в вагонетках в пещере ужасов.

Она попробовала повернуть голову. Голова не слушалась. Сьюзан отметила это, но ей было все равно. Не слушается так не слушается. Кто-нибудь сейчас подойдет и все исправит – может быть, даже импозантный доктор Росс из «Скорой помощи».
В характере движения что-то изменилось, вызвав головокружение. Теперь они двигались в вертикальном направлении, вверх либо вниз, вернее, мозг двигался вверх, а тело – вниз, а потом они поменялись местами, и мозг поехал вниз, а тело – вверх.
Борясь с головокружением, она закрыла глаза. Веки отсекли внешний мир, и она очутилась в другой реальности – той, что существовала у нее в голове. В этой реальности вокруг нее столпились люди.
Она увидела мать, отца и затем Кейси, вплывающих в поле зрения. Кейси стояла на своих ногах, с ней было все хорошо, они вылечили ее. Джон тоже был там, но находился где-то в тени, и ей трудно было понять, кто из этих людей – он. И мистер Сароцини. Его она видела ясно. Он улыбался ей широкой теплой улыбкой, будто говоря, что все идет просто отлично, все будет очень хорошо.
И еще один человек, которого она уже видела, но не знала – где видела; и как его зовут – тоже не знала. Но это было недавно. Она видела этого человека совсем недавно. Крупный мужчина с плечами куотербека.
И вдруг она вспомнила. Да, это он, мастер из «Бритиш телеком», который приходил налаживать телефоны.
Что-то странное происходило у нее в голове. Повсюду метались лучи – острые, как лезвия мечей, длинные лучи холодного белого света. Лазерные лучи. Сотни лазерных лучей, образующих странные геометрические фигуры внутри ее головы. И фигуры людей выныривали из темноты в лазерный свет и снова погружались в темноту. Вот в ней растворились родители, за ними – Кейси. А где же доктор Росс? Остался мистер Сароцини и человек из «Бритиш телеком», но теперь к ним присоединились другие, незнакомцы, они все смотрели на нее; позади них вспыхивали и перемещались лучи, потому не было видно их лиц. Она различала только темные силуэты.
Однако она могла различить мистера Сароцини – даже не видя его лица, она ощущала его присутствие. А перед ним стоял мужчина из «Бритиш телеком», безликий силуэт, несущий в себе силу всех стоящих за ним.
Где же доктор Росс из «Скорой помощи»? Ну, если он не хочет здесь находиться, это его проблема. Она вдруг почувствовала себя значительной персоной. Все эти люди наведались к ней в голову только для того, чтобы посмотреть на нее. А перед ними стоял мужчина из «Бритиш телеком», и теперь лучи шарили по его телу. Он выглядел огромным, гораздо крупнее, чем она раньше думала, и мощным, как бык. На нем больше не было его униформы, и в отличие от всех остальных присутствующих здесь он был совершенно гол и держал в руке змея, который медленно разворачивал свои кольца, тянулся к ней, поднимался, словно готовая к прыжку кобра, из черных зарослей, покрывавших пах.
Мужчине из «Бритиш телеком», лицо которого оставалось в темноте, не было нужды приближаться к ней, за него это делал его змей; он все рос, его голова находилась теперь между ее ногами. Змей был голоден, и она хотела его. Она невыносимо хотела его.
Она плакала от желания.
Она молила его приблизиться.
И он приблизился. Настолько, что она уже не видела его головы, но начала чувствовать, как нежно, осторожно он искал путь внутрь ее. Она направила его рукой, помогла ему, но ее помощи и не требовалось, он прекрасно справлялся без нее, вначале едва касаясь, а затем все настойчивее, но был слишком велик – ничего не получится, он просто не поместится там.
Она испугалась и закричала.
Луч лазера попал на лицо мужчины и залил его призрачным белым светом. Темно-карие глаза мужчины успокаивали ее. Змей начал проникать внутрь, и это было хорошо; она раскрывалась ему навстречу. Он был так велик, что это казалось невозможным, но, двигаясь дальше, продавливая себе путь, дюйм за дюймом он вползал глубже, заполняя все ее тело. В какой-то момент возникла острая боль, и она закричала. Затем боль обернулась удовольствием. Змей напирал и откатывался, словно прибой, и от его движений по ее телу расходились волны наслаждения.

Теперь она колебалась, словно горячий воздух, поднимающийся от изузоренных песчаной зыбью дюн. Ее тело растворилось, стало паром, несущими энергию частицами, волнами и лучами. А потом она снова ощутила свое тело и

его

внутри его и хотела, чтобы новое ощущение длилось вечно.

Ох, пожалуйста.

Она видела мертвенно-белое лицо мужчины из «Бритиш телеком», оно было так близко, она не видела ничего, кроме этого лица, не чувствовала ничего, кроме этого змея, мощного, как океан. Она взрывалась, она была в огне, она чувствовала электрическое течение энергии вниз по ногам, вверх по рукам, сгустки энергии бомбардировали ее мозг, вспыхивали в животе.

Прошло время. Колебания прекратились, и был зажжен фитиль, теперь горящий внутри ее ровным теплым пламенем. Она ощущала себя такой спокойной, такой нужной. Внутри ее открылась глубина. Она хотела сохранить ее, свернуться где-нибудь в уголке и никогда не выпускать ее из себя, но она не могла, не могла больше удерживать в себе океан, он рвался наружу, и она, крича от счастья, заскользила вслед за ним по его поверхности, выбираясь на солнечный свет.

Затем настала великая тишина. Сьюзан почувствовала легкое качание – будто заснула в поезде, – и поняла, что койка, на которой она лежит, движется по коридору.

Раздался резкий неприятный звук.

Раздвижная металлическая дверь?

Лязг.

Темнота.

25

Что-то не давало Кунцу покоя. Оно зудело в его мозгу начиная с вечера вторника, но теперь вдруг проявилось с такой силой, что затмило все остальные мысли.

Мистер Сароцини научил его раскрываться навстречу интуиции, высвобождать ее, питать ее и доверять ей. И сейчас Кунц отпустил ее, и вечер вторника представился ему во всех подробностях. В доме Картеров зазвонил телефон. Разговаривала Сьюзан. Кунц понял, что его беспокоит именно этот разговор.

Он ввел в компьютер команду поиска. Пленка перемоталась на нужное место, остановилась. Он внимательно прослушал отрезок записи.

– Сьюзан?

«Он чем-то обеспокоен», – подумал Кунц.

– Извини, что беспокою, но мне нужно срочно увидеть тебя. Ты завтра не занята? Может быть, пообедаем вместе или просто выпьем?

Ему не нравился тон, с каким говорил этот человек. И что за срочность? Да, Сьюзан заставляла его переписывать целые главы его книги, но дату выпуска еще не утвердили – издательству было важно сделать хорошую книгу.

Проникнув в звучание записи, интуиция Кунца дала ему ответ.

Он пустил пленку еще раз. И еще раз.

Срочно.

Вот это слово. Именно оно его зацепило.

Уже вторую ночь подряд Фергюс Донлеви просыпался от одного и того же кошмара.

Он с точностью помнил его. Он видел ребенка, новорожденного младенца, одного в кромешной темноте. Ребенок плакал, и этот плач и был кошмаром: в нем слышался безграничный ужас.

Затем он видел Сьюзан Картер. Она металась в темноте с факелом, звала, но не могла найти ребенка. Она молила Фергюса о помощи.

И он говорил ей: нет, оставь его, не ищи, пусть он умрет.
Во имя Господа, пусть он умрет.

И просыпался.
Он посмотрел на наручные часы, лежащие на полу возле кровати. Во лбу его, между глаз, гнездилась тупая боль. Господи, да что такое он пил вчера? Он спустил ноги с кровати и принял вертикальное положение. Встал. Покачнулся, но не упал. «Единственное преимущество от четырехсот тысяч лет эволюции человека в качестве двуногого млекопитающего», – промелькнула в его мозгу неясная мысль. Он раздвинул закрывающие окно занавески.
Снаружи была Темза, и этот факт удивил его, как удивлял все десять лет, которые он прожил в этой квартире в районе доков.
По реке плыл ржавый, тяжело нагруженный и оттого низко сидящий в воде лихтер. Тащивший его буксир двигался словно на рельсах, проложенных по дну, – настолько нипочем была ему отливная зыбь. Фергюс поглядел на пену, водяную накипь, воду, цветом напоминающую дерьмо, и отвернулся. Затем сместил взгляд направо и увидел Тауэрский мост. Серый на фоне серого неба. Наверное, снаружи накрапывает дождь. Денек обещал быть не из лучших.
Фергюс набросил на плечи халат, отыскал тапочки, прошлепал в кабинет, все горизонтальные поверхности в котором, как и в гостиной, столовой и вообще везде в этой квартире, кроме туалетного стульчака, были устланы страницами чертовой рукописи, которую заставляла его переписывать эта чертова женщина. Господи, как он устал от этой книги – до того, что лучше бы вообще не начинал. Но ведь ему нужны были деньги на возмещение кредита за квартиру, которая не стоила и половины того, что он уже за нее отдал, а на университетской зарплате особенно не разгонишься. Поэтому он никак не может бросить все и вернуть издательству аванс.
«Да, Фергюс, не забывай, что эта книга важная и нужная, что она может перевернуть представление читателей о предмете».

Чушь собачья. Это было сказано только для того, чтобы ты размяк и согласился, и ты это знаешь.

И он знал это – вернее, это знала его рациональная половина. Но ведь у него была и другая половина – его непомерное, размером с гору, «я», которое ничего этого в упор не видело. Эта его половина считала, что доктор Стивен У. Хокин разработал тему из рук вон плохо и что единственный в мире по-настоящему великий научный ум обитает в черепной коробке доктора Дж. Фергюса Донлеви.
Он смолол себе кофе и снова попытался истолковать свой сон. По снам у него имелась целая книжная полка. Он знал все толкования, но ни одно из них не подходило к этому сну. Ничего похожего. Он знал почему, и это «почему» пугало его. Этот сон нельзя было расшифровать с помощью символов.
Потому что он был вещим.
Сон был логическим развитием того дурного предчувствия, которое смутило его покой несколько недель назад – предчувствия, которое касалось Сьюзан. Теперь ему казалось, что положение ухудшается с каждым днем.
Сегодня утром оно было даже сильнее, чем два дня назад, когда он не смог удержаться от того, чтобы позвонить ей.
Что он мог ей сказать? Она же не собиралась заводить детей, поэтому как он мог предупредить ее, что случится что-то очень плохое, если она забеременеет.
Она просто отмахнулась бы от него, сказала бы, что этого никогда не случится.

Черт побери, Сьюзан Картер, уйди из моей головы.
Ему вспомнилось ее лицо, прекрасные рыжие волосы, красивые умные глаза, их взгляд, пытливый и полный симпатии… и чего-то еще.

Может быть, она хотела пойти дальше чисто рабочих отношений редактора и автора?
Ему в голову пришла еще более дикая мысль. Может быть, она заставляет его переписывать книгу только потому, что пытается справиться со своим влечением к нему?

Дружище Фергюс, кажется, вчера ты потерял слишком много мозговых клеток.

Он высыпал кофе в кофеварку, залил в нее воды и включил. На полу лежала утренняя почта и «Индепендент». Он поднял их, поглядел на газетные заголовки, на конверты, не нашел ничего интересного и бросил обратно на пол.
Сьюзан не позвонила. Он звонил ей во вторник вечером. Сейчас опять вторник – и утро. Она обещала позвонить и не позвонила. И она говорила с ним как-то странно. Сказала, что уезжает, но не сказала куда. Когда люди едут куда-нибудь, они обычно говорят, что едут в Манчестер, или в Париж, или хоть к черту на кулички. Почему она не сказала, куда едет?
Боже. Неужели у Сьюзан есть любовник? Фергюс никогда не видел ее мужа, поэтому не мог оценить ни его, ни степени близости их отношений. Женщины заводят любовников из-за того, что несчастливы в браке. Нежели все эти многозначительные взгляды были на самом деле приглашением? Просьбой помочь? А он был так слеп, что не смог этого увидеть?
Он почувствовал укол боли. Сьюзан, подобно магниту, привлекала его с момента их самой первой встречи. Он любил в ней все. Не только как она выглядит, но и как двигается, как пахнет, говорит, думает, одевается, как уверенно ведет себя, как относится к работе, людям, ко всему. Если у нее есть любовник – это, конечно, всего лишь допущение, – но если он у нее есть и брак ее шаток, то ему пришло время сделать ход.
Он потряс головой. Надо отключиться от этого. Сосредоточиться на рукописи. Но его мысли снова и снова возвращались ко сну, к рыжим волосам Сьюзан, к ее ногам, улыбке, пронзительным синим глазам.
Мысль о том, что она сейчас может быть в каком-нибудь отеле, в постели с любовником, причиняла ему страдания.
Но и сон мучил его не меньше. Он занимал его мысли все то время, пока Фергюс принимал душ, ел свой всегдашний единственный почти кремированный тост, пытался работать.
Он отчаянно хотел поговорить с Сьюзан. Он должен рассказать ей о своем сне, поглядеть, будет ли какой-либо отклик на него. Составляющими этого сна были: темнота; плачущий ребенок; Сьюзан с факелом, ищущая ребенка. И он сам, говорящий ей: оставь его, пусть он умрет.
Он был близок к тому, чтобы позвонить ей в офис и попытаться выпросить ее телефон у секретарши, которая вчера твердо ему заявила, что связаться с Сьюзан нельзя.
Не успел он поднять трубку, как телефон зазвонил. Он с надеждой подумал, что, может быть, это Сьюзан.
Но это была не она. Это звонили из «Бритиш телеком», видимо менеджер, очень вежливый. Неполадки на линии. Компьютер показывает, что это из-за оборудования, которое Фергюс установил в своей квартире. Можно ли, чтобы к нему приехал их мастер? Может быть, сегодня утром?

26

Темноту прорезала полоса света, тусклого неподвижного монохрома, которая через несколько мгновений стала шире, но яркость ее осталась прежней. Сьюзан смотрела на нее из-под тяжелых век и пыталась понять, что это такое.
Окно. По стеклу стекали капли дождя, а небо за ним имело цвет экрана выключенного телевизора. Окно ее спальни. Но оно должно быть не там. Не мог же Джон его передвинуть? Или передвинул кровать?

Она снова закрыла глаза, но спокойно лежать ей не дала все усиливающаяся тревога. Что-то было неправильно. Она открыла глаза. Бледно-серые стены. Номер отеля.
Мы куда-то уехали.

Она попыталась повернуть голову, чтобы увидеть Джона. Ценой огромных усилий ей наконец это удалось. Рядом с ней никого не было.

Внутри ее развернулась пружина страха.

Я не в отеле, я в клинике.

Что-то случилось. Что-то неправильное. Что-то… вчера вечером… операция…

Она хотела встать, но ее тело было будто налито свинцом. Ноги тяжелые, будто к ним привязали камень. Она попыталась повернуть голову в другую сторону, чтобы посмотреть, лежат ли ее часы на столике возле кровати, но сил не хватило, и она сдалась. Настенных часов тоже нет. Взгляд вернулся к окну. Переместился к картине, висящей на другой стене, – копия Лоури, холодный зимний индустриальный пейзаж с людьми-спичками. «И тут Лоури, – сонно подумала она. – „Магеллан Лоури“, Лоуренс Стивен Лоури на стене. Совпадение».
На потолке, рядом с форсункой системы пожаротушения, мерцал огоньком детектор дыма. Где-то в здании настойчиво звонил телефон. Во рту было сухо, горло болело. Перед внутренним взором мелькали фрагменты сна – или галлюцинации? – смутные, но определенно плохие.
Страх Сьюзан рос.
Она заметила краем глаза, что открылась дверь. Вошла медсестра – на лице написан профессионализм, черные волосы, лет под сорок. Женщина остановилась возле Сьюзан, ее бледные губы задвигались, произнося по одному слову за раз, с длинными паузами между ними. Так, по крайней мере, слышала это Сьюзан. Вместе с воздухом из коридора в палату ворвался запах тостов с яичницей – больничного завтрака, – от которого у Сьюзан усилилось головокружение.
– А. Хорошо. Она. Очнулась.
Медсестра к кому-то обращалась, но Сьюзан не видела к кому. Человек, к которому обращалась медсестра, подошел к Сьюзан, закрыв собой окно. Она видела его раньше: темные волосы с чернильно-черными прядями, средиземноморский загар. Да, доктор Росс из «Скорой помощи». Он посмотрел на нее мягким взглядом карих глаз и спросил:
– Как. Вы. Себя. Чувствуете?
Сьюзан мутило, и она очень хотела пить, но она не сказала этого дружелюбному доктору Россу. Она не могла сейчас пить, потому что слишком устала. Она хотела опять уснуть.
– Хорошо, – сказала она и умудрилась кивнуть.
От движения в голове резко прояснилось, и из глубины памяти, как раздутый труп, стали всплывать воспоминания.
Ее передернуло.
Доктор Средиземноморский Загар из «Скорой помощи» сразу забеспокоился.

Она вдруг вспомнила то яростное чувственное наслаждение, которое испытывала, когда внутри ее находился этот змей, фаллос,
уд
мужчины из «Бритиш телеком». Господи, она вспомнила, снова ярко почувствовала и увидела это. Ее щеки вспыхнули румянцем. Это всего лишь сон, ничего больше, всего лишь сон, что-то по Фрейду, и ничего больше.

Без всякого предупреждения ее живот разодрало болью – будто воткнули и повернули нож. Она невольно вскрикнула.
– Это из-за надреза. Мы сейчас посмотрим на швы, – сказал врач.
Медсестра сняла укрывающую Сьюзан простыню, развязала на ней халат и раскрыла его.
Сьюзан бросила взгляд на живот и увидела швы, стягивающие багрово-синий рубец.
Доктор Росс стал объяснять ей, что именно они сделали во время операции, но она слушала вполуха, поскольку давно знала все это. Ей все подробно объяснил доктор Ванроу, акушер-гинеколог.

Мистер Сароцини настоял, чтобы ее наблюдал именно мистер Ванроу, и Сьюзан это даже польстило. Майлз Ванроу играл в более высокой лиге, чем даже Харви Эддисон. Уже более тридцати лет он принимал роды у жен богатых и знаменитых, аристократов и промышленных магнатов. Сьюзан читала в газетах, что члены королевской семьи признают только его, и никого другого.

И директор этой клиники, доктор Абрахам Зелиг, также рассказывал ей о процедуре самым подробным образом. Мистер Сароцини сказал Сьюзан, что доктор Зелиг является одним из крупнейших специалистов – а может, и
крупнейшим
специалистом – по оплодотворению in vitro.

Доктор Росс терпеливо объяснял ей, как они сделали надрез, извлекли из яичника несколько яйцеклеток, выбрали из них одну наиболее здоровую, соединили ее со спермой мистера Сароцини и поместили в матку.
Боль ушла. Сьюзан слушала, смотрела во внимательные карие глаза и вдруг почувствовала желание выкрикнуть врачу, что он не прав, что сперма была не мистера Сароцини, а человека из «Бритиш телеком», но сдержалась. Ну да, ей сделали операцию – в доказательство у нее есть швы на животе и боль. Тот сон, тот безумный эротический сон, он существовал только в ее воображении. Это была галлюцинация. Всем известно, что наркоз странным образом влияет на мозг.
Она находилась в состоянии бодрствования уже несколько минут, и те усилия, которые приходилось на это затрачивать, выматывали ее. Она с неожиданным отвращением подумала о мистере Сароцини. Его семя находится внутри ее, оно проникло в ее яйцеклетку. Неужели она уже беременна?
Ее бросило в жар, затем в холод. Доктор Росс исчез, появился, снова исчез. Она вдруг вспомнила, что доктор Росс из «Скорой помощи» был педиатром.
Естественно. Ей уже нужен педиатр. Или будет нужен совсем скоро.
Медсестра посмотрела на нее странным взглядом. Доктор Росс выплыл из фокуса, возвратился в него. У Сьюзан кружилась голова, и она очень хотела пить. Она попросила воды.

Вечером того же дня, в седьмом часу, шофер мистера Сароцини остановил «мерседес» возле дома Сьюзан. Она была рада, что Джон еще не вернулся, так как не знала, как вести себя при встрече с ним. Ей даже не хватило мужества перезвонить ему после того, как она узнала, что он звонил ей утром в клинику.
Мистер Сароцини приехал навестить ее в середине дня, но разговора не получилось, несмотря на все их общие интересы. Наверное, она была слишком уставшей – или смущенной – для того, чтобы вести с ним беседу. Он привез ей огромную корзину фруктов, которая стояла сейчас в багажнике «мерседеса». Сьюзан была рада, когда он наконец уехал.
Небо было темным, все еще шел дождь. Шофер-робот за время поездки заговорил только один раз, предложив внести в дом ее больничную сумку и корзину с фруктами. Сьюзан отказалась от помощи и немедленно об этом пожалела. Сумка и корзина оказались тяжелее, чем она предполагала, и сильно тянули швы у нее на животе.
Доктор Средиземноморский Загар не хотел отпускать ее домой, настаивая на том, чтобы она провела в клинике еще одну ночь, но завтра ей необходимо было появиться в офисе. Руководство «Магеллан Лоури» наконец решилось купить книгу Джулиана Девитса, а завтра был последний срок для предложения цены на аукционе.
Открыв входную дверь, она вошла в дом. Ее охватило радостное чувство, когда она поняла, что приняла правильное решение. Из холла, где она стояла, она видела французские окна в гостиной, а за ними – сад. Даже под унылым дождем он был прекрасен. Она чувствовала, что пришла домой, и это было ни с чем не сравнимое ощущение. Разве можно было просто так отдать их дом?
Она не спеша обошла все комнаты. Она не ночевала здесь всего одну ночь, но ей казалось, что месяц. Все было на своих местах, цветы не мешало бы полить. Маляр Гарри закончил в столовой и начал приводить в порядок первую спальню для гостей наверху – ту, которую Джон выбрал для своего кабинета. Сьюзан была довольна тем, как идет работа.

Она остановилась у мраморного камина в гостиной, выглянула в сад, посмотрела на стены и в сотый раз восхитилась, как удачно она подобрала для комнаты цветовую гамму. Часто белый цвет бывает слишком мягким, или чуть розоватым, или слишком белым и холодным, но этот белый был свежим и легким и одновременно теплым – даже в такой пасмурный день.

«Скоро надо будет выбирать цвета для детской, – подумала она, – и решить, какая из трех спален для гостей больше всего подойдет для нее». И похолодела, вспомнив.
Господи, о чем же я думаю?

Сьюзан не знала, что скажет Джон, когда возвратится домой, но и представить себе не могла, что он поведет себя так. Он вообще ничего не сказал.
Сьюзан была на кухне. Несмотря на усталость, она готовила им ужин: пасту и рыбу, которую нашла в холодильнике. Она услышала, как открылась и захлопнулась входная дверь, затем глухой стук портфеля Джона, поставленного им на пол в холле, и стала ждать, когда он придет в кухню. Он должен понять, что она здесь, – на плите поджаривалась смесь из лука, чеснока и помидоров и играло радио.
Но он не пришел.
Джон никогда не был человеком строгих привычек. Он часто действовал непредсказуемо, спонтанно, непонятно для Сьюзан, но одна привычка у него все же была: все семь лет их брака, каждый день, приходя с работы домой, он шел в кухню и наливал себе на два пальца виски «Макаллан» с тремя кубиками льда и водой – кроме вторников; по вторникам после сквоша он пил «Будвайзер».
Сьюзан подождала еще немного, убавила громкость у радио и, к своему удивлению, услышала звук работающего телевизора. Она пошла в гостиную. Джон сидел на диване и, не сняв пиджак, щелкал пультом.
– Привет, – сказала она.
Он продолжал пялиться в экран, раз в две секунды тыкая пальцем в пульт, пока не остановился на спортивном канале, где показывали гонки на грузовиках.
В первый раз в жизни Сьюзан не знала, что сказать своему мужу. Он злится, что она не перезвонила ему? Нет, кажется, тут дело не в этом.
Она повернулась и пошла обратно в кухню. По щекам у нее текли слезы. Она вытерла их кухонным полотенцем, помешала поджаривающуюся на сковороде смесь, затем облокотилась о край раковины и бездумно посмотрела в окно.
Жаровня для барбекю, деревянный стол и скамьи были покрыты пленкой воды, словно облиты стеклом. В траве, которую давно нужно было подстричь, взад-вперед ходил дрозд – частый гость у них. Он клюнул и стал тянуть из земли дождевого червя. Было видно, что он старается изо всех сил, так как червь не поддавался, будто что-то в земле держало его за другой конец и не отпускало. Наконец дрозд победил, и червь извернулся в воздухе и исчез у птицы в зобу.
«Пищевая цепь», – подумала Сьюзан.

Дождь кропил образовавшиеся во внутреннем дворике лужи.
Мы думаем, что мы самые умные, потому что мы люди и находимся на самом верху пищевой цепи.
На лужайке появилась малиновка – еще один завсегдатай. Сьюзан проследила за ней. Когда, прыгая по траве, птичка поворачивалась к окну грудью, было видно, что на груди у нее оранжевое пятно. «Красивая птичка, – подумала Сьюзан, – но далеко не безобидная». Малиновки агрессивны и опасны. Если ты маленькая птичка, то в жизни не станешь связываться с малиновкой.

Внешний вид обманчив. Так у всего. Сьюзан смахнула слезу и глубоко вздохнула.
Господи, что я наделала?

Чуть позже, когда она накрывала на стол, а Джон продолжал смотреть свои гонки на грузовиках, она подумала, что этот метод, искусственное оплодотворение, мог и не сработать.

Она вдруг отчаянно захотела, чтобы он не сработал.

На следующее утро она не хотела ничего, только подольше полежать в постели, но заставила себя встать, поскольку
должна
была присутствовать на запланированном совещании.

Она приняла душ и спустилась. Джон как раз шел – почти бежал – к входной двери.
– Сделал тебе кофе, – сказал он. – На столе.
Она поцеловала его.
– Спасибо.
– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.
– Устала.
– Неужели тебе правда так необходимо быть сегодня в офисе?
– Я вернусь домой пораньше.
Она поцеловала его на прощание, затем пошла в кухню, села за стол и развернула газету. Пробегая глазами первую полосу, она взяла кружку с кофе и сделала глоток.
Вкус у кофе оказался какой-то не такой. Не неприятный, нет, и даже почти нормальный, но с каким-то слабым металлическим привкусом. Джон что, открыл новую пачку?

Шло совещание руководящего состава «Магеллан Лоури». Только что принесли кофе. Сьюзан докладывала начальству, что последнее предложение цены уже поступило – она не знала, от кого именно. От подруги, работающей в «Саймон и Шустер», она узнала, что они вышли из игры, а от агента Девитса – что так же поступил и «Викинг пенгуин». Однако последняя цена составляет сто семьдесят пять тысяч фунтов за владение всеми правами на территории Великобритании и Содружества, а это немаленькие деньги.
Она не считала, что книга настолько хороша, и так и заявила руководству. По ее мнению, работа вышла слишком специальной и оттого малодоступной широкой читательской аудитории, на которую, собственно говоря, была нацелена. «Я думаю, что на этой книге мы много не заработаем, – подытожила Сьюзан. – Думаю, нам следует пропустить ход».
Она приняла переданную ей чашку с кофе и сделала глоток. Отличный кофе, но с тем же металлическим привкусом, как и кофе, который сварил Джон. Может, это ей кажется?

27

Джон принес наверх поднос с газетами и завтраком. Он всегда по воскресеньям приносил Сьюзан завтрак в спальню. За семь лет он забыл об этом только один раз, когда у него было жуткое похмелье.
Сьюзан чувствовала себя лучше и была рада тому, что их с Джоном отношения возвратились хотя бы к какому-то подобию нормы. В халате Джон выглядел сексуально, и ей пришлось приложить усилие, чтобы сдержать себя. Вместо этого она сбросила с себя одеяло и села на постели.
Занавески были раздвинуты, и через широкое восточное окно в башенку лился чистый утренний свет. Она любила эту спальню. По утрам в ней было как в замке, они с Джоном и украсили ее так, чтобы было похоже на замок: пол здесь – из голых полированных досок – был застелен разноцветными половиками; на потолке висела старомодная люстра, купленная на рынке в Бермондси, минимум мебели, ни одного современного предмета.
Они собирались купить большую кровать с пологом, когда скопят достаточно денег, или, еще лучше, сделать на заказ, но этого придется подождать, хотя Джон и обещал, что недолго.
Немного времени прошло после того, как Сьюзан с Джоном приняли предложение мистера Сароцини, а «Диджитрак» уже разгонялся, как ракета. Сьюзан считала, что это из-за того, что Джон вновь обрел уверенность – ведь уверенность заразительна.

И он действительно был уверен в себе, настолько, что даже бросил играть на скачках и покупать лотерейные билеты.
Он поцеловал ее.
– Доброе утро, соня.
– Доброе утро. Спасибо. – Она взяла поднос.
Эти несколько дней, прошедшие с того момента, как она возвратилась из клиники, были ужасны. Они почти не разговаривали друг с другом, а в прошлую ночь Джон впал в ярость из-за того, что она не стала заниматься с ним любовью. Майлз Ванроу строго наказал им с Джоном не заниматься сексом в течение двух недель после операции, даже с презервативом. Она не собиралась рисковать, позволив Джону что-либо.
Их взгляды встретились на мгновение, и Сьюзан показалось, что она заметила в глазах Джона искру понимания и подумала, что, может быть, с сегодняшнего дня отношения между ними начнут налаживаться. Все как-нибудь уладится. Нельзя же жить, не разговаривая друг с другом, накапливая раздражение. И в конце концов, это ведь было их общее решение. Джон должен перестать глядеть на нее как на прокаженную или на шлюху. Не может быть, чтобы их любовь оказалась так слаба, что рассыпалась от этого.
– Ты хорошо спал? – спросила она.
– Да. – Голос Джона был холодноватым. Он был пропитан невысказанным: «Я бы спал лучше после вечерней любви». – А ты?
– Просыпалась несколько раз.
В комнате ощущался странный запах, появившийся с приходом Джона, – слабый запах жженой резины. Наверное, старики соседи опять что-то жгут. Эта старуха, похоже, страдает пироманией. Жжет со своим стариком костер каждую неделю, бросая в него всякий мусор. Сьюзан как-то наблюдала за этим из выходящего на восток окна, из которого был виден соседский сад. Старикан сидел в своем кресле, как в кино, и с интересом смотрел на огонь, облаивая жену каждый раз, когда она забывала подбросить топливо.
Джон налил Сьюзан кофе, поставил его на столик, затем забрался на постель и начал читать рубрику «Инновации» в «Санди таймс». Сьюзан взяла основной раздел и, просматривая заголовки, сделала глоток кофе.
И тут же его выплюнула.
Джон обеспокоенно повернулся к ней:
– Что случилось?
Кофе был отвратительным. Она жалела, что выплюнула его, рискуя разозлить Джона как раз тогда, когда он только-только начал приходить в норму, но он правда был отвратительным. На вкус – ржавое железо. И запах жженой резины – теперь она знала, откуда он. Так пах кофе.
– Сьюзан? Что такое? Что случилось?
«Может, мне опять показалось», – подумала она и сделала еще глоток. На этот раз он был еще хуже, и ее даже затошнило. Нужно или кофе унести из комнаты, или самой убраться отсюда.
– Джон, – сказала она, – это что, другой сорт? Я имею в виду кофе.
– Тот же, что и всегда. Средней обжарки – такой, как тебе нравится. А что?
Может быть, Гарри-маляр, когда делал себе кофе, случайно испачкал в чем-нибудь фильтр кофеварки – в жидкости для снятия краски или еще в чем? Ерунда.
– Просто он какой-то не такой на вкус.
Джон глотнул из своей кружки, затем из ее и нахмурился.
– Все вроде нормально. – Он поставил кружку и вдруг махнул рукой. – А! Я читал об этом. Знаешь, почему он странный на вкус? Ты беременна.
Сьюзан не нашлась что ответить. Она подозревала это с пятницы. Но ведь все происходит слишком быстро.

Господи, пусть это будет что-нибудь другое.

– Слишком скоро, – сказала она Джону, подумав, что долго не выдержит этого запаха. – Хочется подышать свежим воздухом. Может, позавтракаем в саду?
Джон пожал плечами:
– Почему бы и нет?

Сьюзан взяла книгу «Беременность – мифы и реальность» и устроилась в кресле в саду со стаканом апельсинового сока и сухим печеньем – больше ей ничего не хотелось.
Первая глава описывала период времени, следующий сразу за зачатием. В книге говорилось, что в некоторых случаях утренняя слабость может появляться уже в первые сутки. Почти так же скоро могут наступить изменения в восприятии вкуса пищи, напитков, запахов.
Она отложила книгу и, подобрав ночную рубашку, посмотрела на уродливый красный рубец, пересекающий ее живот. Швы уже начали рассасываться. Мистер Ванроу заверил ее, что шрама не останется.
Она вспомнила о странном сне, который она видела под наркозом, и вздрогнула, несмотря на теплое утро.
Это был всего лишь сон. Или галлюцинация. Она подумала о странном мужчине из «Бритиш телеком». Почему он присутствовал в ее сне? Во сне важна каждая деталь. Люди, которых ты видишь во сне, появляются там не просто так. Может быть, образ человека из «Бритиш телеком» означал те усилия, которые она затратила на ремонт дома. Может, ей снилось это потому, что она решилась на эту операцию частично для того, чтобы спасти дом, и свидетельствовало о том, что ее усилия не пропали даром. Но почему он, а не Гарри-маляр или один из тех многих продавцов строительных материалов, которых этот дом видел за последние два месяца?..
Было время, они с Джоном любили обсуждать свои сны, и она подумала, не рассказать ли ему этот, но решила не рисковать: содержание сна было слишком личным и, кроме того, она не хотела затрагивать сейчас вопросы секса.
Сьюзен вернулась к «Санди таймс». Прочитав основной раздел, она взяла «Мейл он санди». Ее внимание привлекла статья на седьмой странице. Она прочла ее дважды.
– Джон? – позвала она.
Джон был погружен в чтение приложения.
– Да?
– Этот композитор, который доставлял тебе столько неприятностей… его звали Зак Данцигер?
Джон даже не поднял глаз от газеты.
– Маленький высокомерный говнюк.
Она дала ему газету, отметив, где читать, указательным пальцем.
– Посмотри сюда.
Джон неохотно, подавляя раздражение, посмотрел. Она прервала его на середине статьи о новом двухместном спортивном БМВ; он хотел купить эту машину и думал, что скажет на это мистер Сароцини. Можно, конечно, купить ее в рассрочку, и тогда цифры в отчете будут выглядеть не так плохо.
Небольшая фотография, имя с фамилией: «Зак Данцигер», а затем слово «скончался».
Схватив газету обеими руками, Джон взахлеб прочел заметку. Она была короткой, без подробностей. В ней говорилось, что вчера утром британский композитор и бывшая рок-звезда Зак Данцигер был найден мертвым в отеле «Плаза» в Нью-Йорке. Предполагаемая причина смерти – передозировка наркотиков. Данцигер написал музыку для трех мюзиклов, с успехом прошедших по всему миру и переведенных на двадцать языков, и более чем для тридцати фильмов. Он был трижды женат, со своей последней супругой проживал раздельно. Оставил сына и двух дочерей от первых двух браков.
– Ни хрена себе!
– Что это значит? – тихо спросила Сьюзан.
– Это значит, что его иск скончался вместе с ним. – Джон улыбнулся. – Мне бы надо пожалеть беднягу, но я не могу – очень уж по-свински он себя вел. Для нас это хорошие новости. Мистер Сароцини будет доволен. – Он перечел статью и добавил: – Господи, ну почему этого не случилось месяц назад? Все разрешилось бы само собой, и нам не пришлось бы… – Он замолчал на полуслове, заметив, какое у Сьюзан стало лицо. – Прости, – сказал он. – Не надо было мне этого говорить. Нельзя радоваться чужому горю, но я все же рад – такой уж скотиной он был.

– Странное
совпадение
, как ты считаешь? – сказала она.

– Что?
– Так мало времени прошло… и он умер. – Сьюзан покачала головой. – Ладно, это я так.
Джон покосился на нее и перечитал статью. Ему пришло в голову изречение, что о мертвых плохо не говорят, но все же он не мог удержаться от улыбки, когда взглянул на фотографию Данцигера и вспомнил тот разговор в адвокатском офисе. Данцигер тогда был в пиджаке с пуговицами из стразов, его голова была похожа на половую щетку, а с лица не сходила кислая высокомерная гримаса.
Сьюзан посмотрела на небо: ни облачка. Куда же девается сегодня все солнечное тепло?

28

С кофе у Сьюзан были большие трудности: даже самый слабый его запах заставлял желудок сжиматься, как при кружении на карусели. А ведь скоро придет Фергюс. Ей иногда казалось, что он существует только благодаря кофеину, а в жилах у него течет не кровь, а колумбийский черный двойной обжарки.
Был вторник. Операцию сделали в прошлую среду, а месячные ожидались через неделю. Это в том случае, если кофе – всего лишь совпадение, хотя к нему прибавился еще и запах сигарет и алкоголя, и ей ничего не хотелось есть, кроме сухого печенья.
Может, это грипп?
Конечно, Сьюзан Картер, это грипп. Какое совпадение – подхватить грипп с симптомами беременности через несколько дней после искусственного оплодотворения.

Искусственного ли?

Этот вопрос был тут как тут каждый раз, когда она бралась привести в порядок свои мысли. В голове сразу же возникал человек из «Бритиш телеком», он улыбался, выходил из темноты и приближался к ней. Как она ни пыталась избавиться от него – не могла. Только он точно знал, было ли то, что она видела, галлюцинацией.
Через неделю она будет точно знать, беременна она или нет. Надо пережить эту неделю и горячо помолиться о том, чтобы месячные все-таки пришли.

Когда Тони Уэйр узнал о том, что Зак Данцигер умер, он отреагировал на это совершенно так же, как Джон. Голос адвоката, звучащий по телефону, выражал искреннюю радость, несмотря на то, что он потерял возможность получить гонорар за защиту «Диджитрака» в суде.
Тони Уэйр единственный знал правду о соглашении Джона с мистером Сароцини: вместе с Джоном он проверил все поступившие от Ферн-банка документы перед тем, как Джон их подписал. Уэйр был умницей и жил не на широкую ногу, хотя и был компаньоном в крупной лондонской юридической фирме и зарабатывал не меньше трехсот пятидесяти тысяч фунтов в год. Он работал с Джоном с самого основания «Диджитрака».
– Сьюзан намекнула мне, – сказал Джон, – что считает, что смерть Данцигера как-то связана с нашим соглашением с Ферн-банком. Мне кажется, у нее легкая паранойя.
Тони засмеялся и сказал:
– В этой вырезке из «Санди таймс», которую ты переслал мне по факсу, говорится, что полицейский департамент Нью-Йорка расценивает его смерть как стопроцентное самоубийство. Данцигер расстался со своей третьей женой, недавно проиграл дело об опекунстве, плотно сидел на наркотиках – по мне так этого достаточно для того, чтобы впасть в депрессию. Эти композиторы все психованные.
– Точно. И мне до лампочки. Этот недомерок чуть не погубил мой бизнес и всю мою жизнь.
– Как там твой партнер?
Это был хороший вопрос. Джон не видел мистера Сароцини уже три недели, с того момента, как тот вручил ему подписанные документы. Это было немного странно, учитывая тот факт, что банкир обещал сводить Сьюзан в оперу, на концерт, в картинную галерею. Но ведь, в конце

концов, три недели – не такой уж большой срок. Вероятнее всего, мистер Сароцини скоро объявится. Да и не важно это совсем. Деньги, переведенные на счет компании, – вот что важно.
– Хорошо, – ответил он. – Помаленьку.
Они замолчали.
Тони Уэйр не был в восторге от этой сделки. По его мнению, заключив ее, Джон с Сьюзан попадали во власть мистера Сароцини. Он даже предложил Сьюзан не подписывать соглашение без подробных консультаций с адвокатами, но ему пришлось согласиться с Джоном, что у «Диджитрака» вовсе не целый воз инвесторов, из которых можно выбирать. И теперь, понизив голос почти до шепота, он спросил:
– Ну? Сьюзан уже?.. Ну, это самое…
– В прошлую среду. – Хорошее настроение Джона будто тряпкой стерли. В горле появился какой-то сухой неприятный вкус.
– И как ты к этому относишься? Нормально?
Джон задумался. Он мог бы выговориться, сказать Тони Уэйру, что чувствует себя так, будто его жену изнасиловали прямо у него на глазах, а он ничего не сделал, чтобы предотвратить это. Он мог бы сказать Тону Уэйру, что каждый раз, когда он смотрит на нее, даже если это всего лишь фотография на его рабочем столе, он не может думать ни о чем, кроме как о том, что у нее внутри семя мистера Сароцини. Он мог бы сказать, что ему кажется, что она потихоньку выдавливает его из своей жизни. Да, она улыбается ему и разговаривает с ним, целует его при встрече и прощании, утром и вечером – но между ними словно упал занавес.
Но Джон не стал говорить этого Тони Уэйру. Он сказал:
– Да, нормально.

Кунц слушал этот разговор, убирая квартиру. Для него это был ритуал, близкий к молитве. Это было очищение.
Он очищал свою квартиру с тем же тщанием и удовольствием, с каким перед этим очищал себя. Он был чист: каждая его часть, каждая впадина, каждый изгиб. Он помыл стены квартиры и собирался обрызгать их антисептиком. Здесь будет чисто, как в операционной.
Весь этот мир нуждается в очищении.
Мистер Сароцини это понимает.
Очищая квартиру, Кунц слушал: канал 9, телефон в кабинете Джона Картера, и канал 14, телефон в кабинете Сьюзан Картер. Он безо всяких затруднений воспринимал оба звуковых потока. Канал 17 – домашний кабинет Фергюса Донлеви, из окна которого открывался вид на Темзу, – был также включен, но писателя дома не было. Он ехал на встречу с Сьюзан, собираясь пообедать с ней в ресторане «Монплезир». Кунцу это не нравилось. Лучше бы этому человеку не приближаться к Сьюзан. По этому поводу Кунц испытывал смешанные чувства, но в основном злость и какую-то неопределенную, но острую боль – будто сердце обхватили жгутом и закручивали все плотнее.

> Кунц заранее зарезервировал отдельный столик в этом ресторане на имя доктора Пола Морриса. Мистер Сароцини говорил ему, что ученая степень всегда вызывает в людях уважение. Поэтому
> доктор
> Пол Моррис. Доктор Пол Моррис часто обедал в ресторанах, и всегда один. Его настоящее имя было Рикки Берент, и сейчас он сидел за своим столиком и читал бульварный роман. Между страницами книги у него был спрятан микрофон направленного действия и две фотографии: на одной была изображена Сьюзан Картер, на другой – Фергюс Донлеви. Ожидание его будет напрасно. Сьюзан и Фергюс не придут в этот ресторан.

Кунц едва сдержал поднявшуюся в нем ярость, когда Сьюзан сказала Донлеви, который только что вошел в ее кабинет:
– Фергюс, ты не возражаешь, если вместо ресторана мы просто погуляем?
Донлеви прочистил горло и сказал:
– Нет, конечно нет. Куда пойдем?
– Куда-нибудь. Может быть, в парк? В тот, который возле набережной Виктории.

Кунц метнулся к мобильному телефону, набрал номер, и двое посетителей в раздражении покосились на хорошо одетого мужчину, читающего книгу, когда он положил ее на стол и ответил на звонок.
– Сколько от вас до офиса Сьюзан Картер? – спросил Кунц.
– Пять минут.
– Будьте там через две.

Они сошли бы за путешествующую пару, если бы у них были фотоаппараты. Мужчина и женщина не спеша прошли по переулку Святого Мартина, пересекли Трафальгарскую площадь, остановились посмотреть на голубей и львов.
На ней были черные джинсы, белая футболка и легкий льняной пиджак, и в такой одежде она чувствовала себя вполне сносно, несмотря на жару. Фергюс был одет в то же, во что и всегда: старый твидовый пиджак, рубашку с открытым воротом, вытертые джинсы и высокие ботинки. Он был почти невосприимчив к перепадам температуры, редко носил пальто зимой и столь же редко снимал пиджак летом.
Они не говорили ни о чем конкретном, пока не дошли до набережной. Фергюсу нравилось выступать в роли гида, новой для него, а Сьюзан вдруг со стыдом осознала, как мало она знает о Лондоне, прожив в нем семь лет. Фергюс рассказал ей, что колонна Нельсона специально построена выше, чем статуя герцога Йоркского на улице Мэлл, а чуть позже, когда они задержались у «Иглы Клеопатры», объяснил, как египтяне возводили обелиски.
Кунц слышал, как Сьюзан сказала ему, поддразнивая:
– Откуда ты столько знаешь обо всех этих фаллических памятниках?
Подхватив тему, Донлеви стал рассказывать о египетских жрецах, которые занимались онанизмом по специально разработанному графику, и под эти занятия отводились внутренние, самые уединенные помещения храмов.
В Кунце клокотала ярость. Он хотел схватить Донлеви за глотку и объяснить ему, что не стоит вливать в уши Сьюзан всякую грязь.
Будто услышав мысли Кунца, Донлеви сменил тему, спросив:
– Куда ты ездила на прошлой неделе?
– Никуда не ездила, – прямо сказала Сьюзан. – Лежала в больнице. Небольшая операция. По женской части. Я бы не хотела об этом говорить.
Уловка сработала. Донлеви больше не задавал щекотливых вопросов. Сьюзан облокотилась на парапет и стала смотреть на воду.
– Тебе, наверное, нравится жить возле Темзы, – сказала она. – Мне бы нравилось.
Фергюс проворчал что-то, а может, просто прочистил горло – это не было понятно ни Кунцу, ни Сьюзан. Донлеви заметил хорошо одетого мужчину, похожего на адвоката или врача, сидящего на парапете с книгой в мягкой обложке в руках. «Простые радости, – подумал Фергюс, глядя на него. – Так просто и хорошо – читать книгу на свежем воздухе, но часто ли кто-нибудь из нас это делает?»
Наконец Сьюзан не выдержала и без обиняков спросила Донлеви, о чем он так срочно хотел поговорить с ней на прошлой неделе.
Фергюс опять прочистил горло, затем сел. Похоже, он немного смутился и потому распустил и стал завязывать шнурок на ботинке. Закончив, он поднял глаза на Сьюзан и сказал:
– Ты ведь помнишь, что я немного экстрасенс?
Сьюзан кивнула. Он говорил ей о своих предчувствиях, о своих телепатических экспериментах, о том, что иногда он может видеть окутывающую людей ауру. Она знала, что он прочел большинство книг по этой тематике.
– То, что я скажу, может прозвучать странно. Я не хочу тебя пугать. – Он замолчал.
Сьюзан терпеливо ждала продолжения. Он похлопал по карманам, вытащил из помятой пачки сигарету и прикурил. Дым поплыл в сторону Сьюзан, и она ощутила знакомый уже запах жженой резины.
Он курил, а она смотрела на его седые, вольно развевающиеся космы до плеч, на его жесткое, но приятное лицо и думала, как же все-таки он похож на ковбоя – человека без имени, одинокого всадника прерий.

Она восхищалась его талантом ученого. Он носил в голове столько знаний, столько оригинальных идей. Она глубоко любила Джона, но все же не один раз думала о том, что, если бы она была свободна, они с Фергюсом могли бы сблизиться.
– Мне снится один и тот же сон. – Он затянулся сигаретой, не глядя на нее. – Я знаю, что вы с Джоном решили не заводить детей, но в этом сне ты беременна.
– И?..
Мотнув головой, он посмотрел на нее. Зрачки его глаз уменьшились, поймав отблеск солнечного света, отразившегося от воды. Ветер подхватил прядь его волос и обернул вокруг головы.
– Не надо было мне ничего говорить. Это безумие. – Сьюзан склонила голову, искоса посмотрела на него, стараясь сохранить нейтральное выражение лица, и сказала: – Этот сон произвел на тебя такое впечатление, что ты позвонил мне домой?
Он сделал еще затяжку.
– Да. Это, конечно, не мое дело, но вы ведь не планируете завести ребенка?
Она поколебалась. Он насторожился.
– Нет.
Он вскинул руки к небу:
– Хорошо. Это хорошо.
– Ну а если бы мы передумали и решили завести ребенка, это было бы плохо? Что ты видел во сне?
Фергюс задумался. Он смотрел ей в глаза, до него доносился запах ее духов, а ветер трепал ее рыжие волосы. На прошлой неделе казалось, что все так срочно. Но здесь, на набережной, под ярким солнцем, Сьюзан казалась такой впечатлительной, уязвимой – и она только что заверила его, что не собирается заводить ребенка, – что он не захотел, чтобы она волновалась на пустом месте. Он хотел другого – обнять ее и посмотреть, к чему это приведет.
В таких случаях очень важно поймать момент, когда между душами людей открывается крохотное оконце, потому что через несколько секунд оно может захлопнуться снова. Сейчас Фергюс чувствовал, что оконце открыто.
На прошлой неделе он искренне полагал, что Сьюзан хочет родить ребенка, и сейчас улавливаемые им вибрации подтверждали это, но катастрофа больше не казалась такой близкой. Она не собиралась рожать ребенка от Джона. Но может быть, от кого-нибудь другого? От нового любовника?
– Ничего, – наконец сказал он. – Это имело бы значение только в том случае, если бы ты была беременна.
Она кивнула, избегая смотреть ему в глаза.
И он сделал ход. Он обнял ее за плечи, но она вздрогнула от неожиданности и сделала неосознанный шаг назад, вынудив его ослабить объятия.
– Я люблю тебя, Сьюзан, – сказал он.
Она, вспыхнув, посмотрела на него:
– Фергюс, я… – Она покачала головой, а он все держал ее за плечи – крепко, но неуклюже, и лицо его было слишком близко и закрывало солнечный свет.
Он отпустил ее и отступил на полшага.
– Сьюзан, я… прости, я не смог сдержаться. Я правда люблю тебя.
Она беспомощно улыбнулась.
– Я не уверен… Какие у тебя отношения с мужем?
Сьюзан терялась в догадках, что же она сделала, что он такое себе вообразил, и попыталась разрешить ситуацию, по возможности не задевая чувств Фергюса.
– Фергюс, извини меня, ты застал меня врасплох. – Она улыбнулась. – Ну, то есть мне, конечно, лестно, и ты мне очень нравишься. Но я счастлива в браке и люблю своего мужа.
Фергюс стоял весь красный.
– Извини.
Она опять улыбнулась, не зная, куда смотреть – на него или на брусчатку набережной.
– Я очень ценю нашу дружбу, Фергюс.
Он докурил сигарету до фильтра, бросил на землю и затушил, раздавив ботинком.
– Я буду рядом, ладно? Звони мне в любое время, днем, ночью – мне без разницы. Просто пообещай мне, что, если тебя что-нибудь начнет беспокоить, ты мне позвонишь. Хорошо?

Сьюзан пообещала.

А Кунц, который отчаянно пытался справиться с бушующей внутри яростью, решил, что мистеру Сароцини необходимо услышать этот разговор.

29

Черно-белое или, скорее, серо-белое изображение на мониторе было размытым, и Сьюзан не сразу разглядела то, на что указывал палец Майлза Ванроу, проводившего ультразвуковое исследование, и, даже разглядев, не была уверена, что смотрит туда, куда нужно.
– Вот это? – спросила она. – Что-то вроде овала? – Она все еще сомневалась, что смотрит куда надо. – Вот этот темный пузырь? Это мой ребенок?
– Да. Поздравляю, Сьюзан. Вы на пятой неделе беременности.
Сьюзан с любопытством смотрела на овал. Затем ее внимание привлекла медсестра доктора Ванроу, высокая, суровая женщина лет пятидесяти, со стальными волосами, гладко зачесанными назад и удерживаемыми на месте двумя заколками. Медсестра улыбалась, но ее улыбка была холодной и формальной, будто она скрывала от Сьюзан что-то важное.
Сьюзан посмотрела на гинеколога и спросила:
– С ним все в порядке? Я имею в виду, с ребенком. Он… она… он здоров?
– Да, Сьюзан, все выглядит совершенно нормально. Но, пожалуйста, не забывайте, что плоду всего пять недель, и пока мы можем видеть только околоплодный пузырь. – Доктор Ванроу снял резиновые перчатки и направился к раковине. Сьюзан оделась и последовала за доктором Ванроу в небольшой кабинет, расположенный рядом с комнатой для осмотров.
Сьюзан удивила теснота кабинета: этот человек регулярно принимал роды у членов королевской семьи, у богатых и знаменитых людей, а его практика занимала всего две комнаты, каждая из которых была размером с чулан, на третьем этаже одного из зданий по Харлей-стрит. Ей нравилась эта скромность, Сьюзан не забывала, что Майлз Ванроу раньше был недосягаем для нее, и больше доверяла ему. Она подумала, какой, наверное, шок был у некоторых его пациенток, когда они попадали в такое место.
Она восхищалась спокойной деловитостью Ванроу. Она не знала, сколько ему лет – скорее всего, около шестидесяти. Он был широкоплечим и плотным, но не очень высоким и носил ужасную прическу: короткие волосы торчали во все стороны, будто он стриг их сам. Все его костюмы были очень дорогими, но старомодными и поношенными, будто он приобрел их еще в бытность студентом-медиком. Он излучал уверенность в себе, имел ухоженные руки с маникюром, красивые синие глаза и сногсшибательный бархатный голос. Он распространял вокруг себя ауру уюта и напоминал Сьюзан ее любимого плюшевого медведя.
Взяв автоматическую ручку – старый «паркер», он сказал:
– Итак, чай и кофе имеют привкус металла и запах жженой резины. Сигаретный дым неприятен, запах алкоголя вызывает тошноту. Потеря аппетита и проснувшаяся страсть к сухому печенью. – Говоря, он одновременно делал записи в карте наблюдений. – Что-нибудь еще?
– Батское печенье «Оливер», – сказала она. – Его я люблю больше всего.
Ванроу улыбнулся и записал это, затем взглянул на нее поверх очков с полуоправой:
– Жаль, что вас не тянет на что-нибудь не такое дорогое.
Она улыбнулась. Она хотела задать доктору Ванроу один вопрос, но с каждой минутой ей становилось все труднее решиться сделать это. Она знала, что беременна, еще до того, как пришла сюда, – она купила в аптеке тест на беременность, и он оказался положительным. Джону она ничего не сказала.
Она решила, что спровоцирует выкидыш, и вчера ночью сказала Джону, что хотела бы прервать беременность, если все же зачала. Может, самое лучшее будет обратиться к Биллу Роландсу, их врачу и другу. Джон отреагировал равнодушно, и было невозможно понять, что он на самом деле думает. Однако Сьюзан понимала, что этот ребенок разрушит их брак и что оставлять его нельзя.
Но теперь для нее все стремительно менялось. Этот врач сидел и писал, и от него исходила удивительная теплота. Сьюзан чувствовала себя так, будто учитель только что похвалил ее за

блестящее эссе, и ей хотелось оправдать его доверие. Ее взволновало зрелище зародившейся в ней жизни. Она испытывала такую гордость!
Сильное чувство.
Она и не думала, что будет испытывать что-либо подобное.
Она не могла задать этот вопрос сейчас – она хотела спросить у доктора Ванроу, через какое время исчезнет опасность выкидыша. Перед глазами у нее стояло размытое изображение околоплодного пузыря. В нем растет ее ребенок.
Ванроу открыл ящик стола и вынул оттуда нераспечатанный одноразовый шприц.
– Сейчас я сделаю вам укол, – сказал он. – Не бойтесь, это всего лишь витамины, помогающие развитию плода.
Она закатала рукав блузки. Весь ее страх уколов испарился. Это нужно ребенку. Доктор Ванроу сделал укол и сказал:
– Когда будете уходить, поговорите, пожалуйста, с моим секретарем. Я бы хотел, чтобы вы раз в неделю приходили ко мне на осмотр – в удобное для вас время.
– Раз в неделю?
– Да, пока не кончится период риска.
– И сколько это?
– Около двух месяцев. – Он выбросил шприц в емкость для мусора.
Сьюзан опустила рукав. След от укола был едва виден.
– Можно я задам вам личный вопрос? – спросил доктор. – Как ваш муж относится к…
Сьюзан помолчала секунду.
– Ну, я думаю… – Она слегка покраснела. – Я… мы не занимались любовью с тех пор…
– Это из-за вас или из-за него?
– Я не уверена. И так и так.
Доктор улыбнулся:
– Непростая ситуация.
– Да, непростая.
– Но вы ведь сильная. Все разрешится.
Она улыбнулась:
– Да.
Ванроу записал что-то еще, затем вскинул глаза на Сьюзан:
– Как, по вашему мнению, муж воспримет вашу беременность?
– Не знаю, – ответила Сьюзан.
Она и в самом деле не знала.

30

– Мы получили контракт! – сказал Гарет Джону. – Это фантастика, верно я говорю? За месяц мы получили девять заказов и могли бы получить десятый, если бы сами не отказались. Что происходит?
Они сидели в пабе. Джон пил пиво и курил сигарету, которую он стрельнул у Гарета. В последние три недели он так часто просил у своего партнера закурить, что тот каждый раз покупал вместо одной пачки две. Но это лучше, чем покупать самому. Пока он только стрелял сигареты, он мог считать, что еще не начал снова курить.
Сьюзан наверняка замечала, что от него пахнет табаком. Как-то вечером она сказала ему, что у нее больше не вызывает отвращения запах кофе: напиток перестал пахнуть жженой резиной, хотя по-прежнему имел металлический привкус; она также сказала, что от сигаретного дыма ее тоже больше не тошнит.
Может, это был скрытый намек? Но почему не сказать прямо? Проблема заключалась именно в этом: они не разговаривали, они стали друг для друга незнакомцами, случайно оказавшимися под одной крышей. Он понимал, что он настолько же виноват в этом, как и Сьюзан. А может, и больше. И он знал причину этого.
– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «Что происходит?», Гарет?

Гарет, одетый в красный пиджак и мешковатую зеленую рубашку, многозначительно посмотрел на Джона:
– Не отрицай, что это даже как-то жутко.
Джон молча затянулся сигаретой. Действительно жутко.
Шесть часов, народу в пабе все больше. Кто-то мурыжил игровой автомат и уже не в первый раз доходил до уровня, на котором автомат издавал серию резких звуков, которые Джона порядком раздражали. И Гарет его порядком раздражал. И то, что он слабак и снова начал курить.
Но что действительно занимало его мысли – это Сьюзан, их брак, их жизнь. Какая жизнь? У них нет больше никакой жизни. Она на восьмой неделе беременности. Еще две недели, и минует опасность выкидыша. Пойти домой и спустить суку с лестницы, чтобы этот чертов выкидыш случился.
Он затушил сигарету. Гарет все говорил, но Джон его не слушал. «Диджитрак» в таком фаворе, что деньги мистера Сароцини им больше не нужны. Господи, если бы Клэйк дал им лишний месяц, Сароцини с егоФерн-банком был бы им нужен как собаке пятая нога. Джон хотел, чтобы у Сьюзан произошел выкидыш, а Сароцини исчез с глаз долой.
Только Сароцини и не думал показываться Джону на глаза и не ответил ни на один отчет, посланный Джоном в Ферн-банк. Джон попросил Тони Уэйра найти лазейку в соглашении, которое они заключили с банкиром. Уэйр ответил, что в нем есть не лазейка, а целые распахнутые ворота: по английским законам нельзя за деньги вынашивать суррогатного ребенка. Проблема заключалась в другом: «Диджитрак» и дом Джона и Сьюзан юридически находились во владении мистера Сароцини, до тех пор пока они не передадут ему ребенка. Все документы, акции, вообще все отписано ему.
Еще до того, как беременность Сьюзан подтвердилась, они с ней говорили о том, чтобы спровоцировать выкидыш. Это было ее предложение. Но потом она передумала. Она начала относиться к зародышу до абсурда болезненно и была полна решимости его защитить. Каждый раз, когда он заговаривал о выкидыше, она резко меняла тему разговора или просто поворачивалась и уходила.
Он прикончил вторую пинту, заказал третью. Гарет с энтузиазмом говорил о новом сервере с RAID-массивом, который он хотел купить, об алгоритмах сжатия. Джон пил пиво и все больше распалялся. Допив пинту, он распрощался с Гаретом и направился к выходу.
Он пойдет домой. Он схватит эту суку за горло.
Она выкинет, никуда не денется.

– Тот, кто любит Христову веру больше, чем Истину, вскоре начнет любить свою секту или церковь больше, чем Христову веру, и закончит тем, что будет больше всего любить самого себя, – сказал Кунцу мистер Сароцини.
И Кунц, который сидел в огромном женевском кабинете мистера Сароцини, ответил:
– Сэмюэл Тейлор Колридж.
Мистер Сароцини удовлетворился ответом. В руках он держал список, подготовленный для него Кунцем.
– Арчи Уоррен. Фергюс Донлеви. Тони Уэйр. Только эти трое? Почему я не вижу здесь имени Джона Картера?
Кунц задумался.
– Потому что… – начал он и замолчал. – Потому что решение уже принято, – сказал он и в ту же секунду понял, что это неверный ответ.
По лицу мистера Сароцини Кунц увидел, что ответ ему не понравился. И вдруг испугался. Он чувствовал запах страха, исходящий от его собственного тела, запах кожи диванов, лака, которым была покрыта мебель, моющего средства для ковров, но не чувствовал запаха мистера Сароцини.
Он никогда не чувствовал его, и это было странно и страшно. Для Кунца было очевидно, что мистер Сароцини играет с ним, намеренно блокируя в его мозгу способность ощущать его запах.
За всю свою жизнь Кунц не встречал больше ни одного человека, который не имел бы запаха. В отсутствие запаха Кунц терял способность оценивать глубинные реакции. Мистер Сароцини был единственным из людей, чьи реакции оставались для Кунца совершеннейшей загадкой.

Зато мистер Сароцини мог ощущать каждую клетку тела Кунца, и все они сейчас против его воли снабжали мистера Сароцини информацией. Все они, как одна, испытывали смертельный страх.
– Стефан, кто принял это решение?
Кунц почувствовал изменение температуры в своем теле: на мгновение она выросла, затем резко упала, так что волоски на коже встали дыбом, став жесткими, как иголки.
– Я полагал, здесь нет вариантов, – сказал Кунц.
Мистер Сароцини, который сидел за своим столом, облаченный в роскошный костюм, едва ли пошевелился.
– Ты как-то по-особому относишься к Джону Картеру, Стефан? – Он слегка наклонился вперед. – Скажи мне, Стефан, ты бы испытал боль, заставив страдать мистера Картера?
Кунц был осторожен с ответом. Он не был уверен, что именно хочет услышать от него мистер Сароцини, и поэтому пытался вспомнить все, чему тот учил его. Несомненно, это одна из Истин, Третья или Четвертая. Он не мог точно вспомнить и боялся боли, которую мистер Сароцини мог бы наслать, если бы он ошибся.
– Четвертая Истина, Стефан. «Истинная боль только одна – страдание того, кого любишь».
– Нет, я не испытал бы боль, заставив страдать мистера Картера. – В его голове пронеслось, что он был бы несказанно рад заставить страдать Джона Картера, но он из осторожности подавил эту мысль. Мистер Сароцини мог запросто прочитать ее.
Мистер Сароцини встал и пересек широкое пространство своего кабинета, для того чтобы подойти к шкафу. Кунц знал, что находится в этом шкафу, и не хотел, чтобы мистер Сароцини открывал его.
Тиковые дверцы распахнулись, открыв большой телевизионный экран. Мистер Сароцини нажал кнопку, и экран ожил. Кунц напрягся. Он старался сдерживаться и для этого использовал все силы и знания, переданные ему мистером Сароцини, но у него мало что получалось.
На экране была Клодия. Обнаженная, она сидела в большом плетеном кресле в квартире Кунца в Цюрихе и делала то, за чем любил наблюдать Кунц: сладострастно касалась промежности, в то время как Кунц наслаждался запахами, источаемыми ее телом.
Клодия улыбалась – сексуальной, провокационной, призывной улыбкой, будто говорящей: «Приди и возьми меня». Клодия была очень красива, но совсем не той красотой, что Сьюзан Картер. Сьюзан Картер выросла на американских просторах, ее красота была свежей, она лучилась здоровьем. Клодия же была городской девушкой. Ее блестящие черные волосы были выстрижены по-готски, а кожа была молочно-белой, бархатной на ощупь. Она была стройной и казалась беззащитной, так что почти невозможно было представить, насколько она чувственна.
«Беременность прибавила Сьюзан Картер чувственности», – вдруг подумал он.
Клодия мягко и ритмично ласкала себя длинными пальцами, иногда вынимала их, посасывала, оглаживала ладонью тело. Звука на этой записи не было.
Потому что то, что звучало из акустических колонок, не было записью. Кунц знал, что это живая трансляция и идет она из какой-либо комнаты этого здания.
Это был крик Клодии.
Такой крик почти невозможно представить. В нем смешивались мука, страх, ужас, отчаяние и мольба.
Кунц понимал, что мистер Сароцини устроил ему проверку, которую он должен пройти. Это было трудно, потому что Кунц точно знал, что делают сейчас с Клодией. Это было слишком даже для него.
Клодия закричала снова, еще более страшно. Затем стон:
– Нет, пожалуйста, нет. Господи, не-е-е-е-ет!
Ее голос сорвался на визг. Кунц чуть не зажал уши и не отвернулся – но не смог сделать этого. Он не смел.
Мистер Сароцини выключил телевизор и колонки и закрыл шкаф. Вернувшись за стол, он спросил Кунца:
– Любишь ли ты Сьюзан Картер настолько, чтобы почувствовать боль, заставив ее страдать?

В первый раз в жизни Сьюзан чувствовала, что совершает что-то для себя, а не для кого-то другого. Она делала это потому, что таково было ее желание, и это было хорошо.

Она стояла на самом верху лестницы-стремянки в свежевыкрашенной передней спальне для гостей, с двумя гвоздями в зубах и молотком в руке, и была спокойна и счастлива. Наверное, благодарить следовало гормональные изменения, произошедшие в ее теле, или то волнение, которое она испытала сегодня днем, когда Майлз Ванроу прижал ультразвуковой датчик к ее животу и дал ей послушать, как бьется у ребенка сердце.
Если Джон наконец успокоится, все будет просто идеально. Нет ничего особенного в том, чтобы родить этого ребенка, это для них обоих, ради их брака, ради всего. Да, это не их ребенок, но от этого он не перестает быть человеческим существом, требующим любви и заботы. Она многим обязана этому зреющему внутри ее комочку плоти и должна отдать ему так же много. И еще это интересно. И, что самое важное, через семь с небольшим месяцев все закончится. Нужно только, чтобы Джон думал так же.
И она его убедит. Она уже сталкивалась с его упрямством: для него оно было чем-то вроде защитного механизма. Жесткая оболочка была необходима ему, чтобы пережить ужасы изломанного детства. В таких случаях с помощью конфронтации никогда нельзя было ничего достичь, поэтому она проявляла терпение, продвигалась вперед мелкими шажками, показывала свою любовь, молча глотала оскорбления и, отвоевывая дюйм за дюймом, побеждала.
Она вбила один гвоздь в стену, в центр нарисованного карандашом креста, и в этот момент дверь позади нее с грохотом распахнулась. Она в испуге обернулась. Второй гвоздь, бывший у нее во рту, выпал и со звоном упал на голые доски пола.
В дверном проеме стоял Джон. Выражение его лица испугало ее. От него несло спиртным и табаком. Его шатало, взгляд был расфокусирован. «Он же в таком состоянии вел машину!» – испуганно подумала она. Этот человек не был Джоном Картером, за которого она вышла замуж, который был ее опорой в жизни. Этого человека она не знала.
– Привет, – сказала она с опаской, потому что в последнее время его выводило из себя абсолютно все, что она говорила.
Он молча смотрел на нее, и от его взгляда у нее подгибались колени. Она увидела в нем – хотя надеялась, что это ей показалось, – неприкрытую ненависть.
Джон смотрел на совершенно незнакомую ему суку, которую он обнаружил в своем доме. Он думал о том, что, если он опрокинет лестницу, прямо сейчас, она упадет на пол, и это, возможно, приведет к выкидышу. Это нетрудно. Она балансировала на самой верхней ступеньке, с молотком в руке, крючок для картины косо висел на единственном вбитом в стену гвозде. Он подойдет и заденет лестницу плечом. Она не поймет, что это было намеренно.

А если она сломает руку? Или шею?

И вдруг она повернула голову, и Джон увидел, что это его жена, что это Сьюзан стоит на верхней ступеньке лестницы. И она выглядит такой счастливой. Она живет в доме, который любит, и делает то, что ей нравится: украшает свой дом, делает его таким, каким он виделся им в мечтах.
Он глубоко вздохнул, проглотил всю ненависть, которая росла в нем последние три недели, и заставил себя вспомнить.

Господи, всего семь месяцев.

И все кончится.

Девять месяцев – это немного. Она уже на восьмой неделе, так что остается всего семь, да, семь месяцев. Они справятся, они будут держать закрытым сундук с ненавистью и раздражением – и пошел Сароцини куда подальше.
– Как у тебя прошел день? – спросил он.
– Ездила к Майлзу Ванроу. Очередное сканирование. – Не зная, как он к этому отнесется, она решила умолчать о том, что слушала, как бьется у ребенка сердце. – Потом приехала домой, поработала над рукописью Фергюса. Затем решила повесить пару картин, одну с Суффолкской гаванью – помнишь, она тебе нравится. Она будет хорошо здесь смотреться, как ты думаешь?
– Думаю, хорошо. Я получу свой поцелуй?

Чувствуя, что настроение у мужа улучшается, она поддразнила его:
– Подними гвоздь, который я уронила, и я подарю тебе такой поцелуй, что ты закачаешься!
Джон нашел гвоздь, и Сьюзан вбила его в стену. Затем он подал ей картину, блеклый закат в морском порту, пейзаж, который они купили несколько лет назад на уличной распродаже.
– Может, посмотрим кино? Сегодня по телевизору есть несколько стоящих фильмов.
– Если хочешь. – Перспектива провести так вечер не вызвала у нее особого вопроса.
– А ты не хочешь?
– Просто сегодня такая хорошая погода, а скоро похолодает, и в саду уже не посидишь. Почему бы не устроить барбекю? Мы уже долго его не делали.
Джон рассудил, что она права. Уже конец сентября – лето прошло, будто и не бывало.
– Погода была хреновая, – сказал он, – потому и не делали.
Сьюзан повесила картину и выровняла ее. Когда она спускалась вниз, Джон придержал лестницу, а когда спустилась – заключил в объятия. Она прижалась к нему, уткнулась лицом в плечо. Он ощутил аромат ее волос, смешанный со сладким кокосовым запахом ее шампуня.
– Я люблю тебя, – сказал он.
Из-за алкоголя и табака он пах очень по-мужски. Когда Сьюзан только начала с ним встречаться, от него всегда пахло табаком, и это нравилось ей, так как напоминало о детстве – так всегда пахло от отца.
– И я люблю тебя, – ответила она. – Больше всего на свете.
Вместо барбекю, они поднялись в спальню и занялись любовью. После Джон уснул и проснулся через пару часов от шелеста бумаги – Сьюзан читала переписанную Фергюсом Донлеви рукопись. Джон обратил внимание, что за последние недели ее грудь стала немного больше. Это его возбудило.
Он нежно отследил контур груди пальцем, особо отметив сосок. Сьюзан выгнула спину и тихонько застонала.
– Ты не голодный? – спросила она.
– Голодный. Что приготовим?
– Не знаю. Что-нибудь легкое. Яичницу?
– Хорошо. Я сделаю. – Джон поцеловал ее и выбрался из кровати.

– Господи,
он
снова твердый! – сказала она.

Он улыбнулся.
– Да. С тобой эта проблема возникает у меня постоянно. – Он обернул талию полотенцем и направился на кухню.
«По крайней мере, сегодня мы вернули нашу жизнь назад», – подумал он.

31

Два с половиной месяца. Теперь, когда доктор Ванроу указывал на ребенка, у Сьюзан не возникало сомнений, туда ли она смотрит. Она могла ясно различить даже на дрожащем серо-белом экране ручки, ножки и даже, если Ванроу показывал пальцем, крохотные ступни.
«Невероятно, – думала она. – Живой ребенок. Во мне».
Ребенок двинул ножкой, затем другой. Сьюзан хотелось смотреть еще, но гинеколог отнял датчик от живота, и изображение исчезло с экрана.
Майлз Ванроу посмотрел на Сьюзан и улыбнулся:
– Сьюзан, я могу подтвердить жизнеспособность плода. Визуально все в норме, он здоров, степень сформированности мышц в пределах нормы, синдром Дауна исключен. Период наибольшей вероятности выкидыша позади.
– А что, вы не исключали возможности того, что у него может быть синдром Дауна? – Сьюзан заволновалась.
Он успокоил ее бархатным голосом:

– Дело не в этом. Просто до сегодняшнего дня еще рано было производить проверку. Тест на синдром Дауна – рутинная процедура, а вам еще далеко до опасного в этом отношении возраста.
Сьюзан знала, что чем старше родители, тем большей будет вероятность произвести на свет ребенка с синдромом Дауна, но не имела понятия, имеется ли при этом в виду только возраст матери или обоих родителей. Неожиданно для самой себя она вздрогнула, и Ванроу бросил на нее обеспокоенный взгляд:
– Сьюзан, с вами все в порядке?
Она кивнула. Она вздрогнула оттого, что вдруг с отвращением вспомнила, что внутри нее растет ребенок не от Джона, а от мистера Сароцини – плоть от плоти его. Это происходило уже не в первый раз: несколько дней все было как будто спокойно, а затем на нее накатывал внезапный ужас от осознания того, что она носит в себе чужого ребенка.
«Но этот ребенок не только мистера Сароцини, но и мой», – напомнила она себе, попыталась она убедить себя.
Она добралась до точки необратимости. Ее тело не отвергло ребенка, и теперь это мог сделать только ее разум. Аборт еще рассматривался, конечно, как вариант, но только в теории. Перед глазами Сьюзан стояло изображение на экране. Эти маленькие ножки, как они двигаются. Это просто… просто чудо.
– Могу я еще раз послушать, как бьется его сердце? – спросила она.
– Конечно, Сьюзан. – Гинеколог положил датчик ей на живот, несколько раз передвинул, пока не поймал звук, и Сьюзан некоторое время тихо лежала, загипнотизированная ровным стуком крохотного сердца…
Поднявшись, Сьюзан почувствовала, что в ней струится энергия такой силы, какой она не ощущала никогда раньше. Даже суровая медсестра улыбалась.
– Это мальчик или девочка? – спросила она и заметила, что Ванроу и медсестра быстро переглянулись. Может, показалось? Или они что-то знают?
– Мы сможем сказать не раньше, чем когда наступит срок четыре месяца, – сказал гинеколог. – Сьюзан, вы уверены, что хотите заранее знать пол ребенка? Многие матери не хотят.
– Я не уверена, – сказала она, размышляя о том взгляде, которым они обменялись. Что же он означал?
– Давайте отложим этот вопрос до того времени, когда мы будем в состоянии на него ответить, – сказал Ванроу. – Я всегда говорю своим пациенткам, что самое главное – это здоровье ребенка. А если вы хотите, чтобы ваш ребенок был по-настоящему здоров, вы должны всем сердцем любить его уже тогда, когда он находится в утробе. Любите ли вы своего ребенка?
– Да.
Врач тепло улыбнулся:
– Хорошо. Тогда он и в самом деле будет здоров.
Сьюзан посмотрела на медсестру – та искренне ей улыбалась. Так же искренне, как Ванроу, и так тепло, что Сьюзан забыла о тревожащем обмене взглядами. Радость все больше захлестывала ее. Она чувствовала себя такой счастливой, что готова была поцеловать Майлза Ванроу.
Она последовала за ним в кабинет.
Она была так погружена в свои счастливые мысли, что плохо слушала, что говорил Ванроу, и ему приходилось повторять все по два раза. Он давал ей рекомендации по физическим упражнениям, отдыху, диете, говорил о том, какие тяжести ей нельзя поднимать. Большинство из этого Сьюзан слышала и раньше, но теперь она могла понять, почему у этого врача такая хорошая репутация: он был очень педантичен и относился к ней так, будто она вынашивала его собственного ребенка.
Цепь мыслей раскручивалась у нее в голове. Физические упражнения для беременных. Ее коллеги по работе – такие как Кейт Фокс, и особенно Кейт Фокс – начнут думать что-нибудь не то, если она не будет делать приготовлений к рождению ребенка. Ей придется притворяться. Люди, ждущие пополнения в семье, покупают ребенку вещи, готовят детскую.
Майлз Ванроу задал вопрос, и она прослушала его. Она виновато посмотрела на него:
– Извините, я задумалась.

– Я спрашивал вас о вашем муже, – сказал он. Ей был знаком этот вопрос: он, как по часам, задавал его каждую неделю. – Как он теперь относится к вашей беременности?
– Хорошо, – ответила она. – Лучше. Гораздо лучше. – Она улыбнулась. – Думаю, он потихоньку привыкает.
Ванроу сложил вместе массивные ладони.
– Это не может быть для него легко. Я его понимаю.
– Это нелегко для нас обоих.
Он посмотрел на нее со странным выражением лица, и ей было трудно разобраться, что оно означает. Ей показалось, что она увидела в нем легчайшую насмешку, и поняла, что это оттого, что он заметил ее воодушевление.
Своим взглядом Ванроу будто говорил ей, что знает, что в глубине души ей все это нравится, и она хотела сказать ему, что он не прав, что это кошмар наяву и, если бы у нее была возможность вернуться назад, она никогда бы так не поступила.
Но она промолчала. Потому что на самом деле ее просто переполняло счастье.

Кунц не верил своим глазам. Этого не могло случиться, но все же случилось. Техника не может врать. Сьюзан была видна в зеленом свете из-за того, что камера работала в режиме ночного видения. Кунц не отрываясь глядел на ее тугие ягодицы – они не стали более плоскими, она вообще не изменилась и совсем не выглядела беременной.

> Одеяло было сброшено с постели, она распласталась поперек Джона и брала
> его
> в рот. Пальцы Джона судорожно хватали простыню.

Это было тяжелое зрелище.

> Она мягким движением повернулась, одновременно поднимаясь с постели, и грациозно, словно балерина, перекинула через Джона ногу. Теперь она сидела на муже верхом. Кунц увидел, как изогнулась ее спина, когда она направила
> его
> себе внутрь, услышал тихий короткий стон, но не боли, а наслаждения – она улыбалась.

И от этого Кунцу было невыносимо больно.
Он обратил внимание на лицо Джона Картера, тоже в зеленом свете, на котором застыло отстраненное выражение. Его член был внутри Сьюзан – а где был он сам?

> Какого черта ты не с ней, Джон Картер?

Кунц скорчился, борясь с гневом, поднимающимся в груди жаркой темной волной.

> Мало того, что ты занимаешься этим с моей женщиной, ты еще при этом не с ней. А где? С другой женщиной? Кто она, Джон Картер?

> Когда-нибудь ты мне об этом скажешь.

> Когда-нибудь ты выхаркнешь ее имя с кровью.

Кунц не мог больше смотреть. Волнующиеся имбирно-зеленые волосы Сьюзан, прекрасная грудь, к которой невыносимо хотелось прикоснуться: вспышки молочно-белого на зеленом, чудесные темно-красные соски. Кунц попытался представить, что то, что Сьюзан делает с Джоном, происходит не по-настоящему, что это просто фильм, который показывают по телевизору, – это было все, что он мог сделать.
Ему на ум пришла Шестая Истина, поведанная ему мистером Сароцини, которая звучала так: «Реальность такова, какой ты ее себе представляешь».

Это помогло, но не полностью, потому что Истины работают на все сто процентов только тогда, когда ты осознаешь их во всей их полноте, а Кунц знал – мистер Сароцини хорошо ему это объяснил, – что его понимание Истин еще далеко от совершенства.
Вот и сейчас – Сьюзан действительно достигла оргазма или только притворилась?
Он остановил пленку. Его ярость бешеным зверем рвалась наружу. Он включил канал 9, спальню, в реальном времени, и зрелище того, что происходило там в данный момент, немного успокоило его.
Джон читал журнал, посвященный Интернету. Сьюзан читала рукопись. Сегодня она не разрешила Джону заняться с ней любовью, сказала, что устала, что нужно до завтра доделать рукопись. Это вселяло в Кунца гордость за нее. За это он мог простить ей ту оплошность, которую она допустила две недели назад.
Но не Джону Картеру. Джону Картеру он ничего не собирался прощать. Джон должен быть очищен.
И мистер Сароцини обещал ему это.
Джон перевернул страницу журнала, еще одну. Затем перевел взгляд на потолок.
И Кунц взглянул прямо ему в глаза.
У Джона, лежащего на кровати в халате, появилось странное чувство, что за ним наблюдают. Это, конечно, чепуха, но все же ему было тревожно.
Он поглядел на Сьюзан, но та была погружена в чтение рукописи. Он выбрался из постели, подошел к окну и, немного раздвинув занавески, выглянул наружу. Через собственное отражение в стекле и парк, отмеченный темными силуэтами кустов и деревьев, ему была видна строчка уличных фонарей.
Он обернулся, бросил взгляд на потолок, затем на стены.
– Джон, что случилось? – спросила Сьюзан.
– Показалось, что услышал что-то. – По крайней мере, это лучше, чем говорить ей, что за ними наблюдает кто-то невидимый.
Они затихли и прислушались.
– Показалось, – сказал он.
Затем Сьюзан вспомнила:
– Ах да, забыла сказать тебе, я слышала, как кто-то возится на чердаке. Наверное, у нас завелись мыши или крысы.
Джон пожал плечами:
– Может, птица.
– Наверное, нам стоит поставить там пару мышеловок.
– Займусь в выходные, – сказал Джон. – Я и сам хотел там все осмотреть. По-настоящему я туда и не поднимался. Никогда не знаешь, вдруг прежние хозяева забыли там коллекцию шедевров живописи.
Сьюзан улыбнулась:
– Ну да, и Святой Грааль на нижней полке серванта.

Кунц отключил монитор, оставив дом Картеров на активируемом голосом режиме записи, и взял со стола раскрытый на середине роман Марселя Пруста. Джон Картер может осматривать свой чердак столько, сколько его душе угодно. Кунц убедился, что запись пошла, и устроился в кресле поудобнее.
Только следующим утром, после того как компьютер просканировал записанную за ночь пленку, Кунц услышал, как закричала Сьюзан.

32

Темноту рассеивало пламя единственной свечи; отблеск света падал на лицо старика. Тяжелые портьеры на окнах были опущены, оставляя ночь снаружи, но для старика, неподвижно лежащего на постели и смотрящего в потолок незрячими глазами, это не имело значения. Темнота была его неразлучным спутником уже больше десяти лет. Но и это было не важно, так как за свою жизнь он повидал достаточно.

Важен был лишь свет, который ярко горел у него в голове, невидимый за жестоким, изборожденным морщинами лицом. Этот свет подпитывался знанием, хранящимся там, – знанием, находящимся в полном распоряжении старика. В этой комнате хранилось не меньше пяти тысяч книг, плотными рядами, от пола до потолка, так что не было видно стен, расставленных на полках, и он мог, если бы захотел, процитировать на память любую строчку любой страницы любой из них и еще многих тысяч других.
По изменению ритма циркуляции воздуха и по присутствию в нем нового запаха он понял, что в комнату кто-то вошел, и определил, кто этот человек, еще до того, как тот закрыл дверь. Он тихо приветствовал гостя на языке, на котором могло говорить меньше тысячи людей на земном шаре.
И мистер Сароцини, приближаясь к постели, ответил на приветствие на том же языке. Он склонил голову в знак уважения, несмотря на то, что старик не мог этого видеть. И остался стоять. Сидеть в этой комнате не было разрешено даже мистеру Сароцини.
«Все мы чего-то боимся». Это была Девятая Истина, прекрасно известная мистеру Сароцини. Он боялся только одного: этого старика, лежащего в комнате, пахнущей старой кожей и истлевающей бумагой.
– Какие новости ты принес? – спросил старик.
– Два с половиной месяца. Опасность выкидыша почти миновала. Все хорошо. – Он мог сказать ему больше, но не сказал.
– Мы знаем пол?
– Нет, еще слишком рано.
Старик улыбнулся, будто наслаждаясь жестокой, ему одному понятной шуткой.
– Это будет девочка. Две тысячи лет они ждали мальчика, а мы дадим им девочку.
– Ты уверен, что это девочка? – спросил мистер Сароцини.

– Я
знаю.

– Ясно, – с сомнением в голосе сказал мистер Сароцини, поморщившись от того, как старик это сказал: резко, будто ударил хлыстом. Отсвет от свечи ползал по старческому лицу. Она давала света как раз столько, сколько нужно было, чтобы посетители не блуждали в потемках, и тусклый отсвет будто гладил пергаментную кожу. Когда-то это лицо впечатляло своей красотой, и до сих пор его черты несли в себе западноевропейскую гордость и аристократизм, несмотря на то, что поверхность лица усеивали темные пятна и наросты. И, несмотря на то, что мистер Сароцини смертельно боялся этого человека, любовь, которую он испытывал к нему, не уменьшалась, а, наоборот, росла с каждым годом.
– Когда ты придешь в следующий раз?
– Скоро. Когда будет что поведать.
– Тверд ли ты?
– Да, я тверд.
Именно этот ответ желал услышать старик.

Судя по голосу, Майлз Ванроу расстроился:
– Почему вы не позвонили мне сразу, как только это случилось?
В кабинет Сьюзан вошла Кейт Фокс с пачкой отпечатанных на компьютере листов, перетянутых резинками. Она что-то спросила, но Сьюзан не расслышала. Кейт Фокс пришла совершенно не вовремя.
– Подождите секунду, – попросила она Ванроу, затем, прикрыв рукой трубку, сказала Кейт, что сейчас придет к ней сама. После того как Кейт вышла и закрыла за собой дверь, Сьюзан извинилась перед гинекологом и сказала: – Я не позвонила потому, что было одиннадцать часов вечера. И потому, что был только один приступ резкой боли, который тут же прошел. Я подумала, что это какой-нибудь мышечный спазм, реакция на вчерашнее обследование.

– Вы не должны сами ставить себе диагноз, Сьюзан, и давайте договоримся: время дня или ночи не имеет значения. У вас есть все мои телефонные номера. Я
хочу,

> чтобы вы звонили мне – будь то в одиннадцать вечера, в три ночи или в пять утра. Единственное, что может меня расстроить, – это если вы
> не
> позвоните мне в одиннадцать часов вечера или в три часа ночи. Мы с вами в одной команде, вы и я, мы работаем вместе, и мы вместе пройдем эту дистанцию. Обещайте мне, что больше никогда так не поступите. Обещайте.

Сьюзан пробормотала невнятное извинение.
– Мне нужно это услышать, Сьюзан. Мне нужно, чтобы вы громко и отчетливо сказали: «Мистер Ванроу, всякий раз, когда у меня возникнут боли, даже самые слабые, или я почувствую, что что-то не так, или просто меня что-нибудь обеспокоит – и не важно, насколько сильно будет это беспокойство, – я позвоню вам и в одиннадцать вечера, и в три ночи, и в пять утра». Скажите это!
Сьюзан сказала. На аппарате мигал огонек второй линии, но она не обратила на него внимания.
– Ну хорошо, – сказал Ванроу. – Надеюсь, теперь мы лучше понимаем друг друга?
– Конечно.
– И боли больше не повторялись?
– Нет.
– Кровотечения не было?
– Не было.
– И совершенно никакой боли? Никакого дискомфорта?
– Никакого.
– Вообще никакой? Ни малейшего спазма?
– Ни малейшего.
Ну, почти никакой боли. Она слегка кривила душой, так как у нее не было времени ехать на прием к Ванроу. Живот все же немного болел, но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, от которой она с криком проснулась ночью.
Она не испытывала никакого беспокойства – Ванроу ведь обследовал ее только вчера и сказал, что все в порядке. Если бы что-нибудь было не так, он бы ведь наверняка сказал ей, разве нет?
– Наша следующая встреча назначена на среду, – сказал Ванроу. – Сегодня пятница. Это слишком долго. Думаю, вам лучше подъехать ко мне, и я быстро вас осмотрю.
Сьюзан уже жалела, что позвонила ему.
– Скоро у меня совещание.
– Сьюзан, этот ребенок важнее любого совещания.
Упрек был справедлив. Она почувствовала себя виноватой.
– Я знаю.
– В таком случае я настаиваю на том, чтобы вы приехали. Пожалуйста, возьмите такси и приезжайте прямо сейчас. Я приму вас сразу же, и через полчаса вы опять будете на работе.
Сьюзан повесила трубку, отхлебнула минеральной воды из стакана и сказала Кейт, что вернется через полчаса. Но она знала, что не вернется вовремя: на дорогах пробки, она будет отсутствовать не меньше часа, а то и больше.
Когда она уже была на пути к двери, позвонила секретарша и сказала, что на линии Джон.
– Пусть оставит сообщение, – сказала Сьюзан.
– Он просто хочет знать, как вы.
– Хорошо, – резко бросила Сьюзан. – Скажите ему, что за всю свою чертову жизнь я не чувствовала себя лучше.

Джон где-то слышал, что мыши предпочитают сыру шоколад. Он присел на корточки, насадил на спицу мышеловки маленький кусочек, взвел пружину и поставил мышеловку под стропило. За его спиной капли из водопроводной трубы равномерно падали в бак для воды.
Поставив мышеловку, он пошел дальше, удаляясь от единственной на весь чердак лампочки, освещая фонарем стропила, балки и – с особенным тщанием – темные провалы между ними, в поисках какого-нибудь Рембрандта, которого забыли здесь прежние хозяева. Ему не повезло: они не оставили ему абсолютно ничего.

Совсем рядом раздался какой-то звук, и Джон замер. Звук повторился. Ничего страшного, всего лишь птица. Джон обошел каминную трубу и нахмурился, увидев впереди тонкий луч дневного света.
Подойдя поближе и приглядевшись, Джон заметил, что черепица в этом месте выглядит более новой, чем везде. Может, прежние жильцы чинили эту часть крыши? Если да, то работа была сделана не на совесть, потому что одной черепицы не хватало.
Походив еще по чердаку, он спустился в люк и закрыл за собой крышку.

Стоял прекрасный субботний день, Сьюзан работала в саду. Она сомневалась, что Майлз Ванроу одобрил бы ее занятие: она собирала граблями листья, которые уже начали падать на газон. Вместе с листьями она подобрала с земли пару картонных коробок из «Макдоналдса», недоеденный сандвич, два пластиковых стаканчика и бумажный пакет – все это какой-то придурок перебросил ночью через забор, отделяющий сад от парка.
Буковая живая изгородь уже начала желтеть; как и листва в парке. Сьюзан ждала осени: она обещала быть очень красивой здесь, в окружении меняющей окраску листвы деревьев и кустов. В Англии смена сезонов чувствовалась гораздо острее, чем в Лос-Анджелесе, и Сьюзан это нравилось.
Она наклонилась, чтобы собрать листья и мусор, и боль без всякого предупреждения накинулась на нее. Будто проволокой рвали внутренности. Она закричала, упала на колени, прижала руки к животу, закрыла глаза.

У меня сейчас будет выкидыш.

– Сьюзан? Что случилось? – Джон в мгновение ока оказался рядом, но не знал, что делать. Она подняла голову и посмотрела на него, и он увидел, что ее зрачки неестественно расширены, а лицо приобрело восковой оттенок. Он положил ладонь ей на лоб – тот был влажным.
Она затаила дыхание, ожидая нового приступа боли. К такой боли нужно быть готовым.
– Сьюзан?
Она слышала его, но ответить не смогла.
– Сьюзан?
– Я в норме, – отозвалась она и опять затаила дыхание.
Он смотрел на нее с тревогой.
– Отчего это?
– Нерв. Или еще что-нибудь, – почти выдохнула она. – Потянутая мышца. Спазм. Газы. Легкий запор. Не знаю.
– Ванроу говорил, что у тебя опять могут быть боли?
– Да. Говорил. Могут быть.
– Спазмы?
Она кивнула. Ванроу заверил ее, что ничего аномального в ее организме не происходит, что это, скорее всего, спазмы, и прописал ей таблетки от них. Какие-то витамины – он, похоже, был большим поклонником витаминов. Она посмотрела в обеспокоенное лицо Джона, перевела взгляд на деревья. Ей становилось лучше: боль уходила так же быстро, как и пришла.
При упоминании имени гинеколога Сьюзан вспомнила, что, когда она позвонила ему вчера утром, он не был, против ее ожиданий, сильно удивлен тем, что у нее боли. Он будто ожидал, что они у нее будут. «Но в принципе он так и должен реагировать, – подумала Сьюзан. – Ему, наверное, каждый день звонит по сто пациенток, и он привык к их ежедневным жалобам».
– Все еще болит? – тихо спросил Джон.
– Нет, прошло.
– Лучше бы позвонить ему.
Сьюзан покачала головой:
– Нет, все уже хорошо. – Она неуверенно улыбнулась. – Ты был на чердаке? Расставил мышеловки?
– Уверена, что все хорошо?
– Да. Наверное, не стоило убирать листья. Ванроу предупреждал меня насчет физических нагрузок.
– Да. С этого момента выполняй все предписания врача.

Она кивнула. Затем их отвлек старикан сосед: в последнее время ему поплохело, и Джон с Сьюзан часто слышали, как он, обоссавшись, орет на жену, что его надо переодеть.
Сьюзан улыбнулась:
– По крайней мере, я не так плоха, как он.
– Ну, это пока.
– Спасибо большое.
Джон поцеловал ее и спросил:
– Сьюзан, ты, случайно, не знаешь, где отчет экспертизы дома, которую мы проводили?
– В папке со всеми документами на дом – в одной из стопок на полу твоего будущего кабинета. А что?
Джон отошел на несколько шагов назад, разглядывая крышу. Он пытался определить, в каком именно месте провалилась черепица.
– В нем есть раздел, посвященный крыше.
– А что там?
– Ничего. Одна черепица отвалилась, и все.
– Гарри-маляр. Он говорил, что знает какого-то мастерового. Позвонить ему?
– Лучше ляг отдохни. – Его взгляд снова притянуло к крыше. Он не был специалистом по кровлям, но что-то в этом чердаке не давало ему покоя. Что-то там было не так.
Но он и понятия не имел – что.

33

Арчи Уоррен сидел за своим столом в зале для заключения сделок компании «Леб–Голдсмит–Саксон», офис которой располагался на двадцатом этаже одной из высоток лондонского Сити. Стол этот был так себе – размером со складывающийся столик, какие бывают в пассажирских самолетах; места для ног под ним было катастрофически мало. Все, что на нем находилось, – это компьютерный монитор, клавиатура, два телефона, пепельница, пачка сигарет, золотая зажигалка «Данхилл» и бумажный стаканчик с кофе.
Как и у остальных шестидесяти маклеров, у Арчи к каждому уху было прижато по телефонной трубке, а его пальцы непрерывно наколачивали клавиатуру. Он торговал японскими ценными бумагами, покупая и продавая их своим клиентам: компаниям, банкам, пенсионным фондам и тем немногим физическим лицам, у которых действительно большое состояние.
Было шесть пятнадцать утра. Арчи сидел за своим столом уже час и десять минут и выкурил за это время две сигареты. Курение здесь было запрещено, но Арчи это запрещение ни в грош не ставил, как и Оливер Уолтон – соседний стол справа – и еще половина работающих здесь людей, которые тянули каждую рабочую неделю на грани нервного срыва. Арчи проворачивал в плохой день сделок как минимум на сто миллионов долларов.
В секции Арчи сидело шесть трейдеров. На компанию работало больше двух тысяч человек по всему миру, но Арчи с коллегами последние три года выдавал сорок процентов всего дохода компании. Никто не смел сказать Арчи Уоррену, что он не может здесь курить.
По экрану ползли имена клиентов и названия компаний-клиентов. По громкой связи объявили заявку из Токио:

> «Ямаичи покупает конвертируемые акции „Сумитомо“ на сумму десять миллионов долларов по цене 99,5 или ниже».

Когда токийский рынок закрылся, Арчи зажег третью сигарету и быстро проверил свои позиции, готовясь к предстоящим торгам в Лондоне. Он также пролистал список совершенных за ночь японских трансакций и заметил сделку стоимостью пять миллионов долларов, предметом которой были ценные бумаги компании, редко появлявшейся на рынке. Это привлекло его внимание. Название компании-клиента выглядело знакомо, хотя он ума не мог приложить откуда. Ферн-банк. Дилером был Оливер Уолтон.

Ферн-банк. Название вызывало какие-то ассоциации, но какие? Арчи зевнул. Может, если бы он вчера вечером не выпил столько портера, сегодня у него в запасе было бы больше мозговых клеток. Он повернулся к коллеге:
– Эй, Олли, что это за контора – Ферн-банк?
– Швейцария, – сказал Уолтон. – Частный банк. Частный-пречастный.
Арчи знал, что это означало.
– Серьезные игроки?
– Серьезней некуда.
Арчи откинулся в кресле и затянулся сигаретой, напрягая мозги изо всех сил. И вдруг вспомнил.

Джон сидел в своем новом БМВ. Он все-таки решил купить его – дела шли так хорошо, что он мог себе это позволить, не задумываясь о том, одобрит ли мистер Сароцини покупку.
Почти пять месяцев банкир напоминал о себе только краткими телефонными звонками раз в две недели, когда спрашивал исключительно о здоровье и настроении Сьюзан и не говорил и двух слов об отчетах, отражающих текущее положение дел в «Диджитраке», которые Джон регулярно отсылал, и замечал только, что они выглядят удовлетворительно.
Не вспоминал он и о своем обещании сводить Сьюзан куда-нибудь. За все время он ни разу не позвонил ей самой. Джон подозревал, что она несколько разочарована и находит такое поведение странным.
Хотя, может, мистер Сароцини и прав. Они с Сьюзан справлялись с ситуацией, только избегая разговоров о ней. Прошло уже пять месяцев, оставалось четыре, и все получалось, крышка сундука была закрыта. Джон восхищался стойкостью Сьюзан.
В итоге все сложилось хорошо. Они сохранили бизнес и дом. Смогли приобрести новую машину. Джон хотел купить машину и Сьюзан, но она была вполне довольна своим стареньким «пежо». А у него теперь есть кабриолет, о котором он так мечтал: темно-синий металлик, сиденья из кремовой кожи, кондиционер, полный набор игрушек – с некоторыми он сейчас возился, застряв в утренней пробке на Альберт-Бридж. На часах было семь пятнадцать, для пробок еще рано, но задержку создавали ведущиеся на мосту дорожные работы.
За последние пару месяцев на «Диджитрак» свалилось столько заказов, что Джону, чтобы справиться с возросшей рабочей нагрузкой, приходилось выезжать из дому на час раньше. Гарет же был на волоске от нервного срыва.
Джон нажал на кнопку на панели CD-магнитолы, и салон заполнил голос Фила Коллинза. Джон недавно видел по телевизору программу, в которой говорилось, что рок-музыка стимулирует работу мозга, и начал слушать ее каждое утро по дороге в офис. Он стал думать о наступающем Рождестве, до которого оставалось всего три недели. Где провести праздники? Что подарить Сьюзан? Обычные рождественские мысли. Но не совсем.
Он бы съездил покататься на горных лыжах, как в прошлое Рождество. Арчи пригласил их составить компанию им с Пайлой в Швейцарских Альпах, но пришлось отклонить его предложение из-за беременности Сьюзан. И в любом случае Сьюзан не хотела никуда ехать. И Майлз Ванроу хотел, чтобы она находилась поблизости от него, – и, скорее всего, он был прав, поскольку у нее не прекращались сильные боли. Сначала Ванроу утверждал, что это спазмы, но пару недель назад определил кисту яичника. Почему он раньше не мог понять, что это киста? Но это были не просто боли, они… Течение его мыслей прервал звонок мобильного телефона.
– В сквош сегодня играем? – спросил Арчи.
– Да. Корт я заказал.
– Только что обнаружил кое-что интересное. Этот твой банк, который тебя кредитует, – как он называется? Ферн-банк?
– Да.
– Оказывается, они клиенты нашей конторы. Как тебе совпаденьице?
Джон помолчал.
– Как получилось, что ты раньше этого не знал?
– Мы их обслуживаем всего пару месяцев.
– И что ты о них знаешь?

– Пока ничего. Хотел спросить тебя, что

ты
хочешь о них узнать.

– Ну… Мне кажется, это уже не важно. Я хотел их проверить до того, как залез с ними в постель.
– Ну да. Сейчас уже поздновато: они тебя уже натянули, и даже без гондона.
– Эй, что за сравнения!
– А что? – Об этой части сделки Арчи ничего не знал.
Связь вдруг ухудшилась. Стараясь перекрыть шум, Джон сказал:
– Нет, ничего. Все нормально.
– Ну… – Следующего слова Джон не расслышал. Дальше голос Арчи прорывался сквозь помехи: – Движение. Надо… – Затем: – В восемь. Пока.
Поток машин сдвинулся с места. Джон позвонил Сьюзан. Она наверняка еще дома – обычно она выходила около девяти часов.
– Привет, – ответила она. Судя по голосу, она была удивлена и довольна тем, что он позвонил.
– Слушай, – сказал Джон, – у меня тут появилась идея насчет Рождества. Нас же Гаррисоны пригласили, но, если честно, я не хочу, чтобы их подрастающее поколение испортило нам праздники. Может, съездим в какой-нибудь отель, проведем их там – где-нибудь за городом, но недалеко от Лондона.
Сьюзан долго молчала, потом сказала:
– Джон, это, конечно, хорошая мысль, но почему бы нам не устроить настоящий семейный праздник? У мамы и папы пока нет никаких планов. Может, сделаем им подарок, привезем их в Англию?
Сердце Джона упало, но тут же подпрыгнуло, когда Сьюзан добавила:
– Я подумала, что мама сможет помочь с малышом.
– Что?
– Мне кажется, она обрадуется, когда узнает… что скоро станет бабушкой. Будет очень здорово, если она пару месяцев поживет у нас после рождения малыша.
Джон не заметил, как светофор на выезде с моста загорелся красным, и слишком поздно нажал на тормоза. БМВ взвыл и остановился чуть ли не на середине перекрестка. Тронувшиеся на свой зеленый автомобили засигналили и замигали фарами, но Джон ничего не видел и не слышал, прокручивая в голове то, что только что сказала Сьюзан.
– Сьюзан, что ты имеешь в виду?
– Ну, часто же семьи, заводящие первого ребенка, так делают: приглашают матерей пожить с ними, присмотреть за малышом – у них ведь больше опыта.
Джон едва не сорвался на крик:
– Сьюзан, мы не оставляем ребенка! Как только он родится, мистер Сароцини заберет его. Господи, не впутывай в это свою мать, будет только хуже для тебя… для нас.
Ответа Джон не услышал. Джон подождал несколько секунд. Водители автомобилей объезжали его на малой скорости, сигналя и махая руками. Джон отнял телефон от уха и проверил, не прервалась ли связь.
– Сьюзан? – сказал он. – Алло!
В ответ раздался всхлип. И еще всхлип. Сьюзан плакала.

34

До работы Сьюзан добиралась на автобусе, потом на метро. У «Магеллан Лоури» негде было поставить машину, и в любом случае Сьюзан не имела ничего против таких поездок – они забирали у нее примерно час в день, – так как они давали ей возможность читать.
Но в это утро она не могла сосредоточиться на рукописи Фергюса Донлеви и угрюмо смотрела, как дождь чертит дорожки на окнах второго этажа двухэтажного автобуса. Донлеви излагал новую теорию постройки египетских пирамид и заявлял о существовании неопровержимых доказательств в пользу того, что ее осуществляли пришельцы с других планет.

Сьюзан чувствовала себя очень уставшей и какой-то растерянной. Работа по хозяйству чрезвычайно ее утомляла, и она дала объявление о найме прислуги. Пока на него еще никто не откликнулся.
Господи, сегодня только понедельник, впереди целая неделя, а она ничего не хочет другого, кроме как вернуться домой, свернуться калачиком на постели и заснуть. Она проснулась с незнакомой тупой болью в животе и теперь боялась, что та в какой-то момент сменится одним из этих жутких приступов. Она набирала вес, и это совсем ее не радовало, хотя Джон и говорил, что ему нравится, что ее грудь стала больше. У нее уже был виден животик. В последнюю неделю ее тянуло на горький темный шоколад. Сьюзан вытащила из сумочки плитку шоколада, отломила кусочек и положила его в рот, борясь с искушением вгрызться в плитку зубами.
В субботу они с Джоном собрались устроить вечеринку, и теперь Сьюзан подумывала, не отменить ли ее, – хотя изначально это была ее идея. Она хотела жить полной жизнью, не снижая активности из-за беременности, – ведь наверняка все женщины проходят через такие боли и усталость? И ведь они еще не праздновали новоселье.
Она вынула из сумочки свою старую записную книжку и стала просматривать список гостей. На ее прошлый день рождения Джон подарил ей электронную записную книжку, и она ею пользовалась, но все же предпочитала электронике своего испытанного, переплетенного в кожу друга. Они пригласили пятьдесят человек, но уже точно было известно, что двенадцать не смогут прийти. Значит, учитывая то, что еще неясно, придет ли Харви Эддисон с женой, им нужно накрыть стол на тридцать шесть – тридцать восемь человек. Сьюзан сказала Джону, что гинеколог слишком затягивает с ответом, и Джон обещал ему сегодня позвонить.
Обслугу для вечеринки уже наняли: официантов и еду брал на себя владелец тайского ресторана – будет цыпленок с лимонным сорго и тайское овощное карри. Напитки – красное и белое вино и австралийское шампанское – привезут в пятницу из «Боттом Ал» на условиях продажи или возврата. Они же предоставляют всю посуду.
Они с Джоном не сошлись во мнениях, стоит ли включить в программу танцы. Сьюзан была за, а Джон – против: половина гостей была связана с его бизнесом, и он хотел, чтобы на вечеринке было больше дружеского и рабочего общения. В качестве компенсации он накупил всякой мишуры, разноцветных лент, хлопушек, колпаков и петард.
Одним из минусов праздника будет то, что все будут поздравлять ее и спрашивать, когда родится малыш.
Она перевернула несколько страниц записной книжки и открыла список рождественских открыток. Она уже отослала все открытки в США – одну, самую большую, для Кейси. На этой неделе надо будет дописать все открытки для Англии. Найдя страницу с рождественскими подарками, она отметила про себя, что уже надо определиться, что покупать и где.
Она посмотрела на список подарков для Джона. Три книги, которые Джон хотел прочесть. Жилет под его смокинг. Викторианская бронзовая статуэтка лошади, которую она купила в антикварном магазине возле тайского ресторанчика, и набор «умных» мячей для гольфа, заказанный по каталогу технических новинок, – к мячам прилагался пульт, и при утере мяча можно было найти его по звуковому сигналу. Джон был бы расстроен, если бы среди его подарков не оказалось хотя бы одной электронной штуковины.
Кейси Сьюзан собиралась послать большой букет цветов. Что она подарит родителям – будет зависеть от того, приедут они или нет. Если не приедут, она подарит им уик-энд в Вегасе.
И затем она почувствовала в животе легкий толчок – будто напоминание о том, что есть еще кое-кто, кого тоже не следует забывать в это Рождество. Такие толчки начались всего несколько дней назад, и это было удивительное в своей новизне ощущение.
Она успокаивающе положила ладони на живот.
– Привет, Малыш, – сказала она. Она называла его Малышом потому, что не хотела звать его настоящим именем. Джон сказал, что, если они дадут ему имя – Элис, или Том, или Николас – как угодно, – это слишком привяжет их к нему.
– Это твое первое Рождество, Малыш. Как оно тебе? Ты уже написал письмо Санте?
О мистере Сароцини не было ни слуху ни духу с того самого утра после операции, когда он пришел к ней в палату. Она сказала Джону, что это ее ничуть не обижает, что так даже легче, – но в глубине души обижало. Обижало потому, что выглядело еще более сухо и по-деловому, чем требовалось.
Что же будет с Малышом, когда он родится?

Какая жизнь ждет его с мистером Сароцини? Каким отцом он, пожилой человек, станет ему? А что миссис Сароцини? Мистер Сароцини говорил, что у нее был рак и поэтому она не может иметь детей. Она до сих пор болеет? Или она светская львица, которая живет от банкета до фуршета и у которой нет времени на детей – настолько, что она предпочла, чтобы ребенка ей выносила другая женщина. Как те женщины, которые настаивают на кесаревом сечении, так как боятся растянуть во время родов влагалище? Без сомнения, у мистера Сароцини хватает средств на все ее сумасбродства – но если она не изменит стиль жизни и после появления Малыша? Не окажется ли так, что его будут держать в детской комнате особняка где-нибудь в Швейцарских Альпах и выносить к родителям раз в день?

Будто разделяя ее беспокойство, Малыш снова толкнулся в животе.

Автобус замедлял ход перед остановкой. Сегодня в нем было больше народу, чем обычно, – наверное, многие едут в город за рождественскими подарками. Из передней двери автобуса вышла беременная женщина. Сьюзан встретилась с ней взглядом, улыбнулась: «Я тоже!» Женщина не улыбнулась в ответ.

Ей вдруг ужасно, до слез захотелось домой – совсем как утром, когда позвонил Джон.

Ее отец и мать не стали знаменитыми актерами, и денег в их семье никогда не было достаточно, но все равно для них с Кейси они были хорошими родителями. Они всегда были рядом, когда было нужно, и дом никогда не был для Сьюзан местом, куда не хотелось возвращаться. Их не смогла испортить ни неудача в актерской карьере, ни даже трагедия с Кейси. Сьюзан знала, что они обрадовались бы, если бы у них появился внук или внучка. Она помнила, как они были разочарованы, когда вскоре после свадьбы с Джоном она сказала им, что они не собираются заводить детей.

И вот она беременна. Сьюзан хотела поделиться этим с отцом и матерью. Она хотела увидеть, как засветятся их лица, испытать чувство единения с ними, когда она разделит с родителями… что?

Радость?

Или Джон прав и это будет жестоко – зажечь в них надежду, чтобы потом сказать, что ребенка нет, что он родился мертвым? Может, правда ничего им не сообщать?

Нет, этого скрывать нельзя. А если они узнают от кого-нибудь, что она беременна? Или что была беременна и им ничего не сказала? Это будет еще хуже.

И как у нее вырвалась фраза о том, чтобы мать осталась в Англии и присмотрела за ребенком? Это вышло так естественно, будто она на самом деле верила, что это возможно.

Сьюзан покачала головой и подумала: «Да, Сьюзан Картер, ты и вправду не в себе».

Тем же утром, около одиннадцати, Сьюзан печатала отказное письмо автору рукописи, посвященной тому, как гены могут влиять на предрасположенность людей к совершению преступлений. Рукопись понравилась рецензентам, и стиль у молодого писателя, на взгляд Сьюзан, был неплох, но руководство сочло книгу, которая явно представляла собой переработанную докторскую диссертацию, слишком трудной для широкого круга читателей. Когда зазвонил телефон, она как раз пыталась придумать для отказа такую формулировку, которая не расстроила бы автора, а побудила бы его переписать книгу в более коммерческом ключе. Это была ее секретарша. Она сообщила, что на линии мистер Сароцини.

Все формулировки мгновенно вылетели у Сьюзан из головы. «Странное совпадение, – подумала она. – Я ведь вспоминала о нем всего час назад или около того».

– Я приму звонок через секунду, – сказала она и отпустила кнопку, вдруг почувствовав себя мешком с желе.

Она зачем-то пригладила волосы, затем оглянулась, чтобы убедиться, что дверь закрыта, и снова нажала на кнопку:

– Гермиона, соедини, пожалуйста.

Через мгновение она услышала голос, который нельзя было не узнать: приятный, вежливый, может быть, звучащий чуть суше и чуть более официально, чем раньше.

– Доброе утро, Сьюзан, – сказал мистер Сароцини. – Я звоню справиться о вашем здоровье. И, само собой, о здоровье ребенка.

– С нами обоими все хорошо, – выпалила Сьюзан на одном дыхании. – А как вы?

– Спасибо, хорошо.

Возникла пауза. Сьюзан искала, что сказать дальше. Она хотела задать мистеру Сароцини множество вопросов, но сейчас не могла вспомнить ни одного. Наконец она сказала:
– А ваша жена? Как она себя чувствует?
Мистер Сароцини, казалось, поколебался, затем ответил:
– Тоже хорошо, спасибо. – После короткой паузы он продолжил: – Пожалуйста, простите меня за то, что я не связался с вами раньше. Я ни на минуту не забывал о том, что мы собирались вместе посетить оперу и картинную галерею, но в последнее время дела потребовали всего моего внимания. Скажите, не свободны ли вы завтра или в среду в обед? Я хотел бы показать вам замечательную коллекцию импрессионистов. Насколько я помню из наших разговоров, вам нравится импрессионизм.
Завтра у Гермионы день рождения, и Сьюзан с Кейт Фокс собирались вытащить ее пообедать в кафе.
– Мне удобно в среду, – сказала она.
– Замечательно. В среду мне также удобнее, чем завтра. Я заеду за вами в двенадцать сорок пять.

35

На очередной редакционной летучке – они всегда проходили по средам – Сьюзан была невнимательна и рассеянна. Утром она не могла выбрать, что надеть к предстоящему обеду с мистером Сароцини, и толком уложить свежевымытые волосы, с которыми у нее обычно никаких проблем не возникало, – и поэтому опоздала на работу.
Ко всему прочему, вчера вечером Джон был невыносим. Он будто разозлился на то, что мистер Сароцини пригласил только ее, и с напыщенным видом, изображая банкира, ходил взад-вперед по спальне, зло высмеивал его манеры и акцент, а потом заставил ее заняться любовью, хотя ей и не хотелось. Казалось, он делал это только для того, чтобы подтвердить свои права на нее и показать, кто главный.
Когда ей позвонили из фойе и сказали, что ее дожидается мистер Сароцини, она надела свой темно-синий плащ и спустилась вниз. Она нервничала, как перед собеседованием при приеме на работу. Обычно она чувствовала себя уверенно в своем самом строгом костюме – черной двойке, дополненном белой блузкой с высоким воротником, заколотым серебряной брошью, – но сегодня ей было в нем как-то неуютно и неловко.
Мистер Сароцини, в длинном пальто из верблюжьей шерсти с бархатным воротником, выглядел на фоне стендов с недавно вышедшими книгами пришельцем с другой планеты. Кроме него, в фойе находился только иллюстратор – парень с конским хвостом, в свитере и джинсах. Он, по-видимому, тоже ждал кого-то, с кем договорился пообедать вместе. Банкир встретил Сьюзан вежливой улыбкой и холодным, почти до абсурда официальным рукопожатием.
– Очень рад вас видеть, Сьюзан, – сказал он и махнул рукой в сторону выхода. – Моя машина ждет снаружи.
Сьюзан поймала себя на мысли, что ей странно снова видеть этого высокого, хорошо одетого, обходительного, умудренного прожитыми годами мужчину и знать, что внутри ее растет его ребенок… их ребенок. Она внимательно рассматривала его лицо, старалась лучше понять его и запомнить. Ее мысли путались: этот человек был для нее то отцом ее ребенка, то превращался в незнакомца, которого она никак не могла соотнести с Малышом в ее животе.
В то время как они, сидя на заднем сиденье «мерседеса», разговаривали о погоде, о трудностях Великобритании с Европейским сообществом и о том, что по Лондону стало совсем невозможно ездить, Сьюзан думала о том, как будет выглядеть Малыш и какие черты мистера Сароцини он унаследует. Нос мистера Сароцини придавал его лицу что-то хищное и больше подошел бы мальчику, чем девочке. Но эти серые глаза были безупречны. Сьюзан хотела бы, чтобы у Малыша были такие глаза.
За обедом она продолжала рассматривать его, не оставляя попыток определить, сколько ему лет. Это по-прежнему было невозможно. Он улыбался – и выглядел на пятьдесят. Поворачивал голову вправо – на семьдесят. Наклонял голову и чистил перепелиное яйцо – на восемьдесят. Поворачивался влево – максимум на шестьдесят. Она поискала обычные знаки, выдающие

возраст человека, но кожа у него на шее не висела складками, на руках было совсем мало темных пятен, а на лице – одно, крохотное. Когда он улыбался, вокруг его глаз собирались мелкие морщинки, но в другое время их не было заметно. Его движения были наполнены скрытой энергией, беседуя, он активно жестикулировал, особенно если разговор касался искусства или музыки. И все же аура старости незримо окутывала его, словно поднявшаяся с земли тень.

Забыв о своем волнении, Сьюзан понемногу успокоилась. Как и в прошлый раз, когда они ужинали здесь вместе с Джоном, он оказался интересным и умным собеседником. Он рассказывал Сьюзан смешные истории из жизни выдающихся певцов – включая Паваротти и Марию Каллас, знаменитых дирижеров и великих композиторов. Казалось, в мире классической музыки нет такой вещи, о которой бы он не знал, и такой знаменитости, с которой бы он ни разу не встречался.

Сьюзан слушала с интересом, но вполуха, так как все время, пока он рассказывал, размышляла над тем, как спросить его о том, как будет воспитываться ребенок. Есть ей не хотелось, и она едва притронулась к своему супу.

Каким-то образом их разговор переключился на живопись. Мистер Сароцини поведал Сьюзан о том, как величайшие сокровища мирового искусства, награбленные нацистами во время Второй мировой войны, были незаконно распроданы в частные коллекции по всему миру. Также он рассказал несколько историй о подделках: о том, как некоторые из самых влиятельных и знаменитых людей в мире были обмануты, заплатив несколько миллионов за фальшивых старых мастеров или импрессионистов. Эти люди до сих пор скрывают, что их так надули.

Только к концу обеда, за кофе, Сьюзан удалось перевести разговор на ребенка и его будущее. За ним будет смотреть жена мистера Сароцини или они наймут няню? Это был первый из многих мучивших ее вопросов, и банкир ответил на него вежливо, но уклончиво:

– Мы как раз это обсуждаем.

То же или почти то же («Мы еще не решили») она услышала в ответ на вопросы о том, где ребенок будет жить, где будет ходить в школу, будут ли его крестить или приобщать к какой-либо другой вере. Все это, по словам мистера Сароцини, в данный момент «обсуждалось».

Сьюзан быстро поняла, что ей ничего не удастся узнать о том, что произойдет с ребенком после того, как он родится, и это обеспокоило и разозлило ее. Ей казалось странным, что мистер Сароцини, который так хотел завести ребенка, еще не знает, какая жизнь того ожидает. А это не только его ребенок, но и ее. Она мать, и, сколько бы мистер Сароцини ни заплатил, она имеет право спрашивать, быть в курсе всех дел и даже давать советы во всем, что касается будущего ребенка.

Мистер Сароцини встал со стула.

– Насколько я понимаю, Сьюзан, вы торопитесь. У вас ведь встреча?

– Да, в полчетвертого.

– Не беспокойтесь о ребенке. Ни о ком в мире не будут так заботиться, как о нем.

– Детям нужна не только забота, – сказала она, когда они выходили из дверей клуба. – Им нужна любовь.

– Ну конечно, – сказал мистер Сароцини. Шофер распахнул перед ним заднюю дверцу «мерседеса». – Любовь. Да. Уверяю вас, Сьюзан, у этого ребенка будет больше любви, чем вы можете представить.

Ее испугало то, как он это сказал. Она забралась в кожаное нутро машины. Дверца со стуком захлопнулась, отделив ее от яркого декабрьского света, и ей вдруг показалось, что она попала в склеп. Взглянув в лицо мистеру Сароцини, она обратила внимание, насколько жестче стали его черты, и испугалась еще больше.

«Уверяю вас, Сьюзан, у этого ребенка будет больше любви, чем вы можете представить».

Он может так говорить – у него хватит денег, чтобы устроить это. У него хватит денег, чтобы устроить что угодно. Сьюзан вдруг вспомнила то воскресенье в сентябре, когда она прочла в газете о смерти Зака Данцигера, и задумалась, нет ли тут связи. Она поскорей отогнала эту мысль, но взглянула в стальное лицо мистера Сароцини, и мысль сразу же вернулась. Это лицо так легко меняет выражение. Оно может выражать полнейшее дружелюбие, а в следующую секунду застыть ледяной маской. Насколько жесток мистер Сароцини?

– А сейчас, Сьюзан, мы посетим одного моего хорошего друга. Его зовут Эсмонд Ростофф. Может быть, вы о нем слышали?

Сьюзан задумалась. Это имя она слышала впервые в жизни.
– Нет, не думаю.
– Когда-то он был одним из величайших игроков в поло. Эсмонд Ростофф – это легенда поло. Одно время он был владельцем лучшей в мире команды. Вы, наверное, не следите за этим видом спорта?
– Нет, не слежу.
– Ему принадлежит конюшня сильнейших скаковых лошадей. Но он предпочитает держаться в тени. – Мистер Сароцини улыбнулся. – Но мы приехали сюда не затем, чтобы смотреть на лошадей. Эсмонд коллекционирует картины импрессионистов. Он дорожит своим уединением и показывает коллекцию только близким друзьям. Мне пришлось убедить его, что вы очень много значите для меня.
«Интересно, что он сказал про меня Ростоффу?» – подумала Сьюзан.
– Спасибо, – сказала она. Это могло означать и «спасибо, но я вынуждена отказаться». Растущее у нее внутри беспокойство отбило всякое желание смотреть на картины.
«Мерседес» остановился возле впечатляющего георгианского дома, расположенного недалеко от площади Белгрейв-сквер. Поднимаясь по ступенькам к входной двери, мистер Сароцини сообщил Сьюзан, что Эсмонд Ростофф является потомком последнего русского царя и владеет одним из самых ценных – а возможно, самым ценным – собранием работ ранних импрессионистов. Ни одна из доступных широкой публике галерей не смогла бы составить конкуренцию его коллекции. Он намекнул, что некоторые из картин, которые Сьюзан предстояло увидеть, были перед самой революцией тайно вывезены из России.
В ответ на вопрос Сьюзан, законным ли путем была приобретена остальная часть собрания, или она состоит из выкупленных нацистских трофеев, мистер Сароцини рассмеялся:
– Эсмонд Ростофф очень достойный человек, Сьюзан. Он аристократ голубых кровей. Ему незачем прибегать к незаконным или предосудительным средствам для того, чтобы получить желаемое.
Однако выражение лица мистера Сароцини подразумевало обратное. Подозрения Сьюзан усилились, когда их впустили внутрь дома. Дверь им открыл охранник-араб с глазами убийцы. В устланном красным ковром холле их встретил дворецкий и провел сквозь двойные двери в большую, удивительно красивую гостиную.

> Ни в одном доме, за исключением исторических памятников, находящихся в ведении Национального треста,
> [13]
> Сьюзан не видела таких комнат. На стенах висели великолепные картины старых мастеров: сцены охоты, портреты, натюрморты с дичью и фруктами. Комната была обставлена изящной антикварной мебелью. В ней было несколько кресел, две скамьи со спинкой – они стояли возле камина, банкетка и так называемое «кресло влюбленных» – кресло для двоих, – обивка всех этих предметов была приглушенного серого цвета, в тон с ковром и красивыми, с фестонами, портьерами на окнах. По стенам стояли шкафчики с застекленными дверцами и стеллажи с предметами старины, но ни перед одним из них не было натянуто оградительного шнура. В этой комнате жили!

В комнату вошел Эсмонд Ростофф. Трудно было представить человека менее похожего на русского дворянина. Он был несколькими дюймами ниже ее, с острым бледным лицом, волосами цвета соломы, которые выглядели измятыми, несмотря на то, что были густо намазаны гелем и зачесаны так, чтобы прикрыть лысину, и безупречной козлиной бородкой. Он был одет в синий кардиган с вышитым золотом значком яхт-клуба, рубашку с открытым воротом и монограммой, шелковый галстук, темно-синие брюки и черные замшевые туфли от Гуччи. Его запястья, пальцы и шея искрились драгоценными камнями. От него несло невыносимо сладким одеколоном.
– Дор-ро-гой! – приветствовал он мистера Сароцини. Такой ужасный акцент Сьюзан слышала впервые в жизни. Он порывисто обнял его и расцеловал в обе щеки не меньше полудюжины раз. – Я так ра-ад тебя видеть! – Затем он повернулся к Сьюзан: – Очень приятно с вами познакомиться, дор-ро-гая! – Он одарил Сьюзан рыбьим рукопожатием. – Мне сказали, вы крупный специалист по ранним импрессионистам. А? – Он заглянул ей в лицо своими глазами-

бусинами с таким видом, будто разделяет с Сьюзан какую-то тайну, не доступную больше никому. Эта претензия на интимность возмутила ее даже больше, чем рукопожатие.
Он был нелеп.
Как и в случае с мистером Сароцини, она не смогла определить возраст Ростоффа. На первый взгляд ему было около шестидесяти, но в действительности мог быть гораздо старше.
– Нет, я не специалист. Я просто люблю этот период, больше ничего.
– Могу я предложить вам вина?
Сьюзан беспокоилась о времени – было уже без четверти три.
– Нет, спасибо. Если можно, я только взгляну на ваши картины. Мне потом нужно спешить.
Он снова нашел ее глаза и взглядом показал, что владеет какой-то ее тайной. Может, он знает о ребенке? Сьюзан понятия не имела. Затем он вдруг подался вперед и пальцем ткнул в серебряную брошь на блузке.
– Оч-чаровательно, пр-росто очаровательно. Фамильная ценность?
– Нет. Подарок на день рождения от моего мужа.
Это была простая брошь, вычеканенное серебро с вырезанным по окружности орнаментом, однако он вцепился в нее так, будто это была самая ценная вещь на свете. Его лицо оказалось очень близко к Сьюзан, и она заметила, что в ушах у него было по бриллиантовой сережке. Он стал ей еще более отвратителен.
Когда он отпустил брошь, Сьюзан, следуя правилам вежливости, сказала:
– Эта комната очень впечатляет.
Он кивнул, наклонив голову так сильно, что могло показаться, что он кланяется.
– Вы о-очень добры. Я считаю, что здесь все нужно оживить, как и нас самих. – Он подмигнул мистеру Сароцини. Тот ответил легкой улыбкой.
Они проследовали за Ростоффом в лифт. В неторопливой, отделанной под старину кабине запах его одеколона настолько усилился, что Сьюзан замутило. Лифт, казалось, отсчитал больше одного этажа. «Неужели все друзья мистера Сароцини такие?» – подумала она. Судя по фамильярности, с которой они обращаются друг к другу, они должны быть старыми друзьями. Наверное, это и есть тот мир, в котором будет расти ее ребенок. Мир богатых, стареющих и, возможно, одиноких людей.
Что-то в Эсмонде Ростоффе напомнило Сьюзан о той грусти, какую она в свое время заметила в мистере Сароцини. Но этих людей сближала не только грусть, не только аура одиночества, но и что-то еще, чего она пока не могла определить.
Выйдя из лифта, они оказались в подземной картинной галерее, от которой у Сьюзан перехватило дыхание. Помещение, отведенное под галерею, было обширным и занимало, казалось, большую площадь, чем сам дом. По контрасту с наземным этажом интерьер здесь был решен в черном и кремовом мраморе и выглядел исключительно современным.
– Это зал Ван Гога, – сказал Эсмонд Ростофф, жестом приглашая Сьюзан пройти вперед.
Она не поверила своим глазам. Перед ней было около тридцати картин разного размера, не считая рисунков, черновых набросков и неоконченных холстов, и ни одну из работ она раньше не видела.
Может, подделки? Нет, это невозможно.
– Как?.. – сказала она, и ее голос сорвался. – Как вам удалось собрать такую коллекцию?
Ростофф улыбнулся, затем повел их дальше, в зал Моне.
– Я люблю красивые вещи, Сьюзан. Для меня это трофеи, напоминающие мне о трудных, но давно прошедших временах. – Он посмотрел на нее долгим понимающим взглядом. – Для меня они – дети.
Сьюзан почувствовала, что у нее начали гореть щеки. Полотна Моне были еще более впечатляющи. Сьюзан вдруг испугалась этого места. Все эти работы она видела впервые в жизни. Она изучала историю искусства в университете, и ей казалось невероятным, что она видит одновременно столько картин великих художников и не узнает ни одной. Это означало, что они очень долгое время не появлялись в поле зрения общественности. Большинство частных коллекционеров гордятся своими картинами и охотно одалживают их открытым картинным галереям. Если они этого не делают, то, вероятнее всего, какие-либо из их картин были когда-то украдены или присвоены в виде военной добычи. Некоторые из этих картин были вывезены из России в 1917-м. А остальные?

Ростофф не смотрел на картины. Он наблюдал за реакцией Сьюзан. «Именно так он получает удовольствие от своей коллекции», – поняла она. Скорее всего, сами работы ему глубоко безразличны – он наслаждается атмосферой таинственности, тем, что они у него есть и никто об этом не знает. Так дети хранят сласти под подушкой.

Она нервно взглянула на мистера Сароцини. Почему он привез ее сюда? Чтобы показать, какие могущественные у него друзья? Или он искренне полагал, что ей будет интересно посмотреть на картины? На
трофеи.

Она вдруг с испугом подумала о том, чем для него является ее ребенок. А что, если, как эти картины, Малыш для него всего лишь трофей, доказательство тому, что, если иметь достаточно денег, можно купить все, что захочешь? Даже саму жизнь.
Будто прочитав ее мысли, Малыш беспокойно толкнул ее в живот.
«Не волнуйся, Малыш, – подумала она. – Ты не станешь ничьим трофеем. Обещаю».

36

Лом Коток прибыл на взятом в аренду фургоне в субботу, в пять часов вечера, как раз тогда, когда Сьюзан уже ударилась в панику, решив, что улыбчивый ресторатор их подвел. Фургон был под завязку забит официантами и официантками, хотя Сьюзан заказывала всего двух. Она не смогла сосчитать, сколько народу выбралось из него, неся в дом накрытые крышками блюда. Коток с заговорщицким видом позвал ее в заднюю часть фургона, поднес палец к губам и стащил ткань, закрывающую какой-то предмет. Под ней оказалась ледяная скульптура лосося в прыжке.
– Подарок, – сказал он. – Будет хорошо смотреться на столе.
Она поцеловала его, чем привела в крайнее смущение.
– Спасибо большое. Вы так добры к нам. Мы это очень ценим.
– Вы хорошие люди, – сказал он. – В мире совсем мало хороших людей.
Барменом оказался сногсшибательно красивый молодой таец, смуглый и словно весь состоящий из улыбок. После трех попыток овладеть искусством применения специального фирменного штопора, который дал ему Джон, он сломал его, вонзив стальной кончик в подушечку большого пальца, и Коток отвез парня в больницу. Остальные бутылки Джон открыл сам, штопором, входящим в состав его многофункционального швейцарского ножа. Это оказалось тяжелым испытанием – он тут же набил себе мозоль на ладони и после раскупоривания всех бутылок долго ходил по дому, тряс рукой и все тянул ее в рот. К возмущению Сьюзан, во время своего брожения он слопал все хоть сколько-нибудь съедобные украшения на блюдах.
Гостей ждали в восемь. К половине восьмого вся мебель была отодвинута к стенам, музыкальный центр загружен компакт-диском с Моцартом, ледяной лосось был водружен в центр праздничного стола и смотрелся изумительно в окружении блюд из морепродуктов, с которых должен был начаться ужин. Вся когорта официантов и официанток, включая второго бармена, была тщательно проинструктирована.
Улыбающаяся обслуга расставила на каждой доступной горизонтальной поверхности вазы с орехами, более острыми, чем чилийский перец. Эти вазы напоминали схороненные в поле противопехотные мины. Сьюзан не решилась обидеть Котока, вернувшегося к тому времени из больницы, сказав ему, что они совершенно несъедобны и, более того, похоже, опасны для здоровья.
Без двадцати восемь, как раз тогда, когда Сьюзан ушла принять душ, позвонили в дверь. Через минуту Джон поднялся и сказал, что приехали Харви и Каролина Эддисон.
Бормоча ругательства, Сьюзан заметалась по спальне, лихорадочно одеваясь. Взглянув на себя в зеркало, она заметила темные круги вокруг глаз и стала замазывать их тональным кремом и пудриться.

Затем, к своему ужасу, она обнаружила, что ее любимое черное коктейльное платье стало ей мало. Задержав дыхание, она решительно влезла в него и как-то ухитрилась задернуть «молнию».

> Но толку было мало: платье сдавило тело, словно костюм для подводного плавания, и она сняла его, признав свое поражение. Решила придерживаться черного цвета и выбрала бархатный брючный костюм. Который тоже не подошел – она не смогла застегнуть крючки. Господи, сколько же я прибавила?

Наконец она откопала в шкафу старое платье с юбкой в складку. Оно смотрелось не слишком живо, но, по крайней мере, оно было черным и не старалось ее удушить. Поверх платья она надела пиджак с золотыми блестками, дополнила наряд массивными золотыми серьгами и шарфом с лабиринтовым орнаментом от Корнелии Джеймс, последний раз критически оглядела себя в зеркало и осталась довольна.

Она спустилась вниз и обнаружила, что прибыл телевизионный сценарист Марк Сент-Омер с другом Кейтом, подвижным юношей с будто пришпиленным к щеке локоном крашеных рыжих волос. Они болтали с вернувшимся из больницы барменом. Бармен с гордым видом выставлял перевязанный палец.

Сьюзан направилась к Харви Эддисону и его жене, которые одни стояли в углу гостиной, в то время как Джон, одетый в черный костюм и белую рубашку с воротником-стойкой, в кухне открывал бутылки с шампанским для бармена, который не мог это сделать сам из-за травмированного пальца.

– Сьюзан, ты замечательно выглядишь. – Харви Эддисон, держащийся в своей обычной чуть брюзгливой манере денди и одетый сегодня в клетчатый костюм а-ля принц Уэльский, с розовым галстуком на шее и кружевным платком, уголком выглядывающим из нагрудного кармана, одарил Сьюзан приветственным поцелуем. Затем Сьюзан прикоснулась щекой к щеке Каролины, не преминув восхититься ее черным жилетом с вышитым вручную серебряным узором.

– Рада, что тебе понравилось, – манерно протянула Каролина. При разговоре она едва открывала рот, будто это действие до смерти ей надоело. Из-за такой манеры говорить казалось, что ей наскучило все на свете. – Стоил целое состояние.

– Где ты его добыла?

– В магазинчике в Бьючамп-Плейс. Не скажу, сколько стоит, – добавила она на тот случай, если Сьюзан не расслышала предыдущую фразу.

– Не говори, – сказала Сьюзан, испортив Каролине торжество.

Каролина повернулась к мужу со слащавой улыбочкой, от которой Сьюзан передернуло:

– Дорогой, ты у меня такой лапочка. Ты никогда не запрещаешь мне тратить на одежду столько, сколько я хочу.

Гинеколог, который был занят своим отражением в зеркале над камином, не расслышал, что сказала его жена. Он поправил свои подвитые светлые волосы, собрал губы в куриную гузку, затем рассеянно переспросил:

– Что, дорогая?

– Я восхищалась тем, какой ты у меня щедрый муж.

– А. – Он еще раз оглядел себя в зеркале и повернулся к Сьюзан. – Извини, что рано приехали. Хотим успеть на еще одну гулянку. – И добавил, будто бы невзначай: – В Кенсингтонском дворце.

– Я рада, что вы смогли найти для нас время, – улыбнулась Сьюзан, и в ее голос пробралась непрошеная ехидца. Харви Эддисон не был ей другом, но она знала, насколько он важен для бизнеса Джона. И все равно и он, и его жена раздражали ее.

– Принцесса Маргарет, – сказала Каролина. – Она устраивает небольшую предрождественскую вечеринку. Нас приглашают каждый год.

– Хорошо. Тогда просто уедете, когда время станет поджимать.

В дверь позвонили. Одна из официанток впустила Кейт Фокс, которая пришла со своим мужем Мартином.

Сьюзан собралась уже пойти встретить их, когда Харви, отхлебнув игристого белого вина, сказал:

– Какой прелестный маленький домик.

> Сьюзан словно в живот ударили. Градус ее раздражения повысился на несколько делений. Как он может называть ее дом
> домиком,
> когда его дом раза в четыре меньше и ничем не отличается от жилищ миллиона лондонцев?

– Хочешь орешек? – спросила она, взяла ближайшую вазу и предложила орехи сначала Каролине – та отказалась, затем гинекологу. Тот зачерпнул полную горсть и отправил в рот сразу все. – Я рада, что вам понравился мой дом.
На его лице возникло удивленное выражение, тут же сменившееся ужасом.
– Ты столько всего сделала с тех пор, как мы были здесь летом, – одобрила Каролина. – Мне нравится цветовое решение – очень необычный оттенок белого. Такой теплый.
– Он называется «почти белый», – сказала Сьюзан. Она снова взглянула на Харви и с удовольствием отметила, что его лоб покрылся испариной. Он стоически дожевал орехи и проглотил их.
– Весьма острые, – сказал он, зажмурил глаза, на которые навернулись слезы, и лихорадочным глотком осушил бокал.
Подошла Кейт с мужем. Сьюзан отвлеклась, чтобы приветствовать и представить их. Прибывали новые гости – в прихожей раздевалась чета Абрахам и незнакомая ей пара. Наверное, этот тот человек из «Майкрософт», которого пригласил Джон. В дверях мелькнул Арчи Уоррен.
– Привет, Кейт! – сказала Сьюзан и согнулась от внезапно скрутившей ее боли. Не в силах двинуться с места, она зажмурилась, стараясь отогнать боль.
«Сейчас у меня будет выкидыш, – подумала она и, открыв глаза, беспомощно посмотрела на Харви Эддисона. – Господи, помоги, я сейчас потеряю ребенка».
Гинеколог наклонился к ней:
– Сьюзан? В чем дело? Что случилось?
Она застонала, затем, не в силах сдерживаться, закричала в голос. Боль усиливалась. Никогда в жизни ей не было так больно. Никогда в жизни.
Лицо Эддисона было всего в десятке сантиметров от ее лица – в его дыхании она различала острый запах только что съеденных им орехов и более мягкий запах вина.
Затем, когда она уже думала, что ее разорвет пополам, боль начала стихать. Через несколько секунд она исчезла.
– Я… в норме, – выдохнула она, еще не разогнувшись. Все смотрели на нее.
Джон был рядом.
– Сьюзан? Как ты?
– Уже лучше, – сдавленным голосом ответила его жена.
Харви взял ее за плечи и с искренним участием заглянул ей в лицо.
– Все прошло, – сказал он. – Все прошло, Сьюзан. Ничего страшного.
– Ребенок, – прошептала она. – Я подумала, что у меня выкидыш.
Глаза Харви расширились.
– Ты беременна?
Она кивнула.
– Какой срок?
– Почти пять месяцев, – ответил за нее Джон.
– Четыре месяца и три недели, – уточнила она.
– Я не знал. Тебе надо лечь, – сказал Харви.
– Ничего. Больше не болит. Все хорошо. Они… приходят и уходят. У меня наверху есть таблетки.
Харви с Джоном довели ее до дивана, и она села. Приступ высосал из нее все силы. Харви не отходил от нее ни на шаг. Его участие заставило ее пожалеть о сыгранной с ним злой шутке. Где-то слышались голоса, спрашивающие, что произошло. Джон приносил извинения, старался насколько возможно сократить неловкую паузу.
– Скажи, Сьюзан, – тихо сказал Харви, присев на корточки, так что его лицо оказалось напротив ее, – где точно болело?

Сьюзан объяснила, затем сказала, что, по мнению Майлза Ванроу, это всего лишь небольшая киста – не о чем беспокоиться.
– Майлз Ванроу лучший гинеколог Великобритании, но, Сьюзан, тогда у тебя не должно быть таких болей. Из-за небольшой кисты такого не бывает, если только… – Он спохватился и замолчал.
Она с беспокойством посмотрела на него:
– Если только – что?
Снова позвонили в дверь.
– Ничего, – сказал Харви. – Мне не стоит вмешиваться. – Затем он нахмурился. – Когда ты в последний раз была у него на приеме?
Она задумалась.
– Во вторник.
– Ты сказала ему о болях?
– Да.
Подошедший Джон вмешался в разговор:
– Ванроу не видел ее во время приступа. Я думаю, он просто не отдает себе отчет, насколько они сильные.
Сьюзан понимала, что ей нужно встать и прекратить портить вечеринку. Харви попытался удержать ее:
– Тебе необходимо лечь, отдохнуть.
Она покачала головой и поднялась.
– Со мной все хорошо. Лучше не бывает.

Кунц в своей аппаратной с беспокойством смотрел в монитор, настроенный на канал 4. Сьюзан встала с дивана и теперь встречала гостей. Он очень хотел бы обнять ее, успокоить. Он мог ясно чувствовать, как ей было больно, и то, что он находился от нее на значительном расстоянии, было сейчас еще более невыносимо, чем всегда. Также он ревновал – к этим прощелыгам, окружившим ее, к Джону, к гинекологу, посмевшему взять ее за плечи. Он чувствовал укол ревности всякий раз, когда она целовала очередного гостя. Для него было пыткой смотреть, как она страдает, но не меньшей пыткой – видеть, что ей хорошо.
Затем он увидел, как Харви Эддисон взял ее за локоть и тихо сказал:
– Сьюзан, завтра мы улетаем на Карибское море и вернемся только в начале января. Я не хочу наступать Майлзу Ванроу на пятки, но если тебе все же понадобится моя консультация, то позвони мне.

37

Внутри словно пальцем провели. Легко-легко. Это Малыш давал о себе знать.
Было темно. Часы возле постели показывали три сорок пять. Джон лежал на спине и тихо храпел, но это не раздражало Сьюзан – сегодня ей это даже нравилось, в храпе Джона было что-то успокаивающее, уютное.
Малыш снова толкнул ее.
– Привет, Малыш, – прошептала она. – Как ты там? Тебе понравилась вечеринка?
Ответом ей был еще один толчок, а точнее сказать, поглаживание – будто пальцем. С Малышом все было хорошо, и вечеринка ему явно понравилась. И теперь он старался сказать ей что-то, и, скорее всего, это было: «Я люблю тебя, мама».
– Я тоже тебя люблю, – прошептала она.
За окном шел дождь, мелкий и тихий. Где-то далеко выла сирена. Начавшись так плохо, вечеринка прошла на ура, и Сьюзан, зарядившись ее энергией, не могла заснуть. Все так обрадовались, когда узнали, что она беременна, так поздравляли ее, даже человек из «Майкрософт» с женой, которого она впервые видела. Кейт Фокс шутливо погрозила ей пальцем и сказала:
– Я знала, что ты вешала мне лапшу на уши, когда уверяла, что книга о беременности тебе нужна для подруги.

Никогда в жизни Сьюзан не чувствовала себя такой гордой, такой значимой.
Вчера было 11 декабря. В следующую субботу Малышу исполнится пять месяцев. 26 апреля все ближе. Малыш снова погладил ее. Он это знал.
Джон пошевелился.
– Сколько времени?
– Без десяти четыре.
– Голова болит.
– Наверное, это из-за бренди. Выпьешь пару таблеток парацетамола?
Он проворчал что-то одобрительное.
– Думаешь, все прошло хорошо?
– Да. Очень хорошо. Подружка Арчи очень ревнивая особа, ты не считаешь? Как только он заговаривал с другой женщиной, Пайла подходила и становилась рядом. Пару раз это происходило на моих глазах. Мне понравился твой знакомый из «Майкрософт». И его жена тоже.
– Том Рокни хороший малый. Эта сделка от нас не уйдет. А муж твоей подруги Кейт Фокс – Мервин – он просто пустое место.
– Мартин. Он очень скромный.
– Он глуп как пробка. С ним развлекаться – лучше уж смотреть, как краска на стене сохнет. Просидел весь вечер в углу, набивал брюхо, пил, никому и двух слов не сказал. Пару раз я хотел представить его гостям, а он стоял и только глазами хлопал. Что она в нем нашла?
– Понятия не имею. – Затем, поддразнивая, она сказала: – А ты не думаешь, что люди, глядя на нас, тоже удивляются, что мы друг в друге нашли?
– Ну, мы-то по крайней мере относительно нормальные.
– Думаешь? – спросила она.
– Г-х-х-х, – сказал он. Затем воспроизвел еще несколько звуков, которые, как он думал, присущи душевнобольным: – А-к-х-х-х, г-м-м-м, г-л-а-р-р-п.
Она захихикала:
– Что это с тобой?
– Содержательный разговор с Мартином Фоксом.
– А на что тогда похож бессодержательный?
Малыш вдруг резко толкнул ее, и она вскрикнула.
– Что такое?
– Малыш толкается. Хочешь посмотреть? – Она взяла его руку и положила себе на живот. – Чувствуешь? Привет, Малыш. Поздоровайся со своим п… – Она спохватилась, но слишком поздно.
Джон убрал руку.
– Может, лучше позовем мистера Сароцини?
Сьюзан промолчала, проклиная собственную глупость. Она не понимала, почему она это сказала, – это просто вырвалось.
– Извини меня, я не…
Джон молча вылез из постели и пошел в ванную. Сьюзан увидела, как там зажегся свет, и услышала шуршание бумаги и блистерной упаковки таблеток. Затем звук бегущей воды.
– Извини, – снова сказала она, когда он вернулся.
– Не извиняйся. Я заметил, тебе это доставляло большое удовольствие сегодня вечером.
– Я просто играла свою роль, – тихо сказала она, надеясь погасить его гнев, пока он не разгорелся. – Это было не так-то легко.
– А как, по-твоему, я себя чувствовал? Думаешь, мне легко было смотреть, как ты развлекаешься, и разыгрывать из себя будущего счастливого отца?
– Нет, конечно. Нам обоим было нелегко.
– Чепуха. Ты этим наслаждалась.
Она промолчала. Он был прав, и она не могла этого отрицать. Она не вспоминала о мистере Сароцини весь вечер. Она думала только о том, как хорошо быть беременной, когда тебя все поздравляют; как хорошо чувствовать себя нормальной, полноценной женщиной; как хорошо не объяснять в каждой беседе, что они с Джоном решили не иметь детей, и не завидовать другим женщинам, у которых они есть.

Из книг она знала, что про беременную женщину иногда говорят, что она теперь принята в семью. Так Сьюзан и чувствовала себя сейчас. Будто ее приняли в любящую и дружную семью. Она снова вспомнила про то, как в среду мистер Сароцини отвез ее к своему кошмарному другу, Эсмонду Ростоффу, для осмотра его склепа с картинами, и ее передернуло. Вернувшись после той поездки домой, она попыталась поделиться своими опасениями с Джоном, но он ничего не хотел слушать. Он сказал ей, что все, что произойдет с ребенком после того, как он родится, – не их проблема.
Он был не прав. И он не может считать иначе, поскольку это не его ребенок. Разве он может понять ее чувства?
Джон неожиданно сказал:
– Харви беспокоится о тебе. Он уедет на некоторое время, но сказал, что, если, когда он вернется, у тебя еще будут боли, он осмотрит тебя. В понедельник я позвоню его секретарше и запишусь на прием. Если боли пройдут, мы отменим прием.
– Джон, Майлз Ванроу лучший гинеколог в стране. Харви сам вчера это сказал.
– Харви говорит, что у тебя не должно быть таких болей. Он полагает, что Ванроу что-то пропустил.
– А ты не думаешь, что это неэтично – за спиной Ванроу обращаться ко второму врачу?
– Тогда скажи ему, раз ты так думаешь. Скажи ему, что ты собираешься обратиться ко второму врачу. Люди постоянно так делают, и ничего такого в этом нет. Я не допущу, чтобы ты так страдала. Я хочу, чтобы Харви тебя осмотрел.
– Хорошо, – с неохотой согласилась она.

Арчи курил последнюю сигарету перед тем, как выйти на корт для сквоша. За высокой стенкой заканчивалась игра: оттуда слышались возгласы игроков, удары ракетки по мячу и мяча о корт.
– Вечеринка удалась, – сказал Арчи.
– Вам с Пайлой понравилось?
– Ага. И рад был узнать хорошие новости о Сьюзан. Вы долго держали это в секрете.
– Немного беспокоились о том, как бы чего не случилось, – ответил Джон. – Сьюзан не хотела, чтобы кто-нибудь знал до тех пор, пока… ну, ты понимаешь…
– Пока не пройдет опасный период? Разумно. Теперь придется немного поменять стиль жизни – после рождения ребенка. Я думал, ты против того, чтобы населять этот мир новыми душами. Передумал?
– Так получилось, – промямлил Джон.
Арчи цыкнул сквозь сигарету и улыбнулся.
– Да? – Это прозвучало скептически. – Значит, ты не уступил ей? Сьюзан всегда казалась мне женщиной, которая умеет добиваться своего.
Пока Джон придумывал подходящий ответ, Арчи сменил тему:
– Этот твой Ферн-банк…
– Да?
Ворота на корт открылись, и из них вышли двое истекающих потом игроков.
– Мы закончили, – сказал один.
Арчи бросил сигарету на землю и раздавил ее ногой.
– Дурдом.
– Что ты имеешь в виду? – Джон двинулся следом за ним.
– Тип по фамилии Кунц. Знаком с ним?
Джон покачал головой и надел на запястье напульсник.
– Нет. Кто он такой?
– Их человек в Лондоне. Пришел сегодня в офис на экскурсию – хотел своими глазами посмотреть, кто мы такие. У него с головой не все в порядке – точно тебе говорю.
Джон забеспокоился:
– А что с ним такое?
Арчи вытащил ракетку из чехла.
– Этот Ферн-банк – частная контора, очень старый семейный бизнес. Ему, может, несколько столетий – в Швейцарии таких полно. Они действуют тихо, осторожно, прикрываются так, что о них и не знает никто, кому не положено. Играют только «голубыми фишками», за сверхприбылями не гонятся.

– Я думал, на рынке ценных бумаг все за ними гонятся.
– Кто-то – да, кто-то – нет. Значит, Кунца ты не знаешь?
– Нет. Я имел дело только с мистером Сароцини.
– Он у них главный. Или один из главных. Оливер Уолтон, мой собрат по цеху, который ими занимается, говорит, что и понятия не имеет, кто там всем владеет. Их тяга все засекречивать граничит с паранойей. Они теперь у нас одни из самых крупных клиентов, а у нас даже телефонного номера их нет. Представляешь?
– Еще бы не представлять. «Вам не нужно нам звонить – мы сами вам позвоним».
Арчи вскинул брови.
– Ладно. Теперь о том, почему дурдом. Этот Кунц – здоровенный парень, под потолок, плечи как у американского футболиста, выглядит головорез головорезом. Похож на вышибалу в ночном клубе, а не на банкира. Крутой костюм, пальцы в камушках. Так вот, он здоровается со мной, а потом читает мне стихи.
– Стихи?
– На латыни.
– Ты серьезно?
– Горация. Я прошел курс латинского языка уровня А, только поэтому и узнал. «Si possis recte, si non, quoqumque modo rem».
Джон улыбнулся:
– И что это значит?
– «Умножай свое состояние честными способами, если можешь, а если не можешь – любыми».
Джон расстегнул чехол на своей ракетке.
– Культурный человек. А что, собственно, в этом такого?
– В этом ничего такого. Вот в чем такое: он стоит у моего стола, глядит в монитор Оливера – тот показывает ему, как мы работаем. Я иду в туалет, а когда возвращаюсь, то не нахожу свою зажигалку.
Джон непонимающе посмотрел на него:
– Что?
– Мой золотой «данхилл».
– Пропал?
– Да.
– А она на столе лежала? Ты уверен?
– Она всегда лежит на столе.
– Может, на пол упала?
– Джон, я только что не разобрал стол на части. Прочесал всю чертову комнату. А кроме него, никого из посторонних тогда не было. Ни единого человека.
Джон едва подавил смех – ситуация показалась ему забавной, но он не хотел обижать Арчи, которому она явно такой не казалась.
Арчи, заметив улыбку, возмутился:
– Думаешь, это смешно?
Джон, улыбаясь еще шире, сказал:
– Ну да. Извини. Человек покупает у тебя облигаций на сумму пять миллионов фунтов и заодно крадет зажигалку.
– И он даже не мой клиент. Комиссионных я с него ни пенса не получу.
– И что ты сделал?
– А что я мог сделать? У него с нами пятимиллионный бизнес. Не мог же я его заставить вывернуть карманы.
– А ты не спросил его? Может, он прихватил ее по ошибке?
– Спросил. Он посмотрел на меня так, будто я – собачье дерьмо на дороге, и сказал: «Проз-зтите, но я не курю». – Арчи подбросил мяч в воздух и яростным ударом послал его через корт. Тот врезался в ограждение и упал. – Ну и дружки у тебя!

Новые владельцы собирались основательно повыкосить старые кадры «Магеллан Лоури», и каждый сотрудник мог получить письмо с уведомлением об увольнении.
До Рождества оставалось всего девять дней, на всех столах стояли поздравительные открытки. Художественный отдел развесил повсюду золотых ангелочков и мишуру. Кто-то поставил в коридоре большого Санта-Клауса, что-то объясняющего оленю Рудольфу. Однако настоящего веселья все равно не было. Каждый, кто работал в издательстве, думал: «Хоть бы не меня». Все с утроенным рвением стали ходить на вечеринки, где собирались люди, связанные с издательским делом, и старалась завести как можно больше полезных знакомств. В «Магеллан Лоури» должны были сократить сто должностей – а вообще в издательстве работало сто пятьдесят человек.
Одна Сьюзан не унывала. После Рождества она собиралась уйти в ранний декретный отпуск, а потом будь что будет. Она не знала, как повернется ее жизнь после рождения ребенка. Однако внутренний протест против того, чтобы отдать ребенка – мистеру Сароцини или кому-либо еще, – становился все сильнее.
Она погладила себя по животу.
– Привет, Малыш, – прошептала она. – Как ты сегодня? Ждешь Рождества? Я тоже! На выходных мы купим елку. Ты, конечно, ее не увидишь, но ты же поможешь нам ее выбрать, правда?
Малыш ответил легким ударом.
Открылась дверь, и вошла Кейт Фокс.
– Сьюзан, ты говорила, что вы с Джоном еще ничего не планировали на Рождество. У нас будет большое семейное торжество. Если хотите, присоединяйтесь к нам с Мартином.
Сьюзан тепло поблагодарила ее, представив, как отреагировал бы на это Джон:
– Это очень мило с твоей стороны, но мы едем в Котсуолдс к Гаррисонам и пробудем там неделю. Но все равно спасибо.
– Не за что. Но вы ведь все равно придете к нам в гости в начале нового года?
– Да, это было бы замечательно.
– Как младшенький сегодня?
– Не спит. Пихается.
– Ну ладно. Я, собственно, только затем и пришла, чтобы пригласить тебя к нам. А ты заметила, что, когда чувствуешь в первый раз, как шевелится ребенок, это будто кто-то гладит тебя пальцем изнутри?
Сьюзан кивнула:
– Да! Именно это мне и пришло в голову. Слышишь, Малыш? Ты меня будто пальцем гладил.
Малыш слышал.
– Ты разговариваешь с ним. Это очень хорошо, – сказала Кейт.
– Я знаю. Мне Майлз Ванроу говорил. И еще он сказал, чтобы я давала ему слушать музыку.
– Я ставила музыку всем моим детям.
– Я тоже начала. Малышу нравится Моцарт. Он предпочитает его року.
– Понимающий ребенок, – сказала Кейт.
– Да уж.
Кейт вышла, и Сьюзан опять погладила себя по животу.
– Слышал, Малыш? Ты понимающий ребенок.
Малыш легонько пихнул ее.
– Да, ты прав. Ты самый понимающий ребенок из всех.
Зажужжал звонок внутренней связи. Это был администратор, сообщивший Сьюзан, что к ней пришли.
Сьюзан ответила, что сейчас спустится, и зевнула. Она бы предпочла поспать, вместо того чтобы идти обедать с тем, кто ждал ее внизу, но ей нужно было задать этому человеку один вопрос. Усилием воли заставив себя подняться, она сказала:
– Малыш, тебе оказана большая честь. Ты приглашен на обед с очень известным ученым. Как тебе это нравится?
Малыш никак не отозвался.
– Понятно. На тебя не производят никакого впечатления известные люди. Это впечатляет. Я уверена, ты высоко взлетишь, когда вырастешь.

Очень известный ученый, одетый в твидовый пиджак и плотную хлопчатобумажную рубашку с открытым воротом, сидел напротив нее. После того как летом он безуспешно попытался поцеловать ее на набережной, между ними возникла напряженность, граничащая с холодностью, и Сьюзан не могла разобраться, потому ли, что она дала ему такой резкий отпор, или из-за того, что она продолжала вырезать целые куски из его еще не до конца переписанной рукописи.
Сегодня, однако, он был более расслаблен и похож на себя прежнего. Она сказала ему, что рукопись наконец обрела форму и что, по правде говоря, результат даже превосходит ее ожидания.
Затем, собравшись с духом, она сообщила, что после Рождества у него будет новый редактор.
– Почему? – спросил Фергюс, затем посмотрел на нее. – О, черт! Как же я сразу не понял. Это отвращение к кофе, сигаретному дыму, алкоголю – ты же беременна, верно?
Сьюзан кивнула. На его лице появилось испуганное выражение, и она вспомнила их летний разговор, когда он начал рассказывать ей о своем сне, но потом передумал. Она без всякой охоты ковырнула вилкой в тарелке равиоли с тунцом.
– Ничего себе! – вымученно сказал Фергюс. – Отличная новость!
– Спасибо.
– Твой муж… вы оба… наверное, вы очень рады.
Она отыскала глубоко запрятанную улыбку, извлекла ее на свет божий и скрылась за ней, как за маской.
– Да, мы рады.
– Когда это случится?
– 26 апреля.
– Может, это стоит отметить шампанским?
Сьюзан убрала с лица улыбку и покачала головой.
– Нет, Фергюс, спасибо. Не думаю, что это будет хорошо для ребенка. И мне сегодня еще нужно работать.
– Ну, один фужер.
Она улыбнулась:
– Это бесполезный перевод напитка. Мне сейчас кажется, что шампанское отдает металлом.
Фергюс заказал целую бутылку. Он пил и приходил во все более необузданное настроение: он хотел закончить рукопись к Рождеству и убеждал Сьюзан не бросать ее редактировать – даже если ее и уволят, не может же она целыми днями сидеть дома и разговаривать со своим животом, она же сойдет с ума.
– Разве нет? – спросил он.
– Ну, мы ведем очень интересные разговоры, – сказала она. – Я и Малыш.
Фергюс удивленно посмотрел на нее. Она произнесла это с таким чувством и так серьезно! Он нахмурился.
А затем он вспомнил те давние времена, когда его жена носила их сына. Тэмми недавно исполнился двадцать один, он сейчас в университете в Северной Каролине. Беременность вытворяет такое штуки с женщинами… У них вроде как крыша едет. Все дело в гормонах. Большинство из них после родов приходят в норму.
И он вспомнил кое-что еще, и это воспоминание было нестерпимо живым.
– Сьюзан, этим летом у нас был с тобой разговор, и ты сказала мне, что вы с Джоном приняли решение никогда не заводить детей. Мне любопытно, что же заставило вас передумать?
Она попыталась изобразить безразличное пожатие плечами, но получилось у нее плохо.
– Ну, просто передумали, а что?
Он испытующе посмотрел на нее:
– Просто передумали?
Она опустила глаза под его взглядом. Он не поверил ей, но правду все равно не сможет узнать. Однако в голове у нее зудел вопрос, который она уже некоторое время хотела задать ему, и для этого, похоже, настал подходящий момент.
– Фергюс, летом ты говорил мне, что тебе снился сон. Что-то связанное с тем, что я могу захотеть родить ребенка. Ты сказал, что, раз я не беременна, этот сон не имеет значения. Ты помнишь его?
Он помнил его так ясно, будто видел прошлой ночью.

Ребенок, новорожденный младенец, один в кромешной темноте. Он плакал – Фергюс и сейчас слышал плач. В этом плаче был ужас. Затем он увидел Сьюзан Картер. Женщина металась в темноте с факелом, звала, но не могла найти ребенка. Она молила Фергюса о помощи.

И он говорил ей во сне: нет, оставь его, не ищи, пусть он умрет.
Во имя Господа, пусть он умрет.

Но чего он добьется, рассказав ей это сейчас, кроме того, что испугает до смерти?
– Не помню, – сказал он. – Совсем не помню.
– Летом ты считал его важным.
Он замялся:
– Да нет, на самом деле нет.
– Ну, может быть, хоть что-нибудь помнишь?
И тут это случилось. Приступ, какого еще не было. Будто в живот воткнули штык и повернули. Она в шоке согнулась, ударилась о стол. От боли ее глаза чуть не выскакивали из орбит. Снова накатило, еще хуже. Ее фужер с шампанским упал на пол и разбился, но она этого не заметила. Внутри ее раскаленным добела железом ворочалась боль.
Фергюс был уже на ногах. Вокруг них собирались люди. Из общего месива голосов Сьюзан смогла выделить слово «доктор», затем «скорая помощь». Фергюс сказал «беременна». Послышалось слово «выкидыш».
Ее словно запустили с максимальной скоростью по «американским горкам». Ресторан кружился, все вокруг расплывалось. Она все время пыталась сказать, чтобы они звонили Ванроу, только Ванроу.
И затем, неожиданно, как это всегда случалось, боль прекратилась.
Головокружение утихло, оставив ее в поту и ознобе. Живот еще болел, но уже не так мучительно – просто тупая болезненная пульсация. Вокруг нее, столпившись, стояли люди. Среди них был Фергюс, официант, а также мужчина, который наклонился к ней и говорил, что он врач.
– Со мной все хорошо, – сказала Сьюзан. – Пожалуйста, не беспокойтесь. Со мной это случается. Это пустяки, у меня есть таблетки.
– И часто у вас бывают такие приступы? – спросил человек, назвавшийся врачом.
– Ничего страшного. Это небольшая киста. За мной наблюдает мистер Ванроу. Все в порядке.
Врач внимательно посмотрел ей в лицо:
– Майлз Ванроу? Он ваш гинеколог?
Сьюзан кивнула.
– В таком случае вы в хороших руках. Сегодня он вас должен непременно осмотреть.
– Да, я позвоню ему. Спасибо вам. Извините за беспокойство.
– Я отвезу тебя домой, – сказал Фергюс.
Она отрицательно покачала головой:
– У меня в офисе встреча с автором. Я не могу ее отменить.
– Здоровье важнее, – уперся Фергюс.
– Со мной уже все хорошо. – Она выдавила из упаковки две таблетки. Фергюс дал ей свой фужер, и она проглотила их, запив шампанским. Она надеялась, что они снимут боль.
Фергюс присел на краешек стула.
– У тебя правда киста?
– Она небольшая. Иногда мне немного больно от нее, но и все. – От шампанского Сьюзен слегка опьянела – она уже забыла, когда пила что-либо алкогольное.

– Это не
немного
больно, Сьюзан. Сколько это уже продолжается?

Она подумала, затем сказала:
– Около трех месяцев.
Фергюс сказал ей тихим голосом:

– Сьюзан, я, может быть, скажу сейчас не очень лестную вещь, но кто-нибудь уже говорил тебе, что ты ужасно выглядишь?
Она не нашлась что ответить – он был прав. Она была похожа на призрак. Призрак с темными кругами вокруг глаз. Не многие это видели, потому что она скрывала их под тональным кремом, но Фергюс все разглядел.
– Значит, Ванроу. Кажется, мне знакома эта фамилия.
– Он принимает роды у всех знаменитостей. Его имя часто появляется в газетах. – И, совершенно не думая, она добавила: – Мистер Сароцини настаивал, чтобы я наблюдалась именно у него, и ни у кого…
Она спохватилась и замолчала, не закончив предложения. Между ними разверзлась пропасть тишины. Мост через нее навел Фергюс, переспросив:

– Сароцини? Ты сказала –
Сароцини?

Что-то в его тоне заставило ее насторожиться.
– Да.
– Он твой врач?
Жалея о том, что сболтнула лишнего, она попыталась придумать подходящий ответ.
– Нет, он банкир. Он помог моему мужу. Он… он любит давать советы.
Фергюс вынул сигареты.
– Ты не возражаешь? Я буду стараться, чтобы дым до тебя не доставал.
– Да, пожалуйста. Дым меня уже не так сильно беспокоит.
Он прикурил и произнес по буквам:
– С-а-р-о-ц-и-н-и?
– Да.
– А имя?
Этот вопрос на мгновение выбил ее из колеи. Она поискала в памяти, затем сказала:
– Эмиль.
Его лицо напряглось – если только она этого не выдумала.
– Почему ты спросил? Знаком с ним? – спросила она.
– Просто это имя связано для меня с чем-то, вот и все. И потом, такую фамилию нечасто встретишь.
– С чем связано?
Нож снова повернулся внутри ее. Боль была не такая резкая, как раньше, и ей удалось удержать крик прежде, чем он сорвался с ее губ, однако Фергюс заметил.
– Сьюзан, тебе больно.
– Нет, все хорошо. Это просто спазм.
Некоторое время он молча смотрел на нее, затем тихо спросил:
– Как вы с мужем отмечаете Рождество?
– Тихо. Проведем рождественскую неделю в Котсуолдсе с семьей старого друга Джона – он был шафером у нас на свадьбе. А ты?
– Не знаю, еще не решил. Весь клан Донлеви съезжается на Рождество в Уотерфорд, но я не очень люблю подобные мероприятия. Может, поеду в Прагу или в Санкт-Петербург – куда-нибудь, где холодно, где настоящий снег, где Рождество действительно похоже на Рождество.
– Хотела бы я провести Рождество похожим образом, – сказала она и опустила взгляд вниз, вдруг спросив себя, как поведет себя Малыш через год или два, когда впервые увидит снег.
– Это будет мальчик или девочка? – спросил Фергюс.
– Я… решила, что лучше не знать. – Затем она сменила тему: – Фергюс, ты стал настоящим человеком-загадкой.
– Что ты имеешь в виду?
– Ну… Ты видишь сон, а потом вдруг не помнишь, о чем он, – или не хочешь мне рассказать. Слышишь фамилию Сароцини, которая вызывает что-то у тебя в памяти, и не хочешь говорить – что.

Фергюс выпустил в потолок струю сигаретного дыма. Она, превратившись в облако, повисела немного, затем ее понесло над головами посетителей кафе к трубе отопления. Пойманный горячим воздухом дым заклубился, словно прибойная волна.
– Сколько лет этому Эмилю Сароцини?
– Не знаю. Под шестьдесят. За шестьдесят.
Фергюс покачал головой:
– Вряд ли тут есть связь. Может, однофамилец.
– Фергюс, не говори загадками.
Он задумчиво стряхнул пепел.
– В двадцатых годах жил человек с таким именем. В то время о нем разное говорили. Что он занимается черной магией, исповедует сатанизм – все в таком духе. Он был связан с Алистером Кроули. – Фергюс улыбнулся. – Это было давным-давно. Человек тот давно умер. Твой друг-банкир, я полагаю, вполне жив?
– Ну да.
Он снова заговорил о книге, и Сьюзан не стала больше расспрашивать. Они никак не могли договориться насчет одной главы: Сьюзан хотела ее выбросить, Фергюс – оставить.
Через полчаса они стали собираться. Они не обратили никакого внимания на обедающего в одиночестве человека за соседним столиком. За едой он читал книгу в мягкой обложке. Он заплатил по счету и теперь тоже встал. Никуда не торопясь, он направился к двери, держась позади них.

39

Трава, белая от январского инея, похрустывала под ногами.
Утки, завидев одинокую фигуру, приближающуюся к пруду, загалдели и наперегонки бросились к берегу. Эта фигура была им так же знакома, как деревья, растущие вокруг пруда: мужчина в ботинках на резиновой подошве, пальто в мелкую клетку, надетом поверх черной сутаны, и с небольшой кожаной сумкой, перекинутой через плечо. Его преподобие доктор Эван Фреер.
Его преподобие снял с руки вязаную перчатку, взял из сумки горсть корма – зерна различных злаков – и рассыпал его рядом с водой, тихо выговаривая толпящимся и топчущим друг друга уткам:
– Эй, прекратите, успокойтесь. Здесь на всех хватит.
Затем он, как было заведено давным-давно, пересчитал их, проверяя, не погиб ли кто-либо из них со вчерашнего дня. Двадцать две. Хорошо.
Стояло прекрасное утро. За самыми дальними деревьями в легкой дымке была видна башня отеля «Хилтон» и другие здания, беспорядочно, по-лондонски, ломавшие линию горизонта. Они выглядели несколько сюрреалистично, будто пейзаж другой планеты. Парк был еще почти пуст: несколько человек совершали утреннюю пробежку, еще несколько выгуливали перед работой собак. Фрееру нравилась чистота раннего утра, его новорожденная надежда, не запачканная еще предстоящим днем.
Как бы он хотел, чтобы новое тысячелетие началось с такой же надежды.
Фергюс Донлеви знал, что он каждое утро после мессы приходит сюда, на берег пруда.
– С Новым годом, – сказал он, находясь еще на некотором расстоянии и за спиной священника.
Фреер обернулся, на полуповороте стал еще больше похож на Роберта де Ниро.
– Фергюс! И тебя с Новым годом. Я как раз о тебе вспоминал. Какое совпадение!
Фергюс, широко улыбаясь, пожал протянутую руку.
– Могу объяснить это совпадение в математических формулах, если у тебя есть пара свободных часов.
– Можешь, конечно, расписать мне это в формулах, но для меня оно все равно останется загадкой. И я уверен, для тебя – тоже.
Не преставая улыбаться, Фергюс вскинул брови, затем втянул голову в плечи – утро выдалось холодным.
– Значит, ты по-прежнему приходишь сюда каждый день. Привычка длиною в вечность.

– Бывают места и похуже.
Фергюс бросил взгляд на гладкую поверхность, где плавали тонкие, в лист бумаги толщиной, льдинки, на морозную траву, на изумительно красивые, одетые инеем деревья. Он вдохнул чистый, колючий от холода воздух, прислушался к пению птицы. Да, бывают места и похуже.
– Эван, мне нужно с тобой поговорить.
Фреер рассыпал еще горсть зерна. Утки поуспокоились: корма хватало на всех, им не нужно было толпиться. Его всегда было достаточно – но они никогда об этом не помнили. Фреер, не поднимая глаз от уток, ответил своим певучим голосом:
– И кажется, я знаю почему.
Фергюс удивился. Он засунул руки поглубже в карманы пиджака и стал ждать продолжения.
– Ты как-то пришел ко мне летом и рассказал о ребенке, который еще не родился.
– Да.
– У тебя было предчувствие, касающееся этого ребенка, верно? – Фреер бросил уткам еще корма.
Фергюс кивнул. Высоко над ними, тревожа тишину неба над Гайд-парком, пролетел вертолет дорожной полиции.
– Не у одного тебя, – сказал священник. – Другие источники также сообщают о чем-то подобном.
– Надежные? – спросил Фергюс.
– Включая Ватикан, – тихо ответил Фреер. – Многие высокопоставленные служители церкви в разных странах обеспокоены тем, что их прихожан тревожат сны и видения – всегда одни и те же сны и видения.
– На рубеже тысячелетий всегда активизируются всякого рода безумцы.
– Значит, ты безумец, Фергюс? – Фреер посмотрел на ученого с саркастической улыбкой.
– А ты как думаешь?
Фреер оставил вопрос без внимания.
– Посмотри на этих уток. Что ты видишь?
Фергюс едва удержался от того, чтобы сказать: «Оладьи, зеленый лук, нарезанные огурцы, соус „хойзин“». Однако время для шуток было неподходящее. Он внимательно посмотрел на уток: одни – окольцованные, другие – без отметок, просто прибившиеся. Что имеет в виду Фреер? Наконец он сказал:
– Невинность? Или какую-нибудь систему в том, как они клюют корм? Зависимость от священника, каждый день дающего им пищу?
– Почему ты не видишь просто уток?
Фергюс улыбнулся:
– Как ты думаешь, что видят утки, когда смотрят на нас?
– Непредсказуемость. Я кормлю их, и это их успокаивает. Они меня знают. Я хожу сюда уже много лет, за это время сменилось несколько их поколений, но как только я попытаюсь дотронуться до одной из них, сделать что-либо, выходящее за рамки нормального, – вот что произойдет.
Фреер присел, протянул руку к утке, и все они, хлопая крыльями и панически крякая, сорвались с места. Одни бросились к воде и поплыли, другие взлетели и тоже сели на воду.
Фергюс все еще не понимал, что хочет сказать ему священник.
– Выживание? Они воспринимают спокойно только то, что знакомо?

– Да, то, что знакомо. В их сознании существуют границы, демаркационные линии между тем, что знакомо и что нет. Если я пересекаю такую линию, сделав что-нибудь необычное, они пугаются и улетают. Для них это способ выживания, как и для большинства остальных представителей животного мира: бегство от опасности. Почему мы не поступаем подобным образом, Фергюс?

– Потому что мы находимся на вершине пищевой цепи. У нас больше нет таких реакций – мы лишились их в процессе эволюции. Мы боремся за свою территорию, защищаем свой угол.
Это был не тот ответ, которого ждал Фреер.

– Почувствовав угрозу, эти утки могут улететь в другую часть пруда. Или к другому пруду. Единственное время, когда они теряют мобильность, – это когда они растят утят; в остальное время они могут избежать встречи с тем, что им угрожает. – Он перевернул сумку и высыпал остатки корма на землю. – Проведи аналогию между прудом и нашей планетой, и ты поймешь, почему люди находятся в другой ситуации. У нас нет другой планеты, на которую мы можем улететь. Мы вынуждены оставаться на месте и встречать то, что нам угрожает.
Фреер не спеша повернулся и пошел от пруда. Фергюс держался рядом.

> – Я верю в непорочное зачатие. Ты веришь в то, что Иисус был доставлен на Землю пришельцами. Это нормально, Фергюс, я никогда с тобой по этому поводу не спорил – потому что мы оба
> верим.
> Мы верим, что родился человек – или прибыл пришелец из космоса, – воплощающий собой добро. Верно?

Фергюс поколебался.
– В каком-то смысле да.
На земле, освещенной ярким солнцем, искрился иней. Воздух был наполнен пением птиц. Они пели будто последний раз в жизни.
Фреер некоторое время шел молча, затем сказал:

> – Так вот. Если ты
> в каком-то смысле
> можешь принять идею доброй силы, разве ты не можешь принять идею злой силы?

– Летом я приходил к тебе и говорил об этом, – напомнил Фергюс.
– Я помню. Но ты ведь ученый.
– Это меня каким-либо образом ограничивает?
– Я этого не говорю. Совсем нет, даже напротив. Просто ты рационален. Мозг современных ученых перегружен научными фактами. Это их багаж, из-за которого они не могут передвигаться достаточно быстро. И тебе нужно избавиться от него. Ты сможешь? Сумеешь осознать то, что не может быть объяснено с помощью науки – по крайней мере, пока?
– Ты только дай мне камеру хранения достаточного размера – и дело в шляпе.
Фреер улыбнулся:
– Но ты будешь помнить о существовании этой камеры, на тебя будет влиять необходимость строить научные модели, ставить эксперименты, видеть лабораторное отражение жизни. Ты можешь по-настоящему освободить разум от этих оков?

> – Религия спрашивает:
> почему?
> Наука спрашивает:
> почему?
> Я не думаю, что между наукой и религией существует такая большая пропасть, Эван. Я считаю, что вопрос о том, как появился на Земле Иисус и кто он на самом деле был, не имеет ровно никакого значения. Важно то, что он сделал, что оставил нам. Важно его влияние, харизма. Он обладал силой, в которую верили люди – и верят поныне.

– И поступали согласно своей вере.
– Да, и до сих пор поступают. Что ты знаешь, Эван? Скажи мне.
Фреер прошел еще несколько шагов, затем остановился.
– Сейчас по всему миру возносится много молитв. В плохих местах. Плохие молитвы.
– Плохие молитвы?
– Ничего определенного, шляпу не на что повесить – но я и множество других людей очень обеспокоены. Осквернение церквей. Темные ритуалы. Все в таком духе.
– Смена тысячелетий. Благодатное время для фанатиков.
Фреер покачал головой:

– Все не так просто. Во всем этом присутствует точка сосредоточения, фокус.
– Ну да. Смена тысячелетий.
– Опять твой багаж. Не можешь оставить его. Обязательно отыщешь знакомый крючок, чтобы повесить на него что-нибудь новое. Без этого ты чувствуешь себя не в своей тарелке.
– Ладно. Позволь мне спросить у тебя кое-что. Я, собственно, для этого тебя здесь и нашел.
– Я так и знал, что совпадение, благодаря которому ты здесь оказался, все же имеет в своей основе причинно-следственную связь. – Священник улыбнулся. – Спрашивай.
– Тебе знакома фамилия Сароцини?
Фреер нахмурился.
– Так знакома?
– Эмиль Сароцини? Конечно. Это имя многим знакомо.
– Не доводилось услышать его недавно?
– Фергюс, он мертв. Умер давным-давно – не помню точно когда, где-то в сороковых.
– Может, у него были дети?
– Нет.
– Ты уверен?
– Да. Это единственная дарованная нам милость.
– Эван. – Фергюс поколебался. – Существует ли возможность того, что он еще жив?
Фреер покосился на Фергюса:
– Нет. Даже если бы она существовала, ему было бы… – Фреер задумался, – порядком больше ста: сто десять или даже больше.
Фергюс замолчал, вспоминая разговор с Сьюзан Картер, когда она сказала: «Мистер Сароцини настаивал, чтобы я наблюдалась именно у него, и ни у кого…» – и замолчала, как будто сболтнула то, чего не следовало.
Весь прошедший со времени того разговора месяц Фергюс пытался найти Эмиля Сароцини. Его ассистентка проверила телефонные директории почти всех стран мира, а также электронные варианты книг записей актов гражданского состояния и списки избирателей.
Последний Эмиль Сароцини – и на самом деле единственный, о котором удалось найти хоть какую-нибудь информацию, – покончил с собой во Флоренции в 1947 году, за день до того, как быть признанным трибуналом по расследованию военных преступлений виновным в многочисленных преступлениях против человечности. Этот Эмиль Сароцини уничтожил две тысячи итальянских евреев, искавших во время войны защиты Ватикана. Проведение этой акции он лично согласовал с Гитлером. Преступление если и не было санкционировано Ватиканом, то, во всяком случае, до сих пор существуют различные мнения о том, попыталась ли церковь вмешаться и предотвратить его.
– А ты знаешь эту историю? – вдруг спросил Эван. – О кремации Сароцини?
Фергюс покачал головой:
– Нет, не знаю.
– Его жгли в печи два часа. В гробу. Когда его вынули, ни на нем, ни на гробе не было ни единой отметины огня. Ни один волос не опалило.
– Я слышал, что произошло нечто странное, но не знал – что именно. А дальше?
– Служители в крематории до смерти перепугались. Они не соглашались отправить его обратно в печь, и в конце концов его просто похоронили в земле.
– Не забыли вбить в сердце осиновый кол? – спросил Фергюс.
Священник криво улыбнулся:
– Может, и не помешало бы. Немало людей полагало, что он – дьявол во плоти.
Они пошли дальше. К ним подбежал щенок спаниеля, звонко облаял их и побежал дальше. Раздался тонкий свист – это хозяин щенка свистел в собачий свисток.
– Этот Сароцини был фокусником-иллюзионистом, верно?
– Кем он только не был.
– Люди восприимчивы к чудесам. Особенно в странах, где религия сильна.
– Движущаяся статуя в Баллимене? Плачущие Девы Марии? Истекающие молоком Будды? Образы Богоматери, таинственным образом появляющиеся на стенах?
Фергюс кивнул.
– Может, он перекрыл газ. Для иллюзиониста не составило бы труда провернуть такой трюк: симулировать смерть, напугать парочку служителей крематория – сгустить ореол

таинственности вокруг собственной персоны. По крайней мере, перекрыть газ наверняка легче, чем выжить после двух часов пребывания в среде с температурой четыреста пятьдесят градусов Цельсия.
Выдержав паузу, Фреер сказал:
– Почему ты спросил о Сароцини?
– У меня есть ощущение насчет его.
– Ощущение?
Несколько шагов они прошли молча. Затем Фергюс тихо сказал:
– Да. Я не могу рационально тебе это объяснить, но я считаю, что Сароцини может быть еще жив.

40

– Сьюзан, что здесь происходит?
Джон стоял в прихожей, еще в шляпе, и глядел на детскую коляску – новую, в упаковке.
Из кухни вышла Сьюзан, в мохнатом свитере и мешковатых джинсах, с руками по локоть в муке.
– Привет, Джон, – сказала она, подошла к нему и поцеловала. – Прости за руки. Я делаю оладьи. – В последнее время ее тянуло на оладьи с кленовым сиропом. – Это подарок. Правда, красивая?
– И кто подарил?
– Мама. Ну, я так предполагаю. Ее сегодня днем привезли.
– Замечательно, – сказал он с сарказмом, снимая пальто. – Очень предусмотрительно с их стороны. Может, получится заменить ее на что-нибудь полезное, стул например.
Сьюзан посмотрела на коляску, потом опять на Джона и ничего не сказала.
– Уверен, что фирма без проблем заберет ее назад. На упаковке ее название.
– Я не… наверное.
– Ты сможешь отвезти ее завтра – у тебя теперь есть время. Давай я заброшу ее в твою машину. – Он заметил обиженное выражение у нее на лице. – Сьюзан, ну перестань! – Он обнял ее и легонько поцеловал в лоб. – Только не говори мне, что ты хочешь оставить эту штуковину.
Она молча смотрела на него, задыхаясь от обиды. Эта коляска так естественно смотрелась в прихожей, будто всегда здесь стояла. Дом с ней выглядел более наполненным.
– Сьюзан, ау?
Нет ответа.

– Сьюзан, нам
не нужна
коляска. Как только ребенок родится, мистер Сароцини заберет его. Таков уговор. Уверен, он сможет сам купить коляску. Я положу ее в твою машину. Хорошо?

– Хорошо, – прошептала она.
Но когда Джон наклонился, чтобы взять ее, Сьюзан вдруг охватила паника, как если бы он забирал что-то принадлежащее только ей, на что он не имеет никакого права.
– Джон… – начала она, и тут ее изнутри взорвало болью. Она схватилась за живот, закричала и сложилась пополам. Она кричала и кричала, падая на колени, скатываясь в клубок на полу, – кричала, кричала, кричала.
Джон опустился рядом с ней. Ему невыносимо было смотреть, как она мучается от этих ужасных приступов. А этот, похоже, был сильнее всех предыдущих.
– Сьюзан, может, вызвать скорую?
Она смотрела на него с ужасом и, кажется, не понимала. Все ее тело свело жестоким спазмом. Она непроизвольно зажмурилась и мучительно, протяжно застонала. Джону было так ее жалко, что он чуть не заплакал.
– Сьюзан? – позвал он. – Сьюзан? Я вызову скорую.
Она схватила его испачканной в муке рукой:

– Н-н-н-н. Н-н-н-н-н. – Она вдыхала воздух короткими болезненными глотками. Ее лицо приобрело мертвенно-серый оттенок. – Н-нет. Хорошо. Со мной все хорошо. Будет хорошо.
– Сьюзан, с тобой не все хорошо.

> Она забилась в конвульсиях, и Джон запаниковал, решив, что она умирает. В прошлом женщины часто умирали во время родов или беременности из-за осложнений. Наверное, это до сих пор случается.
> Господи, пожалуйста, не допусти. Сьюзан, пожалуйста, не надо.

Он едва осознавал, что молится.
Она сильно сжала его руку:
– Пожалуйста, не звони в скорую. Позвони мистеру Ванроу.
Она открыла глаза – испуганные глаза с сильно расширенными зрачками.
– К черту Ванроу, – сказал он. – Ясно? К черту этого мошенника. Уже несколько месяцев с тех пор, как у тебя начались эти приступы, он твердит, что это пустяки, какая-то небольшая киста. Я больше не намерен это терпеть. Я не доверяю этому типу. Пускай у него лучшая репутация в Галактике, но ты не должна так мучиться от болей. Я вызываю скорую.
– Уже проходит… проходит.
– Ты уверена?
Она кивнула:
– Я в норме. Они проходят. Они всегда проходят. Пожалуйста, я не хочу в больницу. Пожалуйста, Джон.
Что-то в ее голосе заставило ее послушаться.
– Харви Эддисон на этой неделе вернулся с Барбадоса. Я записал тебя к нему на прием. Завтра днем пойдем. И не спорь. Если он скажет, что с тобой все нормально, тогда хорошо, на этом эпопея закончится. Но нам необходимо узнать его мнение.
Сьюзан покачала головой:
– Нет, я в порядке. Уже ведь недолго, три месяца, я могу справиться…
И вдруг ее выгнуло дугой, она изо всех сил закричала. В глазах потемнело. Боль вернулась, и на этот раз внутри ее поворачивался не один нож, а два, три, четыре, бог знает сколько. Лицо Джона было близко, в его дыхании присутствовал запах жженой резины, а потом опять боль, будто у нее в животе разгорелась доменная печь.
Она закричала так громко, что ей показалось, будто в горле у нее что-то порвалось.
А потом она пришла в себя. Она лежала на спине, и ее ужасно мутило. Она запаниковала, решив, что ее отвезли в больницу. Но нет, она была на диване, в гостиной. Джон разговаривал по телефону.
Он говорил:
– Харви, я очень тебе благодарен. Я записался на прием у твоей секретарши и просто хотел еще раз уточнить. Ты в курсе? Отлично. Да, они определенно становятся сильнее. Она не разрешила мне вызвать скорую. Как твой отпуск? Хорошо. А Каролина? Хорошо. Ладно, завтра, в полпятого, у тебя в кабинете. Я сам ее привезу.

Врачебный кабинет Харви Эддисона располагался в реконструированном эдвардианском доме недалеко от Хампстед-Хай-стрит.
Гинеколог свернул на подъездную дорожку, припарковался рядом с табличкой с его именем, посмотрел в зеркало, не растрепались ли волосы, и выбрался из черного «порше-каррера», купленного на отчисления от продаж компакт-дисков с программой «Домашний доктор». Он нажал кнопку на брелоке – пульте управления сигнализацией, и автомобиль коротко просигналил и мигнул фарами, подтверждая, что сигнализация включена.
Несмотря на то, что для января на улице было тепло, Харви Эддисон мерз, привыкнув за неделю к теплому Карибскому солнцу. Но сегодня он был в хорошем настроении: от нарушения суточного ритма, мучившего его с момента возвращения с Барбадоса и до субботы, не осталось и следа, и он чувствовал себя свежим и бодрым.
К тому же с утренней почтой пришли хорошие новости. Письмо из Би-би-си. Его рейтинг возрос: 3,8 миллиона зрителей по сравнению с 3,2 миллиона в декабре. Для дневной

телевизионной передачи это было очень хорошо – черт, когда на Би-би-си-2 в прайм-тайм показывали «Секретные материалы», они собрали всего 6,3 миллиона.
Он быстро, чтобы избежать начинающегося дождя, который мог попортить прическу и замочить кашемировое пальто, шмыгнул в боковой вход, чтобы не идти через приемную. В холле он задержался, чтобы взглянуть на свое отражение в зеркале, – загар смотрелся замечательно, – затем прошел в те помещения, которые он снимал под врачебный кабинет и офис, и одарил Сару, свою секретаршу и медсестру, улыбкой «я хочу тебя» и призывным взглядом голубых глаз. Она ответила ему таким же взглядом – только карих глаз. Между ними натянулась невидимая нить, и их улыбки встретились посередине этой нити.
«Когда-нибудь мы с тобой… – думал он. – Когда-нибудь».
А она думала: «У тебя есть красивая жена, которую ты обожаешь, трое детей, которых ты тоже обожаешь, – что я из этого могу выгадать? Да, ты хорош собой, но хочу ли я оказаться с тобой в постели?»
И ответ, который она не хотела слышать и раз за разом запирала в дальнем углу своего мозга, был: «Да. Да, хочу. И кто знает, может быть, однажды…» Но не сейчас. Сейчас за работу. Весь день расписан по минутам.
– Доброе утро, – сказала она.
– Привет, красавица. Что там у нас на сегодня?
Она развернула журнал к нему, чтобы он мог прочесть. Он взглянул на дату – вторник, 11 января, затем просмотрел записи.
– На четыре тридцать записана Сьюзан Картер. Это жена Джона Картера.
– Да, я знаю.
– Когда она приедет, будь к ней повнимательней: предложи чаю, если я буду занят.
– Конечно. – Сара рассказала ему наиболее важные новости, напомнила о пациентке, которая вечером должна была родить. Сообщила о том, что звонили из Би-би-си – хотели договориться об еще одной встрече по поводу новой серии программ. Затем, посмотрев на него странным взглядом, она сказала:
– В приемной вас ждет человек, назвавшийся мистером Кунцем.
Гинеколог нахмурился:
– Кто он?
– Не знаю. Я подумала, он ваш знакомый. Он вас знает. Я ясно сказала ему, что вы никого не принимаете без предварительной записи, но он сказал, что не уйдет.
– Может, что-нибудь продает?
– Не думаю.
– Тогда кто он? Не тот же извращенец, который написал нам, что хочет покупать у нас все использованные перчатки?
Сара с улыбкой покачала головой:
– Он сказал, что вы поймете, что он пришел по важному делу, как только увидите его.
Харви покрутил пальцем у виска и шепотом спросил:
– Псих?
Она вежливо пожала плечами: «Откуда мне знать».
Неожиданно он ощутил тревогу. Кто такой этот Кунц? Частный детектив? Кто-нибудь из Службы рассмотрения жалоб пациентов? Он повесил пальто.
– Дозвонись до Салли Харворт. Когда, она сказала, у нее началось кровотечение?
– Сегодня утром, когда она проснулась.
Он открыл дверь в кабинет.
– Пригласить этого Кунца? – спросила она. – Или попросить уйти?
Он задумался на секунду и вспомнил, как много скелетов у него в чулане.
– Я уделю ему две минуты. Но не сейчас. Сначала поговорю с Сарой Харворт. Кто-нибудь еще дожидается?
– Нет. Ваш первый пациент опаздывает.
Через пять минут Харви Эддисон сидел за своим купленным в магазине антиквариата столом и дожидался посетителя. В кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, вошел высокий, крепко сложенный мужчина с хмурым лицом. Он был в длинном плаще поверх костюма с искрой и свитера с высоким горлом, дорогих лаковых черных туфлях. На плече у него висел кожаный портфель. Он не был похож ни на частного детектива, ни на торгового представителя. Он мог

бы быть игроком в американский футбол, если бы не окружающий его явственный ореол угрозы.
– Мистер Кунц, доброе утро. Чем могу быть полезен?
Кунц сел кресло для посетителей и поставил портфель на пол рядом с собой. Он некоторое время молча смотрел на гинеколога, затем заговорил с идеальным английским выговором, но неуклюже строя предложения:
– Мистер Эддисон, не знакомы ли вы с трудом Фомы Кемпийского, умершего в 1471 году?
Харви Эддисон, естественно, не был знаком с трудом Фомы Кемпийского и так Кунцу и сказал, решив, что этот мужлан явно псих. Он выставил бы его за дверь, но аура агрессивности в сочетании со впечатляющими физическими возможностями придавала посетителю вид опасного фанатика. Лучше с ним не связываться – неизвестно, что он может выкинуть.
Кунц продолжил:
– Фома Кемпийский сказал: «Гораздо безопаснее подчиняться, нежели править».
Эти слова были также Восемнадцатой Истиной, но Кунц решил, что Харви Эддисону этого знать не обязательно.
Эддисон никак не мог сообразить, к чему этот Кунц клонит. Он уже жалел, что согласился принять его. Своими следующими словами Кунц вообще выбил его из колеи:
– Мистер Эддисон, я обладаю отличным пониманием того, что вы занятой человек. Если мы договоримся и вы сделаете то, о чем я вас попрошу, вы никогда больше меня не увидите и не услышите. Я больше не появлюсь у вас на пути. Однако, если мы не договоримся, я разрушу вашу жизнь. Мы понимаем друг друга?
Эддисону пришло в голову, что Кунц может быть вооружен. Не позвонить ли Саре, чтобы она вызвала полицию? Или вызвать самому?
– Нет, – сказал он, стараясь сохранить самообладание. – Не думаю, что понимаю вас.
Кунц расстегнул портфель и достал конверт с несколькими фотографиями большого формата. Он разложил их в ровную линию на столе гинеколога. На них были изображены та же женщина и дети, которые улыбались с фотографии в серебряной рамке, стоящей у него на столе. Но на тот случай, если вдруг Харви Эддисон не узнал их, Кунц сказал, указывая пальцем:
– Это ваша жена Каролина, это ваш сын Адам. Это ваша старшая дочь Джессика, а вот это – девочка на велосипеде – ваша младшая дочь Люси.
Гинеколог нервно смотрел на фотографии. И жена и дети были темными от загара – значит, фотографии были сделаны совсем недавно. В груди Эддисона вскипела злость, пересилив его страх перед этим человеком. «Тронь мою семью хоть пальцем, – думал он, – и ты покойник, мистер Кунц».
Кунц взял со стола фотографию сына Харви Эддисона.
– Адам, – сказал он. – В воскресенье у него был день рождения, и вы приглашали в свой дом на Карлью-Гарденз кукольника, который представлял пьесу про Панча и Джуди. После праздника Адаму стало плохо, и вы сказали ему, что не следовало есть так много сладкого. У него аллергия на арахис. Всего один земляной орех может убить его. Верно?
Прежде чем Харви Эддисон смог вставить хоть слово, Кунц продолжил:
– Из-за вашей дочери Джессики вы плохо спали вчера ночью. Ее испугала гроза. В три пятнадцать она пришла лечь с вами с вашей женой. Вы рассказали ей сказку об овечке по имени Боря.
«Хорошо», – подумал Кунц, почувствовав, как резко усилился запах страха, исходящий от гинеколога. Это всегда его успокаивало. В этом запахе присутствовал и флюид злости, но интенсивность его была несравнимо ниже.
– Мистер Кунц, что, черт возьми, происходит? Угрожаете мне, шпионите за моей семьей. Что за игру вы ведете?
Кунц не обратил на его вопросы ни малейшего внимания.
– Мистер Эддисон, в вашей профессии существует традиция неразглашения врачебной тайны, известная как клятва Гиппократа. Согласно этой клятве, вы не можете говорить о пациенте ни с кем, кроме него самого. Я вынужден просить вас нарушить это правило. Она еще не ваша пациентка и не станет ею до четырех часов тридцати минут сегодняшнего дня. Мы поговорим о ней.
Харви Эддисон с трудом следил за мыслью Кунца, изложенной так витиевато и одновременно коряво.

– И кто она?
– Ее зовут Сьюзан Картер. Вы должны понять, в каком положении она находится, прежде чем примете ее.
Эддисон готов был сорваться, это было видно по его неровному голосу.
– Да ну?!
– Сьюзан Картер беременна, но Джон Картер не является отцом ребенка. Она выступает в роли суррогатной матери. За это семье Картер была выплачена крупная сумма денег. Я полагаю, это новые для вас сведения.
– Я вам не верю.
– У Сьюзан Картер яичниковая киста, которая иногда причиняет ей боль. Если бы она была обычной пациенткой, мистер Ванроу провел бы операцию по удалению этой кисты.
То, что говорил Кунц, было настолько странно, что помогло Харви Эддисону взять себя в руки.
– Что вы подразумеваете под «обычной пациенткой»? И что за чепуха про то, что она выступает в роли суррогатной матери?
– Вам придется поверить мне на слово, мистер Эддисон. Сьюзан Картер – особая пациентка. Как вы, без сомнения, знаете, такая операция несет в себе риск прерывания беременности. В данном случае мистер Ванроу не может пойти на такой риск.
– Я, конечно, не могу судить о пациенте заочно, но, мистер Кунц, операции по удалению яичниковых кист часто проводят женщинам при беременности. Поверьте мне, в этом случае риск для плода минимален.
– Как мне было объяснено, операция не может быть осуществлена не только из-за риска выкидыша, но также из-за того непоправимого ущерба, который могут нанести обезболивающие средства развивающемуся мозгу плода.
– Я не знаю, откуда у вас такая информация, мистер Кунц, но, при всем моем уважении, это смешно.
– Я пришел к вам не для того, чтобы спорить. Я хочу напомнить вам слова Фомы Кемпийского: «Гораздо безопаснее подчиняться, нежели править».
– Мистер Кунц, я звоню в полицию.
Кунц улыбнулся:
– Мистер Эддисон, я не думаю, что это лучшее, что вы могли бы сейчас предпринять. Сейчас вам необходимо сделать гораздо более важный звонок. Позвоните в школу Адама. Завтрак, который ваша жена дала ему с собой утром, когда он уходил на занятия. С ним произошла ужасная ошибка. Каким-то образом, мистер Эддисон, у вашего мальчика Адама, страдающего такой страшной аллергией на арахис, что из-за нее он может умереть в течение нескольких минут, в коробке с завтраком оказались бутерброды с арахисовым маслом.
Адам. Его вечно взъерошенные светлые волосы, никогда не гаснущая улыбка, страсть приносить домой всяких букашек. Адам, которого он поцеловал на прощание всего полчаса назад. Харви Эддисон посмотрел в глаза сидящему напротив мужчине и захотел убить его. Он чувствовал к нему такую сильную ненависть, что ее сдерживала бетонная дамба самообладания.
Кунц следил за тем, как Харви Эддисон сжал кулаки, как побелели у него костяшки пальцев. Он читал в его разуме, словно в открытой книге: этот докторишка хотел ударить его, но боялся. Он размышлял слишком долго и потерял момент, когда взрыв действия был возможен. Теперь его гнев растворялся в страхе за ребенка.
Кунц буквально дышал его страхом: он густым, вязким облаком висел в комнате. Не такая шикарная парфюмерная композиция, как у Сьюзан Картер, но тоже не лишенная приятности.
Харви Эддисон потянулся к телефону, но на трубке уже лежала рука Кунца.
– Мистер Эддисон, у вас достаточно времени. Адам сейчас на уроке географии. Темой урока является Серенгети. Вы бывали в Серенгети?
– К черту Серенгети!
– Вам необходимо разузнать что-нибудь о Серенгети, мистер Эддисон. Адам может спросить у вас что-нибудь, вернувшись из школы. Уверяю вас, там стоит побывать. Только нужно правильно выбрать сезон, чтобы не пропустить ежегодную миграцию антилоп гну – это зрелище произведет на вас неизгладимое впечатление. Но вы правы, мы не должны отвлекаться. Значит, Адам: после урока географии у него урок физического воспитания в спортивном зале. Затем он пойдет в душ и только после душа откроет коробку с завтраком. В четверть первого. Мистер Эддисон, у вас три с половиной часа для того, чтобы спасти его жизнь, и я предлагаю

вам простую сделку. Вы спасаете жизнь ребенка Сьюзан Картер, а я помогаю вам спасти жизнь вашему сыну Адаму.
Во время повисшей после этих слов паузы Кунц купался в запахе страха, пил его, впитывал его. Как всегда в подобных обстоятельствах, его мысли обратились к мистеру Сароцини. Он был так благодарен ему за происходящее. Так благодарен!
– И что вы хотите, чтобы я сделал для того, чтобы спасти жизнь ребенка Сьюзан Картер?
– Ничего, мистер Эддисон. – Кунц улыбнулся. – В этом вся прелесть. Это так просто. Вам не придется ничего делать. Вы проведете ультразвуковое сканирование и скажете мистеру и миссис Картер, что киста небольшая, а эти боли – да, они сильные, ничего не поделаешь, но они ни к чему страшному не ведут. Вся проблема не серьезней укуса насекомого. Вот и все, что вам нужно сделать. Очень просто.
– А если мне не понравится то, что я увижу во время сканирования, я должен заткнуться и жить дальше с грузом на совести?
Кунц достал из портфеля переносной видеоплеер, включил, вставил в него кассету и развернул экраном к Эддисону.
На экране появилась женщина лет тридцати, раскинув ноги, она лежала на кушетке в этой комнате – кабинете Эддисона. К ней, стоя на коленях, наклонялся полураздетый мужчина. Вверху экрана светилась дата: вторник, 9 января.
Кунц запустил пленку. Гинеколог смотрел с каменным лицом, а Кунц каждые несколько секунд проверял его реакцию.
Через некоторое время мужчина встал, собираясь взобраться на женщину. Камера четко показала профиль Харви Эддисона.
Кунц сказал:
– Эта леди – ваша пациентка. Ее зовут Шарлотта Харпер. Ее муж – кардиолог Киеран Харпер. Он один из ваших самых старых друзей – вы были шафером у них на свадьбе. Я считаю, что вашей совести, мистер Эддисон, не привыкать нести на себе груз.
Он выключил плеер. Ему пришлось подождать несколько секунд, прежде чем Харви Эддисон смог оторвать глаза от пустого экрана. Он посмотрел на Кунца взглядом загнанного животного.
– Я уполномочен передать вам еще кое-что, мистер Эддисон. Если вы сегодня не успокоите страхов мистера и миссис Картер, то это отразится и на остальных членах вашей семьи, и я не смогу этого предотвратить. Ваша хорошенькая дочь Люси будет обезображена кислотой, ваша дочь Джессика потеряет оба глаза, а ваша жена Каролина будет парализована от шеи до пяток. – Кунц засунул видеоплеер обратно в портфель, положил туда же фотографии. – Еще раз советую вам обдумать слова Фомы Кемпийского. Сейчас нам ваш ответ не нужен. Мы узнаем его сегодня в четыре тридцать.
Возле двери Кунц обернулся и добавил:
– И не забудьте позвонить в школу. Удачного вам дня.

41

Джон, опоздав, приехал домой, чтобы забрать Сьюзан и отвезти ее на прием к Харви Эддисону. У него было отвратительное настроение. День был тоже отвратительным: январь в самых худших своих проявлениях – всего четыре часа, а уже темно, дождь барабанит по матерчатой крыше автомобиля, из луж, раздавленных колесами, вода плещет на лобовое стекло, словно волна на волнолом.
Они с натугой двигались вперед по забитым машинами лондонским улицам. Сьюзан сидела на пассажирском сиденье с атласом на коленях и молчала, решив, что лучше его не трогать – может, он сам успокоится.
Ее молчание раздражало его. Она настроила приемник на радиостанцию классической музыки, и это тоже раздражало его. Какая-то тоскливая дрянь, виолончель, звучащая как ржавая воротная петля. Он переключился на другую станцию и сделал погромче – как раз передавали какую-то техно-роковую композицию. Затем бросил взгляд на Сьюзан. Если она скажет, что Малышу больше нравится классическая музыка, он расквасит ей морду. Но она ничего не сказала.

Несколько минут они ехали молча, затем он сказал:
– Ты вернула коляску?
Сьюзан ничего не ответила.
По радио началась реклама. Он убавил звук.
– Ты вернула коляску? – повторил он, выжимая скорость. – Тут должен быть поворот, следи за ним. Я всегда его проезжаю. Артур-стрит, сразу после Вэйн-Плейс.
– Вэйн-Плейс, – сказала она, глядя в атлас. Затем подняла голову, чтобы посмотреть на названия улиц по левую руку. – Я отвезу ее завтра – сегодня целый день идет дождь.
– Ты позвонила им?
– Кому?
– В фирму.
– Вот сейчас, следующий поворот налево. Сбрось скорость, ты его пропустишь. Сбрось скорость!
Они его пропустили.

Прижимая ультразвуковой датчик к животу Сьюзан, Харви Эддисон смотрел на экран и не верил своим глазам. Эта штука на экране – он повернул его так, чтобы ни Сьюзан, ни Джон ничего не увидели, – была размером с грейпфрут.
Она могла оказаться доброкачественным образованием или сложной злокачественной раковой опухолью. Без биопсии определить, что это, было невозможно – это означало операцию, которую Сьюзан Картер делать нельзя.
Харви Эддисон понимал, почему ее мучают приступы боли. Такое образование не находится все время в покое – иногда оно сворачивается, затем возвращается в первоначальное положение. Боль возникает, когда оно сворачивается. Само по себе это хотя и мучительно, но неопасно. Опасность возникает, если оно долгое время находится в свернутом положении, так как в этом случае блокируются питающие его кровеносные сосуды, что может привести к некрозу и гангрене. Харви Эддисон повернул регулятор монитора так, чтобы изображение на нем расплылось.
Подошел Джон и посмотрел на экран.
– Что ты нашел? – спросил он.
Гинеколог знал, что Джон не понимает, на что смотрит.
– Ничего, – сказал он, чуть повысив голос, чтобы Кунц услышал его через спрятанный микрофон. – Она слишком маленькая для того, чтобы ее можно было увидеть. Удивительно, как они могут быть иногда болезненны.
Он выключил монитор и разрешил Сьюзан одеваться, одновременно размышляя о том, что ей грозит.
Образование может оказаться злокачественным, и тогда, если его не удалить, оно убьет ее. Оно может омертветь – а Харви Эддисон видел явные признаки этого, – и тогда, если Сьюзан вовремя не госпитализируют, она потеряет ребенка и умрет от перитонита. Или оно может оказаться доброкачественным, и тогда ничего страшного не случится, за исключением того, что Сьюзан по-прежнему будет страдать от тупой боли в животе и приступов острой боли.
Сегодня 11 января. Роды 26 апреля. Если она сумеет выдержать боль еще два месяца, то он постарается убедить этого психа Кунца в необходимости кесарева сечения. Ребенку к тому времени будет восемь месяцев. Он будет недоношен всего месяц и с большой вероятностью выживет. Но два месяца такой боли? Бесчеловечно обрекать ее на это.
Он очень хотел узнать правду об этом ребенке. Неужели она действительно суррогатная мать? Это казалось невероятным, но, не располагая достоверной информацией, Харви Эддисон не решался судить. Надо будет как-нибудь расспросить Джона – с глазу на глаз, без лишнего шума.
И еще он хотел узнать, какую роль играет во всем этом Майлз Ванроу. Ведь не может же быть, чтобы он не увидел того, что только что видел Харви. Он тоже в лапе у Кунца?
Это возмутительно. Это незаконно. Весь медицинский опыт, каким обладал Харви Эддисон, свидетельствовал в пользу того, что кисту необходимо удалить. Он бросил взгляд на потолок. Весь обеденный перерыв он искал спрятанную камеру и микрофон, но ничего не нашел.
Он был напуган до смерти.

У Адама в коробке с завтраком действительно оказался бутерброд с арахисовым маслом. Каролина сначала не поверила, когда он позвонил ей, а потом сказала, что сын не мог принести бутерброд из дома, потому что в их доме не было ни арахисового масла, ни вообще ничего из арахиса – она тщательно за этим следит.
Надо бы поговорить с Ванроу – но не отсюда, здесь он под наблюдением. А что, если у Ванроу тоже установлена прослушивающая аппаратура?
Харви Эддисон сел за стол и ободряюще улыбнулся Сьюзан и Джону. Затем он сказал им, что беспокоиться нечего, что это небольшая киста – все в точности совпадает с диагнозом Майлза Ванроу. Лучше всего оставить ее в покое, а когда будет совсем плохо – принимать обезболивающие.
Провожая их, Харви Эддисон чувствовал глубокое отвращение к себе. Но ничего, все образуется: он скажет им правду, как только будет возможно. После работы он сразу поедет домой, возьмет в охапку Каролину и детей и поедет с ними в ближайший полицейский участок. Подобными делами должны заниматься власти.
Он принял всех запланированных на день пациентов и затем, в шесть десять – секретарши уже не было, – схватил пальто и вышел на улицу.
Оказавшись на исхлестанной дождем стоянке, он нажал кнопку на пульте-брелоке, и его черный как ночь «порше» мигнул фарами, издав короткий звуковой сигнал. Он открыл водительскую дверь. В салоне вспыхнул свет, и Эддисон, подпрыгнув от неожиданности, увидел, что на пассажирском сиденье сидит человек.
– Добрый вечер, мистер Эддисон, – сказал Кунц. – Как у вас прошел день?
Харви Эддисон стоял, не в силах шевельнуться. Он испугался. Он бы уступил инстинкту и побежал, если бы не понимал, что ни к чему хорошему это не приведет: Кунц знал, где он живет. Бегство ему ничего бы не дало, в отличие от спокойного разговора.
Он сел в «порше» и закрыл дверь. После улицы в машине оказалось на удивление тихо. «Как этот псих смог сюда забраться?» – подумал Харви. Сигнализация не была отключена – Кунц сидел в машине с включенной сигнализацией, и сенсоры не регистрировали ни малейшего движения.

Черт, да кто он, во имя всего святого, такой?

Кунц сказал:
– Вы неплохо поработали, мистер Эддисон. Я доволен вами. Когда я представлю отчет мистеру Сароцини, он также будет доволен вами. Меня беспокоит только одно – что именно, я объясню по дороге. Пожалуйста, заводите машину.
Гинеколог попытался оценить свои возможности, но не смог справиться с калейдоскопом мыслей, обрушившихся на него.
– Куда мы поедем?
– Я буду вас направлять. Мистер Сароцини обучил меня искусству ориентирования.
– Мистер Сароцини? Кто это?
– Здесь налево. У вас хорошая машина. У меня тоже немецкая машина, «мерседес». Я ею очень доволен. Я полагаю, в ней установлена более совершенная, чем у вас, звуковая система. Ваши колонки очень маленькие. Могу порекомендовать вам несколько моделей, очень хороших. Я вижу, радио у вас настроено на станцию, передающую классическую музыку, в то время как ваши колонки больше подходят для рок-музыки.
– Мне нужно ехать домой, мистер Кунц. У одной из моих пациенток через несколько часов начнутся роды. Я хочу поужинать, а затем поехать к ней.
– Этой леди повезло, что она в руках такого ответственного человека, как вы, мистер Эддисон. На этом перекрестке прямо. Мистер Эддисон, сегодня в обеденный перерыв вы остались в своем кабинете. Вы обыскивали его. Вы пытались найти микрофон? Камеру? Что бы вы сделали, если бы нашли их?
В голосе Кунца явственно звучали нотки, изобличающие безумство. Харви Эддисону стало еще страшнее.
– Я хотел понять, что вы обо мне знаете и откуда у вас фотографии.
– Любопытство – нечистое чувство. Это одна из Истин, мистер Эддисон.
– Простите?

– На следующем светофоре направо. Эти ваши действия – поиск камеры и микрофона – обеспокоили меня. Доверие должно быть абсолютным, мистер Эддисон.
Харви Эддисону в голову пришла дикая мысль: резко прибавить скорость, потом вывернуть руль, пустив машину в занос, и въехать пассажирской дверью в фонарный столб.
– Мистер Эддисон, вы понимаете необходимость очищения?
– Будучи гинекологом, я понимаю важность стерильности, чистоты.
– Не позволяйте мыслям о том, чтобы убить меня, поселиться у вас в голове, мистер Эддисон. Если эта машина попадет в аварию, то, вернувшись домой, вы обнаружите, что с вашей женой Каролиной и вашими тремя детьми – Адамом, Джессикой и Люси – произошло именно то, о чем я говорил с вами во время нашей предыдущей встречи. На следующем светофоре прямо. Из очищения может произрасти абсолютное доверие.
Кунц замолчал. Харви Эддисон с каждой милей пугался все сильнее. Они в молчании ехали на север по шоссе М-1. Когда они пересекли границу Бедфордшира и проехали еще несколько миль в глубь графства, Кунц приказал гинекологу свернуть с трассы.
Дальше дорога пролегала по сельской местности. Они проехали мимо знака, отмечающего поворот на неизвестное Харви Эддисону местечко под названием Брогборо. Освещенное, населенное автомобилями шоссе осталось за спиной, и страх Эддисона возрос еще больше. И еще больше – когда Кунц приказал ему свернуть на грунтовую дорогу, которая через несколько сотен ярдов упиралась в обширный заброшенный карьер. Фары выхватили из темноты стоящий на обочине «форд».
– Это моя машина, – сказал Кунц. – Спасибо за то, что подвезли. Пожалуйста, остановитесь рядом и заглушите двигатель. Мы же не хотим понапрасну загрязнять окружающую среду. Мы все должны заботиться об окружающей среде. Озоновый слой в атмосфере становится тоньше с каждым годом. Вас беспокоит проблема разрушения озонового слоя, мистер Эддисон?
Гинеколог выключил двигатель и дрожащим голосом заверил Кунца, что весьма обеспокоен проблемой разрушения озонового слоя. Затем добавил:
– Вы… вы же говорили, что у вас «мерседес»?
Его трясло от ужаса.
Кунц улыбнулся:
– Да, но он в Швейцарии, в Женеве. И думаю, это к лучшему – он бы испачкался на этой дороге. Пожалуйста, включите освещение салона.
Харви Эддисон сделал, как было велено. «Дворники» замерли, и дождевые капли быстро лишили прозрачности лобовое стекло. Доктор чувствовал себя так, будто находился в клетке, в ловушке. Кунц достал из сумки черный кошелек на «молнии». Внутри его оказался квадратный кусок картона, полый корпус от шариковой ручки и целлофановый пакетик с мелким белым порошком.
Не спеша, осторожно, выпуклой дугой Кунц высыпал часть порошка на картон.
– Это кокаин, мистер Эддисон. Вы ведь очень любите кокаин, верно?
Харви Эддисон был застигнут врасплох тем, что Кунц и это о нем знал. Но он твердо решил оставаться в трезвом уме, поэтому сказал:
– Я сейчас не хочу, спасибо.
Кунц, казалось, искренне обиделся.
– Мистер Эддисон, это награда за то, что сегодня вы так хорошо поработали. Пожалуйста, угощайтесь. У нас впереди целая ночь. Я специально взял его с собой для вашего очищения.
Темнота, изолированность, тишина. Господи, как получилось, что он оказался в такой ситуации? В Лондоне он еще мог что-нибудь сделать – мог убежать, закричать. Ведь мог же? Как глупо, что он оказался здесь, вдали от людей, один.
На глазах у него выступили слезы. Дети, Каролина. Что этому маньяку от них всех нужно? Что ему нужно от него?
– Пожалуйста, мистер Эддисон, попробуйте. Порошок исключительного качества. Уверен, что вы со мной согласитесь.
Руки у Харви Эддисона так дрожали, что он с трудом мог держать корпус шариковой ручки. Он нерешительно втянул в себя небольшую понюшку – и через пару секунд ему показалось, что все не так уж плохо. Внутри поднялась волна, сильная, мягкая волна. Эпицентром ее был сжавшийся желудок. Она охватила все его тело. Чистое, невероятное наслаждение, такое сильное, что казалось, оно содержится в выдыхаемом им воздухе. Секс, чистый оргазм, но не

кончавшийся, а все усиливающийся, волнами проходящий по каждой частице тела. Волна за волной, все мощнее.
– Невероятно! – выдохнул он. – Господи, это невероятно!
Кунц кивнул. Он был рад. Он был счастлив. Он предложил Эддисону еще понюшку.
Гинеколог покачал головой.
– Пожалуйста, – сказал Кунц. – Сделайте это для меня. Вам станет гораздо лучше.
Харви Эддисон и сам уже не хотел останавливаться. Порошок был очень хорошим – такого он никогда не пробовал. Он приблизил корпус ручки к левой ноздре, заткнул правую, нюхнул. И снова невероятная волна наслаждения пронеслась по его телу.
Единственным, что не нравилось Кунцу, было то, что исчез острый, пряный запах страха, исходивший от гинеколога. Но это была малая цена за очищение этого человека. Харви Эддисон нуждался в очищении для достижения абсолютного доверия.
Чтобы достичь его, Харви Эддисон должен на собственной шкуре познать Пятую Истину, гласящую: «Очищение возможно только путем уничтожения».
И скоро он объяснит это гинекологу.

42

Сьюзан сидела перед компьютером, глядела в окно и составляла список дел. «Обои», – вспомнила она и записала это в файл. Затем: «Коляска». Курсор монотонно мерцал на экране, тихо шумел охлаждающий процессор вентилятор. «Гимнастика для беременных», – добавила она в список.
Дождь не прекращался всю ночь. Сад, напитавшись водой, поник. Буковая изгородь облетела, на газоне тут и там валялись опавшие с деревьев сухие ветки и принесенный ветром мусор, который при особенно сильных порывах приходил в движение и начинал кружиться по саду.
Возвращаясь в обед из магазина, Сьюзан видела, как старикана соседа увозила скорая. Она так и не узнала почему – его жена, миссис Мерриман, не открыла дверь, когда несколькими минутами позже Сьюзан постучалась, чтобы спросить, не нужна ли ей какая-либо помощь.
Была пятница. Она была рада, что завтра выходной и Джон будет дома. Она также была рада тому, что Фергюс Донлеви все же уговорил ее редактировать его рукопись – она и не представляла, как ей будет не хватать привычной, стимулирующей ум работы и общения с коллегами.
Несмотря на то, что она могла приглашать нескольких имевшихся у нее подруг на завтраки или обеды, завершающиеся долгим сидением за чаем или кофе; и на то, что у нее была целая тонна книг, которые ей хотелось прочесть; и на то, что ее день разнообразили телевизионные программы и радиошоу, – она никак не могла привыкнуть проводить целые дни одна.
Будто чувствуя ее настроение, Малыш сегодня беспокоился: ворочался, пихался и даже, кажется, представлял небольшие акробатические номера. Из музыкального центра звучал Вивальди – «Времена года». Малыш по-прежнему предпочитал Моцарта, но, кажется, приходил к мысли, что и Вивальди не так уж плох.
– Вивальди хорош, верно, Малыш? – тихо спросила она.
Ответа не последовало.
– Малыш, ты спишь?
По-прежнему никакой реакции.
– Правильно, поспи. Хотела бы я спать столько же, сколько ты. Как было бы хорошо уснуть и проснуться 26 апреля…
Она замолчала, потому что не была больше уверена в этом. Она думала о многом в эти дни, и некоторые мысли возвращались по многу раз. Она не могла ничего с этим поделать – будто кто-то нарочно вкладывал их ей в голову.
И самой навязчивой среди них, той, которая постоянно присутствовала на задворках сознания и от которой никакими силами нельзя было полностью освободить голову, была мысль о том, каким отцом станет Малышу мистер Сароцини.
И еще она плохо спала, несмотря на то, что постоянно чувствовала усталость. В последнее время ей снились странные сны. Последний сон она запомнила – он до сих пор пугал ее.

В этом сне она бежала по огромному дому, каждая комната которого была выкрашена черным. Она никак не могла найти своего ребенка и бросалась от комнаты к комнате, но все они оказывались пустыми. Затем в одной из комнат она встретила мистера Сароцини. Он улыбнулся ей и сказал, чтобы она не беспокоилась – с ребенком все хорошо. Но она ему не поверила.
Она поискала объяснение этого сна в нескольких книгах-сонниках, но они толковали его по-своему и ничего не проясняли. Да и, по правде говоря, ей не нужно было растолковывать этот сон, чтобы понять его: в душе она точно знала, что он означает. Она просто цеплялась за соломинку, надеясь, что его можно истолковать как-нибудь по-другому.
Она щелкнула мышью и, войдя в поисковую систему, напечатала слово «суррогатный».
Появился список заголовков:

ЦЕНТР СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ДОНОРСТВА ЯЙЦЕКЛЕТОК.
ЦЕНТР ТРАНСПЛАНТАЦИИ ЯЙЦЕКЛЕТОК.
СЕТЬ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА.

Она просмотрела первые десять заголовков, затем следующие десять и после получаса блуждания по ложным ссылкам наткнулась на алмазную россыпь: «Суррогатное материнство. Закон».
Под заголовком был список из сорока тем. Внимание Сьюзан сразу привлекли две из них. Она проверила первую. Тема содержала ссылки на судебные протоколы всех дел о суррогатном материнстве, слушавшихся в судах США и Великобритании.
Затем она проверила вторую тему и обнаружила, что это справочный канал, посвященный вопросам суррогатного материнства. Это было как раз то, что она искала.
Она сочинила электронное письмо, напечатала его, внимательно прочитала и ввела команду отправки. Затем, на тот случай, если Джон вернется домой неожиданно, она стерла письмо с экрана.
В этот момент зазвонил телефон. Это был Джон.
– Харви Эддисон, – сказал он. – Мне только что звонила Каролина.

Кунц сидел перед экраном в своей квартире в Эрлс-Корт и наблюдал за тем, как Сьюзан печатает на компьютере. Ему нравилось, что играет Вивальди. Это хорошо – ставить музыку для ребенка. Кунц одобрял это. Но из-за сильного свечения экрана компьютера он не мог разглядеть, что именно Сьюзан печатает. Она зашла в Сеть, но Кунц не знал, что она ищет, а по ее действиям этого нельзя было понять.
Но зато кое-что можно было понять по ее лицу. Кунцу не нравилось его выражение, совсем не нравилось. Оно его беспокоило.
– Сьюзан, – тихо сказал он. – Надеюсь, ты хорошо себя ведешь.
Микрофон улавливал щелчки клавиш. Сьюзан печатала быстро, всеми пальцами. Кунцу это нравилось – у нее был такой уверенный вид. Она полностью контролировала электронную машину, а это, как он помнил из наставлений мистера Сароцини, было очень в русле дзен-буддизма. Контролируй машину, знай машину, люби машину – ведь всякая вещь отзывается на любовь.
Ты должен любить даже то, что ты ненавидишь, даже людей, которых ты ненавидишь. И Кунц любил тех людей, которых ненавидел. Он никогда не забывал слова Байрона: «Я ненависть считаю самым долгим наслажденьем. Мы любим в спешке, ненавидим же ничуть не торопясь». Кунц преклонялся перед такой мудростью. У Сьюзан сегодня не было болей. Хорошо – Кунц не любил, когда она кричала. И он надеялся, надеялся изо всех сил, что у него не появится причины ненавидеть Сьюзан, потому что это было бы очень тяжело – слишком тяжело. Он смотрел ей в лицо, вдыхал ее запахи – он мог извлечь их из памяти в любую минуту. Его тоска по ней усиливалась. Он хотел обнять и поцеловать ее, ощутить нежную мягкость ее кожи, почувствовать тепло ее дыхания. И с чего это он решил, что со временем ему станет легче?
Он следил за ее пляшущими по клавиатуре пальцами. Может быть, она ищет мудрости?
Щелчки по клавишам слышал не только Кунц – их слышал и его компьютер, но не в виде щелчков, а виде недоступных для уха электрических импульсов, возникающих внутри компьютера Сьюзан. Он обрабатывал эти импульсы и переводил в слова, с небольшой задержкой появляющиеся на экране компьютера Кунца:

> «Здравствуйте. Мне нужна Ваша помощь. Я суррогатная мать, беременна почти шесть месяцев. Моему мужу и мне было за это заплачено. Я хотела узнать, можно ли аннулировать эту сделку, как незаконную, и вернуть полученные деньги. Не могли бы Вы рекомендовать мне адвоката, специализирующегося в подобных делах?»

Кунц прошептал:
– Сьюзан, дорогая моя, любимая, обожаемая, что же ты делаешь?
И покачал головой.
Он должен доложить об этом мистеру Сароцини. Но он боялся за Сьюзан. Мистер Сароцини будет в ярости, а Кунц не хотел, совсем-совсем не хотел, чтобы его ярость обрушилась на Сьюзан. Но он должен об этом доложить. Разве у него есть выбор? Кунц отлично понимал, что выбора у него нет.

Сьюзан вцепилась в прижатую к уху трубку. Она хорошо расслышала Джона, но все равно переспросила:
– Что?
– Харви мертв.
Она вспомнила, как вчера Харви, стоя рядом с кушеткой, прижимал к ее животу ультразвуковой датчик. Тогда на его лице не было обыкновенного высокомерного выражения, а была теплая улыбка.
– Я… я не… я не могу поверить. Что случилось?
– Точно не знаю, – ответил Джон. – Мне только что звонила Каролина. Она в ужасном состоянии. Его нашли мертвым в машине.
– Но мы… мы же видели его вчера. С ним все было в порядке. Он попал в аварию?
– Нет, я… – Он на мгновение остановился. – Это не авария. Каролину трудно было понять, но это скорее сердечный приступ или инсульт, аневризма – что-то в этом роде.
– Мне позвонить ей?
– Да, наверное. Если хочешь.
– Хочу. Господи, на следующей неделе мы с ней собирались пить у нас кофе. Я ей вчера звонила.
– Сейчас у меня встреча в «Майкрософт». Потом поеду домой.
– Это ужасно. Не могу поверить.
– Я тоже, – сказал он.
Сьюзан повесила трубку и только тогда полностью осознала случившееся. В голове снова возник образ Харви с ультразвуковым датчиком.
У нее задрожали руки. Ей казалось, будто весь мир вокруг сдвинулся с места. Она нашла номер Эддисонов в записной книжке и позвонила.
Каролина сразу сняла трубку. От рыданий у нее сел голос. Сьюзан было глубоко жаль Каролину. Все мысли о том, какая она высокомерная, глупая и пустая особа, в одну секунду вылетели у нее из головы.
– Каролина, – сказала она. – Это Сьюзан Картер. Я только что узнала. Я тебе глубоко сочувствую.
В воздухе повисло долгое молчание, прерванное Каролиной. Судя по более уверенному голосу, она взяла себя в руки.
– Это просто безумие какое-то, Сьюзан. Не понимаю, зачем он поехал в Бедфордшир. Что ему было делать в карьере?
– В карьере? – спросила Сьюзан.
– У одной из его пациенток в лечебнице Святой Кэтрин начинались роды, и он должен был быть там в девять вечера, но так и не приехал. Я не понимаю. Мы замечательно провели праздники. Он отдохнул, у него были большие планы на этот год. Это… это просто бессмысленно…
– Каролина, что именно произошло? Он попал в аварию в карьере?
Опять возникла пауза, затем Каролина Эддисон сказала:
– Джон не говорил тебе о бутерброде с арахисовым маслом? Как Харви мог узнать об этом? Бутерброды с арахисовым маслом у Адама в коробке с завтраком.

Сьюзан смутно помнила, что у сына Эддисонов была аллергия на арахис, – но какое это имеет отношение к смерти Харви?
– Арахисовое масло?
– Полиция говорит, что он… что он… – Каролина начала всхлипывать.
– Хочешь, я приеду? – спросила Сьюзан.
– Нет… скоро приедет мама… сестра… Может, ты позвонишь потом? Завтра? Я… прости.
Каролина повесила трубку. Сьюзан положила трубку на место и подумала, что беременность иногда мешает: она бы сейчас выпила чего-нибудь крепкого.
На улице уже темнело – а ведь всего пятый час. Сьюзан ненавидела короткие тусклые зимние дни и сейчас больше, чем когда-либо, скучала по долгим теплым летним вечерам. Харви Эддисон мертв. У нее не укладывалось это в голове. В сознании Сьюзан его образ раздвоился. Вот Харви Эддисон принимает ее у себя в кабинете. Может, он немного нервничал в этот момент, но она отнесла это на счет того, что ему приходится осматривать жену друга.
А вот перед Рождеством он стоит у них в гостиной и высокомерно говорит: «Какой прелестный маленький домик». Она возненавидела его за эти слова, он же проявил искреннее участие, когда у нее в тот вечер случился приступ. И вчера он был к ней очень добр.
Карьер. Арахисовое масло. Бессмыслица, с какой стороны ни посмотри.
Сьюзан очень хотелось хоть как-то успокоиться, поговорить с кем-нибудь. Пять минут пятого. В Лос-Анджелесе сейчас утро, пять минут девятого. Родители уже не спят – они ранние пташки. Может быть, она застанет кого-нибудь из них дома, пока они не ушли на работу. Она просто хотела услышать их, восстановить свою веру в то, что камни, лежащие в основании ее жизни, еще целы.

Когда Джон приехал домой и увидел вышедшую его встречать Сьюзан, он ужаснулся тому, как она осунулась от потрясения. В руках у него был номер «Ивнинг стандард».
– Взгляни, – сказал он, указав пальцем на первую полосу газеты.
– Да что же произошло? – спросила Сьюзан. – Я звонила Каролине, но она ничего толком не сказала.
Он покачал головой:
– Мне надо выпить.
Они прошли в кухню.
– Я сделаю, – сказала она.
– Я сам сделаю. А ты прочти статью.
Сьюзан развернула газету и, положив ее на стол, начала читать, не присаживаясь. Большую часть полосы занимала статья об обнаруженном властями складе взрывчатых веществ, предположительно Ирландской республиканской армии. Также на полосе, под заголовком «Загадка смерти телевизионного гинеколога», была размещена неожиданно большая фотография Харви Эддисона.
Сама статья была очень короткой. В ней говорилось, что сегодня ранним утром Харви Эддисон, ведущий популярных телевизионных программ канала Би-би-си «Чудо рождения» и «Частная консультация», был найден мертвым в принадлежащем ему автомобиле марки «порше» в меловом карьере в Бедфордшире. В машине было обнаружено большое количество кокаина. Полиция ожидает результатов вскрытия. Харви Эддисон был женат, оставил после себя троих малолетних детей. Его вдова испытала большое потрясение и не может представить никакой информации об обнаруженных наркотиках.
Сьюзан подняла глаза на Джона, который выдавливал кубики льда из замерзшего пакета в стакан.
– Ты знал, что он употреблял кокаин?
– Нет. А что тут такого? – Он подставил стакан под краник водяного фильтра и плеснул в него воды.
– Смерть, предположительно, наступила от передозировки наркотиков.
– Каролина что-нибудь сказала насчет этого?
– Она сейчас не в себе. Говорила что-то об арахисовом масле – у их сына Адама аллергия на арахис.
– Не вижу связи.
– Я тоже.

Джон сделал глоток виски, сел за стол и придвинул газету к себе.
– Они считают, что он совершил самоубийство?
– Да кто его знает.
– Каролина говорила, что они хорошо провели праздники и что Харви много всего собирался сделать в этом году.
– Для «Диджитрака» это настоящая подстава, – сказал Джон. – Не говоря уже о том, что он мне нравился. С его помощью мы зарабатывали самые большие деньги. – Он отпил еще виски.
– Насчет этих наркотиков… Невозможно же понять, насколько они сильные. Это же кот в мешке, если покупать их нелегально, у дилеров.
– Он врач, – сказал Джон. – Он мог прописать себе все, что хотел. Скорее всего, он не связывался с криминалом – хотя я не знаю, как это работает с кокаином. И почему карьер? Поехал в карьер, чтобы нюхнуть? Зачем?
– Может, у него была любовница и карьер был место их свиданий.
Джон задумчиво посмотрел на Сьюзан:
– Может быть. Они нюхают на пару, потом у него случается сердечный приступ, она пугается и сбегает? – Он покачал головой. – Неужели ты думаешь, у него не хватило бы мозгов придумать что-нибудь получше, чем карьер посреди зимы? Почему не поехать в отель?
– Он же часто появляется на телевидении. Может, он боялся, что его узнают, – предположила она.
Джон отхлебнул еще виски, покрутил стакан – кубики льда с дробью прошлись по стенкам. И, как вовремя вступивший музыкант, в оконное стекло постучал ветер. Затем, словно в ответ, в животе у Сьюзан шевельнулся Малыш.
Он будто почувствовал, что что-то не так.
«Малыш, ты читаешь мои мысли», – подумала Сьюзан.

И Кунц, слушая этот разговор, был счастлив. Тягостное впечатление от ее электронного письма почти рассеялось. «Умница», – подумал он.
Так лучше. Сьюзан, ты меня очень радуешь.

Я бы хотел забыть об этом письме. Будто его и не было. Как было бы хорошо не докладывать о нем мистеру Сароцини. Но я не могу.

А он прикажет мне наказать тебя.

Он посмотрел на фотографию сестры Сьюзан, Кейси, которую он держал в руке. Идеально. Это накажет Сьюзан так, как ничто другое.
Но Сьюзан будет признательна ему за это наказание. Ведь Тринадцатая Истина гласит: «Всякая благодарность коренится в наказании».

43

Заключение коронера о смерти Харви Эддисона заняло несколько колонок в утренних газетах, вышедших во вторник, 12 марта.
Ванроу придерживал ультразвуковой датчик на выпуклом животе Сьюзан и улыбался.
– Киста уменьшается, – сказал он. – Ее почти не видно. Это очень хорошие новости.
Сегодня в четыре часа утра никак нельзя было подумать, что она уменьшается. Тогда Сьюзан казалось, что в животе у нее находятся раскаленные добела камни. Последние несколько недель боли у нее практически не прекращались. Кашлять и чихать было почти невозможно. Она очень плохо спала. Вот и сегодня она не выспалась и чувствовала себя разбитой.
– Тогда почему боли усиливаются? – спросила она, надевая джемпер.
Майлз Ванроу сел за стол, достал авторучку и сделал несколько пометок в ее карте.

– Эта стадия беременности редко бывает безболезненной. По большей части вам доставляет неудобство растяжение круглых связок, поддерживающих матку. Вы, по-видимому, испытываете ноющую, щемящую боль?
Сьюзан кивнула.
– Она сильнее справа?
– Да.
– Резкая колющая боль?
Она снова кивнула.
– Боль несколько усиливается, когда вы встаете после пребывания в сидячем положении?
– Да.
Ванроу улыбнулся:
– Все симптомы болезненности круглых связок. Это неприятно, но абсолютно безопасно для вас и для ребенка. Через неделю-две вы почувствуете себя лучше. Есть еще жалобы?
– Боль в спине.
– Это нормально.
– Чувство жжения.
– Да, – сказал он, записывая.
– И… – Сьюзан покраснела, – похоже, геморрой.
– Все это в рамках нормы для текущей стадии беременности. – Доктор положил ручку и сочувственно улыбнулся. – Сьюзан, я понимаю, как много неудобств причиняют вам эти боли, но вы должны понять, что они являются доказательством тому, что вы носите здорового ребенка.
– Замечательно, – сказала она и, пожав плечами, вымученно улыбнулась. – И так видно, что он здоровый. Так толкается. Наверное, вырастет футболистом и будет играть за Анг… – Она спохватилась и замолчала, затем угасшим голосом закончила: – За Швейцарию.
По лицу Ванроу пробежала тень и тут же исчезла.
– Сьюзан, я обещаю вам, что вы не будете страдать ни одного дня дольше, чем это действительно необходимо. Нас выручает, конечно, то, что с кесаревым сечением не придется дожидаться родов.
– С кесаревым сечением? – перебила она.
– Да. Естественно. Из-за вашей кисты…
Сьюзан покачала головой:
– Нет. Я читала о естественных родах. У меня есть книги, где рожавшие женщины делятся своим опытом. Я хочу родить сама.
Ванроу добродушно улыбнулся:
– Сьюзан, я не сторонник естественных родов. Я считаю, что они изжили себя с появлением больниц и гинекологов, и, кроме того, они связаны с риском, на который я не могу пойти. Мне необходимо будет удалить остатки кисты, а это имеет смысл делать одновременно с кесаревым сечением. – Он подался вперед и сцепил перед собой длинные, поросшие волосами пальцы. – Не стоит бояться кесарева сечения. Это самый безопасный способ появления на свет – и для ребенка, и для матери.
Сьюзан снова покачала головой:
– Я решила, что буду рожать естественным способом. Я хочу находиться в сознании, когда мой ребенок родится. Я хочу чувствовать связь с ним – или с ней.
Ванроу внимательно слушал. На его лице было написано понимание. Он сказал:
– Даже если бы я имел иные взгляды на естественные роды, я бы все равно рекомендовал вам кесарево сечение. Вы очень ответственная и внимательная женщина, Сьюзан, вы делаете для ребенка все возможное, но вы должны избегать слишком сильной эмоциональной связи с ним. В противном случае вам будет очень тяжело с ним расстаться.
– Мне и так это будет очень тяжело.
– Да, я понимаю. Материнский инстинкт – сильная вещь, может быть, самая сильная на земле. – Ванроу провел рукой по лбу. – Вам необходимо искать способы, как ослабить связь с ребенком, а не как усилить ее.
– Но ведь то, как ребенок родится, никак не повлияет на его будущее, – сказала Сьюзан. – Я, как и было договорено, передам его мистеру и миссис Сароцини. Но ребенок должен быть рожден с любовью, а не с равнодушием. Меня уже долгое время мучают боли. Чтобы и дальше бороться

с ними, я, по крайней мере, должна быть уверена, что страдаю не напрасно и мой ребенок появится на свет, не испытав при этом боли.
– Повторяю, единственный способ родить ребенка без боли и травм – согласиться на кесарево сечение.
Сьюзан вдруг подумала, что сказал бы ей Харви Эддисон.
– Вы знаете Харви Эддисона? – сменила она тему.
Ванроу странно посмотрел на нее, и Сьюзан задумалась, не знает ли он, что она консультировалась у другого гинеколога. Нет, это невозможно!
– Пару раз наши дороги пересекались. А вы что, были с ним знакомы? – Доктор, казалось, задумался, затем сказал: – Ну конечно! Ваш муж работал с ним. В сегодняшней утренней газете я видел отчет о расследовании его смерти. Несчастный случай. Я думаю, коронер подошел к вопросу очень мягко.
– Почему?
– Ну, это, конечно, не мое дело, но, как практикующий врач, он должен был знать, какая доза кокаина является безопасной для здоровья, а какая – нет.
– Вы имеете в виду, что…
Ванроу вскинул брови.
– Что он покончил жизнь самоубийством?
– Я в этом почти не сомневаюсь. А вы считаете иначе?
– Я несколько раз видела его жену… вдову. – Сьюзан замолчала. Ей опять вспомнились бутерброды с арахисовым маслом. Здесь, казалось, была какая-то связь. Но какая? Полиция сбросила факт появления бутербродов в коробке с завтраком Адама со счетов, приняв версию, что их положил туда кто-нибудь из его одноклассников – в тот день бутерброды с арахисовым маслом были у нескольких детей. Они не связывали происшествие в школе со смертью гинеколога от передозировки кокаина. Звонок Харви в школу тоже не вызвал у них подозрения – он был расценен как типичное проявление родительской заботы.
– А что говорит его вдова? – спросил Ванроу.
Сьюзан плохо себя чувствовала, поэтому не стала рассказывать историю про бутерброды с арахисовым маслом. Может, Харви сошел с ума? Попытался убить сына, а затем в припадке раскаяния совершил самоубийство?
Концы явно не сходились, но Сьюзан все же не могла отделаться от мысли, что его смерть и подброшенные бутерброды связаны между собой. Для нее это было еще одним пугающим совпадением.
Она попрощалась с Ванроу до следующей недели и вышла.
Стояла почти середина марта, а на то, что уже весна, не было и намека. Утро было пронизывающе-холодным, и, выйдя на улицу, Сьюзан запахнула полы своего длинного темно-синего пальто и подпоясалась.
– Как ты там, Малыш? – сказала она. – Тебе тепло?
Малыш не отозвался. «Наверное, спит», – подумала Сьюзан. Она опять не стала просить Ванроу сообщить ей пол ребенка, но по какой-то причине ей казалось, что Малыш окажется мальчиком.
Приближался полдень. Машина Сьюзан была припаркована на подземной стоянке, и она за нее не беспокоилась. Несмотря на усталость, она решила прогуляться до Оксфорд-стрит и зайти в «Маркс и Спенсер».

К тому времени, как она добралась до магазина – он оказался дальше, чем она думала, а улица была забита народом, – она совершенно выдохлась. Она купила в продуктовом отделе стакан свежего апельсинового сока и присела на скамейку возле отдела мужской одежды, затем содрала пластиковую обертку со стакана, сняла крышку и стала пить. Ее злило то, что Ванроу был не согласен с ее решением рожать без кесарева сечения. «Это мой ребенок, – упрямо думала она. – Это мое решение».

Малыш ударил ее. Это был не обычный его пенальти за сборную Англии – это был настойчивый, нервный удар, как будто он старался привлечь ее внимание. Беспокойство Малыша передалось и ей самой.
– Люблю тебя, Малыш, – прошептала она. На глаза ей навернулись слезы. – Господи, как же я смогу кому-то тебя отдать?

Отдохнув несколько минут, она встала со скамьи и направилась к отделу товаров для детей. Она медленно прошла по рядам детской одежды, обмениваясь улыбками (
«Я тоже!»)
с другими находящимися там беременными женщинами. Она смотрела на то, как они выбирали одежду и потом шли к кассе, чтобы оплатить ее, и ей становилось еще грустнее. Как бы она хотела иметь возможность сделать то же!

Она в который раз посчитала оставшиеся дни. Сегодня 12 марта. Малыш должен родиться 26 апреля. Почти ровно полтора месяца. А потом?
У нее был телефонный номер и адрес лондонского адвоката, дамы, специализирующейся на законодательстве о суррогатном материнстве, – их прислали из интернет-справочной, куда Сьюзан посылала запрос, – но, невзирая на все ее сомнения относительно мистера Сароцини, она все никак не могла набраться духу позвонить ей.
Она просто не могла позвонить. Они заключили с мистером Сароцини сделку, и она должна выполнить ее условия. Она должна каким-то образом избавиться от этих безумных мыслей о том, чтобы оставить ребенка себе. Через полтора месяца все закончится. Полтора месяца. И все закончится. Всего полтора месяца.
По ее лицу текли слезы. Она остановилась возле секции ярких детских комбинезонов с подходящими по цвету носочками и стала перебирать их. Затем перешла к вешалке с хлопчатобумажными костюмами. Ее внимание привлек маленький матросский костюм. Она сняла его с вешалки, повесила обратно, снова сняла и, не в силах справиться с собой, направилась к кассе.
«Просто подарок, – убеждала она себя. – Небольшой прощальный подарок Малышу».

44

– Ну рассказывай, как она.
– Не очень хорошо. Я бы даже сказал – очень плохо.
Мистер Сароцини сидел за столом в своем кабинете в Женеве и поглаживал пальцем прижатую к уху телефонную трубку.
– Как ты оцениваешь ее шансы на выживание?
– Эмиль, ее состояние ухудшается. Я не могу гарантировать, что она выживет. Я очень обеспокоен. В обычных обстоятельствах, если бы она была нормальной пациенткой, я положил бы ее к себе в стационар немедленно, не затягивая на лишние сутки – настолько все серьезно.
– Я понимаю. Сегодня 15 марта. Остался месяц и двенадцать дней.
– Может быть, чуть больше или чуть меньше.
– И что нас ждет? – Мистер Сароцини снова погладил пальцем трубку. Его кожаный ежедневник раскрытым лежал перед ним на столе.
– Киста настолько большая, что ей почти не остается места для сворачивания, поэтому скоро она вообще прекратит двигаться. Если это произойдет, когда она будет находиться в свернутом положении, прекратится снабжение ее кровью, и через несколько дней она омертвеет. Если мы в этот промежуток времени ничего не предпримем, и ребенок, и Сьюзан Картер погибнут.
– Когда ты сможешь безопасно извлечь ребенка?
– Я хочу подождать еще хотя бы месяц. Мне нужно быть абсолютно уверенным в том, что легкие ребенка полностью сформировались и смогут функционировать. В восемь с половиной месяцев. Раньше – слишком рискованно.
– Будет жаль потерять Сьюзан Картер.
– Да, я согласен. Но главная наша задача – спасти ребенка.

Возникла пауза. Затем мистер Сароцини сказал:
– Ты же заберешь ее в клинику сразу, как только почувствуешь опасность?
– Да. Я тщательно слежу за ситуацией, а Стефан Кунц держит в постоянной готовности частную машину скорой помощи. Мы не можем допустить, чтобы ее увезли в другую больницу.
– Хорошо. Держи меня в курсе.
– Разумеется.

45

Она не собиралась приносить каталоги домой, но молодая симпатичная продавщица ее убедила. Она сказала Сьюзан, что невозможно понять, как по-настоящему будут выглядеть те или иные обои, пока не приложишь образец к стене. И вот Сьюзан сидела на полу самой маленькой из спален для гостей, вполуха слушала по радио «Калейдоскоп», а вокруг нее были рассыпаны каталоги с образцами детских обоев.
Был понедельник, 18 марта. В последнее время она внимательнее следила за датами и почти каждый день проверяла свое состояние по календарю в книге, сравнивала свой живот с представленными там иллюстрациями, чтобы удостовериться, что все соответствует норме. Она знала, что Малыш имеет защитную оболочку верникс – согласно книге, эта пористая жирная смазка предохраняет его от намокания, несмотря на то, что он постоянно погружен в околоплодную жидкость. Книга также утверждала, что в случае, если он родится недоношенным, его шансы на выживание будут составлять девяносто пять процентов. Две недели назад они повысились на пять процентов. Сейчас его – или ее – рост составлял около тридцати сантиметров, а вес около девятисот граммов.
Она рассказала все это Малышу.
Неделя обещала быть долгой. Джон уехал до среды – у него были дела на севере Англии и в Шотландии. В этом доме она не слишком страдала от одиночества, но все равно будет скучать по нему. Сейчас в ее жизни и так мало что происходит. Завтра она собиралась идти в кино с Кейт Фокс, а в среду пригласила Каролину Эддисон на ленч, но Каролина не знала еще, сможет ли прийти.
В дверь позвонили.
Сьюзан с легким раздражением посмотрела на часы. На часах было без двадцати четыре. Она никого не ждала, а в четыре сорок пять по радио начнется передача, которую она старалась не пропускать, – в ней актеры читали рассказ какого-нибудь писателя. Сегодняшней трансляции она ждала с особенным интересом, так как автора этого рассказа она знала. С другой стороны, ей было приятно, что пришел кто-то, с кем можно поговорить, – пусть даже это назойливые свидетели Иеговы или мальчишка с дефектом речи, продающий тряпки.
Это был Фергюс Донлеви.
Он стоял на ступеньках, на ледяном ветру, подняв воротник пиджака и засунув руки в карманы брюк. На его лице было написано беспокойство.
– Сьюзан, ты получила мое сообщение?
Этот неожиданный визит удивил и обрадовал ее.
– Нет. Какое сообщение?
– У тебя на автоответчике. Я звонил утром.
Она всплеснула руками:
– Ой, я совсем забыла проверить автоответчик. Я ездила утром на прием к врачу. Заходи. Хочешь чаю?
– Я возвращался в город и по дороге решил заехать. Может, я не вовремя?
– Нет, что ты. Напротив, – сказала она. – Даже хорошо, что ты приехал. У меня есть несколько вопросов по рукописи, по двадцать третьей главе. Я сама собиралась тебе звонить.
Они прошли в кухню. Она поставила чайник на огонь.
– Ну, как ты? – спросил он.
– Ну, хорошо, как видишь.
По выражению его лица Сьюзан поняла, что он ей не поверил. Он беспокойно прошелся по кухне. Чайник начал закипать. Она достала кружку для Фергюса и стакан для себя и открыла

плоскую жестяную банку с песочным печеньем. Фергюс сел за стол и взял одно. Затем, выглянув в окно, он спросил:
– Вон то дерево – это вишня?
– Да.
– Она только цветет или дает ягоды?
– Прошлым летом никаких ягод не было. Наверное, она декоративная.
Он взял еще одно печенье и держал его в руке, не откусывая.
– Ты когда-нибудь была на фестивале цветов в Вашингтоне? Он проходит там каждый год в мае.
– В Вашингтоне округа Колумбия?
– Да.
Она покачала головой:
– Никогда не была в Вашингтоне. Но когда-нибудь обязательно поеду – почтить столицу взрастившей меня страны.
Он кивнул с рассеянным видом. Казалось, он хотел о чем-то поговорить и теперь потихоньку подбирался к нужной теме. Он снова выглянул из окна.
– Раньше я этой вишни не замечал.
Он откусил половину печенья и стал смотреть на оставшуюся половину, будто на произведение искусства или археологическую находку огромной исторической ценности. Дожевав, он прочистил горло.
– Как твои боли?
– Нормально.
Он с беспокойством вгляделся в ее лицо:
– Ты не очень хорошо выглядишь. Ты на седьмом месяце и должна вся светиться. Считается, что с пятого по седьмой месяц – лучшее время беременности.
– Я знаю. Я читала об этом.
– А твой гинеколог, Майлз Ванроу, он доволен твоим состоянием?
– Он говорит, что киста уменьшается. Но я с ним чуть-чуть поцапалась на прошлой неделе. – Она налила воды в кружку Фергюса, затем ложечкой утопила всплывший чайный пакетик. – Он настаивает на кесаревом сечении. Я хочу родить сама. Ты с молоком пьешь? С головой у меня в последнее время плохо – не помню.
– С молоком. Спасибо. Сьюзан, это твой ребенок, и если ты хочешь родить сама – это твое право. Ты говоришь ему, чего хочешь, и, если ему это не нравится, идешь к другому гинекологу.
Она налила себе в стакан апельсинового сока, поставила кружку и стакан на стол и села.
– Все не так просто.
– Да?
Сьюзан вспыхнула.
– Извини. Я нахал.
– Да нет, просто… – Она замолчала, взяла стакан и отпила соку.
Фергюс снова выглянул из окна. Сьюзан проследила за его взглядом. По газону прыгала малиновка, разыскивая не подобранные раньше крошки, которыми ее кормила Сьюзан. Затем Фергюс сказал:
– Помнишь, перед Рождеством мы обедали вместе. Ты тогда упомянула фамилию Сароцини.
Она постаралась, чтобы ее ответ прозвучал непринужденно, но у нее ничего не получилось.
– И что?
– Я не знаю еще, какая здесь связь, и если ты скажешь мне, что это не мое дело, то ладно, я заткнусь.
– Это не твое дело, – сказала она.
В воздухе повисло молчание. Сьюзан сама себе удивилась. Она сказала это не задумываясь, и теперь ей было немного стыдно. Она поиграла стаканом, затем подвинула Фергюсу жестянку с печеньем:
– Угощайся.
Но по выражению лица Фергюса было понятно, что так просто он эту тему не оставит, – в глубине души Сьюзан не хотела этого.
Не отрывая взгляда от ее лица, он достал из кармана пачку сигарет и зажигалку.

– Как тебе Майлз Ванроу?
– Мне он нравится. Очень компетентный, очень внимательный. Точнее, он нравился мне до прошлой недели. Сейчас уже не знаю. – Она улыбнулась. – У него мрачная медсестра. Я действительно думаю, что он хороший врач. А что?
– В Скотленд-Ярде собрано на него досье.
Сьюзан удивилась:
– Досье? Что за досье?
Он помешал ложечкой чай, хотя этого и не требовалось.
– В Скотленд-Ярде есть группа по расследованию преступлений, связанных с оккультизмом, входящая в их отдел по борьбе с порнографией. Основной задачей этой группы является контроль организаций, члены которых практикуют сатанизм и черную магию. Они проверяют подозрительные организации на связь с производством детской порнографии, жертвоприношениями и тому подобным. В основном они занимаются случаями жестокого обращения с детьми.
По спине Сьюзан прошла волна холода.
– Какое отношение к этому имеет Майлз Ванроу?
– Приблизительно четыре года назад эта группа совершила рейд на черную мессу в Северном Лондоне – информатор сообщил, что на ней должен был быть принесен в жертву новорожденный младенец. – Он положил ложечку на стол и посмотрел ей в глаза. – На этой мессе был и Майлз Ванроу.
– Майлз Ванроу? – Очертания комнаты внезапно изменились, будто Сьюзан смотрела на нее в кривое зеркало: стены приблизились друг к другу, потолок ушел вверх. – Мой Майлз Ванроу? – Она не могла в это поверить.
– Да, светский гинеколог. – Фергюс вскинул брови, будто ожидая ее подтверждения. Она торопливо кивнула, и он продолжил: – Они ничего не нашли. Но в Скотленд-Ярде считают, что участников мессы кто-то предупредил о налете и они подготовились.
– Майлз Ванроу точно был там? Ты уверен?
– На все сто процентов.
– Откуда ты это узнал?
Фергюс посмотрел на нее взглядом, понятным без слов. Он был знаком со многими высокопоставленными людьми.
– В пятницу я обедал с заместителем начальника полиции – в закрытом ресторане в Скотленд-Ярде, вполне приличном.
Сьюзан растерянно улыбнулась, показывая, что приняла информацию к сведению.
– И что произошло после этого рейда?
– Один из офицеров Скотленд-Ярда рассказал о Майлзе Ванроу репортеру «Ивнинг стандард» Бену Миллеру. Его редактор новость не пропустил – возможно, испугался обвинения в клевете. Миллер решил продать материал в другое издание, позвонил редактору, договорился о встрече, но так на нее и не приехал. По дороге упал под поезд в метро.
Во рту у Сьюзан пересохло. Она с трудом сглотнула.
– Зачем ты мне все это рассказываешь?
Фергюс показал на сигаретную пачку:
– Не возражаешь, если я…
– Конечно. – Она сняла с полки и поставила на стол пепельницу.
Он вытянул из пачки сигарету.
– Тебе не случалось читать об оккультизме в Европе в двадцатом столетии?
– Когда я только начинала в «Магеллан Лоури», я была помощником редактора, как раз работающего над книгой по истории оккультизма.
– Какие-нибудь имена врезались тебе в память?
– Алистер Кроули?
– Почему он?
– Полагаю, из-за легенд о нем. Это ведь его называли нечестивейшим человеком столетия?
– Скорее, это он сам себя так называл. Но не важно. В твоей книге не упоминалось фамилии Сароцини?
– Нет. Уверена, что нет.

– Ее нет ни в одной книге. Он был слишком умен для того, чтобы позволить напечатать свое настоящее имя. Оно не было известно за пределами узкого круга посвященных, а остальные знали его под различными псевдонимами. Многие считали Эмиля Сароцини Антихристом. Дьяволом во плоти. Именно Сароцини послужил образцом для Алистера Кроули, когда он формировал свой имидж. Именно на него Кроули желал походить. Сколько лет тому Эмилю Сароцини, с которым ты знакома?
– Ну, думаю, под шестьдесят. Трудно сказать.
Фергюс зажег сигарету и затянулся.
– Считается, что Эмиль Сароцини умер в 1947 году, однако его смерть могла быть сфальсифицирована для того, чтобы скрыться от трибунала за военные преступления.
– И сколько ему тогда было?
– Шестьдесят, может, больше. Он был настоящим мастером по перелицовыванию своей биографии.
Сьюзан вспомнила, как трудно определить возраст мистера Сароцини, но, быстро посчитав в уме, она поняла, что сейчас ему не может быть меньше ста десяти. Невозможно.
– Это не может быть тот же человек, – сказала она.
– Да.
Она сделала глоток сока, чтобы смочить рот. Она была очень обеспокоена, но в то же время ей казалось, что в их с Фергюсом разговоре было что-то сюрреалистичное, будто они вдвоем разыгрывали какую-то пьесу.
– Фергюс, ты что, хочешь сказать мне, что Майлз Ванроу готовится принести моего ребенка в жертву на каком-либо темном ритуале? Так, что ли?
Он с отчаянием посмотрел на нее:
– Сьюзан, я ничего такого не хочу сказать. Я не знаю, зачем я пришел сюда, зачем рассказываю тебе эти безумные вещи, зачем взвинчиваю тебя. Не стоило мне приходить, извини. Сам не знаю, что со мной.
Но он точно знал, что с ним и зачем он все это рассказывает, хотя и сам не мог до конца поверить в движущее им знание. Во всем этом кроется какая-то ошибка, ужасная ошибка. Все закончится тем, что он получит тортом в лицо и будет выглядеть полным дураком, так поспешив с выводами.
Но что еще он мог сделать, кроме как прийти сюда?
В голове у Сьюзан все спуталось. Ей казалось, будто множество маленьких существ снует в ее мозгу, перетасовывая кусочки информации, стараясь уложить их в некое подобие системы. Обдумывая в основном то, что рассказал Фергюс Донлеви о Майлзе Ванроу и Эмиле Сароцини, она в то же время не могла избавиться от мыслей о несчастье с Харви Эддисоном и почему-то с Заком Данцигером, композитором, из-за которого в прошлом году колотило весь «Диджитрак». Среди прочих мыслей мерцало и воспоминание о летнем обеде с Фергюсом.
Она тогда сказала: «Итак, ты полагаешь, что, раз мы не знаем, на что мы способны, очень немногие из нас выполнят свое предназначение, потому что понятия не имеют, в чем оно заключается?»
А Фергюс ответил: «Ты выполнишь. Ты выполнишь свое предназначение».
И вдруг откуда-то из глубин ее души, словно труп утопленника из черной воды, поднялась мысль: «Мистер Сароцини и Майлз Ванроу собираются принести моего ребенка в жертву». Невозможно. Смехотворно. Абсурд. Майлз Ванроу – самый уважаемый гинеколог в Англии. А зловещий мистер Сароцини умер в 1947 году. Даже если не умер, ему сейчас по меньшей мере сто десять лет. Она закрыла глаза и попыталась представить мистера Сароцини, понять, может ли он – с помощью пластической хирургии, диеты, витаминов, чего угодно – выглядеть так в сто десять лет. Никаких шансов. Пластическая хирургия при удаче может сбросить с внешности десяток лет, но не половину же столетия.
Фергюс Донлеви просто заработался над своей книгой, и у него в мозгу что-то перемкнуло. Может быть, этим можно объяснить и его попытку сблизиться с ней прошлым летом. Он не смог справиться с психологическим давлением, обусловленным жестким сроком, за который он должен был написать книгу. У бедняги съехала крыша.
Малыш удовлетворенно заворочался у нее в животе. Он соглашался.

Но внутри ее поднималась темная волна вины и недовольства собой. Она не сказала Фергюсу правды. Дело было не в самом секрете, а в том, что, рассказав ему правду, она сняла бы груз с его души. Освободила бы его.
И еще она хотела, чтобы он разрешил ее сомнения, подтвердив, что все в порядке; что мистер Сароцини – добрый, внимательный человек; что сатанист Майлз Ванроу – совсем не тот Майлз Ванроу, к которому она раз в неделю ездит на прием. Она хотела, чтобы эта безумная чушь была забыта раз и навсегда. Раз и навсегда.
Ей нужно было заглушить страх, зародившийся как легкое сомнение, а теперь барабаном рокочущий в груди.
– Фергюс, – сказала она. – Я хочу кое-что рассказать тебе, чего не знает никто. Даже мои родители.
Он стряхнул пепел с сигареты и сел прямее, выжидательно глядя на нее.
– То, что я тебе расскажу, должно остаться между нами. Понимаешь?
Он медленно кивнул.
– Этот ребенок… мой ребенок… – Она поколебалась. – Джон ему не отец.
На лице Фергюса не дрогнул ни один мускул. Он даже не моргнул.
– Я суррогатная мать и вынашиваю ребенка для мистера Сароцини. Мы согласились на это как на крайнюю меру, когда бизнес Джона вылетал в трубу и мы должны были потерять все – включая этот дом.
Она вдруг почувствовала облегчение, будто внутри ее была стальная пружина, которая сжималась день за днем, месяц за месяцем, а теперь вдруг лишилась нагрузки и распустилась. Она рассказывает! Делится тайной. Наконец-то.

Господи, как это здорово – выговориться.

Фергюс не отвечал. Он просто слушал, смотрел на нее, выкурил еще одну сигарету, кивнул, соглашаясь с тем, что у них с Джоном не было выбора и что любой бы в их положении сделал то же самое.
Рассказав все, Сьюзан виновато улыбнулась:
– Мы с Джоном приняли на себя обязательство не разглашать эту информацию.
– Я рад, что ты мне рассказала, очень рад.
Фергюс не знал, что сказать еще. Ему нужно было время, чтобы собраться с мыслями. И еще ему нужно было срочно поговорить с Эваном Фреером.
Вскоре он распрощался и ушел.

46

Мистер Сароцини говорил, что все вещи теряют импульс движения и останавливаются. Это закон природы. Энтропия. Кунц это хорошо понимал.
По словам мистера Сароцини, Гаутама Сиддхартха учил, что вселенский поиск правды похож на колесо, которое нужно подталкивать раз в двадцать пять веков. Двухтысячный год будет вехой, отмечающей конец периода, начавшегося в 500 году до нашей эры. Необходим был новый импульс. Мистер Сароцини говорил Кунцу, что он грядет и что Кунц должен гордиться тем, что принимает участие в его подготовке. И Кунц гордился.
Гордился он и предстоящим заданием. Он рассматривал фотографию сестры Сьюзан Картер и думал о Тринадцатой Истине. «Всякая благодарность коренится в наказании».
Сьюзан будет ему благодарна. Нужно только подождать того момента, когда она начнет чувствовать благодарность, – и время придет. Но это еще впереди. А сейчас Кунцу нужно было решить проблему по имени Фергюс Донлеви.
Поэтому он поджидал Фергюса Донлеви, сидя в темноте в квартире, окна которой выходили на Темзу. На полу рядом с ним стояла тяжелая сумка. В сумке был двенадцативольтовый автомобильный аккумулятор и набор зажимов для него.
Он раскрыл занавески и теперь смотрел на реку: прекрасный вид, гораздо лучше, чем из окон его квартиры в Эрлс-Корт, – из них была видна только глухая стена соседнего здания. Внизу

темнел корпус стоящего на якоре лихтера. По поверхности воды из-за быстрого прилива шла сильная зыбь. Отсветы уличных фонарей покрывали воду, словно целлофановая обертка.
Зазвонил телефон. Четыре звонка, затем включился автоответчик. Кунц взглянул на часы: пятнадцать минут десятого. После записи голоса Фергюса Донлеви, извиняющегося за отсутствие, и последовательности щелчков и гудков он услышал густой, хорошо поставленный голос:
«Здравствуй, Фергюс, это Эван Фреер. Ты звонил мне. Прошу прощения за то, что не перезвонил раньше. Позвони мне вечером домой – не важно, в котором часу. Или завтра на номер телефона в моем кабинете».
Снова раздался щелчок, затем характерный звук возвращения автоответчика в исходное положение.
«Да, – подумал Кунц. – Эван Фреер. Я тебя знаю».
Ему нравилось находиться здесь. Он любил становиться частью жизни других людей, пусть даже на короткое время, разделять с ними мелочи их повседневного существования. Он смотрел на датчик движения, висящий на стене. Когда этот датчик засечет его присутствие в комнате, на нем загорится красный огонек. Но датчик не регистрировал движения и не зарегистрирует. Кунц не двигался уже в течение четырех часов, с тех пор как отключил и снова активировал сигнализацию с помощью кода, который он расшифровал, слушая звук нажатия кнопок на панели управления сигнализацией каждый раз, когда Фергюс включал ее, уходя из дому. Он мог с легкостью проводить в неподвижности много часов. Он научился этому еще в детстве, когда жил в маленькой деревушке в Африке. Ему приходилось охотиться на животных, и он научился, сидя в засаде, сливаться с природой, сохранять полную неподвижность. Больше он ничего не умел и не знал, пока не пришел мистер Сароцини и не забрал его. Однако это все еще хорошая тренировка. Неподвижный объект гораздо труднее обнаружить, чем тот, что движется.
Его мысли обратились к Сьюзан. Он надеялся, что сегодня у нее больше не было болей. Да, в том, что он так долго находится вне дома, вдалеке от своего следящего оборудования, был один минус: он не мог ни видеть, ни слышать Сьюзан и лишь гадал о том, чем она занимается. Из-за этого он скучал по ней еще больше.
Что-то происходило. Кунц услышал звук поворота ключа в замке, затем дверь открылась. Запищал и смолк сигнал тревоги. В комнате включился свет, но он не ослепил Кунца, так как он заранее установил на минимум реостат, регулирующий уровень освещения.
Однако на то, чтобы Фергюс Донлеви смог увидеть Кунца и пистолет в его руках, яркости освещения хватило.
Кунц не часто брал с собой пистолет – мистер Сароцини предупредил его, что в Англии его носить опасно, – и ему было интересно, оценит ли Фергюс Донлеви этот его жест.
По лицу Фергюса Донлеви он понял, что нет, он не оценил его особого отношения. Но это не имело значения. Кунц пришел сюда, чтобы развлечься, он имел на это разрешение мистера Сароцини. И то, что он собирался сделать, доставит ему очень, очень большое удовольствие. Фергюс Донлеви пожалеет, что однажды коснулся Сьюзан, коснулся его женщины, пытался поцеловать ее. Кунц приложил волевое усилие и успокоил бурлящие эмоции. Он не позволит кипящему внутри его гневу помешать получить удовольствие.
Фергюс сегодня пил. То, о чем рассказала ему Сьюзан Картер, порядком выбило его из колеи, и по дороге домой он заехал в паб, сел за столик в углу и в одиночку уговорил несколько порций виски подряд, глядя в одну точку и стараясь не думать о том неизбежном выводе, который следовал из рассказа Сьюзан.
Эмиль Сароцини. Майлз Ванроу. Суррогатный ребенок.
Невероятно, что матерью может быть Сьюзан. Но ведь кто-то же должен был ею оказаться. Но она? Сьюзан? Почему она?
Кто-то должен.
Он отчаянно хотел ошибиться. Но все же…
Кто-то должен.
Он звонил Эвану Фрееру четыре раза и каждый раз натыкался на автоответчик. Может, он уже дома и перезвонил ему и оставил сообщение. Фергюс надеялся на это, очень надеялся. Ему необходимо было встретиться с ним. Сегодня.
А теперь к нему в дом проник посторонний, и Фергюс был сбит с толку. Логика подсказывала ему, что этого человека не может быть здесь, что это игра воображения, – ведь когда он

пришел, сигнализация была включена. Но в то же время он смутно припоминал, что уже видел этого человека раньше – разве не он приходил в прошлом году проверять телефонную линию? Следовательно, он не опасен.
Но пистолет в руке ясно говорил о том, что он опасен, и вызывал у хозяина дома реакцию «нападай или убегай». Фергюс знал все об этой реакции: когда-то он написал о ней целую книгу. Любое животное, столкнувшись с ситуацией, угрожающей жизни, приходит в состояние возбуждения, в котором оно имеет всего две схемы поведения: напасть или убежать. Если ни одна из них не используется, в его крови быстро растет уровень адреналина, что может привести к приступу паники.
Фергюс не напал и не убежал. Он не сдвинулся с места, так как на него смотрело дуло пистолета. С неожиданной злостью он выкрикнул:
– Кто вы, черт возьми, такой?
– Мистер Донлеви, пожалуйста, выпейте что-нибудь, например виски, – отозвался Кунц.
Фергюс понимал, что его рефлексы уже притуплены выпитым в пабе алкоголем. Голос этого человека звучал так простодушно, а предложение выпить было таким неожиданным, что Фергюс решил, что, возможно, к нему в дом пробрался сумасшедший. Раз так, то стоит обратить все в шутку.
– Спасибо, я, пожалуй, действительно выпью.
Он повернулся к бару и увидел, что на нем уже стоит высокий стакан, бутылка «Бушмиллс», емкость со льдом, аккуратно накрытая салфеткой, и хрустальная розетка с оливками.
Это слегка отрезвило его. Он нерешительно посмотрел на сумасшедшего. Тот внимательно следил за ним. Дуло пистолета тоже внимательно следило за ним. Может, его кто-то разыгрывает? Но кто? Вечеринка-сюрприз? Наверное, его сейчас снимают скрытой камерой. Какая-нибудь телевизионная передача… шоу с Джереми Бидлом? Его проделки? Он свинтил пробку и плеснул на дно стакана.
– Доверху, – сказал сумасшедший. – Наполните его доверху.
Фергюс начал было успокаиваться, но от этой фразы, сказанной холодным, не допускающим возражений тоном, все его спокойствие как ветром сдуло. Он стал доливать виски. Руки у него дрожали, насыщенная адреналином кровь неслась по сосудам, словно поезд в тоннеле.
Он отнял бутылку от стакана, когда виски перелилось через край.
– Отпейте немного, – сказал сумасшедший. – Нужно ведь еще положить лед. Возьмите оливку – они с анчоусом, вы такие любите.
Фергюс подчинился, лихорадочно соображая, что может быть нужно этому человеку. Он ошибся. Это не может быть мастер из «Бритиш телеком». Он видел его где-то в другом месте. Но где? Они где-то ели оливки вместе? В баре?
Где?
Связь вырисовывалась – та связь, которой он боялся. Она проступала все яснее с каждой пикосекундой, наносекундой, аттосекундой.

Господи всеблагой.

Этого не может быть. Слишком скоро. Слишком мало времени прошло с тех пор, как он был у нее. Должно быть другое объяснение, совершенно другое. Но какое?
Фергюс прикинул, не использовать ли стакан в качестве оружия, в то же время понимая, что уже слишком поздно. Он не напал и не убежал и тем самым позволил собственному адреналину загнать себя в ловушку. Мозг отказывался работать.
Можно бросить стакан.
Но это ничего не изменит, а только разозлит человека с пистолетом. В его силах сделать только одно: завязать с незнакомцем разговор, успокоить его агрессию, выяснить, в чем проблема. Может, он поклонник, которому не понравилось то, что он написал?
– Пожалуйста, пейте еще.
Фергюс сделал несколько глотков, и человек с пистолетом одобрительно улыбнулся. Будто впрыск топлива в двигатель. Когда он убрал ото рта стакан, тот был наполовину пуст. Перед глазами Фергюса поплыли круги. Да какого черта? Наверняка розыгрыш. Он просто никак не поймет, в чем дело.
– Выпейте, пожалуйста, весь стакан до дна.

Фергюс недоумевающе посмотрел на гостя. Но ему уже хватит, он не может больше пить. Он уже в стельку пьян. Однако человек с пистолетом ответил на его взгляд таким теплым, добрым, понимающим взглядом, что Фергюс вдруг почувствовал, что обидит его, если не подчинится. Он послушно допил виски. Стакан выпал у него из рук и исчез. Фергюс услышал звук бьющегося стекла, но тот шел откуда-то очень, очень издалека.
Затем человек с пистолетом сказал:
– Пожалуйста, возьмите из бара другой стакан.
– Мне… дсстатчно. – Язык Фергюса заплетался. Он похлопал по карманам в поисках сигарет. – Курите? Хотите сигарету?
– Курить очень вредно, – сказал Кунц.
Фергюс широко улыбнулся. Это было странно, но он вдруг совершенно успокоился.
– Пить… э… тоже.
– Курить вреднее, поверьте мне, мистер Донлеви. Я специально изучал этот вопрос. Хорошее здоровье – это дар, которым мы не должны разбрасываться. Пожалуйста, выпейте еще виски.
Пошатываясь, Фергюс подошел к бару, взял с полки еще один стакан, затем взял бутылку и, держа ее неверной рукой, налил.
Как только он сделал первый глоток, кто-то будто отпустил тормоз, и вся комната сдвинулась с места. Когда он попытался сделать второй глоток, пол, вращаясь, приблизился и ударил его по лицу.

Через некоторое время – Фергюс не знал, через какое, понял только, что на улице еще темно, – он очнулся. Его рот горел, в голове пульсировала боль. Что-то происходило, какое-то движение. Его или двигали, или тащили, или несли. Затем он снова отключился.
А потом пришла боль.
Его пах взорвался. Стальные пальцы снизу врезались в его тело, вцепились в мозг и потащили его вниз по пищеводу. Бронзовые крючья вонзились ему в желудок, печень, почки. Они вырывали ему из грудной клетки легкие, с бедренных и тазовых костей сдирали мясо…
Его крик не пошел дальше глотки – что-то случилось с его ртом, он будто исчез, испарился, и из-за этого боль была еще сильнее. Его тело стремилось сложиться пополам, но он не мог пошевелиться, что-то лежало на нем или держало его – он не знал что, ему было все равно, он не мог думать ни о чем, кроме боли.
Боль вернулась, и на этот раз она была еще сильнее. Все его тело сжалось, когда боль метнулась одновременно вверх, в живот, и вниз, в бедра. Она ворвалась ему в руки, в голову, затем откатилась назад, обволакивая каждую мышцу, каждую жилу – их сводило судорогой и отпускало, и тогда по его животу будто прокатывалось раскаленное пушечное ядро. Поры кожи выделяли обильный пот. Затем внутри его поднялась волна рвоты и остановилась, запертая в глотке. Фергюс попытался вдохнуть, но не смог. Рвота душила его.
Его вырвало через ноздри. В голове полоснула боль. Он смог вдохнуть немного воздуха, совсем немного, и закашлялся. Легкие просили еще. Он открыл глаза и увидел лицо. Мозг напомнил ему, что оно принадлежит человеку, приходившему ремонтировать телефонную линию.
Кунц улыбнулся. Фергюс Донлеви, привязанный к собственной постели, с тряпкой-кляпом во рту, со спущенными до щиколоток брюками и трусами, представлял собой весьма жалкое зрелище. Прежде чем привязывать Фергюса Донлеви, Кунц обернул его запястья и лодыжки полотенцами, так что следов от веревок у него на коже не останется.
Также не останется следов и от двух зажимов, висящих у него на мошонке и подсоединенных с помощью провода к трансформатору и автомобильному аккумулятору.
Кунц сказал:
– Значит, вы пришли в себя, мистер Донлеви? Есть, мой друг, несколько вещей, которые я хотел бы от вас услышать. Расскажите мне их. Просветите меня. Понимаете, иногда вы бываете в таких местах, откуда не очень хорошо принимаются сигналы. Может быть, начнем с вашего обеда в Скотленд-Ярде? Я даже не знаю, что вы ели. Обед был хорош? А хлеб? Мистер Сароцини как-то сказал мне, что по качеству подаваемого в ресторане хлеба можно легко судить о самом ресторане.
Фергюс поперхнулся, задыхаясь. Фамилия Сароцини пульсировала в его смятенном мозгу.
Кунц понимал, что должен действовать очень аккуратно, если хочет максимально продлить получаемое удовольствие и полностью разделить его с Фергюсом Донлеви. Он хотел, очень

хотел, чтобы этот умный, образованный человек воспринял от него хоть немного мудрости – не только его мудрости, но, что более важно, великой мудрости мистера Сароцини. Он надеялся, что сегодня ночью он научит Фергюса Донлеви, наряду с прочими вещами, пониманию Тринадцатой Истины, гласящей, что всякая истинная благодарность коренится в наказании.
Он очень хотел, чтобы Фергюс Донлеви почувствовал благодарность по отношению к нему.
Потому что, если Фергюс Донлеви будет благодарен ему, по-настоящему благодарен, его очищение будет гораздо более полным.
Сквозь исчезающую алкогольную дымку и сгущающуюся дымку боли Фергюс увидел окружающую Кунца ауру и содрогнулся. Его душа, подобно сведенному судорогой телу, сжалась от ужаса. Цвет ауры этого человека отличался от цвета ауры всех людей, виденных им за жизнь.
Теперь он точно знал, что сбылся самый худший из его страхов.

47

Под обоями оказался какой-то мусор, или пузырь воздуха, или еще какая-нибудь дрянь. Сьюзан много раз пыталась разгладить поверхность, но только гнала вздутие все дальше. В конце концов ей это надоело. И еще она не могла как следует выровнять стыки. Лучше бы она позвала маляра Гарри, а не изображала из себя всезнайку.
Но дело было в том, что она хотела сделать это сама – и не только для того, чтобы хоть чем-то заняться. Эта комната была особенной, и Сьюзан хотела во всех смыслах приложить к ней руки. Вчера она трудилась допоздна и надеялась сегодня закончить работу до приезда Джона. И у нее бы получилось, если бы не эти чертовы пузыри.
В дверь позвонили. Ее наручные часы показывали одиннадцать двадцать. Это может быть друг Гарри – мастер, который должен был приехать и посмотреть, что можно будет сделать с крышей: наверху, на потолке одной из спален для гостей, образовалось мокрое пятно, и Джон сказал, что это из-за того, что в кровле не хватает нескольких черепиц. Теперь наконец они могут позволить себе ремонт крыши, как им было рекомендовано при покупке дома.
Она открыла дверь и увидела щуплого мужчину, похожего на стареющего хиппи. У него были соломенного цвета волосы, собранные в хвост, узкие плечи и широкая теплая улыбка на небритом худом лице, отражавшаяся в его глазах. Еще до того, как он открыл рот, она заразилась его хорошим настроением и тоже заулыбалась.
– Проспал, – сказал он и виновато пожал плечами. – Вы уж простите.
– Джо? Вы Джо, верно?
– Точно, это я. А вы миссис Картер?
– Да. Я уже начала беспокоиться. Мне скоро нужно будет уехать. – Она взглянула на часы. – В полвторого я должна быть на Харлей-стрит. Проходите, пожалуйста.
– Вам крышу надо починить, верно?
– Да.
– Гарри сказал, что вы посчитали стоимость ремонта и поняли, что при покупке дома вас ободрали как липку.
– Да.
– Сначала я все проверю снаружи – лестницы я привез. – Он показал большим пальцем за спину, где на улице стоял большой ветхий фургон, выглядящий так, будто его не припарковали, а бросили.
– Хотите чаю?
– Убил бы за чашку. – Он потер лоб. – Ух, как болит голова. Похмелье не слишком приятная штука, верно?
Она улыбнулась:
– Может быть, дать вам пару таблеток парацетамола?
– Спасибо, но у меня их уже полное брюхо. – Он помотал головой и пошел к своему фургону – маленький человек в спецовке, мешковатых штанах и дырявых кедах – и поднял его заднюю дверь.

Джон приехал в девятом часу. Заводя свой БМВ задом на место стоянки, он сделал быстрый подсчет. Сегодня среда, 20 марта. Осталось всего пять недель. Пять недель, Сьюзан родит этого ребенка, и они забудут все это и получат назад свои жизни.
Он хотел вернуть себе свою жизнь больше всего на свете. «Диджитрак» процветал, и теперь у них были деньги и на капитальный ремонт дома, и на развлечения в выходные. Они могли обедать и ужинать в ресторанах, не задумываясь о том, сколько стоит то или иное блюдо. У них было достаточно денег, чтобы на всю катушку наслаждаться той свободой, какая была у них раньше, – и даже большей, потому что Сьюзан не работала теперь от зари до зари, – но они ничего такого не делали.
Они жили будто в капсуле, где время застыло и сдвинется с места только после рождения ребенка. Джон уже толком и не знал Сьюзан. Она всегда тепло встречала его, когда он возвращался домой, готовила великолепные ужины – разве что в них было слишком много оладий, – но ее жизнь и мысли вращались теперь исключительно вокруг ребенка, а не вокруг него.
Ее приступы пугали его, но покойный Харви Эддисон сказал, что беспокоиться не о чем. Майлз Ванроу утверждает, что киста уменьшается и что большая часть болей, которые она сейчас испытывает, имеют естественное происхождение. По правде говоря, Джона не удовлетворяло такое объяснение. Он специально затронул эту тему в разговоре с несколькими рожавшими женщинами, и – да, у них были боли, но и близко не такие сильные, как у Сьюзан. Сьюзан говорила с Лиз Гаррисон и Кейт Фокс, и у них тоже не было ничего похожего. Ванроу сказал Сьюзан, что здесь нельзя сравнивать, что ни одна беременность не похожа на другую. Может, это и правда. Но у Джона сердце все равно было не на месте.
Его также беспокоила привязанность Сьюзан к ребенку. Он не замечал ничего глобального, но даже мелочи были достаточно тревожным знаком. Та коляска, которую купили ее родители: он обнаружил, что она все еще лежит в багажнике ее машины – спустя две недели после того, как он ее туда положил. Сьюзан сказала, что она забыла про нее, но он ей не поверил. Затем в субботу, когда он рылся в мусорном ведре – ему нужно было найти одну статью в случайно выброшенной газете, – он обнаружил смятый листок бумаги с написанными рукой Сьюзан мужскими и женскими именами. Там были подчеркнуты имена Джулиан, Оливер и Макс.
Он ничего ей не сказал – в последнее время ее было очень легко вывести из равновесия, и он старался избегать споров и конфликтов. Но что-то у нее в мозгу происходило, и он боялся, что она не может смириться с мыслью, что ей придется расстаться с ребенком.
Джон решил поговорить с Майлзом Ванроу с глазу на глаз – может быть, он скажет что-нибудь дельное о том, как помочь Сьюзан пережить разлуку с ребенком. Они ведь никогда это не обсуждали – что она будет чувствовать в первые месяцы после рождения ребенка.
В последнее время о суррогатном материнстве много писали в газетах. Джон видел несколько упоминаний о консультировании по этим вопросам. Может, стоит поискать в Интернете? Наверняка есть психологи, которые дадут ему необходимые рекомендации.
Он зашел в дом. Сьюзан не вышла его встречать. Он позвал:
– Привет, Сьюзан! – но ему никто не ответил. Он поставил «дипломат» на пол, повесил пальто и снова позвал: – Сьюзан, ты где?
А если у нее снова приступ? Она была в норме несколько часов назад, когда он звонил ей на мобильный, – она только что вернулась домой с приема у Ванроу. Сьюзан сказала ему, что он всем доволен. Машина стоит, поэтому она должна быть дома. Затем он с облегчением услышал донесшийся сверху голос:
– Я уже заканчиваю!
Он поднялся по лестнице и снова крикнул:
– Ты где?
– Я здесь!
На площадке лестницы сильно пахло клеем. Дверь маленькой спальни для гостей была приоткрыта, в ней горел свет. Он подошел к двери:
– Сьюзан?
– Зайди и посмотри!

Он зашел. И замер как вкопанный.

О, черт!

Все стены комнаты были заклеены обоями со сценами из детских стихов. Сьюзан, в комбинезоне поверх домашних штанов, стояла на доске, положенной на две стремянки, и разглаживала только что приклеенную полосу обоев.
– Как тебе? – спросила она, лучась от счастья.
– Сьюзан, что это?
– Комната Малыша. Я подумала, что надо уже начать ее подготавливать, на случай, ну… – она смущенно улыбнулась, – преждевременных родов. Я читала, такое бывает, и лучше быть к этому готовым.
Джон поглядел на Джека и Джил, Крошку Бо-Пип на ярком желтом фоне и подумал, не сошла ли Сьюзан с ума.
С трудом сохранив самообладание, он подошел к ней.
– Сьюзан, – тихо сказал он. – Сьюзан, слушай…
Она отвернулась от него и продолжила разглаживать обои, стараясь выровнять стык.
– Нравится? – спросила она. Ее голос был странно бесстрастен: будто говорила незнакомка, а не Сьюзан. – Хорошо, правда? Я купила занавески в тон и еще ткани для полога над кроваткой. Эта комната самая лучшая, потому что с утра в нее заглядывает солнце, а днем в ней прохладно. Я думаю, это самое лучшее для…
Он повысил голос, но по-прежнему старался говорить мягко:
– Сьюзан! Дорогая! Послушай меня! Этот ребенок… мы не оставляем его. Как только он родится, мистер Сароцини заберет его. Он никогда не увидит этого дома. Нам здесь не нужна детская комната.
Она, похоже, обиделась:
– Но нам же нужно делать вид, Джон. Мы же договорились. Все мои подруги спрашивают меня, где будет детская комната. Кейт Фокс сказала, что я глупо поступаю, что не готовлю комнату, – а вдруг преждевременные роды.
– Сьюзан, ты могла просто выкрасить комнату яркой краской, а не клеить эти обои. Если бы ты просто выкрасила ее, мы могли бы использовать ее просто как еще одну комнату.
Она обернулась, и он испугался выражения ее лица. Он никогда не видел такой злобы в ее глазах. Она опустила кисть в жестянку с клеем и спустилась по стремянке вниз. Джон внутренне сжался, потому что думал, что она его ударит – ее кулаки были сжаты.
Она остановилась на расстоянии плевка от него и сказала:
– Сегодня я была у Элизабет Фрейзер. Она работает в адвокатской конторе «Коуэн, Уокер». Ты слышал о них?
Он смотрел на нее в смятении. Она что, хочет с ним развестись?
– Да. Это одна из самых больших адвокатских фирм в Лондоне.
– Элизабет Фрейзер – это та, которую недавно показывали по телевизору. Она специализируется в суррогатном праве. Мне ее рекомендовали. Хочешь узнать, что она сказала?
Пол комнаты вдруг стал зыбучим песком, и Джон начал тонуть в нем.
– Рекомендовали? Кто?
– Справочная в Интернете, – сказала его жена, словно это само собой разумелось.
Джон тупо смотрел на изображение Крошки Мисс Маффет: висящий рядом с ней паук выглядел добрым, он никого бы не испугал. Он не хотел знать, что сказала Элизабет Фрейдер. Совсем не хотел.
Сьюзан сказала:
– Она утверждает, что у нас хорошие шансы выиграть дело.
Джон положил руки на плечи Сьюзан и мягко привлек ее к себе. Ее волосы пахли грязью, будто она их давно не мыла. Это было на нее не похоже: она всегда уделяла большое внимание гигиене и внешнему виду. Она что, совсем разваливается?
– Сьюзан, не имеет значения, какие у нас шансы выиграть дело, потому что мы не собираемся подавать в суд. Мне не нужен чужой ребенок, неужели ты не понимаешь?
Она отшатнулась от него так резко, что испугала его еще сильнее. Она и в самом деле была ему незнакома.

– Это мой ребенок, это
не чужой

ребенок. Это мой ребенок. – Она положила ладонь на свой выпирающий живот. – Вот… видишь? Это я. Ребенок получил жизнь от моей яйцеклетки. Он растет в моем теле. И я терплю жуткую боль ради него. Это мое тело. Это мое решение.

Джон подошел к ней и снова попытался обнять ее. Ему нужно было успокоить это дикое создание, переубедить ее, пока не случилось чего-нибудь серьезного, но она оттолкнула его с такой силой, что он потерял равновесие, споткнулся о неоткрытую банку с клеем и упал на деревянный пол.

Сьюзан вышла из комнаты.

Джон поднялся на ноги, в шоке от падения и от услышанного, со здоровенной занозой в пальце. Стараясь что-нибудь придумать, он рассеянно стал выкусывать ее. Что, во имя всего святого, случилось с Сьюзан? Неужели на нее так повлияли три дня одиночества? Может, он сглупил, уехав и оставив ее на столько времени наедине со своими мыслями?

Он нашел ее внизу, в кухне – она вынимала из холодильника помидоры. Стоя посреди кухни, он так и этак старался зацепить занозу ногтями или зубами, а она мыла помидоры под краном. Затем она положила их на деревянную разделочную доску и начала резать.

– Помидоры снижают риск заболевания раком простаты, – сказала она, не оборачиваясь. – Я прочла об этом в журнале. Тебе нужно есть много помидоров. Сейчас мы их едим недостаточно.

Джон с опаской посмотрел на острый зазубренный нож в ее руках, но все равно подошел к ней сзади, обнял и поцеловал в щеку.

– Я люблю тебя, Сьюзан.

Она чуть подалась назад, прижимаясь к нему спиной, и положила нож, но не повернулась.

– Я не хочу, чтобы все это разрушило наши отношения.

– Это не «все это», – спокойно сказала она, будто учитель, объясняющий урок. – Это ребенок.

– Если ты хочешь ребенка, если это для тебя так важно, хорошо, давай родим ребенка, но только нашего.

– Я хочу этого.

– Сьюзан, милая, я ничего не понимаю. Не знаю, что там наговорила тебе эта адвокатша…

– Она ничего мне не наговорила. Она просто рассказала мне факты. Суррогатные матери могут получать деньги только на покрытие расходов, не более. Мы легко можем доказать судье, что сделка с мистером Сароцини была заключена в обмен на выплату задолженности банку и ипотечных взносов за дом. Если судья удовлетворит иск, мистеру Сароцини придется вернуть акции «Диджитрака» и документы на дом. Мы можем возбудить иск сразу после рождения Малыша и получить временный судебный запрет. И еще мы можем подать заявление на судебную опеку для Малыша.

Джон почувствовал, что с помощью юридических терминов она отстраняется от него.

– Сьюзан, я понимаю, что ты чувствуешь. Повернись, посмотри на меня.

Она оставила эти слова без внимания.

Он попытался прижаться к ней крепче, но она отстранилась.

– Сьюзан, ну что ты, мы же всегда были так близки. Помнишь, что ты сказала мне после того, как мы в первый раз занимались любовью?

Молчание.

– Ты посмотрела мне в глаза и сказала: «Давай пообещаем всегда говорить друг другу правду, что бы ни случилось». Помнишь?

Она продолжала молчать.

– В этот раз ты не сказала мне правду. Нам следовало обсудить это до того, как ты пошла к адвокату. – Он снова прижал ее к себе, и на этот раз она немного поддалась. – В твоем теле сейчас происходят серьезные биологические изменения. На первый план во всем выходит материнский инстинкт – по-другому и быть не может, было бы ненормально, если бы было по-другому, – и он влияет на твое поведение и на твои решения. Возможно, вместо того, чтобы ходить к адвокатам, нам стоило бы обратиться к психологу. Может, поищем психолога, специализирующегося в этой области? – Восприняв ее молчание как хороший знак, он обнял ее крепче и понизил голос: – Сьюзан, я понимаю, что на тебя многое свалилось. Ты мужественно прошла через это. Все почти закончилось. Забудь о сделке и подумай о нас. Как, по-твоему, я должен себя чувствовать? Ты хочешь, чтобы я смотрел на этого ребенка – а потом он вырастет,

станет подростком, затем взрослым – каждый день до самой смерти? Зная, что половина его – это мистер Сароцини?
Она продолжала молчать.
– Чувствуя вину за то, что мы не выполнили своих обязательств в заключенной сделке? Что мы лишили мистера и миссис Сароцини ребенка, которого они так отчаянно хотели?
Сьюзан тихо, едва различимо сказала:
– Фергюс Донлеви думает, что мистер Сароцини хочет принести моего ребенка в жертву.
Джон подумал, что ослышался.
– Что?
– В Скотленд-Ярде есть дело на Майлза Ванроу. Фергюс сказал, что мистер Сароцини умер в 1947 году. Я рожу ребенка, а мистер Сароцини и Майлз Ванроу принесут его в жертву на черной мессе.
– Что?
– Это правда.
Джон отпустил Сьюзан. Это был такой абсурд, что он начал улыбаться – просто не смог ничего с собой поделать.
– И когда он поделился с тобой этим перлом?
– В понедельник.
Он поискал глазами бутылку виски, нашел ее и наполнил стакан на три пальца. Затем бросил в стакан льда.
– Я полагал, Фергюс – разумный человек. За каким чертом ему понадобилось говорить тебе такую чушь?
– Потому что ему не все равно.
Джон плеснул в стакан воды из-под крана, поболтал смесь и сделал глоток. Затем снова вгрызся в занозу.
– Ты ему веришь? Ты веришь в то, что он сказал?
Сьюзан почувствовала вину за то, что рассказала Фергюсу их секрет.
– Я…
Она не знала, верила она или нет. Она звонила ему несколько раз вчера и сегодня, но каждый раз ее встречал автоответчик. Он еще не перезвонил ей, и это было удивительно, потому что обычно он перезванивал тут же.
Вопрос, который задал ей Джон, крутился у нее в голове с момента ухода Фергюса. Как бы там ни было, Фергюс что-то знает о мистере Сароцини или Майлзе Ванроу – только не говорит. Может, ей не стоило рассказывать ему о том, что ребенок не от Джона. Может, это было ошибкой. Может, он бы больше рассказал ей, если бы она хоть немного помолчала.
Она уже ничего не понимала и чувствовала на своих плечах неимоверную усталость. Думать о чем-то стоило ей больших усилий. И чем больше она думала, тем больше пугалась.
– Я не знаю, – наконец сказала она. – Я не знаю, верю я или нет. В прошлом году у нас с ним был странный разговор. Как-то за обедом он вдруг сказал мне, что я выполню свое предназначение.
– Выполнишь свое предназначение?
Она кивнула.
– Не знаю, что ему ударило в голову, – сказал Джон. – Но выглядит это так, будто у него совсем шарики за ролики закатились.
Сьюзан вернулась к помидорам:
– Хочешь поужинать здесь или перед телевизором?
– Давай здесь. Заодно поговорим, – сказал он. – Расскажи мне подробно, что он говорил про это жертвоприношение.
Сьюзан рассказала ему все, что услышала от Фергюса об Эмиле Сароцини: что его называли Антихристом, дьяволом во плоти, что Алистер Кроули позаимствовал у него свой имидж, что он, предположительно, умер в 1947-м, но мог и не умереть.
– Значит, наш мистер Сароцини – стодесятилетний супермен?
Она улыбнулась:
– Это невозможно.
Джон тоже улыбнулся. Он был рад увидеть, что к жене возвратилось хоть подобие чувства юмора.

– Да нет, почему. Но если ему сто десять лет, я хочу знать, какие таблетки он принимает, потому что я тоже их хочу!
Затем она рассказала ему о деле на Майлза Ванроу, заведенном в Скотленд-Ярде, о том, что гинеколог присутствовал на черной мессе, во время которой, предположительно, должен был быть принесен в жертву ребенок.
Джон, улыбаясь, покачал головой. В это он не мог поверить.
– Прости, Сьюзан, но это чушь собачья. Ну, понимаешь, то, что Ванроу известный человек, ничего не значит – судя по газетам, множество знаменитостей в свободное время развлекается очень странным образом. Но это же просто абсурд. – Он пососал занозу. – Посмотри на это с позиций разума. Он не парень с улицы, а самый известный гинеколог в стране. Он принимал роды у членов королевской семьи. Полиция совершает налет на черную мессу и находит его там пляшущим вокруг пентаграммы в голом виде – ну или не знаю, что там они еще делают, – и ни слова не просачивается в прессу? Спустись на землю. Полиция любит такие штучки. Можешь не сомневаться, что если бы это действительно был твой Ванроу, то через час какой-нибудь коп, участвовавший в рейде, уже обзвонил бы все лондонские газеты и скормил бы им горячую новость.
– Фергюс сказал, что журналист из «Ивнинг стандард» попытался протолкнуть заметку, но редактор ее не пропустил. Тогда он попытался продать ее другому изданию, но не успел, потому что умер. Ты не считаешь, что это несколько странно? Ты просто не хочешь верить. Ты отгораживаешься. Тебе все равно. Ты просто хочешь передать ребенка и умыть руки. Мне это не так легко.
Джон присел на краешек стула.
– Сьюзан, я понимаю. Но взгляни на факты. Ведь не может же быть, что мистеру Сароцини сто десять лет, так?
Сьюзан неохотно кивнула.
– Значит, это просто безумная выдумка Фергюса. И одновременно он сообщает тебе, что Майлз Ванроу – скрытый сатанист, приносящий в жертву детей.
– Я давно знаю Фергюса, – сказала Сьюзан. – Он прямой, честный, его многие уважают. Он не станет обвинять кого-нибудь голословно.
– Я понимаю. Я тоже всегда его уважал. Почему бы тебе не поговорить с ним, не выяснить все до конца? Я считаю, что наш мистер Сароцини – просто однофамилец. И еще, почему именно ты? В мире каждый день рождаются тысячи, а может, и миллионы детей, которые никому не нужны. Если им нужны дети для жертвоприношений, в некоторых странах они могут достать их за несколько фунтов. Зачем ему было платить столько? Зачем ему так себя утруждать?
– Вот именно, – подхватила она. – Зачем?
– Мы знаем зачем. Сочетание красоты, родословной, интеллекта. Мистер Сароцини сам нам все объяснил. – Он встал, снова обнял ее, мягко развернул к себе лицом. – Может, у Фергюса сейчас трудный период в жизни. Никогда не знаешь, как стресс может повлиять на человека. Иногда даже самый крепкий человек ломается и получает нервный срыв. Фергюса просто перемкнуло. Это не что иное, как совпадение.
– Это одно из самых больших различий между нами, – сказала Сьюзан. – Для тебя совпадения ничего не значат, ты считаешь их простой случайностью. А я нет. Я не верю в случайности. И я не верю в то, что Фергюс не в себе.
Тем вечером она звонила Фергюсу два раза. И уже в одиннадцатом часу, после того как она легла спать и тут же погрузилась в беспокойный сон, Джон сам попытался дозвониться, но попал на автоответчик. Он оставил сообщение.

48

Сьюзан слышала, как Джо ходит по чердаку у нее над головой. Она проверяла, как приклеились обои в спальне Малыша. Ей пришлось подклеить их в тех местах, где они отстали от стены, смочить водой воздушные пузыри и разгладить их.

Затем зазвонил телефон, и она чуть не бегом поспешила в спальню, чтобы снять трубку до того, как включится автоответчик. Она не успела. Ее «алло» прозвучало вместе с записанным на автоответчик сообщением.
– Не вешайте трубку! – сказала Сьюзан.
Звонивший терпеливо подождал, пока аппарат потеряет к нему интерес, затем Сьюзан снова сказала:
– Алло! Извините, пожалуйста!
Это оказалась Кейт Фокс. Она звонила с работы. Ее голос звучал непривычно официально:
– Сьюзан?
– Привет, Кейт. Рада тебя слышать. Спасибо, что пришла ко мне в гости на прошлой неделе.
– Э… да. Спасибо за ленч.
– Тебе понравился жареный перец с помидорами и анчоусом? Я впервые его делала. Рецепт Делайи Смит.
– Да, понравился. – Возникла короткая пауза. – Сьюзан, не знаю, слышала ли ты уже…
– Слышала что?
– О Фергюсе Донлеви?
– Что… что случилось? – Нервы Сьюзан натянулись и задрожали, будто по ним провели смычком.
– Час назад в редакцию звонил журналист, он хотел, чтобы редактор Фергюса Донлеви сказал о нем пару слов. Тогда я и узнала. Затем пришли два детектива, опрашивали нас. Я подумала, может быть, ты что-нибудь знаешь.
– Я ничего не знаю. Детективы? Что он сделал? Что случилось?
После долгой, кошмарной паузы Кейт сказала:
– Он мертв.
– Мертв? – Сьюзан будто провалилась в черную яму. – Фергюс мертв?
– Да.

> Ее ноги подогнулись, она опустилась на край кровати. Матрас под ней тихонько взвизгнул.
> Этого не может быть. Кейт ошиблась,
> ошиблась.

– Я… я виделась с ним в понедельник. Последние два дня я все пыталась с ним связаться… оставляла сообщения… я… – У нее перехватило дыхание, глаза наполнились слезами. – Подожди минутку, – сказала она и, шмыгая носом, стала искать салфетку. Она нашла одну в кармане домашних штанов и вытерла слезы. Ее охватило холодное, ужасное, всепоглощающее одиночество.
Фергюс мертв?
Над ее головой раздался тяжелый лязг, затем удары молотком, затем визг какого-то электрического инструмента. Сьюзан передернуло: в спальне было холодно. Это ошибка, этого не может быть. Фергюс большой ученый, яркий ум. Он слишком молод, чтобы умереть.
– Я дала детективам твой номер, ничего? Одного зовут Шоукросс, детектив-сержант Шоукросс. Им нужны были номера всех, кто работал с Фергюсом.
– Что… – Горло у нее перехватило, она замолчала, продула нос, сквозь дымку слез оглядела пустую комнату. – Кейт, что случилось? Как? Как это?..
Телефон долго молчал, потом Кейт заговорила:
– Его обнаружила его девушка, вчера вечером. Она забеспокоилась, потому что не могла с ним связаться. У нее был ключ от его квартиры, поэтому она и смогла туда попасть.
Вот почему он не перезвонил. У Сьюзан поплыло перед глазами.
– И?.. Что случилось? Сердечный приступ?
– Вскрытие еще не проводилось, но полиция говорит, что виной всему опьянение.
– Как это?
– Похоже, он отключился и захлебнулся собственной рвотой. Он был мертв уже некоторое время, по крайней мере пару дней.
Сьюзан смотрела в пол. Дрель – или чем там Джо работает – визжала у нее над головой. Внутренним взором она видела Фергюса, живого, сидящего у нее в кухне. Мысли у нее путались. Ну да, он любил выпить – она помнила, как перед Рождеством он выпил за обедом

целую бутылку шампанского. Но она никогда и подумать не могла, что он сильно пьет. Хотя она почти не общалась с ним в нерабочей обстановке.
– Не могу в это поверить, Кейт. Не могу поверить, что он… мертв. Скажи мне, что это… что это…
– Мне жаль. Он был неплохим человеком.
«Для меня он был не просто неплохим человеком», – подумала Сьюзан, но ничего не сказала. Она не могла больше разговаривать. Ей нужна была тишина вокруг, свободное, пустое пространство. Она хотела остаться наедине со своими мыслями.
«Он был мертв уже некоторое время, по крайней мере пару дней».
В понедельник днем он был у нее. Сегодня четверг. Как скоро после визита к ней он упился до бесчувствия? И почему?
– Кейт, они говорили что-нибудь… насчет похорон?
– Я не спрашивала, – сказала Кейт. – У него есть родственники?
Сьюзан вспомнила, как в декабре за обедом он говорил про то, что не хочет проводить Рождество с родственниками в Ирландии.
– Да, – сказала она. – В Ирландии. И бывшая жена в Штатах. Я постараюсь узнать, когда и где состоятся похороны. Думаю, кто-нибудь из «Магеллан Лоури» тоже захочет пойти.
Сьюзан поблагодарила Кейт за звонок и повесила трубку. Затем она встала, подошла к выходящему на юг окну и стала смотреть в сад. По щекам у нее текли слезы. Прошлой ночью подморозило, и кое-где на газоне лежал иней – там, где до него не смогло добраться солнце. На глаза ей попалась вишня, и в голове прозвучал голос Фергюса. Он сидел в кухне, держал в ладонях кружку с чаем и смотрел в окно. «Вон то дерево – это вишня?»
Захлебнулся собственной рвотой.
«Я не знаю, зачем я пришел сюда, зачем рассказываю тебе эти безумные вещи, зачем взвинчиваю тебя. Не стоило мне приходить, извини. Сам не знаю, что со мной».
Захлебнулся собственной рвотой.
«Ты полагаешь, что очень немногие из нас выполнят свое предназначение, так как понятия не имеют, в чем оно заключается?
Ты выполнишь. Ты выполнишь свое предназначение».
Захлебнулся собственной рвотой.
Она не могла выбросить это из головы и в то же время не могла себе этого представить. Что-то здесь неправильно. Фергюс был в высшей степени разумный человек, он не захлебнулся бы рвотой, словно какой-нибудь уличный бродяга. Нет, никогда.
Что-то не сходится.
Харви Эддисон, врач, который по роду своей профессии должен был разбираться в наркотиках, умер от передозировки. Разве это не странно?
А смерть Зака Данцигера?
От этих мыслей ее отвлек голос:
– Миссис Картер, где вы? Где вы? Миссис Картер?
Он доносился снизу. Ее искал Джо.
– А, вот вы где! – сказал он, когда она спустилась. – Простите, я думал, вы здесь, внизу. Я нашел странную вещь у вас на чердаке. Странную на все сто. – Он выкатил глаза, чтобы показать, насколько странную, и Сьюзан подумала, не под кайфом ли он.
– Да? – Сьюзан хотелось побыть одной. А Джо был болтун. Спору нет, он много всего знал о викторианских домах, и кое-что из того, что он вчера рассказывал, показалось Сьюзан интересным, но сейчас она не хотела с ним говорить.
– С вами все в порядке? – спросил он, приглядевшись.
– Да. – Она кивнула. – Просто… небольшое потрясение. – Она посмотрела на часы и поняла, что уже первый час, а она еще не предложила ему перекусить. – Может быть, поедите что-нибудь?
– Убил бы за чашку чаю. Вы точно в порядке?
Она кивнула:
– Да. Я только что узнала, что у меня друг умер.
– Простите… Кошмарная это штука смерть. Всегда в голове не укладывается. – Он развел руками. – Вот так живешь-живешь, и вдруг…
– Да, – сказала Сьюзан.

Она поставила чайник на плиту. Джо сменил тему:
– Сколько вы уже живете в этом доме?
– Переехали сюда в прошлом году, в конце апреля. Скоро будет год.
Он пододвинул стул ближе к столу и взял песочное печенье.
– Так вот, то, что у вас там наверху… – Он указал пальцем на потолок и присвистнул.
Захлебнулся собственной рвотой.
У нее получалось сосредоточиться на том, что он говорил.
– Что, крыша в худшем состоянии, чем мы думали? – спросила она.
Он откусил от печенья.

– Нет, с крышей все нормально. Пары черепиц недостает, да гидроизоляция кое-где задралась. Починить ничего не стоит. – Он взял паузу. – Но то, что там, наверху, меня здорово вышибло.

Она посмотрела на него без выражения, думая о Фергюсе:
– И что там наверху?
– Ну, если бы я думал, что это ваше, я бы ни слова не сказал. – Он доел печенье. Сьюзан дала ему еще одно. – Но это не ваше. Такие вещи с вами не вяжутся.
Чайник закипел. Сьюзан налила воды в кружку и притопила ложкой чайный пакетик.
– Какие вещи с нами не вяжутся? – Джо начал ее раздражать. Почему он не может сказать сразу, а все юлит вокруг да около?
Он откусил половину печенья и стал жевать.
– Оккультные.
Сьюзан опрокинула кружку и отпрыгнула от стола, когда горячий чай плеснул ей на штаны. Джо вскочил со своего места и помог ей вытереть стол.
– Спасибо, – сказала она, когда беспорядок был ликвидирован. – Что вы подразумеваете под «оккультными вещами»?
– Там, на чердаке.
Нахмурившись, Сьюзан налила ему вторую кружку.
– На чердаке? Боюсь, я вас не совсем понимаю. – Она добавила в кружку молока и подвинула ее Джо. – Сахар?
– Да, три ложечки.
Он размешал сахар, затем сказал:
– Вы были знакомы с людьми, которые жили здесь раньше?
– Нет, они живут за границей, мы их ни разу не видели.
Джо кивнул.
– Лучше вам подняться и взглянуть. Сможете подняться по лестнице?
– Смогу.
Он придержал для нее лестницу, пока она поднималась. Когда она добралась до верха и ей нужно было преодолеть острый край ведущего на чердак люка, она подумала, что, возможно, лезть сюда – не такая уж хорошая идея. Осторожно и медленно, чтобы не придавить Малыша и не ударить его, она слезла с лестницы и на четвереньках перебралась на горизонтальную балку. Затем она встала, так же не спеша и следя за равновесием – она боялась упасть и причинить вред ребенку. Джо поднялся вслед за ней. Он включил мощный фонарь. Луч выхватил из темноты дохлую мышь в мышеловке. Судя по всему, она попалась уже давно. Сьюзан вспомнила, что в прошлом году Джон регулярно проверял мышеловки; наверное, в последнее время он забывал это делать. «Надо будет ему напомнить», – отметила она.
Обливаясь потом от напряжения, опасения упасть и страха перед тем, что она может увидеть в следующую минуту, она шла за Джо след в след – он сказал, чтобы она наступала только на балки. Они обошли широкую каминную трубу и оказались в правой половине темного чердачного пространства. Как раз здесь Джо работал: на одном из столбов висела дрель; с кровли свисали полосы теплоизоляции, а кое-где они совсем были убраны.
Джо посветил фонарем на участок кровли, освобожденный от теплоизоляции. Сьюзан увидела, что там что-то нарисовано черной краской. Она подошла поближе и разглядела, что это. Пентаграмма.

Она не могла поверить своим глазам. Это было как пощечина, насмешка, злая шутка. Она с трудом сглотнула. В горле у нее было сухо. Ее колотило, будто по телу бежал электрический ток. Чернила или краска – или чем это нарисовали – выглядели свежими. Этот рисунок появился здесь совсем недавно.

Луч передвинулся на следующую панель. На ней был еще один символ. Сьюзан узнала его: анх,
[14]
египетский крест с петлей. И еще символ, непонятный, похожий на флюгер с черепом наверху.

Джон посветил фонарем вниз, в пространство между балками перекрытия. Она увидела обратную свастику. В другом пролете между балками была козлиная голова в перевернутой пентаграмме. Больше всего ее удивило то, с каким искусством были выполнены рисунки – каждая деталь была выведена любовно и мастерски. Это точно была не работа забравшихся на чердак детей.
Сьюзан сразу вспомнила показавшиеся ей безумными слова Фергюса Донлеви об оккультной деятельности мистера Сароцини и Майлза Ванроу. А теперь здесь, в ее доме, оказались эти жуткие, зловещие рисунки.
Будто бы здесь была связь. Но ведь это невозможно. Простое совпадение.

Она содрогнулась.
Совпадение.
Она отмахивается как от совпадения от тех вещей, которые не хочет встретить лицом к лицу, то есть делает то, что всегда осуждала в Джоне и других. Внутренний голос говорил ей, что никакое это не совпадение.

Джо смотрел на нее.
– Ну и что вы об этом думаете? – спросил он.
– А что вы об этом думаете?
– Мрачно. Мрачнее некуда. И вы еще не видели самого главного.
Он присел, откинул в сторону кусок оранжевой теплоизоляции и посветил фонарем на металлическую коробку размером примерно четыре на два дюйма, от которой в обе стороны отходили провода.
– Что это? – спросила она.
– Что-то связанное с вашими телефонами. Точно не знаю. Может, конвертер вызова. У вас много телефонов в доме?
– Да.
– Наверное, это он и есть.

Сьюзан вспомнила о мастере из «Бритиш телеком», который здесь работал.
Господи, неужели он видел эти рисунки? Что же он подумал?

Одно воспоминание вытянуло из памяти другое. Мужчина во сне – или галлюцинации, не важно – тогда, в клинике. Эротическая галлюцинация, в которой мужчина из «Бритиш телеком» занимался с ней любовью.

Она снова посмотрела на символы, затем перевела взгляд вверх и заметила еще много рисунков. Большинство символов она не узнавала. Малыш вдруг беспокойно заворочался у нее в животе.
Тебе что, передается мое беспокойство?

Бред какой-то. Мужчина из «Бритиш телеком». Символы. Странный сон. Это совпадение. Ничего не значащее совпадение.

Пожалуйста, пусть это будет совпадение.

– Дело не в приборе, – сказал Джо и осторожно отодвинул в сторону металлическую коробку, открыв аккуратно вырезанное углубление, выстеленное черным бархатом и похожее на маленькую могилу. – А вот в этом. От этого у меня действительно чуть крышу не снесло.
Сьюзан присмотрелась. На бархате лежал небольшой узкий предмет. Он был высохшим и будто сделанным из кожи, но она сразу поняла, что это. Человеческий палец.
У нее зашевелилась кожа на голове, вниз по позвоночнику пополз слизняк страха. Обширное пространство чердака, казалось, уменьшилось до размеров кладовки. Она с содроганием отвернулась, но ее взгляд тут же притянуло обратно. Она хотела дотронуться до пальца, убедиться, что он настоящий, а не купленный в магазинчике розыгрышей. Но ей было слишком страшно. Конечно, он настоящий и, похоже, женский. Она посмотрела вверх и вокруг, на тщательно прорисованные оккультные символы, по одному на каждую кровельную панель.
– И далеко они идут?
– Не очень, – сказал Джо. – Я посмотрел. Они не выходят дальше пределов одной комнаты. Той, где вы клеите детские обои.

49

Кунц следил за детективом-сержантом Райсом. Полицейский серьезно подошел к делу и был в этом только прав.
Сьюзан была глубоко потрясена тем, что ей показал этот дурак строитель, Джо, и Кунц злился на него. Он знал, что ребенок во чреве матери чувствует, когда ей плохо. Это совершенно не нужно – так его расстраивать. Но теперь в гостиной стоял облаченный в форму детектив-сержант Райс. Он выглядел воплощением власти. Его присутствие вселяло спокойствие и уверенность. Полиция должна гордиться такими людьми.
Время уже почти истекло. Майлз Ванроу сообщил мистеру Сароцини, что киста внутри Сьюзан находится в свернутом состоянии и снабжение ее кровью заблокировано. Это означало, что в скором времени она омертвеет.
Кунц взял из ящика стола фотографию Кейси и еще раз внимательно всмотрелся в нее. Красивая девочка. Так похожа на Сьюзан. Ему предстоит неприятная работа – но в этом виновата Сьюзан.
Он взял из того же ящика зажигалку, золотой «данхилл» с выгравированными на крышке инициалами «А. У.». Хорошая зажигалка. Красивая, хорошей работы. Кунцу стало жаль, что он не курит и не может насладиться использованием этого элегантного предмета по назначению. Он открыл крышку зажигалки, прислушался к шипению утекающего газа и снова закрыл крышку. Да, техническое совершенство. Такое же, как в его «мерседесе», часах «Ролекс» и туфлях «Черч». Качество. Чем больше он узнавал о качестве, тем больше восхищался им. В качестве была красота, а красота – это истина. Это написал поэт Китс.
Детектив сказал, обращаясь к Сьюзан и Джону:
– Вы осматривали чердак при покупке дома?
Джон ответил:
– Так, одним глазком. На самом деле я почувствовал, что что-то не так, когда поднимался туда в последний раз, – что-то связанное с теплоизоляцией, но я не сообразил что. Теперь я понимаю: ее поднимали, а потом снова вернули на место.
– Но вы не знаете когда?
– Нет.
– И в отчете эксперта, инспектировавшего дом, ничего об этом не сказано.
Джон показал полицейскому отчет, в котором не было никаких упоминаний о рисунках.
– Кто-нибудь посторонний поднимался на чердак после того, как вы купили дом?
Джон и Сьюзан переглянулись.
– Мастер из «Бритиш телеком», – ответила она.
– Больше никто?
– Только строитель, обнаруживший все это, – сказала Сьюзан.

– Может, тело зарыто в саду? – предположил Джон и тут же пожалел о своей шутке. Взгляд детектива был серьезным.
– Мы можем перекопать его, если вы действительно так думаете, – сказал он.
– Нет, – поспешила вмешаться Сьюзан. – Ничего такого мы не думаем.
Райс с сомнением посмотрел на палец:
– Я отдам это на экспертизу. Может быть, это нам что-нибудь даст.
– Думаю, он имеет ритуальное значение, – сказал Джон. – Возможно, его отрезали у участника какого-нибудь ритуала.
– Или у трупа на кладбище… или в морге, – возразил полицейский. Затем, аккуратно заворачивая палец в кусок бархата, уточнил: – Значит, вы ничего не знаете о людях, у которых купили этот дом?
– Нет, – ответил Джон.
Детектив кивнул.
– Стоит позвонить им и хорошенько расспросить. – Он нахмурился. – Самая правдоподобная версия – что они занимались здесь какими-то оккультными практиками.
– Замечательно, – усмехнулся Джон. – Может, нам следует освятить это место.
– Да, если вы верите в такие вещи, – ответил детектив. Его рация зашипела, затем до Кунца донеслось неразборчивое стаккато полицейских переговоров. Райс записал свое имя и телефонный номер на вырванном из блокнота листке бумаги и сказал: – Если я вам понадоблюсь или вы что-нибудь вспомните, звоните вот по этому номеру.
Затем он уехал.
Сьюзан закрыла входную дверь и повернулась к Джону. Она начала говорить тихо, но чем дальше, тем больше повышала голос:
– Ты знал об этом. Ты же с ними заодно, верно?
– С кем заодно?
– Это часть сделки, о которой ты мне не сказал? Не ври мне, Джон.
– Сьюзан!
– Не ври мне.
Джон всплеснул руками:
– Я тебе не вру. Я знать не знаю, о чем ты говоришь.
– Еще как знаешь. Это ведь был ваш план, разве нет? Ты собираешься отдать моего ребенка мистеру Сароцини, чтобы он принес его в жертву – он и Ванроу. Ты с ними заодно.
Джон попробовал обнять ее, но она отшатнулась, прижалась спиной к стене и закричала:
– Не подходи ко мне!
Джон остался на месте.
– Сьюзан, это все Фергюс Донлеви тебе напел. Говорю тебе, он тронулся – иначе б не упился до смерти. У него был нервный срыв или какое-то потрясение. Мне жаль, что он умер, мне он нравился. Но то, что он тебе сказал в понедельник, ни в какие ворота не лезет.
Сьюзан холодно смотрела на Джона.
– Нет, все не так. Фергюс пытался предупредить меня о мистере Сароцини и Ванроу, и поэтому они убили его. И еще я думаю, что они убили и Харви Эддисона, и этого твоего композитора, Зака Данцигера.
Джон в отчаянии развел руками:
– Перестань! Какое Харви-то имеет к этому отношение?
– Это ты мне скажи! – закричала она. – Ты мне объясни, как над спальней моего ребенка оказался человеческий палец, откуда там появились все эти рисунки! Это что, тоже совпадение?
Джон прошел в кухню, сел там на стул и обхватил голову руками. Сьюзан встала в дверях, белая, как привидение.
– Сьюзан, ты сама выбрала комнату, – сказал Джон. – У нас четыре спальни для гостей. Ты выбрала эту.
После секундного молчания Сьюзан спросила:
– Почему ты отказываешься в это верить? Или ты говоришь мне неправду?
– Не надо так со мной, дорогая. – Голос у Джона дрожал. – Я люблю тебя, больше всего на свете.
– Ты не любишь моего ребенка, – отозвалась Сьюзан. – Если бы ты по-настоящему любил меня, ты бы любил моего ребенка. Ты или лжешь мне, или ты идиот, слепой идиот.

Джон резко поднялся. Стул отлетел назад и упал на пол. Не говоря больше ни слова, он пронесся мимо нее, снял пальто с вешалки и вышел, с силой захлопнув за собой дверь.
Сьюзан села, положила руки на живот, обняв Малыша, и почувствовала, как ребенок ласкается к ней в ответ. Она прошептала:
– Ничего. Все не важно. Я люблю тебя, это самое главное. Ты и я, мы любим друг друга. Да? Я не дам тебя в обиду. Я никому тебя не отдам. И я выясню правду. Я выясню, что здесь, черт возьми, происходит. Но прежде всего я сделаю так, чтобы с тобой ничего не случилось.
Она услышала, как уехала машина Джона.
Потом сняла трубку беспроводного телефона и набрала номер. Через несколько секунд она спросила:
– Простите, вы можете подсказать мне номер стола предварительного заказа билетов «Бритиш эруэйз»?

50

– Ноль, – сказал Арчи.
– Вообще ничего? – Джон бросил спортивную сумку на скамью в раздевалке. Он не очень хотел играть сегодня, но думал, что физическая нагрузка улучшит его состояние – прочистит мозги и хоть немного ослабит напряжение, стягивающее ему спину уже в течение нескольких дней.
Арчи снял пиджак.
– Как Сьюзан?
Джон беззвучно вздохнул.
– Нормально. Как Пайла?
Арчи состроил гримасу и начал расстегивать рубашку.
– Она сумасшедшая. Прошлой ночью чуть не откусила мне сосок. Видишь? Вот отсюда кровь шла.
Даже в лучшие времена тело Арчи не представляло собой приятного зрелища, а уж с запекшимся следом от укуса – и подавно. И все равно, решил Джон, лучше пусть дикая испанская красавица отгрызет сосок, чем вообще не заниматься сексом.
А он сексом не занимался, и при этом ему приходилось лежать каждую ночь рядом с женой, беременной чужим ребенком да еще свихнувшейся на почве того, что ее ребенка собираются принести в жертву. Ничто из того, что он говорил, не могло ее успокоить, и, как он ни крепился, все это его порядком достало.
Он связался с предыдущими хозяевами дома, архитектором на пенсии и его женой – они уехали в Австралию к детям, эмигрировавшим туда еще раньше. Он говорил и с мужем и с женой, и оба они вроде бы были нормальными, разумными людьми. Конечно, нельзя быть ни в ком до конца уверенным, но, насколько Джон мог судить, известие о рисунках на чердаке и отрезанном пальце оказалось для них полной неожиданностью.
Они указали на то, что дом стоял пустым почти год, прежде чем был куплен Джоном и Сьюзан. Вполне возможно, что в какой-то период времени его занимали незаконные жильцы – скваттеры. Но Сьюзан не поверила в эту версию. Она была убеждена, что эти символы являются доказательством тому, что Фергюс Донлеви говорил ей правду.
Лучше бы Фергюс молчал. У Сьюзан от его признаний крыша поехала, а тут еще эти символы… Она и до его смерти – а она ее очень тяжело пережила – уже была не в своей тарелке, а эти рисунки стали последней каплей.
Да и, правду сказать, у него самого от них мурашки по спине бежали. Качество рисунков было невероятным: кто-то очень хорошо потрудился, чтобы сделать и спрятать их. И не меньших усилий требовало устройство тайника для этого жуткого пальца. Версия со скваттерами, конечно, имела смысл до определенной степени, но, как бы он ни хотел выбросить из головы другую версию – что мистер Сароцини и Майлз Ванроу занимаются черной магией, – над ним довлела смерть Зака Данцигера, Харви Эддисона и Фергюса Донлеви. Это могло оказаться не более чем дикими домыслами Донлеви – но он не был безумцем, он был уважаемым ученым. Кроме того, Джона всегда озадачивала одержимость мистера Сароцини секретностью.

Он попросил Арчи поискать какую-нибудь информацию на Ферн-банк, что-нибудь, что доказало бы Сьюзан и ему самому необоснованность их страхов.
У них были кошмарные выходные. Сьюзан замкнулась в себе. Она боялась находиться в доме из-за символов и не меньше боялась выходить на улицу. Он множество раз спрашивал себя, что бы он выбрал, если бы мог повернуть время вспять. На что была бы похожа их жизнь, если бы они отказались от предложения мистера Сароцини? И будут ли они любить друг друга как прежде, когда все это кончится? Или уже поздно, потому что он, или Сьюзан, или они оба изменились навсегда?
Это безумие. «Диджитрак» процветал, однако ему было трудно сосредоточиться на работе и сохранить мотивацию. Все деньги, которые текли к нему, ничего уже не значили. Со счетом был полный порядок, Клэйк был омерзительно любезен, когда им доводилось разговаривать друг с другом, и даже как-то спросил, не желают ли они посетить Уимблдонский турнир в этом году в качестве гостей банка.
Джон сказал:
– Не понимаю, как банк может быть таким… невидимым.
– Легко. Подставные директора, подставные пайщики. Возможно, Ферн-банк является дочерней компанией какого-нибудь другого банка, – зарегистрированного где-нибудь на Каймановых островах, который является дочерней компанией банка, зарегистрированного в Лихтенштейне, который контролируется еще одним банком, зарегистрированным на голландских Антильских островах, и так до бесконечности. Если у тебя достаточно денег, ты можешь позволить себе быть невидимым. Можешь как-нибудь развлечься, когда заняться будет нечем, – поискать в Интернете настоящих владельцев фиктивных компаний.
Джон снял галстук и повесил его на вешалку.
– Значит, твоя зажигалка, которую, как ты думаешь, спер этот парень из Ферн-банка, сейчас уже может находиться на другом краю света. А?
– Очень остроумно. – Арчи натянул рубашку для сквоша. – Никак не могу этого забыть. Если я этого козла еще раз увижу… как там его зовут? Кунц.
– Арчи, разве так отзываются о ценных клиентах?
– Ну, раз он ценный клиент, как-нибудь я вывезу его в море при восьми баллах и спрошу его, как ему нравится моя зажигалка, когда он будет блевать, перегнувшись через борт. Да, кстати, насчет этого лета… – Он замолчал и стал надевать спортивные носки. – Я подумал, не махнуть ли нам, если погода позволит, на лодке во Францию? Возьмем девчонок, поплаваем вдоль побережья Нормандии и Бретани, если повезет, доберемся до Нормандских островов. Как ты на это смотришь?
– Звучит неплохо. Не отказался бы.
«Нормальная жизнь, – подумал Джон. – Вот выход». Запланировать что-нибудь на будущее. Показать Сьюзан, что жизнь будет продолжаться и после рождения ребенка. Организовать что-нибудь, чего она будет ждать. Сделать это лето максимально насыщенным событиями: дерби, Аскот, Уимблдон, Хенлей, Глайндборн, Гран-при Британии, Коуз-Уик, закрытие Променадных концертов. Почему бы и нет? Ей это всегда нравилось. Джон вынул из сумки спортивные тапочки.
– Арч, тебе ничего странного про Ферн-банк не доводилось слышать?
– Странного?
Джон кивнул:
– Банк, представители которого тырят зажигалки, не очень соответствует тому образу респектабельного швейцарского банка, к которому мы все привыкли.
Арчи поглядел на него:
– Тебя что-то здорово напрягает в этом банке. Что именно?
Джон понизил голос, как будто в раздевалку кто-то зашел и мог их услышать.
– Может, это и смешно звучит, но мне любопытно, не занимаются ли они там какими-нибудь оккультными практиками.
– Оккультными? – Арчи стал завязывать тапочку. – Ты имеешь в виду черную магию, колдовство – из этой оперы?
– Да. – Джон затянул шнурок.

– На самом деле, – сказал Арчи, вставая со скамьи и потягиваясь, – забавно, что ты об этом заговорил. – Он пошарил в сумке, вытащил из нее мяч для сквоша и сжал его, будто проверяя силу руки. – Да, очень забавно.
– Арч, не тяни.
Арчи положил мяч в карман, взял ракетку и внимательно осмотрел леску сетки.
– Как они там называются, эти оккультные штуки?
– Какие штуки?
Арчи ущипнул сетку и остался доволен натяжением.
– Ну, эти символы, у них название как из математики. Правильные пятиугольники – как они называются?
– Пентаграммы?
– Точно. Так вот, этот парень, с которым я работаю, – у него стол рядом с моим стоит. Оливер Уолтон. – Он поднес ракетку к уху и снова ущипнул леску. – Как-то прошлым летом у нас в офисе сломался кондиционер и было жутко жарко. Он закатал рукава, и я увидел эту штуку у него на руке. Она была маленькая, я даже сначала подумал, что это родинка, но потом пригляделся и понял, что это… как ее?
– Пентаграмма?
– Ага. Я спросил, откуда она у него, а он вроде бы обиделся, опустил рукава и так толком мне ничего не ответил.
– А что он вообще сказал?
– Что-то пробормотал насчет того, что это личное и он не хочет об этом говорить. Правду сказать, денек тогда был еще тот, я закрутился и забыл.
– А какие у тебя отношения с этим парнем, Оливером Уолтоном?
Арчи скривил рот:
– Ну, работать с ним нормально. А вне офиса я его ни разу не видел, понятия не имею, чем он занимается. Он себе на уме, слова не вытянешь.
– Много бабок заколачивает?
– Целую кучу.
– Как ты?
– Да, но я их трачу. Бог знает, что он со своими делает. Может, складывает под полом.
– Завернув в бархат?
Этой фразы Джона Арчи не понял.

Часы показывали половину десятого, когда Джон приехал домой. Его удивило, что машины Сьюзан возле дома не было. На всякий случай он проверил и улицу, но и там было пусто.
Он открыл входную дверь. В прихожей его встретила свинцовая тишина. Сьюзан в доме не было. Ни записки, ни приготовленного ужина.
Он набрал службу голосовой почты. Было оставлено только одно сообщение, от детектива-сержанта Шоукросса. Он хотел договориться о встрече с Сьюзан в связи со смертью Фергюса Донлеви. Сообщение было принято в четыре сорок пять.
Джон беспокоился все больше. Он проверил каждую комнату на случай, если она лежит где-нибудь без сознания. Когда он вошел в расположенную радом со спальней ванную, внутри у него все сжалось. Исчезла ее зубная щетка, как и несколько склянок, всегда стоявших на полках. Отсутствовал ее халат, который должен был висеть на крючке с внутренней стороны двери.
В спальне была приоткрыта дверца шкафа.
Пропали ее тапочки.
Ее большого синего чемодана тоже не было.
Неужели началось? Так рано? Это возможно – особенно учитывая те приступы боли, которые ее мучили.
Он задумался. Если бы у нее начались роды, она бы позвонила в скорую помощь. Нет, она бы позвонила Майлзу Ванроу. Где-то в доме есть его номер, на непредвиденный случай, звонить в любое время суток. Он судорожно пытался вспомнить, где он его видел. Но если ее забрала скорая помощь, куда делась ее машина? Она уехала сама. Но почему она не позвонила ему на мобильный и не оставила сообщения?

Зазвонил телефон. Джон бросился к нему и с разочарованием услышал голос Кейт Фокс. Он сказал ей, что Сьюзан нет дома, и она попросила передать ей, что похороны Фергюса Донлеви состоятся в следующий вторник, в крематории Северного Лондона. Он записал информацию на листке бумаги и сказал Кейт, что передаст это, как только Сьюзан вернется.
Он положил листок на кухонный стол и прижал его перечницей. Затем стал искать номер Ванроу и наконец вспомнил, что он наколот на спицу вместе с меню местных ресторанов, отпускающих блюда навынос.
Прозвучал сигнал соединения, затем связь прервалась. Мысли его лихорадочно скакали. Может, она попала в аварию? Уехала за покупками? Он набрал номер Ванроу еще раз. На этот раз звонок прошел. Прозвучал гонг, и записанный на пленку голос сообщил, что его вызов переадресовывается. Затем снова сигнал вызова, уже другой высоты, и почти сразу же вежливый мужской голос ответил:
– Майлз Ванроу.
Ванроу находился в каком-то людном месте – в трубке был слышен шум, какие-то голоса. Джон подумал, не делает ли он из себя дурака? Может, Сьюзан сегодня уехала к подруге, а он забыл? От этой мысли вся его уверенность улетучилась, и он нерешительно сказал:
– Здравствуйте. Это Джон Картер, муж Сьюзан Картер.
Голос Майлза Ванроу был теплым и дружелюбным:
– Да, добрый вечер. Рад вас слышать. Чем я могу быть вам полезен?
Он говорил так спокойно, что Джон немедленно подумал, что зря поднял весь этот шум.
– Я… я просто немного беспокоюсь. Я пришел домой и не нашел Сьюзан. Она не оставила ни записки, ничего. Я подумал, может, что-то случилось и вы забрали ее в клинику.
Ванроу, казалось, забеспокоился:
– Нет, она мне не звонила. Я уже два дня ее не видел, с тех пор как она в последний раз была у меня на приеме.
– Не могло так случиться, что она где-нибудь упала в обморок? Или что начались роды?
Беспокойство в голосе Ванроу не усилилось.
– Да, мистер Картер, в принципе это могло случиться. Но я уверен, что, если бы у нее начались роды, она бы позвонила мне. Она очень уравновешенная молодая леди.
Джон не стал ему противоречить.
– Да, конечно.
– Вы звонили в полицию? Или в больницы?
– Нет. Нет еще.
– Думаю, стоит им позвонить. К сожалению, я сейчас на врачебном банкете и должен через несколько минут выступить с речью. Иначе я предложил бы вам свою помощь.
– Нет, не беспокойтесь, я сам. Уверен, что с ней все в порядке и я зря паникую.
– Да, я тоже так думаю. Может быть, вы позвоните мне где-нибудь через час и дадите знать, что все в порядке?
Джон обещал, что позвонит. Затем он сел за стол и запросил в справочной список ближайших больниц и полицейских участков. На столе вместе с «Дейли мейл» лежала утренняя почта: открытое письмо от матери Сьюзан, пара рекламных проспектов и счет за электричество.
Он записал номера, продиктованные ему оператором, и стал звонить. Сьюзан Картер не была зарегистрирована ни в одной больнице, ни одном в полицейском участке не было на нее информации.
Он не знал, вздохнуть ему спокойно или начать беспокоиться еще сильнее.
В одиннадцать он позвонил Майлзу Ванроу и сказал, что Сьюзан еще не объявилась. Шум на заднем плане усилился, и разговаривать было трудно. Судя по голосу, гинеколог уже немало выпил. Непонятно почему, но Джону это не понравилось. Ванроу поблагодарил его за звонок и предложил продолжать обзванивать больницы и полицейские участки.
Джон так и сделал, но ничего не добился. Тогда он стал звонить подругам Сьюзан, даже Каролине Эддисон, которую он поднял с постели. Безрезультатно.
Сьюзан будто сквозь землю провалилась.

Самая большая опасность поджидала ее здесь, на выходе из зала таможни. Смертельно уставшая и обливающаяся потом Сьюзан толкала тележку с багажом к залу для прибывающих. Она обвела беспокойным взглядом толпу людей, поднятые вверх таблички с именами в руках у встречающих. Она не знала, чье лицо она высматривает – может, мистера Сароцини. Но скорее всего, она не узнает того человека, который узнает ее.
Англия осталась в пяти тысячах миль позади, но Сьюзан ни на секунду не теряла бдительности. Закусив губу, она смотрела вперед, назад, по сторонам; ее взгляд натыкался на лица людей, знакомых ей по полету, и, не найдя в них опасности, отпускал. Во время полета она выделила пять человек, которые могли бы ее преследовать. Все они путешествовали в одиночку. Она намеренно задержалась в зале выдачи багажа и пропустила их вперед. Ни одно из них сейчас не было видно.
Ей повезло, что во время регистрации никто не осведомился, на каком она месяце беременности. В ее случае они могли вообще не пустить ее на борт без разрешения врача. Она специально надела широкое пальто без талии, чтобы скрыть живот.
Малыш спал почти весь полет, но теперь проснулся. Он тоже беспокоился. Сьюзан снова осмотрелась по сторонам – она чувствовала его беспокойство, в горле у нее пересохло. Нужно скорей убираться отсюда.
Снаружи накрапывал дождь. На стоянке сдающихся в прокат автомобилей не было никого, кто представлял бы опасность: переговаривались туристы, рассаживающиеся в автобусе, молодожены загружали чемоданы в багажник кабриолета. Сев в машину, Сьюзан долго возилась с ремнем безопасности, стараясь сделать его подлиннее, чтобы он не сдавливал ей живот. Затем она подъехала к шлагбауму, рядом с которым располагалось окошко кассы.
– Малыш, добро пожаловать в Лос-Анджелес, – сказала она через несколько минут, выехав на автостраду и утопив в пол педаль газа. В ответ Малыш заворочался у нее в животе. Он успокоился, когда они оказались в машине и покинули закрытое пространство стоянки. Но Сьюзан не собиралась расслабляться. Она следила в зеркала заднего вида за каждой подозрительной машиной. – Малыш, они хотят заполучить тебя для своих ритуалов, хотят сделать с тобой что-то ужасное. Я не знаю, что именно, но я не дам им такой возможности. Ты родишься здесь, в Калифорнии. Ты будешь тут в безопасности. Твои бабушка и дедушка помогут мне ухаживать за тобой. Тебе они понравятся. Они не очень богато живут, но нашли свой мир в жизни – ну, нашли бы, если бы не несчастье с Кейси.
Сьюзан замолчала. По лобовому стеклу, сметая капли, елозили стеклоочистители. Мимо прогрохотал грузовик, так близко, что Сьюзан вильнула в сторону. Джип слева сердито загудел. Сьюзан следила за седаном, сидящим у нее на хвосте уже пару минут. Она прибавила скорость, и машина прибавила скорость. Она притормозила, и машина притормозила.
Сьюзан застыла. В машине только водитель. Вдруг седан отвернул в сторону, направляясь к съезду с автострады. Некоторое время Сьюзан вела машину молча, затем сказала:
– Тебе понравится Кейси. Это твоя тетя. Она не сможет вести себя как обычная тетя, которая ходит с тобой гулять и покупает тебе подарки, но от этого она не будет любить тебя меньше. Понимаешь?
Малыш снова заворочался – он был согласен. Малыш будет любить Кейси.
Сьюзан переключила мысли на один из самых насущных вопросов. Нужно будет найти гинеколога. Скорее всего, это не составит проблемы – она выросла в этих местах, здесь у нее было много друзей. Уже через сутки у нее будет столько номеров телефонов, что она не будет знать, что с ними делать.
Она съехала с автострады в Венеции – оттуда всего пару миль ходу. Две мили, и она дома. Лондон далеко-далеко, будто на другой планете. А может, последние семь лет были всего лишь сном и Лондон в действительности не существует или существует, но в параллельной Вселенной, и в этой параллельной Вселенной Фергюс Донлеви до сих пор жив и здоров.
Ее мир здесь, сейчас. Тыльной стороной ладони она отерла со щеки слезу. Малыш настоящий. Только в этом она была уверена. Малыш – самое настоящее из всего, что было в ее жизни.
И через несколько минут она будет дома, в безопасности.
Но ей нужно еще подумать о том, с чем она не определилась.
О том, что она скажет родителям.

Когда компьютеры обмениваются цифровой информацией, они разговаривают друг с другом, пожимают друг другу руки, протянутые по телефонным проводам.
Эта идея завораживала Кунца. Никто не видит, что происходит внутри компьютерных корпусов. Магия телепатии, но только существенно более сфокусированная и гораздо более точная. И эту магию так легко использовать.
Кунц находил это потрясающим.
Сейчас друг с другом разговаривали три компьютера – это было похоже на переговоры. Один находился в маленькой металлической коробочке, прикрепленной к днищу автомобиля Арчи Уоррена; второй – на спутнике, вращающемся вокруг Земли; третий – среди шеренги компьютеров, почти целиком закрывавших одну стену аппаратной Кунца в его лондонской квартире.
И этот третий компьютер не был доволен. Он включил предупредительный светодиод и звуковой сигнал. «Астон-мартин» Арчи Уоррена отклонился от своего обычного маршрута после сквоша в четверг. Он должен был направляться домой, но он ехал в противоположном направлении, в сторону высотки, где были офисы «Леб–Голдсмит–Саксон».

Шины взвизгнули, когда Арчи резко развернул автомобиль на въезде в подземный гараж. Он сделал это специально, чтобы покрасоваться перед ночным сторожем. За рулем «астона» Арчи превращался в большого ребенка, хвастающего своей игрушкой.
Ночной сторож, которого, судя по беджу на груди, звали Рон Уикс, кивнул ему из своей будки. Рон Уикс видел жирного мудака в стильной тачке. Он не знал, что это «астон-мартин». Он не интересовался машинами и не смог бы отличить «астон-мартин» от «тойоты». Плевать ему было на эти движущиеся жестянки.
Единственное, что заботило сейчас Рона Уикса, было то, доживет ли его жена Мин – у нее был прогрессирующий рак груди – до появления на свет их первого внука, который должен был родиться через три месяца. Она хотела этого больше всего на свете. В том, что служащий приезжает на работу в девять вечера, не было ничего необычного. Эта компания зашибает деньги круглые сутки по всему миру. Люди приезжают и уезжают постоянно – в своих крутых костюмах, на своих крутых колесах.
Арчи зашел в лифт и нажал кнопку двадцатого этажа. Сегодня он приехал сюда из любопытства и чтобы помочь Джону. Что-то с его сделкой с Ферн-банком было не так, и из-за этого его приятель был сам не свой. Арчи сто раз спрашивал, в чем проблема, но Джон все время уходил от ответа. Единственным, что Арчи смог из него вытянуть, было то, что Джон думал, что этот банк может быть связан с организованной преступностью. В этом случае на Джона могут давить, выколачивать из него деньги. Но какого черта он тогда молчит как рыба?
Двери лифта открылись, и он вышел в темный коридор. Почти сразу же зажегся свет – все лампы в офисе были соединены с датчиком, срабатывавшим от тепла человеческого тела. Освещение включалось, когда кто-нибудь входил в комнату, и выключалось, когда все люди покидали ее.
В комнате заключения сделок не было ни души. Когда Арчи открыл дверь, с едва слышным щелчком включился свет. Помещение уже убрали: со столов исчезли все недопитые бумажные стаканчики с кофе и банки из-под лимонада, пол был вычищен, в воздухе пахло моющим средством. Только компьютеры не спали. По одному из экранов медленно ползла стая летающих тостеров; в другом, словно в аквариуме, плавала тропическая золотая рыбка.
Арчи сел за свой стол и по привычке – хотя это, скорее, было вроде наркотической зависимости, от которой уже не избавиться, – вошел в Сеть и открыл страницу облигаций правительства США, чтобы посмотреть, не произошло ли сильных изменений индекса Доу-Джонса. Затем проверил японские фьючерсы в Чикаго. Он с облегчением отметил, что за то время, пока его не было в офисе, никаких движений, на которые стоило бы обратить внимание, не произошло. Он надеялся, что оно так и останется до начала его операционного дня, то есть пяти часов завтрашнего утра.

Украдкой глянув на дверь, он встал из-за своего стола и сел за соседний, принадлежащий Оливеру Уолтону. Стул, точно такой же, как и его собственный, казался менее удобным, клавиши клавиатуры – менее тугими. Он ввел команду входа в систему. Машина запросила имя пользователя, и он напечатал, следуя фирменному стилю компании, первый инициал без точки, а за ним фамилию: «Оуолтон».

Компьютер запросил пароль, но у Арчи не возникло с этим никаких проблем: он тысячу раз видел, как его набирали пальцы Оливера Уолтона, и точно знал, какие клавиши и в какой последовательности нажимать. Ему никогда не приходило в голову, зачем ему знать пароль от компьютера Оливера Уолтона, но теперь этот маленький навык сослужил ему хорошую службу. Он напечатал: «Истина».

«Почему истина?» – вдруг удивился он, но не стал терять время: он находился в системе Оливера Уолтона. Он действовал медленно, осваиваясь с компоновкой элементов экрана, очень похожей на ту, которая была на его собственном компьютере, – все сотрудники компании использовали стандартный пакет программного обеспечения. Вертикальные ряды иконок. Вверху экрана – горизонтальный ряд стрелочных циферблатов, показывающих время в различных частях земного шара. Слева органайзер со списком дел на завтра.

Он быстро просмотрел имена файлов Уолтона, затем, еще раз оглянувшись на дверь, ввел в строке поиска слово «Ферн-банк» и нажал клавишу «Enter».

Через несколько мгновений на экране появился список файлов, но, к его удивлению, названия были напечатаны на неизвестном ему языке. Он подумал, что, скорее всего, это греческий. Он стал вспоминать, видел ли он когда-нибудь в школе греческие тексты, поискал знакомые буквы – альфа, бета, гамма, омега, – но не нашел ни одной. Может, это какой-нибудь шифр. Хотя не похоже.

Он навел курсор на верхнюю строчку и дважды щелкнул мышью. После короткой задержки файл открылся. Он представлял собой массив абсолютно непонятных цифр, букв, символов. Он открыл каждый файл из списка. Все они, казалось, были зашифрованы тем же образом.

Он беспокойно взглянул на часы. Он опаздывал. Пайла будет в ярости. Но он должен закончить то, что начал. Он вернулся к экрану и стал по очереди щелкать по всем иконкам, в надежде, что найдет программу-раскодировщик. Безуспешно.

Он никогда не был силен в компьютерах. Скорее всего, ему нужно сделать что-то совсем простое. Может быть, если он позвонит Джону и опишет шифр, Джон скажет ему, что это. Он потянулся к телефону, затем поколебался. Слишком мало времени. И у него появилась другая идея, получше.

Он создал новый файл, затем открыл первый файл из списка и скопировал его содержимое в новый файл. Затем он скопировал этот новый файл в одну из своих личных папок, удалил из компьютера Уолтона все следы того, что сделал, и вышел из системы.

Сев за свой стол, Арчи быстро напечатал электронное письмо Джону и прикрепил к нему файл. Послав письмо, он позвонил Пайле, чтобы сказать ей, что приедет через двадцать минут, и нарвался на пулеметную очередь оскорблений.

– Эй! Успокойся.

– Успокойся? Я… с чего мне успокаиваться? Ты говоришь, что ты дома полдевятого. А готовить ужин к полдевятого – ты вообще знаешь, сколько времени? А? Десять часов!

– Я был в больнице. Чрезвычайная ситуация.

– В больнице? – Ее тон полностью изменился. – О нет, нет, дорогой, что случилось?

– Я перенес срочную операцию по пришиванию соска.

В трубке стало тихо – Пайла была ошарашена.

– Нет, ты… – Затем до нее дошло. – Ты ублюдок! Я тут беспокоюсь!

– Я буду дома через двадцать минут. Встреть меня раздетой.

– Никакого секса! – сказала она. – Еда!

Когда он, улыбаясь до ушей, шел по коридору к лифту, то не заметил, что свет в комнате заключения сделок не погас. Он должен был автоматически выключиться, но этого не произошло, потому что в комнату кто-то вошел через другую дверь.

Оливер Уолтон сел за свой стол и ввел команду вызова журнала входов в систему. Ему понадобилось меньше минуты на то, чтобы найти то, что ему нужно. Затем он снял трубку телефона и набрал номер.

Кунц ответил после первого звонка.
– Да. – Затем опять: – Да. – Открыл крышку золотого «данхилла», послушал, как убегает газ, затем закрыл крышку и положил трубку. Посмотрел на зажигалку. Ее золотой корпус не был гладким. По нему шел узор в виде мелкой клетки, и от этого он казался матовым. Отражение в нем было лишь тенью, размытым пятном. Кунц открыл крышку, захлопнул. Очень хорошая зажигалка. Ее приятно даже просто открывать и закрывать.
Он позвонил мистеру Сароцини на домашний телефон в Швейцарии.
– Мне нужна ваша энергия для воздействия, – сказал он.
– Еще рано, Стефан. Я не ждал твоего звонка до завтрашнего утра.
– Возникли новые обстоятельства.
– Тебе нужна моя энергия и сейчас, и завтра утром? Ты не много времени мне оставляешь на то, чтобы восстановить мою силу.
– Это необходимо. Ситуация требует немедленного решения.
– Ты держишь в руках его личный предмет?
– Да.
– Хорошо. Я с тобой. Ты чувствуешь меня?
– Чувствую.
И он чувствовал, на самом деле чувствовал. Он сконцентрировался, и через несколько мгновений связь между ними стала усиливаться. Она становилась сильнее и сильнее. У Кунца возникло ощущение, что мистер Сароцини выскользнул из своего тела и вошел в его.
– Теперь настройся на предмет, будь мягок, позволь ему говорить, – сказал мистер Сароцини.
Кунц сделал, как было велено. Зажигалка покоилась на его массивной ладони. Он позволил чувствам, образам, вибрациям, воспоминаниям владельца зажигалки излиться ему в ладонь. Частая пульсация прошла по его телу. Он стал модемом, приемопередатчиком. Он стал радиоволной, он пожимал руку владельцу зажигалки, искал совпадающий уровень вибраций… вот они соединились… вот они обмениваются сигналами. Да… хорошо… хорошо… образ постепенно вырисовывался.
Кунц увидел подземный гараж. По нему шел мужчина, которому не мешало бы сбросить вес. От мужчины пахло табаком. Гараж был почти пуст – всего шесть машин. Одна из них красная, с откидным верхом. Мужчина направлялся к ней.
Кунц резко открыл крышку зажигалки. Щелчок. Закрыл. Щелчок. Открыл. Закрыл. Щелчок. Щелчок. Воплощенное в металле совершенство.
Он чувствовал каждый атом тела ее владельца.

Арчи открыл дверь своего «астон-мартина», забрался внутрь, закрыл дверь. Она захлопнулась с солидным стуком. Эта дверь сделана вручную, пригнана вручную. Над ней поработали лучшие инженеры. Он повернул ключ зажигания. Послышался щелчок – это включилось электрооборудование автомобиля. Еще щелчок – это включилась CD-магнитола. И еще щелчок – но такой тихий, далекий, что Арчи едва услышал его. Он будто прозвучал у него в голове. Ожил двигатель, и звук его работы был симфонией. Арчи – дирижер – надавил на акселератор. «Астон-мартин» задрожал от наполнявшей его мощи. Эхо музыки выхлопов металось по гаражу.
Левой ногой Арчи выжал сцепление, но ничего не произошло. Он удивился и попробовал еще раз. Нервный импульс прошел от его мозга к ноге, но нога не пошевелилась. Он попробовал в третий раз. То же самое.
«Онемела», – подумал он.
Он хотел устроиться в кресле поудобнее, но теперь и руки его не слушались. Странно. Он видел, что стрелка счетчика оборотов дрожит на отметке «1000». Слышал рокот двигателя, гром выхлопа. Обоняние тоже не пропало – он легко чувствовал запах кожи салона.
У него в голове раздался еще один странный щелчок, гораздо более громкий, чем раньше.
Кто-то стучал в окно. Арчи хотел посмотреть, но не мог, его голова не поворачивалась.
Голос. Арчи не узнавал его, но это, наверное, был сторож гаража. Голос кричал:
– Эй! Эй! Эй, вы, там!
«Он что, хочет прикурить?» – почему-то подумал Арчи.

В полдвенадцатого зазвонил телефон. Джон сидел внизу перед телевизором. Он схватил трубку в надежде, что это Сьюзан, – это должна быть Сьюзан, пусть это будет Сьюзан!
Это была Пайла. Злая и обиженная. И еще обеспокоенная и немного пьяная.
– Привет, Джон, – сказала она. – Слушай, я беспокоиться. Прости меня, я поздно, но я правда беспокоиться. Арчи говорить, сегодня он играет с тобой в сквош.
– Ну да.
– Он звонить мне, не знаю, полтора часа назад и говорить, что здесь через двадцать минут. Я стараюсь звонить, но ни дом, ни мобильный, ни офис не берут трубку. Где он?
Джон сказал ей все как есть, что он последний раз видел Арчи в клубе в девять. Но он не стал говорить ей, что у Арчи всегда есть в запасе штук пять подружек, он мог заехать к кому-нибудь из них по дороге домой.
И он решил не говорить ей, что Сьюзан тоже нет дома. Не хватало еще, чтобы эта дикая испанская кошка решила, что Арчи и Сьюзан смылись вместе. Он посоветовал ей не беспокоиться, сказал, что Арчи скоро объявится. Если она на самом деле беспокоится, она может попробовать обзвонить полицейские участки и больницы – на тот невероятный случай, если он попал в аварию.
Повесив трубку, он налил себе бренди и распечатал пачку сигарет, которую уже два месяца носил с собой.
Сьюзан собрала вещи и куда-то делась. Теперь Арчи пропал.
На какой-то дикий момент эти два события соединились в его сознании, но он немедленно отбросил эту мысль. Если бы они собирались вместе свалить, Арчи вряд ли перед этим стал играть с ним в сквош. И к тому же Арчи был без ума от Пайлы – гораздо более без ума, чем от любой из своих предыдущих подружек.
И Сьюзан, почти на восьмом месяце беременности, не стала бы ни с кем сбегать. Кроме мистера Сароцини.
Чушь собачья.
Может, Арчи помог Сьюзан убежать?
Невозможно. Он зажег сигарету. От первой затяжки у него закружилась голова. Вторая затяжка оказалась лучше. Сигарета была сладкой, дурманящей, расслабляющей. Он чувствовал легкую слабость, будто после адреналинового возбуждения.
Арчи не имеет к этому никакого отношения. Он не стал бы. Если бы Сьюзан попросила Арчи помочь, он бы все рассказал ему. Арчи – его друг, а не Сьюзан. Арчи трахается где-нибудь, вот и все. Но Сьюзан?
Куда она подевалась?
Он затянулся сигаретой, глотнул бренди и в сотый раз за вечер перебрал варианты.
Их было очень мало.

53

– Он уже час так сидит, – сказал Рон Уикс, обращаясь к двум только что прибывшим полицейским офицерам.
Он стоял рядом с «астон-мартином» Арчи. Двигатель автомобиля по-прежнему работал, и в гараже было трудно дышать из-за выхлопных газов.
Один из офицеров открыл дверь и тронул Арчи за плечо.
– Сэр? – сказал он. – Сэр, что случилось?
Арчи не отреагировал. Он не моргая смотрел вперед.
– Он ничего не говорил? – спросил второй полицейский.
– Ни слова.
– Ступор, – сказал первый полицейский. – Я такое уже видел. Отец с дочерью попал в аварию и видел, как у нее снесло голову. Он в таком же состоянии был.
– Не исключено, что у него инсульт, – сказал другой. – Вы звонили в скорую?
– Нет, – ответил Рон Уикс. – Я не знал, что нужно звонить.
– Я вызову. – Офицер поднес ко рту рацию.
Арчи сделал странное, направленное вверх движение большим пальцем.

– Говорите, он все время это делал? Большим пальцем? – спросил второй полицейский.
– Да, – сказал Уикс. – Думаете, он пытается нам что-то показать?
– Да нет. – Полицейский нахмурился. – Странно. Похоже, будто он пытается зажечь сигарету.

Дом находился в шести кварталах от Венис-Бич, но от выстроившихся вдоль улицы зданий стоимостью в миллионы долларов его отделяло не просто несколько сотен ярдов.
Это было маленькое скромное одноэтажное строение с круглым чердачным окошком. Его уже лет десять как нужно было заново покрасить. Когда-то дом был белым, а теперь приобрел цвет никотина, и выгоревшая на солнце краска вздувалась пузырями и облетала. Под почтовым ящиком из рифленого железа была видна полустертая надпись, идентифицирующая владельцев дома: «Корриган».
Припаркованные у дома машины были в таком же состоянии. Отцовский пикап кренился на правый борт, а «королу» матери давно было пора отправить на свалку. Любой, кому случилось бы, выгуливая собаку, забрести в этот квартал и взглянуть на дом, подумал бы, что здесь живут какие-нибудь алкоголики. И был бы не прав.
Их бы удивил примыкающий к заднему двору сад, с его безукоризненными грядками и ухоженными фруктовыми деревьями, и еще больше их удивил бы интерьер дома – у ее родителей было много книг, картин и старинных вещей. Многие картины – в основном морские пейзажи и изображения яхт – были написаны ее отцом.
Сьюзан поставила свой чемодан перед крыльцом и немного постояла, стараясь избавиться от комка в горле. Странно приезжать сюда вот так, без звонка, словно она ребенок, бегущий домой от чужих людей. Неужели семь лет ее жизни с Джоном не более чем интермедия? Ее обуревали смешанные чувства. Она почти падала с ног от усталости и разницы во времени. Здесь, в Лос-Анджелесе, было шесть часов дня, в то время как в Лондоне – два часа ночи. У нее сильно болел живот. Эта бесконечная, обжигающая, словно от раскаленного ножа, боль усиливалась с каждым часом.
Ключ от дома все еще лежал у нее в кошельке, но она решила не доставать его. Это был не тот случай, когда можно было просто войти, устроив родителям приятную неожиданность. Она открыла дверь-сетку от мух, поднялась на крыльцо и позвонила в звонок.
Дверь открыла ее мать Гейл. Несколько секунд она стояла молча, открыв рот. Сьюзан смотрела на нее, не зная, что сказать. На ее матери были джинсы, трикотажная рубашка и тапочки. Она чуть-чуть пополнела с тех пор, как Сьюзан видела ее в последний раз, больше года назад, но в остальном почти не изменилась. Разве что морщины на ее лице стали еще глубже, будто кто-то подвел их карандашом, а в светлых волосах, небрежно забранных в хвост, было теперь больше седины. Когда-то ее мать была очень красивой женщиной, но после несчастья с Кейси она набрала вес и стала меньше за собой следить. Это было видно даже по ее покрытым красным лаком ногтям, которые раньше были безукоризненны, а теперь подстрижены кое-как.
С кухни тянуло запахом готовящейся пищи. Ее мать любила тушеное мясо с овощами, и в их доме всегда пахло хорошей едой. Теперь это пробудило в Сьюзан множество воспоминаний.
В синих глазах матери плескалось целое море вопросов. Беременные дочери не оказываются вдруг в нескольких тысячах миль от дома, у родительской двери, с чемоданом у ног, если у них в жизни все в порядке. Такого не бывает.
– Сьюзан, что…
Сьюзан сглотнула комок в горле, попыталась улыбнуться, но прежде, чем смогла что-нибудь сказать, начала плакать. В следующую секунду она уже рыдала на плече у матери и снова была маленькой девочкой, девочкой, которая упала и ушибла колено, а ее мать обнимала ее, крепко прижимала ее к себе, несмотря на разделявший их живот. Все будет хорошо, скоро все будет хорошо.
Все будет хорошо.
Сьюзан приняла душ и немного отдохнула. Сейчас она сидела в большой комнате на старинной скамье со спинкой. Родители устроились в старых креслах по обе стороны от нее. Сьюзан помнила, как мать купила эту скамью – много лет назад, на гаражной распродаже в Санта-Монике. Ее отец Дик держал в грубых, испачканных краской руках бутылку пива, задумчиво смотрел на ее стеклянные изгибы и слушал. У него было худое морщинистое лицо, пушистые брови, проницательные глаза и мечтательная улыбка а-ля Генри Фонда. Его выцветший хлопчатобумажный комбинезон пах скипидаром.

Сьюзан, раньше думавшая, что выросла гораздо более сильным человеком, чем ее родители, чувствовала себя ребенком, о существовании которого она забыла много лет назад. Ее будто расспрашивали о каком-то детском проступке.
– Джон с ними заодно, – сказала она.
На их лицах отразился ужас – или просто недоверие, что тоже было возможно.
– А про какие символы на чердаке ты говорила? – спросила мать.
Сьюзан описала те символы, которые смогла вспомнить, затем рассказала об отрезанном пальце. Палец родителей обеспокоил.
– В этой сделке Джона с банком ты имела право голоса? – спросил отец.
– Да, я могла отказаться. – Сьюзан пожала плечами. – Я согласилась потому… – Она заколебалась.
– Потому что доверяла Джону? – подсказала мать.
– Джон мне всегда нравился, – сказал отец. – Но он делец. Я всегда чувствовал, что деньги для него важнее всего на свете.
Сьюзан скривилась, потому что боль вдруг усилилась. Может, это ребенок шевелится.
– Нужно будет обязательно найти тебе сегодня доктора, – с тревогой сказала мать.
Сьюзан помотала головой:
– Я просто очень устала. Высплюсь, и будет лучше.
– Тогда завтра мы поедем в медицинский центр, к доктору Гудману. Тебе он понравится, он самый замечательный врач на свете.
Сьюзан сделала глоток апельсинового сока. Воздух в комнате был какой-то вязкий. Сьюзан вдруг показалось, что ей все это снится. Ей было очень странно сидеть вот так, без Джона, с родителями. Она вспомнила, что серебряные часы, стоящие на камине, раньше были вмонтированы в приборную панель старого «паккарда». Они работали от спрятанной позади них батареи. Стрелки показывали семь двадцать пять. Она быстро посчитала: в Англии три двадцать пять утра.
Она вдруг почувствовала себя виноватой за то, что не оставила Джону записки. Может, стоит позвонить ему, сказать, что с ней все в порядке, что она останется с родителями до тех пор, пока ребенок не появится на свет и суд не возьмет его под свою защиту.
Но тогда он будет знать, где она. Он расскажет мистеру Сароцини и Ванроу.
А они приедут и схватят ее.

Кунц в своей квартире в Эрлс-Корт услышал, как Сьюзан произнесла:
– Я не могу отдать своего ребенка. Я не хочу, чтобы его убили.
Затем ее мать сказала:
– Если этот Сароцини здесь объявится…
Отец Сьюзан, Дик Корриган, остановил жену:
– Гейл, давай не будем спешить с выводами. Сьюзан устала, ей надо успокоиться. У нее было потрясение, которое усугубил долгий перелет. Эти перелеты кого хочешь уездят – помнишь, как мы себя чувствовали, когда вернулись из Европы? Не надо ничего сейчас решать. Я думаю, Сьюзан следует хорошенько поесть, хорошенько выспаться. Мы поговорим обо всем потом, утром.
– Я тебе одно скажу, Дик, – сказала ее мать. – Она никому не отдаст этого ребенка. Никому.
– Гейл, никто его пока не отбирает. Сьюзан, мы здесь, мы о тебе позаботимся, но я уверен, что все это имеет какое-то другое объяснение.
– В последнее время в новостях много рассказывали про суррогатных детей, – сказала ее мать. – На прошлой неделе по девятому каналу шел документальный фильм об этом. Может, нам стоит найти Сьюзан какую-нибудь группу поддержки, обратиться за консультацией?
Дик Корриган повысил голос:
– Но если Джон не хочет этого ребенка, как Сьюзан может заставить его передумать? Как?
– Он передумает, – решительно сказала Сьюзан. – Когда мой ребенок родится, он обязательно передумает.

Кунц улыбнулся. Все складывалось как нельзя лучше.
Сьюзан, я так горжусь тобой.

В полвосьмого утра Джон приехал к себе в офис. Он был вымотан тревогой за Сьюзан и бессонной ночью.
Был момент, в полчетвертого, когда он начал засыпать, но тут позвонила Пайла. У нее была истерика. Она звонила с таксофона из больницы Святого Фомы. Джон добился от нее, что Арчи лежит в отделении интенсивной терапии.
Он сразу же поехал туда и попал в самый разгар ссоры Пайлы с дежурной медсестрой отделения, которая не хотела их пускать, потому что они не были родственниками. Они все же пробились к Арчи и собственными глазами увидели, насколько все плохо. Арчи смотрел перед собой невидящим взглядом, никак не реагировал на слова Джона и время от времени делал странное, направленное вверх движение большим пальцем.
Вышедший к ним врач-стажер засыпал Джона вопросами, а потом прочел целую лекцию. Он сказал, что для своего роста и возраста Арчи весит недопустимо много, что он недопустимо много курит, слишком много и напряженно работает. Сразу после игры в сквош – не самой легкой из игр – он выпил, а потом поехал работать в офис. После такой программы с ним могло произойти все, что угодно, очень высока вероятность инсульта. Точнее можно будет сказать утром, когда из лаборатории придут результаты анализов.

Джон сидел за столом и чувствовал, что его жизнь разваливается на кусочки. Он с ума сходил от беспокойства о Сьюзан и был очень расстроен случившимся с Арчи – черт, они ведь одного возраста, и он всегда считал Арчи неуязвимым. Ладно, у него
вес в норме, и курить он бросил, но ведь работа у него не менее нервная, чем у Арчи. Если такое случилось с его приятелем, то где гарантия, что это не может случиться с ним?

Он закрыл глаза.
Сьюзан, где же ты? Господи, куда же ты пропала?

Он попытался поставить себя на ее место. Она беременна; она думает, что Сароцини и Ванроу собираются принести ее ребенка в жертву; она напугана рисунками и пальцем на чердаке; ее выбила из колеи смерть Фергюса Донлеви; она больше не доверяет даже ему.
Она уверена, что все окружающие ее люди участвуют в заговоре, направленном против нее или, скорее, против ее ребенка.
Он должен как-то вернуть ее в реальный мир.
Но он уже не понимал, где, собственно, реальный мир. Он думал об этой оккультной хрени на чердаке. О коллеге Арчи с пентаграммой на руке и Ферн-банком в качестве клиента. О Заке Данцигере, умершем сразу после заключения сделки с Ферн-банком. О Харви Эддисоне, умершем после того, как они пришли к нему на прием. О Фергюсе Донлеви, умершем после того, как он пытался предупредить Сьюзан. Об Арчи с его неожиданным инсультом, или чем там.
Но как это, черт возьми, можно связать вместе? Никак нельзя. Перепугаться до смерти и сделать неверные выводы легко; гораздо труднее сохранять спокойствие и судить здраво. Это не более чем цепь совпадений, и Сьюзан, с ее бзиком насчет совпадений, сделала из мухи слона. Но какие бы доводы он ни проводил, он не мог себя убедить. Не до конца. Тревога вгрызалась в его сознание и подрывала уверенность.

Сьюзан, где ты?

Ни у одной из ее подруг ее нет. Куда же она могла поехать? Куда бы он поехал на ее месте? О каком месте сразу подумает человек, попавший в беду? О доме, о родителях?
Калифорния?
Это невозможно, она не могла поехать в Лос-Анджелес. И в любом случае, она же на последних месяцах беременности – ее просто не пустили бы в самолет.

Ванроу с ума сойдет, если Сьюзан покинула страну, – он возражал, чтобы она уезжала из Лондона всего на несколько часов. Джон посмотрел на часы. Семь сорок пять. Значит, в Лос-Анджелесе сейчас одиннадцать сорок пять вечера. Поздно, но ничего не поделаешь. Он нашел телефонный номер родителей Сьюзан в настольной записной книжке и набрал его.
Трубку взял его тесть. Похоже, Джон поднял его с постели. Он разговаривал с Джоном холоднее обычного. Джон рассудил, что это из-за позднего часа.
– Дик, извините за беспокойство… не знаю, как лучше это объяснить… у Сьюзан произошло что-то вроде нервного срыва. Вчера вечером я приехал домой и не нашел ее. Она упаковала чемодан и уехала. Я подумал, может, она звонила вам или Гейл или приехала к вам?
После короткой паузы Дик Корриган сказал:
– Нет, я… Гейл и я… Сьюзан не звонила нам уже пару недель. Да, последний раз она звонила две недели назад, в воскресенье. Она показалась мне немного уставшей, но с ней было все нормально.
Джон попросил его позвонить, если они узнают что-нибудь о Сьюзан. Дик обещал позвонить, попросил его о том же и повесил трубку.
Джон уронил голову на руки. На всякий случай, вдруг Сьюзан прислала ему электронное письмо, он включил компьютер и проверил почту. Его ждали обычные двадцать с чем-то писем. Просматривая заголовки, он заметил, что одно из них от Арчи Уоррена. Оно было послано вчера в девять сорок семь вечера. Он щелкнул мышью и открыл его:

> «Джон, вся информация на Ферн-банк, похоже, зашифрована. Целая куча файлов. Если сможешь расшифровать этот файл, дай мне знать, я скопирую остальные. После прочтения съесть.
> Арч».

Джон задумался. Арчи не говорил об этом за игрой. Он был в офисе после и послал оттуда письмо. Арчи нашел файлы Ферн-банка, а потом свалился от удара?
Может ли здесь быть связь? Можно ли допустить такое?
Или нельзя не допустить?
Он щелкнул по вложению, чтобы открыть его, и через несколько секунд экран его компьютера заполнился буквами, цифрами и символами, которые ничего ему не говорили. Он позвонил Гарету и попросил его зайти к нему в кабинет.
Через несколько минут Гарет смотрел в его экран. У него был еще более похмельный вид, чем обычно, а его одежда выглядела так, будто утром он вытащил ее из корзины с грязным бельем.
– PGP, – объявил он.
– Шифровальная система?
– Да.
– Можешь ее раскодировать?
Гарет посмотрел на него так, будто он был трехлетним ребенком:
– Нет проблем. Дай мне суперкомпьютер «Крэй» года на четыре, и тогда стоит попробовать.
– Черт. Ты серьезно?
Гарет опять повернулся к экрану.
– Каков источник всего этого?
– Что ты имеешь в виду?
– Ты получил это от человека, который знает, чем они занимаются?
– Ну да. Вроде того.
Гарет зажег сигарету.
– Тогда это, возможно, задача нахождения недетерминированного многочлена.
– Скажи по-английски.
– По-английски? Ты в жопе.
– Замечательно. Спасибо, Гарет, ты мне очень помог.
– Чтобы это прочесть, тебе нужна фраза шифрования – она должна быть известна и посылающему информацию, и получающему. Когда ты шифруешь что-то в этой системе, ты вводишь ключ – восьми-, шестнадцати-, двадцатичетырехбитный и даже сложнее, в

зависимости от степени шифрования. Система работает на принципе удвоения, как в загадке с рисовым зернышком на шахматной доске.
– Каким рисовым зерном?
– Представь, что ты кладешь одно рисовое зернышко на первую клетку, два на вторую, четыре на третью, восемь на четвертую, шестнадцать на пятую и так далее. К тому времени, как ты доберешься до шестьдесят четвертой клетки, у тебя на доске будет в три раза больше риса, чем производится во всем мире за год. По такому же принципу работает и эта система кодирования.
Джон беспомощно посмотрел на него:
– Ну и?.. Что, нет никакого способа прочитать это?
Гарет оглянулся в поисках пепельницы и, не найдя, стряхнул пепел в корзину для бумаг.
– Насколько это срочно?
– Крайне.
Гарет прошелся взад-вперед по кабинету, размахивая руками.
– Ладно. У меня есть один приятель… – Он подошел к Джону поближе, нервно оглянулся по сторонам и продолжил, понизив голос: – Мы вместе в Суссексе работали. Сейчас он в секретной службе прослушивания и слежения. Ну, эта контора при правительстве. У них там есть «Крэй», и он мне говорил, ну так, между нами, что у них есть ключи к большинству шифровальных систем, распространенных в Интернете. Там у них все круто. Я с ним встречусь в выходные, выпью.
Джон покачал головой:
– Это очень срочно, Гарет. Побыстрее нельзя?
Гарет посмотрел на экран и сказал:
– Ну ладно, сделай мне копию. Я попробую, но ничего не гарантирую.

Кунц, сидя в салоне высшего класса рейса «Бритиш эруэйз» до Женевы, ел ранний завтрак: омлет, тонкие сосиски и грибы.

54

Окно его комнаты выходило на виноградники и оливковые рощи южных склонов Лигурийских холмов. Внизу, на дороге, отражающей все изгибы текущей по дну долины реки, были видны горелые останки одного из последний конвоев Муссолини.
Ему было тринадцать. Война закончилась больше двух лет назад. Мальчишки, местные жители и старьевщики уже давно растащили с грузовиков и вездеходов все, что можно было унести в руках или увезти на крыше машины, оставив только голое, начавшее ржаветь железо.
Его жизнью была эта комната с низким наклонным потолком, унылыми маленькими картинами и узкой вертикальной щелью окна с видом на долину, ярко-зеленую летом и тускло-серую зимой. Его жизнью была эта комната и его книги. Его комната располагалась в дальней части чердака, и под окном был обрыв в несколько сотен футов – никто не мог заглянуть к нему. Никто в деревне не знал, что он здесь, кроме пары, жившей внизу. Это был их дом. Они кормили его и утоляли его жажду знаний, постоянно принося новые книги. В целом мире о его существовании знало всего несколько человек.
Поэтому, когда за ним пришли, он не был готов.
Он не видел людей, ворвавшихся к нему в комнату той ночью. Было темно. Он спал, а едва проснулся, ему надели повязку на глаза и заткнули рот вонючим кляпом.
Вокруг шептали голоса. Он не понимал, сколько их было, но слышал, что большинство из них были женщинами. Он боялся их. Они выволокли его из постели, швырнули на пол, затем бросили на стол, за которым он ел и работал. И все время они шептали: «Ĕll Diavolo… Ĕll Diavolo… Ĕll Diavolo».
Он слышал, как хозяйка дома, сеньора Велуччи, кричала, чтобы они оставили его, грозила страшными карами. Они не слушали ее.
Его ночную рубашку сорвали с него, затем в него начали тыкать пальцами, словно в теленка на базаре. При этом они пели, и в паузе женский голос произнес: «Ce l'ha il padre, deve averlo anche lui» – «Это есть на его отце, на нем тоже должно быть».

Другая женщина, раздвигавшая ему пряди волос и осматривавшая кожу на голове, пробормотала, что у сына Эмиля Сароцини даже волосы дьявольские.
Затем палец нашел его задний проход, сильно надавил, проникая внутрь. От боли он замычал в кляп. Палец так же резко вынули. Кто-то сказал что-то, он не расслышал. За замечанием последовал взрыв хохота.
Затем тишина.
Пятьдесят лет прошло, а он все еще помнил эту тишину.
Его схватили за запястья, лодыжки, бедра. Их руки были словно тиски. Одна рука прижала его голову к столу так, что он едва мог дышать.
Пальцы завладели его членом и резко дернули его вверх. Когда они уверенно взялись за мошонку, его охватила паника. Женский голос сказал:
– Нам не разрешено убивать его, но мы можем сделать так, что род Сароцини прервется на этом мальчике. Он будет последним.
А потом боль, да, боль в паху от ножа. Чувство невосполнимой потери, наложившееся на эту боль.
И слова Десятой Истины: «Тот, кто не чувствует жажды мщения, не ощущает боли». Эти слова он вспоминал всякий раз, когда думал о той боли.
Ни одна женщина в этой деревне не смогла понести с 1947 года. Аяне-д-Аннунци стала вымирать. Ее прозвали Деревней проклятых. Никто не понимал, что с этим местом – то ли что-то не так с водой (выше по течению текущей в долине реки располагался химический завод), то ли во всем виноват рацион местных жителей, в котором преобладали грибы. Ученые, озабоченные уменьшением плодородности почв в мире, проводили здесь множество различных исследований, и деревня Аяне-д-Аннунци часто упоминалась в научных журналах, но единого мнения о том, что здесь происходит, так и не было достигнуто.
Мистер Сароцини думал обо всем этом, глядя через стол на Кунца.
Думать об этом необходимо.
– Чем была твоя жизнь, когда я нашел тебя, Стефан? – спросил мистер Сароцини.
– Ничем.
– А как я нашел тебя?
– Голос, – сказал Кунц. – Вам был Голос.
– И что этот Голос сказал мне?
– Он сказал вам, где я живу, где найти меня, – в деревушке в Танзании. Мне было пять лет.
– И что ты делал в этой деревушке?
– Учился охотиться.
– И?..
– И все.
– Как ты появился на свет, Стефан?
– Я не знаю.
– Тебя родила монахиня из христианской миссии, изнасилованная егерем-проводником?
– Я не знаю.
– Почему егерь изнасиловал монахиню?
– Я не знаю.
– А что ты знаешь, Стефан?
– Что вы пришли за мной.
– Почему я пришел за тобой?
– Вас направлял Голос.
– Почему меня направлял Голос?
Кунц опустил глаза на ворсистый персидский ковер.
– Потому что я был вам нужен. А особенно вам нужен был ген, который я ношу. Редкий ген.
– Направляет ли Голос тебя, Стефан?
– Вы направляете меня.
– Кто ты, Стефан?
– Младенец, плачущий в ночи. Младенец, плачем просящий света и не имеющий иного языка, кроме плача.
– Кто это написал, Стефан?
– Теннисон.

– Кто твой свет, Стефан?
– Вы.
– Тогда почему ты не подчиняешься мне? Почему ты ослаб? Потому что обрел любовь? И всему виной наслаждения плоти? Жажда наслаждений плоти ослабляет тебя, жажда наслаждений, каждую секунду бодрствования присутствующая в твоем мозгу, ведущая тебя, правящая тобой, обладающая тобой?
У Кунца не было ответа.
– Почему ты позволил Сьюзан Картер улететь в Америку, Стефан?
– Потому что вы так мне велели.
– А ты всегда подчиняешься мне? Ты что, как собака Павлова? Выделяешь слюну, когда я нажимаю кнопку звонка?
Кунц поколебался – а это, он знал, было опасно.
– Да.
– Ты выделяешь слюну, думая о Сьюзан Картер?
Кунц снова поколебался.
– Я отдал тебе Сьюзан Картер, Стефан, а ты отпустил ее в Америку.
– Мои возможности ограниченны, – ответил Кунц. – Я не мог остановить ее.
Лицо мистера Сароцини озарилось зарницей гнева.
– Один телефонный звонок в аэропорт, Стефан. Если бы ты сообщил им, на каком она месяце беременности, они бы не пустили ее на борт. Это все, что тебе нужно было сделать.
Кунц опустил голову. Ему было стыдно.
– Посмотри на меня, Стефан. Любовь ослабила тебя.
Кунц поднял голову и посмотрел на мистера Сароцини, но ему по-прежнему нечего было сказать. Мистер Сароцини мог бы его похвалить за то, что он отреагировал в мгновение ока и немедленно послал в Америку Майлза Ванроу – доктор был в Америке еще до того, как самолет Сьюзан приземлился. Но сейчас не время для похвалы.
– Ты понимаешь, что этому ребенку нужен будет отец, Стефан?
Кунц нервно глотнул.
– Да.
– Я выполнил то, что обещал, Стефан?
– Да.
– До конца выполнил?
– До конца.
– Так, как ты мечтал?
Кунц ответил:
– Вергилий писал, что сны-мечты приходят к людям через двое ворот. Одни ворота из рога, сквозь них приходят вещие сны. Вторые сделаны из слоновой кости, и через них боги посылают людям ложные сны.
– И через какие ворота тебе пришел сон-мечта о Сьюзан Картер?
Кунц задумался, потому что все вопросы мистера Сароцини были ловушками.
– Через ворота из рога, – сказал он.
Мистер Сароцини улыбнулся:
– Стефан, ты помнишь, как звучит Пятнадцатая Истина?
Кунц ответил:
– «Воплощать мечту – сила, повторять мечту – слабость».
Мистер Сароцини вынул из ящика стола опасную бритву и вручил ее Кунцу.
– Она острая?
Кунц проверил пальцем и сказал мистеру Сароцини, что она острая.
Мистер Сароцини достал из стоящей на столе коробки сигару, но не зажег ее.
– Только мы с тобой знаем истину. Этот ребенок – истина. – Он посмотрел на поясок сигары, затем перевел взгляд на Кунца. – Я выполнил свою часть сделки, теперь ты должен выполнить свою. Ты готов очистить себя, Стефан? Защитить себя от будущих искушений? Показать мне, что я ошибаюсь, что любовь не ослабила тебя, но сделала сильнее?
Кунц потерял дыхание в мгновенном приступе паники. Он не хотел делать этого, не хотел, но не мог ослушаться. Он должен показать мистеру Сароцини, что любовь его не ослабила. Он старался успокоить себя. Так будет лучше. Его доверие к мистеру Сароцини было абсолютным.

Мистер Сароцини не стал бы принуждать его, если бы это не было действительно необходимо. И ведь он же дал обещание.
Он глубоко вздохнул и сказал:
– Я готов.
Мистер Сароцини подошел к шкафу и открыл его. Затем он включил видеомагнитофон, и Кунц содрогнулся. Он знал, что за этим последует, и не хотел смотреть, но мистер Сароцини не оставлял ему выбора.
Ему придется смотреть.
На экране появилась Клодия. Она была без одежды. Левая сторона ее тела была молочно-белого цвета – того цвета, который так возбуждал Кунца, который он находил таким чувственным. Но вся правая сторона тела была красного цвета, а на груди отсутствовал сосок.
Она была подвешена на цепях. Одна цепь обвивалась вокруг ее шеи, вздергивая ее к потолку, две, закрепленные в полу, шли к лодыжкам, еще две крестообразно растягивали ее руки в стороны. Камера была направлена ей в лицо, и на нем запечатлелся ужас. Она кричала, плакала, ее глаза от страха вылезали на лоб.
Кунц наблюдал, как он сам вошел в кадр и приблизился к ней. В руке у него был нож, простой разделочный нож, острый как бритва. У него не было выбора, он должен был продолжить то, что было начато не один день назад.
Он вспомнил, что когда подошел близко к Клодии, то попытался заговорить с ней, сказать, что не хочет делать этого. И сейчас, глядя на экран, Кунц был рад, что камера этого не ухватила.
Он смотрел, как он сделал небольшой горизонтальный надрез под ее левой лопаткой – осторожно, чтобы не задеть мышц. А затем – даже он содрогнулся, глядя на то, что за этим последовало, – он продолжил сдирать с нее кожу.
Через несколько минут мистер Сароцини остановил запись и сказал Кунцу:
– Ты бы не хотел услышать такие крики из уст Сьюзан Картер?
Кунц сказал, что не хотел бы. Он говорил правду – ни за что на свете он бы не хотел этого.
Мистер Сароцини сказал:
– Когда ты исполнишь свой долг, я выполню свое второе обещание. Сьюзан Картер будет твоей вечно.
Кунц посмотрел мистеру Сароцини в глаза и почувствовал такое же доверие, какое всегда питал к этому человеку. Это необходимо. Это должно быть сделано.
Он взял опасную бритву, прошел в ванную, смежную с кабинетом мистера Сароцини, и закрыл дверь. Он расстегнул пряжку ремня на брюках и позволил им упасть на пол. Затем стянул боксерские трусы.
Клодия теперь – и это благо для нее – мертва. Но Сьюзан Картер жива. И если она станет для него искушением еще раз, если она совратит его еще раз или даже просто попытается опять сбежать, мистер Сароцини заставит его наказать ее тем же способом, каким он заставил наказать Клодию. Он не мог этого допустить, потому что любил Сьюзан. Он должен избавить ее от этого.
Кунц опять попробовал остроту бритвы, затем отмел в сторону волнение, колебания, сомнения. Он напомнил себе, что мистер Сароцини сам испытал такую боль, к тому же он спасает жизнь Сьюзан Картер. Возможно, мистер Сароцини обладает могуществом именно потому, что он такой, как есть. И если он хочет стать таким же сильным, как мистер Сароцини, он должен уподобиться ему.
Да, теперь он понимал. Это был способ мистера Сароцини помочь ему, заставить его понять. И он понял – и это было прекрасно.
Он спасает жизнь Сьюзан Картер.
Его затопила благодарность к мистеру Сароцини. Он схватил себя за мошонку. Его яички вспыхнули болью, когда он сжал их и убрал от основания члена. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с болью, возникшей, когда он прорезал бритвой кожу и затем хрящ. Кровь залила ему руку и стала капать, а потом литься на пол.

Он закусил губу, перегородкой зубов останавливая крик боли. Его колотило, зрачки глаз сузились. Он старался успокоить дрожащую руку с бритвой. По нему ручьями тек пот. Еще не все, еще далеко не все. Нельзя терять решимости. Надо продолжать.
Я спасаю твою жизнь, Сьюзан.

> Он издавал едва слышные мычащие, шипящие, свистящие звуки. Чтобы прекратить их, он плотнее сжал зубы. Тело начало складываться пополам. Приложив усилие, он выпрямился.

Он не должен кричать.
В живот ему вонзился кинжал. Боль достигла основания черепа, взорвалась иголками, проникшими в мозг, на обратном движении прошедшими сквозь тело. Он согнулся, зарычал от боли. Затем рык превратился почти в стенание. Окровавленная мошонка отделилась от тела и осталась у него в руке. Почти обезумев от боли, он бросил ее в унитаз и спустил воду. Посмотрев на кровь, струящуюся на бедра и на пол, он оторвал туалетной бумаги, скатал ее и прижал к паху.
Не в силах больше терпеть боль, он упал на колени, прижался распаленным лбом к кафелю стены. Его сотряс позыв рвоты. Он знал, что он слаб, и боялся этого. Мистеру Сароцини это не понравится. Ему нужно быть сильным, задействовать все резервы силы. Мистер Сароцини ждет его. Он находится здесь уже слишком долго. Он должен показать свою силу.
После еще нескольких позывов его вырвало. В голове немного прояснилось. Шатаясь, он встал на ноги, достал из кармана золотой «данхилл», открыл крышку. Затем, беззвучно произнося все Истины подряд, он отнял от паха пропитавшуюся кровью бумагу и поднес пламя к изрезанной плоти. Он почувствовал боль, запах паленого мяса, но Истины дали ему силу. Он повторял их снова и снова, одну за другой. Они стали мантрой, которую он повторял до тех пор, пока не закончил прижигать рану, а боль не сдала позиций, превратившись в тупую пульсацию.
Он замыл пятна на рубашке, вымыл руки, поправил галстук и вернулся в кабинет мистера Сароцини. Он шел медленно, поскольку ходьба причиняла сильную боль. Он сказал мистеру Сароцини, что исполнил свое обещание.
Но этого было недостаточно. Мистер Сароцини кивнул, но он еще не был доволен. Он сказал Кунцу:
– Теперь ты должен объяснить мне, Стефан, почему ты еще не наказал Сьюзан Картер за то, что она обратилась к гинекологу Харви Эддисону.
Кунц не мог объяснить. Его мозг был объят пламенем. Боль возвращалась, и он прилагал все старания к тому, чтобы не обнаружить ее.
– У тебя есть слабость, Стефан. Опасная слабость. Ты осознаешь опасность?
Кунц сглотнул. Кивнул.
– Ты зол, Стефан?
Кунц снова кивнул. Он хотел сесть, лечь, схватиться за пах, свернуться в клубок, снова стравить, но ничего из этого он не мог сделать в присутствии мистера Сароцини.
– Ты зол на свою слабость? На Сьюзан Картер? Ты должен направлять свой гнев, фокусировать его. Ты принес фотографию?
Кунц достал из кармана фотографию Кейси.
Мистер Сароцини кивнул. Кунц достал золотой «данхилл» и поджег фотографию. Банкир протянул руку, взял фотографию и прикурил от нее сигару. После этого он уронил горящую фотографию в стеклянную пепельницу, стоящую у него на столе. Они молча смотрели, как она догорела.
– У тебя есть какая-либо личная вещь Сьюзан Картер?
Кунц достал новый платок с вышитой в углу буквой «С». Он взял его из корзины грязного белья в ванной Сьюзан. Она не заметила пропажи.
Мистер Сароцини посмотрел на часы. Глубоко затянулся сигарой.
– Ты чувствуешь благодарность, Стефан? Ты чувствуешь благодарность за все то, что я для тебя сделал?
Кунц не смел открыть рот, так как боялся, что боль проявится в его голосе. Он уже показал мистеру Сароцини одну свою слабость – нельзя тут же показывать вторую. Он знал, что мистер Сароцини играет с ним, расставляет ему волчьи ямы. И сквозь ужасную боль к нему пришло предупреждение. Двенадцатая Истина: «Благодарность – это слабость».
– Я знаю, что удостоен великой чести, но по рождению, а не из милости.
Лицо мистера Сароцини просветлело.
– Хорошо, Стефан! Это очень хороший ответ! Теперь нам нужна энергия. Платок пусть останется у тебя – связь будет легче достигнуть через тебя, а не через меня. Закрой глаза. Настройся на платок. Пусть он заговорит.

Кунц увидел маленькую детскую комнату. На полке на стене сидели мягкие игрушки и стояла кукла танцовщицы фламенко в целлофановом цилиндре-упаковке. В комнате спала женщина. Это была Сьюзан Картер.
Часы показывали двенадцать тридцать пять. Правильнее – ноль тридцать пять, местное время – в Лос-Анджелесе.

55

Кейси убежала вперед по туристической тропе, петляющей между темно-красными скалами и огромными каменными глыбами. Ее соломенного цвета волосы блестели под ослепительным колорадским солнцем. Сьюзан с родителями тащилась позади.
Затем Кейси остановилась и обернулась. Улыбаясь во весь рот, она прокричала:
– Эй, вы, там, отстающие! Поторопитесь, а то пропустите шоу!
Она бегом спустилась по трибунам пустынной концертной площадки и запрыгнула на сцену. Стоя там, одетая в джинсы, кеды и футболку с надписью «Спасите китов», она уперла руки в бедра и объявила Сьюзан, родителям и шести тысячам пустых мест:
– Итак, встречайте. Единственное, уникальное выступление Кейси Корриган в Ред-Роке. Пр-р-р-и-и-и-ветствуйте!
Затем, с подобранной по дороге короткой палкой вместо микрофона, она во всю мощь легких запела Time after Time и пустилась в дикий пляс по сцене. Второй песней была What's Love Got to Do With It? Тины Тернер. Она вдруг прервала песню на середине и сказала:
– Мам, пап, Сьюзан, давайте присоединяйтесь. Давайте… Сьюзан, Сьюза-н-н-н-н. Сьюза-а-а-а-а-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н. Сьюза-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н.
Сьюзан проснулась в панике и не понимая, где находится. В голове затухало эхо голоса Кейси. Кровать была слишком маленькой, окно не там, где нужно. Где Джон?
Затем она вспомнила. Она была дома, в своей старой спальне. В доме своих родителей. Ее тело холодной пленкой покрывал пот. В груди угнездился страх. Кейси.
Кейси плакала.
С Кейси что-то не так.

Вчера я убежала из Лондона.

С животом было хуже, чем вчера вечером. Спина тоже болела – возможно, из-за кровати, рассчитанной на подростка, а не на беременную женщину. Она включила свет и посмотрела на часы: три тридцать пять утра.
Ред-Рокс. Она ясно помнила тот день. Это было двенадцать лет назад. Они всей семьей отправились в поход на выходные. Кейси была самым большим развлечением в этой поездке. Она выглядела красивой молодой женщиной, но внутри еще оставалась ребенком – забавным, ни о чем не задумывающимся и оттого предельно естественным.
Сьюзан стояла на циклопических безлюдных трибунах и смотрела на Денвер в долине внизу, когда ее охватил тот ужас. Она не могла петь вместе с Кейси из-за предчувствия, что скоро случится что-то плохое. Она вдруг поняла, что Кейси слишком добрая, слишком великодушная, слишком дружелюбная для этого мира, он не оставит ее в покое, а втянет в свою орбиту, испортит, изменит, стащит на свой уровень.
Через три недели Кейси приняла таблетку, и она изменила ее навсегда.
Иногда Сьюзан могла чувствовать Кейси на расстоянии. Когда они были детьми, она могла сказать, как Кейси себя чувствует, даже если та находилась на большом расстоянии от нее. Однажды ее руку пронзила резкая боль. Она пришла домой и узнала, что Кейси упала с велосипеда и сломала правую руку.
Сьюзан знала, что телепатия – обычное явление между близнецами. Но она может встречаться и просто между родственниками, хотя гораздо реже. Даже в последние годы, уже в Англии, было несколько моментов, когда она точно знала, что думает Кейси, или чувствовала, что она пытается передать ей сообщение.

И сейчас она испытывала нечто подобное, и это чувство было очень сильным. Чувство, что Кейси боится.
Малыш тоже не спал – она ощущала, как его ножка упирается ей в живот. Он беспокойно шевелился, будто пытаясь что-то ей сказать. Он словно чувствовал, что его тетя испугана.
Снаружи, в ночи, взвыла сирена. Сьюзан села на постели, затем спустила ноги на пол и, насколько позволил живот, потянулась вперед и выпрямилась, стараясь справиться с болью в спине. Обернувшись, она посмотрела на кровать, занимавшую, вместе со стоящим на полу чемоданом, большую часть этой маленькой узкой комнаты. Кровать заметно прогибалась посередине.
С полки над кроватью на нее смотрели мягкие игрушки. В конце ряда игрушек стояла в целлофановом цилиндре кукла танцовщицы фламенко, с чернильно-черными волосами и безумной улыбкой. Ее подарил Сьюзан кто-то из родственников, вернувшись из поездки в Испанию.
Она подошла к окну, раздвинула тонкие занавески и выглянула на улицу. Луна была полной. Ее свет, усиленный снизу мягким желтым заревом уличных фонарей, был достаточен для того, чтобы читать. Через забор перемахнуло какое-то животное. Сьюзан не разглядела, кто это был – кот или, может быть, койот или енот.
Без всякого предупреждения на нее накатила волна головокружения и тошноты. Не в силах сдвинуться с места, она схватилась руками за подоконник, повисла на нем, стараясь сохранить вертикальное положение. Только бы не упасть на пол и не потерять сознание… Она наклонилась вперед, за окно, чтобы не запачкать пол, если вырвет, и закрыла глаза.
Прохладный ночной воздух освежил ее, и тошнота улеглась, но она еще некоторое время постояла у окна, дыша соленым морским воздухом. Головокружение прекратилось, и она окончательно проснулась. Присев на краешек кровати, она взглянула на часы. Три часа сорок минут. Она посчитала в уме. В Лондоне одиннадцать сорок. Неудивительно, что сна ни в одном глазу, – почти середина дня.
Интересно, как там Джон?

> Сидит в офисе, звонит всем их знакомым, ищет ее? Она так хотела ощутить тепло его рук, услышать его голос. Он говорил, что не имеет отношения к заговору мистера Сароцини и Майлза Ванроу. Она хотела, чтобы он повторил это сейчас. Чтобы он поклялся.

> Но она не могла позвонить ему, потому что он с ними заодно. Она вспомнила тот первый ужин в клубе, когда она впервые увидела мистера Сароцини. Даже глупец понял бы, что все это было подстроено. И этот обед в Гилдхолле, где Джон познакомился с мистером Сароцини – или только *говорил*, что познакомился, – он тоже был подстроен. А она ничего не заподозрила.

А что, если они знают друг друга уже очень давно? Сьюзан подумала о том, как часто Джон приезжал домой поздно или даже уезжал на время по делам. Может быть, в эти дни он принимал участие в их шабаше, или как он там называется?
Опомнившись, она попыталась подойти к вопросу критически. Мог ли Джон и в самом деле уже быть сатанистом, когда они поженились? Тогда почему он никогда не говорил об этом, ни разу не попробовал обратить ее в свою веру? Похоже, все началось с проблем с «Диджитраком». Это было для него последним средством. У него не хватило мужества признаться ей.
Зак Данцигер умер через несколько недель после заключения сделки с мистером Сароцини. Он представлял угрозу для «Диджитрака». Но почему умер Харви Эддисон? Сьюзан не видела связи. Фергюс копал под них и поэтому умер. Она рассказала Джону о том, что узнала от Фергюса, а Джон передал все Сароцини, и мистер Сароцини приказал убить его. Как только мистер Сароцини вложил деньги в «Диджитрак», деньги к ним потекли рекой. Джон говорил, что они забирали с конкурсов почти каждый контракт.

Из книги, которую Сьюзан редактировала, а также из той книги, которую она прочла в самолете, и еще из фильмов она знала, что оккультисты, сатанисты, черные маги – или как они там называются – обладают способностью влиять на людей. Они могут управлять ими, причинять боль и физический вред. Могут парализовать человека, ослепить его и даже убить, просто сфокусировав на нем свои мысли. Просто
подумав
о нем. Это как с куклой вуду, в которую колдун втыкает иголки. То же самое.

Так Джон один из них или он просто предложил им сделку? Ребенок для жертвоприношения в обмен на их деньги и силы для развития его бизнеса. И никаких лишних вопросов.
И у него не хватило мужества признаться.
Она вспомнила о том сне (галлюцинации? реальности?) в клинике. Мужчина из «Бритиш телеком». Люди в масках. Что, если это происходило на самом деле? Что, если это не было ни сном, ни галлюцинацией? Был ли среди этих людей в масках Джон? Она ведь могла не узнать его.
Фергюс сказал, что Эмиль Сароцини был дьяволом во плоти.
Но сейчас ему должно быть по меньшей мере сто десять лет.
Но если он и вправду дьявол во плоти, то ему может быть столько. Или больше.
Ей в голову пришла еще более дикая мысль. А что, если Арчер Уоррен тоже один из них? Этот их сквош по четвергам – кто докажет, что они на самом деле играли в сквош?

А их остальные друзья? Она никогда не видела ни одного родственника Джона – он сжег все мосты между собой и осколками своей семьи. Что, если все его друзья тоже сатанисты? Он привез ее из Америки, наивную и ничего не подозревающую.
Доставил
ее своей секте. И вся эта чушь про то, что он не хочет детей, – он просто тянул время, чтобы сохранить ее в неприкосновенности до того момента, когда она должна была сыграть свою роль – роль племенной кобылы.

Господи, Сьюзан, да что ты такое думаешь?

– Сьюза-а-а-а-а-н-н-н-н-н-н-н.
Она вздрогнула. Плач звучал так близко, будто Кейси была в ее комнате. Малыш заворочался, будто тоже услышал его. «Ты нужна Кейси, – пытался сказать он. – Поспеши».
Она надела халат, тихо открыла дверь и на цыпочках, как в детстве, прошла мимо спальни родителей и спустилась вниз, в кухню. Там она сняла трубку телефона и набрала номер клиники. После четырех гудков записанный на пленку голос сказал ей, что коммутатор не работает до семи часов утра.
Ее тревога усилилась. Она позвонила в справочную и спросила, есть ли в клинике «Кипарисовые сады» ночной телефон на чрезвычайный случай. Диспетчер сказал, что нет.
Снова закружилась голова. Сьюзан посмотрела на настенные часы. Они показывали три сорок пять. Сверилась с наручными часами: три сорок две. Три с четвертью часа до того момента, как кто-нибудь в клинике подойдет к телефону.
Она повесила трубку, и на нее снова накатила тошнота. На этот раз ее точно вырвет. Она едва успела подскочить к раковине, как это произошло. Внутри будто шуровали раскаленной кочергой. Ее снова вырвало. Глаза наполнились слезами. Ей хотелось, чтобы родители проснулись и мать спустилась вниз и приложила ей ладонь ко лбу, как в детстве, когда она болела. Но после трагедии с Кейси родители стали принимать на ночь снотворное и всю ночь проводили в дурмане медикаментозного сна.
Ее снова вырвало. Колени ослабели и подгибались, не выдерживая веса тела. Желудок был опустошен, из Сьюзан выливалась только горькая желчь. Она закашлялась. Ее легкие горели, перед глазами плыло. Сьюзан терпеливо ждала окончания приступа и ослабления боли в животе.
Наконец она смогла выпрямиться, сполоснула рот, а затем раковину. Ей стало лучше, только очень хотелось пить. Она налила стакан ледяной воды из холодильника и выпила его залпом.

Затем стала подниматься наверх. Невысокая лестница превратилась в огромную гору. На верхней ступеньке боль согнула ее, и ей пришлось остановиться и подождать, пока приступ не пройдет. Она дошла до спальни и села на кровать.
У нее горел лоб. Температура. С ней творилось что-то ужасное. Она запаниковала. Она ведь так далеко от Майлза Ванроу. Может, он и сатанист и хочет принести ее ребенка в жертву, но он хороший врач. Самый лучший. Он поймет, что с ней не так, и что-нибудь сделает.

Не роды ли у меня начинаются?

Но у нее не было никаких симптомов, свидетельствующих о приближении родов, – по крайней мере, тех, о которых ей рассказывал Ванроу. Никаких схваток – если только схватками не были эти боли. Никакой крови. Никакой закупоривающей слизи.
Она легла и закрыла глаза, но мелькание мыслей в голове не позволило ей заснуть. Кейси, Кейси, Кейси.

Кейси зовет.

Сьюзан спросила себя, сможет ли вести машину. Можно вызвать такси. Но головокружение возвращалось, и ей было слишком плохо для того, чтобы сейчас куда-либо ехать. Она взглянула на часы: десять минут пятого.
Три часа, и я позвоню тебе. Прямо с утра я попрошу маму или папу отвезти меня к тебе. Не беспокойся, я здесь, в Лос-Анджелесе, через несколько часов я буду у тебя. Я люблю тебя.

Где-то на дне чемодана у нее была книга. Встав на колени, она пошарила в своих плохо упакованных вещах и нашла ее. Даже это минимальное усилие утомило ее, и она с трудом забралась обратно в постель.
Это была вторая из двух книг, купленных в оккультном магазине в Ковент-Гардене. Первую она прочла еще в самолете, но эта вроде бы детальнее касалась интересующих ее вопросов.
Она пролистала ее до раздела, озаглавленного «Амулеты и талисманы», и начала читать внимательно:

«Как считает известный египтолог сэр Е.Г. Уоллис Бадд, основное различие между амулетом и талисманом состоит в том, что амулет проявляет свои защитные свойства непрерывно и защищает владельца от всех видов воздействий, в то время как талисман призван выполнять какую-либо отдельную задачу защиты. Обладание амулетом и талисманом…»

Она остановила чтение. Палец на чердаке в выстеленном бархатом углублении – это был амулет или талисман? Она стала читать дальше. Известный египтолог подтвердил, что из костей, зубов, волос, слюны, крови и внутренних органов получаются мощные амулеты и талисманы.
Малыш обеими ручками толкнул ее в живот. Затем перекатился и толкнул опять. И вдруг в ее голове возник образ мужчины из «Бритиш телеком».
– Что ты хочешь? – выкрикнула она и прикусила губу: вслух, она выкрикнула не в воображении, а вслух.

Я брежу.

– Сьюза-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н!
Малыш неистово ворочался.
– Сьюза-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н-н!
Кейси в отчаянии – в этом не было никаких сомнений.
– Все хорошо, – прошептала она. – Я иду.
Она вскочила с постели, надела широкие брюки, трикотажную рубашку и туфли без каблука, в которых приехала, набросила на плечи верблюжье пальто и схватила сумочку.
– Я еду, Кейси, – снова прошептала она. – Успокойся. Я уже еду.

Она вышла из спальни, бесшумно прошла мимо родительской двери и спустилась по лестнице. Ступени скрипели, но ни мать, ни отец не пошевелились. Сьюзан вздохнула с облегчением. Ей не хотелось объяснять родителям, куда она собралась среди ночи, – вчера вечером они смотрели на нее так, будто не могли решить, то ли их дочь сошла с ума и ее надо лечить, то ли она говорит чистую правду и ей надо поверить.
Она заставила их пообещать, что они не скажут, что она здесь, если Джон позвонит. Только они легли в постель – незадолго до полуночи, – как зазвонил телефон. Она выбежала из своей комнаты и, стоя под дверью спальни родителей, слышала, как отец сказал: «Нет, я… Гейл и я… Сьюзан не звонила нам уже пару недель. Да, последний раз она звонила две недели назад, в воскресенье. Она показалась мне немного уставшей, но с ней было все нормально».
Она закрыла входную дверь, придержав язычок ключом, чтобы он лязгнул не так громко, и села в свою взятую напрокат машину.

Днем до клиники нужно было добираться не меньше сорока минут, но по безлюдному предрассветному шоссе время пути намного сокращалось. Она направлялась к каньону. Дождь уже прекратился, но на дороге еще мерцала тонкая водяная пленка.
Неожиданно Сьюзан увидела в зеркало заднего обзора множество мигающих огней – целую разноцветную ленту. Казалось, позади нее с шоссе взлетал космический корабль. Она перестроилась во внешний ряд и сбавила скорость.
Мимо нее промчалась колонна пожарных машин. За ними – две полицейские патрульные машины. Затем целый флот машин скорой помощи.

О господи, нет!
Она видела, куда они направлялись: к красному зареву, слишком интенсивному для того, чтобы быть светом уличных фонарей.

Ее тревога усилилась. Она утопила в пол педаль газа, послав стрелку спидометра к отметке девяносто миль в час, а затем и сто. Через две мили она догнала колонну и, ориентируясь на задние огни последней машины, съехала за ней с автострады на четырехполосную дорогу, которая проходила через маленькую деревушку. Ее обогнали еще несколько пожарных машин и машин скорой помощи. Они, не останавливаясь, пролетели светофор. Сьюзан тоже не стала ждать зеленого – ей было все равно, в животе все туже затягивался узел страха.
Дорога изменилась с тех пор, как она ездила по ней последний раз год назад. В зеркале опять появились мигающие огни. Проехав какое-то здание, которого раньше не было, она подумала – она
понадеялась,
– что случилось чудо и они едут не по той дороге.

И затем она не поверила своим глазам. Колонна начала поворачивать налево. Резко затормозив, она закричала им сквозь лобовое стекло:
– Не туда! Вы едете не…
И резко замолчала.
Потому что они ехали туда.
В клинике Кейси не было пожара.
Они направлялись в другую часть каньона. Сьюзан вспомнила: в миле впереди них был большой склад пиломатериалов. Вот куда они едут!
Снова тронувшись и быстро набирая скорость, она опустила окно и подставила лицо усиливающемуся ветру. Все хорошо. Клиника не горит. Кейси в безопасности. Над ней, на верхней дороге, словно бешеные звери выли сирены. Пот на коже Сьюзан высох.
– Я скоро буду, Кейси, – сказала она. – Уже подъезжаю.
Впереди уже виднелись впечатляющие дорические колонны – въезд на территорию клиники. На каждой из колонн было выбито: «Клиника „Кипарисовые сады“». Она включила правый сигнал поворота и притормозила, чтобы выпустить выезжающую машину, которая ослепила ее фарами. «Кто-нибудь из ночной смены, врач или технический работник», – подумала она. Резко

нажав на акселератор, она понеслась по длинной, обрамленной деревьями аллее, спотыкаясь каждые пятьдесят ярдов, чтобы перевалить через «лежащего полицейского».
Клиника представляла собой красивое современное здание высотой в три этажа, протянувшееся по краю каньона. Из его окон открывался прекрасный вид в обе стороны: и на океан, и на пустыню. Это была дорогая частная больница средних размеров, имеющая прекрасную репутацию и в области пластической хирургии, и в области долгосрочного ухода за такими пациентами, как Кейси.
Большая часть здания была погружена в темноту – освещено было только фойе и несколько окон на втором и третьем этажах. Сьюзан приезжала сюда много раз, и стоянка перед больницей всегда была забита автомобилями; сейчас на ней стояло всего несколько машин.
Она заехала на парковочное место, вышла из машины и беспокойно посмотрела на окно палаты Кейси. Днем его легко было отличить от других окон на втором этаже по пышным цветам в длинном ящике, за которыми круглый год ухаживала мать Сьюзан. Сейчас цветов не было видно. В воздухе стоял слабый запах горящей древесины. Тишину ночи нарушало далекое завывание сирен.
Она быстро пошла к главному входу, но автоматические стеклянные двери не открылись, когда она приблизилась к ним. На них была табличка с надписью: «После 22:00 звоните».
Она нажала на кнопку. Ничего не произошло, и она позвонила еще раз. Прошла целая вечность, прежде чем к двери подплыл охранник в форме, который весил, должно быть, не меньше трехсот фунтов. Он бегло взглянул на Сьюзан, кивнул и снова уплыл. Спустя еще целую минуту двери наконец открылись.
Она вошла внутрь. Охранник сидел за своей конторкой, на которой лежал раскрытый журнал Национальной стрелковой ассоциации.
– Чем могу помочь?
– Можно повидать мою сестру?
Он вскинул брови, будто говоря: «В такой час?», и сказал:
– Вы знаете, где ее палата?
– Двести четырнадцать, крыло «Лагуна».
Он нажал клавишу на компьютерной клавиатуре.
– Имя?
– Ее или мое?
Он устало посмотрел на нее:
– Ее.
– Кейси Корриган.
– А ваше?
– Сьюзан Картер.
Он посмотрел на экран, нажал еще несколько клавиш. Стоящий рядом с ним большой принтер зажужжал и напечатал пропуск. Охранник положил его в пластиковый конверт с булавкой и отдал Сьюзан.
– Знаете, как идти?
– Да. – Она прикрепила пропуск к отвороту пальто. – Спасибо.
– Нет проблем. Хорошего свидания. – Он вернулся к своему журналу.
Эта клиника напоминала Сьюзан клинику Ферн-банка в Лондоне. Дизайнеры сделали все возможное, чтобы ее фойе скорее было похоже на холл отеля, нежели на больницу. Стены обшиты панелями светлого кедрового дерева, на них висели тяжелые гобелены. По периметру мраморного пола были расставлены удобные кресла, отделенные друг от друга горшками с растениями и вазами со свежими цветами. Но также, как и в клинике банка в Лондоне, больницу выдавал запах.
Рывок, с каким тронулся лифт, вызвал у Сьюзан очередной приступ тошноты и головокружения. Выйдя из лифта в коридор, где на полу лежал голубой ковер, она прислонилась к стене и прикрыла глаза. «Не теряй сознания, – подумала она. – Не сейчас, пожалуйста, не сейчас».
Двери лифта с шипением закрылись. Единственными звуками в коридоре был стук ее сердца, тихое жужжание кондиционера и непрерывный электронный писк: бип… бип… бип… бип…
Она открыла глаза и посмотрела вдоль длинного коридора. На каждой двери здесь белела табличка с фамилией пациента в небольшом металлическом держателе. Таблички менялись

очень редко. Все пациенты, лежащие на этом этаже, находились в состоянии вегетативной жизни, комы, и большинство имен на двери были знакомы Сьюзан. Она двинулась вдоль коридора. Д. Перлмуттер. Салли Шульман. Боб Таннер. Кейси Корриган.
Над дверью Кейси вспыхивала красная лампа.
У Сьюзан сердце ушло в пятки. Она рванулась к двери и распахнула ее. В комнате было темно, слабое зеленое и оранжевое свечение исходило лишь от дисплеев и индикаторов аппаратов, поддерживающих в Кейси жизнь, следящих за ее дыханием, сердечной и мозговой деятельностью. Сьюзан увидела три мигающих красных огонька и услышала предупредительный звуковой сигнал, пронзительный и частый пип-пип-пип-пип.
Она нащупала выключатель и включила яркий верхний свет, на мгновение ослепивший ее. Затем она увидела Кейси, как и всегда лежащую на кровати. Но только она не дышала. Насос работал, подавая воздух, но грудь Кейси не поднималась и не опускалась, как должна была, как было всегда.
Она вообще не двигалась.
И цвет лица Кейси был не такой, как обычно. Ее щеки раньше были розовыми, будто долгий отдых здесь приносит ей пользу. А сейчас они имели цвет старой жевательной резинки.
Взгляд Сьюзан метнулся к монитору электрокардиограммы. Обычно там возникали равномерные пики, но сейчас через монитор тянулась горизонтальная зеленая линия, а рядом на экране вспыхивали и гасли слова: «Подача воздуха прекращена!»
Взгляд Сьюзан перепрыгнул на вентилятор, и она сразу поняла, что не так: блок, соединяющий дыхательный аппарат Кейси с резиновой выводной трубой насоса, был разобран. Кислород без всякой пользы уходил в пространство комнаты.
Она закричала, призывая помощь, и попыталась соединить трубки. Она ощутила на руке тугую струю воздуха, но трубки рассоединились, как только она отпустила их. Здесь нужен был хомут, защелка, что-нибудь.
– Помогите! – закричала она. – Кто-нибудь, помогите! Пожалуйста! Помогите!
Она выбежала в коридор.
– Помогите! Пожалуйста, помогите!
Никого. Она лихорадочно пыталась понять, что ей теперь делать. Кто-нибудь должен прийти. Кто-то же здесь дежурит. Важнее поддерживать подачу воздуха. Господи, сколько времени Кейси провела вот так?
Она забежала обратно в палату, схватила трубки и приставила их друг к другу. Через секунду грудь Кейси чуть-чуть поднялась и опустилась. По крайней мере, хоть сколько-то воздуха в ее легкие попадает. Сьюзан посмотрела на Кейси. Это удивительной красоты лицо, обрамленное длинными золотыми волосами, – Сьюзан всегда считала, что оно гораздо красивее, чем у нее самой. И этот ужасный серый цвет.
Она потянулась и дотронулась до щеки Кейси. Холодная, как замазка. Сьюзан и не думала, что человеческая кожа может быть такой холодной.
Снова схватив трубки, она соединила их.
– Помоги-и-ите! – опять закричала она. – Пожалуйста, кто-нибудь, помогите! О господи, пожалуйста, помогите!
И вдруг пришла боль. Будто стальным хомутом стянули тело, ломая его, плюща внутренности. Она закричала и сложилась пополам, но каким-то чудом удержала трубки прижатыми друг к другу. А затем внутри ее повернулось огромное стальное лезвие, разрывая, разрезая внутренние органы, разбрызгивая во все стороны боль, словно расплавленный свинец. Голову будто отрывало от туловища, уши заложило.
Она закричала от боли. Она звала на помощь, потому что ее сестра умирала. Пол покачнулся, приблизился. Она старалась удержаться на подгибающихся ногах. Стены ушли назад и вверх. Ковер ударил ее по лицу.
Не в силах пошевелиться, она лежала на полу. Ноздри улавливали запах жидкости, с которой был почищен ковер.
Боль вернулась – воткнутый в тело и кромсающий внутренности нож. В горло поднялась желчь. Желудок стянуло позывом к рвоте, она изо всех сил старалась подавить его.
Сглатывая рвоту, она замычала, потому что не могла говорить: «Помогите. Кто-нибудь, пожалуйста, помогите».

Она все еще держала трубки прижатыми друг к другу, вцепившись в них так, будто они были последней вещью, связывающей ее с миром.

Держись, Кейси, не умирай. Пожалуйста, не умирай.

Затем боль взорвалась бомбой, и сила этого взрыва высосала из нее все, весь свет из глаз и разума. Все пропало в огромной, невообразимо пустой агонии.

Когда она снова смогла видеть, перед глазами у нее расплывалось. Лицо, незнакомое, женщина в белом халате, гладкие черные волосы, прямо перед глазами – бедж с надписью: «Пэт Коук, старшая медсестра ночной смены».
– Кейси, – прошептала Сьюзан.
Медсестра держала ее за запястье. Проверяет пульс? Рукав халата медсестры лежал у Сьюзан на лице, заглушая голос.
– Кейси, – снова прошептала она. – Пожалуйста… – Слова ускользнули от нее вместе с сознанием.

56

Джон отменил обед с клиентами – он не смог бы хорошо провести переговоры, так как безумно беспокоился о Сьюзан. Он закрылся у себя в кабинете и звонил домой каждые полчаса, в надежде, что Сьюзан вернулась или хотя бы оставила сообщение на автоответчике.
Но сообщения за это утро были только от Джо-строителя – сумбурный рассказ о материалах, которые ему нужно было купить; от Лиз Гаррисон – она приглашала Сьюзан на ленч на следующей неделе; от Пайлы – истеричное и абсолютно неразборчивое.
Джон позвонил в больницу, и его соединили с сестринским постом отделения интенсивной терапии. Он соврал ответившей на звонок медсестре, что он брат Арчи Уоррена, и спросил, не улучшилось ли его состояние.

К его огорчению, с Арчи было все по-прежнему. Он оставался без сознания. Его подключили к системе поддержания жизнедеятельности. По-прежнему никто не мог определить, что с ним не так. Единственным утешением было то, что в его мозгу не обнаружили никаких следов инсульта, и поэтому наиболее вероятным объяснением его состояния стало то, что он пал жертвой какого-то загадочного вируса. Пока они не поймут, что это, –
если
поймут, – они не могут начать его лечить. Им в буквальном смысле остается только ждать. Его состояние или будет улучшаться, или останется без изменений, или ухудшится.

Известия привели Джона в уныние. Если бы Харви Эддисон был жив, он бы позвонил ему и попросил рекомендовать лучшего невропатолога в стране, а потом как-нибудь убедил бы его заняться Арчи. Он мрачно смотрел в свой кофе. Все выходило из-под его контроля. Он чувствовал себя одиноким и беззащитным.
Сьюзан не было ни у родителей, ни у друзей. Она или потеряла память и теперь бродит где-нибудь по улицам, не зная, где ее дом, или сняла комнату в отеле, или – это, конечно, вряд ли, но все же вполне возможно – мистер Сароцини похитил ее и держит у себя.

В половине шестого Джон положил трубку после очередного бесплодного звонка домой. Он колебался, не позвонить ли в полицию, чтобы заявить о пропаже Сьюзан, когда к нему в кабинет вошел Гарет Нойс с толстой пачкой распечатанных на принтере листов.
– Ты никогда меня об этом не просил, понял? – сказал он, явно довольный собой.
– О чем «об этом»? – машинально спросил Джон и тут же понял, о чем он говорит. – Неужели расшифровал?

– Не я. Ты здорово обязан крутому эксперту в Глостере. Мой дружище может сесть за это в тюрьму. С законом о неразглашении государственной тайны не шутят.
Джон схватил распечатку, но, просмотрев несколько страниц, остался разочарован. На всех листах были только колонки заключенных сделок. Это был гроссбух деловой активности Ферн-банка за последние семь месяцев. Каждая строка распечатки содержала название компании – некоторые названия Джон знал, но многие – нет, – за которым следовала дата, количество акций во владении Ферн-банка, общее количество выпущенных акций, процентное отношение количества акций во владении Ферн-банка к общему количеству выпущенных акций, самая высокая и самая низкая цена за акцию за год.
– Спасибо, Гарет, – сказал он, стараясь не показать своего разочарования. – Это просто здорово.
– Ну хорошо. Еще увидимся, – ответил его компаньон и ушел.
Джон потер глаза и, начав с первого из пятнадцати листов, стал внимательно читать названия компаний. Может, так он найдет какую-нибудь зацепку.
К тому времени, как он добрался до середины двенадцатой страницы, у него начали слипаться глаза, и он чуть не пропустил название «Клиника „Кипарисовые сады“».
Он остановился и перечитал название еще раз, чтобы убедиться, что не ошибся. Согласно записи Ферн-банк приобрел сто процентов акций «Клиники „Кипарисовые сады“» 7 сентября прошлого года.
Он снова перечитал запись, задумался. Он хотел быть до конца уверенным в том, что все понял правильно. «Клиника „Кипарисовые сады“». Нет, все правильно. Ему хорошо было знакомо это название, он сам там был – много раз. У него задрожали руки.
В этой клинике лежала сестра Сьюзан – Кейси.

57

Неулыбчивые лица. Шеренги глаз. Яркий, ослепляющий свет.
Боль.
Будто двое пытаются разорвать ее, скручивая то в одну, то в другую сторону. Скручивание усилилось, и боль разгорелась домной. Ее подбросило вверх, она кричала, плакала, металась, бредила, стараясь избавиться от нее. Мягкие, но решительные руки уложили ее обратно. С уголка рта стекала струйка слюны.
Ее опрокинула вторая волна боли, и она с неожиданной силой закричала, зовя на помощь, прося сделать что-нибудь – пусть она умрет, но это все равно лучше, чем терпеть такую боль.
Вдруг она услышала знакомый голос:
– Попытайтесь расслабиться, Сьюзан. Сейчас мы введем вам обезболивающее, и вы отключитесь. Когда вы придете в себя, боли уже не будет.

> «Англия, – подумала она, связывая воедино разорванные нити своей памяти. – Англия».
> Английский выговор. Она выделила из пространства лицо, которому принадлежал голос, всмотрелась в него, пытаясь сосредоточиться. Большие глаза. Спокойный, вежливый голос.
> Я тебя знаю.
> Она вспомнила.
> Ну конечно.
> Она узнала эти глаза и соединила в сознании лицо и голос. Внутри проснулся червяк страха.

Майлз Ванроу.

> Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Майлз Ванроу.

> Не-е-е-е-е-е-е-е-е-ет.

Гинеколог стоял рядом с кроватью с таким видом, будто для него совершенно естественно принимать ее в Калифорнии.

Изнывая от страха, она помотала головой, взглядом умоляя другие лица помочь ей.
Помогите мне. Вы должны мне помочь.

Затем еще один приступ боли, с ним тошнота и рвотные позывы. Ей ничего не оставалось, кроме как ждать, пока волна не пройдет.
– Пожалуйста! – выдохнула она. – Вы должны меня выслушать! Этот человек хочет забрать у меня ребенка. Он хочет принести его в жертву, использовать его в каком-то ритуале. Он занимается черной магией, сатанизмом. Пожалуйста, кто-нибудь, поверьте мне! У Скотленд-Ярда в Англии на него есть дело. Позвоните им, кто-нибудь, пожалуйста, позвоните им. Вы должны мне поверить!
Ванроу обиженно улыбнулся:
– Сьюзан, мне кажется, у вас легкий бред, потому что вы сами не понимаете, что говорите. Мы не собираемся причинять вред вашему ребенку. Такого ребенка еще никогда не рожала ни одна женщина. Вы будете гордиться им!
– Не верьте ему! – сказала она, избегая его взгляда. – Пожалуйста, кто-нибудь, – она обвела взглядом окружившие ее лица, – вызовите полицию.
Люди в белых халатах с беспокойством смотрели на нее, сгрудившись, как студенты медицинского колледжа вокруг особо сложного больного. Одно из лиц принадлежало женщине, которую Сьюзан недавно видела. Но когда именно и где? Бедж. На ней был бедж. Сьюзан смогла мысленно соединить имя и лицо. Пэт Коук. Да, бедж на отвороте медицинского халата. В палате Кейси. «Пэт Коук, старшая медсестра ночной смены».
– Где я? – сказала Сьюзан.
– Вы в клинике «Кипарисовые сады», – ответил Ванроу. – Это очень хорошая больница. Вам очень повезло. Если бы вы потеряли сознание где-нибудь в другом месте, это могло для вас плохо окончиться.
– Кейси? Как… как?.. – Все затопила очередная волна боли.
Сквозь марево боли проступила игла. Сьюзан почувствовала укол в левое предплечье, увидела пластырь. Ей ввели катетер. Она услышала, как Ванроу негромко сказал:
– Мы должны подождать его. Он хотел присутствовать.

Джон? Джон хотел присутствовать?

Боль отступала, а страх нарастал. Она попыталась снова, глядя на всех, кроме Ванроу:

– Пожалуйста! Кто-нибудь, поверьте мне! Он хочет отдать моего ребенка мистеру Сароцини. Они все заодно. Они сатанисты – я понимаю, в это трудно поверить, но они и вправду вытворяют все эти вещи.
Они приносят в жертву детей.

Они никак не реагировали, просто смотрели. Они что, не слышат ее? Они не слышат, что она им говорит?
Ей что-то вливали в руку – она чувствовала давление жидкости.

Да кто вы все такие? Витринные манекены? Эй, вы! Вы!

Затем она вдруг успокоилась. Ее охватила усталость. Она обвела их взглядом, останавливаясь на каждом в отдельности.
Вам все равно? Ладно, хорошо. Вас не волнует, что мистер Сароцини собирается сделать с моим ребенком? Ладно, так уж и быть, но это останется на вашей совести, не на моей. Не на моей.

Она улыбнулась им, но они не улыбнулись в ответ.

«Идиоты, – подумала она. – Чучела набитые. Вы даже не представляете, какие вы г-г-глупые, вы все, вы…»
Какой-то голос негромко спросил:
– Сколько она после этого еще протянет?
Другой голос так же негромко ответил:
– Мы будем поддерживать в ней жизнь до тех пор, пока не приедет он.
Затем тишина.

Джон приехал домой в смятенном состоянии духа. В сентябре Ферн-банк купил «Кипарисовые сады».

Зачем?

Какого черта им надо от калифорнийской клиники? Джон видел только одну возможную причину: потому что там лежит Кейси. Счесть и это совпадением значило бы расширить границы понятия до таких пределов, какие Джон не мог себе вообразить.
Но зачем им нужно владеть клиникой, где лежит Кейси? Непонятно, но все же должна быть причина. Мистер Сароцини ничего не делает просто так.
Он проверил автоответчик и осмотрел дом в поисках признаков того, что Сьюзан вернулась – хотя бы для того, чтобы что-то забрать, – но ничего не обнаружил.
Он налил себе виски, сел за стол в кухне и закурил сигарету. Сьюзан или скрывается где-нибудь, например у подруги, которая ее не выдает, или…
Затем его озарило. Он быстро переоделся в свои самые старые джинсы и рубашку, взял из гаража стремянку и фонарь и принес их наверх. Он поставил стремянку под чердачным люком и поднялся по ней.
Включив тусклую чердачную лампочку, он, освещая себе путь фонарем, протиснулся мимо каминной трубы в правую половину чердака – к тому месту, где Сьюзан обнаружила отрезанный палец и сатанистские символы. Он, в свою очередь, затем показывал его полицейскому, детективу-сержанту Раису. В темноте метнулось какое-то мелкое животное – скорее всего, крыса.
Луч фонаря нашел вертикально висящие, словно спящие летучие мыши, кровельные полосы. Он снова с отвращением осмотрел символы, нанесенные на каждую открытую панель. Он посветил фонарем вниз, на балки перекрытия, и увидел другие символы в тех местах, где был убран теплоизоляционный материал.
Он внимательно осмотрел маленькую металлическую коробочку, которую Сьюзан сочла конвертером вызовов. Примерно четыре дюйма в длину, с маркировкой «Бритиш телеком» и шлейфом проводов с обеих сторон. Провода были тонкие и, на его неискушенный взгляд, весьма похожие на телефонные. Он захотел узнать, куда они ведут, и дошел до смонтированной на балке пластиковой распределительной коробки.
Поняв, что здесь он ничего не найдет, он вернулся к тому месту, где была убрана теплоизоляция, и стал методично отрывать ее дальше.
Через пять минут работы его руки были все в стекловолоконных занозах. Он едва не пропустил провод – аккуратно уложенный, заклеенный черной лентой, сверху покрытой герметиком, чтобы замаскировать ее под безобидный шов между секциями перекрытия.
Джон потянул за него, но он не поддался. Он был уложен со знанием дела, в специально прорезанный узкий канал, и намертво зафиксирован степлерными скобами. Кто-то потратил много времени и труда, чтобы провести этот провод, – как обнаружил Джон, он проходил через каждую балку перекрытия, и для этого в них были просверлены отверстия. Провод привел Джона к небольшому предмету в пластиковом корпусе, врезанному в потолок – как он определил – прямо над их спальней.
Он быстро спустился вниз и вернулся с набором отверток, пассатижами для работ по электрике и мотком изоляционной ленты. Сначала он перекусил провода и заизолировал концы. Затем вывернул шурупы, крепившие к потолку пластиковый корпус, и осторожно извлек из углубления полусферу.

Несмотря на небольшой размер – всего пара дюймов в диаметре, – она была тяжелой. Назначение полусферы было понятно, стоило взглянуть на крохотную линзу. Джон не мог поверить своим глазам. Он рассчитывал найти здесь микрофон, но никак не видеокамеру.
Он спустился в спальню, включил свет и внимательно осмотрел потолок. Ясно, почему он ее никогда не замечал: отверстие над кроватью было едва ли больше того, что могло быть оставлено булавкой, и к тому же его маскировала небольшая, совершенно невинно выглядящая трещина.
Снова поднявшись на чердак, он проследил за проводом, идущим в противоположном направлении, так же, как и в предыдущем случае, убирая со своего пути теплоизоляцию. Через несколько минут он нашел, что искал: плоский ящик из черного блестящего металла, приблизительно в фут длиной, восемь дюймов шириной и четыре дюйма высотой. Его грамотно расположили в пространстве между балками и замаскировали двумя листами фанеры.
На нем не было никаких надписей, но Джон и так довольно хорошо представлял, что это такое. Он решил не трогать его пока и принялся за трудоемкую задачу по выяснению того, куда ведут одиннадцать отходящих от устройства проводов. Он обнаружил вторую камеру над той комнатой, которую Сьюзан ремонтировала для ребенка, и по камере над каждой спальней для гостей. Все остальные провода исчезали в закрепленном на стене кабель-канале, идущем, по-видимому, на нижний этаж. В том, что и на нижнем этаже все комнаты просматриваются видеокамерами, сомневаться не приходилось.
Последний провод был толще и покрыт более мощной изоляцией. Как обнаружил Джон, он шел к электросети дома.
С тяжелым металлическим ящиком под мышкой, Джон спустился на площадку. Его трясло от злости от такого бесцеремонного вторжения в их личную жизнь. Он позвонил Гарету Нойсу на домашний телефон и попал на автоответчик. Тогда он попробовал дозвониться на мобильный, рассудив, что его компаньон, наверное, пьет в местном пабе Кэмден-Тауна.
Гарет взял трубку, и по шуму на заднем плане Джон определил, что его догадка верна.
– Гарет, ты где? В «Дюке»?
Судя по голосу, Гарет явно находился в подпитии.
– Ага! У них тут вечер дегустации эля из разных мест Англии. Я пью эль под названием «Дохлая свинья». В этой дряни восемь градусов! Можешь поверить?
– Слушай, пей эту штуку помедленнее. Ты мне нужен – осмотреть один аппарат. Не напивайся, пока я не приеду, ладно?
– Ну… Тебе лучше поторопиться, – сказал его партнер.
Джон сел в машину и отправился в нелегкий путь до паба в Северном Лондоне, отчаянно надеясь, что Гарет будет в здравом уме, когда он туда доберется.

С некоторой неуверенностью действуя взятой взаймы у владельца паба отверткой, Гарет снял одну из панелей внешнего корпуса ящика.
Он заглянул внутрь, щурясь от дыма сигареты, которую держал в зубах, затем широко улыбнулся:
– Да. Ух ты! 851-я. Удивительно. Очень интересно, – сказал он. – Здорово, на самом деле здорово.
Джон молча ждал. Гарет продолжил осмотр, сопровождая его комментарием:
– Мощная штука. Ну, я имею в виду, мощности в ней больше, чем когда-либо может понадобиться. Знаешь, как они работают?
– Нет. Поэтому я к тебе и приехал, – терпеливо сказал Джон. Он отпил от пинты эля «Дохлая свинья», которую Гарет заставил его купить, несмотря на то, что он был за рулем.
– Это первое поколение устройств, которым больше не нужен ушат, – объяснил Гарет.
– Ушат?
– Спутниковая тарелка. Это устройство работает без спутниковой тарелки!
Джон нахмурился.
– Он посылает цифровые сигналы на семнадцать низкоорбитальных спутников.
– Какого рода сигналы?
– Любого – аудио, видео, электронная почта. Эти сигналы могут быть приняты в любой точке мира – была бы у принимающего базовая станция. Отличная система! Я о ней читал, но до

сегодняшнего дня никогда не видел. Хотел даже тебе предложить приобрести одну. Все проблемы со связью у нас тогда в момент бы исчезли.
Гарет продолжал шуровать отверткой. Он был похож на ребенка с новой игрушкой и не обратил никакого внимания на мрачное молчание Джона.

Полтора часа спустя Джон приехал домой. По мере того как дымка алкогольного опьянения рассеивалась, ему становилось все страшнее. Если Сароцини прослушивал его дом, он знает обо всем, о чем они говорили. Мог ли Харви при осмотре Сьюзан увидеть то, что не должен был увидеть? Но что? И если он увидел что-нибудь, почему он не сказал им прямо на приеме? Фергюс умер на следующий день после того, как он был у Сьюзан и рассказывал ей про мистера Сароцини и сатанистов. Почему? Он что, разозлил мистера Сароцини – или испугал его? А теперь Сьюзан пропала. Есть вероятность, что она где-нибудь скрывается. Но есть и другое объяснение – и оно вероятнее, в свете того, что было обнаружено, – что мистер Сароцини похитил ее.
Листок бумаги, на котором детектив-сержант Райс написал свой телефон, был наколот на спицу в буфете. Он снял его, затем поднял с базы беспроводной телефон. Включив его, Джон услышал особый гудок, сообщающий о наличии непрочитанного сообщения. Дрожащими пальцами он набрал номер, чтобы прослушать его.
Сообщение было от его тестя из Лос-Анджелеса. Судя по голосу, он был очень обеспокоен.

58

Сьюзан открыла глаза. Комната была пуста. Она помнила, что вокруг нее стояли люди, а теперь все они исчезли. Или они существовали только в ее воображении?

Нет, они были настоящие. Ее охватила паника.
Ребенок. У меня были роды? Они забрали…

Малыш шевельнулся, и паника стихла.
– Я им не позволю, – прошептала она. – Я обещала тебе, они не заберут тебя. Малыш, они не смогут…

Волна боли застала Сьюзан врасплох – боль накатила так быстро, что она не почувствовала ее приближения.
Господи боже.
Она стиснула зубы, чтобы не закричать. Она преодолеет этот приступ.
Господи, ах ты, сволочь, черт-сволочь-а-пошла-ты-пошла-ты-пошла-ты-пошла-ты, ах ты, дрянь, боль, о нет, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – уйди.

Уйди!

Перестань!

Она хватала ртом воздух. Во рту стоял противный, отдающий металлом вкус крови. По лицу текли слезы. Но боль прекратилась!
И в комнате никого не было. Ни одного человека. Ничего! Только медицинская аппаратура и стеллаж, заполненный коробками со шприцами, пузырьками, хирургическими перчатками, одноразовыми салфетками.
Она попыталась слезть с кровати – этой штуки на колесах, по сути, каталки, – но ноги ее не слушались. Казалось, сигналы от мозга не доходили до них. Действуя руками, она придвинулась к левому краю каталки и тяжело перевалилась через него. Неожиданно твердая поверхность под ней исчезла, и она стала падать головой вперед. За мгновение до того, как она

врезалась в жесткий, выложенный венецианской мозаикой пол, ей удалось одной рукой прикрыть голову, другой – живот.
Левая рука неуклюже висела у нее над головой, и в первую секунду она подумала, что сломала ее. Затем она поняла, что ее держит, словно рыбу на леске, трубка капельницы, введенной в ее локтевой сгиб.
Она оторвала трубку от катетера и положила обе руки на живот, проверяя, как там ребенок. Малыш ворочался, с ним было все хорошо. Успокоившись, она поднялась на колени и, держась за край каталки, встала на ноги. Но как только она отпустила каталку, ее колени подогнулись, и она упала обратно на пол.
– Прости, – прошептала она, обращаясь к Малышу. – Не ушибся?
В отчаянии она поползла на четвереньках к двери.
– Надо убираться отсюда, Малыш. Надо убираться отсюда. Надо как-то убираться отсюда.
Дверь была закрыта. Она схватилась за ручку, потянула, и дверь распахнулась. Снаружи был коридор. Висящая на противоположной стене табличка гласила: «Операционная 6». По коридору шли люди. Она не успела закрыть дверь и видела, как двое санитаров везли кого-то на каталке. Они не заметили ее.
Она сделала еще одну попытку встать. На этот раз колени не подогнулись. Она постояла у каталки несколько секунд, потом, набравшись смелости, отпустила ее. Ее сердце колотилось, как безумное, – или это было сердце ребенка? Она не могла понять. Она думала только об одном: как выбраться отсюда.
Она заметила, что стоит босая и в больничном халате.

Сколько я здесь уже?

Она посмотрела на запястье в поисках наручных часов, но их с нее сняли. Через коридор находилось смотровое окно операционной номер шесть. Убедившись, что в коридоре ни с той, ни с другой стороны никого нет, она нетвердой походкой подошла к окну, опасаясь упасть при каждом шаге. Часы на стене показывали два двадцать.
Ее мозг заметался между часовыми поясами, пытаясь определить, день сейчас или ночь. Когда она приехала сюда, было примерно четыре часа утра. Значит, сейчас должен быть день, если только она не отключилась почти на целые сутки.

Начинался очередной приступ. Приближались какие-то голоса. Она лихорадочно пыталась понять, куда ей бежать. Коридор тянулся в обе стороны. Большинство дверей было отмечено табличками «Операционная». Запинаясь и пошатываясь, она побежала в направлении противоположном звучащим голосам. Боль усиливалась, но тут уж ничего не поделаешь. Она
должна
с ней бороться. Она пробежала мимо смотрового окна палаты, где шла операция, и краем глаза ухватила: множество зеленых пятен – врачей в хирургической одежде, яркий желтый свет, участок обнаженной человеческой плоти.

Пробегая место пересечения коридоров, она заметила дверь с табличкой «Комната для переодевания» и ворвалась в нее. К ее облегчению, там никого не было. На вешалках висели медицинские халаты и хирургические пижамы, в открытых шкафчиках лежали белые бахилы. На одной вешалке висело несколько мужских костюмов. И тут, внутри Сьюзан, взревев, зажглась паяльная лампа.

Подавляя крик, Сьюзан сложилась пополам и, роняя слюну, опустилась на скамью.
Не-кричать-не-кричать-не-кричать-не-кричать.
Зажмурив глаза, изо всей силы сжав зубы, она боролась с болью. Внутри все горело, пламя паяльной лампы набирало мощность. Боль побеждала, настойчиво толкая Сьюзан к обмороку.

Нельзя терять сознание.

Пол приблизился.
Она вернула его в прежнее положение.
Голова кружилась. Сьюзан со всей оставшейся у нее силой вцепилась в висящий на крючке халат и как-то – она не понимала как, но как-то – отогнала этого зверя обратно в его логово.
Пламя замерцало, уменьшилось, погасло.

Она поднялась на ноги. Головокружение, тошнота.
Сейчас отключусь. Не отключусь.

В ее сторону мотнулась вешалка. Она отшатнулась. «Чтобы не упасть в обморок, нужно опустить голову пониже, к коленям», – вспомнила она и попыталась это изобразить, но ей помешал живот. Она сделала несколько глубоких вздохов. Это помогло.
Все будет хорошо, все уже хорошо.

Она сняла с вешалки халат, надела его, затянула тесемки, обула ноги в белые бахилы. Они были ей велики, но это не имело значения. Взяв из раздаточного устройства маску, она приложила ее к лицу и завязала на затылке. Затем из другого раздаточного устройства она взяла шапочку и надела ее на голову.
Она бросила взгляд в зеркало. Из зеркала на нее смотрела болезненного вида медсестра.
Хорошо. Бросив нервный взгляд на дверь, она обшарила карманы пиджаков. В нагрудном кармане четвертого по счету пиджака она нашла то, что искала: сотовый телефон.
Она нажала на кнопку включения. Кнопка подсветилась, и телефон успокоительно пискнул. И тут открылась дверь.
Сьюзан замерла.
В раздевалку вошли двое мужчин – предположительно, врачей. Они о чем-то оживленно разговаривали друг с другом; один мимоходом кивнул ей, другой даже не посмотрел в ее сторону. Она выскользнула в коридор и увидела, как к комнате, из которой она убежала, движется группа людей.
Она повернулась и как могла быстро пошла в противоположном направлении, неуклюже шаркая бахилами. Впереди, в конце коридора, висел знак «Пожарный выход». Она сорвалась на неровный бег, добежала до двери, повернула вниз ручку. Дверь открылась.
Она оказалась снаружи.
Снаружи было светло и шел мелкий дождь. Она была где-то позади клиники, во дворе. Прямо перед Сьюзан располагалось низкое одноэтажное здание – по-видимому, пристройка к клинике.
Из его вентиляционной шахты поднимался пар.
Сьюзан могли увидеть из окон клиники, и она прижалась к стене. Затем она попыталась набрать 911, но ее руки сильно дрожали, и на дисплее постоянно появлялись не те цифры. Она теряла драгоценные секунды, стирая и заново набирая их.
Она уже хотела нажать кнопку посыла вызова, как вдруг увидела, как кто-то вышел из двери в дальнем углу двора. Судя по форме, это была медсестра. Она посмотрела на Сьюзан, улыбнулась и достала что-то из кармана. Сьюзан с облегчением вздохнула, когда увидела, что это: сигареты. Медсестра закурила.
Сьюзан повернулась и пошла прочь, стараясь всем своим видом показать, что она сама только что покурила и возвращается к работе. Она зашла за угол здания и попыталась вспомнить, что здесь где находится, – она более или менее знала эту местность по своим предыдущим визитам к Кейси. К шоссе тут ведет длинная, не меньше четверти мили, подъездная дорога. Другой дороги нет. Вокруг сухая пустыня, заросшая кустарником.
Она вытянула первую, двухдюймовую секцию антенны, но она была сломана, и остальные секции зажало. Затем она нажала на кнопку посыла вызова и поднесла телефон к уху. Через несколько секунд она услышала голос диспетчера службы спасения.
– Полицию, – сказала Сьюзан. – Скорее, пожалуйста.
Позади нее раздались крики. Она повернулась и увидела двоих мужчин в костюмах, бегущих к ней. Третий, облаченный в хирургическую пижаму, выскочил из двери и, приостановившись, со злобой посмотрел на нее. Затем бросился за остальными двоими.

Сьюзан стряхнула с ног бахилы и побежала. Через несколько шагов боль вернулась, но она не обратила на нее внимания и прибавила ходу. Она пробежала по клумбе, а затем, перескочив через низкую изгородь, чуть не упала, ударив палец босой ноги о декоративную альпийскую горку. Каким-то чудом удержавшись на ногах, она помчалась еще быстрее, несмотря на тяжелый живот. Она бежала по колкой, скользкой от дождя траве так, как не бегала никогда в жизни.

Вот и подъездная дорога. Тут было не так скользко. Откуда-то – сначала она не могла понять откуда – доносился едва слышный голос:

– Алло! Алло! Мисс, с вами все в порядке?

Она обернулась. Двое в костюмах и один в хирургической пижаме были от нее не далее чем в нескольких ярдах. И приближались. Задыхаясь, она закричала в трубку:

– Пожалуйста!.. Помогите мне, я… Я нахожусь в клинике «Кипарисовые сады», в округе Оранж. Пожалуйста… приезжайте… они… хотят убить моего ребенка.

Она не видела «лежащего полицейского» и не была готова к изменению рельефа поверхности. Ее лодыжку пронзила резкая боль, и в следующее мгновение она беспомощно летела на асфальт. Едва успев прикрыть живот руками, она приземлилась вниз лицом, и телефон вылетел у нее из руки.

Сзади раздавался топот догонявших ее мужчин. Обезумевшая от страха Сьюзан каким-то образом умудрилась не потерять импульса движения и снова оказалась на ногах, подхватив с земли телефон. Они были в нескольких ярдах от нее и неслись на полной скорости. Мужчина в хирургической пижаме вырвался вперед, собираясь схватить ее. Она слышала, как он кричал, и узнала этот мягкий, вежливый голос.

– Сьюзан, остановитесь! Вы должны остановиться!

Руки Майлза Ванроу уже касались ее плеча. Она развернулась и слепо ударила ему рукой в лицо. Она не ожидала, что антенна сотового телефона воткнется доктору прямо в правый глаз. Время замедлилось, будто в стоп-кадровом движении видеопленки. Пальцы Сьюзан, сжимающие мобильный телефон, залило кровью. Хирургическая повязка слетела с лица Ванроу. Его лицо на глазах у Сьюзан исказилось, превратившись в страшную гримасу, тело начало складываться, оседать на землю. Рука Сьюзан безвольно разжалась, отпустив сотовый телефон.

Всхлипывая от страха, она попыталась повернуться, но, будто в кошмаре, ее ноги не подчинялись ей. Левым кулаком она ударила в челюсть подоспевшего второго мужчину. Не обратив внимания на удар, он схватил ее за халат, но она укусила его за запястье и вывернулась. Ноги заработали – но он снова схватил ее за халат. Она рванулась с такой силой, что халат слетел с нее, два раза споткнулась и снова побежала, набирая скорость. Впереди полоска деревьев, а за ней дорога. Она уже видела ее.

Недалеко.

Уже недалеко.

Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам – просто неслась к белым колоннам, размахивая руками и зовя на помощь. Дорога была пустынна. Не останавливаясь, она свернула налево и побежала вниз по отлогому склону. Топот шагов раздавался буквально в дюймах позади нее. В плечо вцепилась рука. Она нашла в себе силы прибавить скорость. Ее схватили за плечо во второй раз.

Она услышала звук сирены.

Увидела впереди металлический отблеск.

Затем – самое прекрасное зрелище из всех, что она видела в жизни: полицейская патрульная машина, выезжающая из-за поворота. Она со скрежетом затормозила, и не успел полицейский открыть дверь, как Сьюзан уже была рядом, у окна. Он улыбался ей – пузатый, круглолицый, замечательный человек.

Внутри ее будто потянули за огромный рычаг, и мир стал гаснуть. Дверь открылась. Она ухватилась за нее. Полицейский большими спокойными руками поддержал ее.

Боль возвращалась.

Она посмотрела полицейскому в глаза.
– Пожалуйста, помогите мне, – прошептала она. – Не давайте им забрать меня обратно.
Боль вернулась. Она согнулась, съежилась и закрыла глаза. Над ней раздались голоса. Они звучали слабо, очень слабо, будто с расстояния нескольких миль. Ей было все равно, потому что она была в безопасности, ребенок был в безопасности. Полиция рядом, и ей нужно только справиться с болью, и все… ребенок в безопасности… справиться с болью…
Голос над ней сказал:
– Извините, офицер. Сестра этой пациентки умерла вчера ночью. Это привело к нервному срыву.
– Она страдает от параноидального синдрома. Она уверена, что мы хотим отнять у нее ребенка, чтобы использовать его в каких-то темных обрядах.
Затем первый голос успокоительно заметил:
– Она опасно больна. У этой молодой женщины внутри развилась киста, из-за нее возник перитонит, от которого у нее галлюцинации. Если не сделать ей операцию немедленно, она умрет.
Третий голос, добрый, но твердый, сказал:
– Леди, вы это слышали? Вы меня слышите? Вам очень плохо, и у вас рана на руке. Эти люди заберут вас назад в клинику. Это для вас сейчас самое лучшее место. Просто успокойтесь, хорошо? Если уж где и болеть, то здесь! Они о вас позаботятся. Они позаботятся о вас и о вашем ребенке.

59

– Джон? Спасибо, что перезвонил, – сказал Дик Корриган. – Тут… – Он надолго замолчал. Джон нетерпеливо ждал. – Тут… Джон, не знаю, как тебе об этом сказать… – Голос отца Сьюзан задрожал. Казалось, он вот-вот расплачется.
Джон почувствовал укол страха.
– Дик, в чем дело? Что случилось? – Он посмотрел на часы. Десять сорок. Быстрый пересчет. В Лос-Анджелесе два часа сорок минут дня. Занавешивающая реальность дымка от двух пинт «Дохлой свиньи», выпитых час с лишним назад, начала рассеиваться.
– Джон… э… мы… – Его тесть пытался справиться с голосом.
Джон подождал. Отец Сьюзан ему всегда нравился, может быть, потому, что напоминал одного из любимых актеров, Генри Фонду. У него была похожая внешность, и он обладал тем же молчаливым достоинством, что и Генри Фонда. Джону было искренне жаль, что он так и не добился успеха.
– Джон, произошло большое несчастье. Я… я… о господи… – Дик Корриган несколько раз всхлипнул.

Джон похолодел.
Господи, что там такое случилось? Только не с Сьюзан, пожалуйста, пусть не с ней.

– Дик, что? Что случилось? – с нажимом спросил он.
– Я… Извини меня… – Еще одна долгая пауза. – Кейси… – сказал Дик, с трудом выговорив имя дочери. – Кейси умерла.
Прошло несколько секунд, прежде чем до него дошло.
– Кейси? – Чего-чего, а этого он никак не ожидал услышать. – О господи. Дик, мне жаль. Очень жаль. – Но в глубине души он чувствовал огромное облегчение, ведь ужасная новость была не о Сьюзан. Он постарался, чтобы это не прозвучало в его голосе. – Что случилось?
Возникла очередная долгая пауза, затем Дик Корриган сказал:
– Сьюзан убила ее.
Джон едва не выронил телефонную трубку. От этого прямого заявления у него по спине промаршировало целое полчище мурашек.
– Что? Что вы сказали, Дик? Что вы имеете в виду?

– Там… трубка подачи воздуха. Сьюзан… что-то сделала… переходник… она разъединила переходник… я… о господи, Джон, что вообще происходит?
В голове Джона поднялся вихрь мыслей. Клиникой владеет Ферн-банк. Имеет ли это отношение к мистеру Сароцини? Опять какой-то обман?
– Сьюзан же в Англии. Она не могла…
Дик Корриган взял себя в руки.
– Джон, вчера я не сказал тебе правды… когда ты звонил ночью. Я сказал, что Сьюзан у нас нет. Но она здесь. Она… э… попросила меня и Гейл не…
– Она у вас? Сьюзан у вас? Она в Лос-Анджелесе?
Джон беспокойно прошелся по комнате, присел на край стола, снова встал, прошелся, повернулся, посмотрел на свое призрачное, ошарашенное отражение в окне.
– Говорите, она у вас?
В голосе тестя, севшем от горя, Джон почувствовал неожиданную резкость.
– Она… она сейчас в клинике. Они… они пошли ей навстречу. Они понимают, что у нее нечто вроде нервного срыва.
– Нервного срыва? – Джон услышал, как мать Сьюзан что-то сказала Дику.
– Она приехала сюда вчера вечером. Она была… в плохом состоянии. Я… Гейл и я… – Он опять замолчал. – Джон… здесь со мной Гейл. Поговори с ней.
В телефоне Джона раздались шипение и скрип – Дик передал трубку Гейл. Затем Джон услышал ее голос. Она в такой же степени, как и ее муж, переживала смерть дочери, но, казалось, сохранила присутствие духа.
– Алло, Джон, – сказала она. – Что происходит? Пожалуйста, скажи нам, что происходит.
– Гейл, мне очень жаль, что Кейси умерла. Искренне жаль.
Возникла пауза. Затем она сухо сказала:
– Спасибо. Думаю, ты понимаешь, какие чувства мы испытываем.
Джон полез в карман за сигаретой.
– Гейл, я правильно расслышал Дика? Сьюзан отключила Кейси подачу воздуха?
– Она убила свою сестру. Не могу поверить, что она это сделала. Она любила Кейси, любила больше, чем… – Она вздохнула, стараясь взять себя в руки.
Джон выждал несколько секунд, затем сказал:
– Вы говорили с Сьюзан?
– Она без сознания.
– Где?
– В клинике. Кажется, могут возникнуть осложнения. Я должна подписать согласие на операцию. Они собираются делать ей срочное кесарево сечение.
Джон попытался осознать услышанное.
– Она еще в клинике? А что насчет…
– Полиции?
– Да.
Джон ощутил ту же резкость в голосе, что и у ее мужа.
– Они пошли ей навстречу, Джон. Они… директор говорил с нами. Им не нужен скандал… я так понимаю… я так понимаю, скандал им выгоден еще меньше, чем нам.
Несколько секунд назад мать Сьюзан спросила его, что происходит; сейчас у Джона появилось чувство, что ему следует задать им тот же вопрос. Сьюзан приехала в Лос-Анджелес и убила Кейси? Бред. Сьюзан никогда, никогда не причинила бы Кейси вред. Все это было подозрительно, очень подозрительно.
– Гейл, – сказал он. – Послушайте меня внимательно. Вам необходимо немедленно забрать Сьюзан из этой клиники. Я не могу объяснить по телефону – почему. Даже если бы я попытался, вы бы все равно не поверили. Просто сделайте это ради Сьюзан. Устройте ее в другую больницу, все равно какую. Пожалуйста, сделайте это.
Возникла еще одна долгая пауза, затем его теща сказала:
– Джон, это лучшая клиника в Калифорнии. У них отличное родильное отделение. Нам придется оставить ее. Если мы увезем Сьюзан, будет только хуже. Ей немедленно нужна операция.
– Слушайте, – с отчаянием сказал Джон. – Я прилечу первым завтрашним самолетом. Заберите ее оттуда, Гейл. Немедленно. Пожалуйста, поверьте мне. Они и ее убьют.

Раздался щелчок. Он непонимающим взглядом посмотрел на телефон.
Она повесила трубку.

60

Мясник швырнул шматок мяса на колоду и нацелил длинный нож. Сьюзан увидела, что именно он собирается резать. Это было совсем не мясо.
Она рванулась вперед и закричала:
– Нет! Это мой ребенок! Пожалуйста, пожалуйста, нет! О господи, пожа-а-а-луйста.
Нож взрезал плоть. Мясник насадил ребенка на лезвие и откинул его на доску внизу.
Мерцающая сталь потускнела от крови. Ребенок закричал ужасным, булькающим криком.
Крик превратился в стон, в всхлипы, от которых вскоре осталось только бульканье, сменившееся задушенным хрипом.
Сьюзан услышала, как работает подающий воздух насос. Кто-то задыхался, пытался глотнуть воздуха.
Кейси.
Кейси в агонии извивалась на постели.
Сьюзан потянулась к ней, но Кейси стала таять. Исчезая, она повернулась к Сьюзан и улыбнулась. Она выглядела такой счастливой, такой невозможно счастливой…
Образ растаял, слился с окружающей темнотой, которая сгущалась все больше и больше.
Сьюзан попыталась удержать его, но вмешалась боль – колющее ощущение в животе, усиливающееся с каждой секундой. Эта боль отличалась от тех, которые были у нее раньше. Ее можно было терпеть. Она была неприятной, но ее можно было терпеть.
По ее телу прошла волна дрожи.
Она увидела валящегося на землю Майлза Ванроу с торчащей из глаза антенной сотового телефона. Кровь течет из глазницы, рот перекошен.
Сьюзан покрылась потом, вызванным страхом.
Она бежала. Она убегала.
Господи. Она что, выколола ему глаз?
Как он нашел ее? Откуда он узнал, что она здесь? Джон. Это Джон им сказал. Джон позвонил ее родителям и каким-то образом вытянул у них правду. И сказал Ванроу. Значит, мистер Сароцини тоже знает, что она здесь.
Темноту рассеяло красное свечение, пробивающееся сквозь закрытые веки. Она открыла глаза и обнаружила, что лежит на спине и видит белый потолок и трубу с форсунками системы пожаротушения. В поле зрения вплыло лицо: незнакомая женщина в белом халате, с высокими скулами, приятным лицом и короткими светлыми волосами. Она улыбалась. Сьюзан посмотрела на нее расфокусированным взглядом.
– Поздравляю вас, Сьюзан! У вас девочка!
Сьюзан непонимающе смотрела на нее.
– Ваш ребенок, – сказала медсестра. – У вас девочка!
Мышление Сьюзан включилось от слова «ребенок». Ребенок.
– Девочка? – растерянно переспросила Сьюзан. Малыш был мальчиком, она была уверена, что Малыш был мальчиком. – Где… где… она? Можно мне… – Затем, когда память вернулась полностью, ее охватило лихорадочное беспокойство. – Кейси? Как Кейси?
Мимолетное колебание.
– Кейси?
– Моя сестра. Где я?
– Вы в клинике «Кипарисовые сады».
– Моя сестра Кейси. Как она?
На этот раз широкая улыбка.
– Кейси Корриган?
Сьюзан кивнула.
– В крыле «Лагуна»? Она ваша сестра? Очень красивая девушка!

Сьюзан почувствовала облегчение. С Кейси все было хорошо, это было видно по улыбке медсестры.
– Как вы себя чувствуете?
А как же Ванроу? Может, это был сон? Почему женщина ничего не говорит о Ванроу? Наверное, и вправду ее мучил дурной сон.
– Вам, наверное, сейчас немного больно?
Сьюзан задумалась. Она чувствовала слабость, мысли в голове путались. Ей было неудобно лежать на спине – из-за этого болел живот. Она описала свое состояние медсестре.
– Легкая болезненность тканей живота неизбежна. Я введу вам обезболивающее.
– Мой ребенок… я думала, у меня будет мальчик.
– Многих женщин это застает врасплох. Многие женщины думают, что родят мальчика, а потом рождается девочка. Она настоящая красавица.
Они ей лгали. Она родила мальчика, и они забрали его.
– Могу я сесть?
– Лучше отдохните еще немного, чтобы полностью отойти от наркоза, а затем я велю отвезти вас в вашу палату и принесу вам вашу дочь.

Дочь.
Сьюзан нравилось это слово: оно вызывало у нее чувство гордости. Она почувствовала легкий укол в бедро. Боль ослабела, но не ушла совсем. Сквозь туман в голове пронеслась мысль:
дочь.

«Ваш ребенок. У вас девочка!»

Малыш был мальчиком.

Как только в голове у нее несколько прояснилось, страх усилился. А что, если ей покажут не ее ребенка, а какого-нибудь другого? Если они ее обманут? Откуда ей знать? Откуда ей знать, что мистер Сароцини не забрал ребенка? Они могут принести его в жертву уже сегодня. Это может происходить и прямо сейчас. Она читала, что новорожденные младенцы обладают огромной ценностью для темных ритуалов, поскольку невинны.
Она убегала. Они догнали ее. Она ткнула Ванроу сотовым телефоном в глаз.
Ну и что. Он один из них. Он это заслужил.
Она попробовала сесть и тут же упала обратно на постель, вскрикнув от резкой боли – живот будто разодрали. Она повернула голову налево, затем направо и увидела капельницу, медицинскую аппаратуру, голые стены. Часы показывали семь часов десять минут. Она поискала глазами звонок, телефон, но ничего похожего в пределах досягаемости не было.
Она лежала не шевелясь. В голове прояснялось. Она думала о ребенке, о том, что произошло с Кейси прошлой ночью. О Ванроу. Разъединенная трубка подачи воздуха. Как? Как это могло произойти? Может быть, соединитель не выдержал давления? Почему там никого не было? А если бы она не приехала, тогда бы… тогда бы?..
Она вспоминала, что произошло. Боль. Медсестра. Ванроу. Она убегала. Полицейский в патрульной машине. То ли реальность, то ли бред.

Скорее всего, мне это приснилось.

Наконец, спустя целую вечность – хотя часы ясно показывали, что прошло всего двадцать минут, – вернулась медсестра с двумя санитарами. Они отвезли Сьюзан в ее палату и переложили на койку.
Ей разрешили сесть и подложили под спину подушки. Вокруг громоздилось несметное количество врачебных предметов: медицинских приборов, стоек под капельницу, насосов, целая батарея мигающих и мерцающих циферблатов и дисплеев. Сьюзан поставили капельницу, паховый дренаж и катетер.

Пришпиленный к отвороту халата медсестры бедж утверждал, что ее зовут Грета Дюфорс. Улыбаясь (Сьюзан стало интересно, способно ли это лицо на другое выражение), она сказала, что сейчас принесет новорожденную.
Рядом с койкой Сьюзан стояла детская кроватка, застеленная розовой простыней под розовым же одеялом. Из окна палаты открывался вид на каньон. Здесь был большой телевизор, два кресла, ваза с цветами, яркие современные картины на стенах. Приоткрытая дверь вела в ванную. Но телефона нигде видно не было.
Сьюзан услышала детский плач, затем сюсюкающая Грета Дюфорс внесла в палату младенца в розовой рубашечке и пеленке. Младенец ревел, сморщив казавшееся резиновым личико.
– Вот мы и пришли! – сказала медсестра. – Это твоя мамочка!
Сьюзан посмотрела на это крохотное существо, двигающее маленькими ручками и ножками, и ее подозрения испарились. Девочка выглядела такой беспомощной, такой испуганной и растерянной.
Такой красивой.
Непроизвольно Сьюзан вытянула руки и приняла маленький сверток. В нем заключалось все, зачем она жила. Едва только она взяла девочку, изумившись, какая она необыкновенно красивая, почувствовав под руками движения крохотного тела, как сразу поняла, что это Малыш. Она носила под сердцем именно этого ребенка, и никакого другого. Она поцеловала дочь в головку и сказала:
– Здравствуй, моя милая! Ну что ты плачешь, не плачь!
Ребенок перестал плакать и удовлетворенно гукнул.
– Ну вот, так лучше, – сказала медсестра. – Видите, у вас на руках она сразу успокоилась.
– Она такая красивая, – сказала Сьюзан. – Никогда не видела более красивого младенца. Ты красивая, да? Да, ты очень красивая!

> Медсестра расстегнула халат Сьюзан и поднесла ротик младенца к соску. Сьюзан почувствовала легкое касание, затем младенец вцепился в ее сосок беззубыми деснами и начал сосать. У Сьюзан слезы навернулись на глаза. Это крохотное существо – ее ребенок. Она кормит грудью своего ребенка.
> Это было невероятно. Невероятно.

– Она пьет! – воскликнула она. – Она ест!
Грета Дюфорс улыбнулась и кивнула.
– Разве она не красавица?
– Красавица, – убежденно подтвердила Сьюзан. – Никогда не видела более красивого младенца. – Она поддерживала сверток, который был ее ребенком, левой рукой и ощущала запах детского мыла и присыпки. Она смотрела в морщинистое личико, на крохотные, безостановочно двигающиеся ручки и вдруг заметила, что у ее дочери много волос на голове – блестящих ярко-рыжих волос. – Да, ты прекрасна! Малышка, ты удивительная, ты знаешь об этом? Ты просто удивительная!
Она хотела бы показать ее родителям, Джону, Кейт Фокс и Лиз Гаррисон, всем своим подругам. Она не могла наглядеться на младенца. «Моя дочь, – думала она. – Ты моя дочь. Я не жалею ни об одной секунде той боли, которую ты мне причинила, потому что она того стоила».
Она поцеловала девочку в лобик, и еще раз. Когда она подняла глаза, медсестры в палате не было. Она была в комнате наедине со своим ребенком. И вдруг, не понимая почему, она сказала:
– Верити.
Дочь смотрела на нее, будто понимая, и Сьюзан почувствовала неразрывную связь с ней.
– Тебе нравится это имя? Мне тоже оно нравится – это хорошее имя. Верити. Знаешь, что значит Верити?
Верити еще сильнее сжала деснами сосок, будто говоря, что не знает, что это не важно, а вот сосок – это важно.
– Это означает «истина», – сказала Сьюзан.
Сьюзан продолжала ее разглядывать – она глаз не могла отвести от этого маленького ротика, этих ручек, от маленького носика, от этого невероятного маленького чуда у нее на руках. А когда она наконец оторвала взгляд, возле кровати стоял мистер Сароцини.

Она заледенела, объятая вихрем страха, и прижала ребенка к себе еще сильнее. Она не отдаст дочь ни за что.
Мистер Сароцини улыбался.
– Хорошо. Просто замечательно. Как вы себя чувствуете?
Сьюзан не ответила на улыбку.
– Хорошо.
– Очень красивая девочка. Мне сказали, что, принимая во внимание, что она родилась на свет недоношенной, она довольно крупная. И она совершенно здорова. Замечательный ребенок.
– Да, – сказала Сьюзан. – Ты ведь замечательный ребенок? – обратилась она к младенцу. – Да, да, еще какой. Ты замечательный ребенок. И ты знаешь это, разве не так?
Сьюзан взглянула вверх и встретила улыбку мистера Сароцини, еще раз окатившую ее страхом. «Сейчас он скажет что-нибудь про Ванроу», – подумала она. Но банкир ничего не сказал. Он продолжал улыбаться.
– Утром я приду навестить вас, – сообщил он.
И ушел.
Сьюзан переложила Верити так, чтобы девочка могла сосать правую грудь, а через некоторое время вернулась Грета Дюфорс, показала, как заставить ребенка срыгнуть, сменила пеленку и положила Верити в ее кроватку.
Сьюзан слушала дыхание дочери и раз за разом проигрывала в голове слова мистера Сароцини. «Утром я приду навестить вас».
Это значит, он не собирается забирать Верити сегодня, верно?
И он не сказал ничего про Ванроу. Если бы она и вправду изувечила доктора, кто-нибудь обязательно бы что-нибудь сказал. Это был сон, дурной сон. Кошмар.
Затем она подумала, что, возможно, так выразилось ее отношение к Ванроу. Фрейд сказал, что эмоции, подавляемые днем, высвобождаются во сне. Может быть, из-за злости, вызванной долгими страданиями, или из-за того, что ее обманули, или и из-за того и другого она захотела убить его.
И она знала, что могла убить его. Это было пугающее открытие. Она могла, на самом деле могла убить любого, кто попытался бы забрать Верити.
Она посмотрела на довольное спящее личико, такое маленькое, невинное.
– Я не позволю им, – сказала она. – Не позволю им забрать тебя у меня. Обещаю.

61

Сьюзан проснулась от шороха шагов и слабого звука музыкального инструмента. Флейты.
Она мгновенно открыла глаза. Дверь была приотворена, и из коридора в комнату просачивался свет. К ней приближалась затененная фигура. Остановилась перед кроваткой. Свет упал на левую сторону его лица. Это был мистер Сароцини.
Дверь закрылась, был виден только силуэт.
Она следила за ним, дрожа от страха и сдерживая себя, боясь пошевелиться, чтобы не показать ему, что проснулась, и была готова вскочить с постели, если он попытается взять Верити из кроватки. Она старалась сообразить, сколько времени. Она кормила Верити в первом часу ночи. Медсестра переодела ее и положила в кроватку.
Мистер Сароцини наклонился над ребенком и начал что-то монотонно читать. Делал он это очень тихо, Сьюзан едва могла расслышать его. Она попыталась разобрать, что он говорит, но поняла только, что такого языка она никогда не слышала: он напоминал латинский, но не был им – она могла об этом судить, потому что немного изучала латынь в университете.
Что происходит? Что он говорит? Все это выглядело так странно, что она даже подумала, что уснула и видит сон. Затем ее возмутило это вторжение. Как он смеет тревожить спящего ребенка!
Собрав всю свою смелость, она произнесла:
– Что вы делаете?
Мистер Сароцини не обратил на нее никакого внимания и не прервал распевного чтения. Затем, даже не посмотрев на Сьюзан, он повернулся и растворился в темноте. Дверь открылась. В

течение нескольких мгновений она ясно видела его силуэт и более отчетливо слышала флейту. Он почтительно поклонился Верити, затем закрыл дверь. Сьюзан снова очутилась в темноте.
Но не в одиночестве.
Она услышала шуршание одежды: еще одна темная фигура приближалась к кроватке. Сьюзан сглотнула. Во рту у нее было сухо. Это что, какой-то ритуал? Или подготовка к нему?
Дрожащим голосом, но громче, чем раньше, Сьюзан спросила:
– Кто это? Что вы делаете?
Дверь снова открылась, и в полосе света она увидела, что у кроватки Верити стоит сурового вида женщина средних лет, с резкими славянскими чертами лица. На ней была черная кофта с воротником поло и массивные уродливые драгоценности. Тяжелый запах ее духов напомнил Сьюзан аромат ладана. Дверь открылась, в комнату вошел еще кто-то.
– Что вы делаете? – снова спросила Сьюзан. Ее страх усиливался.
Как и мистер Сароцини, женщина не обратила на Сьюзан никакого внимания и начала читать низким голосом, нараспев, на незнакомом языке. Затем она, как и Сароцини до нее, открыла дверь, поклонилась и удалилась.
К кроватке подошел еще один человек. В этот момент дверь в очередной раз открылась, и на его лицо упал свет. Теперь Сьюзан была уверена, что спит. Он выглядел как мастер из «Бритиш телеком», который чинил у них в доме телефоны, и как мужчина из странного сна – или галлюцинации, – который был с ней во время операции по искусственному оплодотворению.
Он читал дольше, чем остальные двое, а потом, вместо того чтобы уйти, приблизился к ней, наклонился над постелью так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица.
Она чувствовала его дыхание, теплое, мятное, будто он недавно почистил зубы. Его кожа пахла так, будто он недавно вымылся. Она слышала его дыхание: медленные, глубокие вдохи через нос, словно он втягивал в себя какое-то вещество – будто нюхал кокаин.

Широко раскрыв глаза, она вглядывалась в его едва различимое из-за темноты лицо, застыв от ужаса, стараясь вжаться в постель как можно глубже.
Мне это снится. Мне это просто снится. Господи, пускай это будет только сон.

Ее колотила крупная дрожь, пульс скакал, как безумный. Что это, начало ритуала жертвоприношения, о котором она читала? Великого ритуала?
Может быть, получится застать их врасплох, схватить Верити и убежать?
Она даже не знала, куда они дели ее одежду. И куда бежать? Босиком и в больничном халате? Прямиком в руки того же полицейского?
Слава богу, этот человек отодвинулся. Он открыл дверь и, помедлив, одарил ее долгим странным взглядом. Казалось, он улыбался. Затем он исчез.
Дверь снова открылась, впустив старика на кресле-каталке. Сьюзан узнала медсестру, которая везла его. Пэт Коук. Глаза старика были полузакрыты, будто он был слеп, на плечи наброшен плед. Дверь закрылась, и палата вновь погрузилась в темноту.
Сьюзан слышала, как медсестра покатила старика к кроватке. Когда он заговорил, от его голоса, несмотря на то, что он был слаб и ломок, у Сьюзан по спине поползли слизни страха. В этом голосе было что-то – ненависть, горечь, гнев, тщеславие, – что сообщало дополнительную силу гипнотическим, ораторским интонациям, не угасшим в этом разрушенном теле и напомнившим Сьюзан пронзительную злобу речей Гитлера.
Она хотела, чтобы он убрался отсюда. Она не хотела, чтобы он находился в одной комнате с ней и ее ребенком, говорил с Верити, гипнотизировал ее. Она попыталась сказать ему, чтобы он отправлялся вон, немедленно, но что-то случилось с ее голосовыми связками: она не могла издать ни звука. Ей оставалось только, дрожа, беспомощно смотреть на отвратительный силуэт.
Открылась дверь. Вошел кто-то еще. На старика в кресле-каталке упала полоса света, и Сьюзан с удивлением и страхом увидела, насколько он стар. Не меньше ста лет. Его кожа, изборожденная морщинами и испещренная темными пятнами, бесформенно свисала со щек. Глаза под тяжелыми веками оставались закрытыми, как у гигантской рептилии. Следы молодости сохранились только в волосах, чистых и аккуратно зачесанных назад, как у мистера Сароцини.
Его десны усохли, как у трупа, а на губах блестела слюна. Будто гниющий череп навис над Верити.

Пожалуйста, уйдите. Уйдите, пожалуйста, уйдите, УЙДИТЕ ОТСЮДА!

Но слова не обрели звук, а беззвучным эхом метались внутри черепной коробки Сьюзан, в то время как старик продолжал читать свою литанию зла, срывающуюся со слюнявых губ.

Уходите, пожалуйста, уходите, пожалуйста, уходите.

Затем старик повернулся к ней. Змеиные веки задрожали, будто перед тем, как подняться, и Сьюзан в ужасе сжалась на постели. Она не будет смотреть ему в глаза. Она не выдержит его взгляда. В этот момент дверь закрылась, и стало темно. Нарастающий в душе ужас взорвался вулканом, и Сьюзан, смытая потоком горящей лавы, упала, вращаясь, в иссушающий хаос мрака.

62

Верити плакала.

Сьюзан открыла глаза. Было еще темно, но не так, как раньше. Чернота ночи сменилась предрассветными оттенками серого.

Верити здесь. Слава богу, слава богу, слава богу.

Бесформенный и неопределимый страх пронесся по венам. Неужели ей приснились эти люди, приходившие в палату? Сьюзан вытянула руку, нащупала на стене выключатель и включила свет. Лампы вспыхнули, заставив ее зажмуриться. Плач Верити усилился.

– Все хорошо, малышка, мамочка рядом. – Не обращая внимания на боль в животе, Сьюзан села и с любовью посмотрела на Верити. Часы на стене показывали четыре двадцать. Привстав, Сьюзан взяла Верити из кроватки. – Все хорошо, – устало пошептала она. – Ты просто хочешь есть, вот и все. Все хорошо. С нами все хорошо.

Когда Сьюзан проснулась в следующий раз, комната была залита светом. Что-то было не так. Она не слышала Верити.

В панике она села на постели, поморщившись, когда натянулся шов. Сегодня колющую боль от разреза на животе было, казалось, труднее терпеть. Она бросила беспокойный взгляд на кроватку.

Верити смотрела на нее своими удивительными глазами. Черные зрачки в центре ярчайшей лазуритовой радужки.

Сьюзан окатила волна облегчения. Не обращая внимания на боль, она наклонилась и поцеловала Верити в голову. Малышка немедленно принялась плакать.

– Опять хочешь есть? Ты очень прожорливый ребенок, ты знаешь об этом? Ну, я думаю, что ты прожорливый, но у меня мало опыта в таких делах. Понимаешь? Я имею в виду, до тебя я еще ни разу не была матерью, а ты, как я полагаю, еще никогда не была младенцем. Для нас обеих это ново. Верно? – Сьюзан посмотрела на часы на стене. Восемь часов десять минут утра. – Кажется, мы уже следуем оптимальной четырехчасовой схеме кормления.

Верити заплакала еще громче. Затаив дыхание, чтобы было не так больно, Сьюзан подняла ее с кроватки, обняла и тихонько покачала.

– Все хорошо, все хорошо! Я же не в обиду говорю, – сказала она. Затем, раскрыв халат, поднесла ротик Верити к соску.

Верити с неожиданной силой вцепилась в сосок, и Сьюзан вскрикнула:

– Ай! Эй! Полегче, ладно? Здесь надо поаккуратнее, я ведь не из железа!

Верити успокоилась и стала с довольным видом сосать. Сьюзан смотрела на нее. Вдруг ее горло сжалось от страха. Наблюдая, как сосредоточенно сосет малышка, она с каждой секундой любила ее все сильнее и все сильнее боялась за нее.

«Я никогда тебя не отдам, – подумала она. – Никому».

После того как Верити закончила есть, Сьюзан положила ее обратно на кроватку. Малышка удовлетворенно свернулась калачиком и уснула.
Сьюзан могла немного двигаться, хотя каждое движение причиняло ей боль, к тому же она все еще была с катетером и под капельницей. Она распахнула халат шире и осмотрела швы. Страшное зрелище. Интересно, большой ли останется шрам?
Нужно позвонить кому-нибудь, кто поверит ей. Родители. Нужно найти телефон и позвонить им, убедить их приехать сюда с адвокатом. Они должны связаться со службой помощи по вопросам суррогатного материнства, получить консультацию, определить их с Верити юридическое положение, позвонить в Лондон, адвокату, у которого она консультировалась, – Элизабет Фрейзер. У нее наверняка есть партнеры здесь, в Америке, – просто не может не быть. Телефон.
Она окинула взглядом комнату. Он должен был стоять вон на том столике. Но его нет. Его специально убрали.
Сьюзан сжала кулаки в безмолвной ярости. На глаза навернулись слезы. Она чувствовала себя кошмарно, непереносимо беспомощной.

Через некоторое время в палату вошла со стандартной улыбкой медсестра Дюфорс. Она принесла поднос с завтраком. Затем убрала катетер с капельницей и помогла Сьюзан совершить недолгий, но болезненный переход до ванной.
– Вы были здесь ночью? – спросила Сьюзан. – Всю ночь?
– Нет, я сдала дежурство после последнего вчерашнего кормления малышки – где-то в двенадцать. Вы уже придумали имя?
Сьюзан поколебалась. Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал. Пока нет. Пока она не желала делить своего ребенка ни с кем в этой больнице.
– Я… Нет еще. Я думала, у меня будет мальчик.
– Это обычная история. Многие матери ожидают мальчика, а потом удивляются.
– Понимаю. Не знаю, почему я была так уверена, что родится мальчик.
– С девочками меньше проблем, – успокоительно сказала медсестра Дюфорс.
Садясь на унитаз, Сьюзан сказала:
– Здесь нет телефона. Вы не могли бы оказать мне услугу? Мне нужно позвонить. – Она успела заметить мгновенное напряжение, проявившееся на лице медсестры.
– Никаких проблем, – ответила Грета Дюфорс.
– И еще… не сейчас, конечно, – когда-нибудь позже… Я хотела бы показать малышку моей сестре, Кейси. Вы не могли бы помочь мне добраться до ее палаты?
Медсестра Дюфорс отвела взгляд.
– Конечно, я отведу вас… когда у вас прибавится сил. Не думаю, что сегодня.
Она помогла Сьюзан умыться и дойти до постели, затем вышла из палаты. Сьюзан напомнила ей про телефон, и она обещала сразу же заняться его поисками.
Сьюзан не хотела есть и с трудом проглотила небольшой тост, выпила чаю и апельсинового сока. Медсестра Дюфорс не принесла телефон. Сьюзан позвонила в звонок, повешенный над постелью, затем, окончательно выдохшись, задремала.
Открыв через некоторое время глаза, она увидела отца, сидящего на стуле рядом постелью и глядящего на нее. Мать стояла у кроватки и странным взглядом смотрела на Верити. Сьюзан улыбнулась. Ее охватило чувство огромного облегчения.
– Слава богу, – выдохнула она.
– У нее глаза твоей бабушки, – сказала мать, едва взглянув на Сьюзан.
Облегчение и радость оттого, что она увидела родителей, вдруг омрачились неведомо откуда взявшимся беспокойством. Сьюзан не была на сто процентов уверена – это могла быть всего лишь игра воображения, – но ее родители вели себя как-то скованно, будто позировали для скульптурной композиции, а голос матери звучал неестественно.
– Она красивая, правда? – сказала Сьюзан. Часы на стене показывали десять двадцать пять. До следующего кормления Верити еще оставалось время. Хорошо. Понизив голос почти до шепота, она сказала: – Они здесь, те люди, о которых я рассказывала. Они нашли меня, они хотят забрать у меня ребенка. Вы должны увезти меня – нет, нас – отсюда.
Отец посмотрел на нее с выражением, которое она не смогла расшифровать. Ей было видно, как прыгало его адамово яблоко над распахнутым воротом клетчатой рубашки. Он был небрит и

одет в обычную рабочую одежду. Раньше он никогда не выходил из дому, не побрившись. Он выглядел измученным и осунувшимся. Когда-то, когда она была маленькой, он казался ей таким сильным; теперь он выглядел слабым, беспомощным… и старым. Сьюзан вдруг подумала, не болен ли он.
Затем она заметила, что мать тоже бледная и уставшая, будто не ложилась всю ночь. И испугалась.
– И у нее нос твоего отца, – продолжала мать тем же искусственным голосом. – Настоящий нос Корриганов. Видишь, чуть-чуть курносый? – Она отошла от Верити и прошлась взад-вперед по комнате, сцепив руки и глядя на отца Сьюзан так, будто просила помощи.
– Нам… нам нужно ехать. Увезите меня отсюда, – сказала Сьюзан с еще большей настойчивостью в голосе. – Люди, о которых я вам рассказывала, помните? Обслуживающий персонал здесь – я думаю, они с ними заодно. Увезите меня, нас с Верити и, наверное, Кейси тоже отсюда.
Она замолчала, увидев, как ее родители быстро переглянулись. В памяти живо всплыл писк предупредительного сигнала, ужасный цвет лица Кейси, разъединенная линия подачи воздуха.
– С Кейси все хорошо? – спросила она с подозрением.
Отец посмотрел на нее, и она снова заметила, как подпрыгнуло его адамово яблоко – как всегда, когда он нервничал.
– С Кейси все хорошо, – сказал он. – С ней все… хорошо.
Мать вышла из палаты и закрыла за собой дверь. Отец молча сидел на стуле. Сьюзан казалось, что он хочет сказать что-то важное, но он встал и, подойдя к окну, бросил вскользь:
– Замечательный вид.
Сьюзан не могла поверить своим ушам. Ее начало колотить от ужаса. Она воскликнула:
– Папа! Они хотят забрать Верити! Ты что, мне не веришь? – Она все повышала голос и в конце перешла на крик, не задумываясь о том, что может разбудить Верити. – Папа! Во имя всего святого, ты должен забрать меня отсюда! Па-а-а-а-а-а-па! Послушай! Господи, пожалуйста, ПОСЛУШАЙ меня!
Открылась дверь, и вошла медсестра Дюфорс, а за ней – мать. У нее были красные глаза, будто она плакала.
Медсестра повернулась к Корриганам:
– Боюсь, в данный момент любое общение вызывает у нее только отрицательные эмоции. Может быть, стоит дать ей немного отдохнуть. Почему бы вам не приехать завтра?
Отец Сьюзан кивнул.
– Нет! – закричала Сьюзан. – Папа, мама! Не уходите, не оставляйте меня здесь! Заберите меня отсюда! Вы…
Она не могла поверить своим глазам. Родители послушно выходили из палаты. Отец на миг задержался в дверях и посмотрел на нее. В его взгляде смешались удивление, жалость и укор. И вышел.
Медсестра Дюфорс поднесла палец к губам и сказала – спокойно, как всегда:
– Сьюзан, пожалуйста, успокойтесь! Вы разбудите свою дочь!
– Послушайте, вы не понимаете, пожалуйста… – Сьюзан попыталась встать с кровати.
Медсестра мягко, но решительно удержала ее, положив руку на плечо.
– Сейчас вам и вашей дочери необходим отдых.
Сьюзан внимательно посмотрела на нее: приятное лицо, не очень красивое, но доброе; хвост темных волос, чересчур туго стянутых на затылке; по виду – лет тридцать пять. Может, эта женщина поможет ей?
– Я… мне нужно поговорить с вами наедине.
В руках у медсестры вдруг появились две таблетки и маленький бумажный стаканчик с водой.
– Сьюзан, примите это, и вы почувствуете себя гораздо лучше.
Сьюзан недоверчиво посмотрела на нее:
– А что это?
– Мягкое болеутоляющее.
Но Сьюзан решила не глотать таблетки и, поднеся их ко рту, украдкой переложила из одной руки в другую. Затем сказала:
– Я не хочу здесь оставаться. Я хочу поехать в другую клинику… или… или больницу… или домой.

Медсестра нахмурилась:
– Вы в лучшей клинике в Калифорнии. Зачем вам ехать в другую?
Сьюзан поколебалась. Поверит ли она, если рассказать ей все? Наверное, поэтому ее родители вели себя так странно – они не поверили ей, сочли сумасшедшей. Может, до них добрался Джон и убедил их, что она сошла с ума.
– Почему мне никто не принес телефон? – спросила она.
Медсестра Дюфорс улыбнулась:
– А, телефон! Сейчас я этим займусь.
Сьюзан подождала, пока она не выйдет из комнаты, затем засунула таблетки под матрас. Полюбовавшись крепко спящей Верити, она в изнеможении легла на спину, закрыла глаза и прислушалась в ожидании шагов возвращающейся медсестры Дюфорс.

63

К облегчению Джона, самолет вылетел вовремя и приземлился на двадцать минут раньше графика, в двенадцать сорок пять. Но прошел еще час с четвертью, прежде чем он во взятой напрокат машине выехал на шоссе.
Все одиннадцать часов полета он думал об одном и том же, стараясь решить, что он должен сделать по прибытии. Внутри ровно горел фитиль гнева. С чего начать: сначала убедить родителей Сьюзан, что она находится в опасности, или поехать прямо в клинику и разбираться с ситуацией прямо на месте?
Принимая во внимание то, что Дик Корриган рассказал про воздуховод, в полицию обращаться нельзя. После долгих размышлений он исключил и родителей Сьюзан. Надо поговорить со Сьюзан, услышать от нее самой, что случилось с Кейси. Сьюзан не могла причинить вред сестре. Если только…
Мысль повисла, как инверсионный след. Если только… если только Сьюзан какими-то неведомыми путями не пришла к выводу, что, осуществив убийство Кейси, она освободится от финансовых обязательств по отношению к ней, следовательно, сможет расторгнуть сделку с мистером Сароцини и оставить ребенка у себя.

Помешательство?

В это было трудно поверить. Он слишком хорошо знал Сьюзан. Она сильная, у нее устойчивая психика. Да, по ней очень ударила смерть Фергюса Донлеви и Харви Эддисона. Ее испугал рассказ Донлеви об оккультных практиках мистера Сароцини и Ванроу. Но чтобы настолько, чтобы она сошла с ума и отправилась в Америку убивать свою сестру? Вряд ли.
Погода была хорошей. Было настолько тепло, что Джон включил кондиционер. Подъезжая к белым дорическим колоннам на въезде на территорию клиники «Кипарисовые сады», Джон сбросил скорость, затем свернул в сторону, чтобы получше познакомиться с местностью. Ворота были открыты. Не было видно никаких признаков того, что новые владельцы клиники поставили дополнительную охрану. Дождевальные установки разбрызгивали воду над газонами. По посыпанной стружкой тропе садовник-латиноамериканец катил тачку со срезанными ветками.
За территорией клиники дорога уходила в сторону каньона. Джон проехал еще четверть мили, развернул машину – синий «шевроле», заглушил двигатель и закурил сигарету, собираясь с мыслями. Несмотря на долгий полет, он чувствовал себя удивительно хорошо, наверное, из-за того, что мало ел и не пил алкоголь.
Полгода назад Ферн-банк купил клинику.
Дику и Гейл Корриган сказали, что Сьюзан убила Кейси, но они не будут давать делу ход. «Они пошли ей навстречу, Джон. Они… директор говорил с нами. Им не нужен скандал… мы так понимаем… мы так понимаем, скандал им выгоден еще меньше, чем нам».
Может, им и правда не нужен скандал. Но мистер Сароцини прослушивал их дом и следил за ними… как долго? С тех пор, как они въехали? Он знал, что Сьюзан не хотела отдавать ребенка.

И мог ложно обвинить ее, для подстраховки. Вряд ли удастся выиграть дело в суде, когда на тебе висит обвинение в убийстве.
Джон спохватился, не слишком ли его версия притянута за уши, но рассудил, что там, где дело касается мистера Сароцини, ни одно предположение не покажется чересчур невероятным.

Когда Сьюзан проснулась, в комнате находился мистер Сароцини. Он сидел рядом с постелью и с рассеянным видом смотрел на Верити. Он был похож скорее на знатока, разглядывающего предмет искусства, чем на отца, любовно глядящего на своего ребенка. Сьюзан понятия не имела, сколько времени он уже вот так сидит.
– Доброе утро, Сьюзан. Как вы себя чувствуете?
Прежде чем ответить на вопрос, Сьюзан оценила свое состояние. Живот болел так, будто в него всю ночь метали ножи, спина затекла от долгого лежания, ноги онемели и теперь с трудом двигались, очень хотелось пить, и болела голова.
– Хорошо, – ответила она, настороженно и без улыбки. И добавила недовольным тоном: – Я чувствовала бы себя еще лучше, если бы кто-нибудь принес мне телефон.
Мистер Сароцини указал на столик рядом с кроватью. На нем стоял телефон, подключенный к телефонной розетке.
– Мы убрали его для вашей собственной безопасности, – доброжелательно сказал он.
– Что вы имеете в виду?
– Может быть, это и хорошо, что вы не помните. Вчера ваше поведение было – как бы получше выразиться – немного неровным.
– Что значит «неровным»?
Мистер Сароцини поднял руку в знак того, что тема закрыта.
– Как сегодня Верити?
Сьюзан удивленно спросила:
– Откуда вы… знаете ее имя?
– Это хорошее имя. Оно ей очень подходит.
– Откуда вы его узнали? – снова спросила она, на этот раз настойчивее.
Он вскинул брови.
– Скажем так: я просто слишком хорошо вас знаю, Сьюзан.
Сьюзан покачала головой:
– Нет. Вы меня совсем не знаете. – Она бросила беспокойный взгляд на Верити.
Малышка мирно спала.
Мистер Сароцини продолжал улыбаться.
– Я очень горжусь вами. Вы станете очень хорошей матерью. Я всегда знал, что так и будет.
– Что здесь происходило ночью? – холодно спросила она. – Хотелось бы знать, кто были все эти люди и что они здесь делали. Зачем они приходили ко мне в палату? И кто играл на флейте?
Мистер Сароцини сцепил пальцы и посмотрел на Верити. В его глазах мелькнуло странное отстраненное выражение.
– Это была небольшая церемония благословения в честь младенца.
– Церемония благословения? – пораженно повторила Сьюзан.
Мистер Сароцини медленно повернулся к ней:
– Милая Сьюзан, вам еще столько нужно узнать. Вы представления не имеете – сколько.
Сьюзан ответила ему ледяным взглядом:
– Мистер Сароцини, Верити – моя дочь. Я ее мать, и вам пора начать прислушиваться к тому, что я говорю. Если вы еще раз захотите среди ночи привести ко мне в палату своих друзей – мне все равно зачем, – то спросите сначала меня, хорошо?
Мистер Сароцини перевел взгляд на Верити, затем снова на Сьюзан:
– Сьюзан, я в курсе, что вы изучали законодательство по суррогатному материнству и обращались к адвокатам за консультацией. Но вам не нужно ничего опасаться. – Он снова улыбнулся. – Поверьте мне, это так. Я просто хотел убедиться, что вы любите ребенка так, как если бы он был зачат вами естественным путем. И я убедился в этом.
Он знал? Он знал, что она ходила к адвокату? Откуда? Джон рассказал?
Ну конечно, Джон рассказал. Джон во всем виноват. Джон ему рассказал.
– Я… не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – ответила она.

– Я думаю, что мы с вами сможем договориться – вот что я имею в виду. Мы уже заключили с вами одну сделку и сможем заключить еще одну – чтобы вы смогли оставить ребенка.
Она с удивлением и недоверием посмотрела в это аристократическое лицо, попутно отметив, что зачесанные назад волосы с проседью хорошо сочетаются с прекрасно сшитым костюмом.
– Я… смогу… оставить… Верити? Вы не заберете ее? Вы оставите ее мне?
– Сьюзан, место ребенка – рядом с матерью.
– А как же ваша жена?
Мистер Сароцини пропустил вопрос мимо ушей.
– Скажите мне, как сильно вы любите Верити?
Она издала нервный смешок.
– Я… я не знаю. Как это измеришь? Я люблю ее всем сердцем.
– «Si parva licet componere magnis», – сказал мистер Сароцини. – «Если бы возможно было малое измерить великим». Вергилий. – Он бросил на Верити ласковый взгляд, в котором, однако, по-прежнему присутствовала некая отстраненность. – А ваш муж? Как он к этому отнесется?
Сьюзан с подозрением посмотрела на него. О чем же они с Джоном все-таки договорились?
– Я уверена, что когда Джон увидит Верити… – Она поколебалась.
Мистер Сароцини сказал:
– Если что-либо можно вообразить, оно существует.
Она настороженно нахмурилась, затем чуть насмешливо спросила:
– Значит, если я представлю, что Джон любит Верити, он будет любить ее? Так, что ли?
– Совершенно верно.
Сьюзан вдруг поняла, что к чему. Ну конечно.
– Во время нашей первой встречи в Лондоне вы говорили нам, как вы с женой хотите ребенка, но не можете его завести из-за операции, перенесенной вашей женой. Вы хотели мальчика? Сына? Наследника? Поэтому вам не нужна Верити?
Возникла долгая пауза. Сьюзан вперила взгляд в лицо мистера Сароцини, но там, где ожидала увидеть двоедушие, нашла лишь печаль.
– Видите ли, – сказал он наконец. – Когда мы впервые встретились, мне пришлось прибегнуть к маленькой лжи во спасение. – Он снова замолчал. – У меня нет жены. И никогда не было.
Его слова повисли в воздухе. Разум Сьюзан долгое время отказывался их воспринимать. Она слышала, как они вновь и вновь возвращаются незатихающим эхом. Черты лица банкира отвердели, будто он старался оградить себя от собственных чувств. Глаза стали двумя колодцами печали.
– Никогда не было? – повторила она. – У вас… у вас… нет жены?
Несмотря на потрясение, ей стало жалко мистера Сароцини, но вместе с жалостью к ней пришло понимание того, что она обманута. И пришла злость. И растерянность.
– Это, по-вашему, маленькая ложь во спасение? – сказала она.
Мистер Сароцини, казалось, старел прямо на глазах. Он ссутулился, беспомощно сцепил руки, на лбу углубились морщины. Его голос больше не принадлежал крупному банкиру – всемогущему властелину современного мира. Он принадлежал одинокому старику.
– Это нелегко объяснить. Здесь, пожалуй, несколькими минутами не обойдешься.
– Я в растерянности. Я не понимаю, чего вы хотите. Что вообще происходит?
– Попробую объяснить. Видите ли, я являюсь последним представителем очень старого рода. Он уходит корнями в двадцать пятое тысячелетие до Рождества Иисуса Христа, Великого обманщика. Мой долг состоит в том, чтобы передать эстафетную палочку. Я не могу стать тем, на ком этот род прервется. Я не допущу этого. Только не сейчас, не в этой точке на временной оси истории. – Он посмотрел на Верити. – Только не сейчас, когда воплотилась наша величайшая мечта.
– Что за эстафетная палочка? И что за мечта?
Он помолчал секунду, затем сказал:
– Моя вера.

У Сьюзан встали дыбом волоски на шее. Ей вспомнились слова Фергюса. Разве это возможно?
Дьявол во плоти.

И она находится здесь с дьяволом во плоти и его ребенком?

Ее ребенком.
Зачатым от того, кто убил Фергюса?
Неужели она выносила и родила ребенка дьявола во плоти?
Она посмотрела на Верити, затем на мистера Сароцини. Ее всю будто кололи иголками. Она ясно чувствовала силу, исходящую от этого человека. Ее кожа шевелилась, будто под воздействием статического электричества. Дьявол во плоти? Но что это значит? Что имел в виду Фергюс, сказав так? Что есть дьявол во плоти? Безумец? Неприлично богатый человек, страдающий от мании величия?
Кто-то, у кого есть власть убить Зака Данцигера, Харви Эддисона, Фергюса Донлеви?
Она посмотрела на невинную малышку, затем снова перевела взгляд на мистера Сароцини.
– Какая вера? – спросила она. – Вы поклоняетесь дьяволу?
Он улыбнулся. Уверенность, казалось, возвращалась к нему, а вместе с ней осанка и величие.
– А вы, Сьюзан, поклоняетесь Великому обманщику, который учил, что все мы несем в себе проклятие первородного греха. Что мы рождены во грехе и пороке и обретем спасение только через Божью милость. Через наполнение монетами церковных ящиков для пожертвований. – На его лице появилось обычное доброжелательное выражение. – Посмотрите на свою дочь, посмотрите на нее. Посмотрите на Верити. Она греховна? Она порочна? Такой она рождена? Так вы думаете, когда смотрите на нее, держите ее, кормите грудью? Неужели она злобное порочное чудовище? Да, Сьюзан?
– Здесь не все так просто.
– Да, вы правы, – задумчиво сказал он. – Здесь не все так просто, и мы еще поговорим об этом, Сьюзан. Мы потратим на это много дней. Возможно, в конце вы и не согласитесь со мной, но поймете, что моя аргументация обоснована. И согласитесь воспитать Верити в вере и традициях моего рода.
Сьюзан покачала головой:

– Ну уж нет. Я воспитаю своего ребенка в
моей
вере и
моих
традициях. Вы же не думаете, что можете просто купить мои религиозные представления. Они не продаются. Мне очень жаль. Вопрос закрыт.

Мистер Сароцини кивнул, затем долго сидел молча. Верити перекатила головку со стороны на сторону и открыла глаза. Он дотронулся до ручки малышки пальцем, затем начал корчить ей рожи, стараясь ее рассмешить. Глядя, как Сароцини играет с ребенком, Сьюзан почувствовала ревность и злость.
Затем, понизив голос, будто бы для того, чтобы не услышала Верити, мистер Сароцини сказал:
– Сьюзан, я могу разрушить вашу жизнь. Мне для этого нужен всего один телефонный звонок.
Сьюзан испугало не то, что он сказал, и не как он это сказал. Ее испугало его лицо. Она впервые увидела в нем мощь – огромную темную мощь. Вся ее уверенность слетела с нее, словно луковая шелуха. Будто под гипнозом, она сказала:
– Я… я не понимаю.
– Вам уже сказали, что Кейси, ваша сестра, мертва?
Сьюзан вздрогнула. Он лжет, он просто играет с ней. Он сказал это только для того, чтобы выбить у нее из-под ног почву.
– Что? Что вы?.. – В горле у нее перехватило. Кожа на голове натянулась. – Кейси? – сказала она. Мистер Сароцини не лгал и не играл. Внутри у нее разлилась черная ледяная вода. – Кейси? Мертва?

Это ошибка, это какая-то ошибка. Господи, пусть это окажется не так.

– Так вам не сказали?

Она искала в его лице повод для надежды, какой-нибудь намек на то, что он может оказаться не прав. Голос сорвался на писк:
– Мертва? – Этого не может быть. – С Кейси все было хорошо, она была жива, она…
– Мне известно, как сильно вы любили ее, Сьюзан.
Такой спокойный, такой рациональный. Кейси мертва, а мистер Сароцини абсолютно спокоен. Сьюзан хотелось наброситься на него, закричать во всю силу легких. Но вместо этого она тихо, сдавленным, ненатуральным голосом, который, казалось, вот-вот прервется, сказала:
– Что… что это значит: Кейси мертва?
Он спокойно ответил взглядом на ее взгляд и ничего не сказал.
Что-то со всем этим было не так. Кейси не была мертва, она была в ее палате, воздуховод… надо вспомнить… он был… разъединен… Реальность уплывала от Сьюзан. Ее глаза наполнились слезами. Она всхлипнула.
– Медсестра сказала… она сказала, что с Кейси все хорошо, она…
– Она мертва, Сьюзан, – повторил мистер Сароцини, и его голос был холоднее льда. – Хотите взглянуть на ее труп?
Сьюзан закрыла рот рукой и зажмурилась. Ее била крупная дрожь.
– Это неправда. Пожалуйста, скажите мне, что это неправда.
– Она мертва.
– К…когда? Когда… она… умерла?
– Вам известен ответ на этот вопрос. Вы были у нее в палате вчера в четыре часа утра. Когда вас нашли, вы держали в руках две части разъединенной трубки подачи воздуха.
Она поняла тайный смысл его слов. Из глаз у нее потекли слезы. Она замотала головой. Она просто не могла поверить, что все это происходит на самом деле.
– Нет! – сказала она. – Нет, нет, нет, нет. Вы все не так поняли.
Он смотрел на нее твердым взглядом.
– Я любила Кейси. – Голос ее прервался, и у нее ушло несколько секунд на то, чтобы взять себя в руки и снова заговорить. – Я очень любила ее. Я согласилась выносить Верити, чтобы помочь Кейси, чтобы заплатить за ее пребывание здесь. Вот почему я согласилась. – Она поискала салфетку, чтобы вытереть слезы. – Мистер Сароцини, я любила ее, я не смогла бы причинить ей… вред, я… – Она не могла говорить – ее душили слезы.
Верити, подхватив исходящие от нее эмоции, ударилась в крик. Мистер Сароцини поднял ее с кроватки и вручил Сьюзан. Верити немедленно прекратила плакать. Сьюзан тоже немного успокоилась. Она умоляюще посмотрела на мистера Сароцини:
– Пожалуйста, скажите, что это неправда.
Мистер Сароцини спокойно продолжал:
– Я глубоко верю в то, что вы не собирались причинять ей вред. Причину того, что вы сделали, надо искать в том эмоциональном состоянии, в котором вы в тот момент находились. Я уверен, что намерения у вас были самые лучшие.
– Я этого… я этого не делала, я не убивала ее. Когда я вошла, трубка уже была сломана. Медсестра… медсестра… Коук. Медсестра Коук. Спросите у нее.
Мистер Сароцини посмотрел на нее с выражением глубокого сострадания:
– Сьюзан, вы полагаете, я доверил бы вам моего ребенка, если бы думал, что вы действительно хотели убить Кейси? Это было временное помутнение рассудка, момент безумия, рожденного отчаянием. Но поверит ли вам судья? Поверят ли вам присяжные? – Его голос вдруг вновь обрел жесткость. – Стоит мне только поднять телефонную трубку и позвонить в полицию, а затем дать им письменные показания, взятые у медсестры Коук, – и следующие десять лет вы проведете между тюрьмой и свободой, непрерывно сражаясь в судебных баталиях.
Сьюзан, окутанная туманом горя, едва понимала, о чем говорит мистер Сароцини. Она никак не могла поверить в то, что все, что сейчас с ней происходит, – реальность.
– Вы думаете, это я сделала? Вы правда думаете, что это я сделала?
– Сьюзан, вы помните, что произошло вчера днем? Человек в здравом уме едва ли стал себя так вести.
Она бежала. Она помнила, что бежала. Разворот, удар в лицо. Майлз Ванроу, оседающий на землю, с торчащей из глаза антенной сотового телефона. Он это имеет в виду? Вчера днем?

Так это был не сон?

– Сьюзан, пожалуйста, подумайте об этом. Если я сделаю этот звонок, вы никогда больше не увидите Верити. Не приходится сомневаться в том, что права опекунства будут немедленно переданы мне. И вот еще, Сьюзан, это важно – на будущее. Для убийств в Калифорнии нет закона о сроках давности. Я могу поднять трубку телефона прямо сейчас, или через десять лет, или через двадцать. В конце посылки вас может ждать смертный приговор. Или пожизненное тюремное заключение. Возможно, вас направят в лечебницу для душевнобольных преступников. Или отпустят.
– Пожалуйста, прекратите. Пожалуйста, не надо больше. – Сьюзан вся дрожала, стараясь собраться с мыслями, стараясь восстановить в памяти те несколько минут, сразу после ее приезда в клинику. Неужели она могла это сделать?

Кейси мертва.

Неужели она могла это сделать? Неужели она это сделала? Неужели мистер Сароцини прав? Неужели она ранила и Майлза Ванроу? Почему он не приходит к ней? Она что, и его убила? Майлз Ванроу не приходит потому, что улетел обратно в Англию, вот почему… если он вообще здесь был… вчера днем… Реальность ускользала от нее… «Сьюзан, вы помните, что произошло вчера днем?»
Ее трясло. Она обняла Верити еще крепче, будто малышка была единственной реальностью, доступной ей. Разум непрерывно кричал: «Нет!» Она ни за что не причинила бы Кейси вреда. Но она также помнила и о том, как в течение долгих лет спорила с родителями и врачами, доказывая, что, если Кейси заболеет, ей нужно позволить уйти, не давая никаких лекарств. Это ее мать настояла на аппарате искусственного дыхания. Сьюзан изучила всю доступную литературу о людях, находящихся в состоянии вегетативной жизни, и считала, что Кейси нельзя было подключать к аппарату искусственного дыхания. Если бы она могла дышать сама, тогда другое дело. Но если активность ее мозга почти нулевая и она не может дышать, тогда какой смысл поддерживать в ней жизнь?
Господи, она так хотела, чтобы Кейси спокойно ушла. В самом начале они с отцом много говорили об этом, пытаясь найти способ, как сделать это самим. Но ни отец, ни она сама не могли решиться – они слишком сильно любили Кейси.
И они надеялись на чудо, на прорыв в нейрохирургии. Пока в Кейси теплилась жизнь, оставалась возможность того, что однажды она вновь улыбнется, и будет смеяться, и стоять на сцене в Ред-Рокс, и петь.
«Сьюзан, вы помните, что произошло вчера днем?»
Мистер Сароцини наклонился и указательным пальцем погладил Верити по головке.
– Сьюзан, вы и представить себе не можете, как мне будет тяжело посылать вас через эти круги ада. Не говоря уже о том, что мне очень трудно будет найти Верити такую же чудесную мать, как вы. Но вы должны понимать, что, если придется, если вы не оставите мне выбора, я это сделаю.
– Тогда приступайте. – Сьюзан кивнула в сторону телефона. – Звоните.
Он задумчиво посмотрел на нее:
– Сьюзан, вы должны это хорошенько обдумать.
– Звоните, – резко сказала она.
– Сьюзан, они приедут сюда и арестуют вас. У меня с собой юридические документы, подтверждающие, что я отец Верити. Я сегодня же улечу с ней в Швейцарию, и вы больше никогда ее не увидите. – Он продолжал гладить Верити по голове. Она уже снова спала.
Кейси мертва. Ничто больше не имело значения. Сьюзан больше ничто не заботило. Она вымоталась, батареи иссякли. И, будто протестуя, Верити вдруг открыла глаза, посмотрела на Сьюзан, несколько раз моргнула и снова уснула. «А как же я? – словно спросила она. – Я тоже не имею значения?»
Сьюзан крепче прижала ее к себе. К ней неожиданно вернулось самообладание. Она тихо сказала:
– Я не буду воспитывать ее по вашей указке, мистер Сароцини. Я не потерплю, чтобы мой ребенок поклонялся дьяволу, или что вы там еще хотите. Поэтому звоните. Берите трубку и звоните. Не откладывайте.

Банкир поднял трубку и спокойно попросил оператора соединить его с главным полицейским управлением. Сьюзан он казался далекой, едва заметной фигурой, теряющейся на фоне пустынного пейзажа. Мысли у нее в голове спутались. Они исчезали и появлялись без всякой последовательности. Кейси мертва. Верити каким-то образом связана с ее смертью. Кейси, трубка подачи воздуха, темная палата, разъединенная трубка. Это так живо стояло у нее перед глазами.
Или все же это она?..
Мистер Сароцини сказал в трубку:
– Отдел расследования убийств, пожалуйста.
Сьюзан закрыла глаза. Мистер Сароцини продолжал:
– Да, доброе утро. Я директор клиники «Кипарисовые сады». Хочу заявить о предполагаемом убийстве одного из наших пациентов. – И дальше, после паузы: – Да, конечно. – Еще одна пауза. – Да, конечно… пациента – пациентку – звали Кейси Корриган. – Он начал диктовать имя по буквам.
Внутри Сьюзан что-то оборвалось, и она закричала:
– Прекратите! Пожалуйста, прекратите! Нет, нет, нет!
Верити открыла глаза и беспокойно посмотрела на Сьюзан.
– Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо, – не в силах себя контролировать, громко всхлипывала Сьюзан. – Я этого не делала, я этого не делала. Пожалуйста. Пожалуйста, не забирайте у меня и Верити! – Она прижала дочь еще крепче. – Пожалуйста, оставьте ее мне. Я буду ей хорошей матерью. Обещаю, я буду ей хорошей матерью! – Она закрыла глаза, не переставая плакать и в отчаянии обнимая дочь.
Мистер Сароцини молчал.
Молчание затянулось. Она открыла глаза и увидела, что мистер Сароцини протягивает ей трубку. Сьюзан взяла ее, не зная, что нужно говорить. Затем она поняла.
Связи не было.
Мистер Сароцини холодно улыбнулся. Он забрал у нее из рук трубку и положил ее на место.
– Я полагаю, что поступил мудро, устроив эту маленькую репетицию. Как вы считаете?
Сьюзан ничего не ответила.
Мистер Сароцини сказал чуть более доброжелательным тоном:
– Девятнадцатая Истина гласит, что истинную ясность видения мы обретаем только перед лицом глубочайшего страха.

64

Джон притормозил перед «лежащим полицейским», затем снова прибавил скорость. Подъехав к главному входу в клинику, он обратил внимание на то, что стоянка для машин посетителей была почти пуста. В общем-то это было в порядке вещей. В клинике никогда не было особенного ажиотажа – во время предыдущих визитов сюда Джон не видел почти никого, кроме персонала.
«Может, из-за этого они и процветают, – подумал Джон. – Из-за чувства уединенности и спокойствия, витающего здесь в воздухе». Он закрыл «шевроле», под настороженным взглядом камеры слежения прошел через автоматические двери и оказался в плюшевой прохладе обитого деревом фойе. Сегодня тишина действовала на него угнетающе.
– Сэр, чем могу быть полезен? – Охранник за столом был черным, лет под сорок. Он мог бы легко выиграть какие-нибудь соревнования в вежливости, если бы такие проводились.
– Я хочу увидеть свою жену. Ее зовут Сьюзан Картер.
– Могу я узнать ваше имя, мистер Картер?
Джон сказал. Охранник ввел имя в компьютер, и через несколько секунд принтер распечатал его имя, время прибытия и номер пропуска. Охранник оторвал пропуск, вложил его в пластиковый держатель и вручил Джону. Затем взял трубку, нажал кнопку и жизнерадостно сказал:
– У меня посетитель. Мистер Джон Картер к миссис Сьюзан Картер, двести один, крыло «Монтеррей». – Он положил трубку и обратился к Джону с сияющей улыбкой: – Сейчас кто-

нибудь придет и проводит вас. – Он указал на ряд низких кресел: – Пожалуйста, присаживайтесь.
– Не беспокойтесь, я неплохо здесь ориентируюсь. Скажите мне, где она, и я сам ее найду.
– Извините, мистер Картер, – ответил охранник. – У каждого посетителя должен быть провожатый из персонала. Политика безопасности.
– Когда я здесь был в прошлый раз, ничего подобного не было, – раздраженно отреагировал Джон. Он не стал садиться, а прошелся взад-вперед по фойе, взял со стенда брошюру с описанием клиники, полистал ее, разглядывая фотографии палат для пациентов, операционных, видов из окон и прилегающей к клинике территории. Никакого упоминания о новых владельцах.
– Мистер Джон Картер?
Голос с гортанным среднеевропейским акцентом. Джон обернулся и увидел высокого широкоплечего мужчину с короткой стрижкой и неулыбчивым лицом. На нем был дорогой темный костюм, простой черный галстук и сияющие черные туфли. В этом месте он смотрелся чужаком. Он был похож скорее на мафиозного быка, чем на администратора медицинского учреждения.
Джон настороженно сказал:
– Да, это я.
– Сюда, пожалуйста. Следуйте за мной.
Мужчина двигался медленно, будто у него что-то болело и каждый шаг давался с трудом. Такая походка не вязалась с его внушительной внешностью. Они дошли до небольшого холла, администратор вызвал лифт. Джон чувствовал, что он внимательно его изучает.
– Как чувствует себя моя жена? – неловко спросил он. Джон чувствовал себя так, будто подвергался какому-то унизительному медицинскому осмотру.
Администратор холодно посмотрел на него, будто Джон задал запрещенный вопрос, затем сухо сказал:
– Удовлетворительно.
Двойные двери разъехались в стороны, и Джон зашел в лифт. Лифт был просторный – в него должна была помещаться кровать-каталка. Не спуская с Джона глаз, администратор нажал кнопку третьего этажа.

> Двери медленно закрылись. Лифт поехал вверх. «Удовлетворительно». Сьюзан чувствует себя
> удовлетворительно.
> Интересно, что это означает. Она под охраной? Вероятно. Для безопасности других пациентов? Или, что более вероятно, для предотвращения побега?

– Какой медленный лифт, – отметил Джон. Слишком пристальный взгляд администратора его смущал, хотелось прервать молчание. В ответ администратор лишь прищурился, но ничего не сказал. Джон заметил, что кулаки администратора сжаты так, что побелели костяшки, лицо застыло, а все тело бьет дрожь, будто он изо всех сил старается сдержать рвущуюся наружу ярость.
Джон в замешательстве отстранился от него, но в нескольких дюймах за спиной у него была стенка лифта. Он уперся в нее. Огонек на табло зафиксировался на цифре «3», и кабина с резким рывком остановилась. Но двери не открылись.
Администратор посмотрел на них, перевел взгляд на табло, затем нажал кнопку. Ничего не произошло. Он ткнул в нее еще раз, с тем же результатом. Затем, в неожиданном приступе ярости, ударил кулаком в дверь. И опять, еще сильнее.
Джон молча наблюдал. Он чувствовал, что, если откроет рот, этот человек переключит свою агрессию на него – он выглядел совершенным безумцем, психопатом на грани буйного помешательства.
Не говоря ни слова, администратор опять ударил в дверь, на этот раз с такой силой, что на ней появилась вмятина, а в образовавшуюся щель в центре был виден дневной свет. Администратор вошел в раж и бил, и бил, и бил, и бил. В кабине лифта стоял грохот, как в катящейся со склона металлической бочке. Она так сильно раскачивалась, что Джон испугался, что они сейчас упадут вниз.

Затем мужчина перестал колотить в дверь и снова нажал на кнопку. Лифт поднялся еще на пару дюймов и остановился. Двери открылись.
В ушах у Джона стоял металлический грохот. Он не знал, что и думать. Администратор вышел из лифта и пошел по коридору. Джон последовал за ним. Они вошли в маленькую комнату, в которой сидела секретарша. Она что-то печатала и едва взглянула на них. За ее спиной был открытая дверь. Администратор жестом показал, что Джону нужно войти в нее.
Джон вошел в большой, хорошо обставленный кабинет, в котором витал едва заметный запах сигарного дыма, и застыл как вкопанный. За столом, выделяясь на белом фоне забранного жалюзи окна за его спиной и глядя в компьютерный монитор, сидел Эмиль Сароцини.
Джон ошарашенно смотрел на банкира. Он никак не ожидал его увидеть. Дверь позади закрылась с мягким щелчком.
Любезно улыбаясь, банкир встал с кресла и протянул Джону жесткую руку.
– Мистер Картер! Как приятно видеть вас здесь, в Соединенных Штатах. Пожалуйста, присаживайтесь.
Джон холодно пожал предложенную руку и остался стоять.
– Я просил, чтобы меня отвели к Сьюзан, а не к вам.
– Все в свое время, – сказал банкир.
– Я хочу видеть ее немедленно. Как она себя чувствует?
– Я только что от нее. С ней все хорошо.
– Мне говорили другое.
– С ней все хорошо, мистер Картер, уверяю вас.
– Мне не нужны ваши уверения.
Не теряя самообладания, мистер Сароцини сказал:
– Мистер Картер, возможно, мне стоит напомнить, как они были нужны вам год назад, когда, кроме меня, у вас ничего не было.

– Да. Я тогда сильно просчитался. Я и понятия не имел, что вы такой вездесущий.

Банкир вопросительно посмотрел на него.
– Какое невероятное совпадение, что из всех больниц мира ваш банк купил именно ту, в которой лежит сестра Сьюзан, – с сарказмом сказал Джон. Затем он вынул из кармана пиджака небольшую видеокамеру полусферической формы и бросил ее на стол. – Полагаю, это ваше.
Мистер Сароцини взял ее костистыми пальцами и некоторое время рассматривал.
– Нет, мистер Картер. С сожалением должен признать, что я не знаю, что это за предмет. Может быть, это какая-нибудь лампа?
– Да бросьте вы. Я обнаружил двенадцать таких, вмонтированных в потолок всех помещений в моем доме. И еще я нашел спутниковый передатчик. Вы следили за мной и Сьюзан. Вы шпионили за нами. Так вы себе жизнь разнообразите? Глядя на нас с ней в постели? Это отвратительно, это низко.
Банкир сел и жестом пригласил Джона последовать его примеру. Джон не пошевелился. Несколько секунд мистер Сароцини просто смотрел на Джона, казалось размышляя о чем-то. Затем сказал:
– Последующие события показали, что наблюдение с помощью электронных средств оказалось уместной мерой предосторожности. Вы так не считаете, мистер Картер?
– Не думал я, что вы страдаете от страсти к подглядыванию. Глупо, конечно, но я считал вас благородным человеком. Вы даже не извинитесь?
– Напротив, мистер Картер, это вам надо поблагодарить моего коллегу, мистера Кунца, за его дальновидность и предусмотрительность. – Мистер Сароцини склонил голову, и Джон вдруг понял, что в комнате кроме них еще кто-то есть. Он обернулся и увидел, что это тот человек, который привел его сюда. Тот стоял позади него, загораживая широкими плечами дверь, и ответил на взгляд Джона взглядом, в котором свозила насмешка.
Тон Сароцини посуровел.
– Может быть, вы объясните нам, мистер Картер, почему ваша жена, вопреки ясным указаниям мистера Ванроу не покидать Лондон, оказалась здесь, подвергнув опасности жизнь и здоровье ребенка?

Джон ответил со злостью в голосе:

– Я думал, вы знаете почему, раз вы слышали все разговоры в нашем доме. Она испугалась, разве не ясно? Зак Данцигер умер, потом Харви Эддисон, потом Фергюс Донлеви. Единственной нитью, связывавшей этих троих людей, были
вы.
Она узнала, что на вашего замечательного гинеколога, которого вы так рекомендовали, мистера Майлза Ванроу, в Скотленд-Ярде лежит досье как на сатаниста. А теперь еще мой друг Арчи Уоррен впал в кому, и знаете, что здесь самое интересное? Он пытался добыть касающуюся вас информацию, когда это случилось. Затем я обнаружил, что клинику купил Ферн-банк, – и вдруг умирает сестра Сьюзан. И… – Джон спохватился и не стал говорить о военном преступнике по имени Эмиль Сароцини, умершем в 1947 году.

Лицо мистера Сароцини оставалось бесстрастным.
– Это серьезные обвинения, мистер Картер. Я полагаю, вы тоже ощутили последствия стресса, который в полной мере пережила ваша жена. И вы, должно быть, устали от полета. Может быть, выпьете чашечку кофе, чтобы взбодриться?
– Я хочу увидеть Сьюзан. Я хочу, чтобы она сама мне рассказала, что произошло, прежде чем я услышу это от кого-либо другого. Ясно?
– Разумеется. – Банкир развел руками. – Через несколько минут. Вначале нам нужно поговорить, достигнуть некоторого взаимопонимания.
Джон замотал головой:
– Нет. Я хочу видеть ее немедленно. Я хочу видеть мою жену прямо сейчас. Затем, если с ней все хорошо, я вернусь и поговорю с вами – а если с ней не все хорошо, то вызову полицию.
Мистер Сароцини некоторое время смотрел на клавиатуру компьютера, затем набрал команду и развернул монитор к Джону. Монитор в цвете показывал Сьюзан, сидящую на постели и кормящую грудью младенца. Судя по часам на стене, это не было записью, а происходило в настоящее время.

Джон почувствовал облегчение.
С ней все хорошо. С Сьюзан все хорошо, она жива. Господи, благодарю Тебя за это.

Он подался вперед, ближе к монитору. В его душе поднялась буря чувств.
– Когда она родила?
– Вчера ночью. Абсолютно здоровая красивая девочка. Они обе просто молодцы. Я понимаю ваше желание поговорить с женой, но вначале вы должны узнать кое-какие весьма важные вещи. Пожалуйста, садитесь. Это займет некоторое время.
Джон поколебался, затем бросил взгляд за плечо: администратор по-прежнему решительно загораживал дверь. Джон немного успокоился, и злость его поугасла. Он сел напротив мистера Сароцини и снова всмотрелся в монитор. Сьюзан смотрела на ребенка, и в ее лице была такая нежность, такая огромная нежность… Это тронуло его и в то же время причинило боль. Она не сможет отдать этого ребенка. Если она это сделает, она или умрет, или сойдет с ума.
– Мистер Картер, я полагаю, вас уже известили о смерти сестры Сьюзан?
Он посмотрел на банкира:
– Мне звонил отец Сьюзан. Он сказал мне что-то совершенно невероятное – что Сьюзан убила Кейси. Этого не может быть. Сьюзан никогда бы не причинила ей вред.
Мистер Сароцини кивнул – он был согласен с таким мнением. Затем сказал:
– Боюсь, в действительности ситуация еще хуже, чем вы думаете, мистер Картер. Ваша жена убила свою сестру Кейси и искалечила мистера Ванроу. Он потерял глаз. Ваша жена необратимо повредила ему лобную долю мозга. У него парализована вся правая сторона тела. Он никогда не сможет больше работать.
– Ванроу? Майлз Ванроу? – Джон не верил своим ушам. – Ее гинеколог? Она его искалечила?
– Боюсь, что так.
Это абсурд. Это просто смешно. Это какой-то дикий, неумный розыгрыш, какая-то проверка. Он посмотрел на Сьюзан, которая как раз перекладывала малышку к другой груди, и засмеялся:
– Да бросьте вы!

Но банкир и не думал шутить.
– Я бы тоже не поверил, что ваша хрупкая жена на такое способна, мистер Картер. Но можем ли мы вообще сказать, что полностью знаем человека?
Банкир набрал на клавиатуре еще одну команду. Вместо Сьюзан на мониторе появилось изображение здания. Джон узнал клинику, однако этой ее части он никогда не видел. Из двери выбежала фигура в зеленой медицинской пижаме, с хирургической повязкой на лице и в медицинской шапочке. В руках – сотовый телефон. Камера крупным планом показала лицо. Джону было трудно по одним глазам определить, кто это, но это, похоже, была женщина. Сьюзан? Затем, набирая номер на телефоне, она стянула повязку с лица, и он ясно увидел, что это Сьюзан. Она вдруг оглянулась через плечо и сорвалась на бег.
Другие камеры с различных ракурсов показывали, как она бежит по цветочным грядкам, по газону, затем по асфальтовой дорожке. Позади нее появились трое мужчин – двое в костюмах, один в хирургической пижаме. Они преследовали ее.
Джон смотрел, не помня себя от ужаса. Сьюзан споткнулась о «лежащего полицейского», упала ничком на асфальт. Не теряя ни секунды, она поползла вперед на четвереньках, схватила телефон, выпавший при падении у нее из руки, и поднялась на ноги. Вот ее догнал мужчина в хирургической пижаме и положил руку ей на плечо. Другая камера показала лицо мужчины: ему было не меньше шестидесяти, и он задыхался от быстрого бега. Сьюзан в мгновение ока развернулась и ткнула его антенной телефона в глаз.
Побелев как полотно, Джон смотрел, как мужчина – по-видимому, Ванроу – осел на землю, затем завалился на бок. Камера показала его лицо крупным планом. По нему текла кровь. Ванроу не двигался.
Мистер Сароцини остановил запись, затем медленно, словно в его распоряжении была целая вечность, соединил кончики пальцев и посмотрел на Джона поверх них.
Чувствуя ужасную слабость, Джон выдержал взгляд банкира. В голове его крутился момент записи, когда Сьюзан бьет Ванроу сотовым телефоном. Голос его дрожал.
– Что… что он хотел с ней сделать?
– Мистер Ванроу хотел принять у нее роды, мистер Картер. И все. Она была его пациенткой. Она пренебрегла его советом не покидать Лондон и совершила очень глупый поступок: села на самолет и прилетела сюда. Он любезно согласился приехать в Соединенные Штаты, чтобы продолжать наблюдать ее и принять у нее роды.
– Как ей повезло, что она приехала в клинику, владельцем которой являетесь вы.
Мистер Сароцини пропустил колкость мимо ушей.
– Мистер Картер, приходится признать, что у Сьюзан произошло временное помутнение рассудка. Ее поведение было абсолютно непредсказуемым.
Джон подался вперед:
– Разве ее можно винить? Мистер Сароцини, если бы я был беременным и узнал, что на моего гинеколога заведено в полиции досье за сатанизм, я бы тоже пустился в бега. – Лицо банкира находилось на расстоянии всего нескольких дюймов от него. – Возможно, вы знали об этом. Возможно, именно поэтому вы настояли, чтобы Сьюзан обратилась к нему.
Мистер Сароцини с обиженным видом выпрямился. Голос у него тоже звучал обиженно.
– Мистер Картер, я думаю, вы составили обо мне ошибочное мнение. Я признаю, что держал вашу жену под наблюдением, но, как вы, наверное, уже знаете, этим я не нарушил ни один из законов вашей страны. Но можете ли вы припомнить еще хоть один факт, доказывающий мое предосудительное отношение к вам или вашей жене?
Джон молча смотрел на него, лихорадочно пытаясь разобраться в ситуации и сделать правильные выводы. Неужели он во всем ошибся и банкир совершенно ни при чем?
– Мистер Картер, я сохранил вам ваш бизнес и ваш дом. Я старался не вмешиваться в вашу жизнь. Я заключил с вами соглашение и выполнил все взятые на себя обязательства. К сожалению, в отличие от вашей жены. Она искала поддержки у соответствующих служб в Интернете, обращалась за консультацией к адвокатам, пренебрегала рекомендациями своего лечащего врача. Каждое ее действие доказывало, что она собирается в одностороннем порядке разорвать наше соглашение и оставить ребенка себе. Именно поэтому она приехала в Соединенные Штаты, и именно поэтому, как вы могли убедиться, просмотрев этот прискорбный видеоматериал, она убежала из клиники и в припадке безумия напала на Майлза Ванроу.

Лицо мистера Сароцини окаменело от гнева.
– А теперь вы имеете наглость, придя сюда, излагать мне свои измышления по поводу смерти композитора, и еще двух человек, и еще кого-то, кто находится в коме, и намекать на то, что покупка нами этой клиники каким-то образом связана со смертью сестры вашей жены. – Он указал на стоящий на столе телефон. – Пожалуйста, мистер Картер, действуйте. Звоните в полицию. Нам обоим будет от этого только лучше. Попросите их приехать сюда. Скажите им, что вы хотите сделать заявление. – Он опустил взгляд. Затем снова взглянул Джону в глаза и сказал: – И сообщите, что дирекция клиники тоже желает сделать заявление. – Он подтолкнул аппарат к Джону. – Пожалуйста. Снимите трубку и попросите оператора вас соединить.
Джон изо всех сил прижал одну ладонь к другой. Они были холодными и влажными. Все его тело покрылось холодным потом. Он сглотнул. Мистер Сароцини подтолкнул телефон еще ближе к Джону, затем – резко – еще ближе. Джон не сводил глаз с аппарата. На нем было два ряда кнопок, запрограммированных на определенный номер. Под каждой кнопкой было небольшое пластиковое окошко, в которое была вложена полоска бумаги с напечатанным на ней именем. Взвизгнув от движения по полированной столешнице, пластмассовый корпус подвинулся еще ближе к нему.
Его глаза были по-прежнему прикованы к телефону. Он не мог их поднять, не мог взглянуть мистеру Сароцини в лицо. В каждом пластиковом окошке было кошмарное изображение падающего на землю Ванроу.
– Или вы предпочитаете, чтобы я сделал этот звонок за вас?
Джон беспомощно посмотрел на мистера Сароцини. Сьюзан пыталась сбежать. Господи, она, должно быть, была в отчаянии. Она – якобы – убила Кейси, а полиции ничего не сообщили. Она искалечила Ванроу, и опять полиция ничего не узнала.
Зачем Сароцини прикрывает Сьюзан?
Или он сам что-то скрывает?
– Прежде чем принять решение, я должен поговорить с Сьюзан, – сказал Джон.
Мистер Сароцини взмахнул рукой:
– Мистер Кунц проводит вас до ее палаты. Но уделите мне еще несколько секунд вашего внимания. Я хотел бы попросить вас, мистер Картер, внимательно следить за тем что вы будете говорить вашей жене. Она сейчас переживает период глубокого психического страдания. Она знает, что несет ответственность за смерть своей сестры, хотя и не хочет верить в это. Но в то же время, по нашему мнению, она вычеркнула из памяти эпизод нападения на Майлза Ванроу. Хорошо еще, что не нашлось никаких других свидетелей этого инцидента, кроме сотрудников клиники. – Он склонил голову набок и проницательно посмотрел на Джона.
– Хорошо или просто удобно?
– Я не думаю, что Сьюзан в настоящее время способна выдержать серьезный полицейский допрос. Вы же не хотите, чтобы ей предъявили обвинение в убийстве? И возможно, второе – в попытке убийства? Она сейчас находится в таком психическом состоянии, что вряд ли способна отличать действительность от того, что происходит в ее воображении. Со временем, при надлежащей терапии и медицинском уходе, она справится с этим. Но если вы сообщите ей о состоянии мистера Ванроу, это может стать последней каплей.
Джон обдумал это. Он не мог отрицать – ни перед собой, ни перед мистером Сароцини, – что в последние несколько недель поведение Сьюзан беспокоило его.
– Она в течение долгих месяцев мучилась от боли. Неудивительно, что… – Он замолчал.
Мистер Сароцини развел руками:
– Кто знает? Возможно, причиной явилось сочетание стресса и боли – я бы сказал, почти наверняка так и было. Весь этот душевный сумбур последних месяцев… Любой женщине эмоционально очень трудно выносить ребенка для того, чтобы потом отдать его в чужие руки и никогда больше не увидеть. Многие недооценивают эту проблему.
– Да, – согласился Джон. – Я убедился в этом на собственном опыте.
Мистер Сароцини посмотрел на него странным взглядом:
– Сьюзан всей душой любит этого ребенка.
– Я знаю, – тихо сказал Джон. – И поэтому будет лучше, если вы заберете его… ее… как можно скорее. Каждая минута, которую Сьюзан проводит с ней, обернется для нее еще большими душевными страданиями. Пожалуйста, заберите ребенка, верните мой бизнес и наш дом. Больше мне ничего не нужно. Возьмите ее и отдайте нам нашу жизнь.

Мистер Сароцини разглядывал Джона, казалось, целую вечность. Он с легкостью соединил кончики пальцев обеих рук, так что вместе они образовали некое подобие моста, и стал изучать Джона поверх них. Его глаза прожигали Джона насквозь. Он будто читал какие-то тайные письмена, сокрытые у Джона внутри.
Затем он сказал:
– Я думаю, сейчас самое время вам пойти и увидеться с Сьюзан.

65

Джон открыл дверь в палату. Сьюзан, подняв глаза, увидела его и вжалась в спинку кровати, обхватила дочь рукой, словно защищая ее. Девочка же, не обращая ни на что внимания, продолжала сосать грудь.
Он улыбнулся. Ответом ему было молчание и настороженный взгляд. Сьюзан выглядела бледной и измученной.
– Привет, – нерешительно сказал он и закрыл за собой дверь. Мистер Сароцини почти наверняка наблюдал за ним в эту минуту. Чтобы не пугать Сьюзан еще больше, Джон избегал смотреть на потолок, туда, где была спрятана камера. Он пожал плечами и снова улыбнулся. – Как ты?
В палате стоял приторно-сладкий запах детской присыпки, свежевыстиранного белья и чего-то еще, чего Джон не мог определить, но что всегда ассоциировалось у него с новорожденными младенцами.
Он с любопытством посмотрел на малышку, удивился, какие у нее маленькие ручки и ножки. Ее носик был уменьшенной копией носа Сьюзан, ярко-рыжие волосы тоже перешли к ней, несомненно, от Сьюзан, и это озадачило его, потому что он почему-то полагал, что ребенок воспримет черты одного мистера Сароцини – возможно, думать так ему было просто легче.
Растрогавшись, он подошел к кровати и, наклонившись, легко поцеловал Сьюзан в лоб. Она никак не отреагировала.
– Она очень красивая, – сказал он. – Похожа на тебя. У нее твои волосы и нос. – Ему захотелось дотронуться до девочки. В ней было столько от Сьюзан – с близкого расстояния это было еще больше заметно, – но в голове у него прозвучал предупредительный сигнал, и он сдержался. Он должен сохранять эмоциональную дистанцию.
Сьюзан опустила глаза.
– Ее зовут Верити, – сказала она ровным, отстраненным голосом. Затем тем же тоном, как само собой разумеющееся, она произнесла: – Кейси умерла.
– Мне сказали. – Он поколебался. – Сьюзан, прости меня, я… – Он не мог разобраться, что на самом деле чувствует, и не знал, что ему говорить. – Мне правда очень жаль, что все так получилось, – неуклюже закончил он. – Джон протянул руки, чтобы прикоснуться к жене, надеясь успокоить ее, но она не подняла глаз и не посмотрела на него. Она не сводила взгляда с ребенка. Поэтому он просто погладил ее по плечу, затем дотронулся пальцем до ее щеки. Сьюзан по-прежнему не реагировала.
– Он сказал, что это я убила ее.
Джон выждал секунду, затем спросил:
– Кто сказал?
– Он сказал, что я убила Кейси. Разъединила трубку подачи воздуха.
По ее щеке скатилась одинокая слеза. За ней еще одна и еще одна. Джон достал из кармана платок и вытер их. Он будто пришел в палату к незнакомке, а не к своей жене.
– Кто это сказал? – повторил он.
– Медсестра. Медсестра Коук. Мне сказал мистер Сароцини, а ему – медсестра Коук. – По-прежнему не глядя на него, она сказала: – Это неправда, я не… я…
Он вытер слезы еще раз.
– Родители тоже думают, что это я ее убила. Я не убивала, Джон. Они могут говорить что угодно, думать что угодно, но ведь они не могут отнять у тебя правду, если ты ее знаешь. Ведь так?
– Да, – ответил он.

– Только ради нее я и жила.
В палате было два жестких стула. Джон подвинул один из них к кровати и сел. Он отмахнулся от обиды, вызванной этими словами Сьюзан.
– Я знаю. Ты делала для нее все, что могла. Ей повезло, что у нее была такая сестра, как ты. – Он снова посмотрел на младенца, на его безостановочно сосущий маленький ротик, на волосы – рыжие волосы Сьюзан, на крохотный курносый носик.
Он поискал черты мистера Сароцини в ее лице, но их не было. Это целиком была Сьюзан – это был ее маленький клон. А может, ему просто хотелось так думать.
– Ты была ей замечательной сестрой, – сказал он. – Ты делала для нее все, что могла. Ее жизнь без тебя была бы гораздо хуже… – Он замолчал, вдруг вспомнив, как Сьюзан воткнула антенну мобильного телефона в глаз Майлза Ванроу, и содрогнулся. Мистер Сароцини был прав, когда советовал ему не упоминать об этом. Ей и без того достаточно потрясений.
Он наклонился к ней поближе и прошептал ей на ухо:
– Я не верю, что ты убила ее. – Ему было все равно, услышат его или нет. – И я люблю тебя больше всего на свете.
Она посмотрела на него – один мимолетный нерешительный взгляд – и снова опустила глаза к Верити.

> У Джона было тяжело на сердце. В какую же заваруху он ее втянул! Он почувствовал острую ненависть к управляющему его банком, мистеру Клэйку. Во всем виноват мистер Клэйк с его Библией, лежащей на столе. Если бы только он оставил его на некоторое время в покое, вложенные в бизнес деньги вернулись бы, и ничего,
> ничего
> бы не случилось.

А теперь его жена лежит на больничной койке, над ней нависло обвинение в убийстве сестры и нанесении тяжких телесных повреждений, а ее грудь сосет не его ребенок.
Господи, да что заставило его согласиться на безумные условия мистера Сароцини? Почему у него не хватило мужества сказать «нет»? Почему он не смог отказаться? Они бы справились – ну лишились бы бизнеса и дома, зато сохранили бы самих себя. А теперь… От них уже ничего почти не осталось.
Сьюзан подняла голову, несколько секунд смотрела на него, опять опустила голову. Затем едва слышно сказала:
– Мистер Сароцини сказал, что позволит мне оставить ее у себя.
Джон в изумлении уставился на нее.
Она нервно взглянула на него и спросила:
– А ты позволишь?

66

Посетители стали приходить начиная с двух часов пятнадцати минут следующего дня. Первой была пожилая, довольно жалкого вида пара в добротной, но устаревшего вида одежде. Ее давно стоило продать на благотворительном базаре. «Или, может, они как раз ее там и купили», – подумал Джон.
На бедже женщины было написано: «Миссис М. Лебовик». У нее были подкрашенные синим волосы, ярко-красная помада на губах, безвкусные украшения и бархатная шляпа колоколом. В руках у мистера С. Лебовика была мягкая фетровая шляпа, на груди – тускло-коричневый заношенный галстук. Выглядел он полным подкаблучником. «Они похожи на венгров, – подумал Джон. – Или на румын или поляков. Откуда-то оттуда».
– Она красивая, – сказала женщина. У нее был сильный бруклинский акцент. Не обратив никакого внимания на Сьюзан и Джона, она подошла прямо к кроватке Верити. Мужчина последовал за ней. Он приближался к Верити с благоговейным и подобострастным видом. Они встали перед кроваткой, будто пред алтарем, и, закрыв глаза, произнесли беззвучную молитву.

Это напомнило Сьюзан о жуткой ночи, когда мистер Сароцини и другие люди – и тот старик в кресле-каталке – приходили в ее палату.
– Вы друзья мистера Сароцини? – спросил Джон, которому они сразу не понравились.
Мужчина осторожно вынул из кармана плаща какой-то предмет, завернутый в старую газету. Даже не глядя на Джона, он протянул предмет настороженно следившей за его действиями Сьюзан.
– Возьмите, – сказал он. – Это для новорожденной.
Предмет оказался неожиданно тяжелым, и Сьюзан чуть не выронила его. Она сняла со свертка резинку и развернула газету. Внутри оказалась темно-зеленая статуэтка – не человека и не животного, а, скорее всего, какого-то мифического существа. Сьюзан не очень к ней присматривалась.
– Спасибо, – с сомнением в голосе произнесла она.
– Это ее наследство, – объяснил мужчина и повернулся, чтобы последовать за женщиной, которая была уже у двери.
– Подождите, – остановила их Сьюзан. – А какое вы имеете отношение к…
Их уже не было. Они ушли так быстро, словно боялись злоупотребить гостеприимством.
Сьюзан посмотрела на Джона, в ее взгляде читалось: «Кто были эти люди?»
– Мистер и миссис Лебовик. – Он взял статуэтку у нее из рук. – Друзья… черт, тяжелая… друзья мистера Сароцини? Родственники? Как он там сказал? «Это ее наследство»? Что он этим хотел сказать?
Сьюзан посмотрела на мирно спящую Верити.
– Наверное, какая-нибудь фамильная ценность.
Джон вертел статуэтку в руках. Он искал какой-нибудь намек, указывающий на ее происхождение. Он плохо разбирался в антиквариате. На ощупь она была гладкой, словно стекло, долго пролежавшее на пляже и отполированное морским песком, и – старой. Похоже, это был малахит. У фигурки было туловище мужчины, изящные ноги скаковой лошади и голова грифона. Она не вызывала отвращения, но все же при взгляде на нее возникало какое-то тягостное чувство, какое-то беспокойство.
– Если бы она принадлежала моей семье, я, наверное, тоже с радостью подарил бы ее кому-нибудь, – сказал он.
– Ну, теперь она принадлежит, – отозвалась его жена.
На мгновение их взгляды встретились, и Джон сразу отвел глаза. Говорить с Сьюзан сейчас все равно что ходить по минному полю – он осторожно подбирал каждое слово. Он еще раз осмотрел статуэтку и спросил себя, имеет ли она какое-либо оккультное применение, но ничего не сказал.
Ночью он спал в соседней с Сьюзан палате. После его стычки с мистером Сароцини, произошедшей вчера днем, у него был только один разговор с ним, в котором банкир сообщил ему, что должен вернуться в Европу по делам и оставит их обдумывать свое положение. Он сказал Джону, что тот может находиться в больнице столько, сколько захочет, и настоятельно рекомендовал не покидать Сьюзан до тех пор, пока она не окрепнет настолько, что сможет вернуться в Англию. Об ином Джон и помыслить не мог.
Сегодня утром Сьюзан осматривал ее новый гинеколог, любезный немногословный швейцарец, которого звали доктор Ферлаг. В разговоре с Джоном он сказал, что после кесарева сечения удалил у Сьюзан небольшую яичниковую кисту и что с Сьюзан все хорошо и она сможет родить еще столько детей, сколько захочет.
О Майлзе Ванроу не было сказано ни слова. Джон подумал, что пока это и к лучшему. Пусть это воспоминание будет заблокировано у Сьюзан до тех пор, пока она не вернется в более или менее нормальное психическое состояние.
Утром она снова рассказала Джону, что в точности произошло после того, как она зашла в палату Кейси. Она хотела, чтобы он поверил ей, и ее рассказ, вне всякого сомнения, был искренним. И все же в мозгу Джона, словно виселица, возвышался огромный вопросительный знак.
Если она вычеркнула из памяти нападение на Ванроу, то не могла ли она убить Кейси и тоже забыть об этом?

Может быть, Сароцини все-таки не лжет?

Мотив у нее был: если бы Кейси умерла, у Сьюзан исчезли бы финансовые обязательства, удерживающие ее от того, чтобы скрыться вместе с Верити. Но разве могла любовь Сьюзан к еще не рожденному ребенку оказаться важнее, чем жизнь ее сестры? Нет – но только в случае нормального состояния психики. А вот если у нее случился приступ временного помешательства… тогда что?

И у него было чувство, что Сьюзан не все ему рассказывает. Она не доверяла ему и что-то скрывала.

Через десять минут после ухода мистера и миссис Лебовик прибыла вторая пара посетителей: мистер и миссис Стоун, лет на десять младше Лебовиков, гораздо менее жалкой наружности, но, насколько мог судить Джон, тоже выходцы из Восточной Европы. Как и предыдущая пара, они обращали внимание только на Верити, будто Сьюзан и Джона вовсе не существовало, кроме того момента, когда супруги вручили им подарок – на этот раз коробку, перевязанную лентой, в которой оказался великолепный золотой потир, приведший Джона в изумление и стоящий, наверное, много тысяч фунтов.

Поток посетителей не прекращался весь оставшийся день. Обеспокоенный тем, выдержит ли все это Сьюзан, Джон поговорил с гинекологом, попросив его или ограничить, или вообще запретить посещения, по крайней мере до тех пор, пока состояние Сьюзан не улучшится. Доктор Ферлаг коротко ответил, что эти люди восхищаются великим человеком, Эмилем Самоцини, и проделали долгий путь – многие пересекли весь континент, – чтобы воздать почести Верити. Не принять их – значило нанести им оскорбление.

Последующие три недели посетители не давали Джону и Сьюзан никакого покоя. Они были неизменно вежливы, но немногословны, адресовались обыкновенно к Сьюзан и не обращали никакого внимания на Джона. Все приносили с собой подарок. Кое-кто из женщин давал Сьюзан советы по уходу за ребенком: как кормить, в каких положениях укладывать спать, при какой температуре воды купать, насколько тепло должно быть в комнате, где девочка находится, какие витамины добавлять в молоко, когда придет время отлучить Верити от груди. Некоторые оставляли Сьюзан средства от простуды и травы для укрепления костей.

Возраст посетителей колебался от среднего до пожилого, одни выглядели более респектабельно, чем другие. Среди них нашлось место представителю практически каждой расы, но в основном это были выходцы из Центральной Европы, насколько мог судить Джон по их внешности, именам и акценту.

Первые несколько дней он не выходил из палаты Сьюзан, внимательно наблюдая за гостями и после ухода некоторых из них обмениваясь с Сьюзан насмешливыми взглядами. Несмотря на то, что она очень уставала, к ней, похоже, возвращалось ее обычное чувство юмора.

Большинство даров были старинными вещами. Излюбленными цветами были темно-зеленый и черный, материалами – малахит, дерево или мрамор, свертки перевязывались черной шелковой лентой. Но были и предметы из золота и бронзы. Самым большим по размеру подношением оказалась украшенная затейливой резьбой черная лакированная колыбель. Принесшая подарок пара вручила его с большой гордостью, сказав, что колыбель принадлежала их семье несколько столетий. После их ухода Джон и Сьюзан с ужасом переглянулись. Сьюзан сказала, что ей страшно оставлять колыбель в комнате, и Джон убрал ее, засунув в багажник машины, а затем подарил пораженной супружеской чете, устроившей в пригороде Лос-Анджелеса гаражную распродажу.

Были там и курильницы, и тигли, и всяческие другие сосуды, и целая груда старинных драгоценностей – некоторые украшения выглядели очень красиво, но в основном это были безвкусные кричащие вещи с большими камнями. Сьюзан больше всего понравились ткани – тоньше и красивее она никогда не видела, люди, приносившие их, гордились ими по праву. По ее просьбе Джон убрал все дары, имевшие явно оккультный характер. Она не хотела, чтобы они попались на глаза ее родителям, которые приходили каждое утро.

Джон кое-что поделал для «Диджитрака»: съездил к своим клиентам на Западном побережье и попытался завязать новые контакты. Но на самом деле душа у него к этому не лежала. В основном он просто ждал, думал, пытался разобраться в ситуации, наблюдал за Сьюзан, говорил с ней, стараясь восстановить ту близость, что существовала прежде. Но между ними всегда оказывалась Верити, словно кирпич среди осколков стекла, которое было их любовью.

Сьюзан продолжала настаивать, что мистер Сароцини разрешил ей оставить Верити. Джон не спорил с ней. Раз банкир так сказал, у него были на то причины. Он мог опасаться за душевное здоровье Сьюзан и решил не забирать у нее ребенка до тех пор, пока ее психика не окрепнет настолько, чтобы выдержать расставание с ним. Но в то же время Джон подозревал, что этот человек настолько безжалостен, что его не могут волновать подобные мотивы, и что в действительности у него, наверное, что-нибудь другое на уме.
Однако такое решение никуда не годилось. Чем больше времени Сьюзан проведет с Верити, тем тяжелее для нее будет расстаться с ней. Даже он начал что-то чувствовать к девочке. Иногда он по настоянию Сьюзан держал ее на руках, разговаривал и играл с ней. Джон не думал, что начал любить Верити, но, по мере того как малышка стала узнавать его, а он все больше изумлялся тому, насколько сильно Сьюзан любит ее, все чаще забывал, что это не его ребенок. Он больше не рассматривал Верити как какой-то далекий, не имеющий к нему отношения предмет – она стала для него хрупким младенцем, человеческим детенышем, беспомощным и всецело вверившимся двум несовершенным существам, Сьюзан и ему самому, которые стали ее миром.
Раз в два дня он звонил Пайле в Англию. Состояние Арчи не менялось. Он был глубоко опечален случившимся с другом несчастьем и часто вспоминал свою стычку с мистером Сароцини, раз за разом размышляя над тем, как был оскорблен банкир, когда он практически обвинил его в болезни Арчи и смерти Харви Эддисона, Зака Данцигера и Фергюса Донлеви.
Он снова и снова проигрывал в мозгу этот момент, оценивая реакцию банкира, сравнивая ее с тем, как, по его мнению, отреагировал бы действительно невинный человек, и каждый раз приходил к выводу, что уклончивый ответ мистера Сароцини, его апелляция к его будто бы беспорочному поведению, за которыми последовал прямой вызов Джону, когда он вынуждал его позвонить в полицию, указывали на то, что этому человеку есть что скрывать.
В его мозгу теснился целый легион вопросов. Сьюзан пришла на прием к Харви Эддисону, и в тот же вечер он умер – якобы от передозировки кокаина. Но может быть, все было подстроено и с помощью кокаина его убили. Фергюс рассказал Сьюзан про Сароцини и Майлза Ванроу и в тот же вечер захлебнулся собственной рвотой. И снова все могло быть подстроено. Зак Данцигер умер в нью-йоркском отеле от передозировки наркотиков. Снова подстроено?
Арчи Уоррен приехал в свой офис, отослал ему электронное письмо с информацией о фирме Сароцини – и в тот же вечер свалился от удара, до сих пор находится в коме, причем прогноз для него неутешительный. Общеизвестно, что черные маги – что бы они ни исповедовали и как бы ни назывались – могут нанести жертве вред, просто думая о ней либо протыкая булавками изображающую ее восковую куклу. Может, в случае с Арчи так и было?

Такое вообще возможно?

А зачем вообще их убивать? Была ли в каждом случае какая-либо причина? Мотив для убийства Зака Данцигера достаточно прозрачен: его убили, чтобы стащить с шеи «Диджитрака». А Харви Эддисон? Потому что Сьюзан пришла к нему на прием? Харви увидел то, что не должен был увидеть, и узнал то, чего не должен был узнать?
Джон прекрасно знал, что Харви был бабником и баловался кокаином. Возможно, его смерть и в самом деле произошла в результате несчастного случая. Возможно, что смерть Фергюса Донлеви тоже была несчастным случаем, – Сьюзан как-то упоминала, что он здорово пил. Также возможно, что лишний вес Арчи и полторы пачки сигарет в день наконец сделали свое дело.
Но если предположить, что мистер Сароцини так легко убивает людей, чтобы замести следы, то над Сьюзан нависла серьезная опасность. И над ним самим тоже.
И что на самом деле Сароцини от них хочет?
Сьюзан сказала, что Сароцини солгал и никакой жены у него нет. Она также говорила, что он беседовал с ней о своей вере и назвал Иисуса Христа обманщиком, но так толком и не разъяснил, что за религию он исповедует. Она посоветовала мужу прочитать книги об оккультизме, оставшиеся на дне чемодана в доме ее родителей.
Он их прочел. Некоторые главы помогли ему понять значение оккультных символов в их доме, а глава о новорожденных младенцах сильно его обеспокоила. Его также беспокоили ежедневные посетители со своими колдовскими дарами. Казалось, будто одно их количество доказывало обоснованность его страхов.

Ладно, уверенность Сьюзан в том, что ребенка отнимут и принесут в жертву сразу, как только он родится, оказалась беспочвенной. Но это только пока. Может, им не обязательно, чтобы ребенок был новорожденным. Может, Сароцини принесет его в жертву в один из особых дней, список которых был приведен в книге. Скоро Вальпургиева ночь – 30 апреля. Или летнее солнцестояние – 21 июня. Или праздник урожая, великий языческий праздник – 31 июля. Или осеннее равноденствие. Или ноябрьский самайн. И еще много других праздников.
Насколько глубоко они увязли в том, чего даже не понимали?
И как им выбраться? Отдать Верити? Для них это больше был не вариант – по крайней мере, им нужна была стопроцентная гарантия безопасности, подтвержденная всем, чем можно. И даже в этом случае Сьюзан, скорее всего, не согласится. Уже поздно.
К Джону вернулось то чувство ужасающей беспомощности, которое он испытал год назад в кабинете Клэйка. Но тогда, по крайней мере, он понимал, что ему делать и в каком направлении двигаться.
Теперь же он не понимал вообще ничего.

67

Частный реактивный самолет разгонялся перед взлетом. Сьюзан чувствовала удары шасси о стыки бетонных плит взлетно-посадочной полосы. Верити беспокойно раскрыла ротик, и Сьюзан обняла ее, что-то успокоительно нашептывая. Тон гула двигателей понизился, самолет задрожал и оседлал воздух. Лос-Анджелес быстро ушел вниз и назад.
У Сьюзан заложило уши. Она зажала пальцами нос и подула. Верити начала плакать. Сьюзан подумала, что, наверное, у нее тоже заложило ушки – а как же иначе? Но она не знала, что с этим делать.
Она обратилась к Джону:
– Джон, как думаешь, на твоем CD есть какой-нибудь совет, как помочь младенцам справиться с перепадом давления?
Он поднял с пола портфель, положил его на колени и открыл. Из него тут же высыпались все бумаги – самолет резко набирал высоту. Джон вытащил из него лэптоп, включил и вставил диск с новой программой «Диджитрака» – ее прислали по почте. Программа называлась «1001 совет доктора Харви Эддисона по уходу за ребенком». Он запустил поиск. Средства от закладывания ушей среди них не значилось.
Плач Верити усилился. Мистер Сароцини, сидящий на одном из обращенных назад кресел, сказал:
– Сьюзан, если вы покормите Верити, сосание и глотание ослабят давление на уши.
Она бросила на него негодующий взгляд. С каждым днем ей все труднее давалось осознание того, что мистер Сароцини является отцом Верити, и даже этот невинный совет она восприняла как вторжение на ее личную территорию. Что он еще от нее хочет? Чтобы она обнажила грудь прямо здесь, перед ним, и начала кормить Верити?
Затем она с подозрением подумала: «Откуда он знает, что нужно делать? У него что, были другие дети, такие же, как Верити? От других таких же племенных кобылиц, как я?»
– С ней все хорошо, – ответила она. – Она сейчас успокоится. Она просто испугалась шума двигателей, когда мы взлетали.
Верити заплакала еще громче, плач превратился в рев. Маленький ротик кривился, лицо стало пунцовым. Как только самолет выровнялся, Сьюзан отстегнула ремень безопасности и, чуть пошатываясь, отнесла Верити к креслам, расположенным вокруг стола для переговоров в задней части салона.
Здесь, скрытая от посторонних глаз, она обнажила левую грудь и дала ее Верити. Буквально через несколько секунд рев стих – малышка начала сосать. Глядя на ее довольную мордашку, Сьюзан почувствовала прилив нежности, почти сразу же сменившийся злостью на мистера Сароцини, который оказался прав.
– Мы летим в Англию, – прошептала она. – Ты увидишь наш дом. Тебе ведь не терпится его увидеть, правда?

Джон оглянулся, чтобы проверить, в порядке ли Сьюзан, но не увидел ее. Тогда он вернулся к своему лэптопу и щелкнул мышью на иконку «Приветствие», которая представляла собой маленькое изображение Харви Эддисона.
Через секунду Харви занял весь экран – бархатным голосом он приглашал каждую мать в мир его исчерпывающего руководства. При виде друга Джона охватила печаль. Он присутствовал в студии на записи этого введения, меньше года назад, и хорошо помнил этот день.
Краем глаза Джон заметил, что мистер Сароцини наблюдает за ним. Банкир вернулся в Америку, чтобы лично сопроводить их в Англию. К его предложению отвезти их домой на его личном реактивном самолете Джон отнесся настороженно. Если Сароцини хочет избавиться от него и Сьюзан, пустынное, отстоящее на тысячу миль от любого континента пространство над Атлантическим океаном ничем не хуже любого другого места. Но, поразмыслив, он рассудил, что Сароцини с такой же легкостью мог убрать их и в клинике. Если его люди смогли замять смерть Кейси, то смерть Сьюзан и его самого также не составит для них никакой проблемы.
Мистер Сароцини убедил его, что коммерческие авиалайнеры – настоящие рассадники клопов. Им пришлось согласиться ради здоровья Верити. Самому Джону нравилась еще и новизна всего вокруг: этот самолет имел размеры коммерческого авиалайнера, здесь были настоящие спальни. В лос-анджелесском аэропорту они прошли через отдельную секцию, и это дало ему пусть ложное, но ощущение значительности. Ему лестно было хоть некоторое время пожить жизнью сверхбогатых людей. Но не настолько лестно, чтобы заглушить в нем здравый смысл.
Мистер Сароцини тихо сказал:
– Итак, мистер Картер, у вас с Сьюзан было три недели для того, чтобы обдумать мои условия. Вы пришли к какому-либо выводу?
– Вы мне никаких условий не озвучивали, – раздраженно сказал Джон.
Банкир укоризненно посмотрел на него:
– Я изложил их Сьюзан. Я не допускаю и мысли о том, что за три недели вы их не обсудили.
– Сьюзан находится в состоянии шока. Ей нужно пройти курс консультаций у психолога, а возможно, и длительный терапевтический курс у психиатра. Сейчас она не верит ни вам, ни мне, ни кому-либо еще. Она считает, что мы с вами заодно и преследуем скрытую для нее цель. Как можно ожидать от нее рациональных действий? Она сильная женщина и старается справиться со всем, что на нее свалилось. Но не больше. Кроме всего прочего, она старается быть хорошей матерью. Если у вас есть какие-то условия для нас, обсудите их со мной.
– Я разрешаю Сьюзан оставить ребенка. Она говорила вам об этом?
– Да, у нее сложилось такое впечатление. Мои чувства, естественно, в расчет не принимаются.
– Вы ее супруг, мистер Картер. Вы имеете полное право сказать «нет». Я пойму.
Джон посмотрел на банкира: холодное, высокомерное лицо, безукоризненный костюм, сверкающие туфли, дорогой галстук. Расслабленный, но готовый к прыжку, словно удав.
– Поймете? – иронично сказал Джон. – Правда поймете? – Он посмотрел на экран компьютера. Лицо Харви Эддисона на нем было неподвижно, безжизненно.
Мертво.
– Как долго этот ребенок пробудет с Сьюзан?
Мистер Сароцини взмахнул руками:
– Сьюзан – мать Верити. Как долго ребенок может пробыть с матерью? – Он подался вперед, соединил вместе кончики пальцев, образовав уже знакомый Джону мостик. – Мистер Картер, уверяю вас, я понимаю. Это для вас нелегко.
– Я поговорю с Сьюзан, когда ее психическое состояние улучшится и она будет к этому готова. Но у меня тоже есть несколько условий для вас.
Банкир вопросительно посмотрел на него. Казалось, он был удивлен таким нахальством.
– Да? И что это за условия?
– Первое. С этого момента Сьюзан будет наблюдаться у тех врачей, которых выберет сама.
Никакой реакции.
– А второе?
– Больше никакой слежки. Никаких видеокамер и жучков в моем доме.
– Не давайте мне повода для беспокойства, мистер Картер, и наблюдение перестанет быть необходимым.
– Сьюзан убежала, потому что боялась, что вы заберете у нее ребенка.
– Эта причина уже не актуальна.

– Значит, слежки больше не будет?
– Не будет, мистер Картер.
Их взгляды встретились. Джон попытался понять, правду ли говорит мистер Сароцини, но не смог.
– Третье. Я не хочу, чтобы пострадал кто-нибудь еще.
Джон всмотрелся в лицо банкира еще внимательнее, но снова не смог заметить никакой видимой реакции.
– Вам требуется телохранитель для защиты Сьюзан и Верити… и вас самого?
– Я не это имею в виду, – сказал Джон. На этот раз он смог различить, как напряглось лицо мистера Сароцини вокруг рта и глаз. – И мне нужны телефонные номера, по которым я смогу вас найти. Мне нужно знать, как часто вы будете видеться с Верити, что ей говорить о том, кто ее отец, и кто будет оплачивать ее содержание. – Он поколебался. – И я хочу понять, что вообще происходит. Зачем вам так был нужен этот ребенок? И почему теперь вы готовы отдать его? С моей точки зрения, это непонятно и нелогично.
– В вашей Библии, мистер Картер, есть об этом красивая строчка. Если я не ошибаюсь, в Послании святого Павла к коринфянам. «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать». Вы знакомы с этой строчкой?

– Знаком. Но Библия не
моя.
Я не религиозный человек.

– Я и не требую от вас религиозности, мистер Картер. Я просто объясняю вам, что, хотя сейчас вы не понимаете моего решения оставить Верити матери, однажды обязательно поймете. Вовсе не обязательно понимать все. Человек жил на этой планете четыреста тысяч лет, не имея ни малейшего представления об окружающей его Вселенной. А это гораздо более серьезный вопрос, чем почему девочке разрешили остаться со своей матерью, разве нет?
– Я думаю, у вас была менее масштабная причина, – ответил Джон. – Может быть, вы надеялись, что родится мальчик, а девочка не подходит для ваших целей. Или, возможно, у нее обнаружили какое-то редкое генетическое отклонение, от которого она умрет или станет инвалидом?
Мистер Сароцини одарил Джона взглядом, исполненным глубокой печали, будто Джон своими словами его сильно обидел.
– Мистер Картер, разве в вашем сердце нет места простому состраданию? В своем резком суждении обо мне вы не допускаете и мысли, что я тоже человек, способный на простые человеческие чувства? Зачем, только из-за того, что я богат, вы возносите меня на пьедестал, которого не могут достигнуть чувства и эмоции, свойственные другим людям?
Душевные страдания, различаемые в голосе банкира, удивили Джона. Он, кажется, и в самом деле готов был расплакаться. Джон не знал, что и сказать. Банкир между тем продолжал:
– Я сделал для вас с Сьюзан все, что в моей власти. Я сохранил вам бизнес и дом, я рисковал потерять репутацию и сесть в тюрьму, спасая Сьюзан от обвинения в убийстве. Неужели вы не можете понять, как я полюбил Сьюзан? Что ее несчастье обернулось бы для меня невыносимым страданием? Если я заберу Верити, ее психическое состояние ухудшится. И ради чего? Ради каприза богатого старика?
– Вы сказали Сьюзан, что у вас нет жены, – сказал Джон, немного смягчаясь. Он был тронут, но все же не был уверен, что Сароцини не кривит душой.
Мистер Сароцини опустил глаза.
– Разве она согласилась бы, если бы знала это? Не думаю. Я старый человек, мистер Картер, старый и одинокий. Я хотел оставить на этой планете живую душу, которая будет жить после моей смерти. – Он несколько раз кивнул, не поднимая глаз. – И благодаря вам с Сьюзан я добился этого. Сьюзан будет заботиться о Верити лучше, чем любая нанятая мною няня. Вы… вы с Сьюзан будете для нее лучшими родителями, чем я, и вырастите ее в таком спокойствии и счастье, на которые я не смел и надеяться. Вот моя единственная причина, и это правда, мистер Картер. – Он посмотрел на Джона беспомощным взглядом.

Мысли и чувства Джона пришли в смятение. Неужели он ошибся в этом человеке? Возможно, его ввели в заблуждение рассказы Фергюса о сатанистах, и он поспешил с выводами, увидев оккультные рисунки на чердаке. Может, Сароцини и практиковал какую-то форму оккультизма – Сьюзан же говорила о какой-то особой вере, суть которой она не поняла, – но ведь оккультизм – это не обязательно плохо, верно? Ведь есть же хорошие
оккультисты – белые маги, или как они там называются.

Как Сароцини скопил свое богатство? С помощью магии? Заклинаний?
Мысль была абсурдной. Но то, что они сидят в этом самолете, – это ведь тоже абсурд. То, что его хрупкая жена убила свою сестру и искалечила гинеколога, – это ведь тоже абсурд. Так же как и то, что они везут домой ребенка, которому придется лгать, что он его отец, пока… Действительно, как долго?
Пока мистер Сароцини не придет и не заберет ее?
– Я полагаю, – сказал Джон, – что вы передадите мне акции моей компании и документы на дом?
Вопрос, казалось, удивил мистера Сароцини.
– Наше соглашение, мистер Картер, подразумевало, что вы передадите мне ребенка сразу же после его рождения, а я, в свою очередь, возвращу вам акции и документы. Этого не произошло. Вы и Сьюзан еще не заслужили моего доверия. Откуда я знаю, что, вернувшись в Англию, вы не решите отказаться от Верити и ее не удочерят какие-либо третьи лица?
Джон взорвался:
– Это просто смешно!
– Да, – тихо сказал банкир. – Я бы хотел на это надеяться. Но психическое состояние Сьюзан, как вы сами только что указали, далеко от стабильного. Кто знает, что может прийти ей на ум?
– Она хочет оставить Верити. Она любит ее больше всего на свете – и гораздо больше, чем меня.
Мистер Сароцини улыбнулся:
– В таком случае все хорошо и вам не нужно беспокоиться об акциях и документах.
– Так когда я получу их назад?
– Когда я буду в вас полностью уверен. – Он снова улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Затем указал на лэптоп Джона: – Я оторвал вас от работы. Пожалуйста, продолжайте, я не буду вам мешать.
Джона трясло от ярости. Мысли о том, что он ошибся в этом человеке, больше его не посещали. Ему стоило большого труда сдержаться, не наброситься на банкира и не вцепиться ему в глотку. Это бы ему ничего не дало.
Он посмотрел на экран, на неподвижное лицо Харви Эддисона, и, нажав несколько клавиш, очистил экран, а по-настоящему – нужно было прочистить мозги. Ярость понемногу сменилась отчаянием. Он устал быть марионеткой мистера Сароцини, устал от того, что вся его жизнь контролировалась этим человеком. Когда они ввязались в эту историю, он видел свет в конце тоннеля. Еще месяц назад он думал, что с рождением ребенка их злоключения закончатся.
А теперь оказалось, что все только начинается.

Скоро они должны были приземлиться. Сьюзан дремала, Верити, наевшись, посапывала у нее на руках. Сьюзан снился сон. В нем она стояла в незнакомой комнате, очень большой комнате, и в ней находились она, мистер Сароцини и в самом углу, почти скрытой тенью – глубокий старик в кресле-каталке.
Мистер Сароцини сказал:
– Сьюзан, пришло время тебе понять, кто я такой.
– Кто вы такой? – спросила она.
– Я – орудие, просто орудие. Орудие Высшей силы, Сьюзан, и ее смиренный слуга, вот и все. Я вестник, звено цепи, призванный нести и передать эстафетную палочку. Этой эстафетной палочкой является генетический код, содержащий в себе знание, восходящее к древнейшим историческим временам, – знание всех Истин. И сейчас время этого знания пришло. – Затем с оттенком горечи он произнес: – К сожалению, сам я физически не способен передать это знание дальше. Сила указала мне искать двоих других, носящих в себе этот ген. На Земле очень мало

людей с этим геном, поэтому поиск был нелегким. Первый успех пришел ко мне двадцать пять лет назад, когда могила старика в Баварии привела меня к маленькому мальчику, живущему в Африке.
Сьюзан спросила:
– Этот мальчик, этот носитель гена – он отец Верити? Тот человек из «Бритиш телеком»? – Она чувствовала себя потерянной, словно Алиса в Стране чудес. – Человек, который присутствовал в палате, когда меня… когда меня оплодотворяли? Так кто отец Верити – вы или тот человек, тот мальчик, которого вы нашли?
– Это не имеет значения.
– Это имеет значение. Это имеет огромное значение. Я хочу знать правду. Скажите мне правду.
– Сьюзан, вы – мать Верити. Вот что самое главное.
– А отец? Кто отец? Человек из «Бритиш телеком»? Человек, который был в палате клиники?
– Некоторые вещи лучше не знать.
– Я хочу знать правду.
– Правд – Истин – много.
– Пожалуйста, мистер Сароцини, перестаньте играть со мной!

> – Двадцать восьмая Истина гласит, что иногда лучше верить, чем знать. А Тридцать четвертая Истина гласит, что реальность – это то, во что ты веришь, а не то, во что ты хочешь
> верить. – Он улыбнулся. – Так похоже и в то же время настолько не одно и то же. Всем нам суждено находить те Истины, которые больше всего нас устраивают, и жить в согласии с ними. И вам это суждено в гораздо большей степени, чем всем остальным. Потому что однажды, Сьюзан, ваше дитя изменит этот мир.

– Почему я? Почему мой ребенок?
– Потому что вы тоже носите в себе этот ген. Вы должны не бояться этого, но гордиться этим.
– Что это за ген? И как получилось, что он у меня есть?
– Мы двадцать пять лет искали женщину, обладающую этим геном, Сьюзан. В прошлом году нам наконец повезло. В Лос-Анджелесе мы обнаружили могилу леди по имени Анна Роузвелл.
– Анна Роузвелл? Моя бабушка? – удивленно переспросила Сьюзан.
– Мы подвергли ее останки генетической экспертизе.
– Моя бабушка?
– В мире очень мало людей с этим геном, Сьюзан, и необоримые силы разбрасывают их по всей земле. «Аро-Е-АА». Вот ген моего народа.
– Вашей секты?
Мистер Сароцини не обратил внимания на это замечание.
– Обладатели этого гена никогда не живут меньше ста лет, а чаще даже больше. Это самый сильный, самый устойчивый ген из всех. Мы обнаружили, что представители вашей семьи обладают им, ведя поиск по спискам долгожителей. Ваша бабушка, Анна Роузвелл, прожила сто один год. Носить этот ген – значит быть избранным. Когда двое носителей этого гена находят друг друга и зачинают ребенка, они производят на свет человеческое существо такой мощи, какой не видели на земле тысячи лет.
– Почему?
Лицо мистера Сароцини было близко к ней, очень близко, и он улыбался, и в его улыбке была одержимость.
– Потому, Сьюзан, что этому мешали последователи Великого обманщика. Целых два тысячелетия мир находился под властью зла. Моих людей называли гностиками, ведьмами, еретиками. Их преследовали, судили, пытали, резали.
От соприкосновения шасси самолета с посадочной полосой Сьюзан проснулась, разбудив и Верити. На нее напряженно смотрел мистер Сароцини. Она на секунду отвела взгляд, но мистер Сароцини продолжал смотреть. Она чувствовала себя как-то странно и плохо понимала, где находится.
Снаружи стояло прекрасное воскресное утро. Лондон цвел, и весна казалась летом, особенно когда стих рев реактивных двигателей и была выключена система кондиционирования воздуха.

Но когда стюардесса открыла люк, в салон ворвался ветер – резкий, порывистый, будто принесшийся откуда-то издалека, из какого-то отдаленного уголка Земли. В его ледяном дыхании Сьюзан ощутила отголоски суровой арктической зимы.

68

По контрасту с роскошной, выдержанной в постмодернистском стиле приемной юридической фирмы кабинет Элизабет Фрейзер был маленьким и скромно обставленным. На голых стенах – одинокая картина с изображением моста Вздохов. На столе – фотография мужчины с двумя маленькими детьми на лыжах, позирующих перед сиденьем горнолыжного подъемника. Ваза с цветами. Две полки юридической литературы. Все остальное пространство занимали стопки папок, громоздившиеся на полу позади стола, на подоконнике, закрывая вид на Олдвич и офисное здание напротив, на системном блоке компьютера.

Сьюзан сказала мужу, что Элизабет Фрейзер – лучший в Англии специалист по защите прав детей, и его адвокат подтвердил это.

Ей было под сорок. Высокая худая женщина в бабушкиных очках в стальной оправе, в простой блузке и черных брюках. Ее внешность как бы говорила, что в молодости она была радикальной студенткой-революционеркой и с годами не остепенилась. Она не была неприятна Джону, однако в ней чувствовалась некая резкость, от которой ему становилось не по себе.

Принесли кофе, и Элизабет Фрейзер вручила Джону чашку.

– С тех пор как ваша жена приходила ко мне в марте, ваше положение сильно изменилось, – заметила она.

– Тогда вы ей сказали, что у нее есть все шансы выиграть дело.

– Вы представили мне много новых сведений, мистер Картер. Согласно закону донор обладает всеми правами родителя, если он не анонимный. Когда миссис Картер приходила ко мне на консультацию, я сочла, что лучшей стратегией будет запустить Процедуру запретительных мер, которая действует в отношении любого из двух родителей или лица, выступающего как родитель.

– Но мистер Сароцини обязательно должен знать об этом?

– Да.

– Это может быть трудно – я имею в виду, нежелательно. Я бы предпочел, чтобы он не знал.

Элизабет Фрейзер едко сказала:

– Если он не знает о том, что не имеет права забирать у вас дочь, что ему помешает это сделать?

Джон не нашелся что на это ответить.

Адвокат посмотрела в свои записи.

– Самой большой проблемой здесь становится психическое состояние вашей жены. Вы не сказали мне, что именно она сделала, – но вам придется сделать это, если мы решим передать дело в суд. Вы говорите, у этого мистера Сароцини достаточно улик для того, чтобы обвинить ее в серьезных уголовных преступлениях?

– Да.

– И она виновна?

– Нет, конечно нет… – Джон поколебался. – Одно из них точно можно не принимать в расчет. Что касается другого… – Он подумал о видеоматериале, в котором Сьюзан ткнула Ванроу в глаз мобильным телефоном. – Я хочу сказать… это будет зависеть от того, как будут истолкованы улики. Коротко говоря, из-за своего психического состояния она превысила предел необходимой самообороны.

– Какое у нее, по вашему мнению, психическое состояние?

Джон скривился:

– Думаю, плохое. В последние дни беременности она была близка к помешательству – или даже пережила его. Вчера мы были на приеме у нашего семейного врача, и он сказал, что она страдает от послеродовой депрессии.

– У нее мании? Галлюцинации? Склонность к самоубийству? Усталость?

– Да, все сразу. Ей прописаны антидепрессанты, и к ней будет приходить психиатрическая медсестра. Врач также посоветовал мне подумать о постоянной сиделке, хотя бы на первое время, или положить жену в больницу.
Адвокат снова взглянула в свои записи.
– Верити родилась двадцать четыре дня назад.
– Да.
– У нас возникнут проблемы, когда мы начнем Процедуру запретительных мер. Возможно, Сьюзан начнет повторять судье все то, что вы говорили мне здесь про сатанизм и черную магию. Скорее всего, судья не отнесется к вам благожелательно – если только вы не представите ему веских доказательств. Судьи в курсе, что оккультные организации действительно существуют, но чаще всего они представляют собой кучку извращенцев, облекающих в форму ритуала обыкновенные сексуальные оргии. А разве у нас есть что-нибудь, чтобы доказать судье, что ситуация действительно серьезная? Да и сами вы, мистер Картер, – скажите мне честно, верите ли вы в то, что Верити угрожает опасность со стороны какой-либо оккультной организации?
– Я не знаю, – пожал плечами Джон. – Я правда не знаю.
– Вы нашли на чердаке пугающие предметы, но не знаете, когда они там появились и в какой связи. Что-нибудь еще?
– Нет, – сказал он. – Ничего осязаемого.
– Страхи вашей жены можно объяснить ее психическим состоянием. Она вообще склонна к галлюцинациям?
– Я очень уважаю Сьюзан, но она действительно сейчас не в форме. Да, наверное, их можно объяснить ее психическим состоянием. Я просто не знаю.
Адвокат достала из ящика стола пластиковый пузырек с дозатором и с удивившим Джона изяществом уронила в кофе две пилюли заменителя сахара.
– Я думаю, наилучшей тактикой для нас будет отдать Верити под опеку суда, на основании психического состояния вашей жены.
– Что это значит?
– Это значит, что суд возьмет Верити под свою защиту, будет наблюдать за ней и решать все вопросы, связанные с ней. Без его разрешения никто не сможет увезти ее из Англии.
– А я должен буду заявить, что психическое состояние Сьюзан не позволяет ей ухаживать за ребенком?
– Нет, это сделает психиатр.
– Мистеру Сароцини будет послано уведомление?
– Да, как биологическому отцу.
Джон покачал головой:
– В этом и проблема. Меня пугает то, что он может предпринять.
– Поэтому вы и здесь – потому что боитесь того, что он предпримет или попытается предпринять?
Джон мрачно кивнул:
– Да. Но здесь не все так просто.
– Вы осознаете, что, если мы обратимся в суд, может возникнуть еще одна проблема? Суд может решить, что мистер Сароцини лучше подходит на роль воспитывающего родителя, чем ваша жена.

69

Его преподобие доктор Эван Фреер шел под яркими лучами майского солнца. Суббота для него обычно была самым тихим днем недели. Но сегодня все должно было быть иначе.
Он был в костюме, что тоже было для него непривычно: обыкновенно он носил сутану, а если был не в ней, то обязательно надевал белый пасторский воротник. Сегодня в его облачении ничто не указывало на его духовный сан – он выглядел как пожилой бизнесмен с избыточным весом, седеющими волосами и величественной осанкой. Несмотря на очень хорошую погоду,

через руку у него был переброшен плащ, и это выдавало пессимистический настрой и предусмотрительный склад его характера.
Он сильно потел, но отнюдь не от жары, а от нервного возбуждения. Его всего внутренне трясло. Его лицо представляло собой мрачную маску решительности, но под этой маской был страх.
В плаще был скрыт кухонный нож для мяса.

Он должен был это сделать. У него нет выбора. Это должно быть сделано, и сделано в ближайшее время. С каждым днем вести об этом младенце – этом монстре, этом звере – распространялись все дальше и прибавляли сил и уверенности его народу.

Существовали инстанции, по которым он должен был пройти, известны разрешения, которые он должен получить, но он не доверял бюрократическому механизму. Это займет годы, и в любом случае внутри церковного аппарата обязательно окажутся их осведомители. И что церковь, если на то пошло, сможет предпринять? Предать его анафеме? Ему не страшна никакая анафема. Выступить с предостережением перед общественностью? Увеличить количество возносимых молитв? Есть ли вообще зубы у церкви?

Это решение он должен был принять сам, и, по крайней мере, он знал – он молился о наставлении и обрел его, – что на этот шаг он получил разрешение самой высокой инстанции. Только оно и было ему необходимо.
Порыв ветра поднял с обочины листья и с яростью атакующей змеи бросил их в лицо священника. Он взъерошил его коротко подстриженные волосы – пронизывающий ледяной ветер, полный ненависти, которая проникла ему под кожу и теперь текла по венам. Он чувствовал, как она рвет мышцы, кричит в уши, замораживает пот на коже.
Но он решительно шел вперед. Он плохо ориентировался в этой части Лондона. Он никогда не был на тихой зеленой улице, но знал, что это то самое место. Ему даже не понадобилось смотреть на указатель. Он чувствовал здесь его присутствие.
Он шел и шел, пока не добрался до дома с башенкой.

На улице царил зной. Для Верити в саду было слишком жарко, и она спала после полуденного кормления в своей комнате, в кроватке.
Сьюзан с закрытыми глазами лежала в саду, в шезлонге. Рядом с ней сидела за столиком для барбекю присланная агентством три дня назад няня, которую звали Каролина Хьюз. Она собирала украшение для комнаты Верити – несколько фигурок домашних животных, прикрепленных к металлическому кольцу ниточками. Это украшение сегодня утром привезла Кейт Фокс.
Каролина была приятной женщиной лет под тридцать, чуть полноватой, с короткими каштановыми волосами, стриженными под мальчика. На ней была кремовая блузка и темно-синяя юбка в складку. На поясе у нее висел радиоприемник громкой связи, передающий звуки из комнаты Верити. Там было тихо – слышно было только ровное, успокаивающее дыхание девочки.
Из-за забора доносилось шипение поливальной установки. Пожилая пара, жившая там, умерла – сначала старик, потом его жена, с промежутком в несколько дней. Лом Коток, владелец тайского ресторанчика, который знал все новости округи, сказал Сьюзан, что дом кто-то снял в аренду – хотя, по слухам, он находится в ужасном состоянии. Своих новых соседей она еще не видела.
Ее тело было налито свинцовой усталостью. Доктор Паттерсон дал ей каких-то таблеток, и вчера они превратили ее в зомби. Несмотря на все просьбы Джона, сегодня она отказалась их принимать. Она хотела, чтобы голова у нее была светлой, но с таблетками или без – все было едино. Ее мозг наводняли одни и те же сумбурные мысли и страхи. Кейси. Трубка подачи

воздуха. Сломанный соединитель. Она вышла из машины, пришла в палату Кейси, когда трубка уже была разъединена. Она же не могла забыть, что… что она…

Она содрогнулась. У нее в мозгу будто материализовался ящик, который она не могла открыть. Вот она в машине, а вот уже на полу в палате Кейси, держит два разъединенных конца трубки подачи воздуха. Промежуток времени между этими событиями был заперт в этом ящике. В этом же ящике лежали воспоминания о том, что произошло с Майлзом Ванроу. Она бежала, а потом Майлз Ванроу оседал на землю с торчащей из глаза антенной мобильного телефона.
И никто не сказал ей о нем ни слова.
Каждый раз, когда она упоминала Ванроу в разговоре с Джоном, он бледнел и менял тему.
Вчера она позвонила Ванроу в офис и говорила с его секретаршей. Эта снежная королева сказала ему, что Майлза Ванроу нет в стране.

Если его нет в стране, если он за границей – значит, с ним все в порядке, верно?
Но она по-прежнему чувствовала, что Джон старается ее от чего-то защитить или, что более вероятно, что-то от нее скрыть. Правду?
А в чем правда?
Может, Джон просто тянет время, чтобы она ничего не предпринимала? Помогает мистеру Сароцини? Может, они собираются забрать Верити сегодня, завтра? Через неделю? Когда?
Во вторник Джон ездил к адвокату, Элизабет Фрейзер. Когда он вернулся оттуда, то сказал, что они ничего не могут предпринять, поскольку любое их действие подразумевает вручение мистеру Сароцини бумаг. Ей Элизабет Фрейзер ничего такого не говорила.
Неужели Джон лжет?
Может, ее родители тоже с ними заодно? Когда они навещали ее в больнице, она неоднократно рассказывала им, что произошло в то раннее утро в палате Кейси – по крайней мере, то, что смогла вспомнить, – и хотя они оба понимающе кивали, она заметила, как они переглядываются между собой – так, будто видят ситуацию совсем по-другому.
Иногда, в самые темные минуты, Сьюзан казалось, что у них есть еще одна причина для того, чтобы так переглядываться.

Неужели это я сделала? Неужели я помешалась? А вдруг я сумасшедшая?

У Сьюзан пересохло в горле. Рядом с креслом на траве стоял стакан с лимонадом, но у нее не хватало сил даже на то, чтобы потянуться за ним.
Сьюзан очень утомлял поток посетителей. Последние три дня все было почти как в Калифорнии. И люди были похожие, в основном из Центральной Европы, но не исключительно. Все они были неизменно вежливы: они приезжали, отдавали дань уважения, оставляли дары и уезжали. Но Сьюзан все равно не доверяла им и цербером сидела возле кроватки Верити во время каждого визита.
Девочке оставили так много даров, что они с Джоном уже и не знали, куда их складывать. Две спальни для гостей почти целиком были забиты ими. В дверь позвонили. Должно быть, третий час: посетители никогда не появлялись раньше этого времени, будто сговорились не тревожить ее в первой половине дня. Джон встретит их или няня. Сьюзан задремала, беспокойно вздрагивая.

Джон высыпал все содержимое сумки для гольфа на пол в холле и теперь шарил среди предметов в поисках магнитной карты от клубной раздевалки. Он уже опаздывал на игру, и настроение у него было из-за этого ни к черту. Он открыл входную дверь и увидел полного мужчину с величественной осанкой, в деловом костюме и плащом через руку. Он кого-то напомнил Джону. Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, кого именно: актера Роберта де Ниро.
– Добрый день, – тихим вежливым голосом сказал мужчина. – Меня зовут доктор Фреер. Фергюс Донлеви был моим другом.
– А-а, – протянул Джон. Этот человек не был похож на врача. – Да. Жаль Фергюса. Ужасное несчастье.

– Да, ужасное несчастье, – кивнул Фреер. – Трагедия. Он был очень хорошим человеком, замечательным ученым. Чудовищная потеря.
Джон был не в настроении продолжать панегирик. И он всегда считал, что Сьюзан слишком уж высокого мнения о Фергюсе Донлеви.
– Вы к Сьюзан? Она вас ждет?
– Нет-нет, я просто зашел, в надежде, что она примет меня без звонка. Надеюсь, я не помешаю?
– Сьюзан сейчас отдыхает. Она в последнее время быстро утомляется.
Фреер постарался не выдать, как обрадовала его это новость.
– Может быть, вы зайдете? Вы можете подождать, пока она не проснется. Я не хочу будить ее.
– Я подожду, если это не доставит вам неудобств.
Джон посмотрел на часы. Час двадцать. Надо двигаться. Он прошел несколько шагов до места, откуда его было видно из сада, и знаком подозвал няню.
– Каролина, – сказал он, когда она прибежала, запыхавшись. – Это доктор Фреер. Он пришел увидеться с Сьюзан. Он подождет, пока она проснется.
– Да, конечно, мистер Картер. – Она обратилась к священнику: – Вы хотите подождать в саду?
– Спасибо, но я хотел бы посидеть где-нибудь в тени, под крышей, если можно.
– Конечно. – Она посмотрела на Джона, ожидая указаний.
– В гостиной вам будет удобно, – сказал Джон. – Там прохладно.
Она пригласила гостя следовать за ней. Джон присел на корточки и стал в спешке собирать сумку. Он слышал, как няня спросила священника, не хочет ли он что-нибудь выпить, и он вежливо попросил стакан воды.

Эван Фреер сел на большой удобный диван. Женщина вернулась с высоким цилиндрическим стаканом воды со льдом.
– Может быть, повесить его в прихожей? – спросила она, указывая на плащ, который он аккуратно свернул и положил рядом с собой на диван.
Он непроизвольным движением положил на него руку.
– Нет, спасибо, все в порядке. – И улыбнулся.
– Я буду снаружи, – сказала она. – Как только миссис Картер проснется, я скажу ей, что вы здесь.
Он поблагодарил ее и отпил воды из стакана. Открылась и закрылась входная дверь, затем завелась и отъехала машина. Затем настала тишина.
Фреер встал и выглянул в окно. В кресле с откинутой спинкой спала женщина в легком платье – по-видимому, это Сьюзан Картер. Женщина, которая принесла ему воды, сидела рядом за столом и сосредоточенно протягивала нитку через какой-то предмет – наверное, висячее украшение. Ребенка рядом с ними нет. Значит, он в своей комнате.
Хорошо.
Взяв с дивана плащ, Фреер вышел в коридор и прислушался, застыв и затаив дыхание. Затем окинул взглядом сверху вниз холл и убедился, что он пуст. Повернулся и посмотрел на лестничную площадку второго этажа. Беззвучно поднялся. Здесь было холодно и как-то сыро, будто некто вытягивал из воздуха энергию. В дальнем конце площадки была приоткрыта дверь.
Внутренний голос шептал ему, что это безумная идея, что надо спуститься по лестнице, уйти из этого дома, добиться аудиенции с епископом и действовать через надлежащие каналы.
Да, да, это было бы гораздо легче. Уйти. Забыть об этом. Вчера, когда он придумал свой план, он казался ему таким простым. Он замечательно выспался и проснулся утром с решимостью и мужеством в душе. Но теперь, когда он был на месте, он не ощущал ничего, кроме страха.
К тому же так тяжело забрать жизнь – любую жизнь.
На это есть разрешение, это указано в Библии, но…
Закрыв глаза, он помолился: «О Господи, даруй мне силу». Затем тихо, как только мог, он пересек площадку, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.
В комнате было так холодно, что он задохнулся. Изо рта повалил пар. Его глаза метались от стены к стене, ища кондиционер, но его здесь не было. Шторы на окнах были задернуты, в комнате было сумеречно, но не темно. Справа от него, у стены, стояла простая детская кроватка, застеленная белой льняной простыней с вышивкой. Рядом с кроваткой на голом деревянном полу лежал небольшой коврик. Больше нигде ковров не было.

Он на цыпочках подошел к кроватке и заглянул в нее. Его всего трясло. Младенец спал, из носа у него поднимался пар. Как может ребенок – любой ребенок – существовать в таком холоде?
С колотящимся о ребра сердцем Фреер несколько секунд всматривался в маленькое сморщенное личико, такое розовое на фоне белой простыни. Ярко-рыжие волосы, глаза закрыты, крохотные губки сжаты, пальчики одной руки вцепились в хлопковое одеяльце.

Было трудно поверить, что это
он
в облике крохотного существа, такого милого и невинного. Но Эван Фреер чувствовал мощь, исходящую из него, эту дикую страшную энергию, и знал, что не должен колебаться, не должен поддаваться эмоциям, не должен допускать в свою душу ни малейшего сомнения.

Клацая зубами от холода и страха, он стал шепотом читать молитву Господню – тихо, едва слышно. На последней фразе его плащ упал на пол. Держа рукоятку ножа обеими скользкими от пота руками, он поднял стальное нержавеющее лезвие над головой.
И вдруг услышал шипение, испугавшее его до полусмерти. Это был звук его собственной крови, бегущей по венам.
В его теле будто открылись все шлюзы, открылись все краны. Кровь с ревом неслась по сосудам. Сердце пульсировало, вибрировало, колотилось, грозя сорваться с места, посылало вспышки боли в грудь, руки и ноги. Под черепной коробкой проснулась чудовищная боль. Нож со звоном упал на пол.
Священник издал полузадушенный всхрип-вскрик.

Разбуженная криком няни, Сьюзан вскочила с кресла. Бегущая со всех ног няня уже скрывалась в дверях, ведущих с дворика-патио в дом. Зовя Джона на помощь, Сьюзан побежала за ней.
Дверь в комнату Верити была закрыта, и это усилило ее беспокойство. Няня добежала до нее, распахнула и остановилась на пороге. Сьюзан догнала ее.
На полу, на одном колене, стоял мужчина с мертвенно-бледным, покрытым потом лицом.
Сьюзан видела его впервые в жизни и подумала, что это, наверное, один из этих чертовых посетителей. Рядом с ним лежал плащ. Мужчина смотрел на них с няней. У Сьюзан душа ушла в пятки. Она метнулась к кроватке. Слава богу, Верити спокойно спала.
Няня ворчливым тоном сказала:
– Что вы здесь делаете?
Незнакомец, задыхаясь, произнес:
– Я… я… извините меня, я…
Сьюзан присела рядом с ним, вспоминая, чему ее учили на курсах первой помощи много лет назад. У него мог случиться сердечный приступ. Она взяла его за руку и попыталась нащупать пульс. В комнате было почему-то холодно – или это из-за шока?
Мужчина улыбнулся извиняющейся улыбкой – сначала ей, потом няне:
– Я… просто хотел… посмотреть на ребенка. Это все из-за жары… я…
Сьюзан нащупала пульс и засекла его по часам. Частый, неровный.
– Со мной все хорошо, – сказал он, нервно поглядывая на распластанный по полу плащ. – Это из-за жары. Со мной все хорошо, спасибо. Простите меня.
Отпустив его запястье, Сьюзан повернулась к няне, которая проверяла ему температуру, приложив тыльную сторону ладони ко лбу.
– Думаю, стоит вызвать скорую, – сказала она. – Он плохо выглядит.
Мужчина помотал головой:
– Нет, спасибо, я… – Он неловким движением схватил плащ с пола, скрутил его, как грязную простыню, засунул под мышку и встал. – Это жара, – сказал он. – Снаружи… я оделся не по погоде – не ожидал, что будет так жарко.
– У вас очень холодный лоб, – удивилась няня. – У вас, случайно, нет проблем с сердцем? Или с давлением?
– Нет, ничего такого, ничего существенного.
– Вам лучше спуститься на первый этаж и несколько минут спокойно посидеть, – предложила Сьюзан. – Вы сможете идти?

– Да, да, спасибо. Я в порядке, я смогу идти.
Поддерживаемый Сьюзан и няней, мужчина дошел до лестницы и начал спускаться. Сьюзан выбрала такую позицию по отношению к нему, чтобы успеть поймать его, если он вдруг начнет падать. Она довела его до гостиной, где он присел на край диван; плащ он положил на колени.
– Может быть, вам принести что-нибудь? – спросила Сьюзан.
– Нет, мне… – Мужчина поискал глазами. – Мне уже принесли стакан воды. Спасибо. – Он взял трясущейся рукой стакан. Из него выплеснулась вода.
– Ваш муж велел устроить его здесь, чтобы он подождал, пока вы не проснетесь, – объяснила няня Сьюзан.
– Извините, как вас зовут? – спросила Сьюзан.
– Эван… э… доктор Фреер. Фергюс Донлеви никогда не упоминал моего имени?
– Фергюс? – удивленно сказала она.
– Он был моим хорошим другом.
– Фергюс Донлеви?
– Да. – Гость отпил воды, стуча зубами о край стакана. – Он был хорошим человеком. Это большая потеря для всех нас.
– Вы профессор богословия? И архидиакон Оксфордского…
Мужчина кивнул.
– Да, он говорил о вас. – Выражение лица Сьюзан смягчилось. – Я хотела пойти на похороны, но так получилось, что мне пришлось… уехать за границу. Я была потрясена его смертью. Это просто…
Фреер настороженно посмотрел на няню, затем спросил Сьюзан:
– Молодая леди?..
– Это Каролина Хьюз, наша няня.
– Миссис Картер, не смогли бы вы уделить мне несколько минут для частного разговора?
– Я пойду посмотрю, как там Верити, – сказала няня, выскользнула из комнаты и закрыла за собой дверь.
Священник взглянул на потолок и понизил голос, будто боясь, что его услышат.
– Миссис Картер, вам Фергюс что-нибудь говорил о вашем ребенке?
Сьюзан села в кресло напротив.
– Он был у меня в тот день, когда… умер. – Она замолчала, собираясь с мыслями. В голове у нее вдруг прояснилось, вернулась способность четко выражать свои мысли. Присутствие священника успокаивающе влияло на нее. – Он говорил очень искренне, но не совсем ясно. Он сказал, что на моего гинеколога, Майлза Ванроу, в Скотленд-Ярде есть досье – на основании того, что он, предположительно, участвовал в жертвоприношениях детей. И что человек с таким же именем, как у суррогатного отца моей дочери, мистера Election Сароцини, был в свое время – до Второй мировой войны – известным сатанистом. Фергюс называл его дьяволом во плоти.
Священник кивнул.
Она вдруг вспомнила кое-что еще.
– Ах да, вот еще что. Как-то в прошлом году мы вместе обедали, и он вдруг спросил меня, не собираюсь ли я завести ребенка, – это, казалось, очень его беспокоило.
– И что вы ему ответили?
– Я соврала… сказала, что нет, чтобы он не волновался. Это же был суррогатный ребенок…
– Да, я понимаю. – Фреер снова взглянул на потолок. Мысли его были в смятении. Должен ли он попытаться убить это существо, а потом покончить с собой? Есть ли у него для этого мужество? Он может вернуться туда раньше, чем они сообразят, что происходит. Попасть в комнату, пройти мимо няни и сделать это.
Он должен сделать это.
Но… Один раз у него уже не получилось. Возможно, это Бог остановил его, чтобы показать, что есть другой, лучший способ. Или, возможно, у него просто не хватило мужества. Он глубоко вздохнул и сказал – почти прошептал:
– Фергюс объяснил вам, что сейчас живет у вас в доме?
Сьюзан нахмурилась, не понимая, что священник имеет в виду.
– Вашему ребенку нужна защита церкви. А также вам и вашему мужу.
– Защита?

– Нам придется хорошо потрудиться – вам, вашему мужу и мне. И нам не обойтись без помощи других людей. Ваш муж посещает церковь?
– Нет. Что вы имеете в виду, говоря «хорошо потрудиться»?
Фреера все никак не отпускала дрожь. Он отпил еще воды.
– Все, что говорил вам Фергюс, – правда, только ребенка никто не собирался приносить в жертву. Здесь дело совсем в другом.
– В чем же?
– Думаю, нам не стоит говорить здесь. Принесите девочку ко мне – приходите оба, ваш муж и вы. В первую очередь нужно крестить. С этим нельзя медлить. Вы крещеная?
– Да. Скажите мне, скажите мне, что с ней может случиться?
Его взгляд снова пополз к потолку.
– Я не знаю, может ли она нас слышать. Лучше приходите с мужем ко мне. Тогда мы сможем поговорить, ничего не боясь.
Сьюзан подумала, не с сумасшедшим ли она имеет дело. Больно уж дикий был у него взгляд.
– Верити всего три с половиной недели от роду, – сказала она. – Она не может понимать наш разговор.
– Вы недооцениваете ее, миссис Картер. Никогда не недооценивайте ее. Пожалуйста, запомните это. – По лицу Фреера скатилось несколько бусинок пота. Он вытер лоб платком. – Ваш муж уехал играть в гольф?
– Да.
– Но ведь к вечеру он вернется? Приходите сегодня ко мне, вдвоем. Вы сможете? Оставьте ребенка с няней. Важно, чтобы мы приступили как можно раньше. Она будет становиться сильней с каждым днем, и сопротивляемость ее возрастет. – Прижав плащ к груди, священник встал.
Сьюзан отчаянно хотела задать ему еще множество вопросов.
– Пожалуйста, – сказала она, – не могли бы вы…
– Я должен идти, – прервал он ее. – Мое дальнейшее присутствие здесь нежелательно. Я помогу вам, но вы с мужем должны довериться мне. Я… могу я вызвать от вас такси?
– Куда вы хотите поехать?
– В Центральный Лондон. Бромптон-роуд.
– У нас здесь есть местная фирма мини-такси. И они дешевле, чем обычные черные кебы. Позвонить им?
– Да, пожалуйста, – сказал он.
Сьюзан прошла в кухню и, глядя на пришпиленную к стене визитную карточку фирмы, набрала номер. Она так ослабела от страха, что едва смогла продиктовать адрес. Фергюс всегда с большим уважением отзывался об Эване Фреере. Это искреннее уважение не позволяло Сьюзан счесть его сумасшедшим и отмахнуться от него.
Когда она вернулась в гостиную, гость опять сидел на диване, сложив руки перед собой и закрыв глаза. Он молился. Не желая мешать ему, Сьюзан задержалась в дверях. Она вспомнила, как встревожен был Фергюс за обедом в прошлом году, как взволнован и испуган в тот день, когда она видела его в последний раз.
В дверь позвонили. Неужели это такси приехало? Так быстро? Она подошла к двери и открыла ее. Снаружи стоял синий «форд» с антенной на крыше, с работающим двигателем. Она повернулась, чтобы позвать священника, но Эван Фреер был в холле, неловко прижимая к груди плащ.
– Мое такси?
– Да.
Он отдал ей визитную карточку и умоляюще посмотрел в глаза:
– Здесь указан мой домашний адрес и телефонный номер. Вы с мужем придете сегодня ко мне?
Она понадеялась, что ей удастся убедить Джона.
– Я не знаю, в котором часу он вернется. – Затем она вдруг вспомнила: – Няня… она сегодня идет с другом на концерт. Я обещала, что отпущу ее.
– Приходите позже. Это не имеет значения. Хоть за полночь. Вы придете?
Сьюзан кивнула:
– Я поговорю с ней. Возможно, мы сможем найти ей замену на несколько часов.
– Хорошо.

Она взглянула на карточку.
– Доктор Фреер, скажите, пожалуйста, что вы имели в виду, сказав, что сопротивляемость Верити возрастет? Сопротивляемость чему?
– Я объясню вам все сегодня вечером, с глазу на глаз, – сказал он. Затем бросил беспокойный взгляд вверх, на лестничную площадку, вышел из дома, спустился по ступенькам и поспешил к такси.
Сьюзан смотрела, как он открыл заднюю дверь и сел в машину. Водитель обернулся, чтобы приветствовать священника, и она мельком увидела его улыбающееся лицо.
И оторопела.
– Нет, – прошептала она. – Нет. Нет-нет-нет.
Не успел священник закрыть дверь, как автомобиль, взвизгнув, сорвался с места и понесся прочь.
Шатаясь от ужаса, она сбежала по ступенькам и замахала руками.
– Стойте! – закричала она. – Стойте! Остановитесь! Доктор! Доктор Фреер! Остановитесь! Господи, пожалуйста, остановитесь!
Она беспомощно бежала за быстро удаляющимся автомобилем. Перед перекрестком у него включились тормозные огни, но он, почти не замедлив скорости, свернул направо и исчез.
– Стойте! – уже по инерции кричала она. – Пожалуйста, остановитесь! – Всхлипывая, она упала на колени посреди дороги. Перед глазами у нее стояло лицо водителя. Улыбка.
В точности так он улыбался, когда пришел чинить телефонную линию. В точности так он улыбался, когда приближался к ней в клинике. Это был он. Здесь не было никаких сомнений. Водителем был человек из «Бритиш телеком».

70

Сегодня игра удалась.
Впервые за много недель Джон расслабился, выпил пару кружек пива, услышал несколько новых анекдотов. В эти несколько драгоценных часов все его проблемы с Сьюзан и мистером Сароцини отошли на задний план. Сворачивая на свою улицу, он вспоминал, как на четырнадцатом ударе послал мяч навесом из-за деревьев так, что тот ударился о флажок и упал прямо в лунку. Он выиграл, затратив на игру на два удара меньше стандартного количества. Смакуя это воспоминание, он остановил машину рядом с домом.
Что-то было не так.
Исчезла машина Сьюзан.
Его первой мыслью было, что ее украли, – жена не садилась за руль после возвращения из Соединенных Штатов. Ее маленький «фольксваген» так и стоял неделями на бетонном пятачке перед домом.
Джон вбежал в дом. Его встретила няня, как раз спускавшаяся вниз. Она накрасилась и нарядилась в белые брюки и пиджак. По выражению ее лица Джон понял, что его опасения небезосновательны.
– Ой, я подумала, что это вернулась миссис Картер, – сказала няня.
– Она уехала? На машине?
– С Верити.
– Куда?
– Я не знаю, мистер Картер.
– Что значит – вы не знаете? – сорвался он и тут же пожалел об этом. – Извините.
Няня понимающе улыбнулась:
– Миссис Картер послала меня в магазин – сразу после того, как этот мужчина – священник – ушел. Когда я вернулась, их с Верити уже не было.
– В котором часу это произошло?
– Около двух.
– Она не говорила, что собирается куда-нибудь уехать?
– Нет.
Джон посмотрел на часы: семь двадцать.

– Я забеспокоилась – может быть, с Верити что-то случилось и она повезла ее к врачу или в больницу, – продолжала няня. Затем, без особой уверенности в голосе, добавила: – Я надеюсь, она скоро вернется.
– Ее нет уже пять часов. Что хотел священник?
– Я не знаю, – потупилась девушка.
– Это был тот мужчина, который пришел, когда я уезжал?
– Да.
– Вы не слышали ничего из того, что он говорил моей жене?
– Нет. Он захотел поговорить с ней наедине.
Джон растерялся:
– И вам он ничего не говорил?
– Нет.
– А потом никто не звонил? Никто не оставлял сообщения?
– Нет, никто. Приходили несколько посетителей, хотели увидеть миссис Картер и Верити. Я попросила их зайти попозже или завтра. – Она нервно сглотнула. – Кое-что было… не знаю, важно ли это… когда священник уезжал, миссис Картер побежала за машиной. Не знаю, может, он что-то забыл. Она вернулась очень расстроенная.
Джон нахмурился, вспоминая.
– Фреер. Доктор Фреер. Так его звали?
– Да, по-моему, вы так мне его представили.
На улице загудела машина. Няня двинулась к двери, но Джон опередил ее. Возле дома стоял потрепанный «ситроен» со включенным двигателем. На водительском месте сидел молодой человек.
– Ой, это мой друг, – встрепенулась няня. – Я сейчас скажу ему, что не пойду сегодня никуда. Я пыталась ему дозвониться, но он весь день играл в крикет.
– Вы ведь собирались на концерт, верно?
– Мистер Картер, я не пойду. Мне нужно только предупредить его. Я хочу дождаться миссис Картер.
– Идите на концерт, – приказал Джон. – Не стоит портить себе вечер.
Няня поколебалась:
– Думаете, мне…
– Езжайте, – твердо сказал Джон. – И хорошо повеселитесь!
– Вы уверены?
– Да.
Девушка просияла:
– Спасибо большое!
Она весело замахала водителю, затем кинулась в дом за сумочкой. Сказав Джону, что постарается вернуться пораньше, она уехала.
Джон выгрузил из багажника машины сумку для гольфа и тележку и засунул их в чулан под лестницей. Его мысли прыгали. Сароцини не забирал ее. Если бы он увез ее и Верити, здесь осталась бы ее машина. Тогда где она?
Опять улетела в Америку?
Быть не может.
Тогда где?
Он пошел в кухню, взял телефон и набрал справочную. Когда оператор ответил, он спросил, не числится ли в телефонной книге номер священника Фреера, дав им несколько вариантов написания фамилии.
Ему дали два номера: один – квартиры на Бромптон-роуд, другой – университетского колледжа. Он попробовал сначала квартиру и попал на автоответчик. Он оставил сообщение, в котором просил Фреера срочно ему перезвонить. Затем набрал университетский номер.
Там никто не ответил.

Из-за окон с двойным стеклопакетом в номере царила зловещая тишина. Снаружи стоял прекрасный вечер: неровный лондонский горизонт был окрашен в розовое с красным.

Верити жадно ела. Работал телевизор с выключенным звуком. Сьюзан щелкала пультом, переключала каналы, но почти не понимала, что там показывают. И точно так же она перескакивала с мысли на мысль.
Она плакала. Она плакала весь день, думая об Эване Фреере. Что с ним случилось? То же, что и с Фергюсом, Харви, Заком Данцигером и даже, наверное, с Арчи Уорреном? Каждые полчаса она набирала номера телефонов, указанные в его визитной карточке, отчаянно надеясь дозвониться до него, услышать, что с ним ничего не случилось, что он дома, что ей просто показалось, что у водителя такси лицо человека из «Бритиш телеком».
И еще она оплакивала смерть Фергюса. Он так старался сказать ей что-то, а она не слушала – не слушала так, как нужно было слушать.
«Фергюс объяснил вам, что сейчас живет у вас в доме? Вашему ребенку нужна защита церкви. А также вам и вашему мужу».
Верити гладила Сьюзан по груди своей маленькой ручкой. Сьюзан посмотрела на нее. Она чувствовала к ней такую огромную любовь и нежность. Она была так близка к ней. Невероятно: это ее ребенок, она выносила это существо в своем теле и теперь своим же телом питает ее.
«Вы недооцениваете ее, миссис Картер. Никогда не недооценивайте ее. Пожалуйста, запомните это».
В своем матросском костюмчике девочка выглядела такой красивой, такой милой, такой невинной. Разве она может когда-нибудь измениться?
Человек из «Бритиш телеком». Может ли он когда-нибудь прийти и изменить ее?
Мысли текли. Розовый закат понемногу темнел.

Фергюс пытался предупредить ее, а она не слушала. Он пытался сказать ей, что ее ребенок привносит в этот мир, а она не хотела ничего слышать.

– Я не позволю им, – прошептала она. – Они думают, что в один прекрасный день смогут прийти и использовать тебя в своих ритуалах. Но они ошибаются. Я никогда им этого не позволю. Никогда. Я обещала тебе это, когда ты была еще Малышом и жила внутри меня. Помнишь?
Дождавшись, когда Верити закончит есть, Сьюзан открыла сумочку и достала из нее визитку мистера Сароцини. Вручая ее, он сказал, что по указанному в ней номеру его можно найти в любое время суток. Она набрала его.
Он ответил на втором гудке.
– Мистер Сароцини, – сказала она. – Это Сьюзан Картер.
Возникла небольшая пауза, затем он вежливо спросил:
– Здравствуйте, Сьюзан. Как ваше здоровье?
– Слушайте меня очень внимательно. Я нахожусь на четырнадцатом этаже лондонского «Хилтона», и у меня на руках Верити. Если вы в точности не выполните то, что я вам сейчас скажу, я выброшусь вместе с ней из окна.

71

Кунц сказал:
– Дайте мне поговорить с ней.
Он приехал в лимузине в Хитроу, потому что хотел быть с мистером Сароцини, когда тот поедет на встречу с Сьюзан.
– Просто доставь меня в лондонский «Хилтон», на Парк-Лейн, Стефан. Тебе знаком этот отель?
Мистер Сароцини сидел на заднем сиденье машины. В салоне было темно, и Кунц не видел в зеркале лица мистера Сароцини. Это его тревожило. Мистер Сароцини находился в дурном расположении духа, и это тоже его тревожило. Кунц хотел бы, чтобы при встрече с Сьюзан он был настроен по-доброму, так как боялся за нее. Она вела себя очень глупо. Нужно поговорить с ней, объяснить, как это опасно – сердить мистера Сароцини.

Сьюзан, Сьюзан, дорогая моя Сьюзан, зачем ты это сделала?

Из-за того, что была суббота и наступил вечер, поток машин на улицах был плотным. Дорога от аэропорта заняла сорок пять минут. Было почти одиннадцать, когда они остановились у входа в отель. Через вращающиеся двери высыпала шумная толпа в вечерних нарядах.
По дороге Сароцини не сказал ни слова и нарушил тишину только сейчас. Он произнес:
– Жди здесь.
Задняя дверь открылась. Послышался шелест банкнота. Возле Кунца появился швейцар и взмахом руки указал ему парковочное место на забитой машинами стоянке. Кунц с беспокойством проследил за тем, как мистер Сароцини вошел в отель. Затем взглянул вверх. Сьюзан была в каком-то из номеров. Ее окно могло быть любым из этого освещенного массива.

Сьюзан, пожалуйста, будь хорошей девочкой. Будь умной девочкой. Я не хочу наказывать тебя.

Каждый день Кунц старался не думать о ребенке, но все равно думал. Мистер Сароцини обещал ему, что когда-нибудь он соединится с Сьюзан. Он, Сьюзан и Верити. Семья. Союз. Троица. Он хотел подержать ребенка на руках – крохотное существо с волосами Сьюзан, свою дочь. Он хотел, чтобы когда-нибудь она заглянула ему в глаза, протянула к нему руки и сказала: «Папа!» Вместо этого она смотрит в глаза Джона Картера.
Весь последний месяц он испытывал странные, новые для себя чувства. Он увидел мир под другим углом. События не вращались больше вокруг него самого, весь мир сосредоточился вокруг этой маленькой девочки. Как он хотел обнять Сьюзан, прижать ее к себе, нежно поцеловать и сказать, что это он отец малышки, а не мистер Сароцини, что они всегда будут вместе, что он защитит ее и Верити! Никто никогда не причинит им вреда. Как он хотел сказать, что мистер Сароцини благословил их любовь!

О Сьюзан, узнаешь ли ты когда-нибудь, как сильно я люблю тебя? Узнает ли это твой ребенок – наш ребенок? Узнает ли? Пожалуйста, будь умницей, не играй в игры с мистером Сароцини.

Не ставь под угрозу наше будущее счастье.

Поднявшись на четырнадцатый этаж, Эмиль Сароцини вышел из лифта, посмотрел на номера комнат, повернулся налево, прошел по коридору и остановился возле двери с номером 1401. На ручке висела табличка «Не беспокоить». Он позвонил в звонок.
Никто не отозвался.
Он позвонил еще раз, подольше. Подождал. Снова позвонил.
Наконец он услышал звон снимаемой дверной цепочки. Затем щелчок отпираемого замка. Дверь открылась. Дверной проем загораживал бородатый детина в белом халате. Позади него на кровати сидела обнаженная светловолосая девушка. По полу было разбросано белье.
– Какого хрена вам надо? – спросил детина. У него был сильный ирландский акцент.
Не теряя самообладания и ледяного спокойствия, мистер Сароцини ответил:
– Мне нужна Сьюзан Картер.
– Кто? – переспросил детина с неподдельным удивлением.
– Сьюзан Картер, – повторил мистер Сароцини.
– Вы ошиблись комнатой. – Он с грохотом захлопнул дверь.
Через замочную скважину номера 1402, напротив через коридор, Сьюзан видела, как мистер Сароцини повернулся и ушел. Верити, которую она покормила в восемь часов вечера, спокойно спала.

– Почему ты не проверил, Стефан? Почему ты не проверил, что Сьюзан Картер действительно находится там, где предполагалось?
– В Лондоне есть другие «Хилтоны», – ответил Кунц. – Может быть, она…

– Нет, – оборвал его мистер Сароцини. – Этого не может быть. Она четко указала свое местоположение. Номер 1401 лондонского «Хилтона» на Парк-Лейн. Сьюзан Картер у них не зарегистрировалась. И они не знают ни о какой женщине с ребенком, остановившейся в этом отеле.
Кунц почувствовал прилив радости оттого, что Сьюзан в отеле нет. Он боялся за нее. Никогда нельзя было предугадать, что мистер Сароцини может сделать, когда разозлится. Но в данном случае возник парадокс. Сьюзан здесь нет, и поэтому мистер Сароцини не может причинить ей вред. Значит, Сьюзан в безопасности. Но это раздуло пламя гнева мистера Сароцини. И она оказалась в еще большей опасности.

> О Сьюзан, я так горжусь тобой. Будь свободной, прячься и будь свободной – ты и мое дитя, нагие дитя, наша дочь!

В мозгу у Кунца вдруг сложился план. Если он найдет ее, он поможет ей скрыться. Он не подпустит к ней мистера Сароцини.
Но сделать так – значит пойти против мистера Сароцини. Он никогда в жизни не шел против мистера Сароцини и не был уверен, что сможет, даже если сильно захочет. Даже мысль об этом пугала его.
Затем он подумал о том, что мистер Сароцини может заставить его сделать с Сьюзан, чтобы наказать ее, и это испугало его еще больше. Он до сих пор слышал крики Клодии – иногда, когда закрывал глаза. Подобные минуты были для него мучительны. Он не знал, сможет ли вынести крики Сьюзан, и боялся, что, скорее всего, не сможет.
– Я найду ее, – сказал он, останавливая «мерседес» возле клуба мистера Сароцини.
– Это не обязательно, Стефан. Она сама со мной свяжется. Ее психика нестабильна. Когда у человека нестабильная психика, с ним нужно обращаться очень осторожно. Ты должен это понять. Поезжай домой, в Эрлс-Корт. Утром я позвоню тебе.

Впервые в жизни Кунц ослушался мистера Сароцини. Он не поехал домой, а направился в Южный Лондон, к дому Картеров. Он припарковал «мерседес» на безопасном расстоянии и осмотрелся.
Возле дома стоял БМВ Джона Картера, но «фольксвагена» Сьюзан видно не было. Выключив зажигание, он вдруг ощутил прилив скользкого страха. А если мистер Сароцини знает, что он здесь? Что он сделает с ним, если узнает?
Кунц знал ответ на этот вопрос. Но он также знал, что мистер Сароцини не мог определить его местонахождение. Если только – и снова холодная волна страха – если только он не почует его страх. Но в действительности шансы, что это произойдет, были невелики. Мистер Сароцини устал от перелета, и уже поздно. Он должен сейчас лечь спать.
Стоит рискнуть. В любом случае стоит.
Он сидел в «мерседесе» и наблюдал. Фактором, который нельзя было предусмотреть, являлась няня. Она могла вернуться в любое время, а могла уже быть дома – хотя это вряд ли, судя по отсутствию голосовой активности в доме начиная с семи тридцати вечера. Чтобы удостовериться, он набрал номер на своем мобильном телефоне и активировал удаленное воспроизведение. Ничего важного – только несколько телефонных звонков Джона подругам Сьюзан. Он интересовался, не видел ли ее кто-нибудь из них. В данную минуту он звонил в полицию. Он заявлял, что у его жены произошло помутнение рассудка и она убежала, взяв с собой ребенка.
Может, Джон Картер и правда не знает, где она. А может, просто умело притворяется.
Кунц хотел сам найти няню для Сьюзан, но мистер Сароцини не позволил ему, сказав, что Верити должна воспитываться в нормальном окружении. Он напомнил Кунц слова Двадцать третьей Истины, гласящей: «Услышав – забудешь, увидев – запомнишь, сделав – поймешь». Мистер Сароцини желал, чтобы Верити делала и понимала. Чтобы она жила в обычном мире и научилась понимать его. Они начнут работать с ней, когда она станет старше. До тех пор они должны только защищать ее, больше ничего.
Очень удачно, что Сьюзан и Джон Картер отсутствовали в течение трех недель. За это время Кунц так хорошо спрятал следящее оборудование, что никто никогда не смог бы найти его без того, чтобы разобрать дом по кирпичику. «И вряд ли даже тогда», – с гордостью подумал Кунц.

Открыв дверь собственным ключом, он вошел в дом, неслышно закрыл дверь и встал за лестницей – теперь его нельзя было увидеть ни из кухни, ни из гостиной. Голос Джона, разговаривающего по телефону, доносился из гостиной.
Некоторое время он стоял неподвижно, вдыхая ароматы Сьюзан, смакуя их. Как хорошо было вновь так явственно ощущать их… Этому дому они были необходимы. Когда Сьюзан была в Америке, он казался таким заброшенным! Теперь она снова была здесь, везде, она окружала его, и это наполняло его трепетным счастьем.
Он будто пришел домой.
На него пахнуло виски и табаком. Кунц неохотно отвлекся от ароматов Сьюзан и сосредоточился на том, для чего пришел. Он бесшумно подошел к приоткрытой двери, ведущей в гостиную, и заглянул внутрь.
С отключенным звуком работал телевизор. Джон Картер сидел на диване спиной к двери и звонил, судя по всему в больницу.
Кунц подождал, пока ненависть к этому человеку, тлевшая у него в груди, не разгорелась и не овладела им подобно демону. Она забрала себе власть над всеми его действиями и подтолкнула вперед, заставив беззвучно преодолеть несколько ярдов застеленного ковром пола. Он оказался прямо позади Джона. В телевизоре двое мужчин сидели возле костра, курили и – Кунц не мог слышать, но и так знал, потому что видел этот фильм раньше, – разговаривали о смысле жизни. Они несли чушь. Это разозлило его и тогда, при просмотре фильма, и сейчас, еще больше раздув его ненависть.
Он подождал, пока Джон не закончит разговор и не повесит трубку, затем сказал:
– Добрый вечер, мистер Картер.
Джон обернулся, и Кунц ударил его ребром ладони в точку, расположенную на три дюйма ниже подбородка. Удар сбросил Джона с дивана на пол, но благодаря тому, что Кунц рассчитал усилие, его шея осталась цела. Кунц не хотел, чтобы Джон Картер умер слишком быстро.
С заложенными ушами, задыхаясь и давясь, Джон лежал на полу и смотрел на нависшую над ним темную фигуру. В голове пульсировали очажки боли. Затем, собравшись с силами, он оперся ладонями об пол и попытался встать. Кунц пнул его в подбородок, сломав челюсть, выбив несколько зубов и опрокинув на спину.
Удар ошеломил Джона, но боли от него он еще не чувствовал. Он смотрел на Кунца расфокусированным взглядом и старался собраться с мыслями. Кто это? Сумасшедший? Грабитель? Какого черта ему здесь… Затем его зрение восстановилось, и он вспомнил, где видел это лицо. В клинике в Калифорнии. Это был администратор, который отвел его в кабинет Sароцини в тот день, когда он только приехал.
Засунув руки в карманы, Кунц стоял над Джоном. Выждав паузу, он произнес:
– Мистер Картер, мне необходимо, чтобы вы сообщили мне, куда отправилась Сьюзан.
Джон хотел заговорить, но движение челюсти породило боль. Он вскрикнул и схватился за подбородок. Выплевывая кровь, перемешанную со слюной, он промямлил:
– Я не… я не знаю.
Он пытался рассуждать. Его послал Сароцини?
Кунц смотрел на скорчившегося на полу Джона Картера, и ненависть пожирала его изнутри. «Вам это нравится, мистер Картер? – хотелось ему спросить. – Это похоже на те ощущения, которые вы получаете, елозя по своей жене?»
Кунц хотел сделать с ним столько всего сразу, что ему трудно было решить, с чего начать.
– Сейчас я сделаю вам больно, мистер Картер. Сейчас я сделаю вам очень больно. Как вы думаете, почему?
Джон в замешательстве посмотрел на него:
– Я не… она… сегодня днем… уехала… ничего не сказала.

– Вы не очень хорошо меня понимаете, мистер Картер. – Кунц улыбнулся. Он хотел, чтобы Джон Картер расслабился, успокоился, слушал.
Он должен узнать, за что его наказывают. Он должен почувствовать благодарность.
Тринадцатая Истина гласит, что всякая благодарность коренится в наказании. И Джон будет ему благодарен, если поймет,

по-настоящему
поймет, насколько важно для этого мира дитя, рожденное его женой.

Кунц успел заметить, но не успел отреагировать на то, как Джон Картер схватил небольшой тяжелый столик и изо всех сил запустил им ему в голень.
Вскрикнув, Кунц пошатнулся и тяжело упал. Джон Картер вскочил на ноги и бросился из гостиной в холл. Придя от боли в еще большую ярость, Кунц швырнул свое мощное тело за ним.
Джон добежал до входной двери, попытался повернуть рычажок замка, но он не пошевелился. О господи! Блокирующая язычок защелка была опущена. Дрожащими пальцами он попробовал еще раз. Дверь открылась, но только на несколько дюймов. Ее мертво, с металлическим клацаньем, остановила натянувшаяся дверная цепочка.
Он в отчаянии захлопнул дверь. Да она что, сама накинулась, что ли? Сама, что ли? Как? Как это случилось? Он рванул ее пальцами, пытаясь снять, но Кунц схватил его за волосы, дернул назад, одновременно мощным ударом лишая равновесия. Всхлипнув от отчаяния, Джон рухнул на спину.
Кунц яростно, всем весом наступил на его правую коленную чашечку и раскрошил ее.
От боли и шока Джона вздернуло вверх, словно марионетку. Завыв от страшной боли, он опять упал, начал метаться, кататься по полу, колотить по нему кулаками. Его корчило и крутило, добела раскаленные лезвия резали его плоть вверх и вниз от колена. Вой понизился на несколько тонов. Это совершенно не зависело от его воли. «Господи, дай мне умереть, – думал он. – Дай мне умереть. Все, что угодно, лишь бы эта боль прекратилась. Убей меня, пожалуйста, убей меня». Он вцепился в ковер пальцами, вгрызся в него зубами, стонал, выл низким воем. Из глаз, ушей, из всей головы сочилась боль.
Его рывком перевернули на спину, туфлей придавили шею к полу.
Глазные яблоки Джона непроизвольно вращались, по лицу тек пот. Он пытался вздохнуть и давился собственной кровью. Кунц улыбнулся:
– Мистер Картер, Первая Истина гласит, что настоящая любовь приходит через боль. Я бы хотел, чтобы вы подумали над этим. Я бы также хотел, чтобы вы поняли, что я делаю это исключительно для того, чтобы помочь Сьюзан. Если бы вы знали, чем я при этом рискую, мистер Картер, вы бы полюбили меня. Да, да, полюбили бы. Пожалуйста, подумайте еще раз, только очень хорошо, и ответьте: где она?
Он сильно надавил ногой на шею Джона. Слишком сильно. Раздался хруст, глаза Джона Картера стали вылезать из орбит, он издал булькающий звук. Кунц чуть ослабил давление.
– Х-х-х-х-я-я не знаю, – прохрипел Джон. – Не знаю! Я не знаю! Пж-ж-алста, поверьте мне!
Кунц достал из кармана меленький перочинный нож и раскрыл его.
– Мне не нравится, когда вы занимаетесь любовью с вашей женой, мистер Картер. Я сделаю так, чтобы в будущем перед нами такой проблемы не возникало.
Не снимая туфли с шеи Джона, Кунц присел, не обращая внимания на сильную боль в левой ноге, затем схватился за ремень на брюках Джона и рывком расстегнул его.
Джон вскрикнул от страха. Его тело конвульсивно дергалось, руки скребли по ковру.
За спиной Кунца раздался какой-то шум.
Он обернулся. Дверь была приоткрыта, цепочка натянута. Из-за нее доносился женский голос:
– Мистер Картер! Мистер Картер! Что случилось? – Это была няня. Кунц узнал ее голос.
Быстрым, словно змеиный бросок, движением он закрыл рот Джона ладонью и сказал: – Иду! Закройте дверь, чтобы я смог снять цепочку.
Дверь закрылась. Действуя с лихорадочной скоростью, Кунц схватил Джона за правое запястье и точным движением вскрыл ему вену. Через какую-то долю секунды он проделал то же самое с другим запястьем. Затем бросился в кухню, остановился, чтобы сполоснуть и вытереть нож, отпер заднюю дверь и выскользнул в сад. Там он перемахнул через забор, под прикрытием темноты прошел через парк и быстро добрался до «мерседеса».
Он припарковался на достаточном расстоянии от дома, поэтому няня, которую он ясно видел в свете горящей над крыльцом лампы, вряд ли даже слышала, как он завел двигатель. Она снова толкнула дверь, и та открылась ровно на длину цепочки.

Когда Кунц через двадцать минут приехал домой, его ждало сообщение от мистера Сароцини:

«Завтра в десять утра у меня встреча с Сьюзан. Ты заберешь меня в девять из клуба. На этот раз она меня не подведет».

72

Было мокрое воскресное утро. С неба лил летний дождь. Не позволяя стрелке спидометра опуститься ниже семидесяти миль в час, Кунц вел тяжелый «мерседес» по шоссе, пролегающему среди полей и холмов Букингемшира. Тот участок дороги, по которому они ехали сейчас, был трехполосным, с двойной разделительной полосой, время от времени прерывающейся для обеспечения обгона. Часы на приборной панели показывали время: девять пятьдесят.

В ту сторону, что и они, машин ехало мало – гораздо плотнее был поток, двигающийся в противоположном направлении, к Лондону. Мимо пролетел большой грузовик. «Мерседес» обдало тучей брызг и качнуло в воздушном потоке. Кунц увеличил скорость работы стеклоочистителей.

О вчерашнем вечере мистер Сароцини не сказал ни слова, и Кунц рассудил, что он не знает о том, что он не выполнил его приказание. Но все равно на душе у него было неспокойно – вдруг мистер Сароцини еще ничего не сказал?

Он проснулся сегодня с тяжелым сердцем и в плохом настроении. Он должен был чувствовать воодушевление, вспоминая о Джоне Картере, но не чувствовал ровным счетом ничего и не понимал – почему. Он ощущал себя испачкавшимся, и его тянуло в ванную – но ведь утром он принял душ. Все изменится, как только он снова увидит Сьюзан. Он сразу почувствует себя лучше.

Но его пугало сегодняшнее настроение мистера Сароцини. Оно было гораздо хуже, чем вчера. Он и припомнить не мог, когда в последний раз у мистера Сароцини было такое плохое настроение. И еще его пугало сознание того, что может мистер Сароцини приказать ему сделать с Сьюзан.

– Прошлым вечером, Стефан, – сказал мистер Сароцини.

Кунц застыл.

– Прошлым вечером, когда Сьюзан позвонила мне во второй раз…

Кунц наблюдал за мистером Сароцини в зеркало, каждую секунду ожидая, что он спросит про Джона.

Потирая подбородок, банкир смотрел в окно. После продолжительной паузы он продолжил:

– Она объяснила мне, Стефан, что хотела убедиться, что я приду один. Именно поэтому она устроила вчерашнюю проверку.

Зловещие нотки в голосе мистера Сароцини испугали Кунца еще больше.

– Она видела твое лицо, Стефан. Когда ты увозил этого ничтожного священника, доктора Фреера. Она видела твое лицо.

Кунц это знал. Он тоже видел ее лицо и понял, что она его узнала.

– Да. Я ошибся, – ответил он.

Он сможет решить эту проблему. Когда он увидит Сьюзан, он ей все объяснит. Она поймет. Это был всего лишь ничтожный священник. Насекомое. Мертвое насекомое.

– Слишком много ошибок, Стефан. Я думаю, именно любовь к этой женщине влияет на правильность твоих решений.

От резкого холодного голоса мистера Сароцини у Кунца поползли по спине мурашки. Прежде чем он смог ответить, мистер Сароцини продолжил:

– Ты постоянно совершаешь ошибки, Стефан. Я уже сбился со счета, сколько ошибок ты допустил в последнее время. Ты позволил Сьюзан Картер убежать в Соединенные Штаты. Ты позволил священнику остаться одному в комнате Верити. И теперь ты не выполнил моих прямых указаний. Вместо того чтобы сразу отправиться домой в Эрлс-Корт вчера вечером, ты поехал к дому Картеров.

Кунц застыл. Он посмотрел в зеркало и встретился со взглядом мистера Сароцини. Тут же отведя глаза, он стал смотреть на дорогу.
Как? Как? Как?

Затем он понял, и волна холода прошла по его телу. Ну конечно. Няня. Мистер Сароцини не разрешил ему подобрать няню, сказав, что ее выбор должен быть случайным. Но в мире мистера Сароцини никогда, никогда не было места случайностям.
Мистер Сароцини подослал няню не только для того, чтобы присматривать за Верити, но чтобы шпионить за ним.
– У Сьюзан Картер неуравновешенная психика. Это очень опасно, Стефан. В нашем с ней телефонном разговоре она напомнила мне о тех обещаниях, которые я дал ее мужу: что больше никто не умрет и что не будет никакой слежки и прослушивания. Она угрожает, что причинит ребенку вред, что убьет себя и ребенка. Она говорит, что если увидит тебя еще раз, то убьет Верити.
– Я ей все объясню, – дрожа, сказал Кунц. – Я успокою ее. Она все поймет.
– Я не могу так рисковать, Стефан. – В голосе мистера Сароцини прозвучало: «Это не обсуждается».
Кунц промолчал.
– Ты сам создал настоящую ситуацию, Стефан, и я предоставлю тебе на выбор два варианта выхода из нее. Ты либо убьешь Сьюзан Картер, либо больше ее не увидишь.
– Я не могу убить ее, – тихо сказал Кунц.
Они догнали еле двигающийся фургон, Кунц выехал из ряда и попытался обогнать его, но навстречу шел поток машин. Он вернулся обратно в свой ряд.
– Значит, ты больше никогда ее не увидишь.
– Но я должен передать Верити знание об Истинах, – сказал Кунц.
– Верити обладает врожденным знанием всех Истин, Стефан. Именно это делает ее особенной. Именно это делает ее уникальной. Для их восприятия ей не нужен учитель. Она просто поймет их, когда вырастет. Они станут ее второй натурой. Как и многое другое.
– Вы обещали мне, что Сьюзан Картер будет со мной вечно.
– Двадцать вторая Истина гласит, что ничто не длится вечно. Это закон энтропии. С течением времени хаос естественным образом начинает преобладать над порядком. Даже обещания не длятся вечно, Стефан.
Кунц молча вел машину. Он попытался представить, как он убьет Сьюзан, и не смог. Он попытался представить, как будет жить дальше, не имея возможности увидеть ее, и не смог. Что с ней станет без его защиты? Она слишком гордая, слишком свободолюбивая. Когда-нибудь она снова разозлит мистера Сароцини.
И что тогда?
У него в голове закричала Клодия.
Он выехал из ряда, чтобы посмотреть, можно ли обогнать фургон. По встречной полосе ехал большой грузовик. Он был еще далеко, и у Кунца было время – ровно столько, сколько нужно для того, чтобы нажать на педаль газа и обогнать фургон.
Но он снова спрятался за фургон. Затем, встретившись с взглядом Сароцини в зеркале, сказал:
– Я подвел вас. Мне требуется очищение. Пятая Истина гласит: «Очищение возможно только путем уничтожения».
Кунц резко вывернул руль вправо. «Мерседес» вылетел из-за фургона прямо на встречную полосу.
Под колеса приближающегося грузовика.

Сьюзан, любовь моя, это для тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя так, как ты и представить себе не можешь.

В голове у Кунца вновь закричала Клодия. Затем, первый раз в жизни, он услышал крик мистера Сароцини.
За это можно было заплатить любую цену.
Массивный грузовик въехал в борт лимузина и сорвал ему крышу, перевалившись через него передними колесами. Он тащил зажатый под ним искореженный корпус автомобиля долгих

двести ярдов, пока, наконец, не съехал с дороги и не остановился в широком неглубоком кювете.
Через несколько секунд после того, как водитель выскочил из кабины, топливный бак «мерседеса» взорвался. Пламя очистило автомобиль мистера Сароцини и попутно подожгло грузовик.

Эпилог

Чик… чик… чик… чик… чик… чик…
Шум сводил Сьюзан с ума. На следующей неделе у нее истекал срок редактуры антологии сочинений Фергюса Донлеви, и она работала над ней все выходные. Эта книга была ее детищем. Для ее составления она убедила «Магеллан Лоури» нанять хорошего научного консультанта, который, по странному стечению обстоятельств, несколько лет назад написал краткую биографию Эвана Фреера.
Работа шла медленно, но она чувствовала, что Фергюс гордился бы ею. В результате пятилетнего кропотливого труда получалась книга, достойная Фергюса Донлеви.
Чик… чик… чик… чик… чик… чик…
Звук доносился сверху, через потолок. Этот чертов мышонок Баззи – две недели назад они купили его Верити в качестве подарка к ее пятому дню рождения. И уже две недели он, почти не отдыхая, бежал в колесе у себя в клетке. Иногда Сьюзан казалось, что Верити нарочно его подстегивает. Каждый раз, когда Сьюзан садилась работать, он начинал свою дурацкую аэробику.
Она сражалась с трудным куском книги – одной из многочисленных мыслей Фергюса по поводу теорий времени. Она помнила, как пыталась осознать этот пассаж, когда работала над изданной посмертно последней рукописью Фергюса. На книгу были хорошие отзывы, но бестселлером она, вопреки надеждам Сьюзан, так и не стала. Ее успокаивало то, что Фергюс был бы доволен: хорошие отзывы ученых всегда значили для него больше, чем размеры продаж.

> Время – это кривая, а не прямая линия; линейное время является иллюзией; мы существуем в пространственно-временном континууме.

Иногда она надеялась, что это правда, что время является иллюзией; что не бывает так, что люди умирают и просто перестают существовать; что все, кто когда-то был, существуют и поныне. Она хотела бы, чтобы Фергюс существовал и поныне. И Харви Эддисон. Но только не мистер Сароцини.
Она хранила в ящике стола газетную вырезку с сообщением о смерти мистера Сароцини: она служила для нее постоянным напоминанием о том, что он и правда мертв. Это была небольшая статья, в одну трехдюймовую колонку. В ней говорилось, что швейцарский банкир Эмиль Сароцини и его шофер Стефан Кунц погибли в автокатастрофе, когда их «мерседес» столкнулся с грузовиком.
Она была слегка удивлена – но не разочарована – тем, что некролога по поводу смерти мистера Сароцини не появилось больше ни в одной газете.
Чик… чик… чик… чик… чик… чик…
Она взглянула на часы. Четыре часа. Через час Джон вернется с гольфа, и им нужно будет уже собираться. Он играл с Арчи Уорреном, который полностью восстановился после удара и жил нормальной жизнью, хотя ему посоветовали воздержаться от игры в сквош.
Чик… чик… чик… чик… чик… чик…
Потеряв терпение, она посмотрела в потолок и закричала:
– Верити! Заткни этого звереныша!
Шум прекратился практически сразу. Тишина! Желанная, блаженная тишина!
Не то чтобы Верити росла шумным ребенком: напротив, временами она была даже слишком тихой. Она не любила общаться с другими детьми и предпочитала проводить время в одиночестве, за чтением или компьютером. Учителя в школе говорили, что она очень умная для

своего возраста, – директор школы объяснял это тем, что она единственный ребенок у образованной матери.
Они с Джоном уже три года пытались завести второго ребенка, но пока безуспешно. Оба прошли обследование, и ни у Джона, ни у нее не было выявлено никакой патологии. Просто не получалось. Пока.
В глубине души Сьюзан больше всего на свете хотела верить, что Джон – отец Верити. И иногда, когда он разговаривал с Верити или играл с ней, она чувствовала – хотя из Джона на эту тему слова было не вытянуть, – что он тоже в это верит. Она постоянно твердила себе, что, в конце концов, это возможно.
Несмотря на то, что Верити родилась на месяц раньше срока, она была крупным младенцем, и все удивлялись, какая она здоровая и крепкая. Может быть, она понесла на месяц раньше, чем все полагали, и на самом деле ее отцом был Джон.
Каждые несколько месяцев Сьюзан снился один и тот же странный сон. В нем мистер Сароцини сидел у ее постели, печально улыбался и говорил: «Двадцать восьмая Истина гласит, что иногда лучше верить, чем знать».
Было еще кое-что, о чем Сьюзан никогда не забывала: она хранила в сердце разговор, состоявшийся с мистером Сароцини в ее палате в клинике вскоре после рождения Верити. Банкир тогда сказал: «Посмотрите на свою дочь, посмотрите на нее. Посмотрите на Верити. Она греховна? Она порочна? Такой она рождена? Так вы думаете, когда смотрите на нее, держите ее, кормите грудью? Неужели она злобное порочное чудовище? Да, Сьюзан?»
И она страстно верила в то, что Верити родилась чистой и невинной, как и все дети. Кем и какими они станут, когда вырастут, зависит не только от генов, но и от воспитания. Если они с Джоном смогут подарить Верити достаточное количество любви, заботы, тепла, если они смогут научить ее человечности, они победят те плохие гены, которые могла унаследовать их дочь. Они изменят предназначение, уготованное ей мистером Сароцини.
Поэтому Сьюзан и решила отказаться от няни и работать только дома, вне штата. Она хотела быть всегда рядом с Верити. Она хотела стать для нее самой лучшей матерью.

В начале шестого она услышала, как открылась входная дверь, как застучали, задев за косяк, клюшки для гольфа, как бухнула об пол брошенная в прихожей сумка. Затем в ее кабинет, прихрамывая, вошел Джон. Загорелый и сияющий, он поцеловал ее в лоб.
– Привет, – сказал он.
Хромота Джона останется с ним на всю жизнь, но она, к счастью, была единственным напоминанием о жестоком нападении на него. Врачи сказали, что он не погиб только благодаря решительным и быстрым действиям няни. Полиция не смогла отыскать нападавшего, как не смогла определить и мотив нападения. Джон почти не запомнил, как выглядел преступник, но по его скудному описанию Сьюзан нетрудно было догадаться, кто это был. Она сказала Джону, что, по ее мнению, это был один из помощников мистера Сароцини, но ни за что на свете она не упомянула бы о той ночи в клинике, когда произошло зачатие Верити.
– Привет, Джон, – сказала она. – Как игра?
– Хорошо. Я хорошо играл.
– Выиграл?
– Проиграл на восемнадцатом ударе. Мне последний удар остался, но Арчи что-то невообразимое совершил – и выиграл. Я быстро приму душ. Мы идем?
– Да, конечно. – Она сурово посмотрела на него.
– Конечно, нет проблем. Сейчас соберусь. Где Верити?
– Наверху. Играет на компьютере в «Вымирающие виды», твою новую игру.
– Ей нравится?
– Да вроде бы. – Сьюзан часто было трудно понять, что Верити в действительности думает о том или ином предмете.
– Лучше бы гуляла – погода просто замечательная.
– Да и я бы лучше гуляла. – Сьюзан улыбнулась. – Надеюсь, я не подаю ей плохой пример.
Сьюзан поднялась по лестнице и пошла по коридору, направляясь к комнате Верити. Дверь была закрыта – как обычно. Она открыла дверь и вошла. Верити, в шортах и футболке, сидела перед экраном компьютера и что-то внимательно изучала, надув губки в помощь

мыслительному процессу. У нее были длинные рыжие волосы. Она нажала несколько клавиш, затем передвинула мышку по коврику. Раздался трубный крик слона.
– Как ты тут, малышка?
Не отрываясь от экрана, Верити подняла руку, показывая: «Не мешай».
– Я веду слонов к водопою.
Сьюзан подошла к клетке мышонка:
– Привет, Баззи, ты так шумел…
Мышь неподвижно лежала на боку на полу клетки.
Сьюзан метнула взгляд в сторону Верити, но девочка смотрела в экран и ничего не замечала.
Сьюзан опасливо открыла дверцу клетки – зубки у Баззи были ох какие острые, и неделю назад он сильно ее укусил. Она дотронулась до зверька пальцем. Он не шевельнулся.
Верити по-прежнему не обращала внимания ни на что, кроме игры. Сьюзан взяла мышь в руки и стала ее рассматривать. Нахмурилась. Голова зверька располагалась под странным углом к туловищу. Она дотронулась до нее. Голова свободно мотнулась, будто держалась только на коже. Во рту мышонка была кровь. Ею были сплошь покрыты длинные тонкие резцы.
По спине Сьюзан пополз холодный слизняк.
– Верити, – сказала она дрогнувшим голосом. – Что произошло с Баззи?
– Баззи умер, – равнодушно ответила Верити, двинула мышкой и нажала еще несколько клавиш.
– Как это случилось?
– Он тебе мешал, и я сломала ему шею. Это самый лучший способ. – Верити подалась вперед, чтобы рассмотреть что-то на экране.
Сьюзан не знала, что делать.
– Ты убила Баззи? Ты убила своего зверька? Я думала, ты любишь его. Разве тебе не больно?
Верити мотнула головой, чтобы убрать волосы с лица, затем спокойно посмотрела на мать и сказала:
– Истинная боль только одна – страдание того, кого любишь.
– Что? – изумленно сказала Сьюзан.
Верити вернулась к игре.
Сьюзан подошла к ней и положила руку на плечо.
– Дочь, что ты сказала?
Верити развернулась и с неожиданной яростью сбросила ее руку с плеча.
– Оставь меня в покое!
– Уже почти полпятого. Тебе надо собираться в церковь.
– Не пойду в церковь. Не хочу идти в церковь. Мы каждую неделю туда ходим. Это скучно, и я не хочу больше туда ходить. – Из глаз девочки полились слезы. Она закричала: – Не хочу идти! Не хочу идти!
В комнату вошел Джон:
– Что здесь…
Он увидел мышонка в руках у Сьюзан, стальной блеск в ее глазах – и замолчал.
Сьюзан наклонилась и выдернула вилку от компьютера из розетки. Затем ухватила Верити за футболку и выволокла ее из кресла.
– Нам нужно собираться в церковь, – спокойно сказала она.

Примечания

1

Песто – итальянский соус, приготовляемый из листьев базилика, кедровых орехов, сыра и масла.

(Здесь и далее примеч. пер.)

2

Мистер Тоуд, или Жаба – персонаж повести для детей Кеннета Грэма «Ветер в ивах».

3

Ассорти из даров моря
(фр.)
.

4

Имеются в виду скачки на ипподроме Аскот рядом с Виндзором, которые ежегодно проводятся в июне. На них всегда присутствуют члены королевской семьи.

5

Гилдхолл – здание ратуши лондонского Сити, известно огромным банкетным залом, в котором устраиваются официальные приемы в особо торжественных случаях.

6

Льюис Кларенс Ирвинг (1883–1964) – американский философ, основоположник современной модальной логики.

7

Маунтбаттен Л., лорд – последний вице-король Индии до объявления ее независимой державой и ее первый генерал-губернатор.

8

Мишурный город – используемое в обиходе название Голливуда.

9

Солент – водная территория между южным побережьем Англии и островом Уайт.

10

Речь идет о знаменитом британском яхт-клубе.

11

Напа-Вэллей – долина в Калифорнии, расположенная севернее Окленда.

12

Свежий сыр
(фр.).

13

Национальный трест – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

14

Анх (анк, анкх) – египетский символ (Крест, увенчанный сверху кольцом), символ жизни в Древнем Египте
(прим. ред. FB2)

/9j/4AAQSkZJRgABAgAAZABkAAD/7ABXRHVja3kAAQAEAAAAPAACAEIAAAAfAE8ATABZAE0A
UABVAFMAIABEAEkARwBJAFQAQQBMACAAQwBBAE0ARQBSAEEAIAAgACAAIAAgACAAIAAg
ACAA
AP/uAA5BZG9iZQBkwAAAAAH/2wCEAAYEBAQFBAYFBQYJBgUGCQsIBgYICwwKCgsKCgwQDAw
M
DAwMEAwODxAPDgwTExQUExMcGxsbHB8fHx8fHx8fHx8BBwcHDQwNGBAQGBoVERUaHx8fHx8f
Hx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fHx8fH//AABEIAUMAyAMB
EQACEQEDEQH/xADEAAAABwEBAQAAAAAAAAAAAAAABAgMEBQYHCAAJAQADAQEBAQEAA
AAAAAAA
AAAAAQIDBAUGBxAAAgECBQEFBgIFBgoGBA8AAQIDEQQAIRIFBjFBUSITB2FxgTIUCJGhsUJS
IxXwwdFiMxbhcoKSQyS0FzcY8aLCY6R1c5M0lFODo8N0hMTURVVlpbVWJxEAAgIBAwICCAYC
AAYDAQAAAERAgMhMRJBBPBRYXGBkaEiMhOxwdHhFAVCUvFikqIjM9IkBhX/2gAMAwEAAhED
EQA/AMKJzPxxJ0BT7PhgFAQ9/b0pgCAhIw0SAcAAVpl24AC9nswEgE/4BgBgGlMMQU092BCZ

4+0ZYQAV7DhjAIwCPduAAThABXId4wMYBI6DPuOCQPE4YBcIIPHLDAAnsphIAvs7sAHq4UgA
evvwDAqa/p7sAQTbVB6e7CZsJaPZhzIoAOX82EIJ7cMSAPb7MMXQKR3YAZ49PdgBhSM6n8cB
LAI6duGICn9GBiA7c+/rgGB2Vpl2YAPHKuWEABH5YYmer/hwABXOmAYGCBBh+RwhhB7/AH4G
CPGlRnngBBcAz3fgEF9mFAAdDhsAK5+3CAsEkfUjKvTEnREiTZEinwwxCbL1y+GGS0EZe73d
MAmjwU9vXAI8VNMq5dmGDA0noR7sAHmU/hgEwhQ1yHtrhiYRlPdhCYBU06YYHgnX88AHtDd3
uwAAVPca9mBCYXT3DAAGnPp8cDAHQe7AB4Kc8sDADSxFfxwhgFadnxwAFPt7cABD0wgPdhwA
BUnP/pwIZ7t7u/BAFmlSrZde+ntxMnRA3ePrTvyGCRNCTDvH9OGJoTypTs7sORF09GuN7Lyb
1N2bYt7tzd7VeC6+ogEkkJYxWskqVeJkcAMg6MPwxeNw2yLbHUY+230VAp/dwH2m8vifxM9c
a/yLej/pr+hkD/y3eita/wB219xu70j8PPwfyLej/pr+gGe+vfo16b8X9OLredg2ZbDcoLm0
RLhZrh/BNOkbgrJI6mqt3YjJltbRx7kNDr0E9IfTXkfpjtm9b5sMG4bpcS3iz3MxkYsIruWN
Bp16RpRFGQxVc1qqFHuQrLUyv7luJ8b4nz20sOPbfFtthJtENy9tADpaY3FxGXoSfEVjUYi1
new0tDfOIfbt6Zx8V2Vd/wCMW0u+rY243WRnlYtdeUvnk0ehPmaumXdljX79loo9y/QiJKtw
r0j9Nrv1e9Rdjutgtp9q2hNnO12kmtkg+qtWkn0Vb9dwCcZrNaW9PchtGj/7hfR3/wDqdh/m
H+nF/ft6Pcv0FwQK+g/o6rahxPb69c4yR+BOD79vR7l+gcEUD0I9LfTveeFXN1u/HLG9u4t2
3CATTxCVxHDOUjTU1TpRVAAxFMtktPwQcZNHHor6SAUHEdq+NrGf5sV9+3hIOKIzkHon6TR7
HuUsXFNtjmS1naORIFBVhGxDClMwcH3rej3IOJl/2x+mnAuUemJ3PkGxWm57gb+eI3Nwmt9C
LHpWtegr0xFMjUr8kDRraehfpHRRJxPbGKfKRAFrkPmz8Xxxf3n6Pcv0EqlN9R/tc4PvGz3E
3E7Rdi3+JGe1ELN9JO4FVimiZiqhqadaaStanUBpwc1bSw9VscdSpJG7RyxtDLGxSSJwQyuh
KsrA9CrChxk1DhlrUJTEj3C5fDAMD9GAQbKp7cAy1ugB9uZOJk6YEHVhWgy6e3CEN2UUqPiP
5sMQlpGXeBkcOSYNG+3X/jPxz/Fvf9ilxdOvjqRfY639SN73DYuAch3nbmVL/btvuLm1dlDq
JIoyykqcjmMTbYyMf+3z1g59zLm1/tPIryC4sodtkuokhtlgIlW4ijB1KSaaZDlgpWOrfu/Q
uyLb9z4r6O7n7Lqw/wBtiw2StwfthJPo3tI7BcX4Hu+tmOKB7kDzbhH96/ub48Z017ZsmyQb
nfAg6WaG9uPpo60I8U+lip6qrYdNJfjqJm54kDkD1c9RuacJ9b+YPxe/SwbcU2z6wvBFPrEN
knl081W008xunXEtT1GdCehvJ975R6W7Jvu+XAu90vPqvqLgRpEG8q7miTwRhVFEQDIYaUCZ
kv3CesnqPxD1CXZ+O7pHZ7edvt7kxPbQTHzJJJlYhpFLZiMZVwnVvq/h+g0XT7Vrqe69LXnn
fzJ5N1v3legGp3l1MaCgFS3ZgqhMaeu+6eu1pyDbY/TtLxtre0LXptLa0nH1HmkCrXCOR4Ow
YpYefX/ugXKDHeT+of3QbJtTS8jur/b9tuT9I89zYbeiM0qtRA6REhmANKYLduqqZ/7pGrSb
F9oiqvpPIiiirut2APYBHia9QKn90vqBzfjnMdlsth3W92q0k28zubVgElm88rTSFYkoFFa/
tD24r+O77J+xv8hckjePT++3+/4PsV9yGIwb5c2MEu4RsnlsJmjBbVHRdDHqy0Gk5YVU1owO
KfuAsLSw9ZuV29ogjha4huWUdPNubSGeY/5UsjE+/Ds5KSM/OfZ1whgduAAPZ24QQewhlzkV
s869fjjM7HI3kQ06fyGKI3G7rnn+OATECteylcOBGifbsAPWfjvYaXvx/wBSmxpTr6iMmx1P
6yCvpPzD/wAnvfygbCsYHPP2l5ep25DsOyzfld239OKT0Zpc2P7nf+De7f8A0nb/APbocSyF
uJ/a8f8A/HtuHdd34/8AGS4YPc0z6Hb7W/u94YLHcTwRQ3Vw5oBBamV4wScgqGeQ/HA3oIac
Q5DHyPjO3b9FEYYNziFzbxn5hDISYtXtKUJ9uEpjUDjT7kP+NnIv8Sw/2OLAiuh0n9s3/BLj
nsN8P/3C4wxMwb7sf+LKUH/4RaV9v764whI2D7SjX0oYU6bpej/rKcCGzQ+V+pXBOJXUFryP
eYNsuLlDLBHNqqyA6Sw0g9uJtdLz9zEYd9yvqf6f8p9PrbbuPb7bblfpudtO1vAzFxGiyan6
DIVGCuRNxr7mOC0/aGT/ALq7n2bveU/zY8Ut2I23DArnOPUHinCdml3TkF6kCopNvaKVa5uX
GQjt4ahpHYkDuHViFBOJdlMdRwfP/k+/33IuRbnv98At3ulzJdSxqdSx+YfDGpPVY0og9gwA
RooR7uuAYXswABQ1ywDPCv8ARgAvUijWewdKjGJ2wN3QA5ZYciY3dPZ7ThiEGjz6GvZhkwaB
9va6fWbjh7/rR/4GbGlOpnkWh1N6wf8ACnmH/k19/s74VtjnRzv9pop6obgP/wBEn/2u1w67
M1yKDZPub/4N7v3/AFG30/8AfocDM67iP2un/wDyCxzqfrL+v/vUmKB7if3O82Xj/pzLtEEm
jcuTMdvhAIDLbU1XklCMx5X7v3uuIsCLP6IkH0i4gR/+V2w/CMYoRyp9yIH++zkJ/wC7sfzs
48IpHSP2y/8ABHjv+Nf/AP8AI3GGSzCfu0FPViD27Na/7RdYQI1z7SP+FU3/AJtef9jADJj1
d9C7b1G3bb9xl3mXa2sLd7YJHAk2oO4fVVmWnTF149U37f2CTObz7OYILaaccwmPlIzhTYx5
6QT2SjGjtj8n7/2FqWf7PJPM9KLh6UJ3a6JHvjhP8+MF1GZ/94rMOa8e0s6H+GzElGZf9OKf
KRhWqnuho590rqMhq0jZF2JZiO7UanAlC0HB41HuwMAvee3AAHZ7sDBHi2WXbgGB2jABoEiK
GJGVD7MsZHc9xs8ZNant+GEIQZK+ymeGhMSZOtfxwxFi9NeTWPE+e7PyS/imns9/vadriK2Cv
M3nWssC6Q7RqfFKD8wyxVbQResqDYOefcvwzf+F77sNjtW7Jd7pY3EyH3Ff1BLPHapEjzxNGGcrcO
2kaqminA7SYrE5Mq9GPULbeA8wut83O0ub23n2+WxK1vNDKGPmvEukCEg51z6Yas0tC
71ku/q39w3HObcFvuOWGz7ha3N3LbOlxdfTCJRb3CTtXy5pGqRHQZdThS58foR9tobek33Cb
JwThUHHbvZr2+uobvZZ5TKo/eOrVGqh8OG7Pp4+AnTUpPrR6nw+ofJLHl3PzLCz
srL6VLS5kRyJWlaSSRRGWUahoU9p0+zAp6i6WheCfdHt/FeFeNx1+N3N5JtVrUrHavoworcwshj
FNShhUA+3A3byXv/AGFxMm9TOYzXc05zuXJ4rZsoWTyaUZ+ykWm/n6OBxnCuFSqzlKvOwZtB4tFcOs9Rwad6Vf
cntnCOD7dxe62e7vsdiWePH0fH2xgc38+cHLeTbcuB62tNp6J6YHX2pb4p6d3oKPJ52/dxnKqqD9Y
QMFIbhesAqnV2PxVmN8cz7hTbZeSSwq2dJ8dbXTx9Q9IPrjc4tAfuFffTLPC1M+Qsl2fxNOwxHlVrQ+OuT7
SctKd4n5L3iQvfxnpHIbBh9DCbBqJSQ5zhvL5OqWtLq0F3hC00DRlgBxgYLxXH72h2O7P6i+K7m
aPRbYe+C1ynw7Dvt7OLzXD5EwNDdXx2BATGWgFI7ycKhnSWNGudXl1lD2L3/g8Ulor8pWPDv/
GW7tPnvPGZS1OYf3KdqQYf5mw0eeuf47w/MdOo7pMq0xbsBK8tqmlNYnh1ekPVP3d6QldnPbwEL2U
T07n8ViPsnS1mzhLXmJ48+9mzOI3HGYP/OMd1tLUQl0AOlSXaCp2GT7/DoAbtZ5cj9Y0CyzcVH9X
XajObh5l2rm+SCmPn7pn9J7mL36gDFu5+0rTL4SsLOVoRSNFIXNWzpyM6RH3OR4vF5xdx03RwvJA
n3lI3IrASrW6N8o3nT57AizfNSlUXEv7HNhfvXtvt8pnAnzN7WcOnxh0PQp3eonKm/ejTZgWAzzMcPN6u3
RHTZ9bH1jDhfvjy+fQFaspYYmGPenyfMVDEgnv4c6KbOZb5+SC+/P0etwHTWQYWg3jpGr7SmIPQsQX
YnVSJuhKiL8YHJxaBe9uZ24JtYY2Mf7ozhGKf+fgtNk+hsF0Yh8KeTX7gkIs2IBaMrPhUvUHOPxWd
x0S7lG7ft7fAW2yGxbsLRDFQ0a1kWnRgs6mmUvFsc4tIBC9nyXi3jJFnf+pWKt3ejwjfjMc/mAX+CQvoS9
xuvsXXp5TT+lZfuQxsTXDytXBVswG4wY+AfvQ+MKnkj+VZGmOZjjr2b/yWAf8AvHNV+/qdxHDbq+
vzT3SnXVBOT7ZzBRgXBRvYwXIrDdzDuMQoAfWOpM4lFA6gjhG8KpBx86ZpuHgjDFJyZFm4wFBlH
uQrOz9UvnGs5I4EhPnbf7G6pLm7dMsE+6QPcgCtuXNyPvKL0Gy3IC9ysn5Iu70ArL58fdjsj3jW3/B
0vqe6JnNfOhp7K6Sffdw8KQyT3gn6z/Fr/cxhXS9zS8KBwngHWjgO0T8Y/ZYzF8ZE5zmzV9ypwr
6VQvaNf8CyL42DjdoqhTf7ryWB+6vkTXWDHoyxtdF6I8YZ1Ww4cShLh1bZvkRSHBkELHyo0KLwS
RFUChcnd3q6DBvgfbGl2fvMq4TPn7wNYhjxt2MNL9dn8f3g0sbQ+VgfXOoSqgh5OwhfgSCaHZNE5U
DyfuMDc6rf4RM5atqz7FC3x6fPvDzRw4wUJPLSwWbRQ8fRJBt3aN/x0R6Cx4wZvTD+DHOdMuryuZ9ZG
Vp4PHq/Zy2LvHSSxNYc7xTj4w9dkx4pAFDsSEGPFrCoPZcQ8LqoaWdb+33sUQ/QeKO6QRZTxl2FPg
4qAH+ww8nPU90nGMGe0/SCEAtrEdRXnfxSqBGcY4bzIpoP/O8rOg04bV1Ye0g3/d9b4Ii3o/hu
MRdDq/NUQvhjNC1XoFsoYAuZsc0oXaiq/OrOu/iCmx2Hf8rJDgHLdf8HbYzo4dMuTG7d2b7TwT2Zk
ZaFtk8BBRxTmF+a8pkjOtyJzoS0MRgm2dhwnpmb9+8HmyLLMzJ2KNKcztuh9m0wjHv2ZMfWvUqdC/
sXEewZfnkPzEnyf8xOpKWFvqw+b/zP97tMn+hM1A7KEhdqeNtMPmwq1Kjgg+AzcsbEpCwAtqxbg9w
f5Vk3Jg+k9H+3J7h/YU3u/kHDGa7a8yHEZX3vXc97GNbmsuRk/nk9Vvh7ZMb7emdfMc0UFmZn1nKOvI
xf0m57k+WIZuvzaCAx9JbxPcLIpyO9n9w8j5g7vCeIXgTG2D6S+rWuhGk+3HtqcSjR1z+gDVHCrz9p
AqoMZRRWR3P+UoHmgaRMrh1X5XrmhwS8Ue/v2V9OxFGOrJgAh8n5UFlmj1bbqaXI8k3SR1QqTHpn
g2ndpnvAIG0BxGGGpArtyVL+nLsknO5FGyO0nVgx+k1m/bSYEDvjE79Xs2P17L+BbnZDcDNTRqRd
dD7mJu0ORgmyBkZ6dixq8zxy6o3YoxoXbBx/jKbpXVXuHeeT6DcGeE8tK/SN7G5+XJ4xcEmfH3AuwT
W8lW6QLsMuTVeGPM74dZVpPzaH8w+z5uTD32Y0vp2t7xG6ExG5mE9XdP+h2+y9KWvlg4SuZ1Ub+y
lYu4JNiKZmdK/ijm+i9w+9QL3sC8SPhDGA/MPGEwGxJpbVhHPH/M5fMwNlCcTtByVlOz1+kcPWGcMJ
5RmfcfkG7Tzjg/ABCX4qyfqh/fYYHyU5bd7Lun28ww9tHQ0kSRIqm7MVD/fHnMFZ0b7GKjRs/Tszr6sO
P58kpxLezkFz7Km2JZfPpqpW+nYW7bmeFavX4tqOBe5uqhNp1QGnXlmOJ4ziJV3edx6OynUk/Cbxrfs+
Z4T1pz4Kc9ceaoVTbn/sdRQAs1gKh4Sl9C2KLc7fbE2pz+ApR5njN3hyaAWRq9CZgHd86QhZeYWfF3
N3xpfaS+S0ahpNPnpzl7AdY0/5P9tWvTtgUaXPIpI04JwQU4RHnPbtD7Fe2hi8cPXKf5RQnw3DvTNp
m4V0yh/A8H7v/aTSVT4Q6EqUUV59wP8AlP1r9+1oyvqGz5uz8DTfyjG2OtaVjuKwT+e7ea+gT3u9PL3
yp3+0PNSC2b9JKjmF13PmeCnzLhZH9Ax/qGZbdRTkWl9knFWOoMG9JZ8u5GMQPlKq9PDjhBXaHs
Vj7tz56/8DvTWHmc0L+ZdSx0eyy/fJHZUHIRrNx9zvM2AzFsPdaPCgbUQLOMwcOmMQMTyJhyy6hTn
2gyA5g9GwT5ckpjyzz2eWJ6RHMC7GDYpP8AL9nbpf2w9fLP8Pd+JZVkWR96c2t9DoJxmj3KmKMtMs
Vj2bRH+dD+I76c2rT/O5h4HWLqA+HUTOQ2RCpTl+fJzEjQPDt1Rfb/jCy90dj2nL0qkr6FqSD6O9JKU
VQrztp9vN7Hb24RbTe9qYy3D9gSFO8jxVLI03nDEd5Py9wSkNyLULrrz/6Cu3GyeRPBLXr8vIOYFF4S
/IMMPYQYQy/zV+pJSwXaRO98b+7cVXIWdewIhLTNp8FJXHnPSAwHqFzUpkq/AQeFhSHEhhZnxbQx
TuIvwDMFYK7yDCjSWe5DIQ2WFKdshHSJA9iUhtNeM7GLGHdpNOn/VhrgRRP3x+T6nJOF+7+f3bo3
kdJLZLMvmzEz5Kl6uTWoWt76wCXCv0fQcB1kk1jaCmW33gbuKmrrdHnnbnbHKUXiqntP/CQZE8A8
D3HjmUgd0svcFPyU3PqXePoyybI9/yfb8wZyjsS0Zq/LwY8fkZn+VM3SS7xdKNbq6aD5BN6jqWOWI
M6e5HcK7uuBXS/lT5LUdIcR5rB6IsB1ng+WXwHnqlZc9Lr0OnCpdTcKS3JLBvuN4mY8ZKdoE+V1ub
wK9Adj0uBQ2SdovBnBYtxbrEM0OUsV3XJUpLX+cbg9gdpsmA1unEtPY3UPkSe6lDe/HDSqsbDR6W9
ul7G4y5FObyQ09F7xHWWFr5g7+3lGlZJbVRLoKfSYGq5DEDG/4WEI1oSLb2bYJnuvrgWSs8ovmmO7Pbs
r5JfG9xT60SYD3FThgMeUn4pvRVIQm4mAbXDPUEjlLGN18Bf2nwxQ6TupKUTZxhTvhVRStYHuRs9rt
x+MT5pS6WXBPeIR4p27m6QHrgUrwTJaXYPSHXRWu5/fJLl8lHmrmJKThBKfv1fPX5nVB9SXRjmY7eE
aWVWVt1fNK8xxKEaIuM2TunHzMp2XLkrPk6RAkDPqmrHzPhvdQW1Mbq6Hcm6+e0SDsw/Y8wpNeWU
X4OuNu3Q8GGhsWGuNfIWbT+WbKS6eRJfTHLmPXLVwHXc+H4A5JfLFZqcTnmr0XbNUjmVHJ9cAjX7F
u+vkQqzDQ96Wc0yDkcAhqyIqNcsQF9wn8NGJy5IVCDq7QvpGGbcOVPtDQ5cYrXsLCkT4qkInwtGkGh
6O+DSgMVsjCnFYY2oK8VXMSdvr63U02RpP3cAU0BPaCMJ7UZjbk6KRqDeMbxZSFzjUq8zo2C8jjhGv
mM1ZUqzpzUJgBczP2VBZkjbmvuWdkzWJ1yS5n/5HTnSq9Hgm9ycjY6vPsLmHjL0PQcM5j9ErhXfM0pjj
Lu9zNm4mbU7CL4iLH4CC2kXYVe/SaRiNjIJV4Zf4nS36lg+6r/yGcsMTTbbV8/fOF0T1ksSk7KDM2w
dj5+W9o2pEWvwpuS8FNAJSvWjEfAzmRY7cTAeEqcmscwajlTQ4PLnf1HGr6LeQfi6n1eTYs6gfh6gZWU
ZMiAmYZQe9KMBAr3Rot5JlWR28lnVEBW76uaz1KsU6yEYjGJwT1ecUmm4e/xwTT2O85Tm9ZNOR0kCuY
GsrsIKcVbeOKYtGEOYlhQ9YYVKUmaJiLixbv5F4rpPvBfwnFH1Imvl4fLGc1hXutvKK7Q6N5Y5GUUN
KZXRIZcN9Bx8ayNrGZq9uSh4dCo0SVJmDn+J6vjBpG0sVXgXiqHMHmYAEkgi1mBT2OJ9/5Kzn9PoF+
gPiQh8rZjOlHqR7b0sR6GxjnDiYNnJP4V5xyzK7QJWtzaVAN8xYA5rvRtDS9QOsnwqSz8Q72bSuz9Bv
bkdpgrZ3HpHWFvz18Gg8nUpchZuGbyvKFNEwsyHX3SFR+EZaMGv6UGVvUpM+YQ7MQH8dt7B+AwsAZ
3PPr4wqxKcIWLJG5Uz1HtjwBPpWknXz6tDnMzPVlxWw4VwGLLVjXbWgDHvYzWDqU6d5Sm9g2vYhR
Xh96LQTBBvKNHbrjbrrcNHoMk0ssd4uwU4EfKmGajTzzK5ZxkTvbT8sMPR5Uq0eX/NmOkR/bGyjfdYX
nmHVwIr0hb80aDqtfE0pBfaqzgQXHfOCZszM6R1SHvI6WdEf3XAAhsNo5fwxY2/gyyMmQaM0a5VZyfDP
rtFqY9n3ioAANNlEGxOsHiI6dZ3hMc0b6LbXNjVW5ijXGb0JKr64ohqoHOb/Mu0t2UwW/gqExW7+Whm
9HDa1U6l0a2y/h8IL9t0Yh2wfyRl6QMaVi8mGxFnfRNV0MU03J8Xs3t3eq5dZcnALU4sAZBzqbAmvBaX
FzSiP1Oh8q92c9JTbePDRIjKX8GQHFmJ4KfBgoW+cgMtPMawrA/fVqW1W3fkh9u/i3gO4gg5sFiS+sV
d/SoAU4oVBoG8A2m5bm5Rb/Hgo3frEhl9M0dLHSnXX4R7EbPWhzNrSXBGlzxdQU+dYDtGqM6RGQZaZ
5jGXnP0Y59tBVgwuK0rxf/HVOBbZAhSkSV6DNXm8h/+VhvLL8QuiV/Z7YHbHKR24dP7RwR0Cmvu
1ylEUyLgUZSLMm5Et/VvNX0Cwb6p/ADVmjnbrUp6jPIKtP3KaUFZXcDjOfVqGwnj1fl8XT1H0o5MbCh
4+0ZYQAV7DhjAIwCPduAAThABXId4wMYBI6DPuOCQPE4YBcIIPHLDAAnsphIAvs7sAHq4UgA

xf3Z3AGSN0X97bUqykCvj78KbeS9/wCwQiiehvr3s3pxw2Xj+47Td38z3kt0txatCE0yRxrp
IldDUGM/DDfKdI8ewIK/65+qm2eo2+7XuG3WFxYwbfaPbul2Y9bSSS6yVETSDSAozJr7Ms2m
+oQZoa4YwuVMIJAoAakZd2GAFOw4Qz2nPpgA9pp7u7ABpEkR1GvZUEYwTPQgbPHkwIJrmcAo
EGjJGYz7D/PhyJoSeAivhy/lQ4BQIvCQCPzwJiaEmjbtrkMMQ3eIUOVcOSQjxkdn4dMMTQi6
mufUfnikQxFgfd78BDQRhl2YYmEI7vzw0ILKmuJ0OWtSte6opgQHa/pvunAfVL04+lmtbRtw
exXb+Q2aRxR3EErReWzKFFUV6F4XGXdmCBVc1tm37zN0RI8a4D6b+lHD71rmdf4YkrXt9um7
eVJIWKqirqWNB0UKiKtSTlUnDeXitHCDjO5xlzrkcXJubb5v8EP09ruN28lpDoWNlgUCKHWi
eEOY41L/ANYnriZb1e40vIg/58Io8Qa4IAChpgA8UOffgGFKZYQHtBFa54AB8v2e84AgER/y
6YBh/JLHp0wpKdTTntiWPvxzyehAvs+xNum9bdtnmeR/ELqG08/Tq0ec4TWVqurTXpUe/GmN
J2h7E30Umvf8rQIGrlBJ7SLFR/8APnG/DH5P3/scb7l+R7/lXtz83J5s/wBm0jH6ZDiuOPyf
v/YX8ixlnP8Agm3cO5iuyXN7cXW2xx21xeXiRxrOsMzsJTGmaFkVCy169MYPir7fL6zfG3as
9TV7j7VeNvt8xs9+v2vWjJtJZRbGDXSqGRUiVmTv0sDjayp5fE5lnt6DN/Rr0n2fnV7vdrvd
xebfJtSW+hLNoVbzJXmSVXM0UtdLQgCgHbiMURLUmua7UR1EvXL0m2T09TZm2m7vb8bl9V56
3jQsR9OIigj8qKH5vMNa17OmHeG0koJx2bmTQ9q+0fjkm12rbzve4rurRK16tobZbdZSKssQ
kgkfSpNASxr1y6Y1mi0iTF3bMm9M/TPivOvUfe+PW25XsWwWUFzc7ZfIYTczJDcxwI0mqLy9
Lh2bwoMqdM8Z43Xdoq0wbAv2f8Ep4983lu+j2ih7b7dtNgL22vGEElyztHaNpk8CxkA3bfKo6DEp1nVD
/dcHOv8Ar+ItTLtq9Ddk3L1w7b7dtNgL22vGEElyztHaNpk8CxkA3bfKo6DEp1nVD
lwSHqf8AbdbcC4dfcwsOS3Vxc7W1uI4jCkDkXFxHbmk0LK6087V8KduHfg1EePcCbkrPpF6V
3Xq1fbud0369t/4Mtu0c8oa9LPcmSo1TyeAqIQcu/E460r0/L8gbZJ+s/oHt3pzxew3i23m4
3Oa83COweKaKKNArwTS6xozqDBTr24qzrGij2gpLX6W/bTwvl3ANl5JuO6btBebnAZZ4baS1
SJW8xloge3lalF7WOFWy8vxCWR/rV9uvG+E8HfkWxX243c1rdW8d5HfSQSRi3nfySw2eqGEhh
I6Z1pSuWG7JrZL3/AKgip+g/pFtnqJvG7Q7vc3Vrt2128LmSyPmSjPjAOwjUtLHHMukJC5I01r
TPEVcPaRs2f/AJPvTns3jfP/AF1mf/smLdl/qvj+opZGYTns9kj+Z5aK
iLUsztQBR24za1NDobhP2hzXNjHd8y3eWxuZZ9iKKGS9B4za24GtXKJS8k+Z5aK
TPk2Jc2+0i+sLGW94hur7m8Q1Har9Y0mdQCT5NxEEjLk0orxgH9oYaVLafS/gCs0YKtm9SCp
UgkMjAqQVNCGBzBByIPQ4wahwzeodbQ1z/wYRaRrIsasPDnjmk7yY4htpHLdiYdV3K0b/NmU
n8hjXD9Xv/Ayy/Qzovm3Kf7sbBJu30pvCksUQtxIIq+bIErqIbpWvTGt7QpOx05WgU4fyI8
j45abybY2huvM/1cv5mny5Wj+YBa10V6tBevFtGEeu1gJ/UOZitQ1hbA+7VMMc2T6jt7X6P
abD6Tbwd04BtDO2q5s4hY3Q7RJa/uqn/ABlVX+ON62lScmanG7RV/THZG2b1b1v9Q7VlKi4e1v
YajTqju3uJ9S96h5HSo7VOHVQn6x5GnWo29cdiO98y9NtvCeaJd0laaOlawQ+TPMT7PLhOKq
nyT8iaOEy7eqfJW416e77vEblLqG1eOyZev1U/7m3p/8buIu4RNKy4Od/tRtB6l3kmx
zoPct1ajBR6GuZQdD+qPOjwbhV7yZbJdwmNm9un0jTfThvqJ0hr5miWWmnzK/LhuejgDW+8+4
1UHFLb2A7t+X/smCLeEXwE/Q/mMnMfuL3rk0lmNvfc9mkrZrIZxH5BsoR+8KRatXlavHdho
lo1H7mdI9EeRs3yqbFjT+ruFuf5sAIX+3zg7cS9NbFLmMx7pvB/im4qa1R7hV8uLMAjyoVRC
P2ge/DajQRVvu+Wvp1s/bTfLc/8AhLoYRVS2fbtX/ctxYHqLaQfhPIMAmTvqNsUXK/Tjfdrg
HnfxLb5TZEVzl0eZbt3/ANoqnDW4pMz+0jaobkEkflHd753WU9tvaRLEv8AmyiXCCq2
5ucciSRrIhqjgMp7wRuYCTk77Z+HW27eo9/vqqoTQcBqEC7uppI4XI/qRRykdxIPUYH
uzS+yOhPVXnh4RxCbeIbdbu/kljGPnQKtsGZTlD9UrAW7PKmnWZHRsm4CcsIVBqmGVaQcAA
51s1425WkVnu+2yrHdLbljBJHKpaKVA9WWullKmhXXmhVb6jvWDFvXhvdvtPqFLe2sem13u
IX5RRktyG0XFB/X1cq+4w/ISpWC0nGOMtwQ5HzRc1dHkYvsX4gzYrZl4kNWd/HqvcrIUW2W
Xlu0AL8twJf/AFSNJ/2cbYV83VMs1vvkZ0fqz+vmcTSD/4a8gH+ZWT/sYvLscnbfWPvTCIRcG2
2MCgUz5f/WJMXXZCz/WzOfV6xM3NGela2UA/B5cc+Xc6+0+n2kz6L7DyC0FxucC3JcsVa0e0sI8I
kQu00kY0dGdSiPSRoJ8WqlKCgbG2KsVl9THurKY6o1XmTTSNZgOzAr8cWch7SuoNQ
agCA3aAaVH5YAMe+4vivKN12BN0cv0Jhj6iLv+mKb8xHBfVnTzjA4+0RAfP2XTmN5adNVqYr0
sNknD6mefbLEI/U679uzXI9/+tWpxN7pvN7x7Nwtory1k1k2rNtStu+YV1eN3g8u9WGR2RgCMaptao5ZxQWvs7Ym74ZMyW7Uxm7vxfDG7RSAMvFkq1CEgo0tHqRmTtaGtRnAUz3tf
yeviX6ct+a1xzYbSjr7jGqvQ6l5pxSy5XsD7HfgNY3FxaS3cZ6SRWt1FctwH2HGycH
Ix7/ABzbf48NiEurc/pTfPCM9EHmeUrN3a31Be/S3dhDMj+7NA3p5tVRWm9W5/8ADXOAum5Z
vt5qPRvjYIppinWnuupRgFbckPR3d33PgVoZZNc9jcXu3S511+iu5Ylwfb5SIfjg6kkTyfb7
T039Ct+srKZljsLG/FnKMmE19Jl0PvPJbgYbcsa1NHt1tVbeJV+UIoHupiUIwf7V4Ujm5r+39
bCCP6oa4p+ZOG/qZpk6Et90Rb+6WyLnoO6gtTpUWk9MDWgYtzD+O8s33YDMdn3ObbjdaBP5W
gGTy66Adav8ALraMO/GbrJ0Qn6R9unJ933uuSKXedwlvVVjUoNDnEqVQyLqCZlDEQy6pLjO
WTzOppXqOn5YbQ51NhWzoxyzrQd+ILRGRtE0mRwBXPvDu9Xd0iDPN6ta7PlIxwKpYd
sKfM5+4yf4kzzr3Z923GbNDEZuzTE52WuTNgvVszwXVLVXYFu2tU/9t/HrW0uo/K
njMpeMlWpqldhmpYZhu/FxBGWWytZtFNQ9S9oujiaUXcRWiRTI9mMsJN+
2vGhfdj29du2aysVPPPoY42p2sqUfic8bPC3JjD3ZD17JkI2Q+mOOeliQIQIoZZI0Cj

oBRa5dprjLH1N8tUqVGPrTdTWE3Gt0t2ZJ9uu5LhCpK1CKpdTTsdQVI7QcF3DQu3rMr0Gj3C
Wl3YyRzKs1pcxlHU/K8cgoR/lA40Oc5w9ANrl2r1YvtunynstvvrOUntaC7t4z+OiuIx9Tqz
Oapm4+o/GJOUcOvdjjUO1y9sxRnMYYQXMcxUsOwiP44dqyoMMbSsm9jI949CeY3KxpZJYRhV
0h3uJIylT4iuiF6kjI+zHPXtPNnc+8r5MrnpTx674v8AcLDx/cjC25W233LyNbM0kWiaKORA
HdY2Ph+aq9cbY6cWzHNkraqg6jd1RS7kKqglmJoAB1JONDkMG9EuY3XMPWHmu/uxNjcWdvFt
KGtEsoJ5EhoCTQyD96w/ac4FsXasImfuiiMvANuUZU3e3P8A8hPgHj3LD6BIU9I+PqeoS4/2
qXAK+5V/tz3Fhcc02ZjlFu81/F7rqSSJ6f5VtX44G9WO60Q6+5++ZfTpdrjajbpdosidpit0
a4J+EkUf44Yse5rNp/7LD/iL+gYSIOffQTdE2rn+8bXMwSPevOENctVxZzyuEHtaKSQ/5OHb
Rml9kal6vcLveW8Pex2/S242k8d7ZxOwRZHjDK0ZY5AtHIwWuWqlSBh1jZk1tDkq3pF6Srt9
nuVzyzabeaW9aKO3sryOC4MaQhiz/wCkVTI0nQHoowa1ejKveSp+r3BeNWPJLS02Kxh2yP6U
z3ogqqM8kmmICOulaCN/lA64MmRvcvEUv+7djCQzyyOp6xqQAR78ZcjdI2CKCM0p0xnJqaNx
GMJsFuB2tKfxlbG62Rw5n87H026bbDK0UtzGki0ioPDIzPccKSFVvoet90264l8mC4SSU
gsEU1NB1OBOQdWtyM5fHbyWlity4jtxexNK7VppUMSMgfmpTA2kVjmXHkeveZbLFayvbz+dO
EYwxhH8TAZCumlK9Thcl0H9m3VFN4VuNhs243Mt/KY0mhVRIEdgXViTUIGIrXE0aSOj2Sg
aep+/bPvltYR2UjS/TySNKGjkjFHQAU1ha19mIyWTDt8dqtyLbP6zcM2rYtusd9upYL21jWG
UC3mm1+SAqODEr/PQH2GtcUsyM8nb2nTYp/H+WcQsvWPdOW29xM2w7hZSGOVbWdStxN5PmIY
2USHU0BYFVp4vjifvVTnzLeK7oq+RqT+rnB0UMbqY16AW05JI7vBh/yKmf8AGv5EHf8A3Gem
NkSJLi8cgV8FlcH6Oz3vyT7ey3MUT1b4t/zBSeoMcF7LsjWf0uMcR1ulYQtzrMCx/2TuuWpe/
Gqe5DWkGhcz9c9i5Xwrd9m2Wy3SzvNyt2tormosST1/TikpEqdStejO7
2XCt53C73C3mkt7u1jgiFsiuVZJC2YZkyocDUI0t8xYPWDn+wcu43a7Zt0dyl1BfR3MguI9C
hEjkU+IMwJq4yGErCrRpj7059WeM8a4Xtux3kd2YlErW8SNH45kdnkBVmdK5MOzCbC2NtlP
9PeY2PFea3u83cczbfuCXSzRxJrkHmziaEE6ageGhU59uFrMml0xTR2tl
DcKfqlWNjLPpAIAZ8lWP88WlJFFxNItfXniKW8UbwWaxl+e4kj7TMYXZ
vDeG/t2e
1uFuGuoJVIDROZTKjDqKqfhh3sma1p5m08Z9b9int1g5CG2++CG2++jUeZcRxvLbSkfrL5Yd0J/ZY
UH7RxCsTbC+hI7t6z8LtbR5NvnfdLqvQn7nq2hjkQFqZa5ZFVWxXe9x3ZXxQ5kq9mLcXTqz33G4
v75wbq6fXLpBCjIKsaA/qqoAH554zk661hQMVkUDv9mAcFV2j1p5dAqPo7sUBAnVBiAvtQ4bUj9pP
LOJeNErMzcvT77huAQ8Rs5U2O2vp1FUfP5ZUxxzL4oyp+btskBzZKu1mwb
31l4Be3m43kG5N9NGVeNngmRpEEaKTGjKGPiqKEK2XSmeMLtzodGKqVddBHY/WvitpeJXFQn
G3COQmeNVmKpp1q7Rxs7gNpIGVa9nbiaZkrQzXJ27tSajH1E+4zht5tcNtx8ik8r
tkSMK+qpcKSSaClO2uNbvktDmw1Xu7Xmw8+m8sJIA1ViaN/NoaZ6l0q3Xu7O/GXzil6V
ZPoDu/rVxuFHSzmu5FAO2m6rTk7zhfDmO/a5xX
nVLfUFdvbQjjKl40KxhhrcLNI1a6q9X30riG2i4kvu0Cy2+10UAElJF1tqoSMw3YT2Vxzu0
m1alc3vkjSXEq29zSzSE+E99P2UA6L+nF1rKVp3iuOqmNbnNkKydCV2
HjyzESuPApzHYc+n9Jx07HPWkl1tLdI4wqjSQKDT7OwycRzFcKs
RpEB1tkU6ivfWuBtCqmR5s8/lABzwpLgKYKCrCuJ2KSAVNJrhDgXVSB/PiWUkKKaijE+7CYQ
ARGAQtP5e7EyODyuimtcvxwpKgCWeIAk0r24UGtG4GbwtUdle7BzKNKDXXOm
eGvvyxbZZKupMi1by/IkjDRtV1NfCfbMB56SmZhnZ3CEnlubSYhZGUJGUjeND7UV9b7EH4jdaLrm
PdurFdt327sbwXEMnISEjzQMo5Lbrom...

Ubhyx5ZHkW1srbSZJWBJJc/Kijty7TglLVm1am27P6TcW2RFZLf6u4GfnTgED2rGPCPjXBzf
qKhEhc7eB+oKDoO73YaaIZG3G3LpIC5+3PDkUDFtsY0AoW9mCQaYVdmLkkpkvd2YOSJaZ6TZ
ItFVap/ZJPd34coNRAbFL4SQHboUyAwaBLELvjzAakTUe0EZ4ByR03G5HUER07u+vTDDkR8v
G5FNegHb0z6YQ+Q1baGUkMte+mG0NML/AA41FFOJgqQslhKvYw7emEORP+HztkqMT2de7CFI
k+23BJBQ1HUYByJrt8wbMdMJjQYwOOyvvxJRE8msp7C9t3ViYbyLVGWzoHo3lmprlXKvdXqK
45aM6Mi1GCotzItI1eQAkhBTKgPTt7MWSOBqMaSBdcdADr/VJGQ1GmWfWvxxBcEvbb5axlI7
p3tbtSVDOoZJFIoY2OqlaD5XpUduJ4lckRHKeNW1/t0257XGDLaxGV40PWOIBpECnM6UqwHZ
TuxpiyQ4ZhnwpqVuVveOJzwbNtu/Weuba9yi1K5GccikpKjEdzqfy6jPHRXJrD3OS2H5VZbF
p9JvS3cuW3vmU8nboTSa8cFkqKVRadWpnSuNOVevuClIUnWXH+J7ZsO2R2O3oUgjzYmmp3Io
XYgde7uxFm25DkK3NsaHL3YBpkBfQsjmo9uQ7MMckNcOCxqp0jDYIZvKqMGAJpXLpiRhReks
Qi0HbXrngSExRjAwr4w3fholoWWGM00vX3imGKBcRQ18ZrgCA4trc5hVqe7CTYCMm120i5kD
s6DD5BA2l2ewXqAXOVDhchwMZdntdVaH3DBIDWXZ1L0B0oR2554JGJrs1TRWFae3+jCGFPHZ
iWqcx0IwSNDK52Z0HiIPuphNjTGL7VD1IGXXEyNjTlmxLe7HD9Iv+t2OnQF8QkhYErUdynUt
eymOaYOyybZQIntTexawyKwNT0aOVM/j0PtxrJklqXix2CPd7H6qyuGtdwTUVuoArAkL4opo
ZVeOQN/WGMm/QbNekgbqa626R4OQbHaXtsx0yXtlrtJwumlTH++gZQc6eX8aUokk9mJ8uuqK
9BLuG1m6fbYV3La5bd2u9vcSKoTSQ8yBW1LpBqSp8PXpjTS2j0Zk5o5WtfI0H0iNju/ErzYL
em5bZat9SkErKLq0aX545FIAkhdwXWSMd4IGWFm5ddwwOsaPQZbZue7ennJ5pdtrDaOwEkOr
zInTJgsi+ENQOOuY7CMaYskqGTkxQ9NjeOJ+q/G9/hjSSVbG8YAGKVv3ZJ/ZkNKZ9j095xrD
6anM6QW+WMEHLp2HAtSCF3S3JqaZ9cUUivTxNXp8ThwORnLb16r4ewUwmhiCWaFiQae7AmJo
VXbZCMmDdwOWGiWhwbRgiho6MO1ThkiRsrg9END0JwoHIvFZSFQq1r29cJjBbbLkZ5gHt78A
xrcQTx9STT4YUAMHmlU9PafbggJPCcn+0ND7sIY4W7ULRRX4YQ0EmuJWQ6T16gD9OEEkbPYX
E9SS4PsFMA0Rt5tUkCgmYVIqRlX8BgUAJW8yR3SIy5XMQlFSaaSAx69qsuORs7yh852SKG7i
3G0XyvMOemgGpTkDT8j2g4ql+jJtTqOuHbjINCFikw8AkGR7/F30OYxN9Ga1ehdNzjj3CHyb
+MSNH4hIACQW+VwcvdjNtpjUGb8h2m92uOSfbpmjaEM6lKowP6zKQARqU0Ye3pjSjTepGRNL
QQ9EtzHHOdRCRGa3v7ZrY0ALKQRItV7R4dJp8MdOW0qfI4sOPi2vNG3c1stturRn0+aiUAFA
SpZQ1D29GGOe2h01cmO3e33FpcefYyUZB4ghqCD0IGRHT5TjSmSETfGaB6det0tjHHtu8K1z
ar4InDDzIiP1Vbpp7lPwIx0yn6zmtQ2+G5s902+K8spfNtphqjcezIhh2EHIjDMiIu9tmJyB
xQDNtsuTUEYIHJ6Pabgt8oHeajEwOSQtdmkFD+g1/QMOCXYkE2qIL40q3uw4Idg67QpAqCFP
swQHJCosIlHhDGnflhNDVhhdLGjErl3g4UDkh7lIJmAlJA7ulcCQSNZbazC0RagdMASMzZ+Y
aopanswQOQf4ccqxD2dmEw5Cse3zMypHAGZiFUVJJJPQAYUDkxrnfrtuO3cin2vjKWVxZWJa
C5u543kE1wKq/lMrp+7iOQI+cg/q0wokbfHTr48MvPCN2sOXcXtt7ihjhmLNbbhbrmIrqP5k
B66XUh0r+qfYcCXQFeSE89iNvnt9Blhj1qB1KELpYjr2Ze/445rI9DqQW5PDdbI4b+3tjpdv
2gx1RNQU+ZK/EN2HGcFkVsoVJ9DGjZFc6MO+neKYVh1LtalxRlYMBUUORBr/AEnEdSmI3VpF
uEEtvcoNVKAjoV9pFO/sw+sibIXZeM3cPNrCW2CSPaEM6g+LQBQBmGXbUGgPvx0VtKOd1g12
7u7qRpba8jt1RzRToIdqChDMCMz7cKejEl1RSN44zBcRO8K+W+rJQ2mn7QYD9nrX3+8SaJmN
bnItjuV+sinXnoIOllkbSQxHRwDkw6+KuOimqRzZHxbOhft23i8v9mv7eRtUMRilUE9GOpD+
KqK+4Y6LfSmYPc1iS3kJIBGJTEIvZS0zcU92KkkKlkKg68+6lMKRD23tHqABX45YJJY/EQQA
ECvvzwyQJFkpVVWvv/pwxDCSPci5Kxah2UIwaFSNpNt3ZszDQnrmD/Ph6ByEH2DcWFWiA9mo
YWgSNZthvIj4owPdng0CRJdquT+oadvUYQxQbO2WqMn8cKByZb9wPNY+J8aTZdvm8nf99Vk1
KaS29gKrNMO1WlP7qM0/bIzGE/Iquinx4X4nLAUEAIMgKKB2AYJILHwPm+78L5BFu1kBLEaR
7hYyGkVzb1qY3pXSw6o9Koc+mRlqR+s1LYLqK52zS5qQgSrljpOnTTKhHjFffjmseohMgxbm
1vMrGC9BQmlR4WOkOM6Gr6R7WGM3saSI3FtDFeaVyMZBUgEjvy9jD4YTGSHnuqBVqxoGOZIq
Mh+PvxmiiQ2a5S6BQENIDp8mQEUNK5Vzz7xhwImuJSLc8nVijpLFERFKxzpkrIRUGhpmpNRp
7sbYtjHKi23qQz6i6KH1EilFJIypStKUw1Eaka9CK3y2U7VOiSCGURlk1kISO3yyTqDDqD8T
h5NUOm5zl6gTK/JJDGqJFMqTCOMaF1GquShAKksuQoppkVBGNsC0ObuX8xu/2xMDYbqCV1EQ
+HPUaM3bT5R2592N39C9Znbc3BxRs8qHAkQ2EkKEZ5Hvw1UhsDyQRk5Hw/pw4FI4twIgCWY/
gMEEtj5LqHtBzyp1wuApFllQ/wCjb4jBxCQwmU/qn8MEBIYN/VOFA5PE/DBApM59WvVJOFJZ
2tlaR3+8XlZfKmcpHDbqdPmPoBYl38KLlWjGvhzi1o2NseOdWZptX3I8tiWdr/aLG9MkitbN
C0losaAjzEI/1gvUfK1RQ9dQxnzZo8VTZPT/ANRuP8ztZDZq9puVuAbvbpyPMQHLWjKaSRk5
Bh8QDljSjTMb0dTiT1O5lunL+a7rvV8QxMr2trCpLRw21u7JCiVJ7KuT2szHtxTUMu+jjy0K
yKqgY9etBlWnuwmSthN8xqU1PZ7sAM2mxs5ISgc6SgKxv8taluvdUY43ZSetxHN3YyXdBEut
2Oh6EalD56gw/kDiQErreLdnFnfyiG+W6e0M7KArtGQqzZGgDuNJPTUKYlLyHPmObm1mt7QN
KqsCDpdegOdfZlTIYlMt7EJ/FkL5uYXUeChPXuqKFa9+LITLd6dckaXkj2t+okLgGO7qNVa1
pkM+uY+PbiqOETdSXme8jDyVpIhfxIKkjP8AZz6HuxEhAnvr2jbaY5qOEXVGcnAA8XlkU1EO
oK16CueVcOzFVHL+/Ty3XIdxuJUEZadlWNNVTUNZZVJjdNZ4rn5zHXZVHLL+/wAPaTbc3937
5Jq9vqp+r4/ZNf8A0PaTbc3937mp7MNGTG8zZZ1L/DGiICKqyNQQeIjrmcEkjmO3Vaax

p1DKpOf9OBMRWPUfnL8P26za0tku9yv3cW8crOIkihAMkjaKMc3VVWo617MRe7RpiorTIx4P
6u2W93Ue371Cm13swP09wkpNrK2Z0VejRMR0qSCcq1oDNcvmVfDGxpi2xXIGnsqcXyMIFBER
+thSVBAc95VHxXjF1ulEluxSKxt5DQSTvkoNMyFzdqfqg4m1oLx45Zynu11ue639xuO5zteX
ly9ZrmSgLsBQeFdIUKBQKooBljnnqdY1WwqFDDTUAKad3aRhBEk1sH1u27hb3+3ztbXls+uC
4Q5r+0vcVYZMpyI64h2jUqE9DGJRWaRyAPOdpCBTTV2LGg9lcdMyc9txq6qrEH5h8lBl19mC
SGg0ml21KAATSgyp78BTOjr/AGhXi8xEAYVCBTnk3aO+pzxxXPUqQW2y7tBuT3VugmRR5fkF
ahXlIVRJ2hWP6w6DGcSWVn1Is9w0JGsEdxJYRRWTXVu7QO0CO0iiW3JdJTrIpKpFMhStMbYL
KdfHtOfPVxKXxI6y9RJDafS3WpgQU1SfNprl4hQNQ/tD41xVu38iad0upC3W8h5CpapUeB/0
DF1xk2zKSQ43yxrHdYLouwAHlTUNCYyR17cqZYPtxoFc0mq/3qsrqZ7hJKsRqZQcjmKEMM8c
fHXU7U9CTvuQQvY2jCZ1KSqUkQUIkKmmqhp1r+IwWJqjAt3gDb5KInpLdTyvMrZqGeU+W1ct
IdWXLs/Id2N/L6jgy1+fTdmn/b9vKWPMoLeU6GnEls6k9GZTpBP+MoxtR/K/eTZanUBnVhU/
likZNDO+3PbLRGNzKqsq6vK1DzGHcq9TXsw3aBKsmac03++3a0jtWiFtZAlpbeJifOap0eYx
pUKP1elc+6mVrNmlapbENxjle98XuXSxWOaylYefazCqNpqAVI8SEBj0+NcTWzQXqnuOfUzk
Flym52i6tIZLd4LeaO5ichgpeRWXSw+YeE50HtxVrSTSsKComwY0UrUEeIEYguS88L5fynYE
itYpPrdujyG33BJAHUiKShaOnYM1/q4FZoVq1a2NgTl+2vsR3hK+WAE+mNBKJiMoSBXxe3pT
PpjfkoOf7bmDJOUNuPIbz6rc3MrICsEQyjiVjUqi/hVuppn0FMWzoWhU5uOMsjMiVAyJI6Cv
ZiCpDJsQopppoa0/orhBI/sNoUzoCtSWUZjtJGIsUmc63TRteTLHRbfzZPLUV06C5C0r3Ljo
Mrbs866owjv+7oPATVe4Af4MSPoM2s9EhIzFK6e2laClcUrGbode2W1PNbQW9BqdtTt2hSxa
o7xU9e/HNx0R6DsBu/HLe2s7ye3CqHVJXJoKmBg4rTsamFaqSFW7bRXOWbPcG4uFhhjaWMmW
zjlJZGCmrQNXIRygBW7uoxz7M2T0MX53xa3geHd9oVjtt/GJoiRQhsxLGVJJWSJwUkQ9GBGO
vDl1426HJnwyuVSl6q9cdZxghzQGvdhBI/tN7uoForficRbGmbUztE2nMLgbebcsdIIZRUjp
1zr2jLGTw6nQu40K2bsm9MpyBNWA6ZtqIC9KHpTG8aHJz+aSY43u89nvSXkD6ZI5A6NWpDKd
QJ91MCcQWnLZ13s/KRuW3WV9GjabxEkIU5IX6r8Grhpw48i7LqE3Tbb68unnUJSgQAkg0Xvq
MJkJwRU3EtzmUeWI5GqfArUp8TQYOImxv/u532Rv7KNantlXP8K4OBLuFu+CbraMonhQinhK
yx0r3ZkH8sJ0BXkRTjdwkmnySDl2qf0GmFxYckScWx3PhH07kjppofzGBVY3ZE5tvGNxuI5A
sZjoAV8wEBuzqO0DFKjId0OhwfddPyR17teH9sX3BvLwHeT0RDn2uv8ATiXjK+6hA+ne8mlI
VB7SXQD9JwfbD7qFIuA75HNGRAgCmobWpoe85g4h4WWsyOJ38yLWsgbzFPlSgihDoaMKd9ca
WUOBWerFI1VYwyEmQ+E6gKA0qRU0B91cZtjQi7gihYP20OVPcMUhNnbW1WbgxSAaU0FR2Dr+
eMIhnXayaHe/RWq7a9uSBLcNFEqE6SQ8yKTkK5A1wXIxttyRvKNoWSFpaB2JrUdleo7CcjjK
9TTHaTLtz2lI7qWzZUew3kySorihh3CKPW4X+pcwR1PcyV7TjPpPVfh+35myeph/LNjk2rdJ
V0kQu5KVFCP6p9ox34ryjz8+Pi/QQtf5e3GpgFPUfyOAGGDGlOztwDkLT8Sa4BEpsFlc3m5W
1pbprmuJFjjTP5mNOz8T7MDRePc614lt77Rs1nt7Sea9tGEeRKhGapJoDTKpyrjNOXJ02UaF
phdnoVAHflipMmSlorZdKfHFIysSkKEKK/jSuLRkxxpky0sv+UoIwyRSMSCgPln3LT+fAAqK
dtK+ymEAIIyywABSMjMHAB4FF6KfxwACZ0UZ/CtM8ABWvEWua5d7f4MIo4S9W7EW/qnymzg0
sDus8tFpRRMFnOSlh80hrU5HqAcsZ3esnRGy8bFOaZVfSyZqe8j2EZ4mAmD0viKEKQHqOzId
+BAzufYVW52qCUqdaxhSp7DQAn2V04zfmb20Y4ureFjZkovju4ddQDWrH451pjONgTeo4ntC
QY2XWnRPZlUZfHFQSmZZznZ7qC2k+nCidSs1pK41IJoXEkLMO0B1CvQ/ITjHJWNeniTpo+Rm
HqFtsG97Za7nt8bwrdRB/pZG1sjozJJGWpXVFKjRsO8VGWLpZVfjbzFevOvjcx41FR0IP6Md
p5oFcMUnqk/HCGHQVIHTOhwDRuHpJxvaLHa4N7nQvuN0HMTt0iiDFR5Y7CwHibGWS2sdDsxV
SU9TTYN2sNYQO1aU0qrnt/q1wkwaLDZxSFldI5jWhHXt9jf0YpMzZOWk9yhVWgnLHoxUEf8A
VGLTMbImYJrgoKLQjrXOmHzXmZ8RdtwWGgnGioyrWn6MVyFwGd1yGyhzIMh/7vM/nTC5D4AQ
8p2qTIa0ftUo5p/1cHL0B9tjwX9swDFSFYVBYFQR350xSZPEU+qh6Bx7KMMEhB5rs5Ueg7PE
P6cAQF+suKA1BH+MPxwghAm9l6alFfloQTl7KYGwg449Zk41B6m79/AGV4ppka/CgeVHflaX
UcdK6l8zxMTSkhcdmMMrTZ2UULXdmeXEds0rdXeoLOtKn4DSMJTBNkhvIfF2qpOXXLDRLO7O
Ptos5ICysYyGFM/nANMunTGa2N8m8ji5Mx3GyRVjEAkXzWJYSCWhMekDw6CfCQcyaYi0ygrs
yUCoV8RPeT+PUdmNTEp/Ntm+qsXeNAzlR4adezr2e32YyujfFboYVeWsiXV1tiKxg3NZLvb4
CCSu4WyKbiEAjIz2yF6frPGP2jjNbemv4fs/zN3pb0W/HoY9vdl9LetpJaOXxo/fXPHbjco8
/NSGR5zxZkeFMA0KJln3VpgGjctj3aGLZ7KOJv3aQRBfcEAxzPdnopaL1Csu9oKnzDQZeGv6
cJigR/jkgFVM/wDksQP04lksKOSO7vE8lyrLTUmuVjQ5imkMPzwhJDG5mt6hHF2WalFLkDPv
zphyGpYLDkO67atpa7adVlErLdS3U1ZXBLaAqR+ABAfD4tWHyJdS07RzuG1kEl1aSXRI8Si5
lCV71U5j/OwK/oE6T1Jfe/ViebYrq12OJtr3V0AtL6WlykTahXwO5FdFdLEGhp4Ti1lI+1rJ
kkF56p2txc3Ftyy4E102qeQ3VwfMYZBiCpVTl2D2dMCtUpp+g1fh3qZexcchtuU3kd3v6O6m
6gjaNHhy8tpW0BTL11MqgdO2uLeUz+1qSB9Qnkl0w6CDnqWVWH5LhPKP7Y8t+b3TKDJIsHVR
UBsjn+yMNXZLoSVryadylwL/AFQqw1lArDI9xw+XpFx9Bxrv233thyPdbHcpEvri3urhL27i
YFZpfNLPImWrxE1z6ZjBZzqjRrXUYSxW7xGVZKEmgqGoaUyB6DLES5gTSakGW3jSEvqNB81e
3sAAw0wddDtywk+jP1DMiW1KyMSAoDDVrOX61cZKyN7qdAl2ZNzltbhEnjtLa6jvGchovNW3

DFAiGjspdlbxClBlnTGdpb2KrFVEqWoLGQNOVSGzJ6ghhX8Mbs5RncRRXETwsAzMNQBPb2n8
cJF7GI+oexSRW95o1xXSn6uynjOiWG4hPmRvGexldV/kcYN8Wdi+ZQYlzJWuvp90jjSOHdIU
v4Yo/kjeQEXEagfKEnSRdPZTG+H5W6+XhfA58/zVVvHpKn2nHScJ6tOvZ1GAA4ahr+WAou3G
d0P8NijJ/sSyHt6Go/I457rU7cVpqTB3JSKmUIOuVMTBUhWvgwyuR3j/AKRiWg3CM8Jza6oe
uWo/pwewPaObPcoYHOq7ZwfCwc0WnXpiYfkHtHybjCwBDjT1rWtMGooFlvEzJmyr16DDCB5H
cuyjTKpy7M8sS2EB438wEqyvTqQRT8sAoDAgGpYacq+IE9aVwajSFfLjMbAEagfmOfwwchQJ
qLqE6re4eNhmChKnByHxEb6TdLlBHcXksoX5EZjlXrlieY+JSd44XdXE0s8E3lvM2qQfqs3e
QO3240rmhamdsTexCy8S5FFSihlB6K4/QaZ40+9Qz+1Yaz7HuqhtVnKWPUhdQ99Ri1kr5itj
fkdxW3Gdvt7t7uOCSWZmAQSO8qqoOvwhiQPF4sYVxVWyNrZ7NRJLqlBWjeHLxZnPG0GEjSOf
6dvIlOmEsFgc0AQsaBGJPRiaJ7cu7Eco0Zo1Oq3E7khUDg5HxhqFSa+zrXDegq7lI51ZyPDJ
caVdTlpAJ1IRn7AQcYZPM6cT6FB4DxLZPqt9j3/a4tz41sifV7Y0yecIjfvW4gZf9IEaLzF/
Y1N+1jyf7TPlilMVuOS07aaVX7x6S1SLNdH4ZQuc8F23j3r1tmzrZxjYN13Hbri2siA0Jtrm
dY5odPTQJVkXT3Ux1dj31s3YWvPz1pdT1lLR+uIOLJjSyLycFh5b6WXCeum2rtfFZDwz6nbf
qhBaE7f5dALjXQeXp/b/ADxx9r/a0fYvllX3uNt7fNPT0+od8fzqEPL+bgOwetN5w2fhG2bh
abzebXHZTyLGiWS3FtGjiOExSagX1SEBlqTn34K1zZuxWb7t62pSz0f1Q3vr7Cm1W8QvgPeR
bhwez9Vtv9PrLhm22AXctuabdYliHnxzRLK8DwCIeFvM0mshBp07o7amX+HbuHlvZultG3pH
Va+gvmlbjEEpD6d7LuHrFu7mxgteM7ELN5rZY41tZbm5t4/KtvLI0EOz63FM8h+tjK39jkr2
NEm3kura9Uk3Np+C/Y14psZTjhGwesu5bXuez7a3Hr5bSAQzW0PlWczW6GOSPUpEaO7kSUp1
DH5caL72bsaWra/3Ky5TfzauU/P0e4OOohyXiHHPTTj27JNDb7vvu/3Ulvx0XaCdrKwQZzeN
TSSLXQuPmfR2A417HvL95etvppjr80P6rv8AL0esi1IH+3w7fsvpBxreLLhtlybdborDdLJa
GeYr++Jmd4oppGoY1Wp78YWssneZK5MtsdFt83FdPTA1Vxoh9unEOMxcv9PNzXZYdnm3+WVN
044yI0AK2TSnVFTy9UMhCsQoqaVFRjLD3OV9tnXN3rT6b9fq899hONPHRhuN8Ktbv1V5LuV1
DDHx3arsWW32BSMQT3ktshMaxEaSsKMWoB8xB/VOK7vvLrs6VrPO1OVn5Vnz/wCZ/Aqqmwjs
WwbHLzjnu8bpapJsfFpmMG2pGoiLLB57+AUUhETwqRSrVPTGmfuMjxYMVXFssTbr4YkyCh9V
OGcl49ua77Y2fH97tlWbYZLO3ncSGhYQSGONstSBH10UhqgAjLrX9dkxZavFZvHtZWt8V40J
V11LfsvO7HcfTbe+YHjm2xT7VM0MdkIwY30rCau5QN/pz07sedm7JLu6YuV+Nqz9Tnr+hSeh
lW485+u3K4v1sYLUXLahb25KogChQF6ZZd2PoKYeNVXyDkItypyTSBPixw+LHJ7+82pSptwa
55Of5wcLiwlAHf4WNDGwHYSQ3bXPJcKGMUTctveuqTQD0Din6Kj88JpjDh4JD+6eN+7S6kmn
XLCkDp6bedpntoNsvWkaVkhmldA3liQEPGpkjK+JmHT4Y7Pu12Zz/Yv9SHk++bfDEZXYvG9N
KRqXc5VoFX9PQYp5EjNYrNjB7O0vrqa7uoxMraEtY5oqNCqg1dNXaxb5vZ1IxEJ6mnJ1SSGl
it3Zu22Xs6ylAx2y5ZtUksCrqdJqjOWKp8QPiShPiDYF5BvqN91t1nsylGEiAmtB4QcicKy0
Lq9Sl7vdbPxrg5/idj/FjfXhunsI7g2uVufMhZ2j1MEUxJ4SKGuYplj5+3b5svdWsrPGqVhO
Jmd4n1nRZyoK9z682Llm2emvPbGWK3Ntu1ks1vLLGHit5bmMTK5bQT9PcQ6S1OhJ6YjssGXt
7Z8LTdbUtxcbuHHvTMbNW428mn+vj1kdz/1I3+09dNo2zbORunGJrjaxdwQTxG00SSUuA7Cq
gEfPU437H+vq+wsrY/8Aycb9NdtDHJkauvHUrvqFuW2t9y207hBeQSWK3uzNJdpKjQqqBFct
ICUAWmdTljr7LBdf1zo0+fC6jr1Iyv8A8iPc33Xa3+5vb9xhvIJLAX+zu96kqNAqxxRq5MoJ
QBaZ55YO0wXX9a8bL58L6tT58L6dcoZH8/j0l3596l7VL6lcY47t11b/weDdLPct83GOVDcQ
VOgpBEqliTTVp/Yx5/Y/116dpe4GxjQ23A8R3H1n3vkG77tYjjGxQ2
l7Iwnif6ueO1QxwwqG/faWQswWtWCr+tjTHiz17OmKtWslpT/wCVTq/0B3Cy802X1W4Tu1pu
1xZbDyfa7qS72P6qeKBHjk1GGLzJGTVqSsM1P1gr92IXY37PuK/0F6Ko7SAJGTVqSsM1P1gr
48eH6BrN6jXew+hnFP7ub5DZ8gWdYby1ja2muVgJuWcSQCVkGrRnp7u/G+PsOXe5bZKTja0
b2nQnnoVzgnLd23T1P4/vXJzM5incTX146pACAV0RxJbqABU9RZABU9+OrvsH1r4dsFHhrk
RVTQ909QtpvfWLYLCG9ldQ/6LbT3tzZy65zLq8sbqnm+Whr8xbvGPMMr/AF969ldQ
3lulK66NQvYW2p8eQw2Xm/GLX+7XqQDjXKpisW7ROrQI7QeS9ZV1LokR8pPlDLn1r3H
Y5bYcNqf+3Etn1/4fEjZ+78Ct3PF/TjhvFvAVDKlxMIJH0glg8m
s08IVa1OO7Hk7nNkq+WWh4ivINntPQfle1XG5W0W83N47WthLK3ctr4k
hJ1MPA3Qdh7sRm9e9v+pkRhv/AKiqvTx5Ga/WvUiBhXXKor+Bx6nHyJ5B/PtmqApUew1r
78KGCaAaehNCT7RT4HCgJE2uHHiDLsFDn7MPiDsb/cBcaTrtaf9gucb+fcD8
Ox2hFt9vbA+Ui+IhTQDNezpT7qjDXe7ixPdB8SHqvjIVa5jjLFJGtCuTntB
M/04TNKojN3jnutpklgkC7jZ/wCs2MpFQpQtPFQ0RxaDMRpbI3xbZlj+hLljDV0EbHc7Te
Np2/fLGos9ygE0E0gfJnhoGzHUHw1FvTeQpx1hptfLGq6rONMANpkEzLF9+2dQaFNaFe85FZjoalohtyVHXpRv
1uh00Rh97tAhnm2WLOOVnvNic6jwbxJVrtmUeBuWoR0sAvbGfjP3y1f77axhFi+5pUNK3
1EUBD+rQU/DHSmcN6wwGiRVGlR5TjUABlnXI/hhyS0FCoBpCjRnVQMsAC0bKF0gAJn4QBT8M
JlpjiNoxp0o0J/LQDWFtZiYgcjuKK3A1uAXI69uM230N1RdAAV8I
FAR7MJVB3PNerQqTl3fy7MVxqK9mghl04ypyZYyD0p0AeJ5kD4QsRIE7
4fDFqxPAyKpAbz2f1LTnZ1JB9U6vqG5iQoXhHLUUGAnzCjRvLIjJmkRzvbkcz

6ebqrKR3gj+fBIoE5I5Bnp6Z5GtcNMTTO374GNTQ0A7f6ta4m2xePUPYTK2oEVMYNOta06Yq
jJyIbblGUk1E0BWugn8QcTZQyqPQa2k9AhWTVqBBk6gZVr7sQkaWKnspsOKcsPDw6rtnJYG3
jYAciL6MLHfWy08NJgq3KABRq1r2jFqYj/X8P2MrP5uXmJcz2f6q2eHVpcUMTnPxagVr/VPy
nGOSh1Y7nP8Aza2vra9e6tawX+1yrcQutCyupqaVyy7ji8MTD2ZGdNqVutShjcdV59RcwRzR
yEmeBaxhlJ1EL1CU/V7Bjr4aRJw/d+aWkyQTZTIFtYZ0uVuoXu9pmXLzGjFZreRTnHKFBqv7
QFKhgcQ7xq+mj/J+PyLWFvRbPWv5rx+ZDggqGGYOYONjnBBp7cJjkcwRsRnkMsRZwa0rI4WU
ITTsBFfj34iJNZgEzmg91AMNVIdgjTE9T17MOCXYGMlsmOX55YYkLxuEPdlSpxLRSYdbhFav
TsJwmh8g0lyKCh8RrQ/pwlUp2ETOTHQntxSRLYTz6DtGKgmTwuBhQLkKLd0yApTOnZg4j5Cy
XrUqDSnvyxPEpXDG6lamdaHLs6+7BxQ3Znd19GXti65afxzxFloOjhjXbVeLSGqBIamv7Hbh
rQq7kdXUcbxsuTFPlH59cVaCKshh5Z8hYf3UkjtGR7ArE+GlK0GWMk9TZ+kyX7n7YxbFsXJb
a4e03faNxjWwkQt4S9ZNUY6K6PGjV7QMaY7Rk9aMrqcb9DTJfiXqFtvP+Nm7QLbbtCFg3q1y
rHM6j/WYUBZvIdidFemansrh3FeO2zN+3urewwa95za7jI8l5EtrucbTQyl6mBwhKozJ4mzA
0suo1PcDiv47W2qH/Jq5T0ZQyQSTSgNTTsFc6Y7TzGWDiNyJLk7UzCOW5dZtpvAQj2u5RUaC
ZXIPhfTokXtFD8yrjLMv8l039K6o6e3tL4vrt6LEj6hbLLBdW+/x2YsrbeqtdWSgqLXcEANz
Bo/VVifMj7Cpyxn2+SZrMx+HT9y+5xNRaIn8StRwR+SkxcEtloz1Cnf7Ma2szOlFEgmalAOg
7MSqlu4mHr1xcGUnjJ7emHBLZ4OT8MMQoJe/swoHIYS9ndhBIGsk1Jy78ABvNPXuwoHIQyH8
ezDgUgGQBSzmi9pPT88ECksXFvT7nHKip49slzewOTS9KiG1FOv+sTaIzTuUk+zHPm7vFi+u
yT8t37kVVNkzyn0h5dxvbptwklst1t7Msm6/wuZrh7F1+YXCMiNpH6zqCFNQ1Op5+3/s8WW3
HWre3L/L1FvFZKSmxyL/AIRjvgiRQOoFR2YAk77jmVrcuR4SRUH+bGaehpA3lZVTMg6K09xz
pgGkKRP5sRZTUkZ0w0gejIq+tZo5VuBIfLgKyP0AIBo3u8Jxk6OZNq3UQZx9xNrY33pTuNxK
rNcbZd2s9mRWqSM/lPrp+qUdga+zF0eqM710fqOaeEcuvOJ8mtd5thrRA0N7b9k1rJlLGcxn
TxL3MAcb3pyUHPjvxcjXlV3t13yfdrra2LbfdXcs1qxQx1WRtVdBzXMnLE4a2VErbwVndXdu
uxF9ufbjQxPA0NQaEEEEZEEGowDRquxz2nKOFmyv5E+quJFsZZ8gY78Fmsp6ZA6wPLenY2OO
1OF5Xr/U9Kt/uY9fUzNZo7i1mls7lDFdWrtFPGexlOeOiJ1OSWtHuhEtVv04ohuWCBlkMAQB
3DASDlXAAIJpT8sAg2rrgGeJwAKWttc3d1BaWkbT3VzKkNvCmbSSyMERF9rMQMTaySbeiQI2
3iX2rcivwk/I94ttsiqC9lY0vLnr4keQ6IY29o148TN/e41/61y9L0+G/wCBssFuuhr/AB/0
T9KeHwfXSbbDPLbDVJu29SLOV0muv97pt4yO9EGPIzf2WfK45eyun7v2ybVxV9ZUfU77hYfI
l2L081bru0oMTbzCha1t6nSfp8qTSdzDwDI1bpjq7T+s/wAsvy18ur/T8fxFbLH06vx7/E+R
C/b76a8w2vdpt73fXbWU0bo1pKdTTGT5mkBrWtTWvXE/3Pf4r1VKatdfIvt8Vqy7dTPvW/0/
g4ZzRorBNGx7tGb3bU7IaNpmtx7InIK/1WUdmPY/qe8efDNvrro/yZzZqcX6zP8AURTHpmMn
dNpvcE0CjUpSShDIQw78cdMiZ6NsLQ9aaOSLLxrTt6EVzxrJjEMRtr2KMhPDH5j6Y6soLNSo
Cgkaie4YFdFOjY9VBdK0ZPhdSpzFDqyIIxotTJuDOPUrbJdw9LOUW3lsXNmZ41DZ6oGDtmO4
p0xitNfSbvXTzTOP9t2+/wB0v7ax263e6vbtglvBGKszHPtoAAASSTQDM46r3VKu1nCRw1Ts
4Q43HYd826e7e+2+4t5klEFGjYqZGFHLDNdOjZjQIQpuj
08mtotCwSlvMQVdKBfmUdRinlpvyXvQlVhf4ffhSxtLjSsRuCTDIAIQSplPh+QFSNXTI4bvX
zW8b9fIfE8bfc7S4DC3nhu7QJcikV0uuVije3DV6vqvL9gUplx5vtN9usttyCxb
gy3iL9ZAkMjMpANagLWsbKVOMK5a13aj1nVlpeb6Fleb9FceUIRcmTyZdHkQnUCbV
5Z0nx9MjK7St436+RhAqNk353ea6fC+Gdeb+tP6+8jHsoNGSBuymcuxPV7UtMn4+bnc6IIeMFh
4TTD2fHt+u9uztCaSwsZo7a6noNb5EDYdw3SW7WXZKWtw+DBW6kMd+Ngl0f9tlSrtg9anmNq
Z7+UxSQya4LbMhKbS4yLLsfl/l1GSmcjjpDNWfd+VWYe9WQLx+5v0rVnvUcoLX+qCCaTB5wa
iSnU5R5nR+tVbefqE0s5R35eHWSBLzTNL51imPpeSnVsRzGV6jpmCWPhLCVmRUoxFNXvrp2+
RjieCXejeVtpvmHNOIx8XKXPlAl8KNJMAxPOmqZ40oZEmFfCVeGPgl2I+0Q+zhbGp20T+kz2
3vEdW8lnPP9Y8CHMkYa3cMWZbpyE5s+UYo+Ns+b2cRhW4Iy89HcaBWQqdr8mfdhXcgYHrghVQ
sHIGDydpNV8XE6i3yQMQTkdVCT2jbbYazuLfmGSOt/W+eXgsRSn77ZbVbtH+T5B3Z5y8MG/B9h
6kxPxqpMMjNLqiv5Z1CSwO7PzPEBLKTlDsQdCFf5FTHfbW1l6yFZO1Oh3R8y1k9n41fnwybq
3c3e6uA+Y10k6elzRn7mz7gGs0dW7NTtbPbgDUYfWlLFmSjF7xQvPVtS4GGTLtF8sdiOdfuvtf
10+GDeJVQJj4pPSaOH2xfcl8vBqFMF2jqzvWIP2e7gW0AMuuSShJKOAS3ljUpQ0AzMPzgHDoaEwcS
5oWfFa/8pc8qf8f8mXZsN0pZd3JFHdrpmtvaaEsCqC9otAMuhrY7JLm0vrsX2utn2Jfbqrzq
BV+bnZ9r36B72zD8r8vvbsHuFgdN4GeXMgaTyIE0k5g2+HW3RvNHPNJ4S7d6vq3aS/3uV9XJ
l6ybKr9dp7uP4Udk/9VE+2jd/L/pXx+hj+eu1rz+vxgzPCtkpy8bNpNUU+P1KHfgW+fd9Y8
/TxvvGx/X/Wsc7tbft+VcC3E9LO3DK5+LrIa4L9a+36yp48tsvUz+kdz5J7tk+f1j4RmvfE
OwwluAGPVBNVPpcJFj9f1dGYq6xkbe6Ub5MxqXbuB5f+W6r2fX1j9kVa55/VqA1t3/tbZfaC7y
k8t7jSZSaHzkwhhgM+6yFpS1rx9nv7GhAeV7MbjlRTI6ij06uIFx7mUKX5m2G8qryNthcYz
ZTHj8dXeVM9R0ziWpaZVpVCqHOexBGjwrwIe+QQPIy2NOtRwx/DQbfFRDyuD/xE61pl6zP37
yL67lrdz77SXRevt3WpsBYIwV2JmHb9b4ZHqfUZzkvZ5IXiZtEZJ2Ri6hEtcg7T1NU79X2VMIIf
kgMwz8vMxLK0xrclQU/96T0yEWZYOttmU+bSrl2+x6Vn3vyaLO6zerXXbZ6cKvwJTfbabpRb
MdTXVgRw8VkBCfSBtYnU8NrftGyabEaWT8AvjnSYEOQuYqxnNVbR8Ff+3KgKStNrrZW4
+F8uLdrJm+kJZSfiFdJtnjFJOzENfr/QCgarN2OIxcSm+5Dvib6LQ2kZc+OvYOCdcN2ALoF

LcQ3LTJO5nGtW1glZgsjAGOrfKpB8zN23aVtx1TWr9Khr9tOuh24sl2uXmQEHJPXGea62ddv
iPnxvYy3jWbiCaQK0LSo58LSSBdIUJoyFEFTW3i7JJWnbX6tV1+Hv9JLvm2a+Ayk5B60bk9r
cybMzwRM1xHZi30RuNzR7aRZVMwlIufqXoNQYF/BpGkY1+12lFCt7Z/1h7xHywvdr1M3fK90
E2/e/WvbJdwv7baJzc3O53F5dXRshIyXcgjuLpY1U6Qki20ZbwnJaIwJNXenZ3STdY4pLXop
S90v3k1eWswvgF3C99adznRLjZJ/qALuCKb6XS4huYpbeS2WR5CGVRcOsYJLa2Aqx0jFUt2l
U2rVj5W9eqhpx7FPo9oXeV7pilhyj1n3Lbjf7fZRPYbtcC6M6wW6RyXEDMZZ3Eki08yS2YyG
QaCyZUpgtTtMduNn81Kxu3p5ezlp11FW+VrRaB4eQ+ulmpu2tfp4hHrujcW9rCpEUf05FyZH
jKyvHKvhYq7jQygihwcOzs0lDfSJe7nT0SvUtZG75vJi95yL1z24iZdtS3e0WO2na3t7W9me
dYoka6cq08rOywojOvgX5MjlhUp2dtJnlL1bWktx085S9oO+ZaxsUz0u5Jb8Y5/x/e5mC2Vr
crHdSHottcIYJX/yUk1fDHX/AGHbvNgvRbtaetar8DmxuLJnb+43tvt9nNeXPmGCAan8iKW4
kIrQaIoVkketf1VOPzetHZpdfd8XoerOhTU9R+IbpfbUlxt96Wf6LcdkuZrcFD/EWmtLS4DI
z+T5j/ugZKf2i1Azp3/wstFZprTkra/6xay9Mb6f6syd6uPHj4Fbv+T8k5PDa2+yrcbbabva
rdWKWwRnt4NxjurLWXt41aOS0vo7aaaklVErq3hU46a4MeFt3izq49brxt1eqtXlVadF5k8p
209PjyH8vC+c8oN+3Irhbey3EW93BY3D+fbwNG9rcxW0ljmuqF4poZWV1Do2esnwR/KxYo4L
WspvafqU8vSmmlGjXTrSUrx6PHjTPvur5Pb3e+7Nxm3NZNsSS+3ChBCSXQVYIiOxliUv7mGP
f/8Az3bumB3e93p6kcncW1jx43MMpnQDHvHMyb2GQ2V8sy5SEqFfUUAowbxdjDLMHHDk+ZHu
4a8XJ0JsvLdr3b6Vbe4C3bKfNsCalo2bxaanPQ2Yp2Y4a1b0fTQ0yU469GG5ByG4sbm2sbG5
eS4r5PjjPzscm1A+HSuJta1XCexpjxqylorHO/U3mfF9w2y1aeK7gvP7dpIqtpX5gjAqQT2V
x1YW7py9jmyKlWoW7Lx6b+pcPLdtdpYlt9wtH8m5tgxYaGzhlU5HPMf4wx11ttJzZcSUwc5+
tuyHavUjdtK6YNwcX8HunHjA90gONsL0jyOPPXWSi1Ne7GxggykspHQjEjDxHV4ep6jvywNF
VPMg6Hoez2HCTG6l24fzTkgvPppdxeWMu9x++VJfMlMH0p88yKxmX6cmMJJVQtQBnjky9vj/
ANfR8Z9muunU6sF3aU9yT5L6i+o9hdW80W+3MfzhSFiOkyMzNpqmWosa94y6DGVOzwOVwReX
JdJNMrZ53y0XUd2dyP1iC3H1AgtxI30kqzQGVhGDI0bxJRnqaKF+UUxuu2xxx46a+f8Alo+v
WTF5LeYpN6nc8k+be5wQzujRrCjIZI/JcIyRqyKU/VUgV8XzZ4K9nhX+K/4akPPfzPf70PUM
yCRt+uGKsWUMsTKrltepVZCoZXo6sBVXAYeIA4P4WH/RePHu0Jee76jfZOe8r2aFLexvR9NH
C9vDbzxxzRoshmbUFcEFle6lZS1c2OWLy9rju5a1mfw/Re4muWyDTc+5tcW0lrc7zczwTQyW
86SlJPMSWmsyFlJd6KAsjeNQAFYAUw69tjTlVSac+P02B5rPqIXPMeWXNpLaXG73UltNMbmW
PzNOqUimolQrUyrprprnSueHXBjq5VUnEewHls+pEhRSlAV6EdmNCDor0P8AXmxtrC14Vh
2yNtccDnpJeOh8Kr18sHW3TIeIe//W/0l8rV8Qq44/izHLnVfX48fgck3+43+57hc7juNw11f
3krT3dy9A0kjmrGGHsAyAyAyGWPs4S0xW1IuHK/9q39GBMNxHsbJRcwF6RfhRBFnqaJcw4S
0s7W+4QkrMdRyBp+2upVm2l6GSV56icLu0vr+6hqkLu/0vyLi6Hhq7Q8Hd7Vp7Sk1Sc5H
WRrZIiuQcp3nfzJPuVz9QwYGJQoVEpWmgDp1xpTGq7Gd8kh+HcsuuOcht9yRmQmZbCx5ItsdOocA5
8Y96/MPaxI5TuaN8ve8y5I5TuaN0ncH24W6Gd8xe0x3+ybRyKI6PA5
p7h3/DG7tCk5KUdnCH24W6qqzxLQCiOPZ0DYxxX6M6u5xJLkvHkM1fSwI6j9Ixscsj67RQiS
gUSfNe0VGRWvsxktzotsG2dtO4R0bSCaA/pGDJ9YNLIuvsN7QT5xR+0nkKbBzvRVUP8fznTV
nrNDO/MqOuOyDzHYLyZOnWwvVxyWjB/uHSqmEAWNDk0n4ieG6Wx9W7W+48l3O5t3FHgNzI
exKU2Peb7bIq6jDa3EkcVT2mOuj/AKuIyYqX+qqt60NNoebn6ieoG6Oqf2IcgeEBXcBjZD/wz
iMO5ljKA/HCpgx1+mtV7A52KK+WAcD1OrfyGOE94Oemf
5/4MMQkep/kMUZhW/sx8v82Bbg9hF60PWmfy0pgJG6z0/3JQ+fTT9ElP4rXp2U8jxf4vwri
nuZPx+5z1YU86WlKU7K0+bsrnTGuXZGHbbvx1H15X6Gb5q6c+lfj7MY4/qR15/8A1sik6Dp8
fd2e3HUeZUlMv4E1dNPGnGnXrljN/Ujav0nDS2r50VK11rTTV1HSuX44HFehpHJd
P92I+nQU66fkHy/9quOSn1Hfk+ky3LUFf4MDAUj69uEwQdf
mGEykG/W7MJlLcH9NMCKD9pwEsJ+GBEhh17O3DJFh20/L/DgAFqVHTqls/9k=
/9j/4AAQSkZJRgABAQEBLAEsAAD/2wBDABALDA4MChAODQ4SERATGCkbGBYWGDIkJh4pOzQ+
PTo0OThBSV5QQUVZRjg5Um9TWWFkaWppP09ze3Jmel5naWX/2wBDARESEhgVGDAbGzBlQzlD
ZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWVlZWX/wA
AR
CACwAGQDASIAAhEBAxEB/8QAGwABAQEBAQEBAQAAAAAAAAAAAAAAAcGBQQDAQL/xABAEAA
BAwIC
BQoEAggHAQAAAAABAAIDBAUGEQcSEyExIkFRUnGBkaGxwRQyYdEVIyQzQkNicoOSNFNkgrLC
4fD/xAAUAQEAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA/8QAFBEBAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAP/aAA
wDAQAC EQMRAD8AoCIiAvlUVENLA+eokbHEwZuc45AL6cBmVJ8a4jfd651LTvIooHZNA/bd1j7IOnfd
IUz3uhs7BGwbttIM3HsHN3rIVd0r65xdVVc0pPWecvBeReikoKuufqUlNLO7+BhOSD4skfG7

WY9zT0g5Lt2zF94trm6tU6eMfu5uUPHiF5psN3mCMvkttQGjiQzP0XMILSQQQRxBQWDDmK6O
+t2Y/IqwMzC48fq08676gUM0lPMyaF7mSMObXNORBVgwlfm321h78hUxcmZo6eY96DuoiICI
iAiIg4WM7i624cqHxnKSXKJh6CePlmo4qVpQcRaqNo4GYk/2lTVBpcHYZN9qXTVGbaKE8rLi
89UKq0tLBRwNgpoWRRt4NYMgudhWjZQ4coomAAujEjj0l28+q66As5ijClNeqd8sLGxVzRm1
4GWv9HfdaNEEClifDK+KVpa9hLXNPEELQYEuLqHEcLCco6n8pw7eHmvtpEo2UuIzKwACojEh
H14H0XAtTiy60bm8RMwj+4ILsiIgIiICIiDHaTItewwSdSceYKmCr2O4DPhWqyGZjLX+BCkK
C3YdlE2H7fIOeBnkMl0ln8DTbbClHvzLNZvg4rQICIiCXaS5Q/EEUY/dwDPvJK4Fgi21+oI+
tOz1XQx3NtcV1e/MM1WeDQvzA8BnxVR7sxGXPPcCgsKIiAiIgIiIPPX0za2gqKZ3CWNzPEKE
yxuhlfG8ZOY4tI+oV+Uix3bTQYile1uUVSNq3tPHz9UGp0ZVYktNTSk8qGXWA+jh9wVtFJcA
XH4HETInHKOqbsz28R5+qrSAvwkAEk5AL9XFxdcfw3DtVKDlI9uzZ2u3emaCS3iq+Nu9XU55
iWVzh2Z7lrtGFFrVVZXOG5jRG0/U7z6DxWFVjwZbTbcO07HtyllG1f2nh5ZIO6iIgIiICIiA
s7jWyG8WcuhbnU0+b4/4hztWiRBAopH087JWEtkjcHA9BCt9muMd2tcFZERlI3lDqu5x4qfY
+w6aGrNypWfo07vzAB8j/sV8sB4gFrrjRVL8qWoO4ngx/MewoKopppJuzaiuitsTs20/Kky6
x5u4eq2eJb5FY7W+ckGZ/JhZ1nfYKPxx1NzrwxgdNU1D+9xKDr4OsbrzeGbRv6NAQ+U9PQ3v
VgAyGQ4LmYds0VjtUdKzIyHlSv6zl1EBERAREQSiz47udvAjqcqyEf5hycP933WppNIdomA+
IZPTu5826w8QpaiCzQ4ssUwGrcoR/Pm31XsjvNrk+S40p/qt+6hqILZdKi21lrqoZqqndG+J
2f5gPMomiIPRV11VW7L4qd8uyYGM1jnkBzLU6NhSMulTPUyRskjjAjL3AcTvyz/+3rHIgurr
nb2fNXUw7ZW/deeXEVmi+e50o7JAfRRJEFeqMb2GAHKrMp6I4yVw7jpIZqltuonF3M+Y7h3D
7qeog6tViW81U7pZLhO0nmjcWgdgCLlIg0lnwTdbmBJIwUkJ/bmGRPY3itTSaObbGAaqpnnd
z6uTAtmiDgQ4LsMI/wACH/V73H3XrZhyzR/LbKXvjBXURB4PwS1apb+HUuR3fqm/ZSrF9nZZ
b2+CAEQSNEkYPMDzeIVkUz0nkG8Uo5xB/wBigxaqmD8NUNPZYaiqpo56ioaHuMjQ7VB4AZ/R
StXOzkOs1ERwMDP+IQfN1itL/mttKf6TV55MKWKX5rbAP5QW+i7KIMvUYCscwOpFNCelkh98
1w7jo3ka0ut1aJCODJhkT3hUREEPqrHdKSd0M1DOHjoYXA94RXBEBERAREQFLdJTs8RRt6tO
31KqSkukOTXxTKOpGxvln7oMyrdhx2vh23u/07PRRFWbB8m0wtbz0R6vgSEHaREQEREBERAR
EQEREBRjF823xRXuzzAk1fAAeysxIAJPAKD18xqK+omO/SaBO/SGd4vnn+FvFI9vnn
7qTKjaLp9ahroM/kka8d4y9kG6REQEREBERAREQEREHlukuwtdXLw1Iu8ioSrPi+bYYYr3Z
5Ex6o7yB7qMIC22i+bVulZRSR7Nn/Id4/1YlafR5NssURtz/Wxvb5Z+yCsoiICIiAiIgIiICIi
DKaR59lhvZ575pmt8Mz7KVKg6UqjkUFODxLnnyA91PkBdXC0/wANiW3yE5DXHBp793793uuUvpTy
GGojlHFjw4xQXxF/ETxJEyQcQcNBHev7QEREBERB/9k=